

Истории по жизни как жанр

«По жизни» — разговорное, почти сленговое выражение. Его применяют, когда ходят аргументировать к приземленному обыденному житейскому опыту. «То, что ты говоришь — это по науке, а по жизни получается наоборот». «Я тебе по жизни говорю...».

Истории по жизни — это не просто реальные жизненные истории. Эти истории рассказываются в разных ситуациях, но у которых есть что-то глубоко интимно общее. Их рассказывают, например, в больничной палате, когда люди ранее незнакомые поставлены судьбой в положение, когда надо знакомиться, когда молчать просто невозможно. Их рассказывают для поддержания разговора, развития его темы. Их рассказывают в купе поезда, в застолье, в ухаживании, детям. Etc, etc, etc... Короче говоря, в «ситуациях общения», когда люди делятся, наверное, самым интересным и важным — житейским опытом. Ведь это самое интересное и важное — быт и нравы. Вот рассказы в духе Боря Житкова «Что бывало» и «Что бывает» и идут в ход.

Но это не просто байки, историей по жизни является не всякий рассказ и не всякая житейская история. Это не может быть пересказ прочитанного — «Вот я тут в газете прочитал...» или «В одной интересной книжке написано...», или «Как вчера по телевизору показывали...». Такие вещи тоже рассказываются и обязательно, но это не истории по жизни, в которых речь идет о лично пережитом, о том, что было лично с рассказчиком. В крайнем случае — с его близкими или друзьями, то есть людьми ему лично знакомыми. Иначе говоря, это истории повышенной достоверности. В этом их особая значимость и ценность. Как в плане достоверности, так и в плане значимости для рассказчика, а значит — его доверительности по отношению к слушателям.

Кроме того, это необычные истории, выламывающиеся из обыденного опыта, остраняющие его. Поэтому такие истории всегда поучительны — в том смысле, что дают новое осмысление привычного, содержат некоторый урок, мораль. И при этом они должны быть занимательны и даже смешны — в них должна быть радость понимания: «Вот как оказывается в самом-то деле». Они чем-то напоминают анекдоты — тоже важный компонент общения. Но анекдоты — типовой опыт, смех по их поводу важен для ощущения и переживания «мы» (вместе смеемся над одним и тем же — значит, мы вместе). Истории по жизни — уникальный опыт. Тем не менее они достигают уровня осмысления и обобщения, близкого к притче. Наверное, они и есть своеобразные притчи, легенды как часть личной культуры. Ведь в каждой культуре есть легенды, притчи, герои. Поэтому истории по жизни можно, в конечном счете, понимать как личное предание.

Если суммировать сказанное, то получается, что истории по жизни это рассказы:

- «реальные» — в них описываются реальные жизненные истории, ситуации, события;
- «повышенной доверительности» — участником и свидетелем описываемого являлся сам рассказчик или человек его близкого круга;
- «необычные», т. е. содержащие эффект остранения привычного;
- «поучительные», содержащие некую мораль для слушателя или читателя;
- «занимательные», слегка *funny* — в них должны выражаться положительная эмоция радости узнавания нового и чувство юмора;
- «уникально-личностные» — в них фиксируется и транслируется уникально-личностный опыт;
- «персоналогичные», выражающие личностное предание как часть личной культуры — отсюда и их притчевый жанр.

Истории по жизни — жанр обычно устный. Насколько я знаю, это первая попытка их систематического описания.

Как систематизировать такие истории? И нужна ли такая систематизация вообще? Думаю, что совсем не обязательна. Но полезна для изложения. Что до меня, то я решил идти чисто описательным путем. Поскольку это мои истории по жизни, они и выстраивались как сюжеты моей жизни. В этом случае, однако, возникала опасность скатиться в жанр простых воспоминаний, в факты личной авторской биографии, которые сами по себе вряд ли будут кому-то интересны, кроме самого автора и его близких.

Книга писалась в два этапа. На первом истории по жизни были записаны в соответствии с хронологией основных этапов жизненного развития автора. Для меня такими кругами жизни, фреймами жизненного опыта стали: семья и детство; учеба в школе, техникуме и вечернем отделении философского факультета питерского университета; места работы; походы и клубы; две созданные мною семьи; строительство дома в деревне и летняя жизнь там. Мне пришлось много разъезжать и часто болеть, видеть «быт и нравы», страдания других людей — это тоже мой жизненный опыт. Сначала хотел оставить этот текст для внутрисемейного использования — пусть лежит в нашем архиве как часть семейного предания. На втором этапе все записанные истории по жизни были раскассированы по общечеловеческим житейским фреймам: роль родителей; человеческие странности и слабости; отношения полов; превратности человеческих судеб (в духе «судьба играет человеком, а человек играет на трубе»); дети; работа и начальники; болезни, исцеления, смерти и врачи; приключения (неожиданные ситуации и нестандартные решения); языковые курьезы. Они и составили структуру книги. Но большинство историй не укладывались в какую-то одну только рубрику, а затрагивали ряд жизненных фреймов. Тогда я решил оставить «хронологический» порядок собственно тек-

стов историй, вынеся фреймовую структуру в начало книги. Получилось что-то вроде индекса — предметного указателя, но не в конце книги, а именно в начале, как, собственно, главный результат систематизации.

Эта книга — не изложение моих взглядов и концепций — на это есть свыше 400 публикаций, включая более 30 монографий. Но эти истории и не воспоминания в обчном смысле. Я сознательно ухожу от политической истории. Тут-то, как раз вспомнить есть что. Но это был бы уже другой жанр. Здесь речь идет фактически об универсалиях, о ситуациях и проблемах, с которыми сталкивается любая личность. Исторический и бытовой фон узнаваемы. Это факты конкретной — моей биографии. От них никуда не деться. Но не они главное, и я как мог отводил их на задний план, выводил на первый личностные особенности, отношения, жизненные фреймы. Необходимая очень краткая вводная информация дана в нескольких фразах, открывающих каждый.

Интересная деталь. По мере записи своих историй обнаружил примечательное обстоятельство — их количество убывает по мере прохождения сюжетов жизненного пути. Наверное, это подтверждает сказанное об историях как о фактах-событиях личного жизненного опыта. Разумеется, они в молодости ярче, потому как — «на новенького». С возрастом опыт насыщается. Нас уже трудно удивить.

И еще. К концу подготовки текста возник нравственный дискомфорт. В историях упоминаются реальные люди. Узнаваемые. Истории могут оказаться обидными. В чем-то несправедливыми. Думал уже снимать некоторые истории, убирать имена, а то и вообще отказаться от публикации. Ведь не все же, что приходит в голову, даже важное по жизни, надо записывать, а тем более — публиковать. А потом и решил. В конце концов, это ведь всего лишь мой опыт, мои личные мнения и оценки. Родные и дорогие мои, эти истории, в конечном счете, не о вас, а обо мне! Это не вы такие, а такими я вас увидел, мог и «соврать как очевидец». Простите... За базар отвечать только мне.

Задумана эта книга была довольно давно. Но так складывались обстоятельства, что записывать эти истории у меня получалось на протяжении нескольких лет только в двух ситуациях: в феврале во время работы в Институте Ренвала (Renvall Institute) Хельсинского университета и в июле-августе во время летнего «отдыха» в деревне Мишуково Шугозерской волости Тихвинского района Ленинградской области.

Истории по жизни: тематизация

Болезни и врачи:

I: 12, 19, 38

II: 2

III: 24, 27

IV: 33

VI: 9, 10, 11, 13, 47

VII: 14

IX: 50

X: 40, 41, 44

XI: 18, 31, 34, 81

XII: 15, 26

XIII: 51

XVII: 14, 24, 33, 41, 57

XIX: 1–12, 14–22, 24–36, 39–42, 45, 47, 50–55, 58, 59, 61, 62

Власть:

I: 9, 10, 11, 13, 24, 25, 36

II: 7

III: 1

IV: 26

V: 15, 23

VII: 10

VIII: 1, 5, 11

IX: 3, 21, 36, 42, 52, 54, 56

X: 18, 19, 28, 29, 32, 33, 39, 45, 46, 47, 48, 53

XI: 3, 20, 48, 63, 66, 77, 80

XIII: 10, 27, 40, 52, 56, 66, 79

XIV: 1, 2, 3, 6, 9–11, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 25–32, 38, 48, 51, 55, 59, 60, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 76–79

XV: 6, 7

XVI: 12, 19, 28, 31, 34, 37, 57, 67, 76, 89, 91

XVII: 10, 51, 60

XVIII: 1

XIX: 15, 16

XX: 13, 30

XXI: 2, 20, 21

Выверты судьбы:

I: 13, 14, 22, 24, 27, 28, 29, 31, 33, 35, 39, 40, 42, 43

III: 2, 7, 26, 29

IV: 35, 37

VI: 24, 25, 27

IX: 3, 7, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 71

X: 1, 25

XI: 23, 24, 29, 40, 60, 71, 72, 75, 79

XII: 10

XIII: 38, 39, 40, 46, 47, 52, 59, 73, 81

XIV: 2, 4, 5, 6, 1, 12, 13, 19, 33, 36, 69, 71, 75

XVI: 6, 70, 71

XVII: 17, 31, 32, 41, 61

XIX: 54, 58, 60, 63

XX: 50

XXI: 21

Деньги:

I: 21

III: 35

XIV: 42

XI: 81

XVI: 36, 89

XVII: 45, 46

Дети:

I: 17, 19

II: 3, 6

III: 31

V: 28

VI: 23, 30, 43, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 68

XII: 5, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19

XVI: 51

XVII: 12, 13, 14, 15, 19, 30, 34, 35, 42

XVIII: 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13

XIX: 4, 8, 9, 10, 14, 36, 38, 55

XX: 4, 51

Друзья:

I: 1, 11, 21, 37

II: 1, 4

III: 8, 9, 22, 25, 26, 27, 30, 33, 34, 35, 36

IV: 34, 37

V: 2, 5, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 20, 22, 25

VI: 21, 28, 62

VII: 12

IX: 4, 5, 6, 21, 22, 23, 46, 56, 58, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 71

X: 4, 11, 30
XIII: 12, 13, 15, 23, 28, 51, 52, 58, 67, 78
XIV: 17, 33
XVI: 54
XVII: 20
XIX: 38, 59

Животные:

XII: 6, 7, 22, 23, 24
XIV: 74, 79
XVI: 23, 24, 27, 78
XVII: 28, 47, 48, 58, 62, 63
XVIII: 6

Картинки «было»:

I: 1, 4, 6, 9, 15, 16, 18, 23, 27, 34
II: 3
IV: 24, 27, 31, 32
V: 19, 21, 23
VI: 16, 17, 18, 19, 20, 45
VII: 15
VIII: 4
IX: 9, 17, 25, 41, 42
X: 3, 31, 37, 38, 46, 48, 49
XI: 3, 10, 15, 16, 17, 20, 43, 44, 46, 47, 50, 51, 52, 54, 61, 65, 67, 72, 78
XIII: 18, 40, 41, 42, 44, 60, 62, 64, 65, 77, 79–81
XIV: 16, 18, 20, 28, 32, 33, 38, 39, 41, 48, 53, 59, 62, 65, 69, 76, 78, 79
XV: 1, 7
XVI: 3, 5, 11, 15, 18, 26, 30, 38, 73, 77, 90, 93
XVII: 3, 6, 7, 11, 56, 61–63

Конфликты:

I: 8, 9, 21
II: 1, 9
III: 10, 30
V: 15
VIII: 7, 9, 10, 11
IX: 33
X: 52
XI: 32, 34, 35, 36, 61, 62, 64, 75, 79
XII: 19, 21
XIII: 2, 6, 42, 61, 69, 70, 72, 73
XIV: 17, 46
XVI: 7, 20, 28, 29, 6, 67
XVII: 5, 8, 10, 18, 29, 37, 39, 40, 48, 49

XVIII: 5
XXI: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21

Межкультурные казусы:

I: 34
III: 10, 11, 12
IV: 7
V: 14
VI: 14, 15, 16, 31, 32, 34, 40, 41, 50, 51
VII: 9, 11, 14, 15
IX: 23
X: 12, 29, 44
XI: 4, 61, 62, 73, 74, 78
XIII: 1, 9, 30, 31, 32, 37, 45, 46, 48, 54, 62, 63, 7, 72, 73, 75, 76
XIV: 1, 4, 7, 8, 10, 20, 21, 22, 25, 29, 30, 31, 34, 40, 48, 49, 54, 55, 56, 57, 60, 64, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 80
XVI: 3–5, 9–11, 13, 15–18, 22, 28, 32, 35–37, 39, 40, 42, 45, 47, 50, 53, 55–57, 60, 62–66, 72, 74–76, 80–93
XVII: 1, 9, 15, 16, 18, 21, 22, 25, 32, 35, 36, 37, 39, 49, 52, 60–63
XVIII: 7
XX: 5, 18, 19, 20, 21, 27, 31, 32, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 47, 51
XXI: 1, 2, 3, 10, 15

Приключения, риски, экстрим:

I: 3, 6, 7, 1, 18, 20, 28, 37
II: 2, 4, 5, 7
III: 3, 4, 5, 6, 16, 32
IV: 10, 12, 13, 30, 31
V: 1, 2, 3, 4, 17
VI: 33, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 68
VIII: 2
X: 23, 24, 26, 27, 30
XI: 33, 37, 79
XII: 7, 15
XIV: 38, 46, 57, 66
XVI: 1, 2, 5, 11, 12, 14, 19, 20, 25, 27, 28, 32, 33, 40, 41, 43, 45, 49, 52, 53, 66, 69
XVII: 9, 12, 19, 32, 40, 48, 50
XVIII: 8
XIX: 9, 18, 29, 37, 47, 50, 55, 63

Радикальные (судьбоносные) решения и встречи, находчивость:

III: 28, 34

IV: 36, 37
V: 6, 7, 11, 12, 15
VI: 38, 60, 67
VII: 3, 4
IX: 1, 39
X: 7, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 21, 22, 24, 33, 34, 49, 52
XI: 33, 37, 39, 44, 49, 54, 56, 64, 68, 69, 75, 78, 79
XII: 20, 25
XIII: 2, 4, 42, 50, 56, 57, 68
XIV: 5, 9, 12, 13, 21, 22, 35, 39, 46, 52, 57, 58, 61, 65, 66, 71, 79
XV: 1, 4
XVI: 19, 20, 21, 32, 33, 34, 40, 44, 48, 52, 65, 69
XVII: 15, 32, 46
XIX: 5, 9, 10, 11, 13
XX: 6

Самопознание:

I: 1, 5, 35, 39, 45
III: 8, 24
V: 24, 28
VI: 4, 11, 12
IX: 1, 13, 15, 16, 31, 35, 49, 72
X: 2, 5, 6, 20, 50
XI: 46
XII: 1
XIII: 1, 16, 43
XV: 3
XVI: 1
XVII: 4, 54, 59
XIX: 1
XX: 1, 2
XXI: 9, 13, 19

Секс, мужчины, женщины:

I: 5, 15, 32, 44
III: 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 33
IV: 3, 5, 11, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 27, 28, 29
V: 8, 13, 26, 27, 28
VI: 1, 4, 23, 28, 29
VII: 4
IX: 33, 55
X: 35, 36, 42
XI: 6, 7, 31, 55, 56, 75
XII: 27
XIII: 5, 17, 33, 54, 55

XIV: 14, 37, 53
XV: 5
XVI: 2, 7, 8, 26, 58, 59, 68, 84
XVII: 15, 55
XVIII: 6
XIX: 6, 20, 21, 26, 36, 63, 64
XXI: 5, 6

Семейные отношения:

I: 2, 5, 8, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 24, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 35, 39, 40, 43, 44,
III: 12, 34
IV: 23
V: 6, 16, 28, 29
VI: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 20, 29, 54, 56, 57, 63, 66
IX: 61
XI: 28, 75
XII: 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 20, 25, 28
XIII: 13, 26
XVI: 1, 25, 51, 58, 59
XVII: 2, 14, 15, 19, 26, 27, 30, 31, 33, 39, 40, 42, 43, 53, 54
XVIII: 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12
XIX: 8, 9, 20, 38, 55, 57, 58
XX: 34

Смерти и исцеления:

III: 24
IV: 33
VI: 46, 52
XI: 18, 25, 59, 81
XIII: 7, 78, 79
XIX: 11, 12, 14, 22, 23, 24, 25, 28, 30, 31, 34, 35, 37, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51

Трудоустройство:

I: 13
IV: 1
VI: 26
VIII: 1, 5
X: 1, 2, 43
XI: 1, 24, 81
XIII: 18, 48, 81
XVII: 61

Учеба, работа, начальники:**I:** 30, 41**III:** 8, 13, 23, 26**IV:** 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 14, 15, 29, 25**VI:** 8, 22, 58, 59**VII:** 1, 2, 8, 13**VIII:** 3, 6, 8**IX:** 2, 8, 10, 14, 22, 31, 33, 34, 47, 51, 52, 53**X:** 8, 32, 33, 51**XI:** 7–14, 19, 21–24, 26, 27, 36, 38, 40, 43, 45, 46, 47, 51, 52, 54, 58, 59, 61, 63, 64, 68, 69, 70, 78, 79, 81**XII:** 2**XIII:** 1, 7, 8, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 34, 49, 61, 74**XIV:** 11, 14, 27, 36, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 60, 63, 78**XV:** 2, 6**XVI:** 54, 61, 62**XVIII:** 56**XX:** 6**Учителя:****II:** 8, 9**III:** 12, 19**IX:** 1, 12, 17, 18, 19, 20, 24–33, 35, 36, 37, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 54**X:** 7**XI:** 21, 27, 31, 78**XIII:** 5, 6, 7, 14, 19, 25, 26, 28, 36, 38**Языковые курсы:****I:** 23**III:** 1**IV:** 4, 5, 35**V:** 9**VI:** 67**VII:** 3**VIII:** 7**X:** 21**XI:** 5, 25, 30, 41, 42, 44, 51, 52, 53, 73**XIII:** 3, 11, 29, 31, 35, 41, 53, 58**XIV:** 20, 21, 23, 24, 27, 63, 67, 72, 73**XVI:** 6, 10, 45, 46, 79, 88, 91, 92**XVII:** 23, 44**XVIII:** 5**XX:** 1–51**Истории по жизни: тексты****I. Корешки****(Детство и родители)**

Это истории того времени, когда мы жили на Синопской (до середины 1950-х — Калашиниковской) набережной, дом 64, кв. 15. Это был довольно своеобразный микрорайон питерских Песков. Набережная Невы в самом центре города (от Лавры до Смольного), со всех сторон окруженная промзоной: ликерно-водочным заводом, ТЭЦ, прядильно-ниточным комбинатом, кожевенной фабрикой. Получалась некая окраинная слобода в центре города со своим замкнутым бытом. Была своя школа — 376-я, свои магазины, клуб ликерки. Дворы на ночь закрывались чугунными воротами, у которых дежурили дворники в белых фартуках. Помню, как мы с родителями возвращались поздно из гостей и по всей набережной белели эти фартуки. Теперь там нет жилых домов — только промзона и ночлежка. Школы нет, магазинов тоже. А после того как сделали развязку у Большеохтинского моста и проложили Смольнинскую набережную, соединившую набережные Робеспьера с Синопской, последняя превратилась просто в автотрассу. Место не для людей, теперь она становится лакомым местом для деловых и административных офисов.

1. Жили мы на четвертом этаже пятиэтажного дома в коммуналке. Долгое время отопление было печное. Готовили на плите в кухне. Стирала в прачечной, оборудованной в подвале.

Играли не столько во дворе, сколько на заднем дворе, огороженном высоченным забором, поскольку сама территория заднего двора вдавалась на территорию ликерки. Сам этот двор был забит сараями жильцов, стоявшими в два этажа, и там было здорово играть в казаков-разбойников, прыгать сверху и вообще заниматься всем тем, что не должны видеть взрослые. По мере того как проводили газ и отопление, задний двор расчищался и в конце концов стал очень просторной площадкой для футбола, штандера, лапты, чхи и прочих игр. Другим местом игр и приключений была набережная с когда-то бетонированным берегом. Местами он был подмыт, осел, развалился. Получались пещеры с длинными проходами вдоль берега и выходами к воде.

И вот я стою посреди своего двора, держа за руку младшую дочку. Вот окна нашей комнаты. Какой низкий этот четвертый этаж! Раньше

приходилось высоко заирать голову, чтобы докричаться маму. И вообще, какой он маленький, тесный стал, мой двор. Как в нем раньше могло уместиться столько разного? Вот тут стоял грузовик отца Витьки Ремнева. Там в углу умещался целый девчачий мир, когда девчонки сбивались в стайку и вели свои игры. А здесь взрослые играли в домино и карты. А мы — ребята — могли играть в ножички или чху, штандер, али-бабу, а то и футбол вот тут, или там, или там. А ребята старше вот здесь у стены, на бревнышках вели какие-то свои разговоры и дела. И ведь были еще дворник, хозяйки семейств со стираным или еще не стираным бельем. Кого-то из нас постоянно посылают в магазин, кто-то пришел со школы, кому-то уходить во вторую смену. Как этот целый мир умещался тут?

Вот эта половина широкого окна первого этажа принадлежала Батенковым. Я стучал в нее и Игореха вылезал оттуда прямо во двор. А там, под самой крышей — окна Сюняевых. Из них задолго до татарских праздников вывешивались гирлянды конской колбасы. А как Санька Минаев забивал голы пяткой через себя! Я такого больше никогда не видел. Он вообще много умел такого, чего не могли делать Пеле с Марадоней. Но фирменным его приемом был этот удар пяткой по летящему на уровне груди мячу. Стоя на одной ноге Санька резко наклонялся вперед, одновременно высоко заирал другую ногу и, сгибая ее в колене бил по мячу с лета пяткой. Причем бил не вслепую. Он всегда смотрел туда, куда бил, из своей позы то ли ласточки, то ли скорпиона, провожая мяч взглядом.

Ведь это все было! И где оно сейчас? Только в моей памяти? Ну, и кому до этого дело? И зачем я это вспоминаю, травя себе душу деталями? Наверное, потому что все это и есть я. Даже жестче: я — это и есть вот эта память. И если ее не будет, то, значит, не стало и меня. Ну а кому это, кроме меня самого, интересно? Наверное, тем, кто хочет или захочет понять меня — например, моим детям. Другим «интересующимся». Тем, кто сам переживал подобное. И вообще — в чужой жизни иногда творится масса интересного, поучительного, комичного...

2. Когда отцу было уже за семьдесят и мы как-то с ним поспорили по какому-то пустяку, я попрекнул его: «Ну, что ты, совсем как маленький уперся!» Его ответ ошарашил меня на всю оставшуюся жизнь. «А у меня нет мамы с папой, чтоб пожалели и позаботились».

Я тогда впервые подумал — каково это, когда ты чувствуешь себя на передовой, когда впереди уже никого своих нет. Но только после смерти родителей понял, что это еще полдела. Главное было сказано отцом.

3. Одно из ярких впечатлений моего синопского детства.

Я увлеченно играю один в почему-то пустом дворе. У самой стены нашего флигеля. Погода ветреная, но солнечная. Боковым или каким-то зрением я чувствую, что что-то не так, поднимаю голову и вижу

большущий кусок крыши с противоположного флигеля, который летит на меня. Я отбежал, а вся эта куча ржавого железа упала рядом точнехонько туда, где я колупался.

Вечером родители не придали особого значения этой истории. Я же, похоже — впервые, задумался тогда о своих каких-то непростых отношениях с высшей силой, отношениях сугубо личностных, касающихся только меня одного.

4. Двор и набережная это был ближний мир. Величие, красоту и частичную доступность мира дальнего представлял для меня Большеохтинский мост, вид на который открывался сразу при выходе со двора и на всем протяжении набережной. Причем, это был наиболее удачный ракурс на него, с башенками на первом плане. На нем всегда — и днем и ночью — бурлила жизнь. Я еще застал пару лет, когда на Пасху на мосту сходились в драке левый и правый берег. С нашего берега это были старшие ребята с Тверской. Говорят, что раньше дрались до тех пор, пока кого-то не скинут с моста в Неву.

Когда получалось, я очень любил в одиночку или с кем-то из ребят, но не большой компанией, бродить по берегу у моста, пускать кораблики около и прямо с моста и следить, как они быстро уплывают вниз по Неве, в сторону моря. Или просто кидали палочку или дощечку с одной стороны моста и бежали на другую глядеть, чья быстрее выплывет из-под моста. Если с берега можно было только видеть общий вид буксиров, барж и теплоходов, отбегать от волн, разгоняемых ими, то с моста было видно и что делалось на палубе, в рубках, лица матросов и капитанов, слышны их разговоры.

С моста и около него открывались какие-то новые горизонты и перспективы жизни. Тогда еще не было моста Александра Невского, который теперь замкнул справа панораму с Синопской. Но его не сравнить с Большеохтинским, царившим тогда в одиночестве, не ограничивая панораму, а задавая в ней точку отсчета.

«Красивый, как Охтинский мост...» — пел потом Борис Гребеншиков, а московские тусовщики с Горбушки приезжали специально посмотреть на воспетое кумиром чудо света. Отремонтированный и с подсветкой, он действительно смотрится как чудо в ночи. Но я его больше люблю днем. Его горбы, заклепки, башни, зазоры в разводной части, в которых зияет пустота, в конце которой — невская стремнина.

Кстати, журнал, в котором я последнее время много, часто и удачно публиковался, в котором мне сделали царский подарок, поместив на обложку мою большую и довольно удачную фотографию, называется «Мост».

5. Я не Лев Толстой, который помнил как было темно-темно, а потом вдруг стало светло-светло. И даже не Валентин Катаев, который помнил, какие пуговицы были на ширинке его первых штанишек.

Не знаю, сколько мне было тогда лет, но, похоже, 3–4 года. Во время очередного застолья я сидел у отца на коленях. И когда были отпеты положенные «Летят перелетные птицы», «Огонек», «Бежал бродяга с Сахалина», мне налили немного «Кагора». Выпив, я посидел, посидел и выдал: «Никого дома нет. Одни бабы». Помню, все долго смеялись.

Пророческая оказалась фраза.

6. 1954 год. Серьезное наводнение. По радио сообщают о затоплении Васильевского острова, Театральной площади. Вечером мы с соседями выходим из ворот, и у нас на глазах вода выбивает чугунную крышку канализационного люка.

Кстати, именно в том году и переименовали Калашниковскую набережную в Синопскую. Я уже умел читать и гадал, почему на новых номерах домов написано Синопская, когда должно быть Сенокская. И только потом-потом узнал, что новое название имеет отношение не к сему, а к победе русского флота в битве при Синопе.

7. До революции Калашниковская была местом, куда приводили плоты со строевым лесом, фактически лесным портом. И ребяташки любили прыгать по этим плотам. Прыгал и мамин младший брат Федор. А мокрые бревна скользкие. Однажды они разошлись, Федор ушел под воду, а бревна тут же сошлись. Как будто ничего и никого не было. Случайно эту сцену видели проходившие рабочие. Двое кинулись на плот. Один раздвинул бревна и держал их, а второй нырнул за Федором и успел достать, хотя его уже прилично протасило по течению.

8. У мамы был специфический характер. Она рассказывала историю, как она 15–16-и лет гладила белье, а около нее крутился младший брат Федор, мешал ей. Она пригрозила ему, что если не уймется, то она прижжет ему нос утюгом. Тот разошелся пуще прежнего, да еще с подначками — слабо, мол, да слабо. Ну, так прижгла! Я слышал эту историю от мамы несколько раз, и всегда она рассказывала ее с очень назидательной интонацией.

9. Мама раскатывает на большом столе тесто для пирога и плачет долго и безостановочно. Я кручусь около нее, пытаюсь привлечь внимание, но она меня не замечает. А из включенного на всю катушку радио звучит печально-торжественная музыка и повторяют сообщения о смерти Сталина.

10. Когда мама вышла на пенсию, мы жили в новом доме на ул. Бабушкина, 64. Вскоре к ней пришел деятель из КГБ — вербовать в осведомители. «Люди ведь разные, а мы должны знать все и обо всех. А вы ветеран партии, теперь все время дома — на кого же нам рассчиты-

вать в этом подъезде, как не на вас?» Мама его выперла, но знала, что тот заходил еще в две квартиры к таким же пенсионеркам. Разница в том, что мама им рассказывала об этой беседе, а те ей — нет.

11. Первый мой конфликт с органами внутренних дел был в 14 лет.

Первым экраном шел большой французский цветной документальный фильм «Америка глазами француза». Я его посмотрел два раза и решил, что надо обязательно сводить на него моего приятеля Толю Груздева. То ли мы доучивались в 7-м классе, то ли я учился уже на 1-к курсе техникума. Нам тогда еще не было 16, а фильм как раз был «дети до 16 не допускаются». Пошли мы в кинотеатр «Родина», взяли билеты — благо, что ребята мы были рослые, Толя даже немножко мужиковатый уже. Поднимаемся по ступенькам ко входу. Перед нами идут двое дружинников с повязками «ДНД». Я читаю вслух: «ДНД — Добровольная народная дружина». Эти двое оборачиваются и говорят: «А ну, ребята, пройдемте». И заводят нас под лестницу, где у них был пост ДНД. Там и милиционер сидел. «Сколько вам лет?» Я говорю: «Шестнадцать». А Толя — наивная душа: «Пятнадцать». «Ты, говорят мне, можешь идти в кино». «А ты, говорят Толе, давай сюда билет и дуй домой». Толя и отдал.

Тут мне совсем обидно стало. Не хотел я один в третий раз смотреть этот фильм и начал я говорить об их несправедливости, что Толе на днях будет уже 16 и т. д. Слушали они, слушали и говорят: «А ну выкладывай, что у тебя в карманах». А у меня там, помимо прочего, были корочки от удостоверения дружинника с вырванным вкладышем. Я это удостоверение у Сашки Иванова на что-то выменял. Как увидели они эти корочки, так у них глаза загорелись, собрались вокруг меня, разве что не навалились: «Где взял?» Я хотел пошутить: «Из кармана трупа», но вовремя одумался. «Нашел». — «Где?» — «Около урны». — «Какой урны?» — «На углу Синопской и Бакунина». — «Врешь!» — «Идите — проверьте».

Тут они Толю отпустили, правда, без билета. А у меня записали все данные, адрес и сказали, чтобы я завтра пришел к ним в штаб в какой-то радиоэлектрический вуз с родителями. И мы с мамой ездили туда и слушали какие-то глупые нотации.

12. Старики и дети находят удивительно точные характеристики и самые обидные слова. Наверное, потому, что улавливают самое главное и экзистенциально глубокое — интонацию.

Когда мама была уже совсем плоха и практически не выходила из дома, она держала телевизор включенным весь день — с утра до вечера. И когда я как-то вечером, придя с работы, заглянул к ней, она огорошила меня вопросом: «Скоро ли эта война закончится?» — «Какая война, мама?» — «Ну, когда Брежнев победит американцев?».

13. После войны папа провалялся почти три года по госпиталям. Когда встал на ноги, надо было искать работу. Полгода искал — все попусту. Пошел в райком партии. При нем секретарь райкома позвонил в одну контору («Ленлес» на Охте, я потом бывал у него там) и договорился. Отец поехал туда. Начальник конторы, посмотрев его документы, спросил: «Еврей?» — «Да». — «Тогда достань мне к завтраму два баллона ацетилена. Достанешь — возьму на работу». Отец не знал, что такое ацетилен. Он очень расстроился. Долго ходил по улицам, потом пришел в райком к тому же секретарю и положил ему на стол партбилет. Тот долго шумел на отца, но потом устроил нагоняй по телефону тому начальнику. Отец потом с ним хорошо сработался.

14. Мы с мамой были у папы второй семьей — так же как и мы с папой у мамы. Они расписались, когда мне было уже больше трех лет. Так что первая моя фамилия была мамина — Сергеев. А до войны у папы были жена и двое детей — девочка и мальчик. Он их очень любил — как-то я залез в его бумажник и нашел там фотографию первого сына. Когда папа уходил на фронт, то очень просил жену беречь детей и при первой же опасности — эвакуироваться. Об этом же и много писал ей потом. Но та не смогла оторваться от дома и осталась в Питере.

Первым погиб 14-летний сын. Его засыпало на окопных работах под городом. А потом убили дочку. Зарубили топором. За бутылку водки. Ей уже было 16 лет и она работала на заводе. Мать попала в больницу и она, как-то придя к ней, похвасталась, что ей выдали премию — бутылку водки. Разговор этот слышала старуха-соседка по палате, которая выписывалась на следующий день. Она предложила матери навестить девочку, узнала адрес, пришла и убила. Взяла только бутылку водки. Старуху эту потом арестовали. А отец после войны не вернулся к этой женщине — не смог просить ей гибели детей. Написал из госпиталя моей маме, которую он знал по работе еще до войны, и позвал ее приехать. Мама в блокаду похоронила своего мужа, с которым уже не жила. Детей у них не было. И она поехала.

Они начали новую жизнь буквально с листа. Меня мама родила в 41 год. Господи, какие у них счастливые лица на фотографиях того времени! Как они радовались жизни! Что смогли пережить такое! Так что я в буквальном смысле — дитя Победы. В том числе — их личной. Первого папиного сына звали Исаак. Он и меня хотел назвать так же, но мама отговорила. И тогда меня назвали в честь дедушки — папиного папы, которого в деревне звали Гершелем или Эршкой.

А папина первая жена жила в Питере и умерла где-то во второй половине 1970-х.

15. Нашей первой квартирой была коммуналка. Мы жили в самой большой комнате метров на 25. Рядом в 10-метровой комнате жила

странная одинокая женщина. А около входной двери в 8-метровой комнате жила семья из четырех человек. Глава семьи — татарин — Сабир Фассахудинович Карга. Мы его звали дядей Сашей. У него были жена — русская — тетя Катя Карга и две дочери — Соня и Рая, тоже Карги. А работал он грузчиком на прядильно-ниточном комбинате им. Кирова, на котором работали одни прядильщицы, мотальщицы, чесальщицы и прочие ровничницы.

По выходным дядя Саша в застиранных домашних штанах и майке приходил к нам, забивался в угол и причитал: «Ох уж этот женский наций!»

16. По воскресеньям у нас с папой была своя мужская программа. Утром шли в баню на Мытнинской. Мылись только в душе. Общие мыльные с мытьем из тазика и очередь в душ папа не любил. Да и я в них как-то внутренне вздрагиваю до сих пор. Уходили к открытию, чтобы посидеть в еще чистой и не душной парилке. После бани отец брился в парикмахерской при бане и мы с ним ехали на Невский в кинотеатр «Хроника», где по воскресеньям с утра в режиме нон-стоп шли мультики вперемешку с «Новостями дня». Мы покупали билеты, садились на свободные места и смотрели мультики, пока они не начинали повторяться. После чего ехали на рынок, заходили в магазин к папиным знакомым мясникам за «хорошим мясом» (я не уверен, что речь шла о кошерном мясе, скорее, батька просто любил мясо с косточкой и чтоб с жирком). На этом мужская программа заканчивалась, и мы отправлялись домой. Мама готовила замечательнейшую тушенку или иногда, при папином участии, заливную или фаршированную рыбу — обязательно со свеклой.

К обеду приходили гости — обычно Мадорские и Меркуловы. Реже мы сами уезжали к ним в гости.

17. Родители могут стараться по поводу еды, но у детей свои вкусы. Помню, как мама спросила меня, какой суп мне нравится больше всего, долго не могла понять, что я имею в виду суп с очень мелкой картошкой. И немного расстроилась, когда поняла, что я вспомнил суп, за которым не уследили и картошка в нем вся разварилась.

С возрастом я очень полюбил мамину тушенку с картошкой. Ее успела отведать Арина и до сих пор помнит.

А вообще у меня в детстве было два любимых блюда. Вареные макароны со сливочным маслом и холодной (обязательно — холодной, а то мать все пыталась ее отварить), только из магазина, «Отдельной» (по 2.20) колбасой. Потом в этот рецепт добавился третий сыр. И главное, — вареная картошка в консервах «Бычки в томате», или «Севрюга в томате», на худой конец — «Осетр в томате». Сейчас этих консервов, особенно из севрюги и осетрины, почти не делают. Разве, наверное, из отходов. Мои дети никак не могли понять — «Бычки в

томате» — это что — крик пастуха? И какова же была моя радость, когда в шугозерском магазине я увидел этих бычков. Купил несколько банок, привез в Мишуково, наварил картошки и накормил своих. И всем очень понравилось. Особенно детям. Иногда даже вспоминают. Но пока больше не попадались.

18. Иногда мы ездили на футбол. Отец страстно болел за «Зенит», а мама была в Москве на знаменитом матче с ЦДКА, когда «Зенит» завоевал Кубок СССР по футболу. На стадион с нами мама не ездила. Это было целое путешествие. Сначала трамваями на острова до ЦПКиО, а потом пешком к стадиону им. Кирова. Я эту дорогу не любил, и обратно мы иногда плыли на «речном трамвайчике» прямо до Смольнинской пристани.

На стадионе мне нравилось. Солнце, ветер, сверху далеко видать и город и залив. Папа всегда мне чего-нибудь покупал: мороженое, пирожное, лимонад, петушка на палочке. Футбол в исполнении взрослых дядек мне не очень нравился, хотя играли тогда за «Зенит» такие мастера, как Фридрих Марютин, Н. Самарин и папин любимец вратарь Леонид Иванов — всегда в свитере и кепке. Да и форма тогда у «Зенита» была красивая — цвета электрик. Но этим походам пришел конец — резкий и довольно трагичный. Мы оказались на печально знаменитом матче «Зенита» со «Спартаком», в первом тайме которого спартаковский знаменитый нападающий Ильин тяжело ранил Иванова, которого унесли с поля и он, по-моему, на этом и закончил свою карьеру, от той травмы так и не оправившись.

Трибуны гневно гудели. Судья Ильина с поля не удалил. Спартак-овцы даже не извинились. Когда они шли на перерыв, в них полетели бутылки и камни. Мы сидели слева от прохода футболистов на поле и обратно, и я видел, как бутылка попала Ильину в голову, потекла кровь и тот, покачиваясь, ушел под трибуны.

За перерыв страсти накалились еще больше. Когда футболисты вышли на поле, капитан «Зенита» подошел к капитану «Спартака», с размаху дал ему по уху и, под одобрительный гул трибун, ушел с поля, не дожидаясь решения судьи об удалении. Матч был сорван. И началось... Люди повскакивали и начали давиться. Одни на поле — бить спартак-овцев и судью, другие — от греха подальше. Конная милиция добавила жару. Народ стал разбегаться. Стало страшно. Батя побледнел и, крепко держа меня за руку, стал выбираться. Мы чудом втиснулись в трамвай и избежали самой страшной давки, в которой, как потом оказалось, были и раздавленные и затоптанные.

С тех пор мы на стадион не ездили, но радиорепортажи Синявского отец слушал постоянно, а потом любил смотреть футбол с сочными комментариями К. Махарадзе.

Что до меня, то к внутреннему чемпионату я никогда особого интереса не проявлял, разве что решающие матчи, когда взрослые дядьки

перестают катать мячик, отрабатывая зарплату, и в них просыпается что-то, царившее у нас на заднем дворе.

Всегда скептически относился и отношусь к «Спартаку» за его недопрофессионализм и неспортивность. Помню только проснувшийся было интерес к этому клубу, когда в нем играл Федор Черенков. Он мне чем-то напоминал нашего Миная нестандартностью, координацией и творческой импровизацией, осмысленностью игры. Именно игры, а не вымученной работы. Или я подсознательно надеялся увидеть в исполнении Черенкова фирменный минаевский удар?

Игры мирового и европейского чемпионатов, важные матчи международных кубков стараюсь посмотреть. Там и страсть, и мастерство, и творчество, и личные трагедии и триумфы — все то, что гнало нас от ворот до ворот через весь наш задний двор.

19. Физически меня не наказывали. Да я и рос-то ребенком почти тихим. Не за что было. Но однажды отец меня выпорол ремнем. Да так, что, как рассказывала мама, я описался. Но я этого не помню. А помню вот что.

В воскресенье мы с ним, как обычно, пошли в баню. После бани отец, как всегда пошел в парикмахерскую. Я сидел, ждал его. И почему-то мастер его продержал дольше обычного. Я заглянул в зал. Отца в намыленных мужиках не распознал и решил, что я его прозевал. Забрал наш саквояжик с бельем и почапал домой знакомым маршрутом: по Мытнинской до Моисеенко и по Моисеенко — к Синопской.

Отец догнал меня уже, когда я переходил Новгородскую. Молча схватил за руку и потащил домой. А там, отогнав пытавшуюся как-то заступиться мать, стащил с меня штаны и выпорол.

Может, я стал заикаться именно после этого?

20. Тот же угол Моисеенко и Новгородской для меня памятен тем, что там я видел своего отца пьяным в дымину. Один-единственный раз в жизни. Уже поздним вечером мы возвращались из гостей. Батя был подшофе, но тут его, видимо, развезло. Он пел песни, еле стоял на ногах. Наконец упал и тихо лежал на проезжей части Моисеенко. Мы с мамой пытались его поднять, но не могли. Мне стало страшно. Я стал плакать, кричать что-то детское вроде: «Папа, папочка, вставай! Тебя машина задавит, милиция заберет!» Мама говорила, что именно мои крики немного растормошили отца. Он начал шевелиться, нам удалось его поднять и дотащить до дому. Больше я его таким не видел никогда.

21. Друзей у папы, бывавших у нас и у которых мы регулярно бывали, было двое — и оба с войны.

Самым близким был дядя Саша Мадорский. Это был очень большой, шумный и веселый человек. У него все было огромное — голова, руки, живот. Он носил одежду и обувь каких-то немислимых разме-

ров. Жена у него была полька Вера Казимировна, которую он привез с войны — женщина миниатюрная, очень стильная и очень любившая дядю Сашу. Когда его замели на Литейный во внутреннюю тюрьму (где его пытали, подвешивая к члену тяжести и спрашивая, помимо прочего, о том, какие ему анекдоты рассказывал Тульчинский), тетя Вера не отходила от Большого дома, прорывалась к кому-то и выцарапала его оттуда. А еще она читала польскую периодику и у нее на столике я впервые увидел книгу Мицкевича «Пан Твардовский». На польском. Когда я спросил — что это за книга, она ответила, что ее пытался повторить Пушкин в своем «Евгении Онегине». Дядя Саша и тетя Вера часто гостили у нас на даче в Разливе. Они вообще вели активный образ жизни. Куда-то уезжали. У них дома было много красивых старинных вещей. Папа иногда подкалывал дядю Сашу — у тебя, мол, накануне была «белая кость», а теперь мы — «черная кость». В общем, он заведовал Петроградской торговой базой. И жили они на Большой Пушкинской.

Третьим в их компании был дядя Степа Меркулов. На фронте он был в Смерше и теперь служил начальником отделения милиции в Московском районе. Он ушел на пенсию с этой должности, пенсионером подрабатывал «ночным директором» на некоторых предприятиях. Он постоянно был при оружии и иногда давал поиграть пистолетом, предварительно вынув патроны. У него была жена тетя Ната, вечно больная и часто лежащая украинка. Их свела тоже война. У них был сын одних лет со мной — Славик, с которым у нас дружба не очень ладилась. Он постоянно задибался, стремился, почему-то одержать надо мною верх. Его игры были не интересны мне, а мои — ему. Но мы долго общались — лет до 16-ти.

Общение глав семейств — в городе или на даче — заключалось в обильном застолье, пении песен и игре в карты. Петь отец любил фронтные песни — «Огонек», «Летят перелетные птицы» и еще — «Бежал бродяга с Сахалина», в которой напирал на слова: «Жена — стерва — найдет другого, а мать сыночка — никогда». В карты отец играть любил, особенно в преферанс, но чаще играли в подкидного дурака. Выигрывал чаще Меркулов.

С Мадорскими произошел неожиданный (для меня) конфликт. Однажды они пришли к нам взвинченные, особенно тетя Вера. Меня выставили за дверь, и я слышал громкий разговор о деньгах, заглушаемый взвизгами тети Веры. Наконец и ее выставили за дверь. Мы рядом с нею сидели на диванчике и она что-то шептала злое по-польски. Оказалось, что они дали родителям на хранение крупную сумму денег. Они и лежали себе. А тут у мамы обнаружилась в магазине недостача, кто-то ее крупно подставил — финансист она была аховый. Можно себе представить — бывший профсоюзный работник пошла зарабатывать последние годы перед пенсией в молочный магазин! Возмещать надо было в считанные часы. И родители взяли из тех денег Мадорского

с условием, что скоро возместят. И поставили тех перед фактом — другого выхода не было. Была большая обида. Деньги вскоре вернули, но отношения дали трещину. Скоро дядю Сашу посадили. Мои навещали его. Он отсидел лет пять, вернулся очень осунувшимся. Отношения возобновились, но он вскоре умер. Тетю Веру мы несколько раз навещали, а потом она уехала к родственникам в Польшу. С Меркуловым отношения продолжались. Со временем они свелись к ритуальным воскресным играм в подкидного. Дядя Степа был на папиных похоронах, а на его похороны Славка меня почему-то не позвал.

22. Отцу был присущ, как я теперь понимаю, азарт — карточный и вообще — жизненный. Когда начались тиражи «Спортлото», отец уже был на пенсии. Поначалу он это дело игнорировал, а потом весьма активно подключился. Не пропускал ни одного тиража. Все мои увещевания, доводы о бессмысленности траты денег, что вероятность выигрыша в «Спортлото» ниже, чем в денежно-вещевой лотерее, билеты которой он не покупал, он отметал одним убийственным аргументом: «Люди-то выигрывают — почему не я?»

23. Одно лето мы с мамой провели в Латвии, в Латгалии. Ехать надо было поездом до станции Аглона, а оттуда на подводе до деревеньки с изысканно британским названием — Сомерсета. Мы пили молоко, ходили в лес — собирали грибы, преимущественно горькушки, которые местные называли подорожками, потому как они росли на открытых местах и на тропинках. Еще там росли поддубовники и подольховники, синевшие от нажатия — как теперь я понимаю — моховики. Часто брали книжки в местной библиотеке. От приветливой библиотечарши я узнал первое латышское слово — «свейки» (привет, здравствуйте). Там я впервые мылся в бане по-черному. В основном же — играл с местными мальчишками, особенно с сыном хозяйки, которого звали Айвар. Он смешно говорил по-русски. В местном пруду было много пиявок, которых он называл «пияуками». От него же я узнал и страшное латышское ругательство — «дырс» (жопа), а также его усиленные варианты — «саркана дырс» (красная жопа) и «аушайна дырс» (жопа с ушами). Из чего я тут же сделал обобщение — аушайна саркана дырс. Но Айвар сказал, что такого ругательства нет. Поэтому я до сих пор считаю, что сделал вклад в латышскую словесность.

Сомерсета оказалась не простой деревней. Неподалеку от нее, в лесу, стоял довольно большой костел — у меня до сих пор именно он определяет представление о католическом храме. Большой, светлый, через верхние стекла видно небо и в них заглядывают верхушки деревьев. Сидения. Орган. Это какой-то особый костел. Раз в год летом туда на специальную службу съезжаются паломники. Помнится, что эта служба каким-то образом была связана с конфирмацией. Бело-снежный храм. Множество народу. Нарядные подростки, девочки в

белом. Много солнца. И все это в лесу. Паломники были почему-то преимущественно из Британии и Ирландии. Неспроста, наверное — Сомерсета.

24. Никакому Шекспиру не приснятся страсти, которые довелось пережить нашим семьям. Батяка был одиннадцатым (предпоследним) ребенком в семье. Во время погромов 1918 года у него на глазах убили старшего, любимого брата, а отцу отрубили руку по плечо. Они с матерью и одной из старших сестер, готовившейся к свадьбе, попытались убежать в Умань. У леса их перехватили, сестру тут же изнасиловали и убили, а они с матерью еле вырвались. Моя бабушка, которой я даже фотографии не видел, всего этого не пережила. Папа бродяжничал с инвалидом-отцом в Умани, беспризорничал, после всего дедушку взяла к себе в Старые Бабаны одна из самых старших сестер, где все они и померли в сталинский мор на Украине в 1930-х.

Младшую папину сестру, совсем девчонкой (14 лет) увез с собой в Питер красноармеец Филиппов. Они-то и вытащили батяку с Украины. Он жил у них, а работать его Филиппов устроил к себе на Путиловский завод в литейку. Вскоре Филиппова (а он был секретарем парткома какого-то цеха) по личному распоряжению С. М. Кирова в составе 20-тысячников отправили устанавливать советскую власть в Сибири, в Красноярский край, в Эвенкийский национальный округ, на Подкаменную Тунгуску в Туру. Уехала с ним и тетя Аня с двумя малышами — Майей и Эмилем. Образования у нее не было никакого, и работала она в Туре библиотекарем.

Дальше я знаю две версии. Согласно той, что рассказывала мама, тетя Аня пригласилась местному кагебарю якуту Колесникову. Она ему отказала, но тот решил своего добиться не мытьем, так катаньем. Состряпал донос — и Филиппова упекли в острог, увезли в Красноярск. Бедную тетю Аню, оставшуюся в Туре с малышкой на руках, фактически заставили публично отречься от мужа как от врага народа. Газету с ее отречением Филиппову показали в тюрьме. А Колесников женился на тете Ане и прижил с нею дочку Галю. Но и его довольно скоро упрятали в лагерь и больше о нем никто не слышал. По версии, которую рассказывали Миля с Майей, Колесников был душа-человек, сделал доброе дело, взяв в жены тетю Аню с детишками врага народа. По их рассказам, он очень о них заботился.

Как бы то ни было, тетя Аня осталась в Туре с тремя детьми. После войны, когда батяка уже вторично женился, родился я, Майя и Миля окончили школу и приехали в Питер учиться. По-видимому, у них были льготы для поступления, как у северян. Жили они то в общежитии, то у нас. По выходным постоянно были у нас, летом жили на даче, возились со мной. Для меня они фактически были как старшие брат и сестра. После окончания университета (она — филолог, преподаватель русского языка и литературы, а он — историк, преподаватель

истории) по распределению уехали обратно в Туру, прихватив с собой Лиду и Володю Гаврилова. Три года отработали учителями в Туре, и отец начал перетаскивать их оттуда. Сначала Милю с Лидой, а потом и Майю с Володей. Удалось им обосноваться в Шугозере, где Миля быстро стал директором. Потом были Еремина Гора и, наконец, — Тихвин. Галя повторила их путь, но осела в Березниках Пермской области. А тетя Аня, как только Галя уехала учиться, переехала в Шугозеро, а потом в Тихвин, где ее и похоронили.

Филиппов же всплыл, когда Хрущев открыл лагерь. И я помню, как однажды у нас появился совсем исхудавший старик. Они долго говорили с папой. Потом папа дал ему одежду, денег. Тот ушел пройтись по городу. Миля должен был прийти к нам на следующий день. Но вечером Филиппов не вернулся, а отцу позвонили на работу и сказали, что в спецприемнике какой-то бродяга просил сообщить о себе моему отцу. В спецприемник Миля поехал один. Вернувшись, он лег на диван лицом к стенке и, как я помню, пролежал так два дня. По-моему, он плакал, но меня просили к нему не подходить. Филиппова, который пропил все, что у него было с собой и на себе, отправили опять в лагерь за бродяжничество. Кажется, с тех пор Миля стал пить и серьезно.

В 1963–1964-м к нам уже на ул. Бабушкина (я уже учился в техникуме, а Миля с Майей работали в Шугозере) пришло письмо из Даугавпилса. Писала какая-то женщина, которая ухаживала за уже совсем больным и слепым Филипповым, и просила передать его адрес его детям. У Эмиля уже были серьезные проблемы по части алкоголя, и мои родители решили показать письмо только Майе. Майка сказала, что показывать письмо Миле не надо и не надо отвечать на письмо. Миля узнал об этом письме от меня только за два года до смерти в 1992 году. Больше о Филиппове никто ничего не слышал. Загадкой для меня осталось его имя. Миля и Майя — Ивановичи, но отец его всегда называл Борисом. Майка пробубнила на мой вопрос нечто невнятное типа того, что он был Иваном, но в семье его звали Борисом. Темная история.

Когда же мы всерьез занялись поиском места и строительством дома в Шугозере (без Мили это было бы просто невозможно), история получила для меня, по крайней мере, неожиданное развитие. Со времен работы в Шугозерской школе у Мили в Шугозере был приятель, как все считали — собутыльник, — дядя Яша. Он работал в той же школе физруком, был лет на 15–20 старше Эмиля и тот его постоянно опекал. Когда дядя Яша вышел на пенсию, Миля доставал ему дрова, организовывал вспашку огорода, своевременное получение пенсии, привозил продукты. Они вместе ходили на рыбалку, за грибами, а главное — действительно часто и много пили. Об их странной дружбе и приключениях по Шугозеру ходили легенды. Эмиль же его и похоронил. Я застал последние два года жизни дяди Яши. Он был совершенно исхудавший и испитой. Я долго не мог вспомнить, кого он мне напоминает.

Потом вспомнил — Филиппова. Похоже, Эмиль отработывал номер, отдавая неотданное своему отцу.

25. Отец в конце 30-х был в Бабанах. Вынужден был. Кто-то кинул на него донос, что он скрывает свое истинное происхождение, что он не из нищей еврейской семьи, поскольку отец его на самом деле был крупным скотопромышленником. Создали парткомиссию, отобрали партбилет, дальше перспективы были вполне ясные. Но секретарь парткома дал ему шанс — съездить на родину и привезти документы, снимающие подозрения.

И батька поехал. По его рассказам, его встретили как родного. Водили по домам — «Эршквив сын приехал!» Собрали сход и выдали отцу протокол схода, заверенный печатями, где сход подтверждает, что его отец был бедным крестьянином, иногда по праздникам нанимавшийся перегонять скотинку на убой до Умани (скотопромышленник!), сам умерший от голода.

Отец вернулся в Питер победителем. Партбилет вернули и больше не трогали. Он очень хотел съездить в Старые Бабаны еще раз, вместе со мной. Мы даже писали письмо в сельсовет и получили письмо за подписью тетки — председательницы этого сельсовета, что там были бы рады приезду. Но батька все как-то болел, и мы не выбрались.

26. Уже после смерти мамы я предложил отцу записать что-то вроде воспоминаний. Я ему сказал: «Чего ты сидишь и маешься болячками? Ты столько видел. Пережил погромы, знал Кирова, прошел войну, расписывался на Рейхстаге... Вот и опиши все это. Ведь интересно же!» Он вроде бы отнесся к предложению скептически. Но потом, гляжу, сидит с карандашиком, записывает. Месяца через два показал мне текст. Читался он плохо. С грамматикой вообще проблемы — у отца как-никак всего один класс хедера и непонятно какие три класса.

Уже тогда начиналась моя история с Любой. Она была при машинке, и я попросил ее перепечатать папины записки с небольшой моей правкой. Что и было сделано. Один экземпляр я отдал в Тихвин, где он сейчас у Майи.

Через пару лет Лида Артюх — жена Мирослава Поповича — была в этнографической экспедиции. Они заезжали в Старые Бабаны и она привезла оттуда рукописную историю Старых Бабанов, записанную местным преподавателем истории на украинском языке. Тетрадку этнографы ксерокопировали, а оригинал Лида прислала мне. Особенно меня интересовал 1918 год, погромы. Меня потрясло, что не только даты, но и фамилии бандитов, организаторов погрома, отец воспроизвел абсолютно точно. Ну и еще я узнал из тетрадки, что практически все еврейское население села было уничтожено во время войны. Так что теперь, наверное, уже было бы некому кричать «Эршквив сын приехал!»

27. Я туда добрался уже после его смерти. Как-то летом мы с Любой и тогда еще маленьким Степой полетели сначала в Киев к Поповичу, зять которого оказался из Умани. Поэтому потом мы на автобусе добрались до Умани, где остановились в хатке баумановской бабушки. Только и успели, что погулять по знаменитой и воспетой батькой Софиевке. Тут у всех разболелись животы, и до Бабанов я добрался, к сожалению, один и в спешке.

Поразила обстановка в автобусе. Все ехали мрачные с мешками провизии и вещей, а билеты брали до конечной остановки — следующей за Старыми Бабанами. Оказалось, что там находится лагерь (коллония), и родственники везут передачи.

Я смотрел на дорогу и представлял, как батька мальчишкой бежал тут от погрома, как мой дед гонял тут скотинку до Умани...

В Бабанах оказалась центральная усадьба колхоза им. Кутузова. День был выходной. Дошел до моста через речку, представил, как тут отец с бабушкой простояли в воде, прячась от погромщиков. А потом как-то вдруг почувствовал, что — хватит. Глазом посмотрел, ногой ступил — и все. А тут и автобус тот же из колонии вернулся. И я уехал к своим в Умань.

28. До маминой родины — деревни Мысы на Волге — я почти добрался. Ее отец — мой дед — уехал в Питер на промыслы, а потом туда уехала и бабушка с двумя детьми — мамой и Федором. Маме тогда было лет 5–6 и она в те места больше не возвращалась. А я все хотел, но не подворачивался случай.

Мысы я на карте нашел. Это ниже по Волге от Кинешмы, прямо перед Решмой. Раньше это относилось к Костромской губернии, а теперь это Ивановская область.

В Иванове работает очень активный организатор философической деятельности и издатель — А. Н. Портнов, с которым мы давно состояли в переписке, я часто публиковался в их сборниках. Он все звал к ним на конференции, а я все отшучивался, что, мол, только при условии, что помогут добраться до Мысов, а это часа три пути на машине от Иванова — в другой конец области.

Так все это и тянулось, пока меня не пригласили оппонировать на защите докторской диссертации одной питерской тетки, активно занимавшейся сотрудничеством с местной областной администрацией — настолько плотно, что и защищаться решила в Ивановском университете, а не в Питере. Я согласился, но при том же условии — Мысы! И подзащитная тетка организовала машину от администрации. Дело было зимой 2000 года, перед самым Новым годом. Гена Бревде тоже вышел на контакты с Портновым, который приурочил к этой защите еще и конференцию. Как-то все удачно складывалось, но у меня был пик всяческих обязательств, и я мог быть в Иванове только один день. Ночь в поезде. Утром — Мысы, вечером — защи-

та — отъезд. Они даже защиту отнесли на вечер, чтобы я успел вернуться.

Приезжаю, меня встречают. Оказывается, тем же поездом ехал и второй оппонент — К. С. Пигров. Тут же сажают в машину и мы мчимся к Мысам. В пути перекусили — это было предусмотрено. Но дороги они не знали. Зато у меня был атлас Ивановской области, подготовленных на базе, видимо, военных, только что рассекреченных карт. Все очень подробно. У сопровождающей тетки из областной администрации, отвечающей за работу с районами, глазки разбежались на карту — у них о таком и не слыхали.

Мы должны были доехать до Решмы, где нас должны были встретить из местной администрации и проводить до Мысов, про которые говорили, что там осталось всего два дома и то не ясно — живут ли там сейчас зимой. Путь оказался долгим. Промчались через Кинешму. Очень симпатичный волжский купеческий городок — такой, как и был, и каким должен быть. Но по времени стало получаться, что мы опаздываем, и если поедем сначала в Решму, то серьезно опаздаем на защиту, а то и к поезду. Да и люди могут уже не ждать, а мобильников у них тут еще не держат.

И мы решили ехать по моей карте сами. Свернули с шоссе к Волге. Спросили у местных, те дорогу указали. Все совпадало с моей картой. Поехали. Дорога заснеженная, не пробитая. Водила нервничает — а ну как что? Оставалось всего ничего — свернуть с дороги и вслед за старыми покосившимися столбами электроотвода съехать по заснеженному тракторному пути к берегу Волги. Свернули. Машина пару раз садилась на мост и водила дрогнул окончательно. А тут еще снег пошел и начало смеркаться. До деревни оставалось, наверное, метров 200.

Мы рванули обратно. Я только попросил в «Решме» подъехать к берегу, на Волгу глянуть и поснимать. Волга там узенькая, с Фонтанку. Берега красивейшие. Лес. Замечательные боры. Так и вспоминаешь Сусанина. И воздух замечательный. В том санатории астму лечат. Я потом просил летом путевку туда, но смогли купить только в Анапу.

И полетели в Иваново. А там уже идет защита, и как раз начали дергаться, ожидая меня. Я влетел в аудиторию, выступил перед ошарашенными членами совета, выскочил, хлопнул стопку водки, за чаем переговорил с Портновым, и меня увезли на вокзал — только-только успели к поезду. Мое место оказалось рядом с местом Гены Бревде, который уже сидел в поезде и гадал о том, был ли я вообще в Иваново? Он вез материалы прошедшей конференции, на которой основной интерес, оказывается вызвал его доклад, в котором он ссылаясь на меня и говорил, что, вот, я скоро появлюсь, его дополню и картина станет еще яснее. Все ждали меня, но так и не дождались.

Пигров рассказывал, что потом на банкете кафедра и совет только мой приезд и обсуждали. А через год, на одной из конференций подо-

шла тетка из Иванова и спросила — тот ли я Тульчинский, которого всем Ивановым возили в Мысы? Оказывается, там эту историю до сих пор обсуждают. Уже почти легенда.

29. В самом конце 50 — самом начале 60-х, мы тогда временно жили в Смольном монастыре, объявились папины московские родственники. Это оказалась ветвь его старшей сестры Голды, которая все это время жила в Днепропетровске с мужем старичком Лейзером. Многочисленные дети давно уже пустили корни в Москве, Малаховке, Люберцах и т. п. И только тогда они с трудом, вытащили Голду с Лейзером из днепропетровского подвала к себе в Москву.

Тетя Голда и дядя Лейзер даже приехали к нам. Симпатичные очень оказались старички. И маме понравились. Было много воспоминаний и слез. Вскоре и мы с отцом поехали в Москву. Отец впервые почувствовал себя патриархом. Все нас принимали, угощали, внимательно слушали, дарили подарки. Но после первой волны ажитации что-то не заладилось. Лейзер и Голда вскоре умерли — перемена климата и московские хоромы не пошли им на пользу. А их дети и внуки были просто другие люди. Люди добрые, но разговоры у них были все больше о деньгах, золоте, мебели, шубах. Как я теперь думаю, плохо понимали, почему папа женился на русской. Они уже не были правоверными евреями, но все же... Некоторые подумывали об отъезде в Израиль и Штаты, а потом и сделали это. У меня к ним нет никаких претензий, я даже очень рад за отца, что он к семидесяти получил такой заряд положительных эмоций. Но мне с ними было как-то душно.

Мы сохраняли постоянные контакты только с самой младшей дочкой Голды — Раей и ее мужем Фимой. И то... Когда мы уже жили на Бабушкина, Фима, заведовавший одной московской свалкой, приехал к нам с чемоданчиком. Он просил папу с мамой поддержать этот чемоданчик у себя, пока там, в Москве, что-то не успокоится. Очевидно, там были какие-то ценности. Родители отказались. То ли вспомнили историю с Мадорскими, то ли просто не захотели рисковать на старости лет. Я учился в техникуме. А тогда гремели процессы валютчиков. Был год примерно 1963. Тот обиделся и больше я его не видел. Рая тоже стала общаться с дядей через губу и тоже сошла с дистанции. Какие-то контакты с москвичами еще пыталась поддерживать Галя Колесникова, но все это носило разовый и однонаправленный характер. Мы остались только при наших тихвинских родственниках.

30. У Эмиля была замечательная методика подготовки к экзаменам. Она включала два варианта подготовки. Первый вариант заключался в том, что Миля ложился на кровать на спину, раскрывал книгу на нужных страницах, клал ее раскрытой на лицо и засыпал. По второму варианту он опять-таки ложился на кровать, поза уже могла быть любая, книгу — закрытую — прятал под подушку и опять же засыпал.

Университетский истфак он окончил с красным дипломом. А потом они с Лидой закончили заочно еще и геофак педагогического. Лида все стараниями, а он — все по той же методике.

31. Дочка Эмиля и Лиды — Марина — тоже закончила два вуза.

Росла она девчонкой смешливой, живой, компанейской. После школы по путевке ереминогорского леспромхоза вне конкурса поступила в Лесотехническую академию. Получила специальность что-то по части технологии обработки древесины для музыкальных инструментов.

Вышла замуж за какого-то Абросимова, родила дочку — Олю. Но оказалась Марина сильной жизнелюбкой. В общем, сбежал от нее Абросимов аж в Гродно, в Белоруссию.

А Марина пела. Солистской была в самостоятельном коллективе высокого уровня, они по стране ездили, за рубеж. Решила она идти по культуре, поступила на заочное отделение нашего Института культуры, по нашей же кафедре и заканчивала. Люба тогда еще работала на кафедре, и наш роман был в разгаре.

И сошлась она с моим же выпускником — Васькой Барашковым, осевшем в том же Тихвине. Эмиль с Гавриловым пришли поговорить с Васей, а тот испугался и отступился.

И тогда сошлась Марина с водителем Кирилловым, до того женатым три раза. Поженились они и родили сына Илью. Выменяли квартиру такую, что из окон можно переговариваться было с Эмилем и Лидой.

Кириллов оказался слаб по части спиртного, с разных работ его выгоняли, стал подолгу сидеть без денег... Да еще — ходок оказался до подруг всяких. В общем, ушел и он.

Марину же назначили директором ПКЮ. Ей так понравилось командовать в культуре, что стала она воевать с зав. районным отделом культуры — мол, разворовывает имущество и деньги. И, несмотря на поддержку из Областного управления, Марина осталась без работы. И в Тихвине устроиться на работу она уже больше не могла. Нашли только место у Царицына озера в детском доме-интернате. Сначала уборщицей, потом воспитательницей на место работницы в декрете, и только затем — в штат. А теперь стоит продавщицей в овощном отделе. И поет все реже.

32. Майка с Гавриловым очень занятная пара. Всю сознательную жизнь, сколько помню, она от него бегала, а он ее догонял и возвращал. Однажды она сбежала с физруком из Туры. Так Володя ее догнал уже где-то за Уралом. Когда папа с мамой жили одни на Бабушкина и мы все собрались делать у них ремонт (Нина как раз рожала Саньку в эти дни), она спросила меня — изменяю ли я жене? Я чего-то хмыкнул. Она назидательно заметила: «Обязательно надо. Это так освежает!»

33. А вот дочка у них — Лариса — полная противоположность и матери, и Марине, с которой выросли они, в общем-то, вместе. Замкнутая, домашняя, холодная. Хотя, девчушкой писала стихи.

После школы поступила в 1-й медицинский. Жила у моих родителей на Бабушкина. Те в ней души не чаяли. Неожиданно ушла в общагу. По моему впечатлению от маминых реакций, как-то обидно для стариков ушла. Сошлась с сокурсником — финном Esko Jalkanen'ом. Он был заметно старше ее и то ли уже развелся, то ли только разводился. К окончанию института они поженились и уехали жить в Suomi. Он хирург, она — анестезиолог. Сначала работали в Турку, потом перебрались в Хельсинки. Детей у них то ли трое, то ли четверо. Майка старалась приезжать к ним, помогать следить за детьми. Гражданство Лариса не меняла долго. Сменила только, когда открылись возможности научной карьеры. Эмиль рассказывал, что когда он ее спрашивал, не жалеет ли она о переезде, та в ответ молчала.

В общем, можно только радоваться. Майка оберегала и оберегает свое/ларкино финское счастье. Как-то любинной подруге, на сносях попавшей в Финляндии в автоаварию, потребовалась просто внятная консультация по страховке. Я позвонил Майке и спросил, можно ли будет той позвонить Ларисе. Майка запретила. Ну да Бог с ними. Может это материнская перестраховка. А может, Лариса отсекает лишнее. Это их жизнь.

Правда, когда я стал ездить читать лекции в Хельсинский университет, года через два Майка меня спросила, не хочу ли я позвонить Ларисе. Я выраженного интереса не проявил. Еще через год она передала мне отпечаток медицинской статьи, где Лариса — один то ли из шести, то ли восьми соавторов. С дарственной. Я поблагодарил, передал для Ларисы какую-то из своих книг. Еще через год Майка, узнав, что я опять еду в Хельсинки, дала мне какой-то телефон — мол, Лариса сама просила позвонить.

Приехав, я сверился с данными в свежей телефонно-адресной книге. Там другой номер домашнего телефона. Тот, что дала Майка, скорее всего, — служебный. И я не стал звонить. Если я Ларисе зачем-то понадоблюсь, она мой телефон знает. А через посредников... Через маму... Не тот уже возраст.

34. Мы с Ниной были на свадьбе Ларисы и Эско. Они снимали специальное кафе с ведущим, артистами, видеосъемкой, сценарием... Из Финляндии приехали его родственники — большей частью работающие, служащие, бухгалтеря. И была сцена...

Сценарий свадьбы закончился. Гости стали собираться. Но на столе оставались напитки и закуски. Я заметил, как их разных мест уже выдвинулись служители, чтобы подобрать остатки. Это было как стоп-кадр. Потому как их опередили финские родственники, быстро упаковавшие все, что можно, в специально приготовленные пакеты. Остави-

ли только грязную посуду. Служители так и остались стоять с отвисшими челюстями.

35. Уже в 2004, когда Майя уже вышла, наконец-то, на пенсию, мы с Машей заезжали в Тихвин из Мишуково. Майя показала фотографии своего 70-летнего юбилея в Финляндии. Старший сын Ларисы — Илья — красавец парень, из которого так и прет мужская красота и напор, неприкаянный. У него все получается, но он ничего не хочет. Прекрасно поет, даже зовут на Евровидение. Записывает диски. И работает в Армии спасения. Средняя — дочка — поет профессионально. Прекрасный голос. За голос ее взяли без конкурса в консерваторию. Поет и младший.

Но, главное, к 50 запела Лариса. И, по словам Майи, а она толк в этом знает, голосом глубоким, окрашенным. И на фотографиях в ней появилось что-то ведьмовское. 45 — бабка ягодка опять. В общем, все запели. А Марина отпелась.

36. Гаврилов рассказывал, как в советское время снимали одного проворовавшего пьянчугу директора совхоза в вепских деревнях за Шугозером. Он пил до потери пульса. Причем поить его должны были все дворы по очереди. Разорил все. В совхозном хлеву стояло несколько плоских, как гончие, свиней на тоненьких ножках. Зато по дворам держали по несколько свиней, отъевшихся на уворованных совхозных кормах. А деньги — и немалые — зарабатывали на отхожих промыслах.

Для начала на бюро райкома КПСС объявили пьянчуге строгий выговор с занесением и рекомендовали снять с должности. Проводить линию партии в жизнь отправился завотделом райкома, который перед этим обвинил Гаврилова (а он был инструктором по этому кусту) в неспособностях эту линию проводить.

Взял этот завотделом с собой партийного вепса, которого хотели назначить директором, и поехал в эту глухомань.

Сначала собрали партсобрание. Коммунисты дружно осудили директора и проштамповали решение бюро райкома. Наутро собрали общее собрание. Все как один клеймили пьяницу-директора. Поставили на голосование вопрос о его снятии.

Тут встал мужичок и сказал: «Мы все за то, чтобы его снять, но сначала хотелось бы знать а кто будет вместо?» — «Вот этот товарищ. Он из ваших. Проверенный коммунист». — «Нет, сказал мужичок, мы его не знаем. Вот если бы вы — вас мы знаем и проголосовали бы — или, тогда уж, старый директор. Его мы знаем, все ему сказали. Он может исправиться». Такого поворота завотделом не ожидал. Растерялся. Оставаться в этой Богом забытой дыре не собирался. И... единогласно проголосовали за старого.

Но этим дело не ограничилось. Встал коммунист и заявил, что не

гоже, чтобы директор был со строгим выговором с занесением. Он, как коммунист, все отмеченные недостатки исправит — кому, как не ему это делать. А выговор надо снять. И коммунисты единогласно сняли выговор.

После этого Гаврилов зачем-то публично упрекнул этого аппаратчика в неспособности проводить в жизнь решения партии. Не удержался. И это ему вышло боком, когда Володя ушел с партийной работы директором Дома культуры. А тот дядечка стал председателем райисполкома. Гаврилов умудрился за год снять ДК с долговой картошки и получить прибыль — деньги он зарабатывал, опережая время. Например, создав художественные мастерские, которые взяли на себя всю наглядную агитацию в районе. Такой у него был фандрейзинг с пиаром. А главное — впервые в истории района ДК победил на всесоюзном смотре художественной самодеятельности.

Но на него были напущены КРУ с ОБХСС, устроили обыск. Правоту свою он отстоял, но с директора ДК ушел в водители и больше в номенклатуру не возвращался.

Гаврилов, похоже, с детства за рулем. По-крайней мере, сколько его помню, он все время при машинах и на машинах. То водитель, то завгар, то инструктор по вождению, то еще чего. Уже в 70 лет в Тихвине его вместе с его стареньким жигуленком вытащили участвовать в районном конкурсе. Так он оказался самым крутым водилой — из пяти призов взял четыре, притащил домой новый цветной телевизор, попал во все новости. Похоже это был его жизненный триумф.

37. Папе как инвалиду Великой Отечественной войны сначала II, а потом и I группы, полагался автомобиль — «Запорожец». Но у него прав не было, а я упирался. Это потребовало бы много времени — в России машина требует много работы на себя. Много дает, но много и берет. Ну и сервис тогдашний. А я тогда бился как рыба об лед, учась на вечернем и зарабатывая средства к существованию — с 19 лет детей воспитывал.

Кроме того, я холерик, постоянно воспитывающий в себе флегматика. Но если меня достать, то я себя плохо контролирую. Было несколько раз, когда я себя боялся. То есть, ежели чего случится, то я запросто могу не сдержаться, а там — то ли я кого убью, то ли кто меня.

И еще несколько сцен мне в душу запали. Одна у Апраксина двора на Садовой, где тогда был магазин автомобилей. Мужик на новеньком, только что купленном «Москвиче», только высунул на Садовую и вмазался в огромную «Татру». Виноват был он — не заметил на радостях. И вот он стоял и плакал. Взрослый мужик. Наверное, много лет копил, не ходил в кино, не ел мороженого, и вот. И никаких денег уже не хватит.

А вторая сцена — ДТП. Я ехал в трамвае и мы проехали мимо только что происшедшего столкновения легковухи с встречным трамваем.

Передок у машины был разбит, ветровое стекло выбито. У водителя нос и глаза были вмазаны в затылок. По нему еще текли кровь и что-то беловатое, наверное, мозг. И голова его как-то трепыхалась, видимо, в агонии.

Но батька все доставал. Я в какой-то момент даже справочник купил. Но потом решил — нет. И спросил отца и домашних: «Вам что нужно — автомобиль или живой сын, муж и отец?» Такие аргументы на батьку действовали. Он больше не заговаривал на эту тему со мной. Пытался договориться с Гавриловым, но что-то не заладилось.

А может — зря. Многое бы повернулось в жизни иначе. А сейчас поздно. Мне. Дети — пожалуйста. Сашка уже катается, и даже докатался до серьезной аварии. Он везунчик.

38. Папа очень выручил меня. Я уже был женат, была Аринка, по моему, уже и Санька был. Работал еще в Автотранспортном техникуме и учился на вечернем в университете. Помирал от саркомы печени нинкин одноклассник, вошедший и в нашу компанию — Филя Бронфин. Я его довольно часто навещал. И именно у него дома в первый раз проявился симптом: когда уже уходил, в дверях вдруг рассредоточился взгляд — по центру серая пелена, только по периферии что-то видно. Вышел на улицу, и началась сильная головная боль. Потом такое же было дома. А однажды, помимо рассредоточения взгляда, вдруг отнялась левая нога — я ее просто не чувствовал, стоять было невозможно, как будто ею проваливался. Это онемение потом поднялось, перешло на левый бок, руку, и при этом появилось ощущение левой стопы, голени и т. д. Вся это волной прошло по левой стороне тела, выйдя из темени. И опять закончилось дикой головной болью.

Пошел в поликлинику к невропатологу. Та осмотрела и дала направление в психоневрологический диспансер. Предварительный диагноз — эпилепсия. Я ей говорю, что никаких ведь припадков нет. А она в ответ, что это у вас могут быть их эквиваленты, и пусть, мол, там разберутся. Я уже собрался, было, идти в ПНД, но отец отсоветовал и договорился со своим старым знакомым довольно пожилым невропатологом Динером, который работал в Боткинской больнице.

Пришли мы к Динеру. Тот меня часа полтора мурыжил, все, что можно, проверил. И говорит: «У вас вегетативная дистония, истощение нервной системы. Работаете?» — «Да». — «Где?» — «Секретарем комитета комсомола в техникуме». — «Надо менять работу». — «Сейчас не могу». — «Тогда надо бросать учебу». — «Да вы что?! Не могу». — «Тогда радикально меняйте отношение к жизни — никаких стрессов. И, кроме того, за два часа до сна — никаких чтений и телевизора. И поколите алоэ и витаминами группы В. А направление это в ПНД порвите и забудьте о нем. И ходить туда категорически не советую — поставят на учет, а вам это надо? Жизнь-то еще начинается». С тем и ушли. Я старика Динера всю жизнь помню, и помнить буду.

39. И еще раз отец, косвенно, но подтолкнул меня к решительным действиям, изменившим ход жизни. Но это длинная история. Из очень раннего детства запомнилась диковатая сцена. Я тогда сильно болел, не вылезал из кровати, и кто-то принес мне куклу. И я целый день с этой куклой как-то в охотку и хорошо проиграл. Отец пришел поздно вечером и, увидев куклу, вырвал ее у меня, разорвал ее, топтал ногами и кричал, что никогда его сын не будет играть в куклы! Я его таким не видел никогда ни до этого, ни после. Именно своей дикостью для меня эта сцена и запомнилась.

Подрастая, я заметил, что мама страшно ревнует папу и несправедливо, как я считал, вешает на него всех собак. Постепенно, особенно к пенсии, на первый план стал выходить один и тот же сюжет — так называемая «Гражданка». Папа любил играть в карты, был неплохим преферансистом и практически каждое воскресенье уезжал «на Гражданку играть в карты». Я так понимал, что там, где-то на Гражданском проспекте сложилась какая-то картежная компания. Но мать при этом просто трясло. Доходило до того, что когда он ее чем-то доставал, она не стирала и не гладила ему рубашки, сопровождая отказы громким комментарием: «Езжай на свою Гражданку — пусть там тебя обслуживают». Самое поразительное, что он иногда так и делал.

Мне как-то было не до того, и я не придавал этому особого значения. Правда, когда мать уже после 75 особенно распалилась и стала требовать развод, я как-то враз и ее, и, по моему, отца тоже, остудил одной репликой: «Я вас знаю только как моих маму и папу вместе. Хотите — разводитесь, но тогда — без меня».

Оба они умерли в 79 — сначала мама, потом папа. Когда скончался папа, я взял его записную книжку и стал звонить по телефонам. Кого-то я хорошо знал, о ком-то слышал. Дошел до записи «Гражданка» (так и было записано плюс номер телефона — больше ничего). Звоню. Отвечает женский голос. Представляюсь. Там — держат мертвую паузу. Говорю, по какому печальному поводу, беспокою, когда и где будет кремация и приглашаю. В ответ благодарят за звонок, и на том прощаемся.

В крематории обратил внимание на женщину примерно моего возраста, единственную, которую я не знал из всех пришедших попрощаться с отцом. По окончании процедуры она подошла ко мне, назвалась Ириной, еще раз поблагодарила за звонок, попросила обязательно позвонить ей, когда я буду подзахоранивать урну. Я позвонил. Она приехала на кладбище. Там были только мы с Ниной, дядя Степа Меркулов и она. Когда стали расходиться, она весьма настоятельно просила звонить и навестить ее с сестрой.

Тут уж меня заело всерьез, и я решил брать медведя в берлоге, особенно не затягивая. Вскоре позвонил, договорились о дне и я поехал. «На Гражданку». Приехал. Типичная квартирка в доме 1960-х годов постройки. Явно вылизана к моему приезду. Две нормальные сим-

патичные тетки. Вторая немного старше Ирины. Обе — технари-инженеры. Сели пить чай. О чем-то они меня спрашивали, но больше я их слушал.

Получилась такая история. Их мать, которая скончалась за пару лет до этого, была в давних отношениях с моим отцом. По их словам получалось, что папа с нею сошелся даже раньше, чем с мамой. И какое-то время он сидел на заборе, не прыгая ни в ту, ни в другую сторону. Но когда родился я, отец выбор сделал, хотя отношений полностью не прервал. Получалось, что они обе, или хотя бы одна из них — мои сестры. Я не спрашивал. Они на эту тему молчали. Но показали фотографию сына старшей из них, который в 14 лет полез на столб линии электропередачи и его убило током. Сказали, что папа очень заботился о нем, всегда приносил подарки. На фотографии я увидел парнишку — вылитого моего старшего сына Сашу, который больше всех моих детей похож на моего отца и на Эмиля Филиппова.

Мы проговорили больше двух часов, помянули папу. Весьма мило расстались, договорились еще созвониться. Я больше не звонил. Они не звонили тоже. У меня к ним никаких претензий нет. Но у них осознанная или неосознанная обида на меня, точнее — на факт моего существования, чувствовалась. Что обсуждать при встречах? Травить им душу рассказами о нашей семье? Иногда замечаю только, что еще кто-то иногда проявляет заботу о могилке папы, мамы и бабушки.

Последствия этого общения для меня были самыми радикальными. Тогда я уже около двух лет сам сидел на заборе и тянул душу не только себе, но и Нине, и Любе. И я вспомнил давнюю сцену с куклой. Вспомнил мамину сцену. И не захотел такого. Решил, как я тогда полагал, не повторять отцовскую ошибку. И ушел к Любе. Правда, там еще приложила свою руку и Нина Александровна. Но «Гражданка» была для меня — одним из самых веских аргументов, если не главным.

Правда, с годами я вдруг понял все коварство судьбы. На самом деле я повторил отцовский путь. Но, слава Богу, при живых старших детях и возможности открыто общаться с ними сам и вместе с младшими. Но вот уж это я могу поставить себе в «заслугу».

40. А вот Филиппов повторил путь отца буквально. Папе и маме была очень симпатична Лида, с которой Миля женихался почти все время учебы в Питере. Она как своя жила у нас дома и на даче, возилась со мной по очереди с Милей и Майей. Но когда Филиппов по окончании университета уезжал в Туру, то провожать его на вокзал пришла другая. Отец отвел Эмиля в сторону и сказал ему все, что думал о нем по этому поводу. Миля очень любил, ценил и даже боялся батьку — собственно, он и был ему как отец. И в Туру к нему поехала Лида, где они и поженились, и где родилась Маринка.

А потом начались Лидины слезы. В Туре, потом в Шугозере, потом в Ереминой горе. Я помню ее разговоры с мамой, когда Лида приезжа-

ла в Питер поплакаться. Думаю, им было о чем поговорить, что сказать друг другу. Кульминация всего этого наступила в Ереминой горе. Эмиль серьезно запал на старшеклассницу, председателя совета дружины, серьезную умницу евреечку Раю. По окончании школы взял ее за руку и отвез в Питер, в Педагогический, а оттуда (он уже работал в Тихвине) привез ее в Шугозерскую школу, где Раиса Петровна теперь уже много лет директорствует. Очень искренний и открытый человек, уважаемый не только в Шугозере, но и в районе, и в области. И Филиппов пас ее все время, можно сказать — вырастил из семечка. И каждый выходной, по любому поводу (грибы, ягоды, какая-то рыбалка, охота, навестить Якова Ивановича, приятеля Кузина...) уезжал в Шугозеро. Останавливался у Якова Ивановича, но на ночь уходил к Раисе Петровне. Это знало все Шугозеро. Доброжелатели все докладывали Лиде. Такая у Филиппова получилась своя «Гражданка».

Петровна пыталась выстроить свою жизнь. Вышла замуж за своего старшеклассника. Молодой муж сбежал в армию, а из армии домой к жене не вернулся. Наверное, неспроста. Петровна носит его фамилию. Так же, как и два ее сына. Старший — теперь уже офицер и сам женатый — ну, очень похож на моего Сашу, только выше ростом и массивней. Ну полная «Гражданка»!

Все об этой истории знали Майя с Володей, которые всегда симпатизировали Раисе, дружили и дружат с нею, приезжая в Тихвин, та иногда ночует у них. Я, бывая в Шугозере всегда стараюсь встретиться с Петровной, тем более что мы с нею одногодки, да и человек она славный. Иногда звоню ей из Питера.

Когда Филиппов скончался, все ждали грандиозного скандала, потому как Лида категорически не хотела видеть Петровну на кладбище, а та не могла там не быть. Все решила мудрость местного учительского сообщества. На кладбище Петровна была окружена плотным кольцом коллег, которые постоянно следили, чтобы Лида и Петровна случайно не пересеклись. Народу было так много, что план удался полностью.

Лида, с которой у меня с детства хорошие, теплые отношения, как-то напряглась, узнав, что я не только знаю о Раисе, но и контакту с нею. Перед похоронами Эмиля я рассказал ей про папину «Гражданку», про ее роль в моем выборе. А добил я ее двумя аргументами. Во-первых, я не могу игнорировать человека, которого ценил и любил Эмиль. Тем более что и этот человек очень любил и любит Эмиля. А во-вторых, что в этой истории нет хищников — все жертвы, нет победителей — проиграли все. И Лида отмякла. Больше мы к этому вопросу не возвращались. Чуть позже такой же разговор и с тем же результатом у нас состоялся и с Мариной, которая была настроена очень агрессивно. Я почему-то думаю, что эти разговоры тоже сыграли свою роль на похоронах. Лида мудро не заметила Петровну. Не простила, но смогла стать выше обиды.

41. Отец никогда не занимал руководящих должностей. Только перед войной он работал директором щеточной фабрики. А так он постоянно был «вторым»: замдиректора завода шампанских вин, замдиректора «Ленлеса». Он создал Ленинградскую контору по снабжению Госкомитета по печати СССР, но был в ней первым замом. Он тянул всю работу, но был вторым. Да и время было такое. Директора хотели иметь «своего еврея». Так и спрашивали друг друга, а у тебя кто еврей? То есть они осуществляли «общее руко-водство» (руками водили, щеки надували), кадры подбирали из своих и нужных, а работал, вел хозяйственную деятельность кто-то безответный и кого можно было в любой момент подставить, сдать, кинуть.

С какого-то момента жизни я начал замечать за собой качество «второго». Причем, осознанное. У меня было несколько вариантов делать административную карьеру на предприятиях (звали), в Ленокеанрыбфлоте (хотели сделать замдиректора по экономике), звали на заведования кафедрами и у нас и в других вузах, Институт культурных программ делали под меня, в последний момент я изящно прогнулся и пропустил Андрея Зонина. Не люблю я отвечать за ведра, швабры, увольнения, выговоры, сидеть в присутствии и т. п. Не хочу я в клеточку, посижу на веточке. Однако, всегда оказываюсь около принятия решений, со мной советуются и я люблю это влияние на принятие серьезных решений. Но я всегда, делая что-то, отдаю это что-то в другие руки. Хозрасчетный учебный центр при кафедре, Учебный центр «Персонал», Институт культурных программ, Гуманитарно-творческая ассоциация «Живая культура».

Уже студенты спрашивают: «Почему Вы преподаете? Почему Вы, известный специалист, не откроете свое дело?» Я обычно отвечаю, что не люблю административную работу и предпочитаю быть востребованным специалистом — экспертом, консультантом и т. п. Но чем дальше, тем чаще я вспоминаю отца. Все чаще сам себе напоминаю его: в выражении лица, походке, повороте головы...

42. Меня давно спрашивали разные люди — не являюсь ли я родственником журналистки Майи Тульчинской. Так я узнал, что есть в Питере такая журналистка, что вела она на телевидении интересную передачу «Бизнес-контакт». Но я эти передачи не видел. Потом кто-то ее вспоминал в других контекстах.

Так оно и тянулось, пока я не попал на питерский клуб рекламодателей. Меня пригласила постоянный ее член Кристина Хейфец, моя выпускница и которую я пригласил на презентацию моей последней книги о PR фирмы. Только я зарегистрировался и присел, ко мне подошла энергичная тетка чуть моложе меня, и говорит: «Ну, наконец-то я встретилась с человеком, про которого меня спрашивали, не являюсь ли я его родственником». Я сообразил, что к чему и говорю: «Не представляйтесь, я знаю — Вы Майя Тульчинская, про которую меня

спрашивают — не являюсь ли я ее родственником». Посмеялись, обменялись визитками и договорились, что сразу после Нового года я ей позвоню и встретимся, поговорим.

Позвонил, встретились в кафе. Проговорили около трех часов. Мы оказались не родственниками. У нее фамилия по маме. Майя взяла эту фамилию после того, как отец ушел из семьи. Мать у нее из-под Винницы. Так что, вроде бы, родственных связей не прослеживается. Но нам было интересно слушать друг друга. Порассказывали друг другу о родителях и отношениях к ним. Ее отец, оказывается, уйдя из семьи, остался жить с ними в одной хрущевке и не общался с нею как с дочерью. Почему она и сменила фамилию. Так она несколько лет молотилась, чтобы заработать («доллар к доллару») на квартиру и отселить отца. Сделала это. И у них как-то стали восстанавливаться отношения. Сама несколько раз была замужем — все неудачно. Без детей. Живет с матерью. У нас оказались удивительно схожие траектории. И поразительно, как мы не пересекались живьем. Она закончила Институт культуры в том году, когда я пришел туда работать. Работала на ТВ, когда я колупался с «Живой культурой» и делал с Горноном, Останиным, Гилянским и др. несколько передач. Масса общих знакомых — среди журналистов и в культуре. Сейчас работает в банке, занимается пиаром и рекламой — опять пересечение! К ней попала информация о презентации моей книги, но она не смогла придти, а когда она увидела меня в программке клуба рекламодателей, то решила пойти и, наконец, идентифицироваться.

У нее не сложились отношения не только с отцом, но и с какими-то родственниками из Средней Азии, которые недавно уехали в Штаты. Обсудили некоторые идеи. Она креативщица. От этого и средства к существованию. Были и свои грандиозные планы — к III тысячелетию, к 300-летию Питера. У меня бродят идеи по Питеру, глокалистике и т. д. Договорились контактов не прерывать. Посмотрим, что получится.

43. Появилась еще одна журналистка Тульчинская. Это Настя, бывшая жена моего старшего сына Саши. Они вместе учились в киноинженеров на звукорежиссуре. Очень мне эта девочка нравилась. Какая-то вся внимательная и сосредоточенная. Оказавшись среди моих старших, сразу потащила часть воза домашнего хозяйства. Работала начальником звукоцеха Театра Буфф. У Сашки там долго лежала трудовая книжка.

У нее аллергии, девочке явно надо было рожать, но Александр не захотел. Разошлись, опять сошлись, а потом спокойно развелись. Она подрабатывала в «Телевике», дошла до его редактирования, а теперь работает и на радио. Несколько лет назад признана «Золотым пером Санкт-Петербурга».

44. Иду на радиостанцию «Свободный голос». Она на территории

бывшей глушилки, обнесенной забором с КПП. На КПП тетечка. Спрашивает: «Как ваша фамилия?» — «Тульчинский». — Пауза и она — горячо и убежденно: «Не может быть!» Тут уже я удивляюсь: «Почему это?» — «Потому что это я — Тульчинская!» Разговорились. Оказалось, что у нее фамилия по мужу, и я слышал про этого однофамильца. Но какова была убежденность!

45. Ну, и растет еще одна Тульчинская — Соня, моя внучка от Арины, которая родила ее вне брака. Так что город начали наполнять Тульчинские женского гендера без активного мужского участия, а то и вопреки ему.

Пророческая была моя детская фраза насчет «одних баб».

46. Интересный разговор с коллегой Г. Он 8 лет прослужил в танковых войсках. Философ, доктор философских наук. работает на кафедре менеджмента. Пишет книги, учебники, рассказы. Я однажды спросил: «Вы кто? Офицер? Писатель? Лектор?» Он задумался, а он очень добросовестный человек и автор, и ответил: «Я — бегун. Я — это когда я бегу». И я вспомнил, что он каждый день бежит по 3–7 км. Тогда уже я задумался — а кто же я, за кого я себя держу? И несколько неожиданно понял, что я — это мальчик с Синопской. Я это все, что со мной в жизни происходило и происходит — приключения этого мальчика: нескладного, заикастого полукровка с Синопской, из промзоны в центре Питера. Это мне многое объяснило в себе и в отношениях с другими, их замечания, что, мол, доктор, профессор, пора быть солидней... А я — это я. И это — истории по жизни этого мальчика.

II. Вершки (Школа)

Школа размещалась во флигеле нашего дома, который стоял вдоль набережной и, тем самым, замыкал двор дома с внешней стороны. Подворотня дома, т. е. проход во двор с чугунными воротами и дворницкой, была прямо по середине школы. Но вход в саму школу был с набережной, справа от подворотни.

1. Где-то в 4–5-м классе у нас появился второгодник. Саша Иванов. Он был намного выше и сильнее всех в классе. И парень довольно безобидный, может только чуть заторможенный. Почему-то мы с ним подружились. Началась наша дружба с того, что как-то на перемене, когда он стоял в кучке ребят, я подошел к нему сзади с намерением дать ему под зад коленкой. Для этого мне пришлось высоко задрать ногу и даже подпрыгнуть... Когда я поднялся, Саша продолжал о чем-то говорить как ни в чем ни бывало. По-моему, он даже ничего не заметил.

Как я потом всем рассказывал: «Я ему как дал. Поднимаюсь, а он стоит».

Этот же Саша Иванов, уже будучи подростком, выработал способ — как не попасться пьяным на улице. Выпив, он по улице не шел, а ... бежал. И однажды не заметил столб и попал в больницу с сотрясением мозга.

2. Курить у нас начинали рано, и курили всякую дрянь. Махорку, «Дымок», «Север», «Новые» — то, что стоило копейки. Собирали окурки, «жирные хабарики», и крутили из них самокрутки. А еще мы с Санькой Приходько являлись в школу спозаранку, одними из первых, чтобы собрать засохшие листья в горшках с цветами, что стояли на окнах класса. И курили самокрутки из этих листьев, высунувшись в форточку.

Однажды мы курили в форточку свои самокрутки. На набережной было еще темно, и мы поняли, что что-то случилось, по крикам, беготне и общему шуму. Оказалось, Витька Макеенко из нашего класса решил на спор переползти проезжую часть Синопской. И пополз на глазах у некоторых свидетелей. Движение тогда на Синопской, особенно утром было почти никакое, но Вите не повезло. Он уже почти переполз, когда появилась шедшая от Лавры на приличной скорости машина. Он вскочил в последний момент и, наверное, не заметил встречной машины, которая сбила его и отбросила под колеса первой. На похороны ходили классом. Это была для меня первая смерть. Витька

был тихим, спокойным крепышом. Его было очень жаль, все к нему хорошо относились и очень живо обсуждали, как поступили бы они. Кто-то говорил, что надо было встать и стоять — машины объехали бы. Кто говорил, что надо было леч промеж колес машины. Но никто не усомнился в самом споре — в необходимости ползти на пузе поутру через улицу.

3. С физкультурой у меня первоначально были некоторые проблемы. Как сказал врач на одном из школьных осмотров, повертев меня и пощупав щупленькие косточки: «Ладно скроен, да не крепко шит». Поэтому лазание по канату и шесту, подтягивание на перекладине получались весьма плохо. В общем, координация и руки оставляли и оставляют желать... Ну, и еще плоскостопие.

Правда, довольно быстро я понял, что где не хватает силы, можно брать техникой. Спорт я всегда любил, особенно легкую атлетику, теннис, футбол, много читал о спортсменах, любил рассматривать кинограммы. В результате я самостоятельно освоил технику перекидного прыжка. Все прыгали ножницами, а я перекидным. Был бы тогда известен фьюсбери-флоп, освоил бы и его. Толчок у меня из-за плоскостопия был слабый, но за счет техники прыгал на 150–155 см, что для 12–13 лет было неплохо. Хотя Петька Чижевский и ножницами прыгал на 160. Освоил технику низкого старта, гладкого спринта, «высокого» бега на длинные дистанции, темповую технику толкания ядра. Пытался качать мышцы, но это получалось хуже.

Преподавательница заметила мои успехи и включила в сборную школы по «пионерскому четырехборью». Как я готовился! Бегал пробежки — благо жили мы тогда в Смольном монастыре.

Соревнования проходили на Кировском стадионе. До этого я бывал на нем только зрителем. А тут я был спортсменом! Даже пробежал круг. Подумал еще тогда — и почему 400 метров считается спринтом? В высоту прыгнул средне — 145. В длину слабовато — чуть за 3 метра. Кинул куда-то гранату. Больше всего я ждал 60 метров. Мой любимый спринт. Я чувствовал себя Бобби Морроу. Когда объявили мой забег, то на старт вышли всего двое: я и огромный мускулистый верзила с шагом, наверное, вдвое большим, чем мой. Стало мне не по себе. Я приготовился к низкому старту. Верзила удивленно глянул на меня и только слегка наклонился. Дали старт. Я вырвался вперед, но услышал, как сзади на меня тяжелыми шагами набегает нечто неотвратимое. Бежал я изо всех сил, но дело было явно безнадежное. И вдруг раздался тяжелый грохот. Верзила упал. Он поднялся и почти догнал меня. Но забег я выиграл! Бурным финишем и набегая на невидимую финишную ленточку.

4. Мы с кем-то из одноклассников подходили к подворотне дома. У двери школы копошилась какая-то девчужка дошколятского вида и ро-

сту. Когда мы уже почти подошли, она отскочила от двери и подскочила к нам с подозрительно блестящими глазенками: «Вы посмотрите — что там кто-то на двери написал!» Мы посмотрели. Там красовалось только что нацарапанное слово из трех букв. Девчонка не убедительно мотала головой: «Это не я. Не я».

5. В конце 50-х наш дом пошел на капремонт. Школа оставалась, а жилые флигеля надо было ремонтировать. Нам предлагали новое жилье где-то у черта на куличках. Родители не захотели и мы поехали в маневренный фонд. Это оказалось ни больше ни меньше — Смольным монастырем. Мы жили прямо за собором, в корпусе который стоит вдоль Невы, на первом этаже правой части, в келье 6. Это входил в корпус, направо по коридору. И в коридор выходят двери келий, окна которых (по одному) выходят в старый сад, за которым уже Нева.

Сейчас все также, теперь там университет. А тогда на весь коридор — одна кухня и один туалет. Но келья была просторная. Я блаженствовал, вылезая в сад. По утрам делал с кошкой пробежки, после которых шел купаться, а Муська прыгала на окно и ждала меня. Почти сразу за нашим окном начинался высоченный каменный забор Смольного — штаба революции и тогдашнего Обкома партии. Он упирался в Неву, продолжаясь в ней клубами колючей проволоки. А еще у воды стояла вышка с вертухаем. Однажды, осмелев, я поплыл против течения и заплыл за забор. Что тут началось. Вертухай заорал истошным голосом, стал передергивать затвор, целиться в меня. Я, от греха подальше, нырнул, и по течению ушел обратно за забор. Хотя ситуация была очевидная: мальчишка, без трусов, просто заплыл. А может, — вертухаю развлечение было.

Теперь нет того замечательного дикого пляжа с красным шиповником. Зато пробита широкая набережная с очень интенсивным движением. Смольнинская набережная.

6. У меня совсем плохо с музыкальной грамотой. Дело, наверное, не только в отсутствии музыкального слуха. У двоюродных брата и сестры с этим все в порядке. У старшего сына музыкальный слух почти абсолютный. Да и батька в застолье любил петь и пел неплохо. Может все дело в школе. Тогда музыкальное образование сводилось к урокам пения. В начальных классах с нашей учительницей мы пели только «Жила была пастушка» и «У дороги чибис». В четвертом классе на паре уроков мы пели «Бандера росс», а на следующих уроках учительница закрывала класс на ключ и пересказывала нам, как я теперь понимаю, рассказы про Шерлока Холмса. Пока ее однажды не отвезли в больничку. И больше уроков пения у нас не было. Появилась как-то новая учительница, стала чего-то говорить про первые и вторые голоса, но, видимо, мы смотрели на нее настолько недоуменными глазами, что больше мы ее не видели.

7. Любимым моим предметом в школе, была география. Сколько себя помню, всегда возился с картами и читал взрослые книги про путешествия, освоение Арктики и т. п. После 7-и классов собирался в топографический техникум, но родители не дали. А после холодильного техникума все-равно отучился вольным слушателем (кандидатом) семестр на геофаке.

В школе нам географию начали преподавать с 5-го класса. Преподавал ее нам директор школы — очень серьезный мужчина. Я у него ходил в отличниках, пока однажды не поделился с ним радостью узнавания. Прочитал я книжку в серии «Библиотечка “Огонька”» о китобоях. Называлась она, как сейчас помню, «Рейс в Антарктику». Автор сам Соляник — знаменитый тогда капитан китобойной флотилии «Слава». Теперь-то я понимаю, и что хищничеством занималась эта флотилия, и что автором книжки, скорее всего, был не сам Соляник, а какой-то журналист. Но написана она была весьма занятно, ярко. В том числе и о китах. Оттуда я узнал, что киты, вопреки сказке Ершова, не рыбы, а млекопитающие. Как-то после урока подошел к директору и говорю ему, что вот, мол, прочитал замечательную книжку, из которой узнал, что киты — не рыбы. Он посмотрел на меня, как на издавшего неприличный звук, и спросил, откуда я набрался такой чепухи. Осев на задних лапах, я назвал книжку. «Ну, ну, принеси мне эту ахинею», — сказал он. Я принес. Он держал ее две недели и с каменным лицом, не говоря ни слова, вернул. Но с тех пор он мне по моей любимой географии больше четверки не ставил.

III. Широко простирает свои руки холод (Техникум)

Речь идет о Ленинградском техникуме холодильной промышленности на Гастелло, 19. Родители закинули меня туда после 7 класса (это был последний год, потом брали после 8-го). Они, уже пожилые, спешили дать мне специальность. Мать знала директора техникума — Колесова и даже ездила к нему по моему поводу. Ездить приходилось сначала на перекладных с Синопской, а потом на 11-м автобусе по Южному шоссе, через тогдашние купчинские капустные поля.

1. В вестибюле техникума было какое-то огромное индустриальное панно, а над ним — большими буквами изречение тогдашнего министра пищевой промышленности А. И. Микояна: «Широко простирает свои руки холод!»

2. Наш выпуск холодильного техникума оказался very special. Галя Вигнанец — краевед-историк и крутой частный экскурсовод. Я — по философии пошел. Толя Малкин был главным режиссером театра в Мурманске, теперь на московском ТВ заметная фигура — командует АТВ — Авторским ТелеВидением. Мишка Быков окончил студию ТЮЗа, театральный, был известным диктором питерского ТВ. Вовка Литвиненко — старожил с пересаженным сердцем, даже в специальных соревнованиях спортивных участвует. Лева Литвинюк разбогател на торговле стеклом. Саша Шпан пошел крупным администратором в торговле и ресторанном деле. Но самой значительной фигурой первоначально был Коля Лавриков. Никого из однокурсников демонстративно не узнавал на улице. Он стоял в пивном ларьке на Васильевском острове.

По специальности работал, похоже, один только потомок князей Платоновых — Олег. Он ездил на вагонах-рефрижераторах. Недавно, говорят, скончался.

3. Поездки в 11-м трамвае запомнились на все жизнь. Люди давились, висели из не закрывающихся дверей, на заднем бампере, цепляясь за двери. Билеты брал мало кто. Контролера я видел только один раз. Бедную тетку затолкали на заднее сиденье, посадили, прижали и сказали, чтобы не рыпалась. Так и доехали до Московского района.

Один раз я стоял в самой жесткой позе: правой рукой держась за поручень у потолка, левой — за спинку сидения, а левым бедром упираясь в это самое сиденье сзади. И тут нас потрянуло так, что меня гениталиями прижало к ручке сидения. О-о-о-о! Сознание на какие-то

мгновения отключилось и я просто обвис. Очень поплохело и мир стал серым-серым. А потом пришла боль адская. Но доехал.

4. Раньше выходило много спортивной литературы. «От Афин до Рима», о знаменитых спортсменах — наших и зарубежных. Я очень любил эту литературу. Особенно по легкой атлетике. Сам занимался в секции спринтом, пока не порвал мышцу на левой ноге: не разогревшись, рванул на стометровке — и все.

Особенно запомнились мне книжки про американского спринтера Бобби Морроу и про толкателя ядра Перри О'Брайене, выработавшего темповый способ толкания ядра. Я даже распробовал этот способ. Однажды, еще с не залеченной мышцей и освобождением от физкультуры, пошел с ребятами на занятия. А они как раз толкали ядро. И намного дальше всех толкал Олег Лось, полностью оправдывавший свою фамилию — был на две головы выше всех, здоровенный и розовощекий. Я попросился попробовать и — как был в брюках и ботинках — толкнул ядро почти на два метра дальше Олега. Физрук запрыгал вокруг — давай опять в секцию, будешь метателем! Но не получилось, да и скучно это — в секции. Другое дело — сам по себе.

5. После 1-го курса нас послали летом в колхоз, под Лугу, в деревню Вычелобок. Тоска была зеленая и один из наших — Коновалов из параллельной группы — объявил, что завтра, в воскресенье у него день рождения. Начались приготовления. У нас с Валентиной Приставкиной только разгорались отношения и мы ушли в лесок загорать.

Вернувшись, мы, еще подходя к клубу, в котором жили, почувствовали неладное. Никого нет и мертвая тишина. Подошли к речке и увидели Мишу Баюнова, лежащего навзничь на берегу головой в воде. Чудом не захлебнулся. Мы его оттащили подальше от воды. Он был пьян вдрабадан. Нашли по кустам еще нескольких. Потом появилась бедная наша физкультурница, которая была нашим куратором и ездила с утра в Лугу. Увидев все это безобразие, она стала белее мела. Вместе с нею нашли еще кого-то. Потом местная старушка привела Валю Суроегина. Он был в плавках, кожаной шляпе и галстук. Старушка рассказывала, как она с ужасом увидела в окошко, как Валька залез на ее забор и пошел по нему, балансируя руками, но — не падая (!). Так он дошел до ее избы, влез на крышу и стал ее разбирать — отдирает drankу. Она стала кидать в него дрова и только так согнала с крыши. Валя икал и бормотал что-то несусветное.

Потом местные стали постепенно приводить остальных. Кого находили в сарае, кого в поле. Слава Богу, нашлись все. Оказалось, что наши орлы выпили сначала денатурату, а потом цветочного и еще какого-то одеколону — ну, и отключились. А день рождения у Коновалова оказался поздней осенью. Просто скучно стало — он и объявил. С того раза, если я слышу, что кто-то говорит, что у него завтра день

рождения, я вздрагиваю. По тонкому льду, ведь, ходили. Валька Суроегин был с Клинского — были такие ребята «с Клинского угол Малодетскосельского». Однажды позвал к ним — мол, вернулся из колонии Фанера. Я пошел. Фанера был старше нас, собрал вокруг себя шкетов, подливал «Солнцедара» и вещал о жизни в колонии, учил драться ногами. Не понравилось мне это. А кому-то нравилось.

6. Примерно тогда, наверное, я решил для себя проблему — кем лучше быть: первым среди последних или последним среди первых? Прелести первого меня никогда не занимали. Я всегда делал выбор в пользу второго, хотя всегда прорастал через этих «первых», каким бы я «последним» среди них ни был.

Особенно мне нравится быть «вторым» среди первых, тем, который советует и готовит решения. Нехорошая, наверное, черта.

Но первым бывать не люблю. Мне всегда нужен лидер, старше меня по возрасту. Недавно в одной умной американской книге по практической психологии наткнулся на такое явление. Оно, оказывается, характерно для интеллигентов в первом поколении. Это когда человек занимается делом, несвойственным и непонятным его родителям. Он неосознанно находит кого-то старшего из своей новой сферы деятельности, заменяющего ему отца.

У меня такие старшие были всегда. Валя Суроегин, потом — Лева Литвинюк в техникуме. Вадим Мовчанюк в ЦКБ «Айсберг». Гусев в философской субкультуре. Родители же были намного старше и мои интересы им, большей частью, были непонятны. «Опять собираешься на свой трепачевский факультет», — обычно напутствовал меня отец, когда я уходил на занятия на философском факультете.

7. Такая тяга к старшим, как я понял с годами, способна породить неожиданную проблему. Все мои друзья уйдут раньше. Грубо говоря, меня хоронить будет некому. Те, кто хоронить будут, меня толком и знать-то не будут!

Почему, когда помирают молодые, их так шумно хоронят? Много живых, их знающих. Ну, и трагедия раннего ухода. А старики... Один — два зажившихся друга. Да и пора пришла.

Может, и пишу-то это все, чтобы ввестись в печенки читателю!? Чтоб запомнили. Корыстный такой интерес.

8. Одни из самых первых негров в Питере появились в нашем техникуме. Они были из Гвинеи — шоколадного цвета, бедные, дети госслужащих и крестьян. Очень простые ребята. Вместе с нами занимались в секциях. Рекорд техникума на стометровке до сих пор, по-моему, принадлежит Коффи. были из Ганы — мышино-черного цвета, богатенькие сынки вождей, больших чиновников, почти все до этого учились в еропейских вузах. Учился в Оксфорде, приехал доучиваться в

ЛТХП! Каждые каникулы они летали в Европу «одеться». С ганцами были проблемы. Однажды в буфете один из них полез без очереди, а когда Валя Суроегин одернул его, тот окрысился: «Молчи, дурак, у моего отца таких как ты пятьдесят человек на плантации». В общежитии ганцы постоянно конфликтовали с ребятами, их били, приезжал посол. Один из них зимой пьяный вывалился из поезда Питер-Москва и замерз. Был грандиозный скандал — даже в газетах писали.

Один из наших ганцев в ресторане гостиницы «Россия» у Московского парка Победы пригласил потанцевать девушку. Та отказалась и он потушил сигарету об ее плечо. Та визжать. Дружинники не знают, чего делать. Вроде бы надо хулигана вязать, но ведь он иностранец, да еще негр. Тут поднялся один мужик, дал этому ганцу по морде так, что тот покатился под столики. Тут дружинники уже знали, что делать, кинулись к нему, но тот предъявил дипломатический паспорт. Английский дипломат. Убирая документы, он бросил дружинникам: «Вас еще долго надо учить, как с ними обращаться».

9. Негры долго не давали покоя моему приятелю Жене Рогалеву. Его все мучала проблема — они все такие черные или нет? Иначе говоря, неужели задницы и все прочее у них тоже черные? И вот однажды Женька довольный вышел из туалета. «Ты чего?» — «Все». — «Чего все». — «Ну, все черное».

10. Но однажды эти негры здорово меня выручили. Я тогда первый раз не ночевал дома. Маме я позвонил и сказал, что не буду ночевать. Она в ответ устроила скандал и потребовала, чтобы я был дома. Но я ослушался. Утром идем мы с Валентиной в техникум по Гастелло. На полпути нас поджидает Женька Рогалев: «Там твоя маман приехала. Поджидает тебя у ворот». — «Беги туда, Женька, как можешь, отвлекай ее, а мы будем прорываться в техникум». Ну, и потихоньку подходим.

А на бульваре перед воротами стояли наши негры. Маман их до сих пор не видела живьем, ну и разинула рот, а я просочился к техникуму. Сажу в аудитории — заходит завуч: «Тульчинский, пошли ко мне в кабинет, там твоя мать пришла». Завуч эта жила площадкой выше Валентины, дружила с ее матерью и была полностью в курсе. Приходим, сидит маман. Завуч говорит: «Ну вот, я же говорила Вам, что все в порядке, он на занятиях». Мама удивленно смотрит на меня: «Как ты прошел? Я тебя с раннего утра сторожу!»

11. Когда я проходил практику на 2-м колбасном заводе, мама мне говорила, что я на всю жизнь запомню эту практику. Так оно и есть. В первый же день нам с Валентиной сказали, чтобы на следующий день приходили с хлебом. Мы сначала не врубались, а потом поняли. Колбасы, сервелата, карбоната и т. п. без хлеба много не съешь. Мы должны были дважды за смену обойти все холодильные камеры. И на каж-

дый обход получали задание-заказ от слесарей и машинистов компрессорного цеха. С тех пор я знаю, чем отличается карбонат от буженины, рецептуру хлебца, чем отличается просто ливерная колбаса от яичной и т. д. Сосиски и сардельки были западно. Шприцовщики ими на Новый год деревья перед заводоуправлением украсили. И когда мы уже всего наелись и стали гурманствовать, то самым вкусным оказалось мясо корейки, вырезанное в целой тушке длинной толстой полосой.

На 2-м колбасном было много всяких историй. Особенно связанных с экспедицией. То принесут студень с использованным презервативом. То — опять же студень с бельевой пуговицей. А один раз пришла туда бабка, принесла кусок любительской колбасы, в которую шприцовщики зашприцевали целиковый бычий член. Бабка скандалит. Ее успокаивают: «Да что Вы, может это язык». А та: «Что я язык от хуя не отличаю?».

Незадолго до нашей практики в цеху случился гидравлический удар на одном из четырех-цилиндровых компрессоров. Крышка пробила перекрытие чердака. Полезли смотреть — а там во время аварии пара занималась любовью. У женщины от страха вагинизм. Мужик кричит от страха и боли. Вызвали скорую, их так и взгромоздили на носилки, прикрыли протсыткой и отвезли. Весь завод сбежался смотреть. Потом была авария в женской душевой. Прорвало трубу с паром и бедные женщины не могли выйти в раздевалку. Пришлось подогнать пожарную машину и они спускались по ней голышом.

Был в компрессорном цеху слесарь, у которого член в возбужденном состоянии не влезал в стакан. А у одной работницы тарного цеха было бешенство матки. Ну их однажды и свели в закутке грузового двора на ящиках. Бедный слесарь от нее потом бегал и прятался, а она хвостиком ходила за ним, поджидала.

12. Костя Абрамович гулял с девицей Розенблюм. И она забеременела. Мы спрашивали Костю — что делать будете. Он отвечал: «Да ну, ребята. Может, рассосется!?»

13. Любимое место прогулок у нас было Киевское шоссе до аэропорта, сам аэропорт и вокруг него. Однажды я забрел на самое начало взлетной полосы и решил посмотреть как будет взлетать вырвавшийся ТУ-134. Турбины ревели и вдруг взревели с такой силой, что у меня чуть не лопнули перепонки — я вовремя открыл рот и упал в траву. Грудная клетка ходила ходуном. Я не был хозяином своего тела и органов. Этот кошмар длился пару минут и самолет, слава Богу, улетел.

14. Тогда еще не было фирмы «Лето» и почти по всему Киевскому шоссе были яблоневые сады, кусты смородины и крыжовника. Однажды ребята подглядели там пьяную кампанию. Посередине лежала совершенно голая женщина, а несколько мужиков резались в карты на

ее животе. Потом они стали запихивать ей во влагалище огурец и хлопнуть по животу. При этом огурец вылетал и отлетал далеко. Все, и женщина тоже, очень смеялись.

15. Другим местом гулянья был парк Победы. И там тоже как-то вечером застучали парочку на скамейке в кустах. Женщина стояла на коленях на скамейке, мужик пристроился сзади, и она причитала: «Господи! Хорошо-то как, господи!» Эта фраза стала у нас рефреном.

16. Самый кошмарный сон. Сдаю я зачет по конкретной экономике. Преподавала ее нам Вера Антоновна — худенькая, скукоженная тетенька. Ножки у нее были кривенькие, но не колесом, а буквой икс. И вот сдаю я ей зачет почему-то в комитете комсомола. Сидим мы с ней за комитетским столом напротив друг друга. Отвечаю я примерно на четверку и вдруг она вскакивает и выбегает. Я выхожу за ней и вижу, что она бежит по лестнице вверх. Я поднимаюсь за нею. Она стоит на последнем марше перед чердаком и плачет горячими слезами. Я поднимаюсь к ней на пару ступенек и спрашиваю: «Вера Антоновна, что с вами?» А она в ответ сквозь слезы: «Ну почему, почему ты не обращаешь на меня внимание». Я просыпаюсь в холодном поту от ужаса.

17. С кем-то из наших — то ли с Мишкой Быковым, то ли с Толиком Вариводой — была страшная история. Как-то по большой пьяни валандался он с одной подружкой. Утром встает пописать, заходит в туалет, встает над унитазом и чувствует - что-то не то. Внизу живота у него нечто надувается, надувается и вдруг — отваливается и шмякается в унитаз. Он аж похолодел. Оказывается, забыл снять презерватив.

18. Однажды я позвонил Саше Шпану. Подошел его отец — то ли кагебарий, то ли шпион на пенсии. «Сашу можно позвать?» — «Его нет. Что передать?» — «Передайте, что Сеньку взяли. Деньги у Рыжего. Пароль прежний: “Вихри враждебные...”». И положил трубку. Сашка рассказывал, что отец месяц за ним следил.

19. Кто-то из ребят, отслуживших армию, рассказывал о шутке на военном аэродроме. Один бедолага забрался в бомбовый люк самолета — поспать. Проснулся, а люк закрыли. Он стучать. А в самолете шутники были. Двигатель запустили и стали кататься по аэродрому. Тот в панике — стучать еще громче. Через некоторое время они ему крикнули: «Высота 3000 метров. Прыгай!» И открыли люк. Тот выпал седым и заикой.

20. Я с детства жутко заикался. Говорят, кто-то напугал меня, надев вывернутую шубу. В школе меня почти не вызывали к доске, обходились репликами и письменными работами. Лечили меня разными

способами, водили к логопедам — все без толку. Лечили даже методом Дубровского, гипнозом. Сценой лечения по этому методу открывается «Зеркало» Андрея Тарковского. Пришли мы с отцом к врачу Кацелиенбойгену — ученику Дубровского. Записали меня в группу. На первом занятии доктор выстроил нас в шеренгу, прочитал лекцию о доминантных очагах, о том, что у нас прекрасная внутренняя речь и что нужно подавить доминантный очаг. «Но сначала, — говорит, — я проверю вас на внушаемость. Я подойду к каждому из вас, пристально взгляну в глаза и начнется падение назад. Но вы не бойтесь, я вас подержу». И начал. Подходит, смотрит в глаза и люди столбами валяются. Он только успевает их подхватывать. Дошел до меня. Смотрит в глаза, а я — ничего, только смешно становится. Наконец неудобно стало, ну я и дернулся немного, будто падать собрался. Он все понял, но отыграл свой номер — жест обозначил. Но меня хорошо запомнил. Потом было собственно лечение. Всех из группы вылечил, кроме меня.

Вылечился я сам, уже в техникуме. Меня со второго семестра избрали зам. секретаря комитета комсомола по идеологии. Заикую-то! И тут я заметил, что практически не заикаюсь, если выступаю с трибуны или ругаюсь с кем-то, а заикаюсь только в нормальном разговоре. И стал в себе закреплять и культивировать — как будто я постоянно бочку качу, волну гоню и т. п. И избавился. Практически полностью. Наверное, поэтому и лектором стал. Только иногда просят, как одна студентка сказала: «Пожалуйста, прикрутите немного напор».

21. Я учился на предпоследнем курсе, когда произошло ЧП. Группа ребят старшего курса на преддипломной практике на одном из холодильников сперли ящик мандаринов и ящик коньяку. Мандарины слопали, а коньяк вылили, чтобы сдать бутылки и купить вермута. Было общее собрание, где я впервые публично выступал. Когда я, известный заика, в своей черной рубашке и дудочках пошел к трибуне, зал зашелся смехом. И я, стоя на трибуне, посмотрев в зал, произнес: «Над кем смеетесь?! Над собой смеетесь!» Больше я никогда не боялся никаких трибун.

22. Немного раньше у нас открылась театральная студия. Начал ее вести известный теперь человек Евгений Шифферс. Потом он поставил в Питере блестящего «Что тот солдат, что этот» Б. Брехта, укатил в Москву и стал гуру-мистиком.

Я ходил на сцен-речь, на ритмику. Потом Шифферс исчез и студию возглавила восточного типа девочка из Института культуры. Сначала мы готовили монтажи к праздникам. Запомнились живые сцены из обороны Севастополя. Я был одним из моряков, кидающихся по очереди под танки, передавая следующему недокуренную папиросу.

Потом решили ставить «Обыкновенное чудо» Шварца. Девочка была принцессой, а Медведем — наша звезда и секс-символ Сергей

Максимов. И у них разгорелся реальный и очень сильный роман. Это придавало всему особое значение и смысл. Толя Малкин был трактирщиком. Я — как зайка — бессловесным палачом.

Лучшего «Обыкновенного чуда» я не видал. Даже фильм Захарова слабее. Весь техникум и округа сбегались на наши спектакли и репетиции. Спектакль запретила дирекция техникума после того, как Сашка Королев вышел к рампе и стал считать свиней в первом ряду справа, где сидело начальство.

23. Еще мы ставили дурацкие сцены строительства Комсомольска-на-Амуре. Но и там развлекались по-своему. В первой сцене, когда все только приезжают на пустое место, все смотрели вверх. Кто-то говорил: «Снег идет». И ему отвечали хором: «Холод!». Потом кто-то другой говорил: «Хлеба нет». Ему отвечали: «Голод!»

Я играл слепого поэта, которого выводили на сцену, помогали забраться на бочку и я читал стихи, о том, что глаза мои слепы, но я вижу... Именно со студии у меня и начался гуманитарный поворот. Стал читать пьесы и люблю их читать до сих пор больше романов. Стал всерьез интересоваться живописью, особенно начала XX века. Попала в руки книга Днепровца «Черты романа XX века». А там про экзистенциализм, Фрейд... Так юзом, юзом — и к философии...

24. Если бы мне кто сказал после окончания техникума, что я буду учиться на философском факультете университета, — я бы послал подальше. А если бы мне на I курсе факультета сказали, что я буду его заканчивать по логике, — рассмеялся бы просто. Ну а если бы мне по окончании сказали, что буду я преподавать менеджмент, маркетинг и прочие public relations, а работать на кафедре управления и экономики, — посчитал бы за издевательство. А кто бы мог подумать, что со временем именно я окажусь единственным человеком, способным читать логику в институте культуры. Остальные, кто мог бы, уже декомпьютеризировались.

25. Родители все еще питали надежду на мое высшее техническое образование, и я решил номер отработать. Тем более, что после техникума многие засобирались в холодильный институт. Пошел и я. И на первом же экзамене по математике ввязался в скандал. По-моему, я уже написал работу и ждал ребят с девчонками. Мишка Баюнов заглядывал в аудиторию и тут на него накинулся какой-то дядька с протезом вместо одной руки. Он толкал Мишку, ударил. Я вступился. Девчонки тоже зашумели. Мужик оказался чуть ли не проректором по дневному обучению. Он отобрал наши экзаменационные листы и сказал, чтобы мы выматывались. Тут уж я начал шуметь. Он сказал, что вызовет милицию. Я радостно потребовал милицию, чтобы она разобралась. Мы пошли к нему в кабинет. Он запер дверь изнутри и вызвал милицию. А я

в таких случаях резко успокаиваюсь. Приехавшим ментам я спокойно изложил суть дела. Мужик булькал, пупырился, махал руками, вел себя явно неадекватно. Менты потеряли интерес. Посоветовали мужику успокоиться и отдать нам билеты. Он понял, что проиграл, но, выпуская нас из кабинета, прошипел мне в лицо, что мою фамилию он записал и мне никогда не бывать в этом вузе.

26. Во дворе дома Левы Литвинюка наблюдал сцену. Пацаны-малолетки кадали камни в лужу. Из одной из парадных, явно с похмелью, вышел великовозрастный балбес, посмотрел на ребятню, подошел к ним. «Чего, ребята, чепухой занимаетесь!? Вот, смотрите, — он снял с руки часы и нацепил их на какой-то гвоздик, торчавший из стены дома, — Кто попадет с двадцати шагов — десять рублей дам!» Ребята набрали камней и первый же шкет попал — так, что часы только брызнули осколками. Мужик разразился матюгами и погнался за мальчишкой. Явно без намерения отдать тому десятку.

27. Курсом старше учился Левин приятель по фамилии Гагарин. По окончании техникума его сразу же загребли в армию. Он — очкарик — служил в стройбате где-то по Саратовом. По началу часто писал. Запомнилось одно из его писем, в котором он описывал свободное время. «Приходим мы с работы. Развешиваем сушиться одежду. Садимся вокруг печки, закуриваем и начинаем разговор о пизде...».

28. Лева Литвинюк сыграл, наверное, одну из ключевых ролей в моей жизни. Он учился на курс старше. Я его помню по сценам в туалете на переменах. Это было время Элвиса Пресли, рентгеновских пленок. Орех отбивал на стекле ритм. Мы заводили «Рок вокруг часов». А Мишка Быков выдавал рок-н-ролл. И Левку я запомнил орущим припев.

Отец увез его от дурного влияния на год с собой на строительство ж/д Абакан-Тайшет. Через год Лева вернулся в техникум, в нашу группу и мы с ним сошлись. Он нравился папе, а папа — ему. Собственно, именно он потащил меня в поход по Вуоксе. В поход шла его пассия Марина Кисельникова с мамашей и Левке нужна была компания.

Ближе к окончанию, Левка разглядел в «Смене» объявление о Клубе молодого журналиста и сказал: «Мне это без дела — все равно после техникума идти в армию. А ты иди». И я пошел, что придало жизни еще большее ускорение.

Мы переписывались. Встречались после армии. Но жизнь уже развела нас. Я приглашал Леву на 15-летие нашей с Нинкой свадьбы. Он пришел, тихо повеселился и надолго исчез.

Всплыл он недавно, через почти 20 лет. Меня упомянул кто-то по телевизору и он нашел меня звонком. Встретились. Посидели. И вот что получается. Он плавал в СЗРП, работал в кооперативах. С одним напарником открыл свой кооператив. Строили, ремонтировали, а по

том сконцентрировались на стекле. Теперь они контролируют почти 70 % питерского рынка продажи и резки стекла. Он сильно разбогател в 1992–1994 годы. Без криминала. Несколько раз меняли квартиру. Купили сыну отдельную квартиру. Машина у Левы, навороченная — у жены Веры, самая навороченная у сына. Объездили весь свет. Были не только во всех положенных местах, но и на Бали, в Доминикане, на Маврикии. Теперь спрашивают — куда еще можно? Напарник ведет маркетинг и финансы. Лева — организацию и кадры. Бизнес поставлен, и к 13–14 часам делать нечего. Лева едет в магазин, что около дома, берет водки и закусить, становится на охраняемую стоянку, что неподалеку, и пьет.

Жена — тетка с высшим. Нормальная. Была у них в бизнесе, но что-то не получилось. Сидит дома за очень навороченным компьютером — таких в Питере штуки четыре — ползает по Интернету и играет в игры. Иногда приходит на стоянку и сторожит его. Он ее видит. Она — его. Я его спросил: «А писать не пробовал?» Он говорит, что пробовал, но голова уже не та. Сыну 22 года. Предпочитает жить у них. Учился в Политехе — бросил. Лева его спрашивает — где хочешь учиться? За рубежом? Давай! В Гарвард, в Оксфорд... Не хочет. Не пьет и не колется. Девочки не интересуют. С таким же приятелем читают книжки и все. Отсутствие желаний. Я про такое только в книжках читал.

29. Одна из самых памятных обид на человеческую необязательность. Вскоре после вручения дипломов встретил в автобусе Юру Соколова, который попросил в долг рубль. Даже договорились, когда он мне позвонит, чтобы встретиться. С тех пор я его не видел. Стыдно, но факт — до сих пор помню.

30. Мне очень редко снятся сны. Запоминаю — единицы. Сон 15.09.03 запомнился дословно. У нас гости. Но это не у нас дома. Папа. Мама. Валя Приставкина. Миша Безман. Валина дочка, про которую не знаю, есть ли она вообще. Долго ходим по большому балкону. Потом все у Вали. Длинный стол. Я разливаю. Папе — с водой, хотя он так никогда не пил. И мой тост: «Техникум — это самые яркие впечатления на всю жизнь. Первый опыт, первые ошибки. Миша, прости меня. Ты знаешь за что. Ты замечательный и достойный человек. Самая глубокая память — Валя и моя любовь. Прости за наш первый опыт. Здесь сидит моя Люба, жена, с которой я узнал о любви такое, о чем не догадывался. Но я помню время, когда ты — Авочек, а я — Гора. За тебя!»

IV. «Айсберг»

Распределили нас по будущим местам работы за год до окончания техникума — последний семестр мы учились фактически на вечернем — работали и готовили дипломы. Мы с Сашей Шпаном попали в п/я 619. Потом ему дали открытое название — ЦКБ «Айсберг». В этом конструкторском бюро проектировали базы атомных подводных лодок, атомоходы-ледоколы «Ленин», «Арктика» и т. п.

1. При оформлении начальник 1-го отдела спросил нас: «Вы с кем, ребята, живете?» — «С родителями». — «Что вы им скажете — где работаете?» — «Скажем — в почтовом ящике». — «Нет, — говорит, — нельзя ни в коем случае! Скажите — в конторе». Помолчал и снова: «Ну а девушки у вас есть?» — «Ну». — «А им чего скажете — где работаете?» — «Скажем — в конторе». — «Нет, девушкам можно сказать, что в почтовом ящике, но что в ЦКБ — ни в коем случае!» И снова: «А водку вы пьете?» — «Можем». — «Ну, сколько выпьете?» — «Сколько нальют». — «Ну, 100 грамм выпьете?» — «?!» — «А 120?» — «Ну». — «Но 125 — ни в коем случае!»

2. Немногим иначе нас встретили в отделе. Определили нам чертежные столы. Саша Шпан третий в ряду, я за ним. Только стали осваиваться — подходит Саша Исанин. Сначала к Шпану: «Ты сколько баб имел?» — «От пяти до пятнадцати». Потом ко мне: «А ты?» Я его послал. Долго потом, когда мы с Сашкой выходили из отдела и проходили мимо курильщиков, слышали вслед: «Это тот, который от пяти до пятнадцати, а этот темнит».

3. Это ЦКБ было сущим паноптикумом. В отделе главного механика работал деятель, который сам про себя говорил: «Я кристально чистой и прямой души человек». И, похоже, что это была правда. Как-то нас в очередной раз послали в качестве шефов на сельхозработы. Пололи мы морковку. Стоим раком, у каждого между ног своя грядка, дергаем сорняки. Вдруг этот деятель выпрямляется и громко спрашивает: «Ребята, а что такое идиот?» Кто-то ему ответил: «Посмотри в зеркало». Он успокоился и опять уткнулся в грядку. Рудик Груздев, отсмеявшись, посоветовал: «На твоём месте я бы дал ему по тыкве». Тот опять выпрямился, огляделся: «Так ведь тыква же здесь не растёт!»

Он же рассказывал, как он в Николаеве полез воровать яблоки. «Перелез, — говорит, — я через забор, а там — человек сорок собак!»

В Николаеве находился знаменитый завод им. Носенко, на котором строились многие наши объекты. Командировки туда были частые и долгие. А «место Николаив — хород нэвест» и половина ЦКБ своих жен привезла из Николаева. Этот же деятель из Отдела главного механика рассказывал, как он познакомился в Николаеве с одной девушкой. «Пошли мы, — говорит, — к ней. А жила она на первом этаже. Гляжу — окно открыто. А ночь темная. Говорю ей: «Закрой окно!» — «Зачем, — говорит, — жарко ведь». — «А вдруг какой-нибудь ебарь твой придет?» — «Да что ты, никто не придет». — «Тогда дай нож». Дала она нож. Положил я его на стул около кровати. Легли в постель. Но что меня удивило, она не сняла лифчик. Тогда я решил не снимать носки».

4. Чуть ли не на первой моей неделе работы к нам в отдел (а это был огромный зал — надстроенный второй этаж над демидовскими конюшнями) пришел какой-то сильно мятый мужичок, с виду — алкаш от пивного ларька. Посидел рядом с нашим начальником отдела Чубаровым, они поговорили и ушел.

Я удивленно спросил у кого-то из соседей: «А это кто такой?» Мне популярно объяснили, что это сам Неганов — главный конструктор атомохода «Ленин». Потом я подробнее узнал его историю. Он не был членом партии и всячески избегал вербовки. Но специалистом был исключительным. И его терпели — был он не только главным конструктором, но и создателем этого ЦКБ, и его директором периода проектирования и строительства ледокола. А как только атомоход сдали в эксплуатацию, Неганова сразу сняли с административной работы, а директором ЦКБ назначили какого-то проверенного функционера, чуть ли не из директоров какого-то жилкомунхоза — Первозчикова.

Оба они покоятся, чуть ли не рядышком на кладбище в Комарово. На могиле Первозчикова — огромные якоря. Судостроитель.

5. Я работал в секторе систем отопления. Там работали почти одни холодильщики. Отопление — это тот же цикл Карно, только наоборот. Так я из холодильщика превратился в специалиста по отоплению. Завсектором был Абрам Григорьевич Волон — у него в паспорте в графе национальность стояло: «обрусевший еврей».

Про наше ЦКБ, цитируя Ильфа, говорили «Айсберги, Вайсберги, Айзенберги и прочие там Рабиновичи».

6. С Олегом Володиным была связана печальная история. На выходных он катался за городом на мотоцикле и на полной скорости въехал в кучу песка. Его перекинуло через руль и он шмякнулся о забор. Яйцами. Все ЦКБ обсуждало — какого цвета сегодня яйца у Володина. А они у него меняли все цвета. Были красные, синие, черные, зеленые, желтые...

7. Олег был явно искатель приключений. Гулял по крупному. Однажды допился до того, что лежал посередине набережной Обводного канала с поднятой рукой — голосовал такси. И очень потом был удивлен. Что ни одна машина не остановилась.

А то он, тоже спяну, ждал, ждал электричку в метро да и пошел по тоннелю. Еле его оттуда вытащили, он прятался в нишах и ответвлениях от погони.

8. Олег Володин, наверное, сильно уставал от бурной личной жизни. И навострился спать на рабочем месте сидя. Подставит руку под щеку. В другой держит карандаш или логарифмическую линейку. И спит. Однажды рука соскользнула и он рухнул в проход. Проснулся.

9. Олег явно ухаживал за Наташей Петровой, сидевшей впереди него. И, вроде бы, та отвечала взаимностью. Но совершенно неожиданно для всех, вдруг вышла замуж за Юру Мозиаса — жгучего брюнета, сидевшего впереди ее.

10. Юра Мозиас рассказывал историю, приключившуюся с ним в Северодвинске. Он приехал туда полярным днем. С непривычки никак не мог заснуть и вышел погулять. Присел в скверике на скамейку. На другом ее конце сидела молодая особа. Они разговорились. Та пригласила его пить чай к себе домой.

Пришли. Попили чаю. Вроде бы все очень хорошо. Он ей говорит: «Ну что, пошли спать?» Она в ответ: «Нет, подожди. Не спеши». Приходит мужик. Посидел с ними. Потолковал о чем-то с нею и ушел. Она говорит: «Вот теперь пошли спать». Ночью все было замечательно. Утром он ее спрашивает: «Ну, так что, вечером я прихожу?» Она в ответ: «Нет. Ты очень хороший человек, но забудь этот адрес».

Юру задело. Пристал с расспросами — в чем дело. И она рассказала. Тот мужик, что приходил поздно вечером — ее муж. Которого она любит. И он ее любит, но схватил на атомных подводных лодках радиацию и теперь ничего не может. И они договорились, что когда ей совсем уж приспичит, она может привести мужика. Но останется с ним только при условии, что его одобрит муж. И только на одну ночь.

11. Похожая история была со мной. Мы возвращались из командировки под Архангельском. И какая-то молодуха спросила — бывал ли я в Северодвинске. Я ответил, что нет, и она пригласила на один день — благо возможность была. Мы с нею поехали. Муж и сын были в отъезде. И история повторилась. Точь-в-точь, как с Мозиасом. С добавкой. Инвалидом был не только муж, но и сын. У него плохо было с головой.

Когда мы с нею вечером заходили в магазин, а утром она меня про-

вожала на автобус, то она меня не скрывала от знакомых. Они радостно здоровались с нею, со мной.

Ситуация достойная фильма Миндадзе и Абдрашитова.

12. У чертежников работал странноватый парень. Он был женат на дочке какого-то начальника. Но работал чертежником, а каждое лето уезжал в пионерлагеря, где работал то воспитателем, то спасателем. Он любил собрать вокруг себя в перерыв молодняк вроде нас со Шпаном, и, подняв указательный палец вверх, изрекал что-нибудь очень нравоучительное. Например: «Пизда, ребята, это очень сложный механизм!». Или: «Главное, ребята, красиво одеваться ниже!»

13. В нашем секторе работал ведущим инженером Наум Габрунер. Он был очень рассеянный, или косил под такого. Например, — звонит секторальный телефон. Он стоял обычно у прохода на свободном столе. По проходу идет Габрунер — возвращается на свое место, снимает трубку. «Кого? Габрунера?» Смотрит на свой пустой стол. «А его нет на месте». И вешает трубку.

14. Перед Габрунером сидела дама бальзаковского возраста — Барулина. Она была женой важного спеца и до этого много времени прожила в Штатах. Дама оч-ч-чень респектабельная и приличная во всех отношениях. Наум, заработавшись, напевал про себя: «Барулина-ебулина, Барулина-ебулина...». Та не выдерживала: «Нау-ум!» Тот спохватывался: «Ах, да...». И через минуту, забывшись, начинал снова...

15. Справа от Наума сидела сравнительно молодая, но явно засидевшаяся в девках, толстушка-хохотушка Лена.

Был у Наума старенький «Москвичок», известный тем, что если кто садился рядом с водителем, то кресло откидывалось назад, и потом его долго надо было ставить вертикально. И однажды Наум подвез Лену. Потом они быстро поженились, уволились и уехали куда-то на заработки на своем «Москвиче». Это к вопросу о роли техники.

16. В нашем секторе, в одной со мною группе работал очень положительный персонаж — Роберт Груздев. Он женился, и они с женой планировали завести ребенка. Они гуляли по вечерам, не пили спиртного, соблюдали какую-то диету уже полгода. День зачатия у них был намечен и указан в семейном календаре.

17. Нас часто гоняли на всякие сельхозработы, в том числе — осенью надолго. Так я впервые оказался в Старой Ладого. Наша база была на том берегу Волхова, в Черनावино. А потом я несколько раз ездил в то же Черनावино с автотранспортным техникумом.

Но первый приезд в Старую Ладого и первую встречу с Волховом я

помню хорошо. Был дождь. Старую Ладого еще и не думали реставрировать. Все было осыпавшееся, запущенное. И потому — подлинное. По дороге мы немного поддали. На переправе я, похоже, впервые сочинил стихи: «Облака встали, Вспомнили Рериха...» Ну, и так далее — до «Гуси плывут по Волхову». Очень яркое было переживание.

18. Нас часто гоняли в дружину — охранять порядок. По разнарядке. Приходили мы в штаб дружины и там дежурный милиционер нас инструктировал. «Сегодня ловим фарцовщиков». И мы шли на улицу и видели только фарцовщиков. В другой раз говорили: «Боремся с проститутками». Мы шли на улицу и — вот они! Так я впервые задумался об избирательности восприятия и о роли психологической установки. Что хочет человек (или надо ему) увидеть, то и увидит.

19. Дружинники ходили и по квартирам. Я тогда насмотрелся трущоб Октябрьского района вокруг Сенной. Один раз пришли по вызову тетки, что сосед за стенкой ей жить мешает, шумит. Пошли по адресу соседа. Жуткая коммуналка. В коридорах шкафы, тесно. Мужик оказался кандидатом каких-то наук. В замызганном халате, всклокоченный, неухоженный, чернокнижник какой-то. Дошли до его комнаты, дверь открываем, напротив двери на шкафу черный кот выгнул спину дугой и шипит. Мужик тихий, непьющий, язвенник. Соседи заступаются — звука от него не слышим. Пошли к той тетке, что звонила. Оказывается она живет в соседнем подъезде. Стенка в стенку, но квартиры разные. Пришли. А у ней вся стенка в каких-то пятнах и вмятинах. Спрашиваем — что это. Она говорит: «Это я ему мокрой рукой в стенку стучу». — «А вмятины?» — «А это я ему табуреткой стучу в стену». Составили акт на тетку.

20. А еще был случай. Сидим в штабе. Приходит пожилая бабулька, слегка поддатая. Жалуется, что ее дочку сейчас ебут двадцать грузин. Пошли. На площадке распахнута дверь в квартиру и молодая тетка, увидев нас, кричит: «Ага, старая блядь, ты еще и дружинников привела! Мало тебе моего Павлика!»

И рассказывает, что они с Павликом должны были вскорости пожениться. А тут, приходит она домой, а ее Павлик лежит на ее мамаше! Павлик тут же стоит в коридоре, покачивается. Она ему: «Павлик, как ты мог, Павлик!» Павлик в ответ мычит что-то невразумительное. Бабулька смекнула, что дело не туда пошло, и говорит: «Ну, вы ребята, еще молодые, всего не понимаете...». Мол, идите с миром. Но наш старший составил на бабульку акт: за ложный вызов и за развратные действия. И мы ее отправили в отделение. Отомстили за Павлика.

21. В другие разы ребята разгоняли малины. Например, играли ребята в «Ромашку». Это когда ставят девиц раком вокруг стола и парни

ходят вокруг, по очереди каждой — сунут, вынут. Кто кончает — выбывает. А один раз вообще экзотику застучали. Компания парней садится вокруг стола с дыркой посередине. Берут бечевку или леску, привязывают к яйцам, пропускают веревочки через верх стола в дырку вниз. Эти веревочки под столом перемешиваются. Скидываются по какой-то сумме, которая кладется на стол. Разбирают веревочки под столом и каждый тянет за веревочку со всей силы — кто-то, может, и сам себя. Кто не выдерживает — выбывает. Победитель забирал кон.

22. До работы (а ЦКБ находилось в особняке Демидовых в Демидовом переулке, около самой Мойки) я добирался с улицы Бабушкина 70-м автобусом. С кольца на Белевском поле до кольца на пл. Островского у Публички и дальше — пешком до Сенной и по Демидову (он же переулоч Грифцова).

На Белевском поле была жуткая посадка. На пл. Островского — немногим лучше. Именно тогда у меня выработался навык эффективной посадки. Все стоят, давятся. А ты, стоишь в сторонке, будто тебя это и не касается. Важно не прозевать момент, когда автобус трогается на посадку. Тут ты его начинаешь ловить на встречном движении. И, когда ты с ним встречаешься, то оказываешься прямо перед открывающимися дверями. Я всегда влетал первым и всегда сидел у окошка. Была возможность почитать, а то и поспать. Навык важный в тех условиях жизни. Сейчас он редко оказывается полезным, но не утрачен.

23. Обедать я гонялся в столовую Педагогического института. Задно был в курсе событий туристского клуба. Со мною стали бегать и другие ребята и публика постарше. Однажды я на спор пообедал на 35 копеек: первое, второе и компот. 7 копеек половина молочного, 17 копеек биточки с пюре (и маслом!), 6 копеек салатик из капусты, 4 копейки молочный кисель и хлеб с горчицей бесплатно! Даже копейка осталась.

24. Как-то Лида привезла из Шугозера соленых грибов. Мы их поели и на ночь банка осталась стоять открытой на столе. Утром я их опять поел и отправился на работу.

Уже в автобусе почувствовал неладное. Когда шел Садовой, боль стала адской. Стала болеть голова и сознание начало мерцать. До ЦКБ дошел на автопилоте. Сразу к врачу в медпункт — хорошо контора режимная и врач всегда на месте. Та меня заставила выпить 20 стаканов сырой воды. «А теперь, говорит, — два пальца в рот». А меня не рвет. «Тогда пей, пока само не пойдет» Я напился воды так, что она уже булькала в горле. Сунул два пальца и из меня пошла какая-то зелень с пеной. Долго шла. Врачиха заставила все повторить и отправила домой. Так и спасся.

25. На последнем году работы в ЦКБ в нашем отделе появился Вадим Мовчанюк. Он вернулся с комсомольской стройки и носил почетный знак ЦК ВЛКСМ. Мы с ним как-то хорошо сошлись. Я бывал у него дома. Стал он у меня вроде наставника. Вадим был моим свидетелем на свадьбе. Потом он ушел в прорабы. Строили жилье на Ржевке. И его посадили. Проектанты плохо исследовали грунты. Сваи вбить на положенную глубину было невозможно. И строители вбивали их на ту глубину, что получалось, а верхушку сбивали бульдозером. В нарядах же указывали весь объем работы — на всю проектную величину свай. Вадиму дали 7 лет, и больше я о нем не слышал.

26. В нашем отделе работал такой Валя Меленный. И очень ему эта фамилия не нравилась. Он женился на Брыкиной и стал Брыкин-Меленный. Он же, кстати, проторил мне путь из ЦКБ. Он пошел в НИИ профтехзаболеваний и пожаловался, что не может чертить — голова болит. Его обследовали и рекомендовали сменить работу. Что он быстро и сделал, избавившись от госраспределения на режимное предприятие. Я выждал паузу и повторил его алгоритм. Тоже пошел в НИИ — не могу чертить, глаза болят, слезы текут. Мне устроили осмотр и дали справку, фактически, освобождающую меня от государственного распределения. Не особо затягивая дело, я ушел в наладку.

27. Через год после ухода из ЦКБ я встретил Сашу Шпана в метро, который рассказывал о том, что играл за команду мастеров в Череповце, вернулся в Питер, здесь плохо все складывается. Целый год поступал в институты: и никак не поступить. Я ему и присоветуй — на твоём месте я бы пошел в техникум, сказал, что потерял диплом, взял бы копию. То же самое сделал бы с формой 286 в поликлинике. И, собрав два комплекта документов, поступал бы сразу в два вуза. Еще через год я опять встретил его в метро. Говорит, что сделал все, как я ему посоветовал, и сдал документы в ЦБП и Финансово-экономический. «Ну и как?» — «Поступил в оба» — «И в котором учишься?» — «В обоих».

Потом он заметал следы. Из Целлюлозно-бумажного перевелся в Северо-Западный политехнический, а из «Финика» — в Торговый. И закончил оба! Работал же замдиректором ресторана «Олень» в Зеленогорске, имел машину, казенный домик-дачу в Зеленогорске, купил квартиру в Купчино.

V. КИВИ **(Походы и клубы)**

1. В первый поход меня затащил Лева Литвинюк. Мать Марины Кисельниковой купила путевку в водный поход по Вуоксе, и Лева тоже надо было быть там. Ну, и я за компанию. Было это в лето окончания техникума. Маршрут был вверх по течению Вуоксы и начинался с турбазы под Приозерском. Группа собралась веселая. Нашего возраста — почти все парни — человек 10. Несколько теток около 40. На первой же остановке одна из них подсела к нам и все твердила с кружкой водки в руках: «Где ж нам отдыхать-то, как не в походе!» Инструктором шла Таня Архангельская, которая до этого провела группу вниз по течению и несколько человек из той группы, во главе с Юрой Шметковым (они были постарше нас) увязались за нею. Эти ребята под кликухой «Дикие» шли в отдельной лодке. Тетки шли на лодках «Мормышки» и «Заглотиши», лодка, в которой шли Коля Топоров и Саша Тюринков, носила гордое название «Экс-таз». Мы слевой и Таней шли на «Зурбагане». В нашей лодке собралось одно начальство: инструктор Таня, староста Лева, ну а мне оставалось быть в такой лодке командиром-рулевым.

Я почти не греб, потому как пошел в поход сразу после выхода из больницы с аппендицитом. При купании на первой же дневке у меня разошелся шов и я почти все время сидел на руле. Чувство профессиональной гордости появилось, после того как наша лодка — единственная — прошла пороги у Вещево на веслах. Остальные не смогли — их тащили волоком.

2. Пели у костра весь богатый тогда репертуар: Якушеву, Галича, Окуджаву, Полосина, Визбора, Клячкина, Высоцкого.... Развлекались по полной программе. Домбайский бокс, перетягивание каната, бег с картошкой и т. п. Татьяна была бывалым туристом и первый год ходила инструктором, так что была полна энтузиазму и заражала нас. Она была одного возраста со Шметковым, тот прекрасно играл на гитаре и ходил вокруг нее как кот вокруг сметаны, но она его сторонилась и держалась поближе к нам, тем более, что Лева был под приглядом и индифферентен. Шметков мстил. Придумал нам всем прозвища. Помню левины: Левичка-шлемоблещущий, Дормидонт и Дорик-богатырь святорусский.

3. На одну из первых дневок мы встали на острове. Ставили палатки в темноте. Легли спать, даже не поужинав. Я всегда спал с краю и проснулся утром оттого, что нечто прогнуло внутрь борт палатки прямо напротив моей головы и шевелится. Я стукнул кулаком по этому

бугру. Там что-то отскочило и потопало. Я опять уснул, а когда проснулся опять, то на меня смотрела просунутая через вход палатки козлиная голова. Я схватил кед и запустил в эту голову. Козел исчез. Когда мы вылезли из палаток, то увидели, что наш лагерь полон коз и козлов. Местные на этот остров вывозят их пастись, а мы в темноте их не заметили или они попрятались. К обеду мы сплавали в деревню за продуктами. Из напитков там была только кориандровая водка — вкус специфический. Мы смочили кусочек хлеба в водке и дали самому большому и активному козлу. Он съел с видимым удовольствием. Дали полакать из кружки. Все вылакал и пошел — только задние ноги подгибались, подгибались, наконец он рухнул, сладко заснув.

4. На Балахановском озере в дождь и шторм лодки потерялись и разбрелись. В нашей лодке почему-то оказалось 5 палаток. Для ночевки одну мы расстелили под дно, вторую — поставили на ней, третью скатали валиком под голову, четвертой покрывались вместо одеяла. На что употребили пятаю — не помню. Утром Татьяна на лодке выходила в озеро — кричала, но безуспешно. К полудню появился Шметков и мы на двух лодках собрали группу. После этого Таня констатировала, что у нее, как инструктора, теперь полный набор ситуаций: она знала — где она и знала — где группа; она знала — где она, но не знала — где группа; она знала — где группа, но не знала — где она сама; она не знала — ни где она, ни где группа.

5. На одной из дневок, когда Татьяна чего-то расшумелась, мы повесили ее на подтяжках на сук дерева, откуда он еще шумела с полчаса, пока сама не рассмеялась — только тогда ее сняли.

6. Таня Архангельская училась на геофаке педагогического института, при котором был довольно многочисленный и активный туристский клуб. Я даже получил там удостоверение туристского организатора по водному туризму.

В одном из таких походов я и встретил свою жену. Мы уже пересеклись в Клубе молодого журналиста при «Смене», виделись мы и в походах. Я ее знал только как подружку Лельки Кропп и знал, что они учатся в одной группе с Татьяной. А тут, на Петяярви оказалась какая-то затыка со спальными мешками и Таня, фактически засунула Нину в мой спальный мешок. Так мы и спали — то «ложками», то спинами друг к другу. В обоих случаях Нина оказывалась у меня за спиной и, помню, что мне очень мешал оказавшийся в заднем кармане брюк гвоздь, а достать я его не мог по понятным причинам. Но после этого мы уже и в «Смене» захоронивались. И пошло, поехало...

7. По-моему, это была сознательная и целенаправленная акция со стороны Татьяны. Дело в том, что мы с нею за осень и зиму после

похода очень сблизилась. Ей было 22 года, у нее уже был ребенок, а мне еще не было 18-ти. Родители забили тревогу, особенно мать. Они считали, что великовозрастная мать-одиночка охмуряет их сыночка. Но между нами ничего не было. Мы встречались, ходили по городу взявшись за руки, много говорили и нам было интересно. Один только раз, уходя от нее, прощаясь в дверях, я погладил ее по щеке. Она вся дернулась в ответ и закрыла дверь. На следующее лето она умотала с каким-то геологом-туристом в маршрут по Подкаменной Тунгуске, из которого привезла еще одного ребеночка. А мы с Ниной, ее стараниями, плавно двигались своим маршрутом. Сколько помню Таню — по походам, по нашим отношениям, по свадьбе, по встрече, на которую мы с Ниной собрали старую компанию на 15-летие свадьбы — она практически не менялась ни внешне, ни отношением к людям и жизни.

Однажды она меня жестко уела. Мы шли по Аничкову мосту и я поделился какими-то своими недавними знаниями по поводу Александра, Буцефала, Клодта и наблюдениями, у скольких коней подрезаны хвосты, а у скольких нет.. Она спросила: «А ты знаешь, у скольких коней копыта подкованы, а у скольких нет?» Я не знал. Она сказала — у скольких и добавила: «В следующий раз будешь тут идти с девушкой — не забудь сказать». Конечно же я не был героем ее романа. Ее мужчина должен был быть hard boy, «твердым парнем», разжигающим костер в тайге под дождем и т. п. защитник и кормилец. Я же был сопляк-горожанин, еще не определившийся в жизни. Но как я ей благодарен! За ее глаза, за то, что она была и есть. И за тот урок.

8. На некоторое время продолжились и наши отношения с Юрой Шметковым. Меня всегда тянуло к людям немного старше меня. Юра заканчивал консерваторию. Потом он был замдиректора Музыкального училища им. Мусоргского. Тогда же он плейбойствовал и был душой компании. Мы с ним были довольно откровенны. После похода по Вуоксе он близко сошелся с одной участницей — Ядвигой. Несколько раз я заставал ее у него. Она была врачом и он рассказывал, что как-то, когда они лежали «в процессе», она, ощутив его живот, глядя в потолок, произнесла: «Да, печень у тебя увеличена...».

9. С Топоровым и Тюринковым мы ходили еще и в отдельные походы. У Коли с Ниной даже была какая-то симпатия. Нашу компанию мы назвали Клубом искателей высших интересов. Сокращенно — КИВИ. Была даже эмблема клуба — новозеландская птичка киви — бескрылая, потому как у нее нету врагов и живущая в кустах. Мне до сих пор очень симпатичен образ этой птички.

Параллельно с этим сообществом оформлялось другое — в Клубе молодого журналиста при «Смене», в который Нина пошла с подачи своего отца, я с подачи все того же Левы Литвинюка перед его уходом в армию.

10. Вел Клуб молодого журналиста Юрий Голубенский, тогдашний заведомо культуры и искусства в «Смене». Это был период расцвета «Смены», ее звездный час. С нами встречались журналисты газеты, Голубенский приводил всяких интересных и известных в городе людей, с которыми он был знаком. Особенно мне запомнились Колкер и Пахоменко. Сам Голубенский очень гордился своей песней «На то она и первая любовь...».

Первые мои публикации в «Смене» были по отделу спорта, который вел Юрий Коршак — это были отчеты о хоккейных и футбольных матчах. Компания в клубе подобралась тоже веселая. Юра Хемеляйнен, окончивший ПТУ, работавший краснодеревщиком, сделавший карьеру партийного функционера и в перестройку работавший директором какого-то сельскохозяйственного издательства. Саша Ланц, плававший радистом на сухогрузах Балтийского пароходства. Сережа Андреенков — он учился в Бонч-Бруевича, плавал гидроакустиком. Потом я его встретил в Ленокеанрыбфлоте — он собирался бросать моря. Особенно мы сошлись с Валерой Митрофановым. Мы с ним выполнили несколько заданий отдела писем. Написали большой очерк о трудном мальчишке и его матери. Затеяли снимать фильм о Питере, ходили в горком ВЛКСМ, договариваться о съемках с вертолета. У нас было найдено несколько интереснейших точек в городе и неожиданных ракурсов. Например, если стоять у входа в собор Петропавловки и посмотреть вверх на колокольню, то она выглядит как декорация, вырезанная из картона или фанеры. Или колонны Исаакия — если повернуть камеру на 90 градусов, то они, побитые снарядами мощно висают в небе. Валера обнаружил эхо на Дворцовой площади: если встать под колонной лицом к арке, то отдается даже шепот. У меня до сих пор хранится сценарий нашего фильма. Потом, уже после Таганки, когда мы пришли в ЦПКИО на праздник кино, Валерка увязался в пьяную компанию документалистов и я его практически не видел.

Наша компания шумела больше всего в клубе, хотя сам Голубенский выделял девочку по фамилии Исаенкова — вроде бы я потом встречал статьи, подписанные этой фамилией. Когда мы через год или два зашли в «Смену» на собрание уже нового клуба, Голубенский со сцены сказал, что наш состав был, пожалуй, самым интересным.

11. В то время я определялся — куда поступать. То, что я человек пишущий, мне уже было ясно. В какой-то момент я подумывал о журналистском факультете. Зашел посоветоваться с Голубенским. Он согнутым пальцем поправил очки на носу, пристально посмотрел на меня и сказал: «Я тебе очень советую не идти на журфак. Ребят с дипломами журфака в редакциях не любят. Они никто и звать их никак. В журналистику приходят. Откуда-то и со своими темами». С годами я только все больше убеждался в его правоте. То же можно сказать и о public relations.

12. Юра Хемеляйнен связался с одной особой лет 25. Пришел к ней. Забрался на нее, чувствую, — говорит, что хлюпаю я в ней. «Что, — тут танки до меня прошли?» Та молча взяла с тумбочки флакон одеколона, налила на ладонь, выплеснула его Юре на член — его как обожгло. Перевернулась и вставила член в анус. «Так здорово было!» — захлебывался от удовольствия Юра даже вспоминая. И вот он, преисполненный ярких впечатлений ехал от нее домой. Сел в такси и не удержался, поделился радостью с таксистом: «Знаете, я сегодня в первый раз — в жопу!» Таксист, не отрывая глаз от дороги, ответил: «Молодой человек! Я уже тридцать лет только — туда!»

13. Мы с Сашей Ланцем давно не виделись и неожиданно встретились на мосту через Мойку у ДК работников связи. Оба обрадовались встрече. «Ну, — спросил я, — где был?» — «Да вот, только вернулся. Ходили в Швейцарию, в Роттердам». Я даже не сразу нашелся: «Ты чего?» — «А что?» — «Швейцария же к морю не выходит! А Роттердам — голландский порт». Он даже обиделся: «Кто там был — ты или я? Говорю тебе — в Швейцарию мы ходили, в Роттердам!» — «Давай, остановим любого и спросим!» — «Давай». По мостику шла молодая пара. Я спросил у них: «Извините! Скажите, пожалуйста, Швейцария к морю выходит? И в какой стране Роттердам?» Они испуганно шарахнулись от нас. Дядька с портфелем на тот же вопрос ответил: «А я откуда знаю?» А мы с Сашей стоим, молчим. Идет мужик ханыжистого вида, в тапочках на босу ногу с бидоном. Явно выскочил из дома за пивом в киоск, который тогда стоял у ДК. Я повторил вопрос. Он остановился, перехватил бидон: «Да вы что, ребята! Швейцария же альпийская страна! Какое море?! С севера у нее граница с Германией, с запада — Франция, с юга — Италия, с востока — с Австрия. Сбоку Лихтенштейн. А Роттердам — второй в Европе порт после Лондона и находится он в Голландии». И пошел дальше. Мы с Сашей посмотрели друг на друга: «Ну, пока». — «Пока». Говорить было не о чем. И больше я его не видел.

14. В 1967 году наш круг общения резко расширился. Связано это было со вторым моим серьезным конфликтом с органами.

Мы с Ниной уже были женаты, но Арины еще не было. Жили на улице Глинки, фактически на Театральной площади. И тогда в Питер должен был приехать любимовский Театр на Таганке. По-моему, это был второй приезд в Питер. И, как и в первый приезд, спектакли шли в ДК 1-й Пятилетки.

Накануне продажи билетов на первую декаду гастролей мы зашли в кассу. Нам сказали, что уже есть очередь. А на вопрос «где эта очередь?» нам ответили, что «где-то тут». «Тут» оказались несколько ребят, мы разговорились и решили покрутиться, заняв, на всякий случай очередь. К вечеру наша очередь насчитывала уже более полу-

соти человек, а поскольку мы стояли живьем, то за нами стали заниматься и занимать очередь другие люди. Мы решили стоять и ночь тоже, до открытия кассы. Пели песни, бегали к нам пить чай. А утром откуда-то взялась какая-то списочная очередь, и в кассе стали продавать билеты им. Мы пошумели, пошумели, но не были готовы к такому повороту дела, уступили. Однако решили не сдаваться и подготовиться к продаже билетов на следующую декаду.

Во-первых, теоретически. Оказалось, что согласно инструкции, продажа билетов на спектакли должна производиться в порядке живой очереди. Поэтому, во вторых, мы решили стоять три дня и три ночи — именно через это время должна была начаться следующая продажа. И в третьих, лучше организовать ко дню продажи. Что и было сделано. Мы стояли прямо на крыльце ДК. Опять же пели песни, травили анекдоты. Ночью к нам выходили Золотухин и Хмельницкий, пели вместе с нами. Нас уже было более сотни и мы друг друга уже знали. Все были примерно одного возраста — кто уже студент, а кто еще нет. Утром в день продажи я притащил альпинистскую веревку-тросик и мы оцепили им крыльцо ДК.

Ко времени открытия кассы стали кучковаться «списочники». Оказалось, директор театра ДК — их хороший знакомый. А мы пропускаем работников ДК и больше никого.

В 12-30 директор вызвал милицию. Приехал усиленный наряд. Мы объяснили майору, сослались на инструкцию и пожаловались, что кассу до сих пор не открывают. Майор созвал в кабинете директора театра ДК «совет в Филях». На нем были майор, директор, два списочника и мы с Димой Серкиным. Час совещались и решили: (1) Продавать билеты будут в порядке: двое из нашей очереди, один списочник и т. д.; (2) первыми пойдут двое наших; (3) за порядком следим мы. Кассу открыли. Продажа началась. Милиция покрутилась, убедилась, что все в порядке и уехала.

Мы ликовали. Это была Победа. Вместе ходили на спектакли, вместе потом обсуждали, гуляли по улицам. Нам было так здорово вместе, что решили не расходиться, и учредить клуб. Вечер просидели у нас дома и соорудили манифест «Клуба искателей высших интересов» (КИВИ — опять же новозеландская птичка, которая не летает). И притащили этот манифест в горком ВЛКСМ. Хорошо еще, что попали на приличных людей. Посмотрели они на нас, на манифест, покачали головами и посоветовали идти в ДК Ленсовета и создать там Клуб любителей театрального искусства. Что мы и сделали.

Это было время расцвета театра (Таганка, БДТ, Эфрос, ТЮЗ, Акимов, выпускные спектакли Театрального института и много, много чего еще). И мы протусовались несколько лет. Было перекрестное опыление с киноклубами «Молодежный» и «Киты» («Кино и ты»). Было три раскола, в результате появился театр-студия «Суббота». Были любовь и дружба. Но я, президент Ленинградского клуба любителей театраль-

ного искусства с тех пор в театре практически не бывал по собственному желанию. Только в театры-студии, а в репертуарные — только если водил кого-то.

Спустя несколько лет, гуляя с Аринкой у ДК 1-й Пятилетки слышал разговор, что здесь у ДК в 1968 выступали студенты.

15. В этой нашей большой компании студенты были, но это были первокурсники. Ядро же было из тех, кто только готовился поступать: Дима Серкин, Таня Юдина, Тина, Валерка Митрофанов, Люба Алексеева, Марина Хорошина, Адам Иванов, Миша Семенов («Кафка»), Ася Асенкова. Было несколько бурных романов. Особенно яркий был у тихого мальчика из Кишинева — Эдика Банка с Тиной. Кончилось тем, что приехала его мама и увезла Эдика домой в Кишинев. Через несколько лет он приехал в Питер — прощаться, уезжал с семьей в Бостон. Тина к тому времени вышла замуж за кинорежиссера Крымского. Основная точка была у нас дома. Тещу стали шокировать круг и масштабы нашего общения. С рождением Арины Нина стала реже ходить в клуб, некоторые ребята стали ее раздражать. Про все эти дружбы и любви она говорила: «Как собаки!»

16. Иногда мы просто собирались на улице и устраивали... Например, однажды, подобрали большой фрагмент решетки. Мы с Серкиным взяли ее с двух сторон и понесли вертикально. Митрофанов взял увесистый булыжник и нес его на вытянутых руках перед нами. Остальные выстроились парами в довольно длинную процессию — всего человек двадцать. И так мы прошли от Новой Голландии, через площадь Труда, по бульвару Профсоюзов до Сенатской. Адам бегал вокруг и собирал реплики прохожих. Кто-то говорил, что это секта такая и это у них обряд, кто-то, что это кино снимают... Дойдя до Медного Всадника, мы встали перед ним полукругом. Мы с решеткой и Валерка с камнем — в центре, перед общим строем и лицом к памятнику. Постояли пару минут. Потом все встали на одно колено, склонив головы — тоже на пару минут. Потом встали, положили камень на решетку и, раскачав, смайнали их в Неву. И только мы это сделали и еще стояли на берегу, как подошел майор со 2-го отделения, поздоровался и спросил меня: «Гуляем? Все в порядке?» Мы заверили его, что — да, все нормально и поспешили уйти.

В другой раз, на улице Глинки, между Театральной площадью и Никольским собором, собрались и уставились на балкон. Стали собираться люди, тоже начали смотреть. Так продолжалось минут пять. Потом мы дружно плюнули каждый себе под ноги, растерли плевок и пошли к Николке. Кто-то из пострадавших зевая громко возмущался. Лишь потом я узнал, что это мы, оказывается, harpening'и устраивали.

17. Вместе с Витей Немтиновым тусовались в только открывшейся кулинарии на Малой Садовой — там впервые в Питере варили кофе-эспрессо. Потом оказалось, что там тусовалась компания Бродского и Довлатова. Потом такая же кофейня открылась на углу Невского и Владимирского, под рестораном «Москва». Ее называли «Подмосковье». Скоро ее заполонили голубые, а потом хиппари-системщики, переименовавшие забегаловку в «Сайгон». Оказалось, что это было святое место компании Вити Кривулина.

Мы варились в той же кухне, но у нас был свой мир. Мы были другим кругом, пересекающимся с другими, но самостоятельным кольцом-ячейкой в сети городской жизни.

18. Адам Иванов тогда работал продавцом в книжном магазине «Гренада», что был на улице Печатников недалеко от ДК 1-й Пятилетки. Иногда мы помогали ему торговать книжками на улице, в центре. У нас получалось весело и успешно.

Адам был очень активен. Я шутил: «На любом углу в Питере встань и постой минут десять — мимо обязательно пробежит Адам». Недавно, совершенно неожиданно, через одну странную общину, которая вышла на Любу, я опять столкнулся с Адамом. Он меня полуузнал — у него после избиения на улице была тяжелая мозговая травма. Но он был так же активен — организовывал какие-то фестивали, выставки....

19. Дима Серкин готовился поступать в Бонч-Бруевича или в ЛЭТИ, но мы с ним часто обсуждали философские и политические сюжеты. Как-то сидели в Публичке — в зале на Фонтанке и вместе читали «Государство и революция» Ленина. Тогда там были длинные широкие столы — поперек всего зала и читатели сидели с двух сторон этих столов. Мы с Димкой сидели рядом, а напротив нас — какой-то человек. Вдруг он придвинул мне записку — «Выйдем в коридор!» Я вышел с ним. Вот его слова дословно: «Вы с “Государством и революцией” и вообще с Лениным — осторожнее. Хотя бы вслух не обсуждайте. Я только что вышел, 5 лет за это отсидев. Жалко вас — дураков».

20. На одну из первых встреч к нам в клуб мы пригласили театрального критика Калмановского. Тот начал разговор с того, что заявил: «Чего это вы ребята за клуб сделали — “любителей театрального искусства”? Надо что-то типа “Искателей высших интересов”». Мы долго смеялись. С КИВИ все и начиналось! Много лет спустя, познакомившись с Татьяной Клявиной, директором Института искусствознания и истории искусств, я узнал, что она была его женой. Жизнь коротка. Но мир теснее.

21. Сидим однажды вечером в ДК им. Ленсовета. Открывается дверь,

и заходят мужчина с женщиной. Она представилась как переводчик, сопровождающий люксембургского журналиста из какой-то люксембургской социал-демократической газеты и фамилия этого журналиста... Геббельс. И мы целый вечер с эти Геббельсом протусовались. Его интересовало — о чем думает советская молодежь, как она живет и прочее.

22. Я, наверное, отношусь к шестидесятникам. Помню, как тинейджером зачитывался материалами XX и XXI съездов КПСС — теми страницами, где «разоблачался культ личности». Помню, как по дороге из техникума в автобусе ошарашено смотрел на газетную страницу в руках у сидевшего пассажира — убили президента Кеннеди. Как в том же автобусе уже со своей газетой сидел несколько минут потерянным — сняли Хрущева. Как в 1968 на газетном стенде читал о вводе войск в Чехословакию и по всему организму разливался какой-то стылый холод. Наверное, даже не понимал, а именно чувствовал. Я даже не шестидесятник, а того поколения, которое Маканин назвал озимым. С проблесками сознания глотнули воздуха хрущевской оттепели и оказались накрытыми снегами «застоя». А может — «оставшие», которые «хранители». Это другая маканинская метафора. Мальчик увязывался за артелью старателей и все время отставал, а когда те, возвращаясь, находили его, то в местах, где он ночевал, находили золото. Тогда старатели специально перебивали ему ноги — чтобы вернее отставал! Наверное, я вычитывал в раннем Макаanine то, чего у него, может, и не было. Рассказы о Ключареве и Алимущкине, «Место под солнцем», «Отдушина», «Предтеча»... Поздний Маканин, премированный — уже вроде позднего Нагибина с теткой, прыгающей с теплохода и плывущей собачкой на Валаам к своему инвалиду-любовнику. Или, что почти то же — поздний Бунин. Только Бунин воспитаннее. А тут стареющий совковый Козлодоев.

23. Мы с Таней Юдиной пошли на философский и не прошли. Я уже твердо решил идти на философский. А она... Первый ее мужчина был Валера Лапицкий — тогда аспирант философского. Согласно афоризму Литвинского, женщина-философ, это женщина, соблазненная мужчиной-философом. Она считала Валеру эстетиком (он защищался по теории познания), удивилась, что я собирался специализироваться на философии естествознания, сама после поступления специализировалась на эстетике и по окончании долго работала в Русском музее.

Мы с нею пошли на подготовительные. Через год я поступил на вечернее отделение. Таня опять не прошла, но еще через год поступила на дневное. К тому времени, однако, наши с нею пути разошлись, но у нее на всю жизнь осталась близкая дружба с Наташей Васильевой-Надысейвой-Батищевой и Любой Алексеевой-Митюхиной. После по-

ступления на философский — в наш круг влились ребята с факультета: Боря Бондаренко, Саша Гевейлер, Дина Задвицкая, Наташа Васильева...

24. Возвращаюсь из командировки и Таня Юдина сообщила мне, что переспала с Поротовым. Всплакнула даже. Я спокойно отреагировал. Целый вечер проходили по городу. Свободная молодая женщина. Любовница женатого. Практически — без надежд. Я тогда и не представлял себе возможный разрыв с Ниной. Как ножом отрезало близкие отношения. Тогда я впервые понял, что являюсь сторонником двойного стандарта.

То же повторилось с Ниной Соловей. Да и с женой было то же. После ее измены — понятно, что в ответ, как самоутверждение — у меня возврата уже быть не могло. Наверное, это маскулинный шовинизм. Цена мужской и женской измены различна, потому как различна цена мужской и женской ошибки. Он входит и выходит. Она впускает и открывается. Женская измена глубже. И последствия возможные серьезней.

25. Все женщины делятся на три основные категории: хищницы, тютю-матюти и нормальные. Эта классификация у меня сложилась давно, наверное, еще в техникуме. С хищницами все понятно и я их всегда избегал — и в делах, и по жизни. Тютю-матюти — не дуры. Наоборот, часто они весьма рассудительны. Только — чужим умом, заимствованным. Нормальные же живут своим умом и главное — им можно полностью доверять. Тютю-матюти подставит запросто — приснится ей чего-нибудь высокое, справедливое и — пожалуйте. А потом еще что-то или что-то в уши надует...

Скорее, это не классификация, а типология, и в чистом виде хищницы, тютю-матюти и нормальные довольно редки. Чаще — комбинации. У Любы, например, почти гармоничная смесь всех трех с некоторым доминированием нормальности. А моя первая жена Нина — смесь тютю-матюти с нормальной, примерно 50:50. Ее подруга Наташа Кузнецова-Тихомирова — смесь тютю-матюти с хищницей. Любава Морева — почти чистая хищница, с небольшим вкраплением тютю-матюти — для голубого глаза. Абсолютно нормальных я знал всего ничего: Галю Феофанову в техникуме, да Татьяну Артемьеву. И то в последней — ложка хищницы. Даже Таня Архангельская, Таня Юдина, Нина Соловей, Света Рождественская — не без доли тютю-матютиности. И это хорошо.

26. Тетки любят хозяев жизни. Рождественская мне как-то так и сказала: «Я люблю сильных мужиков. Понимаешь, — настоящих». И мимикой, жестом показала — каких: губы поджала, вся напряглась, руку в кулак и потянула им. А я не хозяин жизни. Мне это не интерес-

но. Или не дано. Выменец, Лева Литвинюк, Володя Виктор — такое маскулинное поведение мне кажется довольно комичным. Я — пониматель: осмыслитель и интерпретатор. Люблю читать, писать. Собственно, только это и умею. Наверное, и живу для этого. По крайней мере, это всегда было главным приоритетом. Этим спасался.

Потому, наверное, и — «второй». Причем — хороший второй. Потому, наверное, и печальна судьба всех моих практических начинаний. КИВИ, клуб в ДК Ленсовета после Таганки, учебный центр в «Персонале», Институт культурных программ... Все идеи были прекрасные. В людях я видел союзников, общность интересов, общинность, *communitas*. И люди с большой охотой шли за мной, они во мне видели лидера-хозяина жизни, хотели найти во мне опору, защиту.... А натывались на мое ерничанье, шутливость, стеб. Я же продолжал ждать от них самодостаточности, равности. Некоторые, как Хохликова и Покрищенко терялись от этого, им было необходимо мое постоянное присутствие в деле, они думали, что это дело моей жизни, что я буду все время рядом, наполнять происходящее смыслом....

Лучше всего со мною себя чувствуют тетки нормальные. И которые от меня ничего особенного не ждут. Я — уходящий, ничей. Где бы я ни был, я скоро начинаю спешить, стремиться куда-то уйти. Получается, что моя жизненная позиция — постоянная внеаходимость, *out*. Это помогает, но и мешает. Помню как меня поразила смена интонации в наших отношениях с Любой, когда стало ясно, что нам дальше жить вместе. Доверительность и откровенность вдруг стали вытесняться ерничанием, обхаживанием, поддевками друг друга. Только сейчас, похоже, начинаю догадываться о природе этого.

Люди кожей живота чувствуют мою инакость, «неихность».

Второй-то я второй, но очень ревнивый к первому. Мне нужно, чтобы он мне доверял, разделял мои идеи предложения, относился к ним и ко мне серьезно. Получается, что я предпочитаю свои идеи реализовывать чужими руками. А если это не происходит, я обижаюсь и, опять-таки, — ухожу. А может, это проявление моего какого-то бабьего начала?

Дети дают ключ к пониманию моего характера. Арина — с ее стремлением к близости, единению и — уходом в последний, решающий момент, непощением и обидой, отрезающей отношения. Саша — которому легче чью-то форму, конструкцию с помойки наполнить новыми функциями, чем сделать заново. Степа — с его аутизмом наблюдателя, но не делателя. Маша — с ее обидчивостью и трагичностью, ежели что не по ней.

27. Уже после нашего развода, в начале 90-х, узнав о СИЗИФе, Нина сказала: «Опять новая семья и опять клубы делаем?»

VI. Первая жизнь (Старшая семья)

Мы с Ниной поженились в 1967 году, а развелись в 1986. Арина родилась в 1968, а в 1972 — Саша. И хорошего было намного больше.

1. С Ниной у нас просто много сошлось. Туристский клуб в педагогическом. Она там училась, и мы виделись в походах. А кроме того, она ходила в «Смену», в клуб молодого журналиста. Так и пересеклись. Отбил я ее у какого-то парня-работяги, которому она давала книжки почитать.

Нинины родители — славные были люди — против нашей ранней женитьбы не возражали. Я им очень благодарен. Не только потому, что приютили. В конечном счете, благодаря им, да еще моим двоюродным брату Миле и сестре Майе, я не чувствовал и не чувствую себя интеллигентом в первом поколении. Ну, может, не совсем во втором, но и не в первом.

2. Из нининых родственников против нашей женитьбы была младшая сестра Клавдии Ивановны — Таисия Ивановна, всю сознательную жизнь проработавшая врачом в колониях и лагерях, говорила обо мне: «Это типичный сексуальный маньяк. Я таких на зоне насмотрелась. Не удержат тебе его, Нина!». После свадьбы она специально приезжала из Москвы, расспрашивала Нину, не склоняю ли я ее к извращениям.

Сама она давно уже жила и живет на раннюю и неслабую пенсию от МВД. Получила льготную автомашину. В которой ее возит ее непутевый сын.

Слава советской пенитенциарной системе!

В чем-то лагерное чутье Таисию Ивановну, наверное, не подвело. Я помню, как когда еще будучи школьником то ли 6-го, то ли 7-го класса ехал в автобусе седьмого маршрута с Синопской к Невскому и какая-то молодая тетка, обернувшись встретившись со мной взглядом, сказала своей спутнице: «Какой развратный взгляд у подростка, что сидит сзади!» А несколько лет назад, Андрей Зонин рассказывал, что его жена Нина, уже через несколько дней после нашего знакомства, сказала ему: «Ты заметил, какое интеллигентное лицо у Тульчинского?!» То ли что-то изменилось во мне, то ли, что скорее, имелось в виду то же самое.

3. Из всех нининых родственников самые теплые отношения у меня сложились с Валей Егоровой — женой ее двоюродного брата, сыном

той самой Таисии Ивановны из Москвы. Он сильно пил и вообще был парень с придурью, и они развелись, когда их сыну не было еще 10-лет. Но когда я бывал в Москве, то всегда заезжал к ней, и мы как-то очень искренне и живо интересовались нашими проблемами, обсуждали их. Потом мы приезжали к ней с Любой.

Мы продолжали считать друг друга родственниками, хотя нам самим было немного удивительно и слегка комично: кто она мне? Бывшая жена двоюродного брата бывшей жены!!!

4. Мои родители мою женитьбу не одобряли в принципе. Считали — рано. Мать Нины Клавдия Ивановна даже ездила к маме. Согласия все равно не было. Моих не было на свадьбе, и мы несколько лет почти не общались. Даже когда Нина уже носила Арину, и мы приехали к ним, отец сказал мне при Нине, сидя за столом: «Нужен тебе этот ребенок — как рыбке зонтик». Примирение наступило только перед рождением второго ребенка — Саши. Внука отец хотел очень сильно.

5. Когда мать стала уже совсем плоха, стала падать, когда мне звонили соседи на Бабушкина и говорили, что мама упала у входной двери, и они не могут ее даже открыть, чтобы помочь ей, я решил, что жить на два дома невозможно и предложил всем съехаться. Старики поупирались, но такое решение устраивало слишком многих. В том числе, за счет этого съезда улучшалось жилье семьи старшего Нинино брата — они получали нашу квартиру на Будапештской. После съезда на Таврической я понял, что даже старики не подозревали всех последствий. У них это был просто шок. И надолго. Шок получился и у нас. В доме оказалось двое детей и четверо стариков. И они со своими болячками задавали атмосферу в доме. Дети притихли, и сами стали походить на старичков. А потом они стали умирать. Александр Николаевич. Мама. Папа. Клавдия Николаевна уже умерла без меня.

6. Когда мои старшие дети учились в школе, я бывал там считанные разы. Помню, когда мы жили в Купчино, я пошел за Аришей, которая тогда только-только пошла в первый класс.

Прихожу — тишина. Звонит звонок об окончании уроков и — грохот, рев. Как сходящая с гор лавина. Как у взлетающего ТУ-134. Стою жду — уже все сбежали, а аринино класса нет. Поднимаюсь на их этаж. Школа новая, коридоры широкие, двери в классы стеклянные. А в ее классе — дверь еще и приоткрыта. Весь класс стоит у парт. Классная руководительница — а она была еще и завучем — командует: «Построиться!» Ребята выходят к доске и становятся парами. Ей что-то не понравилось: «Сесть за парты!» Ребята сели. «Встать! Сесть! Встать! Сесть! Встать! Построиться!» И так несколько раз. Потом она их вывела в коридор и повела в раздевалку. Я ее спросил — зачем она это делает? Она ответила: «А все равно всем сразу не одеться».

7. Прихожу домой. Арина, моя старшая дочка, она училась в классе седьмом, — лежит. Спрашиваю: «В чем дело?». — «Весенняя слабость, — говорит, — даже руку сжать не могу». Прихожу в другой раз — то же самое. «А это летняя слабость». Так я ее и цеплял дальше — а это, мол, — слабость осенняя? Зимняя?

У Ариши есть одна черта. Как только в жизни дело доходит до чего-то определенного, однозначного, с ней случается кризис. Доучилась до 8 класса. Не хочу, не могу учиться дальше! Поступила в Серовское художественное училище. И вот тут уже получилось дело посерьезнее. Дело дошло до диплома. Госэкзамены сдала. Осталось только диплом защитить. И дипломная работа уже наполовину сделана. И тут у нее взгляд рассосредоточивается, перед глазами все серо, пальцы карандаш держать не могут. Они с матерью к невропатологу. Тот диагноз — рассеянный склероз. Как смертный приговор. Арину в больницу ГИДУВа, а Нинка укатила на юга на все лето со своим хахалем. У нас дело уже в разводе было.

Арина на мне. Я перелопатил всю литературу в БАН по рассеянному склерозу, все про него узнал, вплоть до того, что это болезнь, преимущественно жителей регионов с гранитными подпочвами, то есть — российского северо-запада и, соответственно, — северо-востока Европы. И, в какой-то момент, вспомнил свою историю с «эпилепсией». Примерно в том же возрасте. Когда у меня тоже руки-ноги отнимались, взгляд рас сосредоточивался. Как мне помог отец с походом к Динеру. Но Динер к тому времени уже давно умер. И стал я бороться за снятие диагноза. Водил ее по разным врачам, ни никто не брал на себя ответственность.

К осени она оказалась в непростой ситуации. Диплома нет. Аттестата о среднем образовании нет. Она сама уже поставила на себе крест как художнике. Надумала поступать на исторический факультет. Устроил ее на философский факультет лаборанткой на кафедре А. К. Бельха — спасибо Рукавишникову. Заодно, исторический рядом — пусть присмотрится. Записались в ШРМ — аттестат-то нужен к весне.

И зимой очень помогла Нина Мичурина, которой моя мама помогла в блокаду и которая хорошо знала и папу, и всю их историю. Да и я ее хорошо помню в детстве. Она уже была пенсионерка, но работала в институте Бехтерева в мастерских, где психов трудотерапией лечат. Света она нас с профессором — авторитетом, Жуков, вроде бы, фамилия. Тот все анализы посмотрел, промурыжил около часа и как отрезал — это у вас вегетативная дистония от перегрузки и перенапряжения. И дал официальное заключение. Арина так воспряла, что бросила ШРМ, по весне защитила дипломную работу в своем Серовнике и с разгону разлетелась в Мухинское училище. Немного недобрала, но уже ни о чем другом не думала. Осень — зиму проработала оформителем и готовилась поступать снова. Об истфаке она уже не думала — насмотрелась. Весной она защитила диплом в Серова и твердо решила поступать в Муху. Потом,

правда, выяснилось, что все-таки это была первая атака рассеянного склероза. Но зато Арина получила 15 лет нормальной жизни.

8. С какого-то времени меня стали раздражать тикающие часы. Заснуть не могу. Достают до бешенства. Мерзкое тихое тиканье.

9. Долгое время терпеть не мог электронные часы. Они могут совершенно неожиданно обнулиться или батарейка сядет. На них не виден ход времени. Мне, как лектору, важно видеть «куски» времени: сколько отработал и сколько осталось. А на этих часах видно только цифры. Кроме того, чувствуешь себя полным идиотом, отвечая на простой человеческий вопрос: «Сколько времени?». И ты, вместо нормальных «Без четверти 10» или «Без трех шесть», говоришь жуткие цифры «9-45», «17-57». Люди шарахаются как от лошади. И наконец, меня доставала ситуация семи часов вечера. Как в кошмарном сне: 1905, 1914, 1917, 1937, 1941, 1945, 1947, 1953, 1956, но не 1963, 1968, а вдруг — 2000.

10. Мой тесть — Александр Николаевич, старый и прожженный газетчик — свято верил в печатное слово. Он выписывал журнал «Здоровье» и любил читать что-нибудь оттуда вслух. Когда я высказывал хотя бы малейшее сомнение в прочитанном, он говорил: «Ну, вот же, это напечатано!». На что я обычно парировал: «Подождите, напечатают и другое». Самое смешное — что так и бывало. Приходил очередной номер «Здоровья» и там было напечатано нечто диаметрально противоположное. Он принимал и это.

11. Мы несколько раз занимались обменом, и многих отворачивала наша квартира тем, что в ванной была дровяная (торфяная, угольная) колонка. Теща Клавдия Ивановна все возмущалась: «Какие привереды! И чего людям надо? Ведь, это так удобно!». Мы переехали в новую квартиру на Будапештскую. И когда начали менять уже ее, то Клавдия Ивановна с не меньшим пафосом отметала варианты без горячей воды, с колонками: «И как это люди не понимают? И еще звонят, предлагают! Как будто кто-то может жить без горячей воды!»

Помню один телефонный разговор по обмену. У тетки была квартира на какой-то двадцать-лохматой линии Васильевского. Ее интересовала квартира в центре. Я никак не мог понять, почему она отказывается даже глянуть нашу квартиру на Театральной площади. Она раздраженно-нравоучительно ответила: «Я же Вам ясно говорю — меня интересует квартира в центре города!» — «!?» — «В геометрическом центре». — «Ну, например?» — «Например, наша квартира». — «Это как это?» — «А так, молодой человек. Проведите диаметры на карте города и Вы поймете, что это и есть самый центр». И я понял, что центр — это там, где живет сам человек.

12. Каких только причудливых квартир нет в Питере! Ох, и насмотрелись же мы питерских квартир, занимаясь обменами!

Одна квартира поразила Нину. Это была однокомнатная квартира метров 16-ти. Пошли смотреть ванну с туалетом. А там... мраморный бассейн 6 х 6 метров, с мраморным же медведем. А сбоку от медведя — обыкновенный совдеповский унитаз. Оказалось, что когда-то давно это была большая квартира белого человека. А когда ее делили, то этим жильцам в качестве мест общего пользования достался бассейн.

13. Не менее веселый вариант смотрели мы с отцом — по одному из вариантов им с мамой доставалась однокомнатная квартира. Одну из таких квартир — на Шпалерной мы и поехали с ним смотреть. Он сначала ехать не хотел — квартира была на первом этаже. Но я его уговорил. Квартира проходила по всем данным как 16-метровая. Когда мы позвонили, нас провели через небольшую кухоньку в комнату метров 20-и — никак не меньше. Здесь была гостиная. У самого окна был проход в другую комнату — спальню, которая и была этих самых 16-и метров. Когда мы удивились, хозяйка отодвинула в гостиной занавесочку, за которой оказалась раковина мойки. То есть, по ордеру большая гостиная числилась как кухня и была неоплачиваемая. Чувствую, у бабки глазки разгорелись. Пошли смотреть места общего пользования. Симпатичный такой туалет. Просторный. Но есть еще какая-то дверка. Спрашиваем — а это что за дверь? Отвечают, что это дверь в соседнюю квартиру. Туалет оказался на две квартиры. Поэтому, заходя в туалет, надо следить, чтобы дверь была закрыта. А уходя, не забыть открыть ее.

14. Роскошный вариант служебной жилплощади получила жена Вадима Полторака, гусевского приятеля. Мы их перевозили.

Это была однокомнатная квартира на самом верхнем этаже в сталинском доме на углу Демидова переулка и Сенной площади. Входишь — небольшой тамбур. Налево коридорчик с местами общего пользования, упирающийся в симпатичную 8-метровую кухоньку. Прямо — дверь в комнату, развернутую влево и длинную как трамвай. В торце комнаты была дверь на балкон, с которого открывался вид на шпиль Адмиралтейства, колокольню Петропавловки и Исаакий одновременно. А направо еще дверь — в 100-метровый зал. Без окон, но с фонарем 4 х 4 в потолке. Причем, над этим фонарем была стеклянная беседка, попасть в которую можно было только через чердак, и поэтому ключи от чердака должны были быть у хозяев этой квартиры. В стенах зала были ниши с батареями отопления. Эти ниши были на высоте примерно полуметра и в них спокойно становились диваны. Оказалось, что эту квартиру делал себе под мастерскую бывший главный архитектор Ленинграда — Каменский, который проектировал и этот дом. Но предпочел другой вариант с мастерской и теперь эта однокомнатная квартира

(зал не оплачивался, т. к. был без окон) принадлежит жилконторе, это ее служебная площадь. А Вика как раз устроилась туда инженером.

15. То, что еврей — не роскошь, а средство передвижения, я понял давно и буквально на примере семьи Поротовых.

Жила эта семья в городе Ровно. Глава семейства был ровненским послевоенным прокурором и всячески боролся с бандеровцами и прочими «лесными братьями». Как вспоминал Женька, у них в квартире был длинный коридор, упиравшийся в туалет. Так вот, на двери этого туалета висела мишень в виде контура человеческой фигуры и папа иногда тренировался в стрельбе из пистолета по этой мишени. Первой учиться в Питер уехала старшая дочь — Татьяна. Когда я с нею познакомился, она работала в Ленсистемотехнике и была замужем за математиком Лево́й Гинзбургом и у них была малышка дочка. Незадолго до того в Питер приехал средний сын — Женя, с которым мы познакомились при поступлении на философский. Он уже год работал сварщиком — кушать надо было. Потом приехала младшая дочь, а за нею и мама и папа, который к тому времени вышел на пенсию. Папа не мог вынести питерский климат и вскоре скончался. Женька закончил факультет и как член КПСС пошел заведовать парткабинетом на Ленфильме.

Гинзбург подал документы на выезд. Его знакомые подготовили под него место в МИТ — Массачусетском технологическом институте в Бостоне. Ему отказали и они с Татьяной несколько лет прожили в отказе — т. е. их с работы уволили, а на новую работу не брали. Женька пошел в партком сдаваться, что он не одобряет действия своей сестры, попавшей под тлетворное влияние сионизма. Ему сказали, что он правильно делает, но чтобы он место работы менял. И Женька ушел в бюро пропаганды киноискусства. Гинзбурги все-таки отъехали и вскоре подала документы на выезд мама Поротова — хочу, мол, участвовать в воспитании внучки, постоянно проживающей в городе Бостоне. Она съехала. Женька еще раз пошел сдаваться. Его похвалили, но, опять же, посоветовали место работы сменить. Так он оказался на питерском радио — заштатником. Тут пришел черед младшей сестры, которая тогда работала воспитателем в рабочем общежитии и была известна своей неразборчивостью в связях. Ее, якобы, хорошо знала вся милиция на ж/д ветке Балтийский вокзал — Калище, потому как ее пользовали чуть ли не прямо в вагонах и тамбурах электричек. «Не могу оставить престарелую мать, постоянно проживающую в городе Бостон». Женька опять пошел сдаваться, но с радио его выперли и он стал совсем свободным журналистом-стрингером.

Я его встречал с интервалом в год и всегда интересовался — как там в Америке? Скоро ли он сам отъедет. Женька отвечал, что не отъедет никогда. Он полгода живет там, а полгода — тут. Там он продает ин-

формацию про тут, а тут — про там. У него прекрасная телерадиоаппаратура, он востребован и все О. К. Рассказывал, что маме там плохо. Старушка языка не знает и весь образ жизни замкнут домом.

Потом мы долго не виделись и столкнулись в Пулково-2. Я летел в Атланту через Париж, а он в Нью-Йорк через Лондон. Но поговорить успели. Таня получив второе юридическое образование, открыла свою консалтинговую фирму. Мама, не зная языка, в 85 лет вышла замуж за американца. Младшая попала на высшие позиции в рейтингах дохода русской эмиграции последней волны — в ней проснулся медиадизайнер и она делает прекрасные WEB-странички, сайты и т. п. А Лева Гинзбург как был, так и остается профессором МИТ.

Еврей — не роскошь. Целая семейка Поротовых на хвосте у Левы Гинзбурга решила жизненные проблемы. Папа-прокурор только не задался.

16. У Нины была школьная подруга — Наташа Кузнецова. Нинина мать всячески не поощряла их контактов, потому что Наташа была из «неблагополучной семьи»: папа из семьи ушел, мама сама решала свои проблемы, ее подолгу не было дома, а то и вовсе отъезжала, а две дочки-погодки были предоставлены сами себе и гремели на всю округу. Наталья хвасталась, что может любого мужика довести до экстаза, а вот самой ей это дело почти безразлично. Это она училась в школе.

Младшая Кузнецова — Галка — была мне, почему-то, всегда более симпатична. Она больше молчала, была как-то глубже и, похоже, рано узнала цену людям и жизни. Наталья же всегда лезла с какими-то «умными» разговорами.

17. Галка Кузнецова одно время работала кассиром в магазине «Север» на Невском, где торгуют тортами и пирожными. Работала она там недолго и объясняла уход бытом и нравами этого магазина. Так, директриса, после того, как сходит в туалет посылала других спускаться за собой. Кто попадется на глаза, того и посылала. Чтоб знал — кто он и кто она. И шли. И спускали. Когда дошел черед до Галки — подвернулась она на глаза директрисе, Галка отказалась. И уволилась.

18. Когда мы с Ниной поженились у младшей Кузнецовой — Галки уже был сынок Саша, а горло она всегда прикрывала шарфиком — там был шрам то ли от ножа, то ли от петли.

С этим Сашей в детстве был один казус. Пришли какие-то родственники со знакомыми. Привели свою дочку примерно тех же лет. Про детей на время забыли, а когда вспомнили — схватились за головы. Саша поставил девочку на четвереньки, спустил с нее трусики, уселся на нее верхом, приспустив свои трусы, и так они стали ездить по комнате. Ну, видел, наверное, мальчик похожее.

Теперь этот Саша, сделавший не одну ходку в зону, крупный, евро-

пейского масштаба специалист по татуировкам. Не вылезает из заграницы, имеет там какую-то недвижимость — видный художник и эксперт tattoo.

19. Наташка хотела получить высшее образование, искала работу и быстро через меня прилепилась к нашей теплотехнической наладке в ЛОПИ. Витя Притула с компанией заодно готовили ее к экзаменам. Потом она как-то вышла на Сашу Тихомирова, которого я знал еще по ЦКБ «Айсберг», окрутила его и вышла замуж.

Они прижили сына Лаврентия и дочку Катю. Лаврентий быстро вышел на наркотики, торговал ими еще в школе, да и потом. Женился и выпал из моего поля зрения. Катерина росла очаровательным ребенком. Наталья зарабатывала деньги, возя ее на Ленфильм для участия в массовках. Потом Катя работала в учебной части Мухинского училища, пыталась учиться, но вышла замуж за француза и укатила во Францию.

20. Наташа решила получить высшее образование. Она пришла к нам в институт культуры и закончила заочное отделение. Работать пыталась тоже по культуре, но все не получалось, пока она не подслушала в трамвае один разговор, что нужен человек в службу снабжения Театра им.Ленсовета. Игорь Владимиров был еще жив. Тихомирова приперлась в театр и сказала, что она от Григория Львовича Тульчинского. Почему-то такая наглость сработала. Ее взяли, и она довольно долго там чего-то делала. Потом она пыталась быть «менеджером» в нашей Гуманитарно-творческой Ассоциации «Живая культура», но это было очень навязчиво, безапелляционно и вульгарно. Она, к ее чести, сама поняла, что что-то не так и бросила это дело, тем более что особыми деньгами не пахло. Я, все-таки, не Лева Гинзбург. Но уже нашла золотую жилу — недвижимость.

21. Наталья нашла хороший источник дохода. Она нашла отца, уговорила маман и они объединили всю свою жилплощадь. Нарисовалась приличная большая квартира-этаж на углу 1-й линии и Большого проспекта В.О. Папа вскоре умер. Мама опять стала решать свои проблемы самостоятельно. Галку в свое время лишили прописки и выслали на 101 км. Наташа стала сдавать эту квартиру командированным. Быстро поняла, что прогорит только на стирке простыней. И переключилась на братьев по разуму — стала сдавать на долгий срок иностранцам. Бросила всякую работу. Отдыхать стала в Греции, на Мальте. Мы с Ниной уже развелись. Она стала учить Нину жизни. Подруги поменялись ролями.

Купила домик в садоводстве в Лужском районе для Гали. Стала строить особняк там же. Уговорила Нину купить рядом сначала один, а потом и второй — по соседству. Так теперь и живут летом.

Как-то встретил в метро Галку. Разводит курей. Как говорит, совсем окрестьянилась.

22. Нинина одноклассница по Герцена, которая была у них комсоргом, вышла замуж за перуанского инженера и уехала к нему в Лиму. Он был из старинного рода, и у него в центре Лимы была квартира в целый этаж большого дома.

Она писала письма. Муж ее ревновал. Она сидела дома. Вспоминала институт, комсомольские дела. Последнее письмо заканчивалось так: «Скучно. Развлекаюсь тем, что бью прислугу по морде тапочками». Больше писем от нее не приходило.

23. У Нины был школьный приятель Филипп Бронфин, живший с матерью и лежащим отчимом. Он быстро примкнул к нашей компании. Иногда мы собирались у него — он жил в своей отдельной комнате. Филя был неплохим фотографом, но специализировался на порнографии — пересъемках с карт, открыток, журналов. У него была целая фотоархив этого дела. Еще он уговаривал знакомых девушек сниматься голышом. Без порнухи. Он пытался делать такие художественные композиции. Играл со светом, интерьером. Отказов ему не было. Я не уверен — проговаривал ли он это или это как-то сидело в подсознании у девчонок... Молодость, мол, проходит, а память о своей молодости и красоте оставить надо.

Некоторые фотографии весьма удачны — Задвицкой, Оли Крушевской, Тани Юдиной, Аси Асенковой, Любы Алексеевой. После Филипповой смерти я, с разрешения его мамы, некоторые из этих негативов и отпечатков взял на память. И это, действительно, отличная память о молодости.

24. Умер Филя быстро, но тяжело. В октябре ему диагностировали саркому печени, а в феврале мы похоронили скелет, обтянутый кожей. Мы дежурили у его постели. Даже его бывшая жена Аня, намылившись в Штаты. Именно за время Филипповой болезни у меня впервые случился приступ «вегетативной дистонии» (рассредоточением взгляда с последующей дикой головной болью). На поминках в каком-то контексте я сказал, что бороды, наверное, носят те мужчины, которые вторичными половыми признаками хотят компенсировать недостаточность первичных. Филиппова мама, как то задумчиво сказала, что Филиппу очень понравилась бы эта шутка. За стеной у нее далеко не первый год лежачий муж.

25. Как-то пришел Миша Семенов, а я собирался на прогулку с маленькой Ариной. Взяли коляску. Пошли гулять по Мойке. Уже возвращались. Аришка встала на коленки и ехала, держась за откинутый верх коляски. На Поцелуевом мосту она стала раскачиваться и под-

прыгивать. Мы с Мишей заболтались — как обычно — о проблемах литературы и политики. И тут я увидел мелькнувшие ползунки дочери, а сама она нырнула головой вниз на асфальт. Этот кошмар был как в замедленной съемке или во сне. К счастью, она зацепилась за арматуру коляски и я успел ее подхватить. Я смог открыть рот только уже дома.

26. Начитавшись Айтматова я бредил Киргизией. А тут еще и фильм А. Кончаловского «Первый учитель». В общем, как только Аринка немного подросла (как раз в лето моего ухода из наладки и перехода на комсомольскую работу в автотранспортный техникум), мы с Ниной махнули на Иссык-Куль. Умудрились обойти и объехать вокруг него. Дважды заходили в горы: на северном берегу и на южном. Пожив в Чолпон-Ате, добрались до Григорьевки, взяли перевал и спустились к Ананьеву. До альпийских лугов не добрались — Нина себя плохо чувствовала.

Ночевали у перевала. Когда утром стали спускаться, набрали на стадо. Женщина, пасшая стадо, с удивлением смотрела на нас: «А где остальные?». Пришлось соврать: «Сзади идут». В километре в кустах на берегу реки было стойбище. Перед юртой на кошме сидел аксакал с домочадцами. Пригласили нас пить чай с молоком. Сели, потом подошла и та, которую мы встретили. Чай они пили из огромного медного самовара. Старик приговаривал: «Мы, кыргызы, ошшенньо любим шай. Мэсяц барана эдим, мэсяц шай пьем. Мы шай пьем, кыпчаток пьем, бандура играем...».

На южном берегу, когда ехали автобусом из Пржевальска в Каджисай, было очень яркое и жутковатое переживание. Мы сидели на заднем сидении. Вокруг было битком набито пассажиров-киргызов. Они очень громко разговаривали и почти все пристально рассматривали нас.

27. В Тамге поставили палатку на территории какой-то базы отдыха. Талоны на питание нам дали, но палатку разрешили поставить только на самом видном месте, прямо под столбом с репродуктором, из которого с утра до вечера несло: «Эти глаза напротив, чайного цве-ета, эти глаза напротив, что ета, что е-ета...». Это было наше первое знакомство с творчеством Тухманова.

Берег там каменистый и я там сильно рассадился. Была высокая волна, а я уселся на острых камнях и не заметил как меня подняло и потащило спиной по этим камням. Всю спину изрезало.

28. В Киргизию ехали поездом — специально, чтобы посмотреть природу, быт и нравы. За Волгой проявилась закономерность: все, что выносилось к поезду, стоило рубль. Сначала мисочка яблок — рубль, потом — мешочек, потом — ведерко, потом уже — большое ведро. И все — рубль.

В Сызрани в наше купе сел парень, сбежавший со строительства КАМАЗа. Он все повторял: «КАМАЗ — пусть его строит Фантомас!» Он отпахал два года без отпуска и теперь ехал к маме в Чимкент. Мы выпили за знакомство. Потом он активно продолжил в ресторане. Видимо, решил расслабиться по полной программе. В какой-то момент он обратил внимание на Нину и стал недвусмысленно приставать. Ночью я проснулся от того, что Нина зовет меня. Свесился с полки и вижу, что он тянет к ней руки. Я ему дал по рукам. Он затих, но дело на этом явно не успокоилось бы. В соседнем купе ехал москвич моего возраста. Я зашел к нему и рассказал ситуацию. Он согласился проучить нахала. Мы взяли его за руки и за ноги, вытащили из купе и потащили в тамбур. Он сначала брыкался, а потом тихо спросил, что мы будем с ним делать? «Как чего? Выбросим». Он расплакался, заскулил. Мы его бросили в тамбуре и пошли спать. Через некоторое время он тихо заполз в купе, и на следующий день до своего Чимкента был тих и кроток.

29. В Киргизии мы истратились основательно. Спустили все деньги. В последний день в кармане только и было что обратные билеты на самолет, да 1 руб. 11 коп.: один рубль бумажкой, 10 копеек и 1 копейка. Аэропорт тогда во Фрунзе был в центре города. Мы сходили на местную ВДНХ, набрали там яблок. Огромные алмаатинки там свисали прямо над дорожками. Вот набрали этих яблок и сели на бульваре улицы Дзержинского перед аэропортом ждать своего рейса.

Идут цыганки. Подходят: «Дай яблочка!». Не жалко — пожалуйста. Одна говорит: «Ты хороший человек. Давай я тебе погадаю». А я их терпеть не мог. «Нет, — говорю, — спасибо». — «Вот, ты думаешь, мы за деньги. А мы тебе бесплатно погадаем. Ты — хороший человек, яблоко нам дал». Пристали, а мне никто до этого не гадал. «Ну, ладно, — говорю, — давай». Подсаживается слева от меня. Справа Нина сидит, свое яблоко жует. Цыганка взяла мою левую ладошку и давай бормотать, мол, ждет меня дальняя дорога через месяц. Мне смешно — у меня билет в самолет на Питер через два часа. «Дай, — говорит, — копеечку». «Не дам». «Вот, ты думаешь, мне нужна твоя копеечка, а я тебе бесплатно гадаю. Ты — хороший человек, нам яблоко дал. Мне твоя копеечка для гадания нужна. Я возьму твой волосок, намотаю на копеечку и еще больше тебе скажу». Ладно, думаю - дал. Выдернула волосок, намотала на копеечку, побормотала и говорит: «Дай рубль!». «Не дам, — говорю, — он последний». «Не бойся ты за него, не нужен мне твой рубль — я в него копеечку с волоском заверну и главное тебе скажу». Ну, думаю, чего она сделает? Я, при трезвой голове, сижу рядом с нею, жена еще с боку. Ну, что она сделает? Дал ей рубль. Завернула она в него копеечку с волоском и бормочет, бормочет, бормочет ахинею какую-то. Мне это дело надоело. «Хватит, — говорю, — давай рубль!». «Ах, вот ты какой, значит. Мы думали, ты хороший

человек — яблочко нам дал. А ты вон как! Гори твой рубль синим пламенем — ни тебе, ни мне!» Сунула рубль с копейкой под титьку, стала и пошла. Я растерялся. Лезть к ней под титьку искать рубль?! Единственное, что смог сделать, это запустить ей в спину огромный огрызок алмаатинки. Как раз промеж лопаток угодил.

Прилетели в Питер, а в кармане 10 копеек. А надо добраться до метро, да оттуда до Театральной. Подходит автобус, экспресс «Аэропорт-аэровокзал». Мы садимся, он трогается. Кондуктор подходит к нам: «Платите за проезд». А мы делаем удивленные глаза: «Как, а разве это не входит в стоимость билета на самолет?» Морда — чайником, глаза-блюдца, а денег нету. «Тогда выходите». А автобус экспресс, скорость набрал. Мужик — со смены, наверное ехал — спрашивает: «Студенты, что ли?». «Вроде этого». «Ладно, давайте я заплачу за них». Так добрались до Адмиралтейства, а там уже и до дому пешочком недалеко.

А цыганок я с тех пор в Питере гоняю, если на пути оказываются. Через несколько лет Виталик Нишанов рассказывал мне о такой же истории во Фрунзе с приезжими, но там был не рубль, а десятка. Инфляция...

30. В конце поездки в Молдавию истратились под завязку — благо обратные билеты на самолет из Кишинева смогли купить где-то по дороге: то ли в Сороках, то ли в Оргееве. Вот и приехали в Кишинев, денег мало, но решили на день остановиться — посмотреть, купить в дорогу вина, фруктов. Остановились на ночь в самой дешевой гостинице — опять же в районе местного ВДНХ. Разместились, уехали в город, сделали закупки (вино замечательное — дешевое, вкусное и очень питкое). Денег осталось только на троллейбус до гостиницы и утром в аэропорт. Ну и какие-то рубли у Нины на транспорт в Питере. Садимся в троллейбус. Мы с маленьким Сашкой на руках — с передней площадки. Нина с Ариной — с задней. Деньги на проезд отдал Арине, потому как кондуктор посетит в конце салона. Сели. Едем. Я гулькаю с Сашкой. И слышу — пошел контроль. И какой-то громкий разговор в конце салона — кого-то трясут. Потом проталкиваются к нам контролер с Ариной и спрашивает билеты. Я смотрю на дочку: «В чем дело? Билеты же у тебя». На ней лица нет, губы трясутся: «Я забыла». Контролер мне: «Платите штраф». — «Денег нет». — «Как это — нет?» — «А вот так». — Контролер даже растерялась: «Вы из Ленинграда, у вас штрафы большие, а у нас маленькие». — Уговаривает, значит. «Ну, нет у нас денег на штраф». Она собрала мозги в кучку и нашла аргумент: «Не может быть. Вы приехали отдыхать и у вас должны быть деньги». Я встал, вывернул все карманы, чтобы убедилась, а сам смотрю на дочь: «Ну, что? Отца заставила пустые карманы выворачивать на людях?». Контролер посмотрела, посмотрела и отстала.

Еще веселее оказалось в аэропорту. Приехали, а он битком набит пассажирами — задержки. Нет, якобы горячки и люди живут там не-

которые уже пять дней. И на Питер неизвестно когда будет рейс. С трудом нашли место среди зала рюкзаки поставить. А меня уже пот прошиб. Денег нет, а детей-то кормить надо. У нас же из еды только пачка печенья — рассчитывали на кормежку в рейсе. А когда ждешь и особенно — знаешь, что жратвы нет, то есть захотелось тут же и всем. Дети впали в голодную дремоту, а я пошел на добычу. Зашел в кафе. Там толпень народу. Смотрю — столик, на котором стоят бутылка кефира и две тарелочки — с нарезанной вареной колбасой и с булкой. И стоит у столика один мужик, но ест явно что-то свое. Подходить и забирать еду сразу как-то неудобно. Я постоял, подождал пока у столика сменилось несколько человек. Никто эту еду не взял. Ну, я сгреб ее и пошел к своим. А они уже впали в голодную дрему. Подхожу к Арине и вожу у нее над носом куском колбасы. А мы в эту поездку за все время мяса и колбасы не ели вообще. Все овощи-фрукты. Арина унюхала и не открывая глаз бормочет: «Не надо так издеваться над голодными людьми!».

Съели все моментально и опять есть охота. Тут уж я взял Сашку за руку и пошли мы к ним к служебному входу в ресторан. А он маленький очень щупленький был, жалконький. На рынке торговцы ему всегда чего-нибудь давали: яблочко, ягоду. Иностранцы в Питере как только его видели, сразу же окружали и совали жвачку, конфетки. Ну, вот, подходим мы с ним к ресторану, а там мужики чего-то разгружают. Я им говорю: «Мужики, такое дело, застряли совсем без денег — не вынесете чего поесть?». Один молча сбегал в ресторан, принес буханку хлеба. К вечеру мы и ее умяли. Тут уж Нина решила повторить мой фокус. Взяла того же Сашку, только одела ему курточку — на всякий случай, чтобы не узнали, и пошла туда же. Но им вынесли только полбуханки. Переночевали, а утром, к счастью, дали питерский рейс.

31. В тот год в тех краях было страшное наводнение. Месяц в Карпатах шли дожди. Эти дожди и переполнившиеся горные речки наделали больших бед. И вся эта вода скатилась в Днестр. Такого Днестра местные не помнили. Переправа из Цекиновки в Сороки работала как бог на душу положит — паром снесло, а лодочники побаивались. И вот, по таком Днестру на каком-то случайном речном трамвайчике мы проплыли почти день и вышли в довольно глухом, как нам показалось, месте. Лес. А нам очень хотелось побывать в кодрах. Ну, вот и полезли в эти кодры. Кошмар. Я с тех пор очень не люблю южный лес. Акации, сплошные колючки. С трудом продрались на какую-то опушку, набрали этого колючего хворосту и устроили дневку.

32. По Молдавии мы путешествовали интуитивно: отчасти по карте — вроде бы там интересно, отчасти на названия реагировали — очень хотели добоатмья до Вадуи-луй-воде, да наводнение помешало —

все устье Днестра затопило и этот Вадуй-луй-воде тоже, отчасти — ехали туда, куда был транспорт.

В Оргеев мы попали именно так. В принципе, не собирались туда, но был автобус от Резины, в которой мы провалялись три дня с расстроенными животами на какой-то служебной площади, куда нас пустили после того как я сунулся в местный дом культуры — сработало то, что я работал в питерском институте культуры. В конце концов нам очень хотелось отцепиться от вздувшегося на 4 метра Днестра, по которомуплыли крыши домов, утопшие и вздувшиеся поросята, да и от Резины воспоминания тягостные.

В Оргеев мы немного оттянулись. Жили мы у молодой хозяйки, лопали те же фрукты-овощи и ... купались. В Днестре купаться было невозможно, а в сугубо степном Оргеев была запружена какая-то малюсенькая речушка и перед плотиной получилось приличное озерцо. На второй день заметили среди купающихся некую закономерность. Спросили у хозяйки — она подтвердила. Озерцо маленькое и лесс легко взбаламучивается. Со второй половины дня вода не очень приятная. Купающихся и после обеда много, но нет евреев — те купаются только утром. А евреев в тех краях до сих пор немало. Я так и вспоминаю всегда Оргеев как Оргеев-город советских евреев.

33. Еще одно наблюдение по части народов и наций. Ехали мы, вообще-то, не столько в Молдавию, сколько думали добраться до Тульчина — фамилия обязывала там побывать. Билеты в Питере брали руководствуясь атласом мира — до Ямполья. А там оказалось, что до Тульчина надо будет добираться с разными okazиями. Кто-то нам подсказал, что можно хорошо отдохнуть в Цекиновке на берегу Днестра — и мы рванули туда.

Приехали. Огромное украинское село. Если все жители выйдут в окрестные поля, то будет тесно как в метро в час пик. Все сады в абрикосах, улицы в абрикосах. Дети кинулись подбирать и есть. Ищем где остановиться. Посоветовали обратиться к одной бабке. Приходим. Бабка — вылитая ведьма из сказок братьев Гримм. Сдаст свой «дом» — сама живет у сына. А дом — землянка, крыша провисла. Вокруг польнь, лебеда, банки консервные и какие-то подозрительные кости. Арина шепотом сказала, что в яму за стеной она сбрасывает обглоданные кости тех, кто у нее ночует.

Убежали мы от нее и, в конце концов, остановились у сравнительно добродушной хозяйки, у которой прожили неделю.

Цекиновка эта раскинулась на левом, низком берегу Днестра, а супротив нее на правом высоком берегу — молдавский город Сороки, в котором населения раз в десять меньше, чем в этом украинском селе. Главная достопримечательность Сорок — старинная, единственная в своем роде круглая крепость. И живет в этих Сороках полный интернационал. Ближе к берегу — хохлы, русские и прочие евреи. Повыше в горы — цыгане.

И почему так с братьями славянами — им всегда достаются низкие берега, которые затапливает и живут они там толпами — то заливаемые, то палимые солнцем на этих ровных плацах. А супротив них на высоких берегах стоят старинные крепости малых народов. Цекиновка — Сороки. Тамань (Тьмутаракань) — Керчь. Иван-город — Нарва.

34. Молдавские горы — славная вещь. Местность вообще довольно пересеченная. Смотришь вокруг холмы, горы. И вот лезешь ты на эту кручу, лезешь полдня. Вылезает, думаешь — на вершину, а там перед тобой кукурузное поле и дорога по которой пылит автобус. Оказывается, ты не на гору влез, а из ямы вылез. Все эти горы и холмы — края яров и прочих оврагов.

Потом в этих же Сороках была Люба. Она тогда носила Степу, и очень ей обидно стало, что все лето она проведет в Питере. И поехала она групповодом в эти места. Жара была сильная. Она с пузом лезла купаться и загорать. Группа ее берегла, и тетки говорили ей, что ребеночек родится смуглым. Так и получилось.

35. Одно лето мы провели в Оханске на берегу Камы. Захотелось побывать на родине нининого отца Александра Николаевича. Там еще была жива его старшая сестра.

Об этом Оханске два воспоминания. Первое — дом этой самой сестры, в котором мы жили. Старушка за 90 лет, но в здравом уме жила в новом доме со своей дочерью и внучкой. А ее старый деревянный домишко с провалившимся полом, клюнувшим градусов под 40 еще стоял. Мы по нему ходили, держась за стенки и мебель, чтобы не рухнуть в подполье. И дом этот был набит книгами начала века, преимущественно — духовного содержания. Бабка была интеллигентка из попoven. Это, так сказать, прошлое.

И настоящее. Магазин в Оханске. Он состоял из двух неравных частей. Большую составлял винный отдел. Такого обилия разнообразных напитков в советское время я нигде больше не видел. И меньшая — в которой торговали всем остальным: хлебом, мясом, рыбой, одеждой, гвоздями. Запомнилась почему-то торговля сгущенкой из огромного бидона.

36. Сашка — единственный мой заказной ребенок, которого очень хотела вся семья. И мой отец тоже, хотя тогда мы еще жили врозь. Он больше похож на отца, чем я и очень напоминает Эмиля — батюкиного любимца.

Рос Санька очень болезненным. На Будапештской ему даже поставили диагноз — мононуклеоз. Болезнь, которой болеют один раз. Мы уже прощались с ним. В каких-то записях я благодарил небо за то, что у меня был сын. Но — пронесло. Он только росточком в Филиппова.

Страдал от этого, растягивался, но потом успокоился. Девушки и так любят.

37. Запомнилась одна из врачей, лечивших его маленького. Фамилия ее была Кущенко. Она незадолго до этого переехала с мужем с Камчатки, где долго жила и работала. Она приходила, садилась в уголке, протирала стетоскоп, разговаривала с нами, смотрела на Саньку издали, но не подходила. И так минут пятнадцать. И только потом осматривала ребенка. Лекарств выписывала мало. Говорила, что ребенок сам справится, ему надо только помогать, а не мешать. На нее даже жаловались какие-то родители — что за врач такой!? Приходит, молчит, рецептов кучу не выписывает на ходу — может ненормальная? А нам она очень нравилась. Запомнилась ее реплика: «Сейчас у него сопельки. Потом простуда на горлышко сползет, а потом на бронхи. И вот тут надо быть особенно внимательными». И так все и было — «сползло». У меня, так, до астмы сползло.

38. Арину мы растили по совдеповскому пособию для медсестер детских учреждений. То есть, все было по расписанию, жестко.

Сашку же уже воспитывали «по Споку» ребенок сам лучше знает, когда и что ему нужно. Так они и выросли у нас — закомплексованная и вздрагивающая от собственных мыслей Арина и полностью «спокизированный» Санька.

39. На Будапештской еще, годика три-четыре ему было, пошли в кино, в «Славу» смотреть какую-то японскую детскую страшилку — по-моему, «Гибель Японии». А там дома рушатся, страна обваливается в океан... Где-то в середине фильма Санька прижался ко мне и шубейкой накрылся с головой. Я прижал его к себе. Так и досидели. После сеанса я его спрашиваю: «Страшно было?» Он говорит: «Не-а, не очень. Только в одном месте». — «Это где же?» — «Это когда мальчик кричал: “Мама! Мама!”».

40. Арина родилась на Театральной, а в школу пошла на Будапештской. Санька же вырос в Купчине. Поэтому любопытно было их отношение к старому городу, к моим родным Пескам.

Арине тут нравилось больше, чем в Купчине. Сашке — не нравилось. «Все дома какие-то». Нравилась ему только одна улица — Шпалерная: «Широкая. Больше всего похожа на Будапештскую».

41. Вскоре после переезда дети проявили самостоятельность. Арина заявила, что хочет учиться в художественной школе и стала ходить по вечерам в школу на Некрасова. Санька же заявил, что хочет учиться «на музыканта». У нас ни у кого слуха не было, но пообещали попробовать. Отправились в Кикины палаты, куда незадолго до того въе-

хала музыкальная школа. Пришли. Я с авоськой из магазина. Он в ковбеечке. А там такие мамы! Такие папы! Такие детки!!! Нас спрашивают: «А Вам чего, папа, надо?» Я говорю: «Вот, хотели бы на пианино записаться...». Фыркнули: «У нас, папа, нет пианино. У нас — фортепиано!» — «Ну, фортепиано...» — «На фортепиано, Вы, папа, уже опоздали. Можете попробовать только на баян». Сашку прослушали. У него оказался абсолютный слух. Педагог вел его все время обучения, готовя к профессиональной работе. Но в Саньке проснулось еще одно начало — техническое.

42. В начальных классах Сашка пережил смерть приятеля. Весной, только стал сходить снег, ребята решили покататься на велосипедах. Зашли еще за Санькой, но он чего-то не мог. А они поехали в Таврический сад и выехали на пруд. Первый с разгону доехал почти до середины, где ушел под лед. То ли шок, то ли далеко ушел по инерции под лед, но он даже не выплыл в полынью. Достали уже к вечеру.

43. Еще в школе, до училища Арина открыла принцип монизма: «Единого мира заключается в его говенности». Я ее спрашиваю — как это? «А так. Все в мире говно». — «А моча?» — «И она тоже говно». — «А познание? Отношение к говну?» — «Оно самое главное говно!»

44. Намного позже, когда мы уже были на грани развода, Нина укатила на Кавказ, мы остались с детьми летом в доме одни. И случился засор канализации. Утром, часов в 8 поперло дерьмо из унитаза и в ванну. Была залита вся прихожая. Мы с Ариной тряпками собирали это все в ведра и выносили на улицу, выливая в ближайший канализационный люк. Дело было на выходных. ЖЭКовские сантехники не ходили. Вызванная аварийная бригада посмотрела, тросом потыркала, сказали, что все в порядке и уехала. Вечером после 18 все повторилось. Аварийка приехала уже после уговоров. Опять прочистили и укатили. А мы опять все убрали. Утром была та же история. И вечером. В понедельник приходили сантехники. Тоже возились. Говорили, что засор ликвидирован. Так было 5 дней. Утром и вечером мы вставали на вахту — когда люди вставали и когда они приходили с работы — и ведрами выносили дерьмо жителей всего подъезда. Наша квартира превратилась в выгребную яму. Аварийщики проклинали все на свете и не знали, что делать. Надо было резать фанину, а чугунные трубы не свариваются. В конце концов они разбили 6 метров этого фанового стояка. Оказалось, что в него попал обрезок доски. И заторял по диагонали. Когда трубу прочищали, дощечка становилась вертикально. Но как только на нее сверху падало дерьмо, она поворачивалась и перекрывала просвет.

45. В классе втором Сашка написал сочинение на тему «Мои родители и кем я хочу стать». Оно было кратким — он и потом писал, как он говорил, «данные», а «не бодрягу разводил». Сочинение состояло из нескольких фраз:

«Моя мама пишет сценарии уроков. Мой папа пишет статьи и читает лекции. Надо много учиться, чтобы писать сценарии и статьи.

Я не хочу быть специалистом. Я хочу быть шофером или машинистом. Если шофером, то в такси. А если машинистом, то поезда дальнего следования».

Достали его наши спины, согнутые над столами! «Я не хочу быть специалистом!» «А если уж машинистом, то поезда дальнего следования», чтобы уехать от этого всего к едрене фене!

46. Арина, увидев нас с Любой на выставке в Русском музее, пришла сама не своя. Я понял, что к чему. Поговорили. Объяснил — что бы ни произошло, у меня есть замечательная, любимая дочка, а у нее есть отец. Успокоилась. Потом призналась: «Это хорошо, что ты ушел. Это открыло нам всем какие-то новые возможности, которых иначе бы не было».

Реакция 14-летнего Сашки была несколько иной: «Я не думаю, что отец делает такую глупость».

47. На Таврическую мы переехали, когда Сашке как раз надо было идти в 1-й класс. Арина пошла в 4-й. С тех пор в 163-й школе Тульчинские не переводятся. Арина. Саша. Степа. Соня. Маша.

Сашку помнят в школе до сих пор. Арина ушла в училище Серова (Рериха) после 8-го, а Санька доучился до конца. Последние два года он заведовал радиорубкой. У него были ключи. Он обеспечивал все мероприятия.

Чуть ли не с первого класса Сашка стал таскать с помоек всякие железки и мастерить из них чего-нибудь. Все больше по радио и электротехнической части — тем делам, в которых я не понимал ничего. Чинил приемники. Соорудил себе самозадвигающуюся занавеску. Я немного побаивался, что эта его самоделкиность застрянет на уровне «собрать из выброшенного», не перерастет в настоящий систематичный профессионализм. «Не хочу быть специалистом». Что-то похожее и получилось. Он оборудовал дома нечто вроде частной мастерской по ремонту аппаратуры и студии звукозаписи одновременно. Это даже стало его источником дохода.

48. Саше повезло на школьных приятелей. Они держатся друг друга до сих пор, хотя кто-то охранник, кто-то предприниматель, кто-то врач... Один из них — Виталик Бакман уже давно в Калифорнии, звал Сашку приехать, осмотреться. Я говорил ему, что очень стоит. Но он не поехал. Виталик несколько раз приезжал. Пытались

с ним наладить бизнес с ноутбуками, но уже поздно — рынок был уже поделен.

49. Вуз Сашка выбрал сам — Институт киноинженеров, там готовили звукорежиссеров и звукооператоров. Причем, с музыкальным образованием. Поступил. На 3-м курсе специализация. Конкурсный отбор на звукорежиссуру. Берут только с музыкальным образованием и слушают подготовленную самостоятельно запись. Причем иностранцы, как оплачивающие учебу — вне конкурса. Для наших получалось всего три места. А Сашка уже начал петь. В институте его уже знали как автора исполнителя. Он был любимцем институтской общественности. И он представил запись своих песен. И прошел. Тогда же он познакомился и с будущей женой Настей. Она тоже прошла конкурс.

Потом он меня приглашал на один концерт. Мне очень понравилось. Слушал с закрытыми глазами. Очень сильное переживание — душа совсем голая, как по живому — отцу слушать пение сына в зале.

50. Саша с Настей пригласили меня на защиту своих дипломов. Мы с Ариной ходили. Сашка учил преподавателей жизни, и те слушали. После института он принял неожиданное решение — аспирантура в киноинженеров. И поступил. И учился больше года. А потом бросил. «Не ясно зачем», — говорил. Вспомнилось: «Я не хочу быть специалистом».

51. Когда Сашка пошел в музыкалку, отец подарил ему трофейный немецкий аккордеон, который берег, получилось, что для Саньки. На совершеннолетие он подарил ему отличный велосипед — шоссейный «Турист». Закончив школу Санька аккордеон продал и купил синтезатор. А велик у него сперли прямо из тамбура квартиры.

Саша стал интересоваться шоу-бизнесом, арт-менеджментом. Походил к нам на кафедру музыкальной эстрады. Я его свел с В. М. Лебедевым. Они понравились друг другу.

Потом Саша записал свой компакт-диск. Получился отличный CD. Песни всей семьей слушаем. Одна беда. Он придумал красивое название — «about», но подвело слабое знание английского. На обложке красовалось «aboute». Опять вспомнилось то его сочинение: «Надо много учиться...».

52. Сашка — удивительный везунчик. Все получалось само собой и удивительно мудро. В школе умудрился не вступить в ВЛКСМ. Дошел до развала.

Музыкалка, киноинженеров, аспирантура...

Как раз к тому времени, когда стали приходиться повестки из военкомата, они сдали квартиру на Таврической и жили на Печатников, так что военкомат его потерял.

Настя...

Купил машину. Полгода отъездил. Вошел во вкус. С приятелем поехал в Лепую и Мишуково. В субботу. На трассе у Синявино мужик с прицепом выдавил его на обочину и он на скорости 90 км/час съехал в кювет. И именно на том участке, где нет ни деревьев. Ни столбов. Перевернулись два раза. Стекла вылетели, двери всмятку. Ремонт — стоимость машины. Оба целехоньки. С мужиком тем была разборка. Я ему через Выменца помог. Часть ремонта он с этого деятеля получил.

Отремонтировался. Опять поехал туда же. На подъезде к Кировску — шуршит что-то. Встал на яму посмотреть — центральная, осевая гайка переднего левого колеса отсутствует. Как ехал!? Если бы еще поехал, разогнался — полные кранты. Я ему еще сказал, что битая машина непредсказуема, надо продавать. И продал. И удачно.

Через пару лет тихим субботним утром, когда улицы пусты и движения практически никакого, он шел из Новгородской в Исполкомскую — на зеленый, шел под 50 км/час. По Херсонской шел под 90 Audi — на красный, который не горел, потому как светофор был неисправен. И Audi въехал в Сашин джин. Прямо посередке. Салон был вмят до середины. Саша не был пристегнут, что, наверное, и спасло — только лицо разбил. От столкновения их закрутило, развернуло на 180 градусов. При этом Сашину машину вынесло на тротуар, на котором стояла бабулька. Багажником ее сбило и головой об асфальт. На смерть. Это ведь надо было, чтобы так все до миллиметров сошлось. Время (суббота, скорости), место. Хорошо, что гаишники запротоколировали неисправность светофора, скоростные режимы. Хорошо, что нашлись свидетели. Дело было возбуждено против другого водителя. Саша проходил как свидетель. Но все равно... Бабулька. Это уже серьезный звоночек.

Тьфу, тьфу, тьфу!

VII. Наладка, или Визуально (наощупь)

В Ленинградское отделение проектного института (ЛОПИ) «Проектпромвентиляция» я перешел из «Айсберга», познакомившись с Сергеем Игнатьевым на рейде комсомольской дружины, на которые по разнарядке направляли со всех организаций. Очень я тогда устал от ЦКБшной позвоночной системы. Все по звонку: приход (и нельзя опоздать ни на минуту, а потом хоть спи на рабочем месте), перерыв на обед, уход с работы, когда люди толпились в коридорах, ожидая сигнала. А тут — свобода, поездки.

1. Работал я в отделе отопления. Занимались мы наладкой систем отопления предприятий: своих или от ТЭЦ. Постоянно было много командировок. До этого я нигде, кроме Москвы и Таллина с Ригой и не бывал, да и то — наскоками. А тут — по месяцу, по два: Тула, Новотроицк, Осташков, Оленегорск, Ковдор... Да и питерские заказы: Морфизприбор, Кировский завод, Жданова, завод Котлякова...

Контора находилась в Москве, Ленинградское отделение — на Якубовича, а наш отдел — на Плеханова (Казанской) в створе Антоненко. В общем — Черноморское отделение Одесской конторы «Московские баранки». Мы были сами по себе, да и в отделе не сидели — все по объектам. Только если на стадии расчетов и оформления итогового отчета сидели группами. Но и это старались делать «на объектах». Заправлял отделом молодой слегка заикающийся татарин Гани Хамзеевич Поздняков. Это была его вотчина. Он пристроил в отдел двух шалопаев-родственников Виктора Тенишева и Алика (Алима), а сам с «опытными» (его «еврей» Борис Аржевский, походница Лида, типичная питерская технарка Рита Гельберг и притча во языцах раздолбай Коля Иванов) делал работы не столько по официальным договорам, сколько — левым. Предприятия сами предлагали, когда им выкатывалась официальная сумма, — а может, договоримся дешевле? И договаривались. Наладчики оформлялись или по какому-то липовому договору, или на временную работу. Выполняли, как положено, техпроект, представляли документацию, по которой потом или ими самими, или под их руководством, велись наладочные работы. И все счастливы. Наладчики имеют приличный доход, а предприятие все получает за меньшие деньги. Поскольку требовались бланки, печати, калка и проч., то Поздняков кормил еще кое-кого из офиса на Якубовича. Заказов было очень много, все Поздняков сам переварить не мог и отдел расширился. В круг опытных взяли Барашкова, взяли молодого Игнатьева, который привел меня и еще двоих приятелей, а я вскоре привел Наташку Тихоми-

рову. Молодых гоняли по официальным договорам, а сами делали свой бизнес. Ну, и нам неплохо. Я получил инженерную ставку, выполнял функции руководителя группы, женился, начал готовиться в университет. Сплошные «Буря и Натиск».

Досуг наш на объектах, а то и в отделе был разнообразным. Настольные игры: преферанс, кинг, японский дурак, шашки, «чапай». Подвижные игры: на ближайшей площадке — футбол, в дождь и слякоть в отдельском коридорчике били друг другу пенальти спущенным резиновым мячом или теннисным мячиком.

Это называлось «теплотехническим многоборьем». Еще мы играли в начавшееся тогда Спортлото. Надо было отметить 7 номеров из 49. Вероятность выигрыша в нем была меньше, чем в государственной лотерее. Но мы поймали дурацкую систему: часто выпадали два номера подряд. Мы покупали, скидываясь, сотню карточек и заполняли. Базой были все комбинации двух подряд цифр. Остальные заполняли вразброс, но чтобы покрыть максимальное количество цифр.

И наши затраты окупались. Мы не выигрывали много, а все время окупали затраты.

Примерно в то же время я как-то зашел в Дом книги. Увидел нужную мне книгу, но денег у меня с собой почти не было, только рубль. Я вышел из магазина. У входа, на Невском продавали билеты книжной лотереи. Билет стоит рубль. Я купил билет с твердым намерением выиграть денег на нужную книгу. Вскрыл билет — он был именно на эту сумму. И я пошел и купил эту книгу. Главное — я покупал билет в твердой уверенности, что я должен получить нужную сумму. Вот что делают уверенность и напор. Или Промысел.

2. В отделе вентиляции работала симпатичная девушка по фамилии Денежкина. Она очень расстраивалась из-за своей неудачной, по ее мнению, фамилии. И очень, поэтому, хотела выйти замуж. Она вышла замуж и сменила фамилию — стала Гудковой.

Другая — вроде нее — была Козел. Она всегда следила, чтобы фамилию произносили правильно, с ударением на первом слоге, и обижалась на неправильное произношение. Она тоже вскоре вышла замуж и стала Сероштан. С ударением на последнем слоге.

3. Наш Коля Иванов был личностью знаменитой — у него член был длиной 25 см. Его так и представляли: «А это Николай Иванов, у которого член 25 см». Он при этом скромно улыбался.

Коле Иванову принадлежит языковой шедевр. Он составлял акт приемки в эксплуатацию отрегулированной воздушной завесы на входе в один из цехов Кировского завода.

В акте было написано: «Температуре воздуха, выходящего из завесы, визуальнo (на ощупь) 180°С». Это «визуальнo (180°С) — на ощупь» пошло гулять по городу.

4. Витя Тенишев тоже заикался, был гитаристом и бредил Битлами. Он ходил со свернутой трубочкой газетой, теребил ее как струны на бас-гитаре и говорил при этом: «Не могу без гитары».

Он, как и Гани Поздняков, считал себя правильным татаринoм. «Мы, татары, свинину не едим».

Как-то мы с ним вдвоем возвращались из Тулы. Пока добрались от Барсуков до вокзала, — проголодались. Я был за старшего. Оставил Витю на скамейке с вещами, а сам пошел купить чего перекусить. А в буфете только свиные рубленые котлеты. Взял я их, принес Вите. Сидим едим. У Вити за ушами пищит, как лопает за обе щеки. Я не удержался. «Вить, — говорю, — прости, но котлеты свиные». Он в ответ: «Ну и что. Очень кушать хочется».

5. Очень мне понравилась Ясная Поляна. Не музей, а сама территория. Луга, лес. И могилка славная. Выкупался в Воронке, открыл тогда сезон. Решил ребят свозить. Поехали. Пока добрались (Барсуки, Щекино, Ясная Поляна) — вторая половина дня. На входе милиционер — все, уже закрывается, идите обратно. Мы и так, и этак — ни в какую. А забора никакого нет. Отошли метров 20 и, у него на глазах, через кусты прошли на территорию. Хорошо погуляли. Но мимо будочки — нельзя!

6. В Туле узнал, что это настоящий Город-Герой. Народное ополчение отказалось сдать Тулу и не отступило, несмотря на приказ. Похоже, что оборона Тулы и дала спасительное время для обороны Москвы. Об этом вспомнили только в 1970-х. Нашли командира ополчения. Он работал бухгалтером.

7. Мой день рождения пришелся на длительную командировку в Новгород. Время проводили прекрасно — большей частью на пляже у моста, играя в карты. Облазили Кремль, Юрьев, музеи. Я добрался даже до Спаса на Нередице и уже подумывал о Старой Руссе. Я очень люблю купаться в Волхове. Хоть в Юрьеве у истока, хоть в Новгороде, хоть в Старой Ладогe. Вода мутноватая, коричневатая, болотная. Мягкая, мягкая. Как шелком по коже. Для меня купание в Волхове — самое лучшее.

Я уже учился на вечернем философского и решил пригласить всех желающих в Новгород. И понаехала веселая компания. Кто — как. Нина с Любой Алексеевой добирались от Питера на частном «Москвиче», а на вокзальной площади сбежали от водилы, не заплатив, и потом вздрагивали от вида каждого похожего «Москвича». Приехали Задвицкая, Меньшиков, Боря Бондаренко, по-моему — Коля Топоров и еще кто-то и кто-то. Гуляли мы в башне, в ресторане «Детинец» и дошли до того, что танцевали на узеньких лестницах. Потом пошли купаться. Ночью. Голышом. У того же моста. Потом отправились в Юрь-

ев. На турбазе уговорили сдать нам две или три стационарные шатровые палатки. Полночи купались в Волхове. Ну, и утром в воскресенье накупались вволю.

8. Нас молодых выпускали на довольно серьезные объекты. Например, мы с Тихомировой (Барашков ненадолго приезжал) вели работу на Орско-Халиловском металлургическом комбинате. Это такой огромный монстр в южно-уральской степи. Вокруг него несколько городков в степи, в одном из которых — Новотроицке, мы и жили. Купаться бегали на Урал, переплывая из Европы в Азию и обратно. С думой о Чапае.

9. Незадолго до нашего приезда там случился казус. Несколько лет назад, недалеко от Урала вдруг открылся целебный источник. Местные старушки его быстро освоили, соорудили часовенку. Сарафанное радио понесло славу по стране, стали люди специально приезжать. И тогда местные власти решили исследовать ресурсы источника — может, имеет смысл открыть тут курорт. Исследовали. Оказалось, что это пробило трубу с прокатного стана. Вот и получился целебный железистый источник — да еще вода, проходя через грунт, становилась чище. Трубу починили и курорта не получилось.

10. Как-то мы с Натальей решили на выходные устроить поход — добраться до города Гая. Построен он был, как и все стройки социализма, включая Новотроицк, по стандартной схеме. Сначала шли з/к, потом шел стройбат, ну, а потом уже навозили комсомольцев-добровольцев.

Так вот, Гай этот нас интересовал, помимо красивого названия, еще и стоящей, якобы, в центре города большущей стелой, на которой красовалась звучная надпись: «По воле партии, // Руками молодых // Построен // Город // Гай!»

Красиво. И молодых этих, говорили, там понаехало столько, что детей там — как собак. Немерено. Там их даже не считают. Собьет машина малыша — его только в канавку под кустики оттаскивают. Очень нас эти быт и нравы заинтересовали.

Утром в субботу сели на местный поезд. Взяли билет до Гая.

Едем степью. Красота. Просторы. Я степь больше леса люблю. Чайки кружатся. Потом узнал, что эта сорная птица любит за плугом ходить, червяков клевать. Поезд еле тащится, каждому кусту кланяется. Люди выходят и идут куда-то в степь, к горизонту.

Доехали. С нами вышла толпень, залезла в кузовы двух ожидавших грузовиков и с песнями укатила по дороге за горизонт. Только пыль степная столбом на дороге. А мы стоим посередине, словно лошадь в магазине. И небо над нами.

Пошли по дороге в сторону, куда укатили машины. Полдня шли,

пока добрались до какого-то села. Уже вечер. Выяснили, что до Гая ходит автобус, но сегодня уже не будет — только завтра утром. Идти в ночь — бессмысленно, холодно и опасно. Надо где-то ночевать. Сунулись в один приличный дом. Смотрят исподлобья, косым глазом — нет. Во второй, в третий... Пустой номер.

Тогда я предложил найти самый бедный дом. Нашли халупу уже в самом конце села. В землю ушла по самые окна. Крыша старая, прохудившаяся. Во дворе малышня голопузая ползает в пыли и хозяйка средних лет тягает за тощие сиськи облезлую коровенку. Попросилась. Радостно пустили. Накормили, молока налили. Положили на высокую гостевую кровать — думали муж с женой. Я Наташку предупредил, чтоб не приставала и мы отоспались. А утром укатили в Гай. Потом мы из Питера этим добрым людям собрали большую посылку.

VIII. Не свои сани (Комсомол)

ЛАТТ — Ленинградский автотранспортный техникум. Он находился на Мойке, напротив Новой Голландии. Были еще площадки на Петроградской в районе Зелениной. Сплошные блоковые места. Потом он переехал в новое здание на углу Бухарестской и Салова, но это уже без меня.

1. Оказался я там случайно. Меня заприметил инструктор Октябрьского РК ВЛКСМ Андрей Гальнбек и предложил перейти к ним — организовать новую службу — сектор информации, нечто вроде PR-службы. Мне это показалось любопытным. Да и надоело уже в наладке. Учился уже на 3-м курсе философского. Начальство косилось все больше — мол, не по специальности. И я согласился. Но тут, на сектор информации пришел некий Саша Афанасьев. Потом он работал в партийных газетах. Руководил пресс-службой губернатора Яковлева. Активно валил Собчака. Гальнбек предложил мне стать инструктором, курировать средние и средние специальные учебные заведения. Мне это не очень понравилось, я уже настроился уходить — но согласился и даже прошел собеседование. Но тут на это место, с подачи РК КПСС и лично Риты Григорьевны Маловой, курировавшей в райкоме вузы и комсомол, плавно так, опустился кудрявенький ангелоподобный Олег Олисов. Он закончил Корабелку, его распределили в Киргизию, а он не захотел и вот такая для него была отмазка. У него было высшее образование и членство в партии, у меня не было ни того, ни другого. Рита Григорьевна ему благоволила, а я был для нее незнамо кто и звать никак. Бедный Гальнбек долго извинялся и мне было предложено стать секретарем комитета комсомола Автотранспортного техникума. Там секретарила девушка, заканчивавшая техникум, нужен был освобожденный секретарь. Работать в техникуме, а зарплату получать в райкоме. Я плюнул и согласился. Важно было уйти из наладки. Так я оказался под Сашей Олисовым — карьеристом с голубыми глазами. Мы не ругались с ним, но он знал, что перешел мне дорогу и уделял мне повышенное внимание.

2. Жили мы тогда с Ниной у Театральной площади, то есть рядом с техникумом. Пришел я туда перед самым 1-м сентября и сразу прославился. В самый День знаний по дороге в техникум наткнулся на каких-то местных ухарей, окруживших наших первокурсников и трявших из них какую-то мелочь. Я вмешался. Получил по морде половиной арбуза. И тут из подворотни вылетели наши стройотрядовцы во главе с Сашей Поваровым и мы тех огольцов разогнали. Я сразу стал в авторитете.

3. Комсомольская работа мне не нравилась. Главное было — во время сдать взносы, причем, не ниже плановой суммы. Обеспечить подписку на комсомольско-партийные издания. Провести весной Ленинский субботник и «Ленинский зачет», осенью — вывезти два отряда ребят на месяц на уборку овощей в область. Ну, и обеспечить некий рост организации, т. е. прием в комсомол тех ребят, которых не окрутили в школе. Это была рутина. Отдушин было две: стройотряды и художественная самодеятельность. Поскольку у меня была Арина, я сам в стройотряды не ездил. Короче, я сконцентрировался на самодеятельности, точнее — на группе ребят, которые хотели сделать вокально-инструментальный ансамбль (ВИА). И я старался им помочь всем, чем мог — в покупке инструментов, в поездках. Это были очень талантливые ребята. Особенно солист, да еще ихний заводила — Сережа Зайцев.

Единственным смыслом комсомольской работы было делать карьеру, прилепиться к какой-то партийной тусовке. А мне это было не интересно. Кроме того, тогда ценились технари, а я учился на философском, что райкомовских настораживало. Да и в техникуме методкомиссия по общественным наукам, т. е. дружная стайка пенсионеров, преподававших обществоведение и историю, меня к преподаванию не подпускала. Единственный молодой историк Саша Горшков — турист и гуляка — приглашал меня на свои занятия и мы устраивали уроки на два голоса, в диалоговом режиме.

Мне предложили читать эзотеричный курс «Корреспонденция и делопроизводство». И я его читал три года, о чем не жалею. Он мне весьма пригодился в будущем — в Ленокеанрыбфлоте и на кафедре менеджмента в культуре.

Иногда секретарей организаций учебных заведений просили посидеть на бюро райкома по приему в комсомол. В основном это были несмышленишки школьники, которых обычно спрашивали о том, сколько орденов у комсомола и за что они, когда основан комсомол, кто генеральный секретарь ЦК КПСС и прочие подобные «важные вещи».

4. Тогда же меня вербовали в КГБ. Срочно вызвали к Первому секретарю райкома Юре Мазуренко. Я пришел. У Юры сидел какой-то невыразительный дядечка. Юра вышел. Тот представился, что он из районного отдела КГБ и предложил пройти к ним, обсудить, что-то по моей работе. Мы пошли на другой этаж, где он меня провел через толстые двери и пару комнат в отдельный кабинет, где сидел еще один такой же дядечка.

И они начали меня расспрашивать о моих друзьях. Я быстро смекнул, что их интересует Димка Серкин, стал валять ваньку, рассказывая всякие безобидные глупости о других, но они быстро и жестко возвращались к нашим с Димкой отношениям и беседам. Тогда я сменил тактику. Стал говорить, что мы с Димой критически обсуждаем организацию высшей школы в СССР, думаем — как повысить ее эффективность, иде-

ологический уровень. Они быстро пресекли и это словами: «Мы очень рассчитываем на наше сотрудничество. Вы секретарь комитета комсомола и хотите закончить философский факультет, у Вас маленький ребенок... Сядьте и напишите все подробно — где, как часто и о чем вы разговариваете, обсуждаете ли запрещенную литературу?» И вышли. Я за час описал все, как им говорил до тех пор, а про литературу, вспомнив сцену в Публичке, написал, что регулярно обсуждаем работу Ленина «Государство и революция», что было чистой правдой. Они вернулись, прочли, покривили лица, сказали, что ожидали большего, потребовали, чтобы я никому не говорил о беседе, и выпустили меня. Первое, что я сделал — побежал к Димке и все ему рассказал. Второе — придя домой, выбросил на помойку булгаковские «Роковые яйца» — старательно переплетенную ксерокопию рижского издания 20-х годов. И рассказал все домашним. Тесть Александр Николаевич сказал, что это классическая вербовка и что надо быть осторожнее.

Они были хорошо информированы. Кто-то стучал. Я почему-то думал на Парфенова, мужа одной нининой коллеги. Димку тоже таскали, по его словам, аж на Литейный, где он, опять же по его словам, им вправил мозги. Но наши отношения с того момента резко сократились, а потом и свернулись. То ли он подумал, что я стучал? А может, это и было их тактикой — одновременно убивать нескольких зайцев. Кого-то (ежели отломится) завербовать, кого-то просто припугнуть, а заодно и посеять недоверие друг другу. Видимо я их надежд, действительно, не оправдал. По крайней мере, когда я искал работу по окончании факультета, мои документы, после каких-то проверок, неизменно возвращались с отрицательным ответом.

5. Директором со мной одновременно пришел такой Запалов. Пожилой толстый дядька из системы профтехобразования. Он, наверное, был любимцем девушек — широкое лицо, еще вьющиеся волосы. Но уже тогда он очень обрюзг, постоянно засыпал и храпел, в том числе — на публичных акциях. Наверное, это была гипотония. С собой из профтеха он привел завучем некую Валькову, которая давно уже по жизни его пасла — дома жена, а на работе — приносила ему клубнику, фрукты, пирожные. Я видел, как она кормила его с ложечки.

На втором году работы в ЛАТТе у меня возник конфликт с администрацией и партбюро. Они всячески боролись с длинными волосами у ребят, снимали с уроков, отправляли строем с сопровождающим в парикмахерскую. Ожидали активности по этой части от меня. А я не только уклонился от этой борьбы, но и разразился в стенгазете заметкой в которой писал, что длинные волосы носили многие достойные люди, в том числе — русские революционеры, добавил в конце, что бороться надо не за то, что на голове, а за то, что в голове. А это требует ума и терпения, чего некоторым нынешним борцам с длинными волосами, наверное, не хватает. Заметку сорвали, со мной на эту тему не говорили, но ясно давали понять свое отношение.

6. Примерно к этому времени в техникуме появился новый политэконом Вячеслав Григорьевич Краморенко, жена которого, вроде бы работала на кафедре философии в Горном, а он сам собирался писать кандидатскую и готовился к сдаче кандидатского экзамена по философии. Мы с ним по первоначально хорошо сошлись. Часто разговаривали. Он высказал мне сочувствие в борьбе с борцами с волосатиками. Его избрали секретарем партбюро. И я непростительно расслабился. Как-то мы с ним особенно хорошо поговорили. Я пошел его провожать и на прощание похлопал по спине. Утром это был другой человек. Я враз почувствовал дистанцию, заработал себе особо изощренного врага. Про вступление в партию можно было забыть.

7. Я испытывал все нарастающее давление. С подачи правящей элиты техникума стали появляться молодые люди, которых явно хотели видеть на моем месте. Но мы с ними быстро находили общий язык — и в комитете комсомола, и по жизни. С одним из таких молодых людей — Опасовым — мы подружились. Он сказал, что ему нравится, как я веду работу в комсомоле, что он бы так не смог. Вскоре он ушел в автодорожный НИИ, а потом — в строительный институт на дорожный факультет. Еще занятнее была история с Сашей Ивановым, зятем Кима Сергеевича Корабельникова — зав. дневным отделением. Мы его кооптировали в состав комитета, а тут как раз подошли перевыборы, на которых, видимо планировалось от меня, наконец, избавиться. Поскольку впервые проводилась конференция, а не собрание, то мне дали ее провести, думая отоспаться на первом заседании комитета, который и выбирал секретаря из своего состава. Не избрать меня в состав комитета было практически невозможно — человек довел численность комсомольской организации до такого уровня, что впервые по статусу проводится конференция, подготовил ее, а его возьмут и завалят. А вот если меня не изберут секретарем на закрытом заседании вновь избранного комитета комсомола, то я оказываюсь членом комитета без зарплаты — не пришей, не пристегни. И тогда сам уйду. В общем, избрали на конференции комитет, в том числе и нас с Ивановым. Собрали заседание комитета. Вели заседание комитета от парторганизации техникума Краморенко и от райкома комсомола — Олисов. Я отчитался. Предложил оценить мою работу как удовлетворительную. Ребята удивились — на конференции работу комитета признали хорошей. Но — проголосовали. Предложили называть кандидатуры нового секретаря. Ребята назвали меня. Вожди покривились. Я предложил Иванову. Вожди обалдели, а ребята, увидев это, всполошились — они его плохо знали и отклонили. Тогда я предложил Сережу Зайцева. Так и голосовали. Против меня проголосовали только мы с Ивановым. А за Зайцева только я. Так я опять оказался секретарем.

По окончании я подошел к Иванову, пожал ему руку, вполне искренне сказав: «Как у нас с тобой здорово синхронно получилось — и

не сговариваясь». Тот руку пожал и, поджав губы, ушел. Самое смешное, что весь этот расклад я понял только потом.

8. За меня взялись всерьез. Через пару месяцев вызвали на партбюро и припомнили все: и идеологические ошибки в борьбе с волосатиками, и самоустранение от работы в стройотрядах. Это при том, что наши стройотряды неизменно были одними из лучших по областной организации и нас два года поощряли возможностью формировать дополнительный отряд в Коми — на заработки, где мечтали работать многие вузы. Записали в протокол, в котором потребовали у райкома провести со мною работу и усилить комсомольскую организацию техникума. Олисов собрал секретарей учебных заведений района. Зачитал решение партбюро. И опять вышла незадача. Во-первых, я уже был чуть ли не самый «старенький», меня все знали и подставлять не очень-то хотели. А во-вторых, у всех были свои заморочки с собственным партбюро. Сработало корпоративное сознание. Все про меня сказали только хорошее. Я обещал «найти дополнительные резервы» и на том разошлись. Олисову же наедине я открытым текстом сказал, дай уйти по человечески. Он спросил, куда я думаю уходить. Я сказал, что хотел бы в вуз, на философскую кафедру, потому как подходит старший курс. Он сказал, что это очень трудно, но обязательно поможет. И «помог». Вместе с Ритой Григорьевной Маловой.

9. В поисках работы я имел глупость обратиться к Рите Григорьевне Маловой, которая тогда в Октябрьском райкоме партии отвечала за учебные заведения. До этого она мне дважды отказывала в приеме в партию. А тут посмотрела долгим взглядом и сказала, что подумает. Я ей звонил, но толку не было. Она явно избегала меня. Тогда я сам прошелся по вузам района и очень глянулся зав. кафедрой Корабелки И. А. Майзелю. Мы с ним до сих пор симпатизируем друг другу. Он всегда при встречах на конференциях подходит, говорит теплые слова, говорит, что следит за моими работами и, похоже, говорит правду. И я всегда радуюсь нашим встречам, его активности. Он взял мои документы, держал их месяц, а потом сказал, что партком не возражает, но на моем заявлении нужна виза Маловой. И я пошел к Рите Григорьевне. Смог поймать ее только в коридоре. Она сказала: «Нет». Потом прошла по коридору метра 4, обернулась и, интонируя каждое слово в отдельности, произнесла: «Вы, Григорий Львович, работать с Исааком Александровичем не будете!» Тут уже все стало ясно окончательно.

Она стала зам главы районной администрации по социально-культурному развитию и обратилась к нам на кафедру за консультированием. Надо было видеть ее лицо, когда она увидела меня, когда я ей отдал свою визитку «доктора, профессора»! Она сказала: «А я Вас узнала». На что я ответил: «И я Вас хорошо помню». Последнее, что я о ней слышал, — она работала в городской избирательной комиссии. Это непотопляемые люди.

IX. Трепачевский факультет (ЛГУ)

Имеется в виду философский факультет тогда Ленинградского (сейчас — Санкт-Петербургского) государственного университета. Когда я уходил на занятия, отец говорил: «Опять пошел на свой трепачевский факультет».

1. Если бы мне в школе сказали, что буду учиться на философском — я бы рассмеялся. Поэтому сама предыстория — сюжет. Что же меня подвигло? Думаю, клубок причин и мотивов. Самому интересно разобраться. *Первое.* В 7-классе и первом курсе техникума я пристрастился читать югославские и польские журналы: «Filmski svet», «Ekran», «Свіет», «Spilki» и т. п., для чего приходилось ездить в киоск на углу Невского и тогдашней Бродского (у гостиницы «Европа»), подолгу стоять в очереди, ожидая привоза. Даже за языки взялся. Компания там был специфическая. Кто стоял за «Die Welt», кто за «Борбой», кто за «Liberation». Стояли подолгу, общались. У одного полиглота несколько раз с собой был «Маленький трактат» Спинозы. Я полистал его, и меня тогда поразила идея, что камни тоже наделены разумом, только в намного меньшей степени. *Второе.* Занятия в техникумовском театральном кружке. Перечитал всего Брехта. Особое спасибо — книге Днепровца «Черты романа XX века». Там было много про экзистенциалистов. Намного позже я узнал биографию этого человека, отсидевшего много лет в лагерях, оказавшегося другом И. Н. Бродского. Но, когда я это узнал, его уже не было. Сказать личное спасибо не успел. *Третье.* Занятия и общение в Клубе молодого журналиста при «Смене». *Четвертое.* Жизнь в семье Нины. Резко выросший круг чтения. *Пятое.* Наше историческое стояние за билетами на Таганку, из чего получилась наша широкая компания, клубы и т. д.

После походов я готовил себя в геологи-географы. Может, в журналы, но не через журфак, а именно через геологию и географию. Поступал на геофак. Недобрал баллы, но поступил как кандидат, после первой сессии меня бы зачислили. Из тех лекций запомнил только тему по триангуляции земной поверхности, без которой не было бы карт и прочих привязок к местности. Искал работу, обошел ВСЕГЕИ, ВИРГ, лабораторию океанологии. Мне даже через год звонили, предлагали, но поезд уже ушел. Как-то летом я ехал к своим на дачу в Сосново. Электричка была почти пустая. Окно было открыто. Некоторое время я ехал стоя, выглядывая в окно. И вдруг понял, что я философ и идти мне надо на философский. И твердо как-то понял. Пока добирался от станции — проникся. Сообщил Нине и ее родителям. Они пожалы плечами — ну

что ж, философ так философ. У них уже был один философ — старший нинин брат Юра. Он заканчивал философский по психологии, по окончании в школе логику преподавал, а потом пошел в партийную журналистику и возглавлял «Блокнот агитатора».

После этого откровения приятель Ниной подруги Люльки Кропп пристал ко мне, что если я философ, то чтобы я разобрался в происхождении нефти. До сих пор спорят — органического она происхождения или нет. Из простого — сложное или наоборот. И я влез в литературу. Даже когда меня на предварительном собеседовании на философском факультете Володя Шульц (студент уже второго курса) спросил — почему я иду на философский, я ответил — чтобы разобраться в происхождении нефти. Потом мы с ним часто над этим смеялись.

2. С первого захода я схватил трояк на сочинении и не поступил. С русской литературой у меня были проблемы — я ее почти не знал, в отличие от зарубежной. Пошел на подготовительные курсы, вместе с Таней Юдиной, у которой тогда был знакомый философ — Валерий Лапицкий. На курсах подобралась хорошая компания: Арто Мовсесян (ювелир, работал на ребятах, которых судили по «делу Фаберже» — он не стал поступать), Юра Холин (уехал в Москву и поступил во ВГИК), Витя Бареев, да мы с Таней. Благодаря курсам я систематическим залпом проглотил русскую литературу, полюбил Гончарова и Щедрина, а заодно и русскую грамматику с синтаксисом.

3. На вступительных экзаменах я умудрился получить пятерку на немецком, сочинение написал на четверку. Решающим оказался экзамен по истории. Вытянул билет. Один вопрос по Древней Руси, второй — «Историческое значение XX съезда КПСС». Как отвечал первый вопрос, не помню. На второй вопрос я, как умная Маша с вымытой шеей, начал свой ответ с Ленинградского дела и развиваю тему сталинских репрессий. Год был 1968, вторая половина июля. «Пражской весне» жить всего ничего. Экзаменаторов двое. У одного бритая голова на короткой шее. И я вижу, как его загривок наливается, наливается.... В какой-то момент он почти закричал: «Так Вы что — хотите сказать, что историческое значение XX съезда только в том, что партия осудила культ личности, что ли?» Я сообразил, что к чему и ответил: «Да нет, там еще были приняты директивы к Пятилетнему плану». — «Вот с этого и надо было начинать!» Я продолжил. Пятерку они мне поставили. Набрав 14 баллов, я спокойно ждал собеседования при зачислении.

На собеседовании зам декана Орнатский сказал, что у меня нет отработки трех лет после техникума. «Не хватает двух месяцев». — «Но у меня уже больше года освобождение от государственного распределения — в деле, ведь есть справка!» — «Все равно, хоть дворником, но Вы должны отработать». — «Что же делать?» — «Можете поступать на вечернее отделение». — «А можно перевести на вечернее

результаты экзаменов?» — «Нет. Сдавайте снова». — «А когда там экзамены?» — «Завтра первый экзамен — иностранный язык».

И я пошел сдавать документы по новой. Наутро пришел сдавать немецкий. Экзамен перенесли на середину дня. Я ушел гулять и, наверное, перегорел. Потому как отвечал и переводил не очень удачно. Экзаменаторша говорит: «Вы не готовы. Ставлю вам неудовлетворительно». — «Это Ваше право, но на той неделе, поступая на дневное, я получил пятерку». — «Не может быть. Не похоже. А почему Вы не поступили на дневное?» Я ей рассказал. Она, вроде бы, не очень поверила, но вышла, сказала, что разговаривала с тем же Орнатским, и, больше ничего не говоря, поставила мне удовлетворительно. Дальше я получил две пятерки и поступил на вечернее.

После первого семестра два преподавателя мне давали рекомендации для перевода на дневное, но меня не перевели, хотя еще троих, подававших одновременно со мной заявления, перевели. История повторилась и после второго семестра. К тому времени уже росла Арина, надо было работать. На вечернем у нас подобралась хорошая компания. Иногда можно было ходить на лекции на дневное. И я махнул рукой. Как-то на втором уже курсе мы курили в перерыве на площадке с Вячеславом Григорьевичем Ивановым. Он был зам декана по работе со студентами и читал у нас диамат. Разговорились, и он выдал тайну золотого ключика: «Эх, Тульчинский! Был бы ты членом партии, учился бы на дневном. А так в твоём личном деле лежит записка зав отделом пропаганды и агитации горкома партии — он у тебя принимал экзамен по истории. И он написал, что «Нам такие не нужны». И я окончательно махнул рукой на дневное. Так и учился почти 6 лет. Только последний курс сократил себе немного за счет того, что перевелся на заочное.

4. Компания, действительно, подобралась не вечернем хорошая.

Гевейлер (потом — Барченков) и Бондаренко, Петя Федосеев и Славик Плотников, Наташа Васильева и Дина Задвицкая, Олег Черезов и Володя Меньшиков, Люда Розова и Цветова, Люда Чернокова, я — мы были костяком основной части группы. В другой небольшой 3–4 человека — явных партийных начетчиков — лидером был некий Караман, пикировки мои с которым превращали каждый семинар в шоу. И была «болотистая» группа девочек, некоторые из которых потом успешно состоялись: Чубукова — теперь доктор и профессор, Тамбовцева (Глушенкова) — редактор в университетском издательстве.

Мы встречались по выходным и праздникам — чаще у нас с Ниной или на улице, иногда у Задвицкой. Весной, летом и ранней осенью выбирались «в поход»: на перешеек, в Толмачево. К нам присоединялись ребята из клуба: Дима Серкин, Таня Юдина (она поступила на дневное отделение философского на год позже), Люба Алексеева (потом — Митюхина) — она поступила еще через год, потом поступил и ее муж Витя Митюхин, прибывший к нам, а потом поступил и тог-

дашний приятель Тани Юдиной Сергей Чернов (проходивший тогда по кличке «Мальчик», а сейчас зав кафедрой философии в Бонче), Нинин одноклассник Филипп Бронфин. Это настоящее сообщество, а для меня — продолжение и развитие клуба.

С тех пор я всегда с большей симпатией отношусь именно к студентам вечерникам. И жизнь подтверждает, что обычно именно вечерники оказываются наиболее заинтересованными, искренними и сплоченными после окончания. Так было с Любой — у нее подруги не с дневного, а именно с вечернего, хотя там она училась только последний год. И у нас в культуре история та же.

5. Боря Бондаренко еще до армии практиковал простейший гипноз — на свечку в темноте. Устраивал сеансы и у нас. Поддавались все девчонки, да и ребята. Кроме Огородникова и меня. Ну себя-то я еще с неудачного лечения гипнозом от заикания понял. А Володю как-то известный гипнотизер во время концерта попросил выйти из зала, поскольку он «мешал». У Володи вообще всегда глаза были с каким-то блеском, который наводит на мысли.

А вот Любочку Алексееву Боря даже клал затылком и пятками на две табуретки и на нее можно было сесть двум человекам. Или внушал ей, что началось наводнение и вода поднимается все выше и выше: до колен, по пояс, по горло... Очень даже впечатляло.

6. Володя Огородников появился на факультете к зиме. Его как участника войны во Вьетнаме, зачислили во втором семестре. Правда он долго качал права. Энергия у человека была потрясающая. Он и закончить умудрился на год раньше, переведясь на заочное и сдавая экстерном. А потом говорил, что у него было ощущение: «Перелетел через забор и мордой об землю».

Все время учебы Огородников работал на комсомоле. В том числе — заворотделом Василеостровского РК ВЛКСМ. До армии он учился в техникуме — по-моему, по части радиоэлектроники. Володя всегда с гордостью рассказывал, что он учился в одной группе с Лобко, который был 1-м секретарем горкома комсомола. Но жизнь оказалась интересней.

С ними до второго курса учился некий Алферов — Алфера. Жил он, вроде бы, где-то на Рубинштейна у Невского. Собрались отмечать 7 ноября. Поддали и стали заводиться. В том числе — слабо, мол, в одних плавках выйти на Невский и пройти. Слабо да слабо... Завелся Алфера. И выскочил. За ним погнались дружинники с ментами. Он от них домой. Они за ним. Он стал на кухне отбиваться ножами с вилками, кидаться всем этим в ментов. Его в кутузку. Статью и в колонию. Из колонии в лагерь и так он замотался по уголовной субкультуре.

Уже после армии, чуть ли не сразу после нее, еще в доармейском пиджачке Володя шел по Невскому и около кинотеатра «Аврора» встре-

тил Алферу — в прикиде и по чувихе с каждого бока. Признались. В Володе проснулось армейское — помочь надо попавшему в беде товарищу... Мол, вот тебе, Алфера, адрес — заходи, книжку дам почитать. А тот в ответ написал телефончик и сказал: «Ладно, вот тебе телефончик. Никому не показывай. Но, в крайнем случае — звони». И ушел. Через недельку, Володя, прикупив новый костюм, шел по Лиговке и попался на банальнейшую примочку. Из подъезда выскочил парень: «Помоги, друг, мотоцикл с чердака спустить. Никак в одиночку не получается». Володя лоханулся. Пошли. А в подъезде еще четверо: «Костюмчик у тебя ничего. И ботиночки нам нравятся. Сымай сам, пока не вытряхнули». Володю как осенило: «Алферу знаете?» Старший прибалдел: «А ты откуда знаешь?» — «А вот знаю». — «Докажи!» — Володя достал записочку. «Вот, — говорит, — руку узнаешь?» Тот записочку повертел и говорит: «Ну, вот что парень. Ты тут постой минут 15. Мы уйдем. Но — молчи, а то пасть быстро заткнем». И они ушли. Тут Володя уже смекнул, что Алфера — это не просто так, а что-то серьезное.

Прошло довольно много времени. Вовка стал заворотделом Василеостровского РК ВЛКСМ. И как-то в столовой оказался за одним столом с начальником ОВД. Володя его для поддержания разговора спросил: «Ну, какие новости? Нет ли какого всесоюзного розыска?» Тот в ответ: «Вам все всесоюзный розыск подавай! Насмотрелись «Следствие ведут знатоки!» «Вот, второй год ищем!» И достал из кармана фотку. Володя не сдержался: «Так это ж Алфера!» «А ты его откуда знаешь?» — начальник бросил обед и потащил Вовку к себе в кабинет. Оказывается, когда Володя Алферу встретил на Невском, тот уже давно был в бегах, а потом он со своей бандой взял два броневика с валютой и ушел через окно в Европу!

После этого Володя говорил: «Какой там Лобко! Я с Алферой учился!» Правда при Матвиенко Лобко опять всплыл — ее заместителем. А об Алфере Володя больше не слышал.

После окончания факультета Володю Огородникова взяли на кафедру философии в ЛИИЖТ. Когда он уже прошел партком и райком, т. е. все уже было решено, заведующий кафедрой — Ильин — завел его к себе в кабинет, закрыл дверь на ключ и сказал: «А теперь слушай. Главное. На работу приходите вовремя. В галстук. И трезвым. И чтобы никаких девочек. Это тебе не университет!» Володя думал обидеться, а потом подумал — он, наверное, всем так говорит. Обязан. И смолчал. Покивал головой.

Потом Володя работал в Высшей партшколе (теперь — Академия госслужбы), но вернулся-таки в ЛИИЖТ. Заведующим. На место Ильина. Интересно, что он говорит новым работникам?

7. К специализации наш курс очень четко разделился. Ребята с техническим образованием (после техникумов, недоучившиеся в технических вузах) и просто нормальные — специализировались на логике, фи-

лософских вопросах естествознания, эстетике. Те, кто хотел делать партийную карьеру — на научный коммунизм. То есть, на базовые тогда для факультета специализации — диамат и истмат — не записалось почти никого, и даже циклы такие создать не удалось. Та же история оказалась и на дневном. Поэтому деканат пытался как-то вывернуться, создать объединенные группы из дневников, вечерников и заочников.

В конце концов, после ухода Бондаренко, Васильевой и Задвицкой с логики удалось создать цикл по истмату. Диамат так и не набрался.

8. На философском факультете и особенно вокруг него постоянно крутились какие-то странные люди.

Первые три года с нами учился такой Витя Иванов. Перед занятиями, в перерывах, после занятий мы все много говорили, рассказывали: кто что читал, какие книги купил, что и где смотрел. Как-то я начал Вите рассказывать про какую-то книгу, а он слушал, слушал и очень серьезно так спросил: «А есть ли в этой книге, Гриша, диалектика? Я книги, в которых нет диалектики, не читаю». После этого я его так и прозвал — «Витя-диалектик».

9. Кстати, о диалектике. По мне так, к этому слову — как к заклинанию — прибегают те и тогда, кто и когда не могут объяснить что-то. Диалектика, — мол, такая! Диалектика все спишет.

У Ленина была в аттестате только одна четверка — по логике. Его преподаватель, согласно легенде, считал, что логику на отлично стают только Аристотель и он сам. Но, шутки шутками, а факт налицо. Да и по текстам и идеям у него не всегда концы с концами сходились. Думаю, поэтому-то и понравилась ему гегелевская диалектика. Из «А и не-А», т. е. из противоречия следует что угодно. Поэтому-то «диалектическая логика» и сделала такую карьеру в ленинизме и совдеповской пропаганде. Можно «объяснить» что угодно и как угодно.

Наверное, поэтому я не мог преподавать диамат. Особенно «законы»: отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей. Уж легче истмат или даже научный коммунизм — там всегда можно съехать было на актуальную политику.

10. Был еще один чудик. Похоже он не учился, а просто крутился около. Потом он всплыл как спекулянт книгами. Где-то в начале второго семестра он подошел ко мне и спросил: «У тебя уже есть система?» — «Какая и чего?» — «Ну, своя философская система. Я думаю, что к 30 годам уже надо будет обязательно иметь свою систему». У меня системы не было, как нет и до сих пор. И страданий по этому поводу тоже нет, и не предвидится.

11. Философия — попытка осмысления мира «вааще», постановка предельных вопросов. Но существует ли универсальная форма предельного осмысления?

Философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях — пословицах, поговорках, инвективах и т. п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе — на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское»; «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т. п. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его противоречивая полнота есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой паремиологического философствования являются дневниковые записи.

Философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим ре-

зультаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия — в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные и честные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», вербального, словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. И не обязательно — словесными их описаниями. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию с иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т. д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования. Недаром в свое время П. А. Флоренский задумал даже создание *Symbolarium*'а — словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры: от точки до сложных фигур и конфигураций.

Представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное фи-

лософствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. В мировоззрении и миропонимании П. Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия.

12. Давно понял, философы делятся на философствующих и тех, кто делится радостью узнавания чужого философствования. Собственно философы — первые. И философствуют все: ученые, художники, дети, сантехники... Парадокс в том, что профессиональной философией считается второе. Что привлекло в Михаиле Эпштейне, помимо прочего, его статья о философии (*philosophy*) и *filosofii*, где говорится о примерно том же.

13. На факультете с утра до вечера крутились явно неадекватные личности. Это были тетеньки в возрасте, приходившие с рюкзаками и такие же дядечки. Они сидели на лекциях, тусовались в перерывах. Оказалось, что рядом на Васильевском расположен стационар, в котором больных отпускают на день. Вот некоторые и проводили этот день на философском. А то приходили и те, кто просто на учете.

Одному такому дядечке, которого прозвали Коля Дурик, кто-то сказал, чтобы он следил, чтобы никто не курил в коридоре и на лестнице. И он проявлял завидное рвение.

На лекциях он сидел с саквояжиком, в котором была свернута длинная мягкая проволока, на которую он нанизывал маленькие керамические изоляторы, которых у него был полон саквояж. Когда они все были нанизаны на проволоку, он спускал их с нее и начинал все сначала.

На одной из лекций Кисселя, Дурик Коля вдруг уронил саквояж, просыпав на пол все изоляторы, встал и пошел к столу первого ряда, перед которым стоял Киссель. Подойдя к столу, он, не обращая внимания на испуганного Кисселя, стал шарить под крышкой, спрашивая: «Где тут у вас можно побриться». Бедный Михаил Антонович попятился к окну, прикрываясь последним томом Философской Энциклопедии, и причитая: «Братцы, братцы...».

Мы с Володей Огородниковым встали и вывели Колю под руки в коридор, сказав ему на лестнице, что побриться он может внизу.

14. Михаил Антонович Киссель был тогда в зените своей славы блестящего лектора и вообще — умницы и эрудита. Но, на мой взгляд, лекции он читал уже слишком вальяжно. Сыпал банальностями, риторическими вопросами. Таня Юдина рассказывала, что и на дневном было то же. Однажды он у них на поточной лекции с большим пафосом спросил аудиторию: «Ну вот вы все зачем здесь сидите?» Не знаю, на какой ответ он рассчитывал, но один из немецких студентов из ГДР откликнулся: «Так ведь, чтобы не работать!»

Судьба оказалась жестока к М.А. Он подался в Москву. Наверное, думал, что покорит и ее. Но в Москве у него не задалось. Не выстроились отношения и в московской философической тусовке, где он, в общем-то, потерялся. Только и смог — организовать новое издание Вико, да перевод и издание Коллингвуда.

А потом у него стала съезжать крыша, и родственники были вынуждены забрать его в Питер, где он и жил под домашним арестом.

Не хочется думать, что та встреча с Колей Дуриком была каким-то знаком.

15. Очень короткий спецкурс по современному естествознанию нам читал физик Кукушкин. Его то ли перед этим, то ли сразу после отстранили от участия в приемных экзаменах на физфаке. Он хватал девушек за локти и крепко сжимал их, спрашивая: «Что сейчас происходит?» Те лепетали от страха: «В-в-вы, м-меня схватили и жмете локти». — «Неверно! Вы не знаете закона Ньютона — каждому действию соответствует равное и противоположно направленное противодействие. Два!» Ну вот и дождался, что родители одной из кулем и пожаловались

16. За год до нас на факультете разгромили группу «христиан» во главе с Константином Сергеевым. Он потом создал Общество Открытое христианство, и мы несколько раз с ним пересекались.

Но остатки этой группы сохранились. На курс старше училась Таня Горичева и вокруг нее постоянно тусовались преимущественно девушки. Я еще не знал о ее замужестве с Виктором Кривулиным (или это было позже). К этому кругу принадлежала Люда Чернокова, с которой мы вместе сидели на немецком. Потом к ним присоединились Розова и Цветова. Несколько раз я тусовался с ними в домашних семинарах, но близко не сошелся. Потом мы с Таней несколько раз случайно встречались в БАНу и просто в городе. Я слышал о том, что ее преследуют власти — не столько как христианку, сколько как суффражистку. Мы с ней довольно дружески общались.

Уже, когда ее выслали из Союза, мне в руки попала ее «Феноменологическая переписка» с Борисом Гройсом (под псевдонимом Иноземцев). Стали доходить номера ее журнала «Беседы», который она издавала в Париже. Фактически под ее крыло уезжали из Союза Розова и Цветова. В Перестройку, в первый же приезд Тани я ее нашел и предложил дать материал в первый том «Логоса». Это была первая ее открытая публикация здесь. Я свел ее с Вячеславом Кондратовичем и его женой Таней (теперь — Маруся Климова), возобновил отношения с Останинным и Горноном. Мы ходили на ее квартиру, которую она сняла. Мне не очень понравились ее покровительственный тон и любовь к напиткам.

Потом она купила квартиру в Питере, и мы с Любой ходили к ней в гости. Там был Стратановский, и я впервые услышал его стихи. Пели

песни. Была там и младшая подруга Тани — Арина, которая, как я понял, почему-то приняла меня за стукача.

Вскоре Таня стала активно публиковаться. В последнее время — все больше расшифровки свободных разговоров в компании с Колей Ивановым и Костей Исуповым. Мы с нею несколько раз случайно сталкивались, мило беседовали, но она контактов не искала. Ну и я активность проявлять не стал. Не люблю напрашиваться.

Когда мы с Виктором Кривулиным были в Берлине на Форуме, то при разговорах с Гройсом всплыло, что Татьяна сильно пьет. И мне стала понятной природа общности ее интересов с Колей Ивановым и Костей Исуповым.

17. Когда нам на втором курсе Носович читал «Научный атеизм», Горичева приоткрывала дверь и замогильным голосом провешала цитату Ницше: «Бога нет. Бог умер!».

Я добавил от себя: он обиделся на нас и ушел в мир иной.

18. У нас были довольно тесные отношения с ребятами с логического цикла дневного отделения — Леной Гусевой, Сашей Шамаковым, Толей Мигуновым, Витей Светловым. Одно время мы вместе ходили на занятия логического кружка. Его вел Валера Карпунин, который учился на год старше. Особенно тесные отношения одно время (к окончанию и после) у меня сложились с Витей Светловым. Мы с ним шли встречными курсами. Он от эпистемической логики Хинтикки к логической семантике, а я наоборот. В конце концов он даже пришел к Кэрролу и «наивной семантике».

Особую симпатию к Вите вызывало то, что он тоже был self made man. Окончил ПТУ, по-моему — столярное. И дальше тоже пробивался сам. По окончании работал он в Академии гражданской авиации, но перед самой защитой кандидатской разругался с заведующим кафедрой. Тот стал его цеплять на обсуждении диссертации, а Витя ему ответил, что, прежде чем его критиковать, надо прочитать все работы Карнапа. Витя был вынужден уйти. Перешел он в Педагогический, где проработал довольно долго, написал очень толстую и не очень понятную, не соответствующую названию «Практическую логику» и осел в ГУПе у Запесоцкого.

Долго я думал, что нашим отношениям перешла дорогу его жена — худющая и злющая хохлушка. Злющая на всех. Особенно виноваты были у нее «черножопые» и жида. Все это я слышал только от нее. Но однажды услышал от Вити, что на кафедре логики и на факультете вообще все захватили жида и проходу не дают. Какого ему надо было проходу, я не знаю, но уточнил — уж не Бродского ли он имеет в виду. Он промолчал. Ну и я замолчал.

19. Мы еще застали В. П. Тугаринова. Он нам читал несколько лек-

ций, а потом уже перешел полностью на профессора-консультанта. По факультетскому коридору через каждые пять метров висели объявления, когда и где консультирует профессор Тугаринов. В это время он ходил по коридору. Я ни разу не видел, чтобы к нему кто-то подходил.

Лекции он читал в заторможенной манере — сказывался почтенный возраст. Запомнились два сюжета. В. П. торжественно произносил: «Вот я говорю “река”. Я не имею в виду конкретную реку. (Он подходил к доске и застывал у нее с мелом в поднятой руке.) Я не имею в виду реку Волга, реку Нева... (Он долго перечислял названия рек и сопровождал каждое название торжественным проставлением черточки мелом на доске.) Я имею в виду понятие — река!» (Последнее слово произносилось особенно торжественно, и это сопровождалось обведением всех нанесенных черточек, оказывающихся в круге.).

В другой раз он столь же торжественно произносил: «Система — это... (он сближал растопыренные ладони, несколько растерянно ими вращал в разные стороны.) Это — система!»

Позже мы узнали его историю. Он был из то ли дворянской семьи, то ли семьи священнослужителей. Учился в Духовной Академии, но недоучился, отрекся от Бога и пошел на философский факультет в университет. Уже в пенсионном возрасте, будучи заслуженным профессором, умудрился в советское-то время выкупить родительское имение где-то в Тверской области — в качестве «дачи». На эту дачу иногда он выезжал с более молодыми коллегами и ... студентками. Пока одна из них, забеременев, не попыталась покончить с собой. На следствии Тугаринов заявил, что стар, после первой рюмки был пьян и ничего не помнит. Его пожурили, переведя в консультанты, а его коллег выперли из университета.

С годами мне все больше открывалась неординарность этого философа. Куда в советской философии ни посмотри, всюду «тугариновский след». Он первым заговорил о социологии, о теории сознания, о теории ценностей (аксиологии). Везде он первым говорил «А». И не просто говорил, а книги писал.

20. Загадочный спецкурс читал нам высокий и очень сутулый М. В. Воробьев. Спецкурс был авторский и посвящен был поискам «первоклеточки» философского анализа. Получалось, что такой перво-клеточкой является категория «вещь». На польском я бы еще согласился — там «вещь» это «rzecz». Он все время сучил коленями под столом — прямо как Розанов в классе Пришвина. А про логический анализ говорил: «Конъюнкции, дизъюнкции и прочая неопозитивистская шваль». Он прошел лагеря. М. Лифшиц, выйдя из лагерей и снова начав публиковаться, назвал себя «ископаемым марксистом». Похоже, это был тот же вариант.

21. А. И. Герцена я полюбил за «Былое и думы». Гениальнафя сти-

хия русского языка. В русском nonfiction два гениальных стилиста — В. В. Розанов и А. И. Герцен. Одно его название марксистов дорогого стоит: марксисты.

22. Немецкую классическую философию нам читал некий Линьков. Очень энергичный и молодой, то ли доцент, то ли старший преподаватель.

Как то мы с Федоровым отправляли письмо В. Штегмюллеру. На немецком. А зарубежную корреспонденцию надо было заверять в главном здании и отправлять из главной канцелярии. По дороге мы встретили Линькова. Узнав о наших хлопотах, он удивился — зачем это нам? «Вот я, — сказал он, — ездил в ГДР, не зная немецкого. И все нормально». Федоров поддел его: «Как же ты занимаешься немцами, классикой и языка не знаешь?» «А зачем, — ответил Линьков, — Гегель в русском переводе лучше».

То, что некоторые художники в репродукциях лучше — это я знал, а вот с философией... Ну ладно, Вера Яковлевна Комарова, неплохо читавшая нам античную философию, не знала древнегреческого. Так она страдала от этого и даже в пожилом возрасте собрала кружок для изучения его и сама там занималась.

Во времена «Пятого колеса» на питерском ТВ как-то включаю ящик, а там — Таня Горичева и рядом с нею дремлет Линьков. Татьяна в своей манере поет свою песню о том, что Запад совсем сгнил, смотрит с надеждой в сторону России и что только русская духовность — единственная надежда и спасение. Когда это говорит Татьяна, я понимаю — почему она это говорит, и зачем.

Но в какой-то момент встрепенулся Линьков и подал голос: «Да, да! Нас еще ждет взлет русской духовности. Но это произойдет только тогда, когда окончательно рухнут все физические условия жизни!» Эта реплика тогда сильно меня задела. И многое объяснила, в природе российской духовности и разговоров о ней. У кого что болит, тот о том и говорит. Человек не может жить в бессмысленном мире. Не может он жить в жутких условиях, иметь страшную историю просто так. Значит он страдает во имя чего-то, что наполняет его жизнь смыслом и духовностью. И чем больше у него дран зад, тем большую работу ума и души он совершает, чтобы оправдать собственный драный зад. И тогда Линьков прав — нас еще ждет взлет российской духовности. А потом я узнал, что его за что-то отстранили от преподавания, и он торговал на рынке шерстью.

23. Политэкономии социализма нам читала славная старушка — Сонина. Она приходила на лекции с баночкой из-под майонеза с чем-то прозрачным, ставила ее на кафедру, накрывала листиком бумаги и во время лекции потихоньку отпивала из нее. Мы еще гадали — что это: вода или спиртыга. В один из перерывов отвлекли ее и понюхали. Это была вода.

К Марксу я потерял интерес еще в курсе политэкономии капитализма. Во-первых, меня, с моим техническим образованием достала трудовая теория прибавочной стоимости, в которой нарушался закон сохранения. Получалось, что рабочая сила, как источник прибавочной стоимости в результате эксплуатации откуда-то самовозобновлялась. Недаром марксисты так не любили ренту, всюю пользуясь ею на практике. Во-вторых, мой интерес к семиотике уже привел меня к знанию, что марксова теория стоимости слизана у Адама Смита, который начинал как филолог и взял из теории языка теорию значения. Вся эта стоимость — суть значение. Особенно смешны были советские философы, обнаружившие возможность применения марксовой теории товара к теории знаковых систем. Хоть стой, хоть падай. Вдобавок к тому времени я подержал в руках ранние переводы Маркса и понял всю чушь советского марксизма. После 1929 года стали одним словом «стоимость» переводить марксовы термины: *der Wert* (ценность, значение), *das Wertding* (ценностная вещь) и *die Wertgegenstandlichkeit* (ценностная предметность) — ведь, даже артикли разные! И вообще сначала на русском марксову теорию называли намного точнее — «теория ценности». Но тогда ценности были чем-то неокантовским и поэтому получите «теорию стоимости». В-третьих, после знакомства с ранними рукописями Маркса я понял, что он как был, так и остался гегельянцем чистой воды. Из того, что сущностью человека является его общественность (*die Gemeinsamkeit*), и характер производства носит общественный (*gemeinsame*) характер, а вот присвоение носит частный характер и собственность на средства производства — тоже, то главной проблемой оказывается возвращение человека к его сущности, то есть отказ от частной собственности. «Капитал» был просто экономико-социологической иллюстрацией этого гегельянского словоупотребления. В-четвертых, наконец, если политэкономия капитализма в «Капитале» все-таки довольно стройна, то сколько он не старался потом создать политэкономия социализма, так у него ничего и не получилось. И советские политэкономы, сколько не пытались, ничего у них тоже не выходило, кроме переименования «прибавочной стоимости» в «прибавочный продукт».

Я все это к тому, что вскорости перестал ходить на лекции Сониной. Не потому что это были ее лекции, а из-за предмета. Беда была в том, что ее лекции стояли второй парой. Поэтому мы часто с нею встречались на лестнице. Я ей говорил: «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «И до свидания». Она меня запомнила. И, несмотря на то, что к экзамену я подготовился прилично, поставила удовлетворительно.

Это единственная тройка у меня в дипломе. Кроме нее и четверки по психологии, остальное — пятерки. Можно было бы пересдать — ради красного диплома, но я не стал. Есть две категории «круглых людей»: круглые идиоты (вариант — дураки) и круглые отличники. Похоже, это почти одно и то же.

24. Теорию познания («гносеологию») нам читала Марья Семеновна Козлова. Она была последней аспиранткой незадолго до этого скончавшегося Л. О. Резникова, чью книгу по семиотике я зачитывал до дыр. Сама М.С. была из Москвы, вышла замуж в Питере, но вскоре после окончания нами факультета уехала в Москву, а муж за нею.

Ее кандидатская была по Витгенштейну. Да и дальше она писала все о нем. Даже организовала новый перевод «Логико-философского трактата».

Ее часы были последними и мы с нею довольно часто вместе выходили с факультета и шли вместе до Стрелки. Из этих разговоров запомнились два.

Когда я сказал, что думаю специализироваться на логике, она сказала, что если бы выбирала сейчас, то пошла бы только на логику. Но когда она сама определялась и пошла на что-то вроде логического кружка, то ее убил пример, который разбирали преподаватель. Речь шла о фигурах силлогизма, и преподаватель написал на доске пример ошибки во второй фигуре:

Все беременные женщины бледны
Эта женщина бледна

— —

Следовательно: Эта женщина беременна

М.С. ушла и больше логикой не занималась. О чем потом жалела. Второй разговор был о диссертациях. Вот дословная цитата зававших мне тогда в душу слов М.С.: «Если перед тобой стоит человек и пытается защитить кандидатскую диссертацию, то каждое его слово, каждый жест говорят об одном — дайте мне кусок хлеба! И рука не поднимается голосовать против. Но когда этот же человек пытается защитить докторскую диссертацию, то, значит, он на этот кусок хлеба хочет еще и кусок масла — а это мы уже посмотрим!» Когда я позже напоминал ей эти слова, М.С. всегда энергично отрекалась. Но фраза была слишком энергичной и психологически точной, чтобы не быть.

25. При нас состоялся грандиозный скандал на кафедре русской философии. Ею заведовал профессор Галактионов, который вместе со своим другом и коллегой Никандровым написал очень даже приличный по тем временам учебник по истории русской философии. Немного за-социологизированный, не полный, но за него не было стыдно.

На одном из заседаний кафедры лаборантка запустила в голову Галактинова графин и громким голосом спросила, когда он подлец, на ней женится, или хотя бы выкупит шубу из ломбарда.

Было много шума. Галактионова не только убрали с заведования, но из университета. Он болтался без работы, даже торговал театральными билетами на Невском проспекте, где его увидел какой-то обко-

мовец — его бывший ученик. Галактионова взяли в Сельхозакадемию в Пушкине.

Был вынужден «по совокупности» уйти и Никандров. Он ушел приличней — на заведование кафедрой философии в Финэке. Где и повесился прямо в своем рабочем кабинете вечером перед Днем Победы.

26. Давно уже пришел к выводу, что никого и ничему научить невозможно. Люди учат-ся. Именно так. Сами. На лекциях, на семинарах, читая книги, разговаривая друг с другом. Преподаватель может только помогать или мешать этому процессу.

Перебирая по окончанию конспекты — на предмет, что выбросить, а что оставить, с некоторым удивлением осознал, что один из курсов, который, действительно, «научил», был курс Бориса Парамонова по истории русской философии.

До этого курса я считал, что русской философии нет и быть не может. Но Парамонов этот скепсис пробил. Причем, не стремясь даже заинтересовать слушателей. На занятия он мог придти «под шофе», а то просто отменить лекцию со словами: «Ребята, у меня сегодня очень сильно болит голова».

Но как-то так получилось, что интерес к Чаадаеву, славянофилам, Соловьеву возник и с годами только креп. Сейчас полка по русской философии у меня дома — самая большая. Правда, сыграл свою роль и интерес к Розанову, к которому я пришел с подачи Людэ Сусловой и через Шкловского.

Сам Парамонов не имел базового философского образования. Он закончил то ли филологический, то ли даже журфак. Но аспирантуру закончил уже на философском. После разгрома кафедры истории русской философии (см. о Галактионове) и прихода Степана Степановича Волка, который всех галактионовцев «съел», на Парамонова начались гонения.

Его выперли с факультета — припомнили отсутствие базового образования (хотя сам Волк был историк). Главную роль сыграли, наверное, какие-то его старые связи с «христианами». Он, действительно, иногда появлялся в кругу Тани Горичевой. В общем, оказался он в Высшей профсоюзной школе культуры. Но и оттуда его выгнали. И он гулял по городу с маленькой дочкой — знакомил ее с Питером.

А потом, неожиданно для всех подал документы для выезда по израильской визе. В ОВИРе ему сказали, чтобы он доказал, что он еврей. А это, ведь, надо видеть и знать Бориса, чтобы понять весь трагикомизм ситуации. Высокий, русский, почти что блондин. Типичный русак. Специалист по славянофильству. Никуда дальше Луги не ездивший.

На это требование Борис отвечать не стал, просто бросил паспорт на стол в ОВИРе и ушел. Через месяц он уезжал. Провожавшие рассказывали, что в аэропорту он плакал, целовал землю.

Дальше о его перипетиях я узнавал, по-моему, от Горичевой. Ни в

какой Израиль он, конечно же, не поехал. Осел сначала в Вене, потом в Италии. Читал там лекции и, разъезжая по Италии, слал в Питер на философский факультет — то ли Волку, то ли декану — открытки с видами Неаполя, Рима, Венеции и надписями: «Боря — проездом в Неаполе» и т. д.

Потом он всплыл в Вашингтоне, где он был советником в администрации Рейгана по религиозной политике в СССР. А потом стал работать обозревателем на радио «Свобода». Ну а в Перестройку Гордин и Арьев пригласили его вести постоянную рубрику и даже отдел публицистики в журнале «Звезда». Но дальше этого его возвращение на Родину не состоялось.

27. Об Иосифе Нусимовиче Бродском я узнал еще до его курса. Дело было на сессии. Мы чего-то сдавали и тусовались в коридоре. Вдруг появились врачи, и пронесся слух, что у преподавателя на экзамене случился инфаркт. Это был И.Н. Принимал он экзамены по математической логике так. Студенты тянули билеты. И.Н. садился в угол и закрывался газетой, а то и просто уходил. Он знал, что студенты, а особенно — студентки, все равно будут списывать, а делать замечания, выгонять кого-то — было выше его сил. Поэтому он испытывал муки ада, если вынужден был ставить тройку. И, несмотря на все послабления и попустительство, получалась двойка. Сердце не выдержало.

28. Кафедра логики была и пока остается удивительным образованием на философском факультете. На протяжении всей ее истории (а создали ее после сталинского решения о введении логики в средней школе) на логический цикл вербовались наиболее продвинутые студенты. Возглавляли ее обычно тихие спокойные традиционные логики: А. Я. Чупахин, В. М. Плотников. Тон же задавали Иосиф Нусимович Бродский и Олег Федорович Серебренников. Оба имели, помимо философского образование, еще и матеховскую подготовку у А. А. Маркова и Н. А. Шанина. Они привлекли на кафедру Ярослава Анатольевича Слинина, Бориса Федорова и это был мощный интеллектуальный центр на факультете. Это был не ангажированный идеологией и политикой заповедник, в котором использовались формулы и вообще все было ясно только посвященным. О мифе и роли советской логики у меня много написано. В результате у кафедры оказалась отличная, глубоко эшелонированная оборона: большая часть заведующих кафедрами, административного начальства были выпускниками кафедры. Да и в силу тесного общения внутри всего советского логического сообщества, были традиционно хорошие и глубокие связи с Москвой, другими центрами. На кафедре сложилось даже разделение труда. Заведующий занимался административным представительством. Делом занимались Бродский, Серебренников. Вербовкой занимался Федоров. Он меня и завербовал.

29. Есть такие люди, которые играют в твоей жизни ключевую роль, сами того не ведая. Но именно встреча с ними и их действия поворачивают твою жизнь иногда на 180 градусов. Такую роль в моей жизни сыграли Лева Литвинюк (открывший мне турпоходы и клуб молодого журналиста), Люда Сулова (открывшая мне Шкловского и Розанова), Ася Филипповна Чернова (открывшая мне соискательство), но особую роль сыграл Борис Федоров.

Прежде всего, именно он завербовал меня на логический цикл — помню, как мы с ним больше часа отходили по коридору. В результате я пропустил пару, а вышедших ребят ошарашил, что иду на логику, а не на философские вопросы естествознания. А интерес он ко мне проявил потому, что я вопросы всякие задавал на его курсе математической логики, да вдобавок был чуть ли не единственным, кто не списывал на экзамене.

Он сделал мне на втором курсе абонемент в Библиотеку Академии наук — у него там была хорошая знакомая. В результате я смог брать книги на дом. Это и решило мою судьбу. Только этим я и спасся — сидя в БАНу и беря книги домой. Я смог тогда прочесть то, что стало издаваться только в 1990-е. БАН до пожара и Леонова бы на порядок удобнее Публички. В ней тихо, удобно. Служители не путаются под ногами и не мешают так, как они это делают в Публичке. Там нет того количества знакомых, как в той же Публичке, где нельзя шагу шагнуть без разговоров. И еще в то время в БАНу можно было делать неограниченное количество ксерокопий (в Публичке, почему-то, только 10 страниц). Все это мне, да еще при абонементе, очень здорово помогло.

Борис поставил вопрос ребром после моего окончания и когда я уже был готов застрять в Ленокеанрыбфлоте, заявив, что я обязан идти в аспирантуру и сделав мне рекомендацию кафедры.

Он надоумил меня обратиться за помощью к Поповичу, когда я уже опустил руки после повторного разгромного отзыва на монографию под докторскую. Наконец, он привлек меня в «Персонал». Так что — ключевой он для меня человек.

Федоров был не намного старше нас. Он сам пришел на философский и в логику неожиданно для себя. Он вырос на Васильевском. Бегал с ножами-кастетам и все учителя пророчили ему печальную судьбу.

В выпускном классе классным руководителем к ним пришел Л. С. Клейн — выпускник истфака. Сам он долго и мучительно пробивался в аспирантуру и ассистенты на свою кафедру археологии. Каково же было его удивление, когда, наконец, его взяли в ассистенты, он столкнулся в вестибюле с Борисом, который на вопрос Л.С. — «Боря, а ты что тут делаешь?», ответил: «Я тут доцент на философском».

30. Борис же потом и свел меня с Львом Самойловичем, который вел неформальный семинар по методологии археологии и нуждался в участнике-логике.

Вскоре он организовал большую конференцию по типологии в культуре, в подготовке которой я принял участие и на которой познакомился с Г. С. Лебедевым и впервые услышал М. С. Кагана. А статья в сборнике стала моей первой бумажной публикацией.

Когда я впервые попал в однокомнатную квартиру Л.С. на Железноводской, то был сражен стеллажами с иностранными книгами, которыми до потолка были заставлены все стены в комнате, коридоре и на кухне. Л.С. был рецензентом зарубежных издательств. У него было более сотни публикаций за рубежом и меньше десятка в Союзе.

В ответ на мое удивление, Л.С. сказал, что вот и его заведующий кафедрой говорит, что «посадят тебя, Лева», но я ему ответил, что если уж начнут сажать, то посадят за другое.

Так оно и вышло. Посадили Л.С. за гомосексуализм. И это феерическая история. Вокруг него всегда крутились какие-то мальчишки, а коллеги подхихкивали.

Но... Этот маленький, шупленький, лысенький очкастый еврей прошел КПЗ в Крестах, в котором пережил суд. Прошел полгода лагеря и добился сокращения срока.

Известно, что делают урки с людьми по такой статье. Но Л.С. не только не «опустили». Он прошел два воровских суда, в т. ч. в прессхате. Его не тронули. Более того, он стал там «угловым», а это вторая позиция в камерной иерархии. Угловой спит в правом углу у окна. Он не работает — за него норму работают другие. И с ним первым не заговаривают.

Сидя в тюрьме, он помог нескольким зекам добиться отмены приговора, что резко подняло его в глазах авторитетов. А самое главное, находясь в тюрьме, он опубликовал статьи, в которых опровергал Шлимана, а выйдя оттуда написал в «Неве» два блестящих этнографических очерка о быте и нраве в советской тюрьме. За эти очерки он (под псевдонимом Лев Самойлов) был признан журналистами лучшим публицистом года. Как он мне говорил: «Гриша, я побывал в очень интересной экспедиции». Для меня он — непревзойденный пример силы духа настоящего питерского интеллигента.

Он выезжал для чтения семестровых курсов по методологии археологии в Бонн, Сорбонну. Его звали остаться. Но он — боец — заявил, что уедет — только добившись полной отмены приговора. Он восстановился в звании и степени, которых его лишили. Потом, выйдя на пенсию, ушел с истфака и работал на философском факультете. И опубликовал два фолианта. Один — о методологии в археологии. Я опубликовал отзыв на него. Второй — огромный, любовно и с большим знанием дела подготовленный и изданный фолиант «Другая любовь» — о той самой любви — однополый.

31. А его коллегу — Глеба Сергеевича Лебедева сломал Александр Невзоров. Г.С. был первым председателем комиссии по культуре пер-

вого демократического Петросовета. Вместе с ним пришел в депутаты и его ученик — Алексей Ковалев.

Но когда автор «десятиминуток ненависти» (передача «600 секунд») объявил, что приступил к изготовлению политических трупов, то первым попался именно Г.С. Он был слаб на спиртное. И после посещения зубного врача принял на грудь и оказался в милиции, куда по наводке тут же примчался Невзоров. И Г.С. вечером того же дня предстал на телеэкранах поющим песню «В тазу лежат четыре зуба».

Наутро он подал заявление о сложении полномочий и отбыл депутатский срок тише воды и ниже травы. И до сих пор, похоже, избегает публичности. А если оказывается где-то вроде защиты диссертации, то глаза как у побитой собаки, как будто ждет, что за спиной перемигиваются и шепчут: «Это Лебедев. Ну, тот самый... Который...».

32. Ближе к окончанию Федоров пытался меня пристроить в аспирантуру. Сначала он меня решил свести с Виктором Александровичем Штоффом. Я тогда подготовил материал по интерпретации. Борис отдал мой текст Штоффу и договорился о встрече. В.А. отдал мне текст и задал только два вопроса. Первый — почему я использую странный термин «эпистемология», тогда как есть старый и проверенный — «гносеология». Мои попытки объяснить, что теория знания и теория познания — разные вещи и что это общепринятый за рубежом термин, были пропущены мимо ушей. Второй вопрос был просто убийный: «Молодой человек, а почему Вы на меня не ссылаетесь?» Облом.

С В.А. — милейшим человеком — мы сошлись много позже, когда он сам стал проявлять интерес к проблеме понимания и герменевтике. И хоронили мы его довольно узким кругом.

33. Второй облом был с К. С. Пигровым. Тот занимался философией творчества. Борис свел нас — почти случайно — вот, говорит, кадры ценные. К.С., видевший меня впервые, косо глянул и не ответил ничего.

Я не стал ему напоминать этот эпизод ни тогда, когда писал о нем материал в «Уголок живого философа», ни когда он предал «Логос», ни когда он предлагал мне «работу» на его кафедре.

34. Пигров — странный человек в нашей философии. Занимая ключевое место — завкафедрой социальной философии — он транжирит свой ресурс.

Сознательная гусарская эпатажность и эксцентризм (перемещения по городу на велосипеде, пока не сломал обе руки) — это еще ладно. Долгое время носился с рукописным журналом «100 страниц», который он выкладывал в читальный зал Публички. Можно понять и заискивание перед Колей Ивановым и Сашей Секацким — ребятами славными, но до какого-то предела. Главное — мелочевка в тематике конференций, вроде «Философия пива».

Кое-что мне открыла одна реплика К.С.: «Нет авторов-открытий, нет тем!» Наверное, все это философическое самовозбуждение именно от бестемья. Только чего?

35. Как-то я сказал ребятам, что мне умирать не страшно — все, что и как я думаю, знает и сделает Борис Федоров. Был такой момент — не долго, но был.

Федоров постоянно подкидывал мне темы. То логику отношений, то теорию сравнения, то теорему Крэйга, то притащил целый том В. Штегмюллера — я его использовал для сдачи кандидатского по немецкому, а заодно отдал перевод Борису.

Все это было интересно и даже полезно, но я развивался по своей траектории: значение и смысл — интерпретация — понимание. И однажды я окончательно избавился от иллюзий тождества.

Были опубликованы материалы XVIII Философского конгресса 1968 года в Вене, на котором забойный доклад делал Х.-Г. Гадамер. О герменевтике. Я побежал к Борису — вот, герменевтика, теория понимания. Но Боря поморщился и сказал: «Фигня это, Гриша, не обращай внимания». Окончательно вернуло меня к реальности отношение Б.И. к моему увлечению логикой Льюиса Кэрролла. «Гриша, логика классов — позавчерашний день».

Потом он немного обижался и ревновал, что я перестал советовать, делиться планами. А я уже бился об свою стену: осмысление, поступок, самозванство, постчеловеческая персонология, хаптика. Не говоря уже о менеджменте и PR.

Но мы дружим, делаем общие проекты и по его зову я готов бежать куда угодно. И он это знает. Я говорил. И прибежал.

36. Студентами и аспирантами на кафедре логики практически не занимались, по крайней мере, не возились с ними. Чаще люди сами приходили со своими интересами и темами. Так было с Федоровым и Караваевым, с Гусевым и Карпуниным, с Валея Палий, с Тербиловым, со мной. Или же человеку предлагали тему и дальше уже он двигался сам. Самое главное — не мешали, а только помогали. Помню, как я принес уже готовый диплом, и на кафедре долго выясняли, кого же назначить мне руководителем *post factum*. То же было и с моей кандидатской диссертацией. В результате руководителем оказался А. Я. Чупахин — по одной простой причине, что у него тогда не было аспирантов. Но о том, кто чего сделал — в курсе были все.

37. Приличный спецкурс по индуктивным и вероятностным логикам прочитал аспирант кафедры логики Сергей Розет — он тогда работал социологом в НИСе Финэка. Он помогал мне в поисках работы и пытался пристроить в этот НИС. Потом я узнал, что он был первым социологом, ушедшим в рабочие. Это я узнал от Андрея Николаевича

Алексеева — самого знаменитого социолога-рабочего. Так же как и то, что Розет умер, молодым.

38. Мне в руки случайно (у Миши Семенова) попала «История с узелками» Льюиса Кэррола с его «Символической логикой». Она мне очень понравилась простотой за счет игры с отрицанием и существованием. Я влез в нее с головой, вывел в ней все модусы. Показал, что как силлогистика она носит наиболее общий характер, и при каких ограничениях из нее получаются силлогистика Аристотеля, Лейбница и Гильберта. Главное же — показал, что только в ней подтверждается гипотеза Лукаевича (как система всех правил отбрасывания). Когда я пришел на кафедру с карточками, на которых были систематизированы все модусы, и стал показывать Бродскому этот материал и текст статьи об отрицании и существовании у Кэррола, Я. А. Слинин, взглянув через плечо и увидев исписанные карточки, сказал: «О, это наш человек!» Для меня это было признание.

39. Олег Федорович Серебренников отлично знал польский, перевел книгу Слупецкого и Борковского. Это был удивительно тщательный и педантичный человек. Его аспиранты говорили, что каждую формулу он пишет на новом чистом листе бумаги.

Замечательна его история о том, как он похудел. Передаю почти дословно его рассказ. Он заметил, что стал толстеть. Кроме того, он заметил, что в их семье (он, жена и кошка) картошку ест только он один. Более того, оказалось, что картошку, кроме него, больше никто не покупает. И тогда он решил не покупать больше картошку. В результате ему удалось сбросить лишний вес.

40. Кафедра логики отождествлялась с Бродским и Серебренниковым. «Кто матери истории ценен...». Казалось, это был нерушимый союз друзей по жизни и по науке. Но кошка пробежала-таки. И как обычно — шерше ля фам. Оба были уже докторами. Бродский защитился раньше, Серебренников позже. Через год Бродский подал на профессорство. И вдруг жена О.Ф. побежала в деканат и в университетский большой партком. Бродский был еврей и беспартийный, а О.Ф. — член КПСС. Для нее это были аргументы за то, чтобы профессора получил ее муж. О.Ф., конечно же, был в курсе. Это было так неожиданно и так не соответствовало имиджу и репутации кафедры. Такие вещи могли быть на других кафедрах, но не на логике, но не с И.Н. и О.Ф. В течение года оба они (сначала И.Н., а потом и О.Ф.) получили звание профессора. Но большая часть логической тусовки (и не только питерской) дистанцировалась от О.Ф. Он переживал. А через два года его унес инфаркт.

И чего тетке не терпелось. Это была его вторая жена. Первая работала у нас на библиотечном факультете. Достоянная женщина. А вторая была что-то вроде Нарусовой.

41. На предпоследнем году обучения нам выставили курс «Критика современных антикоммунистических концепций». Читал его и читал впервые Юрий Никифорович Солонин. Он написал и защитил блестящую диссертацию по львовско-варшавской логической школе. Работы не было и он стал лектором обкома партии. Занимался критикой антикоммунизма — благо Адам Шафф — замечательный польский философ и семантик ударился в ревизионизм. На первом же занятии Ю.Н. пояснил нам, что будет иметься в виду под антикоммунизмом. Оказалось, что это политика буржуазных партий, проявления ревизионизма в политике зарубежных компартий и вообще все, что не соответствует генеральной линии ЦК КПСС. Я пожегся, но с кем не бывает.

Так он и остался в партийной обойме, хотя логики продолжали его признавать за своего. Да и он старался держаться в тусовке. Даже когда его назначили деканом полностью разболтанного журфака. Деканом он оказался неплохим, затем его перебросили на родной философский. Логики воспряли. Ю.Н. их не забывал и всячески подчеркивал пиетет перед учителями и коллегами. Все было в порядке и со мной. Я уже несколько лет читал спецкурс по логической семантике. Кошка между нами пробежала после того как его партийная начальница г-жа Барина захотела в Перестройку иметь свое питерское «Иного не дано» и поручила Ю.Н. подготовить сборник философской публицистики. Он привлек в числе других и Гусева, и меня. Я еще предлагал ему сделать на основе сборника регулярный альманах. Сборник получился, в принципе, нормальный. Но название... Ю.Н. — как редактор-составитель — назвал сборник «Какая философия нам нужна». Я кинулся к нему — он ушел от ответа. А потом в каком-то полуофициальном застолье я поднял тост за человека, который знает, какая философия нам нужна. Он сидел с каменным лицом. Мой спецкурс был отменен.

42. Ю.Н. оказался отличным деканом, «крепким хозяйственником». Исчезли знаменитые часы без стрелок. В туалетах евроремонт. Он выстроил отношения с ректором Вербицкой.

Узнав, что я работаю с Комитетом по культуре (я был председателем научного совета этого комитета), он почему-то посчитал, что сижу на деньгах. Без моего ведома включил меня в оргкомитет подготовки съезда философов, назначив ответственным за привлечение финансов. А столкнувшись с моим недоумением, обиделся, похоже, окончательно. И я почти перестал бывать на факультете. Только на конференциях. Да раз в год мы встречаемся с Ю.Н. в узком кругу у Саши Бродского на годовщину смерти Иосифа Нусимовича.

43. В стенгазете дневного отделения попался на глаза афоризм Славы Литвинского: «Женщина-философ — это женщина, соблазненная мужчиной-философом». И смех и грех в том, что Литвинский потом фанатично ушел в «философию семьи». И с большим пафосом.

44. Ближе к окончанию стали проявляться будущие судьбы.

Больше всех удивили Боря Бондаренко и Саша Гевейлер. Узнав, что в деканат вечернего отделения приходили из Большого дома и, посмотрев документы, предложили Меньшикову пойти к ним, они сами пошли на Литейный, 4. Но им там сказали, что к ним не приходят, а они сами отбирают. Ну, прямо как Путин.

Оба заявили, что, оказывается, чуть ли не с детства мечтают работать замполитами в ПТУ или замдиректора школы по воспитательной работе. И свои мечты осуществили.

45. Бондаренко не проработал замполитом в ПТУ и года, как там началась катавасия с ОБХСС, и Боря выпутался оттуда с большим трудом, через свою армейскую шизофрению.

Гевейлер даже фамилию сменил. Он был из этнических немцев. В войну их выселили в Сибирь. С большим трудом его семья вернулась и жили они под Сестрорецком, в деревянном доме.

Сашка стал сначала замдиректора школы по воспитательной работе, а потом и директором.

Он женился на Вере Барченковой, работнице с того же Металлического, на котором работал и он, и взял фамилию жены. И они уехали в Венгрию, работать в гарнизонной школе. Нашу с ним переписку я храню до сих пор и думаю ее набрать в электронной версии. Подзаработали там денег и вернулись. Он очень быстро стал директором школы. Вера работала там же — по труду.

Детей у них не было. Долго ходили по врачам и выяснилось, что причина в нем — вялые сперматозоиды. Тогда они взяли ребенка в детском доме. Мишу. Потом второго. А потом... Саша ушел из дома к другой, учительнице той же школы. Тоже Вере. Та преподавала биологию. У нее уже был ребенок от первого брака. По Сашиним словам она знала, как зачать ребенка от Саши и готовила эту акцию. Барченкова осталась с двумя детьми и работала в той же школе.

Потом началось. Погиб сын Веры младшей. Под окнами дома. Ушел гулять и утонул в карьере. Потом у Сашки обнаружился быстро прогрессирующий рак. Он сгорел за год. Причем его младшая жена никого к нему не подпускала и телефон отключила.

46. Центром женской части нашей компании на факульте была Наташа Васильева. Тихая, спокойная, рассудительная. И мы с нею всегда дружески очень уважительно друг к другу относились и относимся. Меня называла рационалистом. Ее же всегда интересовало «глубокое общение» и целостность личности. Работала Наташа на том же Металлическом, что и Гевейлер-Барченков. А когда я искал работу, навела меня на Ленокеанрыбфлот.

На последнем курсе ей поставили онкологический диагноз и она не вышла на диплом. Но диагноз, в конце концов, не подтвердился, и она

почти сразу же вышла замуж за мамино соседа по площадке Виктора Надысева, который был лет на 12–14 старше ее. Ну и защитила диплом. По этике. Довольно быстро у них родилась дочка — Виктория, Вика, она же Тоша. Они переехали в Старый Петергоф, где Виктору дали университетскую квартиру — он был каким-то завлабом. Все было славно. Мы иногда встречались семьями. Сашка запомнил Наташу, как тетю Наташу, которая печет вафли. Потом она решила идти в аспирантуру. По этике. Такой в Питере не было. И она подалась в Москву к Титаренко. Потом я узнал, что она в Москве застряла. Ушла от Надысева. Болталась между Питером и Москвой.

Когда мы с Любой уже жили на Тверской, она, после долгого перерыва в общении, зашла к нам. В какой-то момент она меня спросила: «А как ты относишься к Батищеву?» Генрих был, пожалуй, самым глубоким советским философом — из официальных философов профессиональной тусовки. Ученик Ильенкова — он даже его быстро перерос. Маркса он знал по первоисточникам и блестяще. Одним из первых заговорил о деятельности. Но перерос и деятельностный подход. Пришел к Богу. И оставаясь в русле традиционной советской терминологии разрабатывал, в общем-то, нетривиальную и глубокую философию бытия как сотворчества. Фактически, он через Маркса пришел к Буберу и Бахтину, но в совдеповской терминологии и системно. Мы с ним познакомились лично на одной конференции в Подмоскowie, когда официоз поживался при его появлении, а другие видели в нем удивительного. У нас сразу возникла взаимная симпатия. Мы встречались с ним и по его приезду в Питер. Но тогда он оброс сонмом почитателей и особенно почитательниц и это мешало нормальному общению. Кроме того я знал, что Генрих сменил уже четырех жен в силу привычки каждую любовницу вести в загс, а квартиру оставлять жене предыдущей.

И я ответил: «А! Ловец неокрепших душ!» Наташа поджала губы и сказала: «Мы с Генрихом живем как муж и жена». И, засобиравшись, ушла. И дальше уже другая история.

47. Наташа Надысева оказалась последней женой Генриха Батищева, поженились они уже когда он был смертельно болен. Сковырнул родинку и буквально сгорел от скоротечной саркомы.

Генрих окончательно ввел Наташу в православие. Не только духовно, но и церковно. В этом плане она пошла даже дальше.

Мы продолжали — редко — но встречаться: в мои приезды в Москву, в ее приезды в Питер. Она прочитала мои «Поступок» и «Самозванство». Сначала небрежно, потому как она читала уже другое. Но потом как-то сказала, что в чем-то я оказался к Богу ближе ее. Не знаю — в чем и ей виднее. Батищевская община помогла Наташе отстоять право на квартиру Генриха, в которой она хотела сделать что-то вроде мемориала. Она перетащила в Москву дочку Вику, которая закончила психологический факультет и поступила в аспирантуру, за-

нимаюсь близнецами. Ни одного решения они не принимали без духовника. В Москве Тошка стала Никой. У нее появился e-mail и мы стали переписываться. Ника плохо знала Питер и они приезжали к нам.

Через полтора-два года после этой поездки Ника скончалась. Скотечная чахотка в какой-то неизлечимой форме. Сначала одно легкое, потом другое. Наталья жила с нею в больнице. Батищевская православная община помогала, особенно одни молодые бизнесмены. Они сначала просто дали ей денег, а потом оформили на работу, где она выполняла роль то ли профилактика-конфликтолога, то ли этакого духовного камертона их корпоративной культуры. Не успела Наташа похоронить Тошу-Нику, как скончалась ее мать, жившая в Питере. Когда Наташа приехала, то ее тетя, прожившая всю жизнь со старшей сестрой и бывшая Наташе второй матерью (она называла ее тетиком), потеряла разум. И Наташа приготовилась жить с сумасшедшим тетиком. Но тетик не протянула и двух месяцев, и Наташа похоронила и ее. Квартиру в Питере он через год продала. Недавно она писала, что, к сожалению, не застала меня в свой приезд в Питер на годовщину Виктора. То есть ушел и Надысев.

48. Таня Юдина — очень важный для меня человек. Один из наиболее близких. По всему. Одна из очень немногих нормальных и даже адекватных «по жизни» женщин, которых я знаю. Но так вот складывается жизнь. Наши с нею пути после конца клуба какие-то удивительно параллельные. Причем, чаще я натываюсь на ее следы. Выбор философского, когда она «дружила» с Валерой Лапицким. Потом она тусовалась с окружением Андрея Битова, на которое я вышел много позже. По окончании факультета — работала экскурсоводом в Русском музее, на работу с которым я вышел уже после того, как она ушла оттуда. Все это время она поддерживала отношения с Любочкой Алексеевой-Митюхиной, Наташей Васильевой-Надысевой-Батищевой. Несколько лет она работала гувернанткой в Германии. Сейчас она пришла к Богу и живет в общине в Британии, вышла там замуж. Мужа зовут Джон.

49. Любочка Алексеева жила рядом с нами — на ул. Декабристов в одной комнате со своей мамой, которая работала дворником. Она была в клубе с самого стояния за билетами на Таганку у ДК Первой Пятилетки. Через год или два (по-моему из-за меня, хотя поводов я не давал) уехала на буровую на Кольский полуостров. Довольно активно переписывалась с нами, с Ниной.

Через год вернулась и поступила на то же вечернее отделение философского. Еще ближе сошлась с Юдиной, Васильевой и Задвицкой, с которой они разошлись, после того как та увела ее жениха. А сама вскоре вышла замуж за Витю Митюхина, с которым родила очаровательную дочку. Ее назвали Асей, в честь Аси Асенковой — закадычной ее подруги по раннему клубу.

Работала она довольно долго в деканате по работе с иностранными

студентами. После запойного периода и разбега с Митюхиным болталась без дела, пока не осела в библиотеке ДК Первой Пятилетки. После моего развода мы с Любой приезжали к ней. Я стремился связать свой мир. Но Любу мою она, как я понял, не приняла. А с Ниной сошлась еще ближе и каждый год гостит у нее на даче под Лугой. Когда родился внук Никита, Люба в нем души не чаяла. Когда родился второй, Люба как-то сказала: «У меня с ним проблемы. Места в душе ему не хватает. Оно уже занято». С моей тещей, похоже, получилось то же.

50. Муж Любы — Витя Митюхин был очень талантливым парнем. Душа общества, неплохо пел. Через него я узнал репертуар «Машины времени». Работал в отделе снабжения ЛИАПа, пару лет болтался цветком в проруби, а потом поступил на тот же философский факультет, на то же вечернее отделение. Люба и я помогали ему. Я даже дал материал для диплома, потому как Витя все так же плейбойствовал. А потом он стал просто пить. Даже рождение Аси не тормозило. Люба попервоначально пила с ним вместе. Дальше — больше. Быстро заработал язву желудка. На работах не задерживался. Последнее, на чем мы пересекались — когда я привел его в «Персонал». Толку было столько же. Потом он был экспедитором в колбасном бизнесе. Несколько раз он приезжал к нам, занимал денег.

51. Дина Задвицкая была самая младшая в нашей компании и очень шумная девушка. И очень активная. Занималась джазовым танцем. Логику не выдержала.

Еще до окончания отбила у Любы Алексеевой жениха — художника Сашку Румянцева. Как-то летом мы с Ниной и маленькой Ариной ездили в отпуск в Сашину деревню Великая Губа, что за Кижами.

Потом они с Розовой и Крушевской (уже ставшей Дейнеко) вдарили по психологическим тренингам, очень востребованным в Перестройку. А после смерти родителей рванула в Германию, где они с Сашей и осели. Старший ее сын еще раньше осел в Израиле.

52. У Диши была подружка — Оля Крушевская. Такая же миниатюрная, но вся такая ладненькая. Она училась на психфаке, а сама была из Фрунзе. И одним летом, когда мы с Ниной собрались на Иссык-Куль, ее родители нам очень помогли проехать через Боамское ущелье, которое было на карантине. Долго мы не пересекались. А потом появилась у нас в Менеджер-центре читать психологию труда. Доктор психологии, профессор кафедры политической психологии, где заведует Юрьев. Я помог ей с публикациями, а она взяла мой материал в очень странный сборник, который делал политтехнолог Малышев, в результате чего я оказался в очень странной компании изоляционистов-антиглобалистов. Когда я спросил у менеджера: зачем они взяли мой материал? Мне ответили: «А для разнообразия».

53. Петя Федосеев устоял на логике. Уехал в свои родные Чебоксары — у него там свой дом. Долгое время переписывались с ним и даже опубликовали в их сборнике общую статью.

Потом уже нашел его один раз через Кудякову, но он активность проявлять не стал.

54. Славик Плотников тоже удивил сильно. Не вышел на защиту. А через год предложил написать ему диплом, а он за это мне отдаст философскую энциклопедию. Я предложил ему отдать мой материал, который в диплом не вошел, но его осталось еще диплома на два. Или — отредактировать набранный им материал. Но ему нужен был именно готовый текст. Так и не знаю — получил ли он диплом. Но стал большим строительным начальником в Пушкине. Купил квартиру в Питере. Второй раз женился, и его малышка младше моей.

55. К нашему кругу принадлежал поначалу и Олег Черезов. Потом стал отходить. К концу я его даже не помню, а после окончания он всплыл в руководстве Колпинского райкома партии.

56. Розова поработала в медицинском училище под началом мамы Дины Задвицкой, вместе с Диней. Стала какой-то начальницей. Потом вышла замуж за главврача больницы Чудновского, который был много старше ее и сильно ревновал — она просила домой не звонить. А потом бросила его и слиняла в Германию, где пыталась сделать какой-то Русский дом, по моему, в Дюссельдорфе.

57. Ее подруга Цветова после окончания вышла замуж за бурундийца. Она показывала мне его фотографию и неубедительно говорила, что очень его любит. Она поехала к нему в Бурунди, где у него оказалось много жен, а из нее как белой женщины попытались сделать что-то священное, для чего надо было каждому члену рода съесть по ее кусочку. Она сбежала. Бегала по посольствам. Помогли только бельгийцы и вывезли ее в Европу. Там она нашла Горичеву, отсиделась у нее под крылом и натурализовалась в Швейцарии.

58. Плохо помню Лену Чубукову. Вроде бы даже вместе были на подготовительных. С нашей компанией она не водилась. Были такие девочки сами по себе. Год назад позвонила и, заискивая, просила отзыв дать на автореферат докторской. Что-то общее по философии языка. Защитилась удачно. Два раза встречались. Ладно — на Вы. Но этот тон...

59. Если на меня будет нестись бешеный бык, я не буду стоять у него на пути. Если я буду идти на зеленый, а кто-то будет, не снижая скорости, ехать на красный, я его пропущу. Каждой бодливой корове надо дать рог — чтобы она его сломала. Сама.

Х. Думай о главном! **(Ленокеанрыбфлот)**

1. В Ленокеанрыбфлоте (Ленинградской базе океанического рыболовного флота — ЛенБОРФ, а потом — Ленрыбпроме) я оказался случайно и не случайно. К окончанию вечернего отделения философского факультета я отчаянно искал работу.

Я перешерстил все тогдашние 38 кафедр философии ленинградских вузов. И везде мне, беспартийному, с «неоднозначной» фамилией и отчеством был отлуп и облом. Иногда, как в ЛИСИ или ЛИТМО завкафедрами прямо спрашивали — не еврей ли я. Я в таких случаях отвечал, что мой отец еврей, член КПСС с 1927 года и инвалид Великой Отечественной войны 1-й группы и спрашивал: «А что?» Хотя, все и так было ясно.

Потом я переключился на социологические и НОТовские службы питерских НИИ, КБ и предприятий. До сих пор у меня в архиве все эти телефоны и фамилии работодателей. И тут был облом.

Запомнилась беседа на Металлическом заводе с каким-то начальником по социологии. Он достал одну книжку, спросил — читал ли я ее? Я читал. То же было и с парой других книг. Он устало посмотрел на меня и сказал: «У тебя диплом техника-механика по холодильным машинам и установкам. С такой специальностью надо ехать на севера и грести деньги лопатой, а жизнь, глядишь и вынесет в ту же социологию». Только много лет спустя я проникся всей глубиной этой мудрости. Но тогда мне было весьма тошно и тоскливо.

На том же Металлическом на каких-то правах ошивалась Наташа Васильева (потом — Надысева, совсем потом — Батищева). Мы разговорились с нею и она рассказала о том, как ей предлагали работу за 120 рублей в Ленокеанрыбфлоте, она ездила туда говорить с замом по экономике — Стрельбицким, на которого ее кто-то вывел, но это оказалось у черта на рогах, в Угольной гавани и она туда больше не звонила. Я вспомнил этот Ленокеанрыбфлот. Одно коротенькую практику мы проходили на тамошнем холодильнике на 2-м или на 3-м курсе техникума. Нас тогда водили на новый БМРТ «Нева» датской постройки. И я поехал туда. Попал к Стрельбицкому. Он, как уже мне было привычно, разговаривал через губу. Оживился только, когда я сказал о техникуме и что прохожу практику на «Неве» (в действительности это была просто экскурсия). Стрельбицкий был капитаном на «Неве», которую к тому времени куда-то передали в другой бассейн. Он позвонил в ОТЗ (отдел труда и заработной платы), вызвал начальника, а меня попросил выйти и подождать. Потом меня пригласили, Стрельбицкий познакомил меня с начальником, и меня взяли в сектор НОТ

этого ОТЗ. На 120 рублей. По тем временам это была минимальная зарплата, которую можно было получить после вуза.

Стрельбицкий спросил меня — знаю ли я экономику. На это я ему ответил, что занимался в жизни всем, кроме экономики и радиоэлектроники. Он мне сказал, что у меня еще много чего впереди.

3. Ездить каждое утро в Угольную гавань был путь непростой. На углу Славы и Будапештской я садился в троллейбус № 27 и тряся почти до Стачек. Там проходил один квартал и около метро «Автово» садился на автобус № 17, который шел в Лесной порт. Дорога шла мимо железнодорожных путей. С другой стороны была огромная городская свалка, над которой постоянно кружили чайки и на которой постоянно что-то жгли и закапывали бульдозерами. Предпоследней остановкой и был Ленокеанрыбфлот или Рыбный порт. Так я оказался вроде Меньшикова в Березове. Чуть позже на Ленокеанрыбфлоте обнаружили несколько ребят из холодильного техникума — не из нашей группы, но которых я хорошо знал в свое время: Федотов, жена Толи Вариводы, Калмыков. Они так и работали кто на холодильнике, кто на комбинате. А кто плавал рефрижераторщиком. Там же обнаружился и Сережа Андреев из клуба в «Смене» и нашего КИВИ — он заканчивал плавать гидроакустиком и подарил мне морского черта, сделанного из головы и хвостов трески, а еще выделанное чучело пенатора (кузовка), который долго висел у нас под люстрой.

4. Оказавшись в Ленокеанрыбфлоте, я был уже готов поставить крест на философии, сдать или выкинуть все книги. Спасла какая-то инерция, по которой я продолжал при первой же возможности ездить в БАН. Работа была присутственная, но я сидел большей частью один и часто линял в город, в библиотеку, под вечер, возвращаясь за час-полтора до конца рабочего дня. Это сейчас трудно представить такие концы, но я просто выживал.

5. Давно уже заметил, что часто плыву против течения, карабкаюсь на берег, чтобы выбраться из несущего меня потока, обдираю все колени, локти... И все только для того, чтобы, выбравшись на берег увидеть, что в километре, за поворотом, поток, из которого я с таким трудом выбрался, спокойно сливается с тем руслом, перебраться в которое я так стремился...

Я решил попробовать отдаться потоку.

6. Однажды мне позвонил на работу Борис Федоров и прочитал нотацию. Это немного взбодрило. А потом случилось маленькое чудо. У меня была рекомендация кафедры логики в аспирантуру. Но тогда всякая аспирантура была целевой, т. е. по направлению какой-то кафедры, какого-то вуза. А мой работодатель меня в философскую аспи-

рантуру, да еще когда я для них был просто кот в мешке, не направил бы никогда. Так что я свою рекомендацию мог спокойно вешать на стенку — на память, или — на гвоздь в туалет.

В одну из самоволок в БАН я решил перекусить в университетской столовой. Стоял в очереди на раздачу и заметил за несколько человек сзади Асю Филипповну Чернову, которая заведовала тогда аспирантурой на философском факультете. Мы знали друг друга и я позвал ее вперед себя. Она подошла, встала впереди, и мы разговорились. Она спросила, как у меня дела и я ей рассказал все, как на духу. Она внимательно выслушала и сказала, чтобы я собрал все документы и пошел в университетский отдел аспирантуры, сказала — к кому и чтобы я обязательно отрекомендовался от ее имени.

Я ее поблагодарил и, хотя особо не верил в это дело и не видел в нем особого смысла, все так и сделал. Я собрал все выписки, все университетские характеристики и принес к той тетечке. Она документы взяла и сказала, чтобы я ждал. Я спросил — чего? Она ответила — приказа. Скоро такой приказ появился, и я оказался заочным соискателем кафедры логики! Не ОТ, а ПРИ. Это радикально изменило мое мироощущение.

На работе узнали о моем соискательстве, но особого значения не придали, тем более, что я сказал, что библиотечных дней и дополнительного отпуска мне не требуется. Пока.

7. Параллельно шел другой процесс — моего внедрения по месту работы. Почти год у меня был отходняк от комсомола, что-то вроде психотерапии. Я был настолько размазан по стенке тонким слоем, что у меня не было абсолютно никаких амбиций. Более того, после комсомола я искренне считал, что тут люди заняты реальным делом, что они лучше меня. А это всегда чувствуется, когда ты искренен, не выпячивать свое Я. Я выполнял все задания. Стал даже сам себе придумывать НОТовские занятия. Например, стал разрабатывать более рациональную схему укладки коробов с рыбой при разгрузке судов в порту.

Начался переход на новые ставки и оклады. Дядечка — начальник отдела сбежал от такой махины работы. Отделом стала командовать его бывший заместитель. Она стала меня подключать к отдельским делам. Короче говоря, очень скоро мне подняли зарплату до 130, потом до 150 рублей, а потом, через год примерно сделали зам.начальника ОТЗ.

Ленокеанрыбфлот — это экономика страны в миниатюре. Порт. Судоремонт. Холодильник. Рыбокомбинат. И главное — флот. То есть — практически все мыслимые и немыслимые профессии и виды работ. И их системы оплаты. И все проходило через ОТЗ. Расчеты заработков всех членов экипажей — а это разные профессии, пай, доплаты. Наряды по разным видам работ в порту, судоремонту (слесари, электрики, радисты, плотники...), холодильнику и комбинату!!!!

Там я себе и испортил подпись, подписывая ежедневно толстенные пачки нарядов, заключений, возмещений ущерба и т. п.

8. Вскоре обнаружился еще один сюжет. Я часто ходил в библиотеку и отдел технической информации. Девчонки оттуда стали приглашать меня на комсомольские мероприятия. Я как раз вышел по возрасту из комсомольского возраста, но в чем-то им помог. Сошелся с ихним секретарем комитета ВЛКСМ Сергеем Выменцом и он предложил мне стать его замом по идеологии. Я отказался. Но он настаивал, говорил, что ему нужен опытный помощник. Тут вмешался отец. Мы с Сергеем заехали к нему на день его рождения. Они разговорились, друг дружке понравились, и отец заговорил с ним о моем членстве в партии, что, мол, без него мне с моим философским дипломом делать нечего. Сергей пообещал помочь. Так я снова оказался в комсомоле. А потом и в партии. На 10 лет.

9. Правда, для себя я решил, что буду несколько в стороне, не особенно влезая в комсомольские дела. Сергей согласился, чтобы я был чем-то вроде «полка левой руки», сидел в засаде, на подстраховке. Ну а я решил, чтобы совсем не ваньку валять, попробовать найти полезное и интересное дело. Сел за ихние документы и нашел! Я распал копии какого-то решения Обкома КПСС, по которому Питер должен развивать интернациональные связи с польскими братьями. В том числе там говорилось о возможных связях Ленокеанрыбфлота с аналогичной фирмой «Дальмор» из Гдыни. И в какой-то сноске там говорилось о сроках.

Никто этому значения не придавал. Таких рекомендаций давались тысячи. Но это давало некие возможности. Тем более, что срок этого соглашения истекал через два месяца. Сергей дал добро и я позвонил в Гдыню. Те сказали, что надо приезжать и заключать договор. Но нашему руководству и парткому было глубоко до лампочки, они отказались возиться. Я еще раз позвонил и договорились, что для начала обсудим проект договора и начнут это обсуждение молодежные организации, а потом подключатся старшие братья по разуму.

Тут уже включился Сергей, и был решен вопрос о поездке трех человек в Гдыню со статусом делегации Обкома ВЛКСМ для обсуждения проекта договора о сотрудничестве.

Сначала планировалось, что поедем мы с Сергеем и Ира Алиева из технической информации, отвечавшая в комитете за интернациональную работу. Но Стрельбицкий, к тому времени ставший директором, потребовал, чтобы был хотя бы один гегемон — пролетарий, а то все ИТРщики.

Выменец выбрал тоже члена комитета комсомола — электрика Сашу Платонова.

И в конце августа 1975 мы отправились в Польшу.

10. Это была моя первая поездка за границу.

Помню острое ощущение, когда я смотрел из окна поезда на отъезжающий столб с надписью «СССР».

Потом был польский Белосток, за взятие которого у отца была грамота с портретом Сталина. Первое, что я там увидел — была драка двух пьяных польских рабочих.

Нас встретили в Варшаве, и мы целую ночь ехали на микроавтобусе к побережью, в Труймясто (Гданьск, Сопот и Гдыня образуют, практически, один город).

По дороге я впервые в жизни видел зайцев. Они стояли столбиками вдоль дороги, иногда перебежали ее в свете фар.

Наутро нас встретил секретарь парткома «Дальмора». Поздоровавшись, тут же предложил нам поменять валюту у него лично и спросил, когда мы пойдем «до халу», т. е. на рынок. И на следующий день водил нас по толкучке, помогая купить джинсы. Так я понял, что социализм в Польше резко отличается от нашего. Потом узнали, что многие наши хозяева ходят на своих яхтах в Атлантику, в США и Канаду, что некоторые из них, учась в вузах, ездили в Швейцарию, Францию, Швецию.

11. Завтракали мы в одном и том же ресторанчике. Там я впервыепил Кока-колу и до сих пор для меня Кока-кола — это вкус осенней Польши.

В ресторане было по утрам пусто. Только иногда сидела яркая дама, перед которой стоял высокий бокал с Кока-колой.

Скорее всего, это была «ночная бабочка». Или supervisor?

12. Вozил нас по Труймясту на микроавтобусе «Ныса» молодой парень Гжегож — мой тезка. У него был нательный крестик, который виднелся из постоянно, думаю, что — демогнстративно, расстегнутого ворота рубашки. Он говорил: «Прихожу на собрание молодежной организации — говорят правильные вещи. Прихожу в костел — говорят то же самое. Нет разницы».

Секретарем молодежной организации «Дальмора» перед нашим приездом стала девица секретутско-карьеристского плана. Как мы поняли у остального комитета, состоявшего преимущественно из парней-мариманов, с нею были отношения очень не простые — ее явно недолюбливали, считая, что ее им навязали.

На каких-то вечерних посиделках в кафе я ее спросил во время танца — где она была в 1968 году во время событий в Гданьске-Гдыне. Она посмотрела на меня и сказала: «Ну, и каша же у тебя, Григорий, в голове!»

13. В тот вечер была еще одна сцена. С нами был веселый парень Петр, который все время травил анекдоты. Были веселые. Например:

Грызёт, щипёт, начинается на j (йот) — что это? Ответ: «Йобтвую мать, щипавка!» Щипавка — по-польски, то ли комар, то ли клоп.

А тут пристал с политическими анекдотами. Кто бы возражал, но уж больно он ухмылялся при этом. Тогда я ему рассказал анекдот, как американский президент — по моему — Никсон тогда был — спорит с Брежневым — у кого свободы больше. Никсон говорит: «Вот у нас любой американец может выйти к белому дому и кричать “Долой Никсона!”» Брежнев отвечает: «Подумаешь, у нас тоже любой может выйти на Красную площадь и кричать “Долой Никсона!”» Петр замолчал.

14. Наш «гегемон» Саша Платонов иногда шутил.

Один раз он встрял в разговор в микроавтобусе с польскими хозяевами. Разговор шел о том, что у поляков никак не складываются отношения с немцами, в том числе с гедеэровской молодежью. Саша вставил: «Если будут выпендриваться, мы ведь можем и границу подвинуть до ГДР». Поляки обомлели.

В другой раз, тоже в автобусе. Сидел, глядел в окошко и вдруг радостно так: «О, наши танки!» Все вздрогнули. Это он так пошутил.

15. Жили мы на какой-то спортивной базе, на окраине Гдыни. Дело было осенью. Спортсменов там уже не было. Практически мы — одни. И каждое утро мы купались в тамошнем бассейне. Ребята ныряли, а я просто плавал. Без трусов.

И вот как-то я наплавался и прилег на скамейке у бассейна погреться на осеннем солнышке. И уснул. А ребята оделись и пошли к себе. Думали — я их догоню.

Просыпаюсь от того, что слышу громкий польский разговор. А это пришли уборщицы, несколько теток. Подметают территорию вокруг бассейна и о чем-то своем в голос переговариваются. А тут я посреди них лежу в чем мать родила.

Я поднимаюсь: «День добрый!» Они в ответ: «День добрый!» Обернулся я полотенцем и пошел.

16. Привезли нас польские братья на базу отдыха ихнего «комсомола». Это где молодая смена Польской Объединенной Рабочей партии оттягивалась в полный рост. На один день. Место называлось Жерновец и было оно в красивом месте на берегу озера. Привели в небольшой номер и началось... Подходят поляки с бутылками «Чистой водки wyborowej» и чем-то еще — их выносят, а мы принимаем следующих. И так полдня. В какой-то момент мы с гегемоном Сашкой не выдержали, вышли из номера, пошли на берег, взяли водный велосипед и с песней Эдиты Пьехи про замечательного соседа под припев «Пам-па, пам-па-ра-ра-пам-па!» проехали это озеро по кругу. Потом выехали на центр. Разделись догола, выкупались и вернулись в номер, где Сергей спокойно принимал следующих поляков. Мы присоединились. И так

мы до вечера перепили всех польских комсомольцев и журналистов, бывших на этой базе. Я больше не набирал такой чудовищной формы. Ни в одном глазу! Когда стемнело, мы поиграли на бильярде — под водочку и коньяк. Поплясали от души на дискотеке. Мы так поразили поляков, что они на руках отнесли нас в микроавтобус, обнимали, целовали на прощание. С тем и уехали в Гдыню.

На следующий день нам показали номер польской молодежной газеты «Штандар молодых», в которой на первой полосе была заметка «Тыши молодых рыбацев з Ленинграду». Это мы — «рыбаци з Ленинграду!»

17. Приятель старшего брата Выменца был консулом в Сопоте и Сергей продлил у него наши визы еще на 10 дней. Поляки удивлялись, чего это мы не собираемся домой, а когда узнали о визе, у них лица вытянулись: «А у нас уже закончился срок договора с рестораном. И вообще денег на вас уже нет». Договорились, что мы еще проживем на турбазе 5 дней, купили они нам билеты и сказали, что провожать до Варшавы не будут.

18. Добралась мы до Варшавы сами. Немного погуляли — с бараклом-то не разгуляешься: у меня сумка через плечо, у Саши Платонова, как и положено «гегемону»- портфельчик, а у Сергея — огромный прозрачный полиэтиленовый мешок доверху набитый туфлями, бельем и прочим. Стали ждать своего поезда Берлин-Ленинград. Поезд запаздывал, стоянка всего несколько минут. Выходим на перрон. Подходит поезд, останавливается, все двери закрыты, и нашего вагона тоже. Бежим вдоль состава, находим вагон с открытой дверью, но почему-то с опущенным порогом. Надо залезать. Я запрыгнул, и тут поезд пошел. Я стою на площадке тамбура, поезд ускоряется.

До сих пор у меня перед глазами эта сцена... Ребята трусят за вагоном, Сергей, при его комплекции — как Санта-Клаус с мешком подарков, передает свой мешок Сашке и кричит ему: «Прыгай!». Вот, что значит: «Комсомол — кузница кадров партии».

В общем, забросили они мешок и портфель ко мне в тамбур, кое-как зацепились и успели вскочить. Поезд разогнался. Входим в вагон, навстречу нам проводница с круглыми глазами: «Вы кто такие? Откуда взялись?» Показали ей билеты. Выяснилось, что поезд настолько вышел из графика, что его перегоняют на другие пути и только после этого будет подан под посадку.

На обратном пути сидим в купе, играем в карты. Входит таможенница и, как тигрица, кидается к картам. Хватает колоду, начинает листать. Мы обалдело смотрим на нее. Она: «Так обычно провозят порнографию!» Поворачивается и видит сергеев полиэтиленовый мешок, занимающий всю полку над дверью. А мешок прозрачный и набит всяческим бараклом. Тут уж она обалдевает: «Это чье такое?» Сергей — лежа на полке: «Мое». «А ну, подымайся и вытряхивай!»

Сергей полез за мешком, достал его, вытряхнул. «Это что за ботинки?» — «Подарок консула». — «А это что за ботинки?» — «Подарок жены консула». Она и отстала.

19. Сергей потом закончил юрфак. Плавал 1-м помощником капитана, т. е. замполитом. Был директором магазина «Плакат», книжного магазина на Народной улице. Потом стал нотариусом. Когда создали частный нотариат, он резко разбогател. Был в каких-то отношениях с братьями Шевченко, с Путиным. Побывал в Штатах, после чего, попал в черные списки и теперь ему визу не дают. Несколько раз участвовал в выборах в Думу, в питерский ЗакС. Попал под невзорковский черный пиар. Теперь он крупный чиновник федерального уровня. Я не знаю всех его дел. Они явно не простые. Но человек он добрый. Помогает другим. И главное, любит помогать.

20. Как-то мне попался на глаза в «Московских Новостях» большой материал о том, что раз в 10 тысяч лет земная ось отклоняется на 40 градусов. Северный полюс оказывается на Японских островах. Южный — в Западной Африке. Экватор проходит по Уральским горам. На месте Восточно-Европейской равнины оказывается «Русское море» (уже и название есть!). От Европы остаются Скандинавский остров, Пиренейский остров, Альпийский архипелаг. Центр европейской цивилизации перемещается в Скандинавию. А Питер оказывается на финляндском шельфе. Сбывается российская мечта — мы в теплых краях, только рыбок тропических многовато вокруг. Самое интересное, что колебания земной оси подтверждаются не только сказаниями о великом потопе (раз в 10000 лет!), но и данными палеонтологии, останками этих самых тропических рыб, тропических водорослей и растений за полярным кругом и т. п. Одно непонятно: этот поворот оси, он — сразу, одновременно происходит или постепенно, плавно. Начал мне как-то Сергей чего-то говорить о выборах, политике, а я ему и шархни в ответ: «Не об этом надо думать! О главном!» — «А это о чем это?» Ну, я ему и расскажи о повороте оси и его последствиях. Через месяца три-четыре он мне звонит: «Слушай, а, ведь, наверное, я не зря дом в Финляндии купил?»

Правильно. О главном надо думать.

21. Я все более глубоко интегрировался в Ленокеанрыбфлот. Часто — чуть ли не каждый квартал ездил в головной офис «Запрыбы» в Ригу. Это были коротенькие поездки, но мне всегда нравилась Рига. Обязательно привозил оттуда домой и в отдел заказы: «Рижский бальзам», конфеты «Коровка» и колготки.

Нравилась дорога, особенно городишко Цесис, который поезд проезжал рано-рано утром. Там, вскоре за вокзалом открывалась мощная буличником улочка, уходящая вниз, а перспективу завершал по-

луразрушенный замок. Потом мы с Любой поехали в свадебное путешествие в Ригу и были с экскурсией в Цесисе. Замок действительно оказался почти разрушенным. А еще позже выяснилось, что примерно в то время в Цесисе заканчивала школу Татьяна Артемьева, мечтавшая о том, как бы выбраться из этой дыры.

22. Несколько раз был в Москве, в Министерстве рыбной промышленности — пыльная была контора. Ближе к концу моего пребывания в Ленрыбпроме — меня направили на министерские курсы повышения квалификации в Димитров. Собрали там ОТЗшников с рыбных контор со всей страны. Начальник ОТЗ министерства начал свой курс с фразы: «Запомните, что в нашей стране зарплата не зарабатывается, а выводится — такая, какую надо». Там же я узнал, что такой рыболовный флот держит только СССР. Американцы рыбу сами не ловят. Только если тунца — удочками. Предпочитают телятину, цыплят и крабов с лобстерами. Более того, поскольку мы уже своими тралами вычерпали Баренцево море, Норвежское море и перенесли основной лов на американский и канадский шельф, они нас даже используют. Продают квоты, например, на лов «серебристого хека» (бывшей мерлузы), зная, что хека в это время в этой зоне не будет. А потом облетают наши суда, контролируют содержимое тралов и обязывают «все, что не хек», майнать за борт. А в трале уже вся рыба давленная, жить уже не будет. Так американцы разводят у себя крабов, которые жиреют на дохлятине.

Еще я узнал об опыте китайцев, которые тоже рыболовного флота не держат, но народ рыбой кормят — толстолобиком. Они выпускают толстолобиков на рисовые плантации. А толстолобик — такая рыба, что ест всякую растительность, кроме риса. В результате не только пропаляется рис, но и два урожая снимаются одновременно: риса и толстолобика — до 3 кг с квадратного метра рисового чека.

23. Жили мы в корпусе — что-то вроде общежития с удобствами в коридоре. Я жил в одной комнате с мужиком (Чалов) из Севастополя (ОТЗ «Азчеррыбы») и парнем из Читы (ОТЗ консервного завода, помоему). Напротив, через коридор жили тетки. Одна из них явно глаз положила на читинца. Была дурацкая сцена. Она зашла в нашу комнату — наверное, на звук мужских голосов. А мы начали шутить — вот закроем дверь и что делать будешь. Читинец возьми да и закрой дверь. Его койка была у двери, а моя у окна. Дверь он закрыл, а ключ кинул мне. Я лежал на кровати, попытался ключ с лету подправить ногой, и элегантно этак переправил его в открытое окно. А этаж был третий. Ключ упал в траву. Мы помолчали.

Потом еле докричались до мальчугана, проходившего мимо, и он долго закидывал нам ключ. Но закинул.

С этой Людой потом много чего было. Я уезжал раньше. Она меня

проводила до Москвы и мы очень удачно отпраздновали День советской молодежи. Она мне все предлагала бросить аспирантуру и уехать куда-нибудь вместе. Потом выяснилось, что после моего отъезда она с чистого своего все-таки получила.

24. Ленокеанрыбфлот отвечал за организацию и проведение гремевших тогда международных выставок «Инрыбпром», под которые был выстроен выставочный комплекс в Гавани. Эти выставки, действительно были событиями. Приходили суда, было много иностранцев, привозили разную продукцию, сувениры. Народ валом валил. А мы стояли на ухах все время выставок.

Еще мы открывали сеть магазинов «Океан». Первый был на Сенной. Толпа жаждала с вечера, стояла всю ночь. Открыть смогли только после обеда. Кто-то ломился в дверь и кричал: «В Москве съезд КПСС открыли, а вы магазин открыть не можете!» И несколько недель у входа стояла длинная очередь.

Тогда я впервые поработал администратором зала, продавцом и мне очень понравилось. Ходишь, объясняешь людям, они тебе «спасибо» говорят.

25. К Ленокеанрыбфлоту был приписан парусник «Седов» — он был на нашем балансе, а экипаж получал зарплату у нас. И, придя в ЛенБОРФ, я застал финал истории Саши Абрамова.

Он первый курс учился со мной на вечернем отделении. Это был юноша очень продвинутый и утонченный. Он сразу же вошел в круг М. С. Кагана, говорил, что пишет с ним книгу, организовал какой-то кружок «Самегата», был любимцем эстетствующих девушек. Потом КГБ устроило ему провокацию. Инсценировали драку на улице, а пока он ночевал в отделении милиции — устроили дома обыск, нашли какой-то самиздат. Из университета его отчислили и дальше гоняли как зайца. И вот он оказался мотористом на паруснике «Седов». Дальнейшее я знаю с его слов и слов капитана «Седова».

КГБ его достал и там. Куратор потребовал у капитана — уволить этого диссидента. У капитана к Саше претензий не было, но потребовали очень жестко.

Собрали собрание экипажа. Пришел кагебарий. А собрание пошло не туда. Саша открыл рот, матросики стали его слушать — у него вообще с матросиками были хорошие отношения. Кагебарий звереет, зыркает на капитана. Тот понимает, что ежели чего не получится, то следующим может быть он сам. И тот сымпровизировал: «Ребята, да что вы его слушаете?! Да вы вообще знаете — кто он?» Матросики притихли. «Да он — гегельянец!» Тут матросики сникли, плечами пожали — извини, мол, брат, мы не знали такого.

И Сашу уволили. Он вскоре уехал в Штаты, некоторое время мыл окна, но потом обустроился, вроде бы, — в Бостоне.

26. ОТЗ должен был давать заключения на заявления по возмещению материального ущерба от всяких несчастных случаев и рассчитывать саму сумму этого ущерба.

Запомнился один случай. Работал один мужичок мужским парикмахером. Зарботки маленькие. Решил подзаработать. Пошел к нам. Матросом-рыбообработчиком. Только дошли на промысел, на него свалился мешок с мукой. Травма. Инвалидность. 100 % вины администрации. И он на всю оставшуюся жизнь оказался гарантированным средней заработной платой матроса на промысле. А это тогда были не малые деньги.

У меня даже возник целый сюжет детектива. Как жена рыбака хочет избавиться от опостылевшего мужа. Ее коварный любовник, скажем — тралмастер или рефрижераторщик, устраивает несчастный случай со смертельным исходом, и злодеи-любовники живут припеваючи на сумму возмещения материального ущерба.

27. По окончании факультета Боря Бондаренко стал замполитом и именно в ПТУ. И не очко его сгубило, а к одиннадцати — туз. В том ПТУ рисовали липовые часы, а деньги воровали. И Боре, без его еще ведома, что-то приписали. А тут — проверка, прокуратура. Завертелось дело. Боря попал как кур в ощип.

Оставалась ему только одна лазейка. Он был комиссован из армии с диагнозом шизофрения. Просто он еще до армии практиковал «гипноз» — девочек усыплял в ванне на свечку. А тут на первом месяце службы устроил в лазарете сеанс массового гипноза. А когда его куда-то вытащили, он ляпнул что-то насчет роли гипноза в коммунистическом воспитании советского солдата. Ну, его и комиссовали, от греха подальше, как шизофреника. Диагноз этот, практически, не снимаем. Ему даже предлагали оформить пенсию — на всю оставшуюся жизнь, от Советской армии — 120 рублей.

Он отказался. Хотел учиться и работать. Помню, узнав об этом, я ему сказал: «Боря, это единственное, что наводит меня на мысли о правильности диагноза. Люди всю жизнь карячатся, чтобы получить такую пенсию последние несколько лет жизни. А тебе — полная халява и возможность делать чего хочешь... Хоть езжай на юг чабанить, хоть маклерствуй на обменах, хоть чеканкой занимайся...». И вот, Боря вспомнил о диагнозе. С учета в ПНД его никто и не снимал. Пошел сдаваться — ремиссия, якобы, кончилась. Повалился в больницах. Так и отмазался от следствия.

28. Устроился Боря на какое-то производство нормировщиком. А он был из тех людей, что идентифицируют себя полностью с теми условиями, в которых оказались. Полностью. Он после первых дней работы там говорил — как это важно и что он обязательно пойдет за вторым, экономическим образованием. Но к концу месяца настроения его изменились.

Он оказался один в сугубо женском коллективе. Однажды он позвонил мне: «Слушай, помоги мне выбраться отсюда. Одни бабы. Они меня за человека не держат. Они при мне белье меряют». Я сразу вспомнил дядю Сашу Каргу из детства.

Как раз в то время меня назначили зам. начальника ОТЗ и мы искали человека на НОТ. Боря с радостью согласился.

29. Он и в Ленокеанрыбфлоте пытался раствориться полностью. Это оценили. Он понравился. Но тут опять жадность фраера сгубила. Захотелось ему в моря. А для этого требовались справки из всех трех диспансеров. Так узнали о его диагнозе. Стали коситься — псих. Боря был вынужден уйти. Помог тогда Вадик Калинин. И Боря оказался на заводе турбинных лопаток.

30. Там он тоже быстро интегрировался и стал делать бешеную карьеру. Быстро стал начальником бюро НОТ, секретарем партбюро заводоуправления.

И тут на него упал кусок штукатурки — метр на метр — и по голове. Из головы даже выковыривали штукатурку.

То ли от удара, то ли еще почему, но Боря вспомнил наши с ним разговоры о пенсии, мой рассказ о парикмахере, получающем материальный ущерб... Боря опять вспомнил о своем диагнозе и сдался врачам. Его мурыжили почти год, но, в конце концов признали прекращение ремиссии и обострение шизофрении в результате травмы на производстве. И оформил Боря немалую пенсию на оставшуюся жизнь. Стал читать книжки, перепродавать шмотки, ну, и попивать. Ох, уж эти мои советы!

31. В Ленокеанрыбфлоте была целая служба картографии. Там работали большей частью тетки, которые с утра до вечера корректировали старые латаные-перелатанные карты, которые потом выдавались под расписку штурманам. Те же, заходя в ближайший зарубежный порт, покупали там новейшие английские карты, доведенные до самой причальной стенки Ленинградского рыбного порта, и пользовались именно этими картами, как более точными.

Когда суда возвращались, 1-й отдел изымал у штурманов эти карты, как «секретные». А начальник службы картографии ходил за своими работницами в женский туалет — следил, чтобы они, не дай Бог, не вытирали задницу старыми картами!

32. Одна из девушек из заводоуправления скопила денег на поездку за границу. А тогда надо было обязательно пройти партком, райком, получить рекомендацию. Наш партком она прошла. Дошел черед до комиссии райкома партии.

Секретарем Кировского райкома был тогда Василий Дубов, кото-

рый потом загремел при Горбачеве с Г. В. Романовым якобы за пьянку. Вроде бы они тогда вдвоем в Москве напились.

Приходит эта девица на комиссию. Длиннющий стол. На одном конце восседает В. Дубов. У другого конца стола — стул для клиентов, а за столом члены комиссии, большей частью ветераны партии. Она заходит, а комиссия ее не замечает — оживленно обсуждают что-то свое. Наконец какой-то дедок обратил на нее внимание — пригласил ее присесть. Она села. Дедок ее спрашивает: «Вы готовились к собеседованию?» — «Да». — «А как?» — «Читала газеты». — «Какие? Ну, например». — «Еженедельник “За рубежом”». — «И Вам там все было понятно?» Понравился ей, вроде бы даже нормальный разговор, она и ляпни: «Нет». И тут поняла, что сморозила глупость, потому как все члены комиссии повернули головы, уставились на нее и ждали ответа. А старичок уже настойчиво так: «И что же Вам было непонятно?» Она пролепетала: «Одно выражение». — «Какое?» — «Унитарная республика». Возникла мертвая пауза. Члены комиссии зашептали друг другу: «Что, что она сказала? ... Унитарная республика...» Волна шепота докатилась до В. Дубова и несчастная от ужаса почувствовала, как пространство-время резко исказилось, Василий Дубов возник прямо перед нею, упираясь кулаками в стол: «Как? Как Вы сказали?» Она прошептала безнадежно: «Унитарная республика...». Тот помолчал. Набрал один телефон. Там не ответили. Набрал другой номер. Там тоже трубку не сняли. Наверное, звонил лекторам или референтам. Еще помолчал, глядя на телефоны. И сказал: «Ну, Вы не беспокойтесь. У них там все в порядке».

Девицу пустили за бугор.

33. В ОТЗ со мной работала Ольга Николаевна — та самая, что от рака в прорубь нырнула, вылечилась и мужа там нашла. Она записывала все анекдоты, которые слышала. Любые, в том числе — похабные и антисоветские. И как-то потеряла сумочку с документами, и там же был ее довольно толстый рукописный сборник. Довольно через большое время ей позвонили из милиции, сказали, что найдена ее сумка с документами и предложили зайти, забрать.

Она перетрусилась — из-за сборника. Но идти надо было. Когда она пришла в отделение, из всех кабинетов высовывались и глазели на нее, переговариваясь — вот, мол, та самая! У нее вообще все похолодело. Милиционер спросил ее, что было в сумочке кроме документов. Она назвала только деньги и ключи. Тот внимательно посмотрел на нее и многозначительно спросил: «И все?» — «И все». — «Ну, смотрите...» — ответил тот, выдал ей востребованное, и она ушла. Наверное, не звонили ей, пока все отделение не прочло сборника. Ну, и получилось, она им его подарила.

34. В Ленрыбпроме работал начальником отдела промысла Нико-

лай Зилгалов. Служба эта была важная — они координировали перемещения судов в местах промысла. Работа была связана с какими-то большими секретами, формами допуска. А друг Николая уехал в Штаты. От Николая потребовали прекращения отношений с другом. Он отказался и его отстранили от руководства отделом, хотя в службе оставили — он был довольно ценным кадром. Потом Николай ушел совсем. Он жил один где-то на Литейном и я иногда его встречаю — делимся всякими впечатлениями.

Я ему обязан за одну науку. Посадка в 17-й автобус была не из приятных, все толкались. Но тут у меня уже давно был выработан навык «ловли подходящего автобуса на встречном движении» — влетал я в автобус одним из первых. Хуже была поездка — давка была страшная. Однажды Николай поделился со мной опытом езды в такой давке: входя с задней площадки занимать место в левом дальнем углу, становиться спиной в самый угол «зубами наружу». Убедился — очень эффективно. Спина защищена, и никто не толкает «в лицо». Зубы-то наружу.

35. Контролеры в 17-м автобусе бывали редко. Как-то зачистил один молодой парень — тощий, длинный и злой.

Как-то, чуть ли не с Барсукевичем, мы отправились днем по каким-то комсомольским делам в город. И попали на этого контролера. У меня была карточка, а Санька билета не взял. Он заплатил штраф, дал денег чуть больше, ожидая сдачу и квитанцию. Но контролер квитанции не дал, а на все деньги взял у водителя талоны и, даже не надорвав их, опустил в кассу. Они вполне могли быть потом проданы еще раз.

Я возмутился и потребовал выдать квитанцию и сдачу. Тот заорал на меня. Я попросил его документы. Тот стал толкаться. Тут вмешался ехавший в автобусе капитан. Парень еще больше занервничал. Закричал что-то про милицию. На это я ему сказал, что это очень хорошо, что мы поедем с ним на кольцо, и будем разбираться с милицией — кто он такой и почему так себя ведет. Капитан вышел в Автово, а мы поехали на кольцо между Кировским и Ждановским заводами.

Контролер что-то жарко говорил водителю, но тот, буркнув что-то вроде «разбирайтесь сами», ушел, оставив двери открытыми. Некоторое время мы сидели молча. Контролер у передней площадки, мы — у задней. Я поднялся и пошел по проходу: «Ну, вот теперь-то мы с тобой разберемся». И тот перетрусил. Глаза забегали, челюсть затряслась. Я встал напротив него, держась правой рукой за стойку, перекрывая ему дорогу. И тут он не выдержал. С криком «а-а-а!» он попытался укусьить меня за руку. Я его оттолкнул на сиденье: «так ты еще и кусаться!» Но тут вернулся водила, открыл дверь. Контролер выскочил как ошпаренный и убежал. Водила покачал головой: «Странные они бывают ребята». Мы рассказали ему происшедшее и ушли. Больше того контролера я не видел.

36. С Ленрыбпрома в моей профсоюзной учетной карточке в графе «специальность» записано: техник-механик, философ.

37. На последнем году работы меня стали все больше вовлекать в высшую тусовку Ленрыбпрома. Было интересно, но я не стремился к этому. Последней каплей стала поездка в Эстонию.

Существовал этакий тройственный договор (почти Антанта) между Эстрыбпромом, Мурманрыбфлотом и нами. О якобы соцсоревновании. А на самом деле каждый год руководители трех фирм тусовались по очереди на дружеской территории. В тот год был черед эстонской стороны принимать гостей. От нас ехали молодой Шубин, только назначенный первым замом директора, бессменный председатель профкома и я — как носитель всей информации, цыфири для официальных обсуждений и документов.

Я впервые был на таком уровне в неформальной обстановке и мог видеть как «разлагались» дворяне в поместьях своих родовых».

Принимали нас в знаменитом рыболовецком колхозе имени С. М. Кирова, про который говорили, что доктора наук из Таллина стоят в очереди на работу там бухгалтерами. Членам колхоза были гарантированы бесплатные коммунальные услуги, вплоть до парикмахерской, бесплатный костюм в год. Когда мы шли по центральному поселку, между рядами коттеджей, нам объяснили, что слева — жилые дома колхозников, а справа — их дачи.

Пили мы непрерывно и беспробудно. Нас принимали в центре «культурального отдыха». Это была двухэтажная сауна, с «кабинетами», про которые нам говорили, что сюда приезжают министры из Москвы со своими секретаршами. Мы пили до сауны, во время и после. К сауне примыкал зимний сад — прямой аналог питерской оранжереи у Таврического сада. То есть прямо из сауны можно было выйти на балкон и оказаться над пальмами, а, при желании, спуститься под пальмы, к бассейну и продолжить «активный отдых». И я понял, что пора сваливать.

38. Кандидатскую я защитил довольно быстро — уж больно хороший накат был в дипломе. Причем к тому времени я уже переключился на проблему понимания (что было очень естественно: знак — значение — интерпретация — понимание) и текст диссертации для меня уже рассыпался на отдельные слова. Я уже воспринимал его просто как некий товар.

На работе мою защиту встретили слегка удивленно и настороженно. Не ожидали, что так быстро и успешно. Начальница ОТЗ Казаринова благоволила мне, пока я был само смирение, но, по мере роста моей самостоятельности, между нами нарастал холодок. Да тут я еще наладил какие-то самостоятельные отношения с ОТЗ «Запрыбы», да еще ко мне какое-то внимание стало проявлять руководство. Она почувствовала угрозу конкуренции с моей стороны (у нее не было выс-

шого образования). А у нее как раз к тому времени случилось несчастье, очень облегчившее ее жизнь. Она одна поднимала дочь и у нее на руках была тяжело больная мать, которая лежала мало вменяемой уже около 20 лет. И вот мать скончалась. При всей трагичности утраты, Валентина Алексеевна просто расцвела, начала дышать полной грудью и ей «чертовски хотелось поработать». И она не выдержала. Написала в главк запрос о том, можно ли выплачивать работнику ОТЗ за кандидатскую степень, если диссертация защищена по философии, и, дополнила запрос звонком в Ригу, в котором добавила, что диссертация написана по каким-то «мертвым» языкам (так она поняла «семантику формализованных языков»). Ее вопросы звучали риторически — конечно, нет.

В результате, мне звонили из Риги и говорили, что, вот, пришел такой запрос, мы не можем иначе ответить. Такие вопросы, мол, решаются по усмотрению администрации. А она явно не хочет доплачивать. Сама Казаринова, извиняющимся тоном, с наигранным сожалением говорила, что, вот, Рига против, запрещает. Но это все было как раз то, что мне надо было. Они меня обижали, и я получал моральное право ухода. Что я и сделал, уйдя в институт культуры.

В результате, мы все расстались по-хорошему. Все были довольны. Казаринова избавилась от угрозы конкуренции и подсижки, а я, наконец-то, ушел на чистое преподавание.

Ленрыбпром, надеюсь, мое последнее присутственное место работы, когда в любой момент может придти человек, о существовании которого ты за минуту до его появления даже не подозревал, и начать грузить тебя своими проблемами. Это выматывало больше всего.

39. Наверное, я очень вовремя ушел из Ленрыбпрома. С началом перестройки там начался полный беспредел. Все суда были приватизированы и проданы за бесценок. Судоремонт рухнул на корню. Остались только порт и комбинат, вокруг которых долго продолжались разборки и отстрел конкурентов. Я с содроганием следил за этим по газетам. Российский рыболовный флот, фактически, остался только на Дальнем Востоке и в Мурманске.

XI. Малый Ленбабснабсбыт

Это истории, связанные с моей работой в СПб Государственном Университете (Институте, Академии) культуры и искусств.

1. В ЛГИКе я оказался, в общем-то, благодаря Люде Сусловой.

После окончания университета, когда я безуспешно обошел все кафедры философии всех питерских вузов, институт культуры был первым. Был еще жив отец, и он созвонился со своим бывшим начальником Меньшутиным, большим приятелем недавно назначенного ректора института культуры Е. Я. Зазерским. Меньшутин звонил Зазерскому и дал нам рекомендательную записку. Я ходил с этой запиской на прием к Зазерскому. Тот обрадовался рекомендации, вызвал кадровика, звонил завкафедрой философии Новикову, но получалось, что вакансии у них нету.

И вот второй тур поисков. Я уже почти поставил крест на преподавательской работе. Даже после защиты кандидатской оказались проблемы. Люда тогда работала в Военмехе. У них на кафедре работал некий Гершкович — я читал некоторые его статьи. И этот Гершкович неоднократно говорил о своей влиятельности, связях, в том числе — о своей дружбе с Авраамом Израилевичем Новиковым, завкафедрой философии в Институте культуры. Ну, Людмила и рассказала ему мою историю. Тот попросил мою анкету. И месяца через два-три Людмила дает мне телефон этого Гершковича — просил, мол, позвонить. Звоню. Он мне пытается путано объяснить что-то одновременное и о своей дружбе с Новиковым, и про какого-то Болотникова, которому я должен позвонить. И дает телефон этого Болотникова.

Что оказалось... Гершкович передал мою анкету Новикову. Тот с нею ходил, не зная, видимо, в какое место ее сунуть. В ЛГИКе же создавали кафедру управления. Ее завом назначили Болотникова, до этого преподававшего научный коммунизм и защитившего по тому же НК докторскую. Оба они были членами парткома, и как-то на парткоме Новиков показал Болотникову мою анкету. Ну, а поскольку я работал в НОТе Ленокеанрыбфлота, тот заинтересовался. Мы с ним встретились. Он сводил меня в партком. Тогда секретарем был чудесный дядька — Юрий Павлович Кустов. Потом меня сводили к ректору Зазерскому. Тому я глянулся. О первой нашей встрече он не вспомнил. И так я оказался старшим преподавателем на кафедре управления. Может, оно и к лучшему. Сдох бы я на кафедре философии. А так политизированная сторона моей натуры нашла неожиданное политически и идеологически почти неангажированное применение.

Сначала читал социальное планирование, а потом, поскольку почти сразу стал работать с учреждениями культуры, набрался всякого, и придумал курс по менеджменту в сфере культуры. Мой учебник оказался базовыми по отрасли, и я вырос в крутого эксперта.

2. Питерский институт культуры — любопытное заведение. Занимает он шесть зданий под учебные корпуса и четыре — под общежития. И все в разных местах города. Но главные здания — в начале Дворцовой набережной между Троицким мостом и Летним садом. Одно — особняк Ольденбургских, который одно время принадлежал Салтыковым и там одно время под домашним арестом жила молодая помещица, известная «Салтычиха», ради развлечения шпарившая своих девок кипятком. В этом же доме в качестве приживалы доживал последние годы «дедушка Крылов», баснописец, памятник которому стоит в Летнем саду. А здание рядом еще знаменитее — особняк Фикельмонов. Жена датского посла Даша Фикельмон держала салон, была душевной подругой А. С. Пушкина. Солнце русской поэзии иногда рано утром, потихоньку, держа в руках обувку, спускался к выходу. В Белом зале особняка давались балы. Именно там произошла первая ссора Пушкина с Дантесом. В общем, есть что рассказать студентам и гостям.

День знаний 1 сентября в советское время начинался с торжественной линейки на Марсовом поле, где первокурсникам вручали студенческие билеты и зачетки. Все чин-чинарем и в самом центре города, на берегу Невы с видом на Петропавловку и Флагман Революции одновременно.

При совдепе институту выделяли пятно под строительство новых корпусов — где-то на севере города, в районе Лахты. Ректор отказался, заявив, что пока он жив, институт культуры не уйдет от Летнего сада. Наверное, это было не только красиво, но и правильно. Но зато потом институт был вынужден ввязаться в бесконечные ремонты и реставрации. Реставрация одного только Белого зала длилась больше 20 лет и стоила больше, чем ремонт всего особняка Ольденбургских. Правда, после окончания реставрации был дан Ректорский бал для ректоров питерских вузов. Однако ректор уже был другой. Зазерский не дожид.

А через полгода на университет наехали. Пожарники. Мол, здание непригодное для учебного процесса. И не особенно скрывали, что заказ из Москвы. Одновременно городская администрация предложила осваивать здание бывшей школы на проспекте Обуховской обороны — в промзоне.

Ну еще бы! Два особняка. С дворцовыми интерьерами. С залами. Внутренние дворы. В самом центре. Никаких жилых домов рядом. Самое то. Еле отбились. Не уверен, что окончательно.

3. Один из американских генеральных консулов, только заступив в должность, попросился с визитом к нам в институт. Когда он при-

шел к ректору, тот был настолько удивлен, что спросил консула — почему к нам? Тот ответил: «Я сам гуманитарий, историк. Препоаю в университетах. Поинтересовался, какие вузы расположены неподалеку от консульства. Что такое театральный институт и чему там могут учить — я понимаю. Догадываюсь я и чему могут учить в высшем художественно-прикладном училище — наверное, там готовят дизайнеров. Но что такое Институт культуры — как вуз? И чему там могут учить?»

Ну а когда ректор ему объяснил про библиотечный факультет, про факультет искусств, организации досуга, все понял и довольно быстро ушел.

4. Как-то ехал в институт на трамвае, по Садовой. Сижу, читаю. Надо мною молодые люди что-то в голос обсуждают. Ну, говорят и говорят себе. И вдруг что-то стало ухо царапать. Прислушался. «Малый Ленбабснабсбыт». Из разговора понял, что имеется в виду Институт культуры. Обычно — «Кулек», «Крупа», «Два притопа, три прихлопа»... А тут такой шедевр! А едем уже Марсовым полем. Мне выходить надо. Поднимаюсь: «Извините, ребята, просто я там работаю... Я так понял, что Малый Ленбабснабсбыт это Институт культуры?» — «Ага!» — «Но если есть Малый Ленбабснабсбыт, то должен быть и Большой?!» — «Конечно. Педагогический институт Герцена».

Это было как раз в те два года, когда наш институт ушел с традиционного четвертого места в городе среди вузов на второе — по количеству венерических заболеваний на одно студенческое тело. На втором месте в городе обычно Институт физической культуры им. Лесгафта: в здоровом теле — здоровый дух. А на первом всегда был и есть, и, думаю, будет — Педагогический.

Эту историю я привожу студентам в курсе Public Relations, когда речь заходит о пользе слухов, которые иногда позволяют знать общественное мнение с точностью до милицейско-медицинской статистики.

5. Я еще застал в институте Абрама Соломоника, которому было уже далеко за семьдесят. Был он этаким «евреем, научившим всех»: Генкина, Зазерского, Ариарского... В каждом вузе есть такой гном-карла. В ВПШК таким был Шлемис.

Как то иду я нашими коридорами — а это целые катакомбы, узкие, петлявые. Дело было уже летом и в коридорах этих стоит крепко настойный запах женского тела. Передо мною шел с кем-то Соломоник и, сильно картавя, активно комментировал эту тему: «А не вхедно было бы платить в нашем институте за вхедность!»

6. В помещении, где сейчас находится кафедра теории культуры, раньше был кабинет проректора по учебной работе. Это просторная комната, небольшая часть которой отделена от остальной колонна-

дой. Там у проректора стоял диван и был оборудован некий закуток для отдыха — чаю попить и прочее.

Как-то вечером проректор вспомнил, что забыл на работе какие-то важные бумаги. Приехал в институт, открывает ключом дверь кабинета, входит и слышит, что на диване что-то происходит. Включил свет, а там пристроилась парочка. Проректор расшумелся, а парень, оказавшийся здоровенным амбалом, одевшись подошел к нему, душевно так положил руку на плечо и посоветовал заткнуться — так лучше будет, ему — проректору. И они ушли.

7. Ректору я запал в душу, когда при собеседовании на его вопрос «Когда же появится рыба?» ответил «Теперь уже никогда» и подробно рассказал — почему. Как-никак у меня была прямая информация о состоянии и перспективах нашего океанического лова. Он потом часто припоминал мне этот сюжет.

8. Евгений Яковлевич Зазерский был довольно яркой и весьма неоднозначной личностью. На ректорском месте он оказался, будучи до этого зав. отделом пропаганды и агитации горкома партии. Отсюда и все его манеры: тыканье, мат и т. п.

Старший Мейлах, который жил в знаменитом доме на Марсовом поле, незадолго до смерти, просил меня сделать ему пропуск в институт для того, чтобы пользоваться нашей библиотекой — ходить в Публичку ему уже было тяжело. Я сделал пропуск, принес ему, но он сказал: «Я забыл, кто у вас ректор. Нет, я, пожалуй, обойдусь».

9. Особую известность Зазерскому принесли его рейды «по борьбе с...». Сначала он боролся с опозданиями. В общежитии поутру устривали с участием ректора рейды — кто когда встал, с кем встал, почему не на занятиях.

Потом он стал бороться с женскими брюками. Лично приходил на вахту и не пропускал в институт дам в брюках. До тех пор, пока не нарвался на чешскую аспирантку, которая со словами «Вам не нравятся мои брюки, ну что ж...» сняла брюки и пошла в колготках и в пиджаке, а брюки отдала ректору.

После этого он утратил интерес к женским брюкам и стал бороться с мужскими бородами. Бороду носить было позволено только одному человеку в институте — проректору по заочному обучению. Он был из отставных морских офицеров, носил окладистую бороду и хорошо смотрелся под знаменем института на линейках 1 сентября: черный мундир, ордена, борода. В общем — только он при бороде. Для имиджа института. Всем остальным — ни-ни. Лично ректор следил за этим. Пока не попал на какого-то совместителя, который не знал ректора в лицо, и когда какой-то дядька прижал его в коридоре к стенке и с криками стал теревить его за бороду, он принял адекватные меры. Ректор

отсутствовал пять дней, а когда появился, то напрочь утратил интерес к бородам. И переключился на борьбу с курением. Тем более, что и сам к тому времени бросил курить.

10. Во время Лигачевско-Горбачевской дури с сухим законом под видом борьбы с алкоголизмом к Зазерскому пришел Председатель только созданного питерского Общества трезвости — бывший алкаш и хороший знакомец ректора. Пришел он с предложением вступить институту в Общество трезвости в качестве коллективного члена. Зазерский спросил его: «Ну и о чем мы будем говорить на встречах в этом обществе? О том, почему мы не пьем, что ли?» И выгнал этого деятеля.

11. Однажды он прижал меня в коридоре к стенке, взял за пуговицу. «Слушай, — говорит, — ты ведь у нас уже два года работаешь». — «Да». — «А чего не заходишь?» — «А зачем?» И я рассказал ему про своего первого работодателя Чубарова в ЦКБ «Айсберг», который показал мне на Олега Володина и сказал: «Вот — Олег, все вопросы решает сам. До меня доходит только тогда, когда сам справиться не может». Мне это так понравилось, что так и работаю с тех пор. «Это неправильно, — сказал Зазерский, — В этом случае ты становишься для меня источником только плохих новостей. Я могу о тебе начать плохо думать. Заходи». И пошел.

Я подумал, что он был, наверное, прав. И еще я тогда впервые подумал, что у начальника может быть потребность в общении с подчиненными. А то ходит какой-то хмырь с умным видом уже второй год, а чего у него на уме — неизвестно.

Но я к нему как не ходил, так и дальше не ходил. Только если сам вызовет.

А ему, наверное, было обидно, что преподаватели к нему не ходят. Все только — бухгалтерия, да АХЧ. А преподаватели, если и придут, так только либо кланчить чего себе, либо стучать на коллег. А ему хотелось поговорить о делах с приличными людьми, за жизнь. Но такие к нему не ходили, даже избегали. Все помнили, какой он бывает матюжник, как может обидеть на пустом месте.

12. А еще ректор любил вызвать человека и сказать ему — есть, мол, мнение сделать тебя деканом. Это при живом-то декане. А потом ждать — вернется эта информация к нему или нет. И в каком виде. То ли живой декан прибежит, то ли еще кто. В пиаре это называется «утечка информации». Запустить ежа под юбку коллективу и смотреть, кто в какую сторону и как бегать начнет. А самое главное — как поведет себя сам «информированный». Поделится ли и с кем этой «новостью».

13. При всей его неоднозначности, Зазерский создал (или ему достался, а он не порушил) весьма специфический профессорско-препо-

давательский состав. Это были яркие лекторы и крупные специалисты, по разным причинам (идеология, партийность, пятый пункт) не имевшие возможность работать в Университете или Консерватории. Ланда, Баренбаум, Новиков, Дранков... Профессуру у нас получали Ядов, Панченко. Приличные люди. Не вуз, а этакий заповедник-заказник. И учиться в этом вузе всегда было интересно.

И еще. При Зазерском в институте чувствовалось присутствие некоей воли. Ты мог с нею не соглашаться, избегать ее, но учитывал. С его же смертью эта единая воля исчезла. Центробежные силы стали доминировать над центростремительными. Кафедры разбежались, открывали коммерческих отделений, стали по-глупому конкурировать.

14. Заведующим кафедрой философии в ЛГИК-ГУКИ долгое время бессменно был Авраам Израилевич Новиков — личность весьма показательная. Еврей — чистокровный и очень ярко внешне. Лектор Обкома КПСС. В глухие 70-е дважды возглавлял советские группы, плававшие на белом пароходе по Миссисипи. Типичная фигура партийного «нашего еврея» тех времен — мало того, что показать всегда можно как пример отсутствия антисемитизма, так еще и идеолога, которому можно поручить обосновать, что угодно. «Ум — подлец, потому как изворачивается как уж, в готовности оправдать, что угодно», — писал Достоевский. А уж ум умного еврея изворачивается так, как никакой другой.

А.И. это постоянно и блестяще демонстрировал. Он не только колебался вместе с линией партии, но находил яркие, убедительные аргументы в объяснение и обоснование «почему» и «зачем» надо именно так. При этом — блестящий оратор и лектор. Настоящий профи. Выходил на кафедру или трибуну с каким-то почеркухами на карточках и ... оказывался впереди паровоза, объясняя присутствующим то, о чем узнал за час до этого.

15. Анатолий Соломонович Бергер, прошедший первый питерский процесс а la Синвский-Даниэль, несколько лет лагерей и ссылку, рассказывал, что экспертом КГБ, давшим заключение на его библиотеку, был А. И. Новиков. Уже в постсоветское время Бергер ходил на Литейный, смотреть свое дело и читал эту «экспертизу». Там рукой Новикова было написано, что в личной библиотеке Бергера находятся книги таких авторов, как Шопенгауэра, Бердяева..., т. е. не просто чуждых, но и книги которых носят откровенно враждебное и антисоветское содержание. Поэтому, мол, библиотека подлежит изъятию и конфискации. Библиотеку изъяли, часть книг после реабилитации Бергеру вернули. Наиболее интересные книги не вернули. Особенно Бергеру было жаль «Мир как воля и представление». Он об этом даже в «Часе Пик» заметку опубликовал.

Особая пикантность ситуации была в том, что к тому времени Новиков стал писать предисловия к активно публиковавшимся книгам

Н. А. Бердяева, объясняя в них — какой это полезный автор, патриот, в последние годы эмиграции симпатизировавший Советскому Союзу и т. п.

16. Узко профессиональной темой А.И. был русский нигилизм. У него даже книжка была «Нигилизм и нигилисты». За нее его даже приняли в Союз писателей СССР, чем он очень гордился. Он всегда был не чужд беллетристики, даже вел в свое время в институте ЛИТО (литобъединение). Сын у него — говорят, талантливый автор и приличный человек возглавлял литчасть театра Комиссаржевской, а теперь, вроде бы, даже худрук театра.

Так вот, во время перестройки известный литературный погромщик покруче самого Новикова — Феликс Кузнецов написал в «Новом мире» разгромную рецензию на «Нигилизм и нигилистов». А.И. исчез на две недели. Громко говорили — заболел, а тихо — испугался. Привык, ведь, к тому, что следовало за такими статьями. Сам неоднократно участвовал. Но время было уже другое. А.И. успокоился. Никто его не попрекал, пальцем не тыкал, на партком не таскал. И он появился на людях. Но долго ходил необычно тихий.

17. А.И. был большой жизнелюб. Жил, фактически, особо не скрываясь, на две семьи. Да и здоровьем его Бог наградил. Он перенес несколько тяжелых инсультов. Во время одного из них ему сделали операцию по удалению аденомы. И после каждого такого инсульта он вставал. К нему возвращалась речь. И он выходил на работу. Смерть долго кружила вокруг него, отступая перед его жизненной силой.

Кафедра после его смерти захирела. Он не терпел около себя ярких людей. Ему надо было блистать одному.

18. На этой кафедре эстетику (марксистско-ленинскую, конечно) читала М., муж которой командовал питерским Выставочным залом в Манеже. В какой-то момент студенты-заочники написали на нее заявление в прокуратуру — о том, что она вымогает взятки за зачеты и экзамены, причем, требует не деньги, а дорогостоящие художественные альбомы. Был грандиозный скандал. Чем-то ректор и Новиков были обязаны семье М. Ректор сделал все возможное, чтобы не дать хода этому делу. Но с идеологической кафедры М. надо было убрать безоговорочно. Решение придумали соломоново. Всех преподавателей, читавших этику и эстетику, вместе с М. передали на кафедру теории и истории культуры, преподаватели которой, в отличие от кафедры философии, не были номенклатурой райкома КПСС.

Уже в постсоветское время М. назначили проректором по науке. Сотрудники научной части стонали от высокомерия, грубости и унижений. М. вернули на кафедру.

Для полноты картины быта и нравов... Коллега с нашей кафедры

вышла на защиту докторской диссертации. За день до защиты обзванивает членов совета — напомнить, для кворума. Звонит М. Та — не могу быть, муж болен, сама голос потеряла, извини, мол, никак. В день защиты коллега идет по коридору в перерыв и видит в аудитории здоровехонькую М., весело разговаривающую со студентами. Она к ней: «Слава Богу! Значит, вы будете на защите!» Та, изменившись в лице: «На твою защиту я не пойду!» — «?!» — «Когда меня сняли с проректоров, ты меня в коридоре не заметила и не поздоровалась!» Тут в аудиторию зашла завкафедрой и тоже обрадовалась выздоровлению, мол, мы Вас ждем на совете. Та, уже другим — осипшим — голосом: «Вот, больная пришла, голос потеряла. Никак не получится. Муж заболел...». Так коллега и пришла на защиту с глазами, полными слез.

19. На кафедре психологии и педагогики испокон веку работал профессор Дранков Владимир Львович. Очень симпатичный человек. Блестящий лектор, автор книг и статей по психологии творчества. Сам талантливый художник. Написал огромный портрет Крупской — очень даже приличный — и подарил его институту. Его повесили в зале совета института, и портрет долго висел там, как будто был там всегда, даже уже после переименования вуза.

Мне он был особенно симпатичен по двум причинам. Во-первых, никогда не стремился к заведованию. Долго терпел заведующим какого-то алкаша, а потом убедил ректора и переманил с кафедры философии тихую тетечку, читавшую там этику. И помог ей защитить докторскую и стать более-менее полноценной заведующей. А во-вторых, своими рекомендациями преподавателям и лекторам. Например, согласно Дранкову, лектор должен периодически как бы «возникать» перед подуставшей аудиторией. То ли повысить голос, то ли, наоборот, понизив его. Или громко высморкаться. Или вдруг, неожиданно появиться из-за портьеры.

20. Бессменный заведующий кафедрой управления — Б. По образованию и кандидатской — юрист, по докторской — научный коммунист. Кафедру управления создали под него, после защиты докторской. Это были ленинские принципы управления, пересказы пересказов редактора «Правды» Афанасьева, написавшего толстую книгу про социальное управление. НОТ, Тэйлор, Форд... В общем — начало XX столетия. Его учебная нагрузка долго еще потом была, в основном по кафедре философии — научный коммунизм: лекции и госэкзамен. По кафедре он читал только загадочный курс «Введение в специальность», в котором он требовал от студентов разработки бизнес-плана. Если студент предъявляет разработанный реальный бизнес-план, то учить его уже нечему.

Зато кафедрой он управлял: давал задания, назначал сроки... Попринципу заседания кафедры были каждую неделю. В первый ме-

сяц моей работы (а я пришел в мае) он как-то признался мне, что может отдыхать в отпуске только две недели, а потом ему необходимо самоутверждаться. Самоутверждаться он мог не сам по себе, своими делами. Для этого у него было два пути. Первый — он особенно уважал людей известных — которых по телевизору показывают, которые на радио выступают. Одно время вел в институте Клуб интересных встреч. Любил на кафедру приглашать «знаменитостей». Похоже, в этом и было его истинное призвание — ведущий встреч с известными людьми. У него менялись интонации голоса, жизнь обретала смысл.

Другой — как лучшим прожектором высвечивал кого-то и направлял на него всю свою энергию: начинал грызть. Слабонервные не выдерживали, ломались и уходили. А его, прежде всего, и интересовало — как человек держит удар. И если ему отвечали — чем жестче и уверенней — от таких он отставал, начинал уважать, переключаясь на другого. Так например, у нас творилась «мистика с экономистами». Редко кто из экономистов выдерживал учебный год. Дольше всех продержался коллега Евланов, да и то потому, что не был, собственно экономистом, а был практиком, который эту новую экономику культуры делал. Тетки-коллеги стонали и придумывали планы — найти ему какую-нибудь заморочку, работу, чтобы нашел он себе дело. Но все решилось само собой. Во-первых, сработал естественный отбор и на кафедре подобрались люди самодостаточные и зубастые — на которых, где сядешь, там и слезешь: Альвина Хачатурян (позже Панфилова), Света Рождественская, Клара Борисович, Володя Евланов, да я. Позже к нам присоединились Люба и Рубин Сергеевич Милонов. Это и был костяк кафедры. Каждого из нас знали в городе и в стране. Мы много ездили и публиковались. А тут еще началась перестройка, и Болотников с компанией экономистов и маркетологов организовал что-то вроде кооператива при Центральной лектории Общества «Знание». На какое-то время кафедра стала самоуправляемым организмом.

Реальной организационной работой он не занимался. Легко отдавал часы на другие кафедры. В результате кафедра едва не потерялась. Ситуацию спасло только создание Менеджер-центра (коммерческого факультета), в основном благодаря усилиям Светы Перминовой, и к работе которого вскоре свелась работа кафедры. Один раз чуть не достал всех. Света пришла к нему с какой-то очередной проблемой. А он ей: «Ну что вы все беспокоитесь, дергаетесь. Надо же просто наслаждаться жизнью». Уж на что Света — и та не выдержала: «У Вас уже есть пенсия — вот Вы и наслаждаетесь. А нам еще работать надо».

Несколько раз меня пытались втравить в интригу по части кадровой революции. Но я отказывался. С одной стороны, он долгое время устраивал именно тем, что просто не мешал, тем более — понимая, что мне заведование ни к чему, да, со временем и уважав. С другой, — я ему в чем-то искренне благодарен. За то, что взял на работу. За то, что не мешал. За то, что привел на кафедру Любу. За то, что несколь-

ко раз просто житейски помог. И потом — даже если он развалил кафедру — это его кафедра, им сделанная. Я на перехватах не работаю.

21. Один обладатель профессорской лысины, поехал с женою в Польшу, где приобрел шиньон. И имел неосторожность в новом имидже появиться 1 сентября, в том числе — перед студентами. И ... дальше уже менять имидж не мог. Так и остался с нашлепкой.

22. Когда после окончания университета в поисках работы я обошел кафедры философии всех тогдашних 38 питерских вузов у меня даже сложилась своеобразная типология завкафедрями: с виду нормальные, отставники, комиссаристые идеологи, явные кагебарии и пыльным мешком из-за угла стукнутые. Ярким представителем последних был завкафедрой философии в театральном. Лысый коренастый дядька долго убеждал меня, что для работы в театральном, мне — логику по факультетской специализации — придется радикально менять интересы. Мои доводы о моем давнем интересе к театру, что, мол, с него и начался интерес к философии, что я был президентом питерского клуба любителей театрального искусства, он отбивал одной репликой: «Но Вы же логик!»

Каково же было мое удивление, когда, придя в институт культуры, я не сразу распознал его в виде доцента кафедры теории культуры — тут он был уже в парике и вполне нормальный дядька, разбирающийся в семиотике культуры и теории коммуникации. Он не признался, да и я не стал. Докторскую я защитил и стал профессором лет на десять раньше него.

23. С момента создания кафедры у нас долгое время работала Наталия Ивановна Карпова. Читала управление библиотечным делом, а потом ушла обратно на свою родную кафедру библиотековедения. Выросла она где-то в селе. Росла девочкой книжной. Сама писала стихи. Пошла в институт культуры на библиотечный. Ее приняли в Союз писателей. Одновременно с Новиковым. Только того — по секции публицистики, а ее как — поэтессу. Несколько книжек выпустила. Блестяще знала польский. Активно переводила братьев по разуму. После вступления в Союз на всю катушку стала пользоваться льготами: поездками, домами творчества. Веселая была тетка. Любимое ее выражение было — «на мягких бедрах». От нее я услышал, что в Писдом (Дом писателей) ходят списы (советские писатели), жописы (жены писателей), дописы (дочери писателей) и мудописы (мужья дочерей писателей).

Однажды она позвонила Свете Рождественской и попросила ее поменять, поскольку приболела. Светлана отработала в ее часы, а потом они с Альвиной Хачатурян решили зайти пообедать в ресторан и встретили там Карпову в веселой компании черноусых удальцов. Та царилла за столом, хохотала и была сама жизнерадостность. Увидев коллег, не

смutilась и только подмигнула. Конец ее был ужасен. Жила она где-то на Гагаринской (тогда — Фурманова). Пошла к заутрене в Храм, что в створе Пестеля, через Литейный. Рядом. И не вернулась. А в середине дня был найден ее труп в доме на Пестеля, на площадке перед чердаком. Перед смертью ее изнасиловали. В том же районе, в тот же день было совершено еще одно такое же преступление. Вскоре погиб и ее муж.

24. Душой, реальным *genius locus* кафедры долгое время была Светлана Рождественская. С виду мышка мышкой, она житейски мудро выстраивала баланс отношений на кафедре. Она же сыграла и хорошую, мудро покровительную роль в наших отношениях с Любой: с одной стороны — пыталась сдерживать, а с другой — радовалась за нас. К лидерству никогда не стремилась. Наоборот, всячески подчеркивала свой как бы второй план. Но нагрузку планировала именно она. Ее мы делегировали в профком, и там она тоже пришлась очень к месту.

Жаль, что она ушла с кафедры. С ее уходом кафедра как-то потерялась и по человечески рассыпалась. А уйти она была вынуждена. К лежащей матери добавилась лежащая свекровь, и она тащила этот крест более десяти лет. Она не вернулась, меня она убедила словами: «За это время все изменилось, а я отстала. Преподавать можно только если ты варишься в этой кухне, а я уже не в материале. А пересказывать чужие книжки я просто не могу. Да это и всегда видно».

25. У Рождественской был «плачущий» стиль общения. Она всегда начинала с причитаний — какие у нее проблемы с мужем и сыном. Благо — эти проблемы были всегда. То муж, которого она по ее же словам всегда держала на длинном поводке, опять ударился в загул, то сын начинал вытворять что-то несусветное. Мы посвящались во все детали. И вот все плачется, плачется, а мы все жалеем и жалеем.

Однажды я решил проверить идею Ницше насчет того, что ничто так не утешает, чем знание, что кому-то хуже, чем тебе. И в ответ не светланины причитания начал рассказывать ей о своих проблемах. На глазах успокоилась. Стала меня успокаивать.

Я даже заподозрил — а не была ли манера сознательно выбранной стратегией поведения? Очень мудрая стратегия. После этого сам стал практиковать общение в стиле упреждающих жалоб. Работает! Тебя начинают жалеть, относиться добродушней, искреннее. Только меру надо знать. Света ее знала прекрасно.

26. Из рассказов Светланы Рождественской. Как-то приехала к ней из Кандалакши уже не очень здоровая свекровь. Тогда у нее дома была еще и мать. Муж был в морях. Сын с приятелем куда-то укатил, приведя в дом огромного приятельского дога — присмотреть за собачкой. И вот три тетки ложатся спать в одной комнате, а в соседней комнате огромная псина. Тетки, наговорившись о проблемах, болячках и забо-

тах, не могут заснуть, лежат, уставившись в темноту. На кухне гулко капает вода в неисправном кране. По коридору, громко цокая когтями, проходит пес. На кухню, попить воды. Псины и кухня такие, что песику на кухне не развернуться — только войти и выйти задом, пятясь. Слышно как пес жадно лакает воду из-под крана, скребя лапами, пятится и цокает обратно по коридору. Раздается тяжкий вздох одной из бабулек - то ли по поводу псины, то ли по поводу чего-то своего: «Кошмар!» И ответ другой: «О, ужас!»

27. Одновременно со Светланой или даже чуть раньше на кафедру пришла Альвина Хачатурян. Фамилия у нее была по мужу, с которым они давно были в разводе. Сама она — хохлушка и девичья фамилия у нее была что-то вроде Терещенко. Но тетка она темпераментная, яркой внешности. Поэтому армяне ее принимали за свою. А она еще подыгрывала: «Мы, армяне...»

Вот уж кто *self made woman*! Окончила факультет культпросветработы. Была комсомольской активисткой, любимицей ректора. Он ее и в аспирантуру взял к себе, был ее научным руководителем. Защитилась она по теме «Годовой план работы клуба». Немного поработала на кафедре КПП, а потом была создана наша кафедра и она перешла к Болотникову. Читала жадно и все подряд. Тянулась вверх. Освоила деловые игры. Стала одним из наиболее активно практикующих и известных игротехников. В какой-то момент возомнила и взбрыкнула. Ушла. Тогда только начали создаваться совместные предприятия. И она соблазнилась на какую-то итало-советскую еще фирму. Некрасиво ушла. Даже с ректором не попрощалась. А он для нее и даже для сына ее сделал немало. Фирма скоро рассосалась и Альвина начала скитаться на вольных хлебах. Но не пропала. Активно практиковала. Доход обеспечила: сына подняла, квартиру купила. После сорока мужа нашла — тихого отставного офицера. Купила дачу, машину. Муж сидел на хозяйстве, а она деньги зарабатывала. Одно время прибилась в институте усовершенствования врачей, потом перебралась в Герцена. Все, что знала, собрала — издала полезную книжку, защитила докторскую. Молодчина. Но в общении резка. Светлана рассказывала, как однажды ночевала у нее на старой, еще однокомнатной квартире. Спали на одной двухместной тахте. Светка лежала, боясь пошевелиться. Утром спросила: «Как спалось, Алюлик?» И нарвалась на ответ: «Разве можно выспаться, когда в постели инородное тело!»

Альвина была слегка начетчицей, без разбору, но с большим пиететом цитировала «умные мысли», всякие слова. Любимой ее присказкой было: «Ну это полный Прокруст!» Я даже не пытался понять — что бы это значило.

28. С самого начала одним из почасовиков на кафедре была Наталья Оганесовна Кудрявцева — заядлая подруга Альвины Хачатурян и Свет-

ланы Рождественской и лидер-заводила в их дамской компании. Она научила Альвину деловым играм, ввела ее в сообщество игротехников.

Это была исключительно яркая, умная, даже мудрая женщина. Армянки обычно с возрастом быстро вянут, теряют форму. Она же с годами просто расцветала. У нее был безупречный вкус, отточенное чувство стиля. Это была дама из тех, что автомобиль подбирают под цвет перчаток. К лекциям и семинарам она готовилась тщательнейшим образом и очень помогала в этом подругам. Она прекрасно знала отечественную и зарубежную литературу, на лекциях по психологии менеджмента она читала много стихов.

Так вот. Любимая присказка этой интеллигентной от мозга до кости дамы: «Жизнь так коротка, а мы так мало ебемся!» Но это в узкой компании своих. И, пожалуй, только у нее эта фраза могла звучать уместно и нетривиально мудро.

Она была человеком потрясающего мужества. К сорока у нее обнаружился рак груди. Она надолго пережила всех, кто с нею начинал этот путь. Пережила ампутацию обеих желез. И продолжала работать и прекрасно выглядеть. Даже подруги, наверное, не знали, чего ей это стоило. Из ее же репертуара: «Подождите, только сделаю лицо» или «Надо только тронуть нежный рот помадой». Рядом с нею всегда было как-то хорошо и спокойно.

29. В «Персонале» главным инженером работал очень странный человек — Виктор Боков. Он был постарше меня, тогда уже за 50. Болтун был записной. И все его байки были о том, какой он крутой, сколько у него каких знакомых, как он работал с обкомовскими и горкомовскими, с нынешними. И всех он знает. И артистов эстрады, и ученых, и художников. Всех, о ком заходил разговор в любой компании. Ну, доставал прямо. Кроме того, он приходил на работу раньше других, и его часто заставали шарящим по чужим столам.

Когда я расплевался с Баюкиным, Боков запел мне песню о том, что вот, пропадает зазря его огромный опыт, я предложил ему перейти к нам — тем более, что тогда была очередная история с кафедральным экономистом. Я хотел убить несколько зайцев сразу. Во-первых, насолить Баюкину. Во-вторых, нам действительно был нужен экономист и хотелось иметь на кафедре человека, хоть немного, мне благодарного. И в-третьих, главное, хотелось перевоспитать Бокова. Преподавательская работа такая — ты весь на виду и отвечаешь сам за себя — либо ты есть, либо тебя нет. Поэтому либо он действительно применял свои знания и опыт, либо быстро его дурь становилась видна и он получал хороший урок. Но он оказался хитрее. Дневники его быстро невзлюбили, но сильно возлюбили заочники. Настолько, что Болотников его за это зауважал, и его даже быстро сделали ответственным за работу с заочным отделением. Я сначала думал, что симпатии заочников к Бокову обусловлены небольшим количеством часов, и он только успевал

распустить свой павлиний хвост. У дневников-то курс на порядок больше и там уже его пустозвонства не хватало. Но все оказалось проще.

Он, как холостяк, из заочников особенно любил заочниц. Взрослые тетки. Некоторые сами напрашиваются. Кроме того, он отмечал с заочниками сессии, их дни рождения и был для них почти свой. Тут его зацепить было трудно. Но — жадность фраера сгубила. Ему было поручено подготовить методичку по написанию дипломной работы для заочников. Он написал полную ахинею. Мы со Светой Перминовой переписали ее заново. Но он, стервец, отнес ее в издательский отдел под своей фамилией. Ему это простили, списав на общее бахвальство и отсутствие публикаций. Но дальше оказалось, что он эту методичку выдает студентам за деньги, а когда ему ее возвращали, то перепродавал другим. Тут уж даже до Болотникова дошло, что дело нечисто. Ему было предложено уйти самому по добру по здорову. Он еще попытался делать круглые глаза — будто «а что такого, мол, вы, ребята, разве вообще денег не берете?» Тут ему уже вмазали по серьезному, и он потом благодарил, что отпустили просто так.

В общем, мой эксперимент удался, хотя долго потом пришлось отшучиваться перед коллегами за этого Бокова.

30. Когда ВПШК захватил Запесочкий и начал переделывать ее в ГУП, оттуда к нам на кафедру перешло сразу несколько человек: Я. И. Гишинский, С. В. Перминова, Р. М. Айдинян. Об Айдиняне я слышал и раньше. Он обо мне тоже. Когда лично познакомились, то взаимная симпатия возникла сразу же. Он был медиком, ставшим философом. Кроме того, занимался теорией организации и управления, считал себя учеником Сетрова, прямого или косвенного ученика Богданова. Дополнительным поводом сближения был и общий сюжет: молодые жены, только что родившиеся дети и весьма стесненные жилищные условия — по 10 метров на троих. Он был инструктором по туризму, я турорганизатором.

С подачи его прохиндейского выпускника Юшину, работавшего в Нарва-Йэсу директором несуществующего курзала, несколько раз выезжали большой компанией в Нарва-Йэсу на этикие выездные семинары. Заодно заезжали в Пюхтицкий монастырь, Нарву и прочие замечательные места. На одном из таких семинаров я сделал доклад о российско-советском духовном опыте, давший толчок для целого ряда идей и работ.

Он был тугодум, долго обдумывавшим идеи и мысли. Любил, чтобы его называли Эразмом, считая, что армянское Размик — вариант Эрама. При всей его обстоятельности, тем более странными выглядят несколько обидных жизненных ляпов, если не очевидных глупостей. В смурное начало 90-х, поддавшись уговорам все того же Юшина (съехавшего вскоре в США), возглавил питерское отделение тартуского банка — первого иностранного банка в Питере. В банковском

деле он не понимал ровно ничего, но был свято убежден, что знание теории управления обеспечит ему успех, и безоглядно ушел из ВПШК и с преподавания вообще. Он ходил, надувая щеки до первой лицензии, одним из условий которого было высшее банковское образование руководства банка. Да и банк был игрушечно-липовый. Он оказался не у дел, и мы его взяли к себе.

Его приход и наше сближение совпали с созданием Гуманитарно-творческой Ассоциации «Живая культура», членом которой он стал. А дальше произошло необъяснимое. Ни с кем не посоветовавшись, он поддался уговорам менеджера «Живой культуры» — Владимира Жукова продать свою комнату, деньги отдать Жукову на его частный бизнес, а на получаемый доход Жуков обещал ему снимать квартиру. И снял, а через полгода исчез. Причем провернута эта операция была в те самые два года, когда продавцу жилья не требовалось подтвердить наличие жилья для последующей жизни. Именно тогда и расцвел криминал на недвижимости. И оказались Размик, Татьяна и Марина БОМ-Жами. Прописки лишились. Марину в школу взяли — в силу закона о всеобщем и обязательном среднем образовании, а они с Таней оказались не только без права голосования, но и без районной поликлиники и участкового врача. Он к тому времени стал тяжело болеть сердцем, еле добирался до работы. Нужно было делать шунтирование, но в больницу не брали, а на платную операцию не было денег. Что за всем этим было: доверчивость или самоуверенность. Скорее — общая жизненная искренность и простодушие.

Между нами наступило легкое охлаждение. Я умудрился заразиться от Маринки свинкой, которой не переболел в детстве, и, в результате получил осложнение — врачи сказали, это не опасно — только снизится половая функция. Что и произошло. Маринка — очень симпатичная и смышленная девчушка, выросла в замечательную барышню.

31. На защиту он пошел без монографии — по совокупности публикаций и с научным докладом. Компания Сержантова, Макарова и иже с ними, не желавшими поддерживать «армяшку» проголосовала против. Через год состав совета обновили, матерых антисемитов и борцов с хачиками там не оказалось, Размик опубликовал книгу своих принципов теории познания и успешно защитился.

32. У нас Размик работал почти до самой смерти. Подвела его все та же черта. Он считал, что в теории организации и менеджмента он все систематизировал. Новую литературу не читал: «Там все равно ничего нет — я уже все сказал!» На полном серьезе и в полной убежденности! А самое главное — мучил студентов на зачетах и экзаменах: «Вы назвали только 6 принципов, а я Вам давал 9!» Занудливая дотошность однажды серьезно помогла ему — в борьбе с остеохондрозом, но имеется и предел. Каждый его экзамен выливался во многочасовое сиде-

ние со слезами, истериками и жалобами студентов. Несколько раз мы с ним сидели вместе на ГЭКе и после отчаянно спорили. Я ему пытался объяснить, что есть другие авторы, что студенты, в конце концов, имеют право на свое понимание вопроса. Он это не воспринимал и продолжал требовать воспроизведение своих лекций. Студенты взвыли, отказывались сдавать ему сессии. Болотников тут же начал его грызть. Мы его отчаянно отстаивали. Но, в конце концов, не выдержал сам Айдинян: сказал Болотникову все, что о нем думает, и ушел. Работал около года в бывшем ЛИИЖТе, как раз тогда, когда там прилично платили (пока ж/д министром был Аксененко) и скончался в больнице после сердечного приступа.

За пару лет до кончины Размик успел помочь Татьяне с написанием кандидатской по социологии, что вывело ее на уровень приличного профессионального общения. Стала даже ездить по грантам, денежку зарабатывать.

33. С Ленокеанрыбфлота мы сдружились с Сашей Барсукевичем. Он там работал электриком и был комсомольским секретарем рыбокомбината. Женился он на Гале из отдела снабжения. Она была с высшим образованием, а он только с ПТУ. Парень, хоть и не образованный, не очень грамотный, но весьма начитанный и талантливый. Легко версифицировал. Сейчас стал больше прозу писать и неплохую. Влезал в латынь. И всегда к знаниям тянулся. В какой-то момент надумал он поступить к нам на менеджмент. Я ему помощь пообещал. Тем более, что в те годы сидел на приемных экзаменах.

Первый экзамен — собеседование. Саша входит, и я его не узнаю. Глаза белые, руки трясутся, двух слов связать не может. Но мы с Еременко ставим ему пятерку. Вечером звоню: «Что с тобой?» — «Как же, институт!» — «Ну и что?» — «Храм науки!» Он срезался на сочинении. И такая же история получилась через год. Саша плюнул на вуз — не судьба.

34. Мои советы как-то очень уж успешно реализуют. Саша Шпан, например, с двумя вузами. Последняя такая история была с Барсукевичами, которые жили в большой комнате в коммуналке на проспекте Стачек, а Галкина мать стояла в подходовшей очереди на квартиру. Я им и посоветовал, чтобы комнату не терять, — развестись. Что они и сделали. Так ведь, вошли во вкус и разъехались на всю оставшуюся жизнь! После этого я стал внимательнее, как-то осторожнее относиться к своим советам.

35. Когда мы со своим клубом искателей высших интересов пришли в ДК Ленсовета, тамошний инструктор Клара Плешакова («хромая Клара» — как ее до сих пор помнят в городе) показала мне брошюру на оберточной бумаге и сказала — это диссертация великого

человека, завтра он ее защищает. Это был автореферат кандидатской диссертации Дмитрия Михайловича Генкина по молодежным клубам и объединениям по моему, действительно, первая в отечестве. А в первые же дни работы во ЛГИКе мне несколько раз прозрачно намекали, что надо встретиться и выстроить отношения с завкафедрой культурно-просветительной работы — Д. М. Генкиным. Встретились, поговорили, показал я ему свою первую, заказанную Болотниковым статью по показателям. Генкин меня почему-то заподозрил в экономизме. Я как-то вяло отнесся к его замечаниям и мы дальше существовали на параллельных курсах. Главное, он понял, что я ему не опасен. И слава Богу. Потому как это был очень ревнивый человек.

Вскоре мне пришлось участвовать в предзащите его докторской диссертации — по праздникам. Было много шума, что пионерская работа. Хотя были уже работы Мазаева и других. Дело было не в теме, а в том, чтобы Генкин стал доктором и тогда в институте создавался совет по защита диссертаций по специальности «культурно-просветительная работа». И базой для этого совета становилась кафедра КПП. Генкин не был теоретиком. Его работы — наукообразные компиляции с «практическим выходом». Хотя он активно осваивал рынок праздников и прочих около культурных дел, он не был и серьезным практиком. Он был лидер, человек-ледокол, пахарь, пашущий на идущих за ним. А за ним шла не просто община, профессиональное сообщество, а целая субкультура культпросветчиков: полуобразованцев-клубников, идеологическим партийным мешком из-за угла стукнутых гуманитариев, отчаянно, пытавшихся придать своей нише respectable наукообразный вид. И это им удалось, в немалой степени благодаря Генкину. Не за многолетнюю работу на библиотечное дело, а именно за его КППистые отношения с Москвой Институт получил Орден Дружбы народов. За Генкиным пошла штамповка докторских и кандидатских диссертаций, имя которым легион. Защищались министерские, всякие нужные и полезные люди из Средней Азии и с Кавказа с винами и фруктами, из Сибири и с Дальнего Востока с икрой и рыбой... тут не один орден давать надо, а сразу три. Генкинская кафедра КПП была (вместе с почасовиками) более 50 человек — настоящий монстр. Кафедра КПП на факультете КПП! Кто при ком?

36. Как-то я выступал с сообщением о проблеме понимания на фирсовском секторе Института социально-экономических проблем. В какой-то момент ответов на вопросы я упомянул КПП (культурно-просветительную работу) и КПУ (культурно-просветительные учреждения). По окончании Борис Максимович Фирсов — умница, который все прекрасно понял, но не мог отказать себе в удовольствии постебаться, сказал: «Спасибо, все было замечательно и интересно. Одно только не понял, зачем Вы упоминали Коммунистическую партию Румынии и Коммунистическую партию Украины?»

37. Аббревиатура КПП — слово из трех букв — похоже, обречена на вечное присутствие в русском языке. Я неоднократно наткнулся на нее уже после кончины культпросвета. Особенно в военном деле. Контрольно-пропускной режим.....

Как-то я сказал Борису Рашраговичу, имея в виду кафедру КПП: «Ведь этот мыльный пузырь когда-то лопнет». Он ответил: «Конечно. Но только тогда, когда лопнет все». Мудрый Борис оказался прав.

С перестройкой, новыми условиями хозяйствования в культуре, КПП рассосалась. Предсказание Рашраговича сбылось. Надо было определяться с новыми специальностями, содержанием преподавания. Мы с Альвиной Хачатурян предложили провести институтскую поисковую деловую игру. В ней приняли участие наша кафедра, кафедра КПП, заведующие и моторные люди с других кафедр. Играли два дня. Быстрее всего определились с нами. Тут и без игры все было ясно — кого, как и для чего готовить. Определились и с другими кафедрами. Труднее всего оказалось с кафедрой КПП. Они готовили организаторов-методистов КПП. Само по себе название даже ничего. Диплом этот особенно ценился на юге: «Арганизатор, панымаешь! Нэ просто арганизатор, дорогой, — методист!» КППшники пришли на игру с заготовкой — идея специальности «педмастер досуга». Был дружный хотот. Учитывая неоднозначную ситуацию с гендером на кафедре, на каждого педмастера — пять педмастерьев? Они взяли тайм-аут на 15 минут и выдали новый вариант — инженер свободного времени. Дальше их уже гнали как зайцев: технологи досуга, мастер досуговых услуг и т. д. Откровенно издеваясь догнали до сексопатологоанатома досуга. В конечном счете, тогда остановились на педагоге досуга. Через некоторое время Ариарский придумал прикладную культурологию. По этому поводу тоже было много стеба. Сейчас они прибились к названию «кафедра социально-культурной деятельности», а готовят они, как и все — менеджеров: туризма, культурных программ и т. п.

38. Культурология — совдеповское по своим корням изобретение. Сам термин впервые был предложен Л. Уайтом в 1946 году, но не прижился. В англоязычной среде так и остались *theory of culture* и *cultural studies*. Термин «культурология» получил распространение сначала в Восточной Германии, а потом прижился в совдеповской гуманитаристике, где культурологическая проблематика пробивалась во-многом именно как философская фронда режиму, как проблемное поле, сфера интеллектуальной деятельности неангажированное официальной идеологией, искавшей вездю и во всем основной вопрос философии, классовую борьбу и противостояние двух систем. И под крышей культурологии уживались и космополитичные семиотики и методологи науки, и славянофильствующие гуманитарии. Это потом их пути резко разошлись. А тогда и Вяч. Вс. Иванов и В.Кожинов вместе публиковались в сборниках, посвященных М. М. Бахтину, и отдушиной любо-

го продвинутого гуманитария были выпуски «Трудов по знаковым системам» Ученых записок Тартусского университета, выходивших под редакцией Ю. М. Лотмана — одного из хранителей отечественной духовности и интеллектуальной культуры, который, по-моему, чуть ли не первый идентифицировал себя как культуролога.

И этих ребят гоняли как зайцев борцы за чистоту идеологических рядов, которых не подводило классовое чутье. В философии и теории культуры действительно нет «основного вопроса философии». По той простой причине, что даже «материальная» культура по определению — как культура — сопряжена с каким-то смысловым содержанием, значением и т. д. Даже если принять самое «материалистически-марксистское» понимание культуры как способа деятельности, то и тогда получается идеологический конфуз, потому что центральным моментом деятельности является цель, желаемый результат, т. е. то, чего еще нет в реальности, но то, что уже есть в мысли, в идее. А что же тогда говорить о ценностном понимании культуры или о понимании культуры как «человекотворчества», как духовного возвышения человека?

Так формировалась будущая отечественная культурология, как заповедник гуманитарного инакомыслия, идеологической фронды, чрезвычайно эклектичный по составу участников и концептуальному содержанию. Системообразующим фактором в этом интеллектуальном движении была отнюдь не единая парадигма, не единство взглядов и подходов, а скорее ключевые слова (именно слова, а не понятия — типичным примером концептуального разнобоя в одной упаковке является бахтинская идея диалога и диалогизма, персонологически-метафизическая у самого М. М. Бахтина, но понимавшаяся кем-то коммуникативно, кем-то как вопрос-ответная структура и т. д.), титульно-культовый круг авторитетных авторов etc. Культурология совершила бурную экспансию в перестроечное время. И опять-таки экспансия эта была вызвана отнюдь не внутренними дисциплинарно-культурологическими причинами, а причинами чисто внешними — с уходом из вузовских программ курсов диамата, истмата, научного коммунизма, истории КПСС, соответствующих спецкурсов, нужно было как-то оприходовать никуда не девшихся отечественных обществоведов, имя которым легион, найти название дисциплинам, которые они могли бы читать с вузовских кафедр. Тут уж, если бы даже культурологии не было, то ее следовало придумать. Дело дошло даже до «прикладной культурологии» — есть теперь даже такое в ВАКовской рубрикации, при ближайшем знакомстве оказывающееся до боли в сердце знакомой методикой культпросветработы. Как говорит один коллега, «те же яйца, только в профиль». Яйцо как не крути — все равно будет яйцом. Так и тут. Но зато — в профиль. Культурологический.

Как грибы после дождя пошли программы курсов и учебники. Сейчас на каждом книжном прилавке обязательно найдется пара учебни-

ков по культурологии. Вроде бы надо только радоваться. Культурологический бум. Но... В профиль подается лежалый товар. Один пишет про классовую культуру, другой пересказывает Л. Н. Гумилева, третий пишет о «диалоге культур», четвертый пересказывает А. Тойнби, пятый — о языках, шестой о социальной информации и коммуникации... Чаше же всего, очевидно, признавая собственное интеллектуальное бессилие, пишут и читают историю культуры, а чтоб было еще по-проще делиться радостью книжного узнавания — историю художественной культуры. Культурологией, оказывается, может быть какой угодно сектор гуманитарии. Термин утрачивает свою определенность. Свой курс, который в учебном плане называется «культурология», я упорно (и в программе, и в тематическом плане) называю «теория и философия культуры».

А слово «культурология» я обычно произношу с паузой: культурология. Студенты — не все сразу, но понимают. А есть еще прикладная культ-урология — это бывшая КПР.

39. Кафедрой массовых праздников до сих пор фактически руководит П. Это матерый человечик, закончивший в свое время военный институт физической культуры и специализировавшийся на организации массовых спортивных зрелищ: открытий, закрытий соревнований. У нас он добавил к этому культуры и получился осень востребованный в советское время продукт. Он, собственно, и был реальным практиком, обеспечивающим немалую кормушку, к которой прибились и Генкин, и ректор и многие другие — организацию массовых праздников, гремевших тогда по стране: юбилей Киева, Ташкента. Именно П. делал открытие и закрытие Олимпийских игр в Москве, Игр доброй воли в Питере уже при Собчаке. П. профессионально делал дело. Но кормились вокруг этого многие. Были большие скандалы с расследованиями растрат, финансовых злоупотреблений. Особенно громкий скандал был вокруг киевского юбилея. Всю вину на себя взял М.Щ., отсидевший 6 лет. Фактически, он прикрыл Генкина и Зазерского. Поэтому, когда он вышел на свободу, то тут же был допущен во все кабинеты. Вместе с Зазерским (точнее — под Зазерского) он создал питерский, а затем российский творческие союзы работников культуры. Кроме Питера и Москвы дело двинулось мало, но он получил офис в Москве. В Питере сделал Координационный совет всех творческих союзов, в котором стал ответственным секретарем. Из уставов этих организаций сделал докторскую диссертацию по связям с общественностью. Тема была вроде «Самоорганизации творческой интеллигенции России», а потом пробил ни больше, ни меньше — создание Академии по связям с общественностью в Питере на базе... ПТУ, но дело это как-то застопорилось, хотя все документы у него были на руках. Наверное, замахнулся на непосильное.

40. Мы с Сашей Марковым вышли из партии первыми в институте — в 1989 году. Мое заявление читали вслух. Я писал в нем, что КПСС свою историческую роль исчерпала полностью и что не считаю для себя возможным пребывать в партии, с созданием и руководством которой быть согласным никак не могу. Имелось в виду создание ползковско-зюгановской КППРФ.

Секретарь парткома (теперешний ректор) после этого стал здороваться за руку, а Эльмар Владимирович Соколов, встретившийся на главной лестнице, оглянулся и сказал: «Я, вот, тоже думаю выходить, но мне кажется, что лучше это сделать как-то всем, сразу».

41. С Еременко мы как-то вместе вышли из института и шли по наб.Кутузова. Он пожаловался: «Столько сейчас издается и публикуется интересного — не успеваю читать. Разве что наберешь всего на дачу, но и там успеваю только проглядывать». Я в ответ развил теорию что, меняется отношение к чтению: «Раньше ты читал, что интересно, а это приходилось отыскивать. Теперь же все интересно и читаешь уже то, что нужно». Он согласился. Мы прошли еще немного, и он добавил: «Но если ты знаешь, что тебе нужно, то зачем вообще читать?!» Я согласился: «Тогда уже чукча не читатель, а писатель».

42. Отдельная тема — ответы абитуриентов, студентов и аспирантов на экзаменах.

Вступительный экзамен по обществоведению (1987 год):

Качество и количество — таблица Менделеева, если элемент № 37 нагревать, станет элементом № 38.

Историческое значение XXVII съезда КПСС в том, что задач, на нем поставленных, нам хватит надолго.

— Личная собственность перестает быть личной, когда ее дарят или продают.

— ?!

— Она перестает быть собственностью.

— ?!

— Моей.

Каждая эпоха выдвигает свою более или менее гениальную личность.

— Наше время характеризуется реакцией.

— ?!

— Ритм, конечно, лучше.

Социалистическая интеграция — это сближение экономики и политики.

Революционное значение Великой Октябрьской социалистической революции заключается в том, что переход от капитализма к социализму шел не так быстро. Были недостатки.

Коммунизм — это когда вокруг нас образуется кольцо социалистических лагерей.

Главное содержание эпохи — создание новых социалистических лагерей.

До Ленина марксизм не пользовался успехом.

Функции государства — решать задачи, которые ставит ЦК, в том числе — КПСС.

Комсомол объединяет: сельских тружеников, учащихся и работников умственного труда.

Троцкий заявил в Бресте: «Русские не сдаются!»

Смена общественно-экономической формации — это смена идеологии. При буржуазной форме — капиталистические отношения, а при социалистической — общественные.

Базис — это непосредственное отношение производительных сил к теории и культуре.

Единство прав и обязанностей означает: мы учимся, а потом отрабатываем, но можем и не отрабатывать.

Госэкзамен 1989 года:

Несмотря на массовость художественной самодеятельности, имеется индивидуальное творчество.

20-е годы, как мы теперь узнали, стали годами застоя не только в нашем обществе, но и в культуре в целом.

В 60-е годы — недостаток свободы. В 80-е — недостаток культуры.

Вопрос в экзаменационном билете: «Основные критерии типологии реальной и потенциальной аудитории клуба».

Все плохо, а, в общем — ходят в клуб те, кому делать нечего.

Еще Ленин говорил.....
Даже Зазерский [ректор] говорил....

Педсистема, педсистеме, от педсистемы....
(Имелась в виду «педагогическая система».)

... Для полного удовлетворения этих... комммировозрения.

Клуб в своей работе опирается на общественное мнение. Раньше рокеры гоняли, как им вздумается, а теперь их свели на нет.

— В чем выражается партийное руководство КПУ (культурно-просветительными учреждениями)? Партийные органы обеспечивают материально-техническую базу и финансирование КПУ.

— Как? Откуда?

— Из специальных фондов. У них есть.

Средства активизации клубной аудитории?

— Внушение, заражение, ..., циркулярная реакция.

— Это что такое?

— Это когда лектор монотонно читает лекцию, то и слушатели засыпают.

— Так это скорее — заражение.

— Циркулярная реакция — это когда аудитория спит и лектор засыпает тоже.

Атеистическая пропаганда заключается в научном обосновании религиозных догм и постановке их на научную основу.

Необходимо также противопоставить семи таинствам новые советские обряды и ритуалы.

— Например?

— Крещению — регистрацию новорожденного, венчанию — свадьбу.

— А соборванию?

— .....

Оценка коллективов художественной самодеятельности:

— Берем коллектив... Смотрим его и ... оцениваем.

Госэкзамен 2006 года по менеджменту и организации — для сравнения и демонстрации, что в постсоветской России мало что изменилось:

— Развитие менеджмента началось в XX веке с публикации книг Тэйлора, где он предложил отделить планирование от работы.

— Теория и практика менеджмента развивались по этапам: сначала был научный менеджмент, потом — административный, а потом был Файоль.

— Рентабельность это прибыль за вычетом себестоимости.

— Спрос это то, что заменяет цену чем-нибудь.

— Планирование бывает прогрессивным, то есть, снизу вверх, и ретроградным — сверху вниз.

— Налоги платят отдельные люди. Граждане платят за воду...

— Вы сами-то налоги платите?

— Я налоги не плачу.

— Но зарплату-то получаете?

— Нет, потому что я оказываю отдельные платные услуги.

Менеджмент в сфере культуры

— В чем специфика менеджмента в сфере культуры?

— Ну, он, как бы, наиболее культурный!

— По сравнению с чем?

— Ну, как бы... по сравнению, ну... с менеджментом!

— Сегментирование рынка делается по 4 признакам потребителей: демографическому, психографическому, территориальному и поведенческому.

— Уровень доходов к какому из этих признаков относится?

— Конечно — психографическому.

Public Relations

— Так, Вам вопрос: «PR в чрезвычайной ситуации».

— Ну, ежели что случится — взорвется там, отравится кто нашей продукцией, типа аварии... — то надо чтобы директор позвал журналистов...

— Зачем? Они и так его уже разыскивают, все телефоны оборвали!

— А чтобы увидели, что он абсолютно спокоен, не впал в панику и ни капельки не волнуется...

— Мониторинг — это когда нанимают людей делать всевозможные вырезки из газет.

Культурология

— Ваш вопрос «Культура и бизнес».

— Это Вы на что намекаете?

— Как соотносятся культура и бизнес.

— Фу ты! Я уж подумала!...А Вы про это ... электронный бизнес — e-business!

— Да при чем здесь электронная коммерция! В каких отношениях находятся культура и бизнес?

— В хороших. Должны любить друг друга, заботиться...

Логика

— Попробуйте опровергнуть тезис «Знание логики полезно для менеджера».

— Это просто. Логика учит что-то доказывать, рассуждать. А у менеджера на это времени нету.

43. Однажды я оказался на выпускном госэкзамене по научному коммунизму. И наслушался:

Противоречия развитого социализма: гнет царского самодержавия и сессии Советов два раза в год.

Особенности классовой борьбы пролетариата капиталистических стран: происхождение развития благодаря существованию мировой социалистической системы.

Студент Мацукатов. Вытянул билет с вопросом «Ленинская работа “Три источника и три составные части марксизма” и ее историческое значение». Отвечает:

— «Ой, блядь!» Историческое значение этой работы — Ленин сбил все народности в одну. Ну, во-первых, в частности и вообще — во-первых.....

44. Из ответа аспирантки С. С. Гусеву на сдаче кандидатского минимума по философии:

— Метафизика — это вроде физики абсолютно черного или абсолютно твердого тела.

45. Была одна студентка из сильно продвинутых комсомолок-карьеристок. За словом в карман никогда не лезла. На парткоме при приеме в партию ректор у нее спросил:

— Вы где живете?

— В общежитии.

— Ну и как там с политическим воспитанием студентов?

— Не очень. [Уловила, ведь, что от нее чего-то хотят. Доноса какого-нибудь.]

— А в чем это выражается?

— Ну, когда начинается программа «Время», некоторые студенты переключают телевизор на другие программы.

Весь шарм ситуации заключался в том, что тогда программа «Время» шла по всем телеканалам. Разве что по утюгу ее не показывали. Девушка была членом комитета комсомола, зубрилкой и заядлой доносчицей. И вот она на госэкзамене по КПР (культурно-просветительной работе). Вопрос у нее — «Документы партии о роли и значении КПР».

— Вопросы о роли и значении КПР впервые были подняты еще в V веке д. н. э. Платоном, развиты В. И. Лениным и Н. К. Крупской, обсуждены на XXIV съезде КПСС и окончательно решены на XXVI-ом.

— ?!

— А что — нам Ариарский так говорил!

46. Прихожу на первое занятие по спецкурсу «Эффективность управления в сфере культуры». Начинаю с вопроса — чем эффективность отличается от эффекта? Одна девушка, с бледным усталым лицом, синими кругами под глазами:

— Ну, Григорий Львович, это же просто. Эффект — это когда сразу и хорошо. А эффективность — когда потихоньку, медленно, но тоже хорошо.

47. Молодой преподаватель с кафедры философии рассказывал историю. Одна девушка никак не могла сдать ему зачет по атеизму. И раз, и два, и три — все никак. Наконец, она с подружкой ловит его в очередной раз. Он попросил их найти свободную аудиторию, а он пока закончит дела на кафедре. Через некоторое время появляется подружка — мол нашли аудиторию. Они поднимаются наверх, где тогда были маленькие — в четыре-пять столов аудитории. Подружка остается в коридоре. Он заходит. Девушка в сафари сидит за столом у окна. Перед ней на столе раскрыта зачетка. Он садится напротив, собирается задать вопрос. Та распахивает сафари. Под сафари на ней ничего нет. У него включился «компьютер»: подружка за дверь это группа захвата, игра проиграна. Он молча заполнил зачетку и вышел.

Что игра проиграна — понятно. Но я бы в отместку поиздевался — хоть бы титьки потербил зачеткой.

48. Почасовиком у нас работал известный «классик» советской социальной психологии — Б. Д. Парыгин. Он заведовал кафедрой социальной психологии в Герцена. Потому почему-то ушел с заведования на заведование сектором в ИСЭПе и подрабатывал у нас. В это время у Гусевых жила племянница из Баку — Наташа Брайер. И поступила учиться к нам. Как-то после то ли занятия, то ли зачета она разговорилась с Парыгиным, вышли вместе, и тот предложил ее подвезти. А Наташе надо было ехать к Гусевым на дачу в Рощино. Профессор предложил подвести студентку в Рощино (!). Поехали. Где-то за

Белоостровом профессор свернул в лес, достал бутылку коньяка и стал жаловаться на духовное одиночество. Предложил скрасить его в виде незамысловатой телесной практики. Приступил к активным действиям. Наталья запротестовала. Со злости он заехал подальше в лес и, высадив ее, укатил.

49. Меня часто спрашивают — как, мол, нынешние студенты? Я отвечаю, что они с каждым годом становятся все лучше и с ними все интереснее. Без тараканов в голове. Циничнее — зато знают, чего хотят. Лучше знают английский — эстрада и Интернет делают свое дело. Особенно умненькие на факультете музееведения. Знают, что их никто особенно не ждет, и учатся за идею. Кроме того, им много и хорошо дают иностранные языки — кусок хлеба обеспечен всяко. Социологи поамбициознее. Бестолочи и блатники остались, пожалуй, только на «прикладной культ-урологии». Там и конкурс высокий потому как — по остаточному принципу — поступать больше некуда. Сноб Гусев не смог с нашими менеджерами долго работать — метать бисер... А мне с ними интересно. Главное, они все разные.

50. На курс по логике вдруг отломились лишние 40 часов. И я их отвел под практикум. Каждый студент выдвигал собственный тезис — любой, по собственному выбору, только согласовывал и уточнял со мной сам тезис и общую стратегию его доказательств. А потом каждый получал по 20 минут для аргументирования в пользу этого тезиса. Остальные спрашивали и пытались опровергнуть. Этот выпуск до сих пор вспоминает, что это было самое интересное за все время обучения. Один парень — сам охотник — выдвинул тезис «Охота — гуманное занятие» и почти убедил всех. А одна бледная и очень тихая девушка предложила тезис «Смерть всегда уместна». Я ее спросил: «Торнтон Уайлдера читалась?» Она согласно кивнула. Аргументировала она блестяще. Потом выяснилось, что тогда ей поставили безнадежный диагноз. Но она все-таки выкарабкалась.

51. На том же курсе училась такая Галя Пасенова. Пришла сразу после школы и была прямо пионерка-пионеркой. Или точнее — герлскаут. Везде первая и все буквально понимала. Я даже за нее боялся. И очень даже ничего пошла по жизни. Быстро устроилась в издательский дом, быстро возглавила там рекламную службу. Я ей давал несколько рекомендаций на грантовые поездки.

На том же потоке учился Леша Макеев, за которого было страшно по другому. Он был хулиганистый и отвязной. Курсе на третьем потерял отца — того убили у него на глазах. Отец ввязался защищать на рынке человека, которого зверски избивали. Но Леша после окончания нашего курса, закончил еще и курс политической психологии в университете, создал свое пиар-агентство.

52. В Менеджер-центре, т. е. на платной основе три года учился один молодой человек. Я даже фамилию его запомнил — Бормотин. Мама у него была крупный чин в МВД или юруправлении. А он — полный раздолбай, и при этом — фанатик «Зенита». Не пропускал ни одного матча, в том числе — на выезде. Речь его была проста, и отбором лексики он себя не утруждал — даже в присутствии девушек и преподавателей. В поведении он был тоже прост и естественен. Как-то на моей лекции он поставил перед собой банку пива и достал что-то завернутое в газетку. Я спросил — не рыбка ли это? И угадал. Он явно собирался приступить и предложил мне — не хотите ли? — то я пожаловался, что вот — приходится лекцию читать, студенты, как-никак собрались, он согласился и убрал пиво и рыбу. Учился он плохо. Мне тоже с первого раза ничего не сдавал, но мы с ним ладили. И когда его отчислили, мне некоторое время чего-то не хватало.

53. На дневном учился парень с подозрительно блестящими глазами. Когда дело дошло до практической работы, он подошел ко мне и спросил — можно ли будет сделать ее «от себя». Я ответил, что только так и надо. Он принес мне несколько страниц с обоснованием создания некоего общества. На титуле красовалась свастика. Он пыливо смотрел на меня, но я молча взял работу. Дома посмотрел. В работе было много управленческих терминов, но в конце концов все обоснование сводилось к необходимости определить неверного члена общества и устроить его публично-показательное коллективное избиение — для острастки и сплочения остальных. В следующий раз он меня спросил — ну как? Я ответил, что публичная защита покажет. Он смутился, не ожидал такого поворота, спросил, а можно ли обойтись без защиты. Я ответил, что нет. Когда дошло дело до защиты, я выдал им работы. Парень этот защищался ближе к концу пары. Вышел к кафедре, посмотрел на меня, и, поняв, что все всерьез, побледнев, зачитал свой текст. Ребята его долбали серьезно, спокойно и по делу. Он некоторое время держался, а когда ему нечем оказалось крыть замечания старосты Ксении Грюнберг, он сорвался: «А таких как ты мы будем мочить в первую очередь!» И всем стала ясной — и ему тоже — его глупость.

После этого он и его приятель меня зауважали. Мы с ними часто говорили на разные темы, больше — по жизни. Он и в самом деле оказался причастным к нацистской группировке, но после той защиты от них отошел, устроился работать, а он был сильно продвинут по части компьютеров и Интернета.

54. Один из лучших выпусков был 1983 года. Тамара Дмитриева, Барашковы, узбечка, которая сейчас возглавляет кафедру в ташкентском институте культуры... Но для меня самые яркие фигуры — Наташа Риккинен и Женя Зайцев. Женька еще до армии в клубе крутился, в армии около этого дела постоянно был. К нам поступил с четкой

целью — он себя готовил к работе директором Дома культуры на Шпицбергене, советской фактории на норвежском архипелаге. И готовил серьезно. Наташа тоже была не девочка-припевочка, а перешерстила весь Питер — от Эрмитажа до клубов самодеятельной песни. В общем, оба — клубники. От мозга до кости. По окончании они взяли Дом культуры в Глажево, под Киришами. Он директором, она худруком. Она ушла через год — уехала за мужем в Североморск. Он ушел через полтора года. Сначала инженером по технике безопасности в совхоз, потом строил дачные домики. Когда приезжал в Питер, часами сидел с Тamarой Дмитриевой, она тогда была директором институтского студенческого клуба — обсуждали ее дела. Глаза — как у побитой собаки. Спрашиваю: «Вернешься в клуб?» Отвечает: «Нет! Даже под дулом пистолета! Ни за что!» — «А что так?» Он ответил словами, которые я до сих пор привожу на занятиях: «Много сделаешь — никто не похвалит. Никому это не нужно. Мало сделаешь — никто ругать не будет. Никому это не нужно. Нужно делать то, что этим ребятам нужно. (Показал пальцем вверх.) А мне это не интересно и шестерить не хочу». Но в начале 90-х он открыл в Питере один из первых молодежных клубов. Мне это было особенно — не то что приятно, а как-то тепло: не зря новые условия-то придумали!

А Наталья командует в Североморском Доме культуры. После развода с мужем одна подняла сына. Не поехала за родственниками в Финляндию (она ингерманландка). Матерый человечище.

55. Менеджер-центр заканчивала девушка — Яна Рудакова. Выросла она в детдоме, жила одна. Тихая такая. Дошла до диплома. Принимает работу явно где-то раздобытую или купленную, но очевидно, что она к ней никакого отношения не имеет и плохо понимает вообще, что там написано. Я был ее научным руководителем и предложил ей пожалеть: защиту перенести на год, но госэкзамен разрешить сдать. Она сначала очень расстроилась, но за год на базе питерского ЗакСа написала блестящую работу. Писала сама, бегала с черновиками. Самой понравилось. И надо было видеть, как она радовалась, когда объявили, что ее работа не просто оценена на отлично, но и особо отмечена как глубокая и имеющая практическое и теоретическое значение.

56. До 1990-х существовала кафедра гражданской обороны. Потом ее переименовали в «Обеспечение жизнедеятельности». Там всегда работали, за редким исключением, какие-то странные люди из отставников, особистов и т. п. Вот фразы из одной лекции по ГО:

— Испытания Чернобыля показали, что грунт снижает радиацию.

— Мы не хотим, но видим...

— Ваша кафедра должна рыть в Летнем саду щель № 6.

Однажды куратор нашей кафедры по ГО, некий Бороков, пришел нас экзаменовывать. Ну, и сначала решил прочитать установочную лек-

цию. Было это в 1984 году, когда была заваруха с установкой ракет средней дальности в Центральной Европе. Он и начал: «Подлетное время ракеты, установленной в Голландии — 10-12 минут, установленной в Германии — 7-8 минут. Эвакуация начнется за 6 дней...». Увидев, что мы всей кафедрой сползаем под столы, давясь от смеха, он обиделся, вскочил и убежал. Мы вышли в коридор перевести дух, и к нам подошел заведующий кафедрой ГО Игорь Павлович Новиков (полковник в отставке медицинской службы и очень достойный человек): «Что Вы с моим Бориковым сделали? Он же на вашу кафедру докладную строит». Мы рассказали. — «Вы, уж, с ним поострожнее — он, ведь, бедняга, у нас единственный, кто это всерьез принимает».

57. На соседней кафедре библиографии работали преимущественно весьма пожилые интеллигентные бабульки — этикие божьи одуванчики. Их тоже пришли инструктировать по ГО. Куратор спросил — готовились ли они, тренировались ли в надевании противогазов. Одуванчики дружно кивали седыми головками. Тот вдруг натужился, покраснел и как заорет: «Га-а-зы!!!» Старушки удивленно посмотрели на него, друг на друга, недоуменно плечиками пожали, и, как приличные дамы, сделали вид, что ничего не произошло — мало ли, что с человеком, может, его газы мучают. Тот натужился еще больше: «Вы что, не поняли? Я же вам дал команду! Газовая атака! Вы должны моментально одеть противогазы! Давайте еще раз. Я сейчас выйду. Вы отдохните. А потом еще раз потренируемся». Он вышел. Бабульки расслабились. Начали разговоры о своем. О ГО уже и забыли. И вдруг дверь распахивается и влетает с выпучными глазами куратор: «Га-а-а-зы!» Старушки со страху чуть не попадали, стали за сердце хвататься. Так и не получился тренинг.

58. Для принятия решения менеджеру всегда необходима адекватная информация. Даже если учредителю, налоговой инспекции рисуется «липа», то на фирме все равно ведется двойная бухгалтерия — руководству надо знать, а что НА САМОМ ДЕЛЕ. Одна наша студентка-заочница на предзащиту представила диплом по маркетингу. Она работала в отделе маркетинга «Арнаута» — одного из питерских хлебозаводов (у метро «Чернышевская»). Работа была приличная. В ней даже говорилось о доле «Арнаута» на питерском рынке хлебобулочных изделий. Официальных данных о состоянии этого рынка тогда не было. Вряд ли есть и теперь. Я ее спрашиваю — откуда данные о доле рынка. Молчит. Как будто не слышала, продолжает о чем-то своем. Я опять спрашиваю. Она: «А Вы никому не скажете? Только не говорите нашему руководству!» — «Ну, мне с ними в ближайшее время не встречаться». — «Дело в том, что мы с руководителями маркетинговых служб остальных хлебных фирм встречались в тайне от руководства, чтобы обменяться данными об объемах продаж. Нам всем надо было

понять точный объем рынка». — «Ну и как? Надули друг друга?». — «Нет. Во-первых, мы договаривались не врать. А во-вторых, нам всем, действительно нужны были более-менее точные цифры. Чтобы решения принять правильные. Правда, каждому — свои».

59. Один из моих студентов, незадолго до окончания вуза открыл с друзьями магазин в небольшом городке на севере Карелии. Магазин был отнюдь не первым и не единственным в городке. Поэтому завоевание позиций на местном рынке потребовало соответствующей ценовой маркетинговой стратегии: ориентации на более низкие цены, чем у конкурентов и на доход с оборота. Реализация такой стратегии, помимо прочего, предполагала и завоевание позитивной репутации, привлечение внимания жителей поселка к новому магазину. Проблема оказалась решенной несколько неожиданным, но изящным и очевидным для местных условий образом. В городке не была налажена работа по сбору бытового мусора: баки есть, но не отремонтированы (нет средств) и люди часами при любой погоде вынуждены с пакетами ожидать спецмашину. По согласованию с мэрией магазином была реализована программа, включившая ремонт и покраску баков, приобретение пластмассовых ведер для мусора, которые были разнесены по квартирам в качестве подарков. Поскольку реализация программы совпала с переборами мэра, то на ведра и баки, помимо символики фирмы, было нанесено упоминание «При поддержке мэра». В результате этой провинциальной и немного комичной PR-акции магазин приобрел популярность, мэр был избран на новый срок, жители избавились от мусора, а выпускник подготовил на этом материале хорошую дипломную работу.

60. Во времена перестройки в ЛГИКе на одной только кафедре истории работали Л. Б. Нарусова, Н. Н. Каретникова, А. Марголис. Нарусова оказалась женой Собчака. Мужа ее подруги Каретниковой — Вл. Петровича Яковлева, после ухода с ректорства в театральном быстро сделали председателем городского комитета по культуре. А еще одна подруга Нарусовой — Элеонора Филиппова с тихой должности помощника проректора по науке стала сначала чиновницей в горисполкоме, затем — заместителем председателя того же комитета, а потом — директором Гатчинского музея-заповедника. Каждый такой сюжет — отдельная история.

Но я с тех пор говорил, что если в этой стране что-то происходит, то начинается оно в Питере, а если в Питере откуда-то ветер дует, то несет из института культуры.

61. Одна история с Сергеем Басовым чего стоит... Он окончил библиотечный факультет. Аспирантом был по нашей кафедре. Научным руководителем был Болотников. Потом работал на родной ему кафед-

ре библиотековедения. Из рабочей семьи, где звезд с неба не хватало и всегда глубоко и вдумчиво пили. И Сергей такой невзрачный, с мятым пролетарским лицом, сутулый и заикастый. На первых демократических выборах в Ленсовет (1990 года) пришел на собрание избирателей и выдвинул сам себя. На удивление — победил на выборах. Записался в комиссию по культуре. Стал заместителем у Глеба Лебедева, а когда тот вынужден был уйти из публичной политики, стал председателем комиссии. Его заместителем почти весь срок был Леонид Петрович Романков, председатель следующих созывов. Сергей пообтерся — а работать он, к его чести, умеет, и работал он серьезно, с явными видами на будущее. Вдрызг разругался с ректором Зазерским — некоторые решения проводил вопреки просьбам ректора. Обратного дороги в институт ему уже не было. А Сергей поездил по загранице, серьезно влез в проблемы, оказался что называется «в материале». И на вторые выборы не пошел, потому как предложили ему должность заместителя председателя комитета по культуре. Набрался опыта и контактов и там, подучил язык, а потом ушел на долларовую зарплату директором нового питерского офиса Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Реальный self made man. Интеллигент в первом поколении. Мартин Иден.

62. Некоторое время заведующим студенческим клубом работал Яков Верников. Потом он исчез — говорили, что в Америке. А спустя несколько лет я столкнулся с ним в Комитете по культуре. Он действительно был в Штатах и теперь они на пару с Подражанским оттяпали очень приличное здание на Фонтанке со двором, где создают одновременно театр и бизнес-центр. Я тогда впервые увидел лаптоп (ноутбук с телефоном), который он держал перед собой. Очень это выглядело rispetабельно. Он приглашал зайти. Я пришел. Он мне все показал. Сидим разговариваем. Влетает Подражанский: «Яшка, где телефон?» — «Не знаю». — «Сегодня моя очередь с ним ходить!»

Потом Яша опять исчез. Говорили — скрывается от долгов в Израиле. Особняк осваивает кто-то другой.

63. Был у нас в институте аспирант из Мадагаскара. Была у него языковая проблема. «Какой трудный русский язык, — говорил он. — Одно и то же слово имеет столько значений! Например: здание, собрание, ограждение, замок, расстройство кишечника... И все это одно слово — забор!» После окончания аспирантуры наши аспиранты провожали — сидели где-то, пили, жалели его. Как-никак — возвращаться ему на Мадагаскар, а там Рацирака строит социализм. Он тоже жалел себя. Даже плакал. Его провожали до общежития. И уже расцеловавшись со всей компанией, стоя на ступеньках, взявшись за дверную ручку, он обернулся и сказал: «Какие вы все все-таки замечательные ребята! Если бы вы только знали — как вы сами плохо живете!» И ушел.

64. Одна из моих студенток написала замечательный диплом по

фандрейзингу. Еще в качестве курсовой работы у нее была организация зарубежных гастролей коллектива духовного пения «Певческий мост». Гастроль была что-то около месяца. И за время недельного пребывания в Италии был организован прием у Папы. Они пели для Папы, о чем свидетельство — фотографии и видеосъемка. На прием в Ватикане записываются на годы вперед, а тут вопрос был решен в считанные дни. Дипломной работой стала программа реализации проекта рок-оперы, написанной ее мужем по роману Стивена Кинга «Мертвая зона». Причем либретто к этой рок-опере писал сам С. Кинг. Это пример не только торжества возможностей информационных технологий.

Валентина, с виду тихая девушка — человек чудовищного жизненного напора. Как танк. Или кабан, несущийся сквозь заросли камыша. Ничто не остановит.

К диплому у нее уже было четверо детей. Двое от первого мужа, погибшего в армии. И двое от второго — того самого рок-композитора. Если Валентина что-то делает, то по крупному и всерьез. Композитор — не добытчик, перебивался ведением музыкальных детских кружков. И одно время Валентина не пускала мужа в дом, если он не покажет в глазок хотя бы 150 рублей. Такой фандрейзинг.

65. В 2005 году впервые столкнулся с ошарашившими меня фактами. Когда читаю лекцию, всегда проверяю контакт с аудиторией. Шуткой, цитатой, ссылкой на известных персонажей. Один из таких персонажей — Остап Сулейман Берга-Мария Бендер-бей Задунайский. Ильф и Петров вообще звучат в нынешней России феерически. Голубой воришка Альхен. А «отец русской демократии, бывший депутат Государственной Думы»?!

И вдруг, на одной из поточных лекций не обнаружилось никакой реакции при упоминании. Переспрашиваю: «Остап Бендер». — «!?» — «Ильф и Петров?» — Та же недоуменная реакция. — «Двенадцать стульев?» — «?!» — «Золотой теленок?» — «?!» — «Кто-нибудь читал?» — Никто. — «И фильмы, что ли, не смотрели?» — Нет, никто не смотрел». Более 30 человек.

Зато почти все смотрели и читали «Ночной дозор», читали или слышали о Коэльо. Эпохи уходят пластами культуры. С поколениями.

66. Дальше — больше. В теме кризисное нововведение в качестве примеров провокаций, оборачивающихся против манипуляторов, упоминаю о корниловском мятеже и о «путче» 1991. Это еще и пример обидных повторов в российской истории. Совпадения до времени года, до месяца.

Поскольку ссылаюсь я на дневниковые записи 1917 года Зинаиды Гиппиус (которая тогда была в курсе всего происходящего в Питере, поскольку в 1917 они с Мережковским жили на углу Сергиевской и Потемкинской, дружили домами с Керенским и Савинковым, который

работал помощником премьера Временного Правительства) и на воспоминания Савинкова, то начинаю обычно с шутейного теста. Так и в этот раз (заочники факультета музыкальной эстрады) спрашиваю? «Кто такая Зинаида Гиппиус — знаете?» — Недоуменно топорщатся. Обычно два-три человека удивленно кивают — конечно, мол, и что дальше? Дальше я обычно перефразирую анекдот: «И мужа ейного — Дмитрия Гиппиуса — тоже знаете?» — Шутку ценят — хотя бы те же несколько. Дальше я раскрываю смысл юмора и перехожу к делу.

А тут — впервые слышат о Гиппиус. Спрашиваю о Мережковском — то же самое. «А кто это?» Ну, думаю, Савинкова точно не знают, а уж Керенского-то? Спрашиваю, полный облом. И это III курс заочного. То есть, довольно взрослые люди. Впервые столкнулся с таким. Пришел домой. Решился спросить у сына — первокурсника ЛИТМО, только что окончившего лицей. Результат оказался тот же. Позвонил дочери — шестикласснице классической гимназии — она была на первой смене в летнем лагере. Она знала только Керенского, «которого штурмовали большевики», и что-то вспомнила о Гиппиус (вроде бы писала стихи). Попросил ее опросить подруг. На следующий день выяснилось, что в ее отряде никто ничего не знал ни о Гиппиус, ни о Мережковском, ни о Керенском, ни, тем более, о Савинкове. В старшем отряде две девочки сказали, что Зинаида Гиппиус это, вроде бы, партизанка, которую немцы повесили. Спутали с Зоей Космодемьянской. На втором курсе заочного отделения музыкальной эстрады оказалось, что никто из студентов никогда не слышал ничего о З. И. Гиппиус и Д. М. Мережковском. Копнул — никто не знал, кто такой А. Ф. Керенский, и впервые от меня узнали о корниловском заговоре!

За год до этого на поточной лекции студенты разинули рты, впервые узнав от меня, что есть газеты, которые выходят ежедневно! Брошенные и оболваненные поколения, не знающие своей истории и не понимающие реальность.

67. Звонит завкафедрой. Какая-то непонятка с одним дипломником, который пишет работу у В. Бареева — нашего совместителя — практикующего политехнолога. Надо встретиться с парнем, выяснить, в чем дело. Звоню Виктору — что там такое. Тот чуть не криком кричит. Мол, возится с ним, как ни с кем никогда. Дал ему материала на два диплома, объяснил, что надо сделать. Дипломник кивает головой, уходит и ... ничего не делает.

Встретился с парнем. Вроде вменяемый. Явно не идиот. Сдавал какие-то тесты по японскому языку. Притащил пачку текстов, скачанных с сети. Все обсудили. Структуру. Что будет вынесено на защиту в качестве самостоятельной разработки: пусть это будет некая методичка по написанию предвыборных текстов. Покивал головой, ушел. Доложил заведующему — тот думал, что, мало ли, научный руководитель недорабатывает.

Потом, слышал, парень этот все никак не мог пройти предзащиту. Я еще раз встречался по просьбе завкафедрой с этим горе-дипломником, и с тем же результатом: все ясно, но — без результата. Дело пахло недопуском к защите. За неделю до защит дипломных работ заведующий предложил встретиться еще раз, втроем. Но сначала, чтобы я с ним разобрался. Встречаемся. «В чем дело? Все ясно?» — «Все». — «Где собственно проект?» — «??!!» — «Методичка, о которой говорили. Алгоритм написания текстов». — «Ну, вот у меня тексты Кривоносова, Ваши, вот еще...». — «Это понятно, но где Ваш текст? С учетом и на основе этих, но сделанный Вами алгоритм». — «Как это? Это что — я должен сам написать?» И до меня дошло. Парень просто не мог представить себе, что от него требуется. Он привык брать. Готовое. В сети. Что там все есть. Курсовые, дипломы. А чтобы самому сесть за компьютер и написать...? У него это просто в голве не укладывалось.

Решили допустить, поставить тройку, выпихнуть и забыть как кошмарный сон. Но таких все больше — у которых только дигитальные навыки. Борьба с ними? В ГУПе принимают курсовые и дипломные работы только написанные от руки. Идиотизм полный. Самостоятельности не гарантирует никакой. Садомазохистский комплекс: тем — переписывать текст, взятый из сети, а преподавателям — читать, продираясь сквозь почерк. Знание электронных ресурсов — один из компонентов современного профессионализма. Это же хорошо, если человек знает, где он может взять необходимую информацию. Другое дело, как это использовать. Я прошу готовить реферативную часть с сопоставлением — чтобы не только скачивали, но и сравнивали, обобщали. А один преподаватель в Невском институте языка и культуры ставит зачет только после самостоятельной публикации материала студента в Икпедии. А там проверяют на плагиат. Зато какие гордые ходят студенты! Их материал висит в Сети!

68. С Володей Евлановым из-за этих дипломов недавно мистическая история вышла. У меня писала дипломную работу Шафигуллина — девушка серьезная, взрослая, самостоятельная. Она с Чукотки и работа было о фестивале традиционных искусств на Чукотке. Нужен был внешний отзыв, а ее чукотские коллеги куда-то отъехали и с отзывом возникла проблема. Я попросил Евланова написать отзыв. Тот согласился и я их свел.

Утром в день защиты звонит Шафигуллина — вся в истерике: «Евланов украл мой диплом!» — «Как так?» — «А так! Я ему дала распечатку. Договорились сегодня встретиться у метро, чтобы он отдал работу и отзыв. Я приехала, а его нет. Звоню, а он говорит, что у метро к нему подошел мой приятель, которому он все и отдал. Он врет! Я никого не посылала! А распечатка у меня одна». — «Ну, так сделайте еще». — «Не могу. У меня компьютера нет. Я работала в сети. Диплом выложен на моем адресе. Под рукой компьютера с выходом в сеть нет,

а защита через два часа! Зачем он врет и стырил диплом?!» — «Да на кой ему твой диплом?» — «Не знаю. Но он врет!».

Звоню Володе. Тот сам в удивлении. Он приехал вовремя. К нему подошел парень, с виду тот, с которым была Шафигуллина, когда они встречались накануне. Спросил, с собой ли у него диплом? Евланов сказал, что да, и отдал ему диплом с отзывом. А девушка прорезалась через полчаса. Она опоздала на 20 минут. Поудивлялись истории. В общем, договорились, что он подъедет к защите. Привезет отзыв и подтвердит, в случае чего, что работа была. И я свой отзыв научного руководителя продублирую. Приезжаю. Нахожу Шафигуллину в полном счастье. Позвонил незнакомец. Сказал, что диплом у него, и привез его в университет. Спасло ситуацию то, что на обороте Шафигуллина написала Володе номер своего мобильного. Тот человек должен был встретиться с незнакомым ему деятелем, который должен был быть с дипломом. Он подошел к Евланову — чем-то тот совпал по имиджу — и дальше пошло-поехало. Шафигуллина свою пятерку получила. А над Евлановым с тех пор подшучиваем — знаем, мол, о твоих доходах: у метро с дипломами стоишь!

69. Как-то пригласили меня на конференцию, организованную Российским Союзом промышленников и предпринимателей совместно с Министерством образования. Я поехал в Москву не столько из-за Президент-отеля, сколько потому как в конференции должен был выступать с докладом министр образования и науки — Фурсенко. Хотелось своими глазами увидеть и своими ушами услышать «первоисточник» российской образовательной «реформы». Лучше бы не ездил. Растерянный и обиженный министр. Растерянный, потому как никак не может понять, что и как делать. А обиженный — на всех. На вузы и преподавателей, которые задают непростые вопросы. На бизнес, который упорно не отвечает на его призывы и вопросы.

Среднее специальное образование рухнуло давно. Его выпускников надо учить заново. Так же как и выпускников вузов, которых учат не тому, не так и не тех. Ясно, что высшее образование сейчас — просто путевка в жизнь. Но бакалавры работодателям не нужны. Им нужны специалисты. Но не те, которых штампуют отраслевые вузы», а штучные. Бизнес готов их — штучных — доучивать. А бакалавриат — дело государства, которое никак не хочет брать на себя социальную ответственность.

Эти ребята знают, зачем им люди у трубы. Понимают, зачем им люди с ружьем — чтобы трубу и их охранять. А вот зачем в этой стране остальные, и что с ними делать — они искренне не понимают. Ну разве что подкинуть им немного «на драку-собаку».

70. Завкафедрой все время теребил выпускников на защитах дипломных работ — какой от ваших предложений эффект, какую они

дадут прибыль. И однажды нарвался. Очень обстоятельная и самостоятельная заочница блестяще защищала работу по маркетингу коммерческого... наркологического центра. Рост доходов центра за последний год зашкалил за 200 %. А ее проект (она работала там замдиректора по маркетингу), включавший увеличение загрузки центра VIP-услугами, предполагал рост доходов в 20 раз! И убедительный был проект. Услуги включали свежие газеты, сувенирные кружки... Завкафедрой притих. Интересно, есть замдиректора по маркетингу в крематориях?

XII. За Любовь надо отвечать (Младшая семья)

1. И седина в бороду, и бес в ребро, и идея ответственности. Почему мне потребовалась сопричастность судьбе этой, с очевидностью, умной и оказавшейся неожиданно очень близкой моему складу сознания девушке?

2. Всем меня Люба привлекала. И тем, что могла усилием воли вызывать нужный автобус или троллейбус — вот так: до горизонта нет транспорта, улица пустая, и вдруг откуда-то подходит — того номера, который ждем. Особенно тем, что я тогда связал с принципом недеяния, увэй. Совершенномудрый управляет Поднебесной, не вмешиваясь в ход вещей. Я всегда безуспешно стремился к этому. Гусев даже прозвал меня Штольцем за активизм. Любовь же обладала этим качеством в совершенстве. И дела как-то делались. Как мне тогда казалось, сами по себе. Только со временем я заметил, что не сами по себе, а их вынужден делать никто иной, как я, иначе они просто не делались.

Люди делятся на два основных типа: те, которые создают другим проблемы, и те, которые эти проблемы решают.

Может, именно в этом и заключаются так называемые «организаторские способности». А организатор Люба хороший.

3. С самого начала нашего знакомства с Любой я заочно глубоко симпатизировал ее матери. Философиня. Закончила питерский философский факультет. Сама поднимала дочку и смогла защитить кандидатскую. Продралась в Питер через Пермь. Работала в социологической лаборатории Академии гражданской авиации. Прописка у них была гатчинская, в Питере они снимали квартиру. Self-made-woman — да и только! Смущало практическое отсутствие у нее публикаций и проблемы с написанием отчетов об исследованиях в лаборатории. Юра Шилков, тогда заведовавший кафедрой философии в АГА, узнав о моих отношениях — а он знал их обеих, покачал головой и сказал: «Учти, что эти дочь и мать — две большие разницы». На работе у О.М. были не простые отношения. Я еще удивлялся, потому как работа для нее была священной коровой. Дома, вокруг трава не расти — она сегодня (вариант — завтра, послезавтра) на работе! Первый диссонанс с героическим имиджем возник, когда я увидел кухню на их квартире. Вернее, не саму кухню, а состоящие посуду. Я попытался навести поря-док, что, по словам Любы вызвало мамино недовольство.

Рождение внука почти совпало с выходом на пенсию. О продолжении работы разговора не было. И мне было очень интересно — что же она будет делать. Обычно, выйдя на пенсию, человек долгое время дела-

ет или пытается делать то, к чему привык — по инерции, неосознанно. То, что произошло, просто поразило меня. С утра до вечера она читала газеты. От корки до корки. До этого я у нее газеты в руках не видал. Значит, именно это она и делала на работе.

Особой экзистенциальной проблемой Ольги Михайловны оказалась готовка. Помню, я еще удивился любиминой мотивации посещений кафе и ресторанов — «вкусно поесть». Готовить О.М. не умела, а потому и не любила. Каша у нее постоянно пригорала, потому как, даже поставив что-то на плиту, с кухни она убегала при первой возможности. В день приготовить она могла только что-то одно — либо первое, либо второе. И то, и другое было настоящим подвигом. Обычно она просто «забывала» об этом, а «вспомнив», глубоким вечером варила картошку или жарила яичницу. О завтраке она, похоже, даже понятия не имела. Сдвиг произошел только с рождением Степы. Внука она обожала и для него начала стараться. С годами что-то даже стало получаться и неплохо.

4. Появление внука придало смысл жизни О.М. Внук для нее — свет в окошке. Похоже, даже на борьбу с болячками ее подвиг именно Степан. Ради него она готова на все. Когда он садится за стол, сзади него возникает ангел, накладывающий еду, меняющий посуду, моющий ее за ним. Внуку всегда находится оправдание, даже самой очевидной глупости, а то и хамству. Не всегда это ему на пользу. Он даже в 19 лет это не ценит и воспринимает как должное: «Я есть хочу», «а где это», «куда девали то»...

Появление внуки ничуть ситуацию не изменило. Приходит внук. «Что есть поесть?» Садится на кухне. И у него за спиной порхает ангел: разогревает, накладывает, подкладывает. Приходит внучка-второклассница: «Бабушка, есть чего-нибудь поесть?» — «А посмотри в холодильнике». Сердце бабушки уже было занято. На двоих его не хватило.

5. С внуками О.М. не гуляла. Даже со Степой. У меня это долго не укладывалось в голове, пока она на полном серьезе не пояснила: «Я не смогу защитить Степу от собак».

Собак она боялась панически. По той же причине и в магазин практически не выходила — собаки, мол, могут отнять купленную еду!

6. После поездки в Германию О.М. говорила, что там совсем другие собаки. Добрые. Совсем не страшные.

И однажды отечественные собаки подтвердили репутацию, отыгрались на тех же немцах.

К нам зашла немецкая пара — знакомые О.М. по Гамбургу. Они приехали с туристической группой, и мы договорились, что вечер перед отъездом они проведут у нас. Посидели. Они собрались уходить. Мы еще думали проводить их до гостиницы, но они сказали, что гостиница «Москва» недалеко, а они как раз хотели пройти берегом Невы. И ушли.

У меня тогда нога еще была в гипсе, наутро мне надо было в очередной раз показаться врачу в травматологическом пункте. Пришел, сижу в очереди. Из кабинета выходят трое. Одна тетка обыкновенная, а двое — мужчина и женщина — перевязанные с ног до головы. Только когда они уже прошли мимо я узнал в этой паре наших вчерашних гостей. Окликнул их, они обернулись, узнали, обрадовались и взахлеб стали рассказывать как вчера, уже на подходе к гостинице, их искусила собака. Не бездомная — те людей боятся, а с хозяином. Немке понравилась собачка, и она решила ее погладить. Собака кинулась на нее. Муж пытался защитить жену — собака искусила и его. Хозяин же стоял и смеялся. Только отсмеявшись оттащил собаку и ушел. Добропорядочные немцы все сделали по правилам — пошли в травму, где их не только перевязали, но и сделали укол против бешенства и сказали явиться наутро.

В результате они отстали от группы. Сопровождавшая их тетка оказалась представителем турфирмы. Она не сразу въехала в ситуацию, а когда до нее дошло, что я — человек, у которого немцы были накануне в гостях, она подняла крик: что это я во всем виноват, что их фирма выставит мне счет, что так не поступают с иностранцами, что их надо было проводить до двери номера. «Вы что, не знаете правил? До дверной ручки!»

Немного притихла она только после того, как я потряс своим костылем у нее перед носом.

7. Однажды я просто обязан был убить тещу. Не «убив» ее тогда, я понял, что уже не убью никогда. История, правда, с предысторией.

Дело было зимой. На две недели школьных каникул я достал две путевки — для нее и для Степы — в дом отдыха СТД в Молодежном. Место хорошее, здание и условия замечательные. Приехали мы туда. И тут — предыстория.

Сошли с автобуса. Поясняю: тут магазин, вот дорога к заливу, первый поворот от нее — к Дому отдыха, который уже от дороги. На дороге встретился кто-то знакомый, и я чуть задержался, а они пошли вперед. Я уже стал догонять их, как к ним подбежала собака и почти сразу отбежала, держа что-то в зубах. Бабушка с внуком, ни на миг не задержавшись, продолжали шествие. Когда я их догнал, выяснилось, что собака стащила у Степы с руки варежку. Оба с остановившимися лицами продолжали идти вперед. Я им напомнил про поворот, а сам вернулся. Пока я подзывал собаку, так и бегавшую с добычей, отвлек ее, бросив снежок — только тогда она оставила варежку в покое — бабушка с внуком, взявшись за руки, на той же крейсерской скорости благополучно прошли поворот и торжественно подходили к заливу. Думаю, что и заснеженные просторы Финского залива их бы не остановили. Даже мои отчаянные крики дошли до них не сразу. Дошли. Разместились. Обоим очень понравилось. Лес, залив, комфорт-

ный номер, хорошая кормежка, лыжи в прокате и прочее. Но это предыстория. Теперь сама история....

Через три дня утром раздался ее звонок. Степан заболел. Они катались на лыжах, промокли. Температура высокая — под сорок.

Все бросаю, кидаюсь на вокзал. Ближайший поезд на Зеленогорск только часа через три. Хватать такси в Питере — вряд ли кто поедет, да и пока выберемся по зимнему шоссе из города... Легче добраться поездом до Сестрорецка и брать такси уже там. Что и сделал. По пути объяснил водиле ситуацию и он согласился довезти нас обратно до дома.

Приезжаем. Машина встает у самого корпуса. Я бегу за ними. Они сидят уже почти собранные. Я беру Степу и веду его в машину, а ее прошу сдать номер. Объяснил, где стоит машина: с крыльца направо за угол.

Разместились со Степой в машине, ждем бабушку. 10, 15 минут — ее нет. Поднимаюсь в номер — номер закрыт. К администратору — бабушка номер сдала и уже ушла. К охраннику на входе — да выходила. Ну, думаю, наверное, очередной заскок и пошла прямо на шоссе. Попросил водилу проехать пешеходной дорогой до шоссе — наверное, она нас там ждет. Выезжаем — нет ее.

Водитель спрашивает: «Может, поехали? У мальчика-то температура». — «Давай, — говорю, — еще раз круг сделаем — мало ли она где, не могла же она пропасть бесследно!» Опять подъехали к корпусу. Администратор и охранник уже с интересом на меня смотрят — девал, мол, куда-то бабуся, а теперь вертится, спрашивает — где она. Снова проехали главной дорогой до шоссе — стоит!!!

Я молча вышел, усадил ее со Степаном. И мы поехали. Водила несколько раз взглянул на меня — ждал какой-то реакции. Я только напомнил ему адрес и поинтересовался у Степы — удобно ли ему. Уже за Зеленогорском она подала голос, как всегда — обиженно: «Я что — не имею права в магазин зайти?» Это пока мы метались, она прямоком отправилась в магазин! Я ей ничего не ответил. Так до города и доехали. А должен был убить на месте. И водитель бы одобрил. Но не убил. Почему-то.

8. Молодые люди! Прежде чем жениться, познакомьтесь поближе с возможной тещей, разузнайте о ней побольше! Особенно будьте внимательны в случае, если в этой семье не было отца. Есть перспектива столкнуться с полным непониманием — зачем и для чего в доме мужчина.

9. «Женский сетевой маркетинг» способен творить чудеса. У Любы есть подруга, у подруги есть подруга, муж которой работает за реальные деньги. А у его работодателя есть приятель, тоже бизнесмен, которому он захотел сделать подарок на день рождения. Аж больших кукол с лицом этого бизнесмена: он на рыбалке, в бане, в офисе, на свидании... Работник нашел художника, тот начал работу, сделал одну куклу, заготовил головки другим и... запил. А за два дня до дня рожде-

ния послал заказчиков подальше. Хозяин сказал, что если поручение не будет выполнено, тот, кому было поручено, будет уволен. И вот разница в мужской и женской реакциях. Мужик пришел домой, напился и послал всех подальше. А жена стала звонить подругам, плакаться. Те — своим подругам. Подруга позвонила Любе, та тоже звонит своим... И сработало. Влада Липская нашла семью, которая за одну ночь сделала 4 куклы.

10. Степан родился без волосиков и почти два года рос лысыком. Но потом, когда переехали на Тверскую волосики отросли и он обзавелся довольно пышной шевелюрой. Так и осталось загадкой — что это было? То ли последствия моих довольно частых полетов, в том числе — в Киев после Чернобыля? То ли, как потом выяснилось, непростая экологическая ситуация на Моховой, где мы тогда жили? С трех лет и до школы Степан был вылитый Ельцин, потом стал похож на любинного дядю, брата О.М., а с класса 6-го стал все больше походить на меня. В 9-м классе он уже обогнал меня по росту, а ботинки носил на два размера больше. Это при том, что по размеру одежды он отставал на те же два размера. Этаким гвоздик.

11. Степа только научился писать буквы. «По-печатному». И составлять слова. Как раз зашел Гусев и мы поделились радостной новостью. Стасик попросил Степу написать ему что-нибудь. Тот взял листок бумаги, долго корпел, потом сложил листок и отдал его Гусеву. Тот развернул его и чуть не упал со стула. Там было написано: «Пашол вон». Стасик до сих пор побаивается Степана.

12. Рос Степан полным тормозом — абсолютный out. О чем не спроси — «не знаю». Что ни попроси — «почему я?» Доходило до трагикомедии. Люба попросила его подать очки, которые лежали на буфете, у которого он стоял. Степан спросил: «Какие очки? Где они? Их здесь нет». Повернулся и смахнул очки с буфета.

13. В году, по моему, 1992-м, когда Маша уже родилась, но Степа еще не ходил в школу, Степа попал во взрыв. Мы чудом его не потеряли. Люба с Машей в коляске и со Степаном пошла гулять в Смольный сад. Мне надо было на дневные занятия, и я решил по дороге на автобус зайти к ним.

Подхожу к смольнинским Пропиляем — из-за них с визгом вылетает скорая, а в саду вижу толпу людей — как будто кино снимают. У дальнего фонтана разглядел машину коляску и направился туда. Обхожу ближний фонтан и вижу, что люди около него удивленно смотрят на меня. Чуть повернулся и вижу прямо перед собой раскуроченную скамейку и около нее труп с ногой, закинутой к голове. Подхожу к своим, а около них сидит оперативник и, видимо, в который уже раз расспрашивает Степу.

Оказалось, что Люба с коляской устроилась вместе с соседкой у дальнего фонтана, а Степан с сыном и дочкой соседки гуляли по садику и оказались на газоне за той скамейкой. Играли они в двух-трех метрах от нее. А на скамейке сидел дядька и читал книгу. Степа стоял к скамейке боком и взрывная волна задела его только краем. Он помнил только, что сбоку встала черно-красная стена. Основной удар пришелся на соседского мальчишку. Он стоял подальше и его толкнуло в спину. От толчка и испуга он побежал. Навстречу по дорожке шли какие-то люди, закричавшие: «Ага, это ты тут хулиганишь!» Бедный мальчишка побежал дальше и обежал весь сад, пока сообразил вернуться к матери.

Тетки же сидели, сцепившись языками. И вдруг — взрыв, а от него бегут к ним только Степа и Юля. Соседка в крик — где сын. Но тут и он прибежал, и милиция примчалась. Их, как свидетелей, сначала выпрашивали досконально, потом попросили Любу съездить со Степаном в отделение, еще раз повторить показания. Так что — слава Богу, что я подошел. Думаю, что все эти распросы сильно помогли Степе. Он несколько раз проговорил пережитое и от шока избавился быстро.

14. Маша росла последней папиной надеждой — единственный человек в обеих моих семьях, не знающий ответа «не знаю». Остальные на любой вопрос отвечают: «Не знаю». И только после некоторой паузы может следовать: «А что?» Этаким фирменный семейный out'изм. Маша всегда была in — даже если выходила на полчаса, и кто-то что-то переставлял — она замечала. Как-то мы с нею, совсем малышкой, были дома одни, и погас свет. Взял ее на руки и пошел на кухню искать свечи — так пока мы шли, она мне внятно объяснила, где эти свечи лежат.

15. Когда Маше было всего три года, мы решили вывезти детей в Финляндию на три дня в аквапарки. Приехали в полной темноте и только разместились на первую ночь в гостинице, как Маша заявила, что «теперь мы будем тут жить и она отсюда никуда не поедет». Я спросил — а как же работа? Она ответила, что «тут же есть телефон и чего еще мне тогда надо?!» Мы еще посмеялись, все дни поездки мы к этой теме не возвращались, но я знал свою дочь — если ей что-то в голову вошло, то это не просто так.

В последний день мы сидели в том же номере с уже собранными вещами и ждали команды на посадку в автобус. Дети смотрели по телевизору какие-то тупые финские мультики. Мы с Любой говорили о каких-то делах в Питере. Вдруг Маша обернулась: «Но мы же решили отсюда никуда не уезжать!» Я попытался пошутить, но все было неудачно. Назревал грандиозный скандал. Его удалось предотвратить только благодаря Любе, которая признала, что Маша права — тут замечательно, но, вот, она была в Стокгольме и там еще лучше. И вообще — надо поехать, посмотреть, где лучше, прежде чем принимать решение. Маша согласилась.

16. Летом, по-моему, после окончания Машей 3-го класса, мы ездили в Грецию. И вот однажды, когда мы возвращались в автобусе с какой-то экскурсии — то ли с Метеор, то ли с пещеры, Маша дремала у меня на плече и вдруг подняла голову: «Папа, знаешь, а мама все-таки была права — в Греции лучше, чем в Финляндии». Я так и обмер. Ведь за это время она еще кое-где побывала. И, значит, все это время шли мониторинг, оценка, выбор. Насколько я понимаю, пока ей больше всего понравились Таллин и Китай.

17. В аквапарке в Тампере мы с Машей сидели на детской площадке. Малыши играли с фонтанчиками, ведерками. Родители, сидя чуть в сторонке, слегка наблюдали за ними. Какой-то горячий финский парень чуть постарше Маши оттолкнул ее от фонтанчика. Маша заревела и подошла ко мне. Я пожалел ее. Финские мамаша с отцом внимательно следили за нами. Маша успокоилась, пошла будто бы играть дальше, а потом смотрю — набрала полное ведро воды, подошла к зазевавшемуся обидчику и вылила ему на голову. Тот, заревев, побежал к матери. Та смотрит на меня. Я улыбнулся и развел руками. Она улыбнулась тоже и стала успокаивать сына. Так во мне впервые затеплилась надежда, что Маша не пропадет, а тот, кто ее обидит, часу спокойной жизни иметь не будет.

18. В одно лето у меня был только один единственный день, когда я мог отвезти Ольгу Михайловну с детьми в Мишуково. Мы приехали на автовокзал, отстояли очередь, но билеты кончились за несколько человек до меня. Возвращаться домой или ехать вечером на поезде возможности не было. Я взял вещи и повел своих на посадку — будем решать вопрос с водителем. Когда подошел автобус, мы первыми вошли в него и прошли в самый конец. Степу посадил на ступеньки у задних дверей, а Ольге Михайловне сказал стоять и ждать меня. А сам пошел окучивать водилу. Он отнекивался, говорил, что мест нет, что даже постоять взять не может — будет контроль. Я ходил за ним хвостиком, зная, что тихий измор — самая верная тактика. Он пошел в кассу за путевым листом, а я остался ждать его у двери. Долго ждал. Сомнение взяло — не вышел ли он через другую дверь, прямо на площадку отправки. Вышел туда — автобус стоит. Только пошел обратно, смотрю — автобус фыркнул и отъехал. Моих на перроне не было — значит они в автобусе. Получилось, что шофер, действительно, вышел в другую дверь... Но у них-то вовсе нет денег, все деньги у меня!

Кинулся на парковку, к первой же попавшейся машине. Тычу мужику в сторону автовокзала и объясняю, что только что отстал от автобуса, в котором теща с детьми, вещами и без денег. Он спросил: «Давно автобус отошел?» — «Только что». — «В черте города не догоним, да и он не остановится». — «Поехали, пока не остановится! Хоть до Юшково! Я заплачу!» — «Сколько?» — «Триста». — «Садись». И мы помчались.

Догнали мы автобус только на Ивановской улице, почти у моста Володарского. Впросвет стоящих не было видно. У окна сидел мужик, с которым мы разговаривали в очереди, и которому достался один из последних билетов. Он увидел меня, оживился, показал поднятый большой палец — я понял, что мои там и все в порядке. Мы обогнали автобус и ушли вперед, в отрыв. В конце Народной улицы, на выезде из города был пост ГАИ. Мужик сказал: «Попробуй остановить здесь». Мы остановились за постом ГАИ. Я дал мужику две сотни и попросил на всякий случай подождать, а сам кинулся к гаишнику, показал на уже показавшийся автобус, объяснил, что «там теща с детьми и вещами, без денег». Он молча подошел к дороге, остановил автобус и отошел. Водитель открыл дверь и искренне как-то обрадовался: «Ну, наконец-то!» Разглядев своих в конце автобуса, я хотел с ним расплатиться, но он отмахнулся — позже!

Мои тоже обрадовались и вперевод рассказали свою часть истории. Они стояли и ждали меня. Пассажиры на заднем длинном сидении раздвинулись и посадили бабушку. Та взяла Машу на колени. Степа как сидел на ступеньке, так и сидел. Пошли водитель с контролером — проверять билеты. У них нет. Маша — тут же хныкать «Я спать хочу!» Те: «Выходите!» Теща — тут же упертость на пользу дела пошла — показывает на вещи и отказывается выходить: «Куда я с ними без зятя?» — «Где зять?» — «За билетами пошел». — «Но все билеты проданы!» Так они препирались довольно долго (я в это время ждал водителя). Пассажиры зашумели: «Поехали уже! Оставьте их в покое. Сидит же старушка!» Контролер махнул рукой, вышел и автобус тронулся.

Водила-то, наверное, чего обрадовался — он, бедняга, поди уже и отчаялся — от денег отказывался, а тут пришлось бабуся с детьми бесплатно везти. Ну, а тут я появился — обрадуешься!

19. Все мои дети и внучка Соня учились в 163-й школе. По математике, физике, информатике эта школа сильна до сих пор. Но гуманитарный цикл... Иностранного языка фактически просто нет. А Степу мы забрали оттуда из-за литературы и истории. Я два раза разговаривал с литераторшей, и этого хватило. Мы не ругались, а тихо говорили, глядя в глаза друг другу. Когда я выходил на улицу, меня просто трясло. С литераторшей было то же самое. Классная руководительница меня попросила: «Вы больше не говорите с Натальей Павловной. Она после разговоров с Вами берет недельные больничные». Дети звали ее Канальей Павловной.

20. Летом вышли с Любой в Таврический сад. Лежим на травке. Поднимаю голову и не верю своим глазам: толстенный ствол дерева неподалеку — шевелится. Как будто облеплен огромными копошащимися муравьями. Пригляделся — это воробьи. Никогда не видел, чтобы воробьи сидели на стволах вертикально. На ветках — сколько угод-

но, но чтобы на стволе... Да еще в таком количестве. Потом гляжу — вся стая перепорхнула на соседнее дерево и так же облепила его. При этом воробьи вели себя чрезвычайно бурно: отчаянно чирикали, вертели головами. К ним слетались другие воробьи со всего сада. Потом они перелетели на следующее дерево. Я встал. И увидел то, что из-за травы не было видно. По саду гуляла тетечка с поводком, на котором у нее был зверек вроде мангусты. Тело длинное, как у крысы, но не крыса. Из-за некошеной травы его было не видно. Так вот, все эти воробьи наблюдали за этим зверьком, перелетая на ближнее к нему дерево — так и сопровождали его.

Что это было? Распирающее и собирающее всех окрестных воробьев любопытство? Така диковина! Дивись, ребята! Или «гнали» сообща общего врага?

21. Один этолог рассказывал, что из всех млекопитающих только приматы воют молодняком. У кабанов бьются матерые секачи, молодняк не допускают. У волков тоже в бой первыми идут матерые — вожак, волчица. А обезьяны воют как люди — молодняком, а опытные, в полной силе самцы — наблюдают.

Еще любопытней ведут себя стаи приматов при встречах. Стаи выстраиваются. Первыми стоят молодые самцы. Прикрытые ими стоят старшие самцы. В центре — вожак. В тылу самки, детеныши. Если граница не нарушена, то молодняк расступается, и сквозь его строй навстречу друг другу выступают вожаки. Они обнимаются, после чего могут обняться и другие. Ну, совсем как встречи глав государств! И ведь ритуал не меняется веками. Оказывается это генетически задано.

Кстати, потому же люди, особенно дети, так любят прыгать, качаться на качелях, чтобы их подбрасывали. Приматы!

Добило меня в этом рассказе то, что, оказывается, иногда (сначала молодые) обезьяны начинают ритмично подпрыгивать. Безо всяких видимых на то причин. Часто — группами. Некоторые хватают палки и начинают стучать по деревьям, любым предметам, которые могут издавать громкие звуки. Чем громче, тем лучше. Этологи называют это «пошумелками». Чистая дискотека.

22. Встретил в троллейбусе Нину Мичурину (Гришину), которая блокаду пережила девчонкой рядом с моей мамой. Она знала первую папину жену. Теперь уже совсем старушка, но активна и с очень ясной головой. Мы с нею редко видимся, но очень радуемся встречам. Так и тогда. Вышли из троллейбуса на ее остановке и пошли к ней. Сидим, пьем чай, разговариваем и вдруг я боковым зрением чувствую — что-то не так! Кот, который до этого сидел на спинке дивана, и, казалось, внимательно слушал нас, слез с дивана, подошел к двери, встал на задние лапы, правой передней лапой уперся в дверной косяк, а левой повернул ручку, открыл дверь на себя и вышел в коридор!

Я сидел с открытым ртом. Толкнуть дверь от себя носом или даже лапами — это кошки могут и запросто. Но чтобы — на себя, да еще с поворотом ручки!!! Нина спросила — чего это я? Объяснил. «А! Кот. Это еще что! Он и на кухне дверь на себя открывает. Но там ручка высоко, ему не достать. Так он запрыгивает на стол, точно так же открывает дверь, спрыгивает и выходит». — «Откуда он у тебя?» — «Я его подобрала на улице прошлым летом. Мои все были на даче, и мы с ним жили вдвоем. Я, когда, ходила в туалет, его не стеснялась и дверь не закрывала. Так он сидел напротив и внимательно смотрел. А как-то смотрю — кот заходит в туалет, запрыгивает на унитаз, сначала хвостом наружу, потом разворачивается хвостом внутрь, делает свои дела и спрыгивает». — «А за собой воду не спустил?» — «Нет, пока еще не научился».

23. Сколько было недоумения дома, когда я покупал компьютер! Зачем? Для чего? И так уже есть две печатные машинки...

Уже через год Люба не могла представить себе жизни без e-mail'a. А я так уже через месяц напрочь отвык от печатанья на машинке. Годами стучал. А тут — пальцы только ломом отбивать. То ли дело — сидишь — как на пианино играешь! Не говоря уже о возможностях правки. А дети, так те вообще с компьютером выросли и Степана мне уже просто не догнать по части продвинутости.

24. С самого начала нашего романа с Любой я начал худеть так быстро, что даже прошел профилактическое обследование. В конечном счете, я связал это с резким выбросом адреналина и тестостерона. Тем более что одновременно прошел и аллергический насморк.

25. Из одной из поездок в Пермь я привез Любе книжку в духе «помоги себе сам» какой-то тетки-специалистки по фэн-шуй — «Я притягиваю деньги». Купил и привез для смеху. Но Люба прочитала ее очень внимательно. Даже некоторые вещи в доме переставила по рекомендациям. Некоторые страницы мне зачитывала вслух.

И недели через две она получила e-mail. Писал какой-то Мбеки, как он писал — сын бывшего президента Заира Мобуту —сесе-секу. Сейчас он находится в Амстердаме и хотел бы вложить в «Ваш (т. е. — Любин) бизнес» полтора миллиона долларов. Тут даже я дрогнул. Правда, при внимательном прочтении, разглядели, что он не просто в Амстердаме, а в психиатрической лечебнице.

Мы еще несколько раз получали это послание.

XIII. I'm philosopher, sorry! ***(Логика и философия)***

1. В 70-х в Свердловске регулярно проводились довольно масштабные и представительные всесоюзные конференции философов и логиков по научному поиску. На одну из них ехала большая группа питерцев. И получилось так, что мы с Гусевым и Караваевым ехали поездом в одном купе. Четвертым пассажиром был довольно тихий мужчина.

Философы ведь могут говорить о чем угодно. Вот мы и сцепились языками о логике, истории, физике, контактах с инопланетянами, образовании... Мужики интересно было. Он уже и не скрывал этого. Гусев с Караваевым как-то вышли из купе, и он спросил меня: «Извините, пожалуйста. Вы трое так интересно разговариваете. Вы кто по профессии будете?» — «Философы». — «А-а-а!» Он обиженно поджал губы, отвернулся к окну и дальше всячески демонстрировал свою отстраненность.

С чем-то подобным я сталкивался практически всю жизнь — не только у нас. Философы — ведь это кто? Трепачи. Вместо того, чтобы вкалывать — о смысле жизни толкуют. Не от мира сего. Ненормальные. Лучше от них подальше держаться.

У нас же к этому добавляется с советских времен представление о философии как чем-то идеологическом, политически анагажированном, т. е. непонятном и опасном. Философы же — говорят на птичьем языке и все клеймят друг друга и других. Опасно все это. Тем более — лучше держаться подальше.

Когда я проводил свой workshop на Летней школе в Сантьяго-де-Компостела — там собрались, преимущественно специалисты по cultural studies — я начал с фразы: I'm philosopher, sorry. Чем их всех, наверное, и взял.

Но отношение к философам как юродивым характерно только для нормального общества в нормальной ситуации. В этом случае, действительно, надо работать и получать удовольствие от жизни. Но вот в кризисной ситуации первыми у раздачи пинков оказываются именно философы. Оказывается, они не тому и не так учили.

Философия никого и никогда не учит. Если философ дает ответы, «знает как» — это не философ или плохой философ. Философия это состояние души, задающей вопросами, пытающейся понять. Понявший — он уже знает. А философ — ищет.

Конечно же, нормальный человек не может, да и не должен думать каждую минуту о смысле бытия, в конце концов, это, действительно вредно и опасно — верный признак жизненного и духовного кризиса. В самой жизни нет смысла, но есть проблема смысла жизни и она прояв-

ляется только в критических ситуациях, когда жизнь ломает человека через колено и он задумывается о том, зачем вообще он живет, в чем смысл его существования в этом мире, да и самого этого мира, ради чего стоит продолжать жить? Только философы могут задаваться такими вопросами на протяжении целого рабочего дня, почему это занятие, наверное, следует признать одной из наиболее вредных профессий.

2. На той свердловской конференции по научному поиску я впервые обратил внимание на различные манеры и стилистику ответов на вопросы.

Выступал местный философ по фамилии, вроде бы, Лейферт. К нему было довольно много вопросов. На них он отвечал одинаково: «Ой, какой интересный вопрос! Дайте-ка, я его запишу. Еще есть вопросы?»

Гусев вспоминал, как на одной конференции выступала Дрогалина, тогда еще не жена, а соавтор В. В. Налимова. Они тогда проводили серию экспериментов с ЛСД и прочими средствами «расширения сознания». Выступала она, скандируя текст. Слушатели оживились и готовились засыпать ее каверзными вопросами. Но она в заключение, так же скандируя, заявила: «А на ваши вопросы ответит мой соавтор Василий Васильевич Налимов». И все сникли. В.В. сидел в первом ряду, посасывал чубук трубки и лукаво оглядывался. Вопросов не было — все знали, что на Налимова где сядешь, там и слезешь.

3. Как-то шел по коридору Уральского университета и вижу табличку: «Кафедра философии ургу». Даже остановился от удивления. Что за философия? Кто такие урги? И что у них за такая философия? Не сразу сообразил, что это дизайн такой — маленькими буквами написана аббревиатура Уральского государственного университета.

4. Еще я был в Свердловске на защите кандидатской диссертации Володи Лобовикова. Вторым оппонентом был Толя Ишмуратов из Киева. Вечером то ли перед защитой, то ли после мы встретились в гостинице в моем номере. Решили попить чаю. У меня был кипятильник, но кипятить воду было не в чем — ни кувшина, ни банки, а для стакана кипятильник был великоват. Дежурных тоже видно не было. Пришлось снять в ванной плафон. Вымыли его, вскипятили воду и заварили чай. Очень вкусно получилось.

Когда я рассказал эту историю Поповичу, он в ответ мне рассказал другую. На какой-то конференции, вернувшись в гостиницу поздно вечером, он с коллегами захотел перекусить. Ресторан был уже закрыт. Работала только уборщица, которая сказала, что салатов и вторых блюд уже нет. Даже холодных, остались только щи, но ложки и вилки уже закрыты, а у нее ключей нет. И они ели холодные щи... очками.

5. В Свердловске жил известный и очень симпатичный философ Лев Наумович Коган. Их часто путали с питерским М. С. Каганом — тоже культурологом и большим жизнелюбом. Коган поражал жизненной энергией. У меня к нему появилось особое уважение, когда я узнал потрясшую весь Свердловск историю. Что Л.Н. не пропускал ни одной юбки — знали все. То, что одна особа, известная своим легкомысленным поведением, родила от него ребенка — не удивило. Но он публично и юридически признал ребенка. При живой жене и детях.

6. Моисей Самойлович Каган — питерская философская достопримечательность. Я у него непосредственно не учился. Нам лекции по эстетике читал я уже не помню кто. Но мимо Кагана пройти было невозможно. Он был блестящий полемист. В 60-е он спорил с ортодоксальными марксистами, особенно с Лившицем, составлявшим в 30-е годы хрестоматии классиков марксизма-ленинизма-сталинизма по искусству, а тогда только что вышедшим из лагерей и называвшим себя «ископаемым марксистом». Кстати, я, готовясь к поступлению на факультет состоял в переписке с Лившицем, выпустившем тогда со своей женой книгу «Почему я не модернист».

Каган шел широким фронтом, писал и о теории искусства, и о системном подходе, и о структурном, и о деятельности... Его лекций я не слышал, но неоднократно слышал его выступления на конференциях. И всегда это было интересно. Спорить с ним было практически невозможно. Обычно он рисовал схему и от нее отталкивался. И о чем тогда спорить? Что стрелку надо направить не туда, а сюда? Надо рисовать свою схему, а это уже не дискуссия.

Уже перед защитой кандидатской или сразу после я по предложению Мейлаха-старшего взялся за тему лидерства в искусстве — почему в какие-то моменты на первый план начинают выходить определенные виды и жанры искусства? Единственно чьи публикации на эту тему я нашел на русском — это несколько рассуждений Иоффе в 30-е и абзац у Кагана в его знаменитых «Лекциях по марксистско-ленинской эстетике». Полез по истории искусств, получилась некая модель, но статья разрослась, и Мейлах ее в свои сборники взять не мог, а резать и ему, и мне было жаль. Отослал в «Вопросы искусствознания» — выходили толстые желтые альманахи под редакцией молодого тогда Леонида Бажанова. Там почти сразу опубликовали. Мне рассказывали, что Каган довольно настойчиво расспрашивал на кафедре эстетики университета — кто знает, кто такой Тульчинский. Но тогда мы не познакомились. Жизнь и философия свели нас намного позже.

Уже после выхода его книги довольно откровенных воспоминаний я узнал, что он — непосредственный ученик Иоффе. Так для меня замкнулся один важный сюжет в понимании эволюции философской культуры советского периода.

Это человек потрясающей жизненной силы и работоспособности.

Еще в 70-х, когда он достиг пенсионного возраста, аспирантки прозвали его «отбойным молотком». А когда университетские партийные боссы стали его выдавливать, как пенсионера, с факультета, он сам пошел в горком партии к тогдашнему секретарю Дегтяреву и заявил, что если смогут найти кого-нибудь, кто бы лучше него читал лекции, обращался с женщинами, бегал на лыжах и вел стол, то он готов сам уйти с факультета. Дегтярев задумался, рассмеялся и сказал, что, пожалуй, есть некоторые сомнения только по части лыж, а во всем остальном у М.С. соперников нет и быть не может. Больше Кагана не трогали, и он работал на полную катушку до самого конца.

Одну тему в философии Каган всячески обходил и избегал — тему смерти. Несколько раз был свидетелем, как он просто выходил из помещения, если кто-то начинал рассуждать на танатологические темы. И на похороны, похоже, ходил редко. Иудейский запрет Каганам иметь дело со смертью?

И вдруг, на встрече с М. Эпштейном Моисей Самойлович сказал, что им подготовлена книга о философии небытия, что возможность невозможно объяснить без небытия, что становление есть переход из небытия в бытие и т. д. в духе гетевского «*Stirb und Werde*» (умри и стань). Я не удержался и подошел. «Как же так, М.С.? Вы же всегда бежали от этой темы!» — «Значит — дозрел».

7. Советская логика — культурный феномен. Многочисленные конференции, вербовка лучших студентов, и при этом — отсутствие периодики (для сравнения в Польше — 5 только сугубо логических журналов), а главное — отсутствие полноценных научных результатов мирового масштаба.

Довольно бурная и эффективная организационная активность, сложившееся развитое научное сообщество, наличие респектабельной науки и... практическое отсутствие интеллектуальной продуктивности, серьезных оригинальных научных результатов. Наиболее продвинутые работы (Н. И. Стяжкина по истории математической логики, А. А. Зиновьева по теории логического следования, А. А. Ивина по логике норм и оценок, И. Н. Бродского по отрицательным высказываниям, О. Ф. Серебрянникова по натуральным исчислениям, Я. А. Слинина по модальной логике, Э. Ф. Караваева по временной логике и т. д.) носили характер, по преимуществу, добротных систематизаций — не менее, но и не более.

Дело в том, что собственно наука логика развивалась в как бы культурном вакууме, в полном отрыве и даже в диссонансе с логической культурой советского общества. Логика в совдепе была чем-то вроде интеллектуального гетто философов, избегающих идеологического прессинга. Эзотерический язык, имидж особо продвинутого профессионализма... Короче говоря — не естественный, парниковый феномен. Недаром, когда идеологический прессинг отпал, все «логики» прыснули в

разные стороны. Как тараканы на свету. Субботин стал переводить Мандевиля, Целищев ударился в нонсенс, Попович стал писать о Гоголе и заниматься реальной политикой...

Когда я впервые подготовил тезисы, в которых раскрыл секрет Полишинеля про советскую логику, и подал их на конференцию, всполошился И. Н. Бродский. Он просил меня снять эти тезисы. Я не мог понять — почему и упирался. «Не надо, Гриша. Уберите. Ведь, прочтут и скажут — отсиделись!»

Но Слинин поддержал меня и тезисы опубликовали.

8. Цивилизационная роль логики. Логика — одна из основных несущих конструкций современной цивилизации. Если нашу цивилизацию уподобить железобетонной конструкции, то логика будет одной из главных арматур, задающих конфигурацию и жесткость всей конструкции. И эта метафора не так уж метафорична, как может показаться. Индустриальная-постиндустриальная-технотронная цивилизация коренится в «прометеевско-фаустовской» культуре *Abendlandes*. В основе же этого мощного духовного импульса лежат две великие идеи: иудео-христианская идея монотеизма и древнегреческая идея рациональности. Именно духовная встреча Иерусалима и Афин до сих пор определяет облик современной цивилизации.

Политеизм, анимизм не могли быть духовной и интеллектуальной основой развития науки и техники. Такой основой могло быть только сознание того, что мир един, создан единой волей по единому замыслу и нам дана способность попытаться уяснить детали этого замысла. Роль интеллектуальной техники и выполняла логика — одно из главных достижений древнегреческой философии. Сначала логическая практика анализа рационального содержания оттачивалась на интерпретации Священного Писания, а чем дальше, тем больше — применительно к самой реальности. Возникновение Science хронологически совпадает с охотой на ведьм. «*Novum Organum*» Ф. Бэкона современник «Молота ведьм» Шпенглера и Инсистериса. За ними стоит один и тот же духовный импульс — человек может познать происходящее не только интерпретируя тексты, но и задавая вопросы, буквально «пытая» саму действительность. Кстати, тот же «Молот ведьм» и написан фактически как экспериментальная методика. От «о-пытного» экспериментального знания оставался один шаг до деизма с его представлением о мире как машине, созданной и запущенной творцом. И этот шаг был сделан весьма быстро, так же как и следующий, отбрасывающий «гипотезу Бога» и придающий человеку героико-прометеевский образ Инженера, преобразующего мир в соответствии с познанными законами этого мира.

Великая идея рациональности во всем многообразии ее содержания (конструктивность, эффективность, непротиворечивость, общезначимость etc.) так или иначе, но восходит к логическим принципам и

технике доказательства. Логическую сердцевину имеет математика, являющаяся языком научного анализа — это убедительно продемонстрировала проблема оснований математики, породившая современную математическую (символическую) логику. Более того, сама эта математическая логика оказалась основой создания и развития электронно-вычислительных машин. Речь идет не только о программах, но и о «металле»: именно электротехническая интерпретация логических функций лежит в основе ламповых, полупроводниковых и чиповых технологий создания компьютеров. Логика — арматура современной цивилизации в самом буквальном смысле слова.

Что обусловило само возникновение логики и почему она наиболее полно оформилась именно в исторически краткий период существования афинской демократии? При всей своей абстрактности логика — самая что ни на есть эмпирическая наука.

Она возникла и развивалась, прежде всего, как теория эффективной аргументации — деятельности, связанной с доказательством, обоснованием, опровержением, критикой и анализом конкретных утверждений, положений или мнений. Необходимость в эффективной аргументации возникает в самых различных ситуациях обыденной жизни и судебной практики, политики и науки, средствах массовой информации и, разумеется — деловой активности.

Востребованность логики предполагает несколько условий: свободу (относительную автономность личности, подкрепленную наличием у людей собственности); рынок (возможность отстаивать свои экономические интересы); демократию и определенную правовую культуру (возможности отстаивать свои гражданские интересы); межкультурные контакты (общение людей разной этнической, религиозной и т. д. принадлежности). С весьма короткого периода Афинской демократии и до сих пор логика так и ходит в истории «под ручку» со свободой, рынком, правовой культурой, демократией и открытостью общества. В обществе закрытом, деспотическом логика как технология публичной аргументации просто не может быть востребована. Отечественная история — убедительное тому подтверждение.

Так что не будет преувеличением сказать, что логика выступает своеобразной несущей арматурой современной культуры и цивилизации — от образования, науки, техники и информационных технологий до морали, права и политической культуры. Без учета этих обстоятельств невозможно адекватное объяснение природы и истории либерализма, правозащитного движения в СССР, стилистики постмодернизма, мультикультурализма и других проявлений современной культуры.

9. Моя статья в «Философских науках» о логике Льюиса Кэрролла стимулировала интерес к ней. В Краснодаре Колесников даже сделал машину для формирования баз данных и решения логических задач. Машина получила бронзовую медаль на ВДНХ — я храню подаренный

мне буклет. Там сказано, что это изобретение весит 3,5 кг и имеет экономический эффект около полутора тысяч рублей.

Насколько мне известно, это единственное официально у нас зарегистрированное изобретение по логике, у которого есть масса и денежно выраженная эффективность.

10. Валентин Фердинандович Асмус — один из немногих, благодаря которым в 30–60 годы был сохранен уровень философского профессионализма — рассказывал прелюбопытную историю. В конце сороковых, после выхода его учебника по логике (непревзойденного, кстати, до сих пор), за ним приехали. Ночью. Зная, чем это может кончиться, взял он всегда стоявший наготове чемоданчик, распрощался с близкими, и пошел. Привезли его в Кремль, в кабинет к Сталину: «Вы профессор Асмус, автор учебника по логике?» — «Да, я». — «У меня к вам просьба — научите членов Политбюро и Правительства логике». — «Как это?» — «А так. Они говорят “значит”, а это ничего не значит. Они говорят “следовательно”, но у них ничего не следует...» И Асмус читал Правительству и Политбюро краткий курс по логике. Именно после этой истории была введена логика в школе, отмененная вскоре после смерти «друга всех логиков». И, очевидно, неспроста. У его наследников сохранились явно специфические отношения с логикой: проблема «значит» и «следует» сохраняется до сих пор.

Трагикомична неспособность отечественных лидеров к связности и осмысленности речи и мысли. Споры депутатов — монологи глухих. Цель споров — не истина. «Полемисты» к ней не стремятся, главное — уязвить, другого, навесить на него ярлык, а то и — явно или не явно — доложить о его прегрешениях. Логикой тут и не пахнет. Стремления быть понятым и убедить — нет и в помине. Более того, попытки аргументации или даже просто культурная речь (например, юристы, преподаватели, священнослужители вынужденно имеют навык связной осмысленной речи — таков их «профессиональный кретинизм») вызывают органическое неприятие и агрессию. Агрессивная реакция следует не на мысль и доводы, а просто на отдельные слова, понятия (точнее — не понятия) вне общего смысла.

Сохраняется только способность к «ага-узнаванию» хорошо известного. Работа ума ограничивается простыми инвентаризациями типа «наш — не наш». Умозаключения практически отсутствуют. Или их заменяют конструкции типа типа: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», «Народ и партия едины» — «следовательно» — «Партия — наш рулевой». Можно говорить о волююще торжествующем логическом бескультурье — в быту, в деловой активности, в политической жизни. Многословие при отсутствии аргументации по существу дела, неумение мыслить конкретно, безответственные решения, неспособность определить предмет разговора, договора или спора, свою позицию — поражают иностранцев, ставят под вопрос успех любого реально-

го дела. И логика, призванная давать гарантии понимания, разумного мышления, общения и действия — в упор не воспринимается и даже отторгается. И никто не вызывает по ночам «профессора логики».

11. Когда Нина заканчивала педагогический, ей нужно было сдать госэкзамен по научному коммунизму.

Я кинулся по магазинам в поисках учебников. Их не было. Наверное, все расхватали. Только в магазине книг стран народной демократии я нашел болгарский перевод учебника Афанасьева.

Первой фразой в нем была цитата из «Манифеста»: «Призрак бродит на Европата — призрак на коммунизмата».

12. Со Стасиком Гусевым мы обязаны были сойтись. Похоже, мы оба ходили друг вокруг друга, как коты вокруг сметаны. Я о нем знал, что есть такой аспирант, потом, что он защитился по метафоре, что он поэт и фантаст, что ходил по Тихому океану на исследовательском судне по части рыбы, что именно они благословили промысел мерлузы, которую для брэнда переименовали в хек серебристый — любимую рыбу позднего совдепа. А ему про меня уши прожужжала жена Лена, с которой мы пересекались по части логики.

Потом была защита моей кандидатской, на оппонирование которой приехал из Киева Мирослав Попович. В день защиты Лена рожала младшего — Костю. Стасик сидел дома один и ждал Мирослава. А тот пошел с Борей Федоровым и Караваевым отмечать мою защиту.

А еще потом я позвонил ему (мы жили в Купчино, помню этот разговор с кухни). Мы говорили почти два часа. А потом резко как-то сошлись. Да и мы переехали на Таврическую. А они с Леной жили на Чайковского, около самой Потемкинской. Так что нас разделял только Таврический сад.

Когда мы были на конференции в Одессе («Одесское понимание»), то в какой-то из дней пошли на пляж, сели в какой-то беседке-забегаловке на берегу моря и просидели там с утра до глубокой ночи. Это было и осталось одним из наиболее острых и полных ощущений жизненной осмысленности.

Полностью в круг его общения я так и не вошел. Там были старые контакты. Но главным было наше общение с ним. Как-то так получается, что я почти всегда нахожу кого-то старше и лучше себя и тянусь к нему и за ним, прорастая сквозь этого человека. Так было с Литвинюком, с Мовчанюком. Но Стасик — больше. Он для меня и факультет, и кафедра логики, и Мирослав Попович, и питерские философы. Многое он для меня. А он с потерями друзей, жены становится все более одинок и я знаю, что я ему эти пустоты не заполню.

13. Довольно многим я обязан человеку, который об этом, наверное и не догадывается. Это Якко Калеви Юхани Хинтиikka. Финский

логик и философ. Отталкиваясь именно от его работ я писал кандидатскую, вступил в переписку с прошедшим у Хинтикки стажировку Целищевым. В общем, за несколько лет я пророс через него, убедился, что С.Крипке в споре с Хинтиккой был глубоко прав, что многие у Хинтикки — на грани фола: логического и этического. Потом я узнал, что став редактором *Synthese*, он брал только те статьи, где делались ссылки на его работы — один из способов создания имени и «научной школы». Потом, следя за публикациями, узнал, что он преподает во Флориде, женился на молодой американке и пишет с нею статьи о философском сексизме. И когда уже я практически утратил интерес к нему, увидел его живьем, когда он приехал на российско-финский симпозиум по логике и логической семантике. Это был высокий, уважаемый, абсолютно американизированный финн. Он громко шутил и первым громко смеялся своим шуткам.

Во время одной из поездок в Финляндию, я заглянул в телефонную книгу Хельсинки и нашел там его телефон и адрес, но повода для общения уже не было.

14. Как-то захожу к Гусеву. Тот сидит в каком-то задумчивом замешательстве. «Ты чего?» — «Ты можешь назвать русских прозаиков советского периода, которые бы чему-нибудь научили, работу ума и души заставили бы сделать?» Тут я впал в замешательство. С русскими поэтами XX века все в порядке и всегда все было в порядке. А вот — прозаики! Ильф и Петров — замечательно, но не научили. Булгаков? Бытописатель. У меня получились Платонов, Зощенко («Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца»), Чабуа Амирэджиби («Дата Туташхиа»). Платонов и Амирэджиби совпали и у Гусева. Через пару лет мы оба назвали еще и Маканина (раннего, по рассказам).

15. Развитие личности, помимо прочего, в изрядной степени определяется прочитанными книгами. Недавно подумал — какие книги оказались наиболее важными в моей жизни? Получилось несколько неожиданно.

Из детства — читал много — почему-то запомнились: «Оцеола — вождь семиолов» Майн Рида и «Цусима» Новикова-Прибоя. В молодости — Платонов. В зрелости — Маканин. По части философического развития: «Черты романа XX века» Днепров, «Modes of Modality» by J. Hintikka (для написания кандидатской), В. Шкловский, М. Розов (для докторской), В. В. Розанов (стилистика рождения мысли на русском языке), Г. Г. Шпет, М. М. Бахтин (культура, сознание, поступок).

Дали кусок хлеба: рукопись книги Р. С. Милонова о планировании работы клубного учреждения, «Стратегическое управление» Игоря Ансоффа и «Паблик рилейшнз» Сэма Блэка.

16. После этого наблюдения спросил свою тещу Ольгу Михайловну — какая книга больше всего ей запомнилась с детства. Она сразу назвала. «Джек — убийца женщин». Книга была без обложки и автора она никогда не знала.

17. После окончания университета, работая в Ленокеанрыбфлоте я отчаянно искал работу в вузах и работал почасовиком в Водного транспорта, в Целлюлозно-бумажной промышленности. И везде, как только доходило до парткомов или согласования документов с Большим домом, меня тормозили.

Дольше всего я проработал почасовиком в ЛИВТе. Брал меня еще Майзель, но работал уже с К. С ним же и депонировал первую философскую публикацию.

К. как пришел после университета в ЛИВТ, так и проработал там большую часть жизни. Стал заведующим. Философ он известный и авторитетный. Под него в техническом вузе открыли аспирантуру по философии — вещь редкая, тем более для вуза не из первого ряда. Иначе говоря, для репутации ЛИВТа сделал много.

Но он — еврей. И не просто еврей, а по внешности — то, что называется — махровый еврей. Лицо как у гончей, с шнобелем, заменяющем все лицо. И был у местных антисемитов костью в горле. На излете реальной истории КПСС секретарем парткома (оказавшийся последним) стал какой-то хохол, который публично заявил, что он будет не он, если не изведет из вуза этого жиденяку.

Вскоре К. читал лекцию на вечернем отделении. В аудиторию ввалился амбал. С виду — пьяный. Что он играет пьяного, К. понял, когда тот подошел к нему вплотную. Но тот роль вел грамотно: «Ну, что, жидовская морда? На уши лапшу вешаешь?» И распустил руки. Они сцепились и выкатились в коридор. Амбал не удержался и дал К. по шнобелю так, что тот вынужден был пойти в травму.

Это его и спасло. Потому как в травме у него взяли кровь на алкоголь и зафиксировали сам факт травмы. Когда он наутро пришел в родной ЛИВТ, там уже висел приказ о том, что он, оказывается, в пьяном виде устроил дебош на лекции, избил студента и по этому поводу его отстраняют от заведования кафедрой, ведения занятий и направляют в ВАК документы на предмет лишения степени доктора философских наук и звания профессора. То, что не он избил, а его избил, и отсутствие алкоголя в крови сильно его выручило.

Но работать в таких условиях было невозможно. Он ушел из ЛИВТа в ЛИИЖТ просто профессором. А в ЛИИЖТе профессорско-преподавательскому составу положена железнодорожная форма. Ему же, как профессору полагалась какая-то особая форма — типа генеральской.

Получив эту форму, он первым делом надел ее и поехал в ЛИВТ, где часа полтора крутился перед парткомом. Для меня это трагикомично.

ческий сюжет, во-первых, о быте и нравах, а во-вторых, мотивации оценки значимыми другими.

18. В том ЛИВТе тогда работал Игорь Голосенко. Это был один из самых глубоких социологов-историков, да и вообще социальных философов.

Очень мне понравилось, как он себя поставил на кафедре и в вузе в целом. На его корреспондентской секции были нарисованы цветочки, и красовалась надпись: «Мнение заведующего кафедрой — закон для преподавателя!» Зато он мог себе позволить в перерывах сидеть на кафедре и, задрав ноги на журнальный столик, потягивать пиво.

19. О заведовании Майзеля в ЛИВТе ходили легенды. Кафедру часто проводили у него дома. На столе стоял бюст Энгельса. Когда заканчивали говорить о делах, И.А. поднимал бюст — под ним была бутылка водки.

20. Исаак Александрович Майзель очень помог Гусеву, взяв его из Ухты, где он оказался по распределению, в Корабелку. Пытался помочь мне дважды — в ЛИВТе и в той же Корабелке. Оба раза неудачно.

В последние годы он несколько раз подходил ко мне и благодарил за интересные публикации. Я не люблю такое и не верю таким словам. Но услышать это от И.А. мне почему-то было приятно и даже важно.

21. В текстильном кафедрой философии заведовал профессор Дроздов — глубоко и вдумчиво пьющий человек. С большим трудом, но там от него избавились. Его взяли на ставку профессора в Финэк. С испытательным сроком 6 месяцев.

Все эти полгода не могли на него нарадоваться. Дежурить в общезнании — профессор Дроздов готов первым. Подменить кого-то — нет проблем. На радостях его провели по конкурсу в штат. И профессор исчез. Заведующая кафедрой нашла его по телефону — не домашнему — только через два месяца. На ее вопрос — когда же он приступит к занятиям, а то студенты его заждались, он ответил: «Молчи, дура! Такие, как ты, должны мой портфель в зубах подносить к аудитории». И бросил трубку.

Он, конечно же, представил потом больничные листы, и избавиться от него они смогли очень не скоро. Мораль — никакой испытательный срок не дает полной гарантии.

22. На первом году работы в Институте культуры меня часто ставили от кафедры дежурить по институту в праздничные дни. При сдаче дежурства познакомился с В. Щученко — тогда доцентом кафедры философии. Разговорились. Он спросил: «Ты не знаешь чего-нибудь интересного почитать? А то уже все прочитал!» — «?!» — «Ну да,

все». Я решил постебаться. «И “Гэндзи Моногатари”?» — «Читал». — «Тибетскую книгу мертвых». — «Читал». — «Ну, тогда “Великую книгу перемен” — “И цзин”». — «Тоже читал».

23. Мирослав Попович — знаковый человек. Если не культовый. Всехний дядька. У меня есть любимый тост. Логическая импликация истинна всегда, кроме одного случая — когда при истинном антецеденте консеквент ложен. Так вот мой тост за то, что «Если в огороде бузина, то в Киеве дядька». За то, что пока в Киеве дядька, любая импликация будет истинной с таким консеквентом.

24. Попович необычайно популярный человек в философском обществе бывшего СССР. И легендарный. В молодости он женился вторым браком на жене погибшего друга и коллеги А. Артюха, удочерив и воспитав их дочку.

25. Родился Попович под Чернобылем. Его родители жили в той деревне до самой аварии.

Там же он мальчишкой пережил немецкую оккупацию. И рассказывал, что все немцы, стоявшие в их доме как-то старались помочь: продуктами, по дому. Зверствовал только один солдат — бывший рабочий-коммунист.

26. В перестройку Попович был одним из создателей Руха. Его теледебаты с тогдашним партийным лидером Украины Кравчуком смотрела вся республика.

Но пик популярности Мирослава пришелся на период, когда он вел на Киевском ТВ программу «Дипломатическая кухня». Это было что-то вроде «Смака» Макаревича. Но Мирослав приглашал в студию готовить зарубежных дипломатов и там они, под разговоры о политике и философии готовили что-то из национальной кухни.

Я был свидетелем, как каждая вторая проходящая здоровалась с ним не только в Киеве, но и в Харькове.

27. Дома у Мирослава жил попугайчик, которого дочка Алина, которая училась на философском, все учила фразе «Материя первична». А попугай слушал не только это, а все, что звучало в доме. И однажды выдал: «Материя горилочка первична!»

Не менее знаменита была и другая его фраза, голосом жены Лиды: «Опять Попович пьяный пришел. Шерше ля фам, шерше ля фам!»

28. По моему, где-то в 1978 году я написал Мирославу Поповичу письмо о том, что надо браться за проблему понимания и кроме него некому возглавить это дело. Мой призыв получил поддержку в Киеве со стороны Наташи Вяткиной и прочей ихней философической моло-

дежи, и через год Мирослав собрал в Одессе на базе Политеха весьма представительную всесоюзную конференцию философов по проблеме понимания. Приехали Цинцадзе из Грузии, Основин из Самары (Куйбышева), Нишанов из Киргизии, Карпович из Новосибирска и много кто еще. Я так и прозвал эту конференцию — «Одесское понимание». Потом были еще «Киевское «понимание» и Чолпон-Атинское убеждение».

Поехали и мы с Гусевым. Поездом. Ехали и на всех крупных станциях в России, Белоруссии и Украине покупали пиво, пили и сравнивали. Получилось, что лучшее пиво тогда было житомирское.

Приехали в Одессу, выходим с вокзала и спрашиваем, как добраться до Политехнического института. Нам несколько человек сказали, что это надо ехать на одном трамвае, пересаживаться на другой. «А если пешком?» — «Ну, это долго будет!» Но время было и мы пошли. У Политеха мы оказались через 12 минут.

Было это в октябре, но я не мог, впервые оказавшись у Черного моря, не выкупаться. И я выкупался на глазах как-то неоднозначно отнесшегося к этому Гусева.

29. В Одессе, проходя по какой-то улице — что-то вроде героев местного национального эпоса типа Розы Люксембург или Карла Либкнехта — мы увидели через подворотню в глубине двора не небольшом флигеле огромный белый щит с надписью «Курсы полезных профессий». Мы тут же свернули во двор. Интересно, ведь, узнать — какие это полезные профессии? А заодно и выяснить — полезная ли профессия у нас. Но двери флигеля были закрыты, на них висел большущий ржавый амбарный замок. Так мы и остались в неведении.

Зато на углу Пушкинской и какой-то улицы на доме висела тоже проржавленная, вделанная в кирпичную стену табличка: «Обучение иностранному языку с гарантией».

30. На Чолпон-Атинское «понимание-убеждение» я приехал на день раньше других иногородних участников — хотелось посмотреть, что изменилось во Фрунзе за те несколько лет, что прошли после нашего с Ниной путешествия. И оказался свидетелем организации встречи других приезжих. Полдня, за чаем, организаторы не спеша обсуждали встречу Швырева из Института философии АН: кто поедет, с кем, на какой машине... В результате выяснилось, что в лицо его знал только я.

Приехали в аэропорт. От выхода с поля было видно — как подрулил самолет, как к нему подогнали трап, и как по нему шариком скатился Владимир Семенович. Столь же быстро он покатился к выходу с поля и я его чуть ли не в последний момент прихватил за локоть — иначе так бы и пробежал мимо. И после первых «здрасьте», по московско-питерской привычке сразу же: «А как насчет обратного билета?»

Это потрясающе — насколько различен темп жизни в разных городах! Как то мы с детьми поехали из Мишуково к нашим тихвинским

родственникам. Тихвин — весьма сонный городок, но Марина долго удивлялась и переспрашивала — откуда мы приехали. Оказалось, она думала, что из Питера. И тогда мы никак не укладывались в обычный стереотип. «Из Питера, — говорила она, — приезжают какие-то вздрюченные, полные энергии, которую надо куда-то заземлить. А вы какие-то расслабленные, спокойные». Это село и районный центр. Но даже между крупными городами есть разница. Что же говорить о Фрунзе. Там не полдня надо обсуждать встречу, а два!

31. Когда мы приехали в Чолпон-Ату на базу отдыха Киргизской АН, было пасмурно, небо в тучах, накрапывал дождь. Мы стояли на крыльце административного корпуса в ожидании, когда решится вопрос с размещением. Мимо проходили девушки в белых халатиках — из местной obsługi. Один из фрунзенских участников — татарин по имени Ариф, с вечно унылым и печальным лицом произнес: «Здравствуйте, девочки!» Те шарахнулись от крыльца. Ариф столь же печально продолжил: «Теперь мы ваши мальчики». И столько было безысходности в этой констатации.

32. Конференция проходила так. Утром до завтрака ранние пташки купались, но всех опережал Мирослав Попович, успевавший еще и посидеть с этюдником на берегу, а то и в горах.

В середине дня была сиеста часа на четыре. Работали только утром и иногда вечером. Работа заключалась в том, что мы расстилали одеяла на пляже и ложились в круг головами к центру. Так и обсуждали тематику. Кто перегревался — нырял в Иссык-Куль и, охладившись, снова включался в дискуссию.

33. Главным идеологом организаторов конференции был Арон Абрамович Брудный — один из хранителей гуманитарной культуры в Со-вдепе, осевший во Фрунзе и, наверное, только потому и выживший — ссылая дальше было некуда. Все киргизские философы, филологи и семиотики были его учениками. Он был уже в возрасте, но недавно женился и на конференцию приехал с молодой женой и сынишкой.

Однажды утром я вышел на пляж и застал там Мирослава, работавшего над акварелью и прогуливавшегося по пляжу Швырева. Выкупавшись, я подсел к Мирославу — всегда ведь интересно наблюдать, как кто-то работает. К нам подошел Швырев и обратился к Поповичу: «Слушай, а правда Брудный — грязный?» Мирослав, сосредоточенно выписывая горы противоположного берега: «Да, что-то есть такое...» Швырев оторопел. Он, оказывается, спрашивал об украинском слове «брудный», значение которого, в самом деле — грязный, испачканный, не чистый.

34. В. С. Швырев удивительно симпатичный мне человек. Психо-

соматически он очень напоминает мне Эмиля Филиппова. Даже своей слабостью к алкоголю. И, по-моему, это единственный симпатичный персонаж в зиновьевском «Желтом доме», в котором описаны быт и нравы ИФАНа.

Профессионализм В.С. потрясающий. Он может несколько дней пить, не просыхая, его могли чуть ли не на носилках вносить в зал конференции или защиты. Но когда предоставляли ему слово, он, как строевой конь, реагирующий на зов трубы, таким свежим огурчиком поднимался, выходил к трибуне или кафедре, блестяще выступал, садился и снова отключался.

35. Когда защищался Слава Литвинский, я помогал ему встречать и размещать В. С. Швырева. Тем более, что разместили его в обкомовской гостинице «Смолянская», а я жил рядом.

Он приехал очень тепленьким и хотел спать. Мы его проводили в номер, он тут же уснул. Мы спустились вниз. Но только мы присели поговорить, как к рецепции в майке сбежал В.С.: «Где я? Что это за город?» Мы подошли. «А это вы! Почему вы меня бросили?» Успокоили его. Опять уложили и разошлись. Только я дошел до дома — звонит В.С. «Помоги мне выбраться отсюда. Я теряю чувство реальности. Мне каждые 15 минут звонят и спрашивают, какой набор продуктов мне собрать с собой». Я пришел. Мы пообедали. Действительно, там можно было потерять чувство реальности. Заказали по цыпленку-табака. Принесли по огромной тарелке с целым цыпленком и стоило это 1 рубль 14 копеек. На вопрос — почему столько — ответили, что у них цены студенческой столовой, потому как они в комплексе с общежитием ВПШ.

Я опять пошел домой. Утром зашел за В.С. и он рассказал, что с ним произошло после моего ухода. Он опять прилег. Уснул, но опять вскочил. Решил выйти на улицу. Толпа людей шла мимо. Он пошел за ними. Они свернули за угол по Шпалерной. Он за ними. Они подошли к другой толпе. Посреди стояло что-то высокое, накрытое белой простыней. Вдруг простыню сдернули — железный Феликс! В.С. попал на открытие памятнику Дзержинскому.

36. Когда мы учились, то слышали о Московском логическом кружке. Я знал о трансформации и роли С. А. Яновской. Тогда много публиковался А. А. Зиновьев. У него были фундаментальные и добротнейшие книги по логическому следованию и многозначной логике. Потом пошли странные книги «Комплексная логика», «Логическая физика». В этих книгах был какой-то стеб, ерничанье, ненастоящность. Потом пошли списки «Зияющих высот», а в философских журналах появились чернушные статьи Б. В. Бирюкова и В. А. Смирнова. В них Зиновьева уличали в логической некомпетентности. Это было, с одной стороны, странно, а с другой — так знакомо.

Дело кончилось тем, что Я. Хинтиikka сделал А.А. вызов. Тот уехал

и осел в Мюнхене. Объявил себя социологом и сатириком. Сатирой были «Зияющие высоты», «Желтый дом». Первые раздражали объемом, многословием. «Желтый дом» мне очень понравился — это были реальные быт и нравы московской философской тусовки. Социологией стал «Коммунизм как реальность» — концептуальная выжимка из «Зияющих высот», сделанная по просьбе зарубежных коллег.

Потом его понесло. Объявил себя сталинистом, что он никогда не сменит гражданство. Стал почему зря честить Запад, «западнизм», глобализм. У него получалось, что социальные отношения в Совдепе, описанные им, являются фундаментальными законами человеческой социальности. И в этом тоже был какой-то стеб.

На излете Перестройки написал «Катастройку» — памфлет на горбачевизм. Приехав в Питер и выступая на факультете, удивлялся, почему никто не берется за топор. Ему предложили взяться. Он ответил: «Вы сначала дайте мне квартиру и работу, тогда и возьмемся». Ему дали и то, и другое. Он сошелся с Зюгановым и Дугиным. И в этом тоже была какая-то игра.

Жаль. Первые книги были отличные. Какое-то чувство стиля было нарушено.

37. Таким же изломанным, каким-то деформированным и оттого — вздрюченным мне показался Георгий Петрович Щедровицкий. От природы явный лидер он увел Московский логический кружок в «методологию». Во время суда над Синявским и Даниелем стал одним из «подписантов». Его выдавили в инфизкульт, и он с его энергией и харизмой создал свою нишу и даже мир — мыследеятельность и организационно-деятельностные игры. Сознательно развивал жесткий игротехнический стиль, целью которого было постоянно «унасекомливать» игроков, размазывать их тонким слоем, с помощью заумно корявого языка демонстрировать интеллектуальную несостоятельность. И над всем этим царил игротехник — весь в белом, сверкающий интеллектуальными высотами. Откровенный садо-мазохизм. Как он при мне говорил: «Я унасекомил Москву, Московскую область и всю среднюю полосу. Теперь приступаю к другим регионам». На конференции в Свердловске я его не то чтобы унасекомил, но срезал, и он на обсуждении говорил, что ему «нравится, как работают коллеги из Ленинграда».

Со временем, особенно после его смерти ОДИ превратились в откровенный бизнес. Сынок, унаследовавший бизнес, не удержался и на месте почти сложившегося культа Г.П. попытался создать свой. А, когда уже всем стало ясно, что с помощью игр ушлые ребята осваивают серьезные деньги ни за что, перевел бизнес в избирательные технологии и стал откровенно кормиться со стола спецслужб.

38. В самом конце Совдепа в ЛГУ случился философский скандал. Философствующий математик Рэм Баранцев собрал семинар, ко-

торый назвали «Семиодинамика». В него ходили совсем еще молодые Юра Курикалов, Саша Черняков, И. Печерская. И все было бы путем, пока не решили они прославиться. Под материалы семинара пробили листаж на сборник с таким же названием. Собрали сборник. Философ Зобов дал рецензию. Другой — забыл кто — вторую. И отдали в издательство университета.

Попал он заведующей редакцией Кузьминой. Философия. Надо быть внимательней. Какая-то «семиодинамика». Семи..., антисеми... От греха подальше отдала на философский факультет для дополнительной экспертизы.

Рукопись попала к Вячеславу Григорьевичу Иванову — тому самому, что открыл мне тайну невозможности моего обучения на дневном отделении. Он как раз незадолго до этого женился на молодой — Лезгиной и испытывал жилищные проблемы.

Иванов держал рукопись сборника полгода, а потом отнес — вместе с отзывом — не в издательство, а в партком. Это был классический разгромный донос. В лучших традициях. Он там нашел и сионизм («семи»). И подмену философии теорией знаков, разоблаченную еще Лениным. И культурологический анализ, лишенный основного вопроса философии. А главное — за всем этим семинар. Организация. Сбор денег на издание. Членские взносы. Связи с границей.

Семиодинамику разогнали. Бедного Баранцева отстранили от занятий и пытались выгнать из университета. Зобова перевели в НИС. Второй философ отделался легким испугом, потому как в это время упал с велосипеда и лежал с переломанной ногой. И вся эта колесница пронеслась над ним, не задев.

В.Г. на поднятой волне выступил с серией докладов и лекций, в которых громил Лотмана, семиотиков и говорил, что при слове «культура» он хватается за пистолет, потому как в ней нет основного вопроса философии. И... получил квартиру. За бдительность.

Остатки «Семиодинамики» ходили в СИЗИФ. В «Логосе» я опубликовал Курикалова и Чернякова, который теперь вырос в самого продвинутого и образованного феноменолога.

В Перестройку Баранцев издал-таки «Семиодинамику». Очень наивный и трогательный сборник. А какие круги пошли!

Даже и мне досталось на орехи.

39. С университета и по примерно 1985 я работал в библиотеке как негр на плантации. Перелопатил практически всю интересовавшую меня литературу. Своя картотека составила четыре каталожных ящика.

Взял «Книжную летопись» и просмотрел все, что издавалось в России в наиболее интересный период: с 1903 по 1929 годы. Практически, закрыл для себя все дыры. На этом просмотре нашел книги, у которых я разрезал страницы, т. е. в БАН я их читал первым. Это «Пульманология» Шмакова, пьесы Чевкина, с которого Булгаков слизал линию Ер-

шалаима в «Мастере и Маргарите». Были книги, о которых я был уверен, что их не переиздадут никогда: Розанов, Флоренский, тот же Шмаков. Но за годы Перестройки и Большого Издательского Бума переиздать умудрились почти все. Всю ермаковскую библиотеку по психоанализу. Издали даже Шпетовский комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба».

А еще обнаружил замечательные книги, изданные в 1917 году. «Как самостоятельно сделать типографию» (лежала в спецхране, само собой). «Чем заменить водку». И четыре издания за 1917 год выдержала книга В. Ленина «Наше родное Временное Правительство» с фотографиями министров. Сначала обалдеваешь. Потом соображаешь — В. Ленин. При жизни Ленина он был Н. Ленин или В. Ульянов (Ленин). В. Ленин — юрист, привлекавшийся в качестве эксперта Временным правительством. Наверное это был тот Ленин, который помогал в свое время младшему Ульянову выбраться из Шушенского напрямик за границу, и с дочкой которого у гения революции был роман. Именно потому-то он и взял себе этот псевдоним — Николай Ленин.

По легенде, когда он был уже болен, но еще говорил, то у него спросили, как он предпочитает, чтобы его называли — Ульянов или Ленин? А когда он ответил — Ленин, то Надежда Константиновна рухнула в обморок. Ревновала всю жизнь.

40. Работал я тогда с большим накатом. Кандидатскую я написал и представил за год. Фактически это была развернутая дипломная работа. А когда надо было ее защищать, то текст диссертации мною уже не воспринимался, рассыпался на буквы. Меня уже унесло дальше — через интерпретацию и экзистенциальные допущения — к смыслу и пониманию.

И еще сидел за машинкой как зайка-барабанщик. Складывалась некая big book о познании, культуре и личности с точки зрения общей теории знаков.

В том же 1983 году издательство университета объявило о сборе заявок на монографии под докторские диссертации. Мы с Гусевым подали заявки и за год я подготовил текст. «Познание и культура. Философско-семиотический анализ».

К заведующей философской редакцией книга попала буквально после истории с «Семиодинамикой». Ожегшись на молоке, дуют на воду. И она послала книгу в составе полагавшейся тогда выборочной проверки на идеологическую экспертизу в Москву, в Институт марксизма-ленинизма, где сидели философы в погонах.

И оттуда пришел разгромный отзыв за подписью некоего Липицкого.

Помимо прочего, в отзыве был поразивший меня пассаж. Рецензент отмечал, что хотя книга называется «Познание и культура», в ней ничего не говорится о культуре села (?!). Я своим глазам не верил.

Потом в «Философских науках» попался на глаза список кандидатских диссертаций, представленных к защите. Там была диссертация Липицкого, посвященная именно культуре села. Все встало на свое место.

За это время в редакции с текстом работали. Он понравился. И завредакцией, как и главный редактор издательства очень удивились полученному отзыву. Мне предложили «не портя рукопись удовлетворить замечания рецензента». По мере сил я это сделал, и рукопись опять отправили в Москву. Отзыв того же Липицкого был еще чернушней. Оказалось, что я двадцать с лишним раз цитирую какого-то Лотмана и всего 6 — классиков марксизма.

В редакции развели руками и сказали, что теперь они ничего сделать не могут. Увы и ах.

Я уже готов был смириться, но Боря Федоров, узнав об этой истории, сказал, что на этого туза надо искать шамайку и что надо посоветоваться с Мирославом Поповичем. Вскорости мы поехали на конференцию в Харьков, поговорили с Мирославом и тот подвел меня к Игорю Сергеевичу Нарскому — заслуженному деятелю науки РСФСР из Академии общественных наук при ЦК КПСС, которая конкурировала за идеологическую чистоту с Институтом марксизма-ленинизма. Тот, узнав, что в книге речь идет о герменевтике, спросил, а есть ли у меня там библиография. А у меня была по тем временам наиболее полная библиография, потому как я отслеживал не только наши публикации, но и зарубежные библиографические указатели и журналы. Я откопал даже российское издание конца XIX века Одесским военным округом (!?) добротнейшей книги по герменевтике.

В общем, Нарский предложил мне приехать в Москву с рукописью. «Я, — сказал он, — обладаю навыком быстрого чтения, и за день мы управимся». Я спросил, надо ли готовить болванку отзыва? Он ответил, что не обязательно.

И я поехал. Он взял рукопись. При мне вызвал тетечку и отдал ей для ксерокопирования библиографию, а мне сказал придти после обеда. Привезенную-таки мною болванку отзыва не взял. Когда я объявился снова, он вынес мне уже оформленный со всеми печатями отзыв. И отзыв был не поверхностный, а по сути.

Когда в университетском издательстве увидели отзыв Нарского, то обрадовались: «Вот это замечательно. Мы даже не думали о таком. Теперь и в Москву слать не надо. Готовьте рукопись. Надо только, на всякий случай, изменить название. И давайте всю критику вытащим в первую главу».

Старым названием была конъюнкция «Познание и культура». По-мню, как мы со Слинным сели в пустой аудитории, и я нарисовал пересечение двух кругов — понятий «познание» и «культура». И меня осенило — пересечением был мой любимый смысл — что еще может быть, кроме «осмысления». Так книгу и назвал — «Проблема осмысления действительности». Потом оказалось, что я ввел новую категорию.

Правда художник, стервец, на обложку вынес «Проблемы». Я ошибку отметил прямо на эскизе. Сказал об этом редактору. Но — уехал в отпуск, а осенью книга вышла с этими «Проблемами». И теперь я знаю по цитированию, кто читал книгу, а кто дальше обложки не смотрел.

О выполнении второго требования издательства я теперь жалею. Оно испортило книгу. В диссертации я все оставил как надо. А эта дурацкая первая глава так и осталась памятью об идеологической пуганности издательства и моей уступчивости.

Эта история с отзывами Липицкого фактически на 3 года тормозила защиту докторской диссертации.

41. Потом на этой волне в том же издательстве выпустили «Философию поступка», вынеся на обложку в название победительные «Разум. Воля. Успех». Там, вроде бы, впервые я начал развязывать язык.

Повторилась та же история. Когда сдавали «Проблему осмысления», я уже устал от этого текста, возни вокруг него и проблемы понимания. Меня уже унесло в поступок и практические рассуждения. Та же судьба постигла и «Поступок». Когда его готовили и сдавали, я уже писал «Самозванство», не написать которое просто не мог.

42. Э. Ф. Караваев рассказывал про одного аспиранта. Тот защитился, послал диссертацию и документы в ВАК. Ждет-пождет. Проходит полгода, год. Он все звонит в ВАК, а там говорят — ждите.

Поехал в Москву искать следы. В отделе послали в экспедицию. Там он видел, как страдальцы вроде него перебирали диссертации, а падавшие пинали ногами под шкафы.

Наконец, в ВАКе над ним сжалились и открыли тайну. Его диссертацию отдали на отзыв С. А. Яновской и та ее еще не вернула.

Он поехал к С.А. Старушка встретила его, напоила чаем, сказала, что помнит — была такая диссертация, но она уже все вернула вместе с отзывом.

Он опять искал следы в ВАКе. Там клялись и божились, что диссер у С.А.

Он опять поехал к С.А. Извинился и предложил поискать вместе. Они перерыли все и нашли ее. На окне. На диссертации, аккуратно накрытой салфеточкой, стоял цветочный горшок.

43. В Питере и Москве люди в метро ездят как? Шныриком, шныриком заскочить в вагон, уплотниться и ехать. В Киеве в вагоны входить и выходить. Плавно так, с достоинством. А в Баку так просто — гуляют.

44. Еще на «одесском понимании» познакомились с Виталием Кудусовичем Нишановым. Для меня он ярчайший пример последствий российской имперскости и идентичности. Отец — узбек. Мать — ук-

раинка. Жил в Киргизии. Ни по-узбекски, ни по-украински, ни по-киргизски — не говорит и не читает. Учился на русском, в семье говорили по-русски, преподает на русском. Ему говорят — ты узбек. Но он себя им не считает. Тогда — ты украинец. Тоже нет. Ну, тогда — киргиз. Тем более — нет. Считает себя русским. Как Сталин, который про себя говорил: «Я чеазк рюской кюльтуры». Теперь Виталий в Сиэтле. И там он уже точно русский.

45. В долине Иссык-Куля опять был какой-то карантин, и в Боамске ущелье отсекали и саживали диких туристов. Поэтому от Фрунзе к нам прибилась молоденькая авантюристочка из Риги. Настолько прибилась, что почти всю конференцию и прожила с нами в Чолпон-Ате. Один раз даже поучаствовала в пляжной дискуссии. Я ее реплики потом, отчасти из стеба, вставил в текст нашей с Гусевым книги о понимании, там, где дается обзор чолпон-атинского обсуждения понимания и убеждения. Когда книга вышла, я послал экземпляр по тому адресу, который она оставила, но книга вернулась — там такая не проживала.

46. Я знал грузинского логика Л. Эсакиа. Несмотря на молодость, он широко публиковался за рубежом. Это был прекрасно образованный, рафинированно интеллигентный молодой человек. Он жил в Тбилиси вместе со своими старшими братьями. Самый старший — работал мастером на заводе. Левон занимался математической логикой — такой игрой в бисер. А средний — ломал во дворе мимозу, продавал ее в России и кормил обоих братьев.

47. На конференции по логике в Киеве выступал заявленный в программе дядечка. Выступал с критическим напором, явно кому-то адресованным. К концу его выступления у меня сложилось впечатление, что он подобен подпольщику или шпиону, работающему на вражеской территории. На вопросы он отвечать не стал, упредив собравшихся, что является инвалидом по слуху. Он преподавал логику в старших классах средней школы.

48. Прилетел в Киев. По-моему, лекции читать в Институт культуры, но больше времени проводил с философами: Поповичем, Прилюком, Вяткиной, Васильевым, Ишмуратовым...

Встречал меня Юра Прилюк — тогда уже главный редактор «Философской думки». А как раз перед этим прилетом ввели правило, что регистрация начинается за полтора часа и оканчивается за полчаса до вылета.

Едем. Я Юру спрашиваю, по столичной привычке, насчет обратной дороги. «Я тебя встретил, я тебя и провожу», — ответил он. «Только учти, что теперь новые правила — регистрация начинается и заканчи-

вается раньше». — «Все будет в порядке!» И за время моего пребывания такой разговор между нами происходил несколько раз.

И вот день отъезда. Договорились, что Юра заберет меня от дома Васильевых. Стоим. Ждем. Уже дело к регистрации. Звоню Прилюку. Он еще дома: «Я уже выхожу. Ты меня вернул от дверей. Успеем, не волнуйся». А жил он в центре Киева. Ему надо заехать за мной, а потом через весь Киев выезжать на трассу к аэропорту в Борисполе. Ждем еще полчаса. Подлетает Юра, я сажусь, и мы едем. Я ему опять напомнил о новых правилах. И тут до него дошло. До сих пор он все относил на счет моей питерской суетливости. А тут вспомнил, что он сам не летал уже почти год. И он вдарил по газам. Мы мчались по правительственной, резервной части трассы. Как группа захвата в боевиках подлетели к аэропорту, но только и успели — вставить ногу в закрывающуюся дверь. Автобус с пассажирами уже отошел, рейс битком полный, а на мое место после регистрации уже продали билет.

Билетов на следующий рейс не было. Я жил еще день у Юры дома. Приезжавшие коллеги рассказывали мне историю о питерском философе Гречаном, который, тоже опоздал на рейс и жил в аэропорту почти десять дней, пока смог купить билет. На Юру эта история подействовала больше, чем на меня и он, нажав на все рычаги, смог достать мне билет на следующий день.

49. Прилюк и Вяткина сыграли свою фоновую роль в нашей с Любой истории. У них был бурный роман. У нее уже росла девочка. Он был женат и там был мальчик. А тут большая любовь. И все бы ничего, но тут на них метеоритом свалился Попович, в котором зыграла глубокая симпатия к Наташе. Все это длилось несколько лет — как раз в пике нашей истории. И мы с Юрой обменивались близкими и понятными друг другу проблемами и переживаниями. Потом они с Наташей все-таки поженились. На несколько лет у них получился мощный деловой тандем: он в журнале, она в различных грантах и фондах.

Он нелепо и трагически умер. Фактически — погиб. Сильно простудился. Оказался в больнице, а там, не спрашивая, сделали ему укол лекарства, на которое у него была мощная аллергия. То ли доза была лошадиная, то ли организм был ослаблен, но когда Наташа пришла в больницу, его уже не было.

50. Логика и философы собрались на очередной всесоюзный конгресс. В Харькове. Накануне открытия сидим в номере у Поповича. Мирослав попросил его налить еще вина. Мы с Вяткиной уговариваем его не пить, потому как завтра ему открывать конгресс. Он настаивает. Мы отказываемся. Он спрашивает: «Почему? Вы не имеете права. Я свободный человек». Наташа ответила: «Имеем. Потому что мы тебя любим».

Тут вспыхнул грузинский логик Дато Тевзадзе: «Никакая любовь,

никто, даже родная мать не может запретить свободному человеку. Свобода выше любви».

С этой истории я фактически начал свою книгу о самозванстве, назвав собственным именем только Дато. Самозванцы, напомню, это те, кто делают других людей счастливыми помимо, а то и вопреки их воле. Иногда даже — от их имени.

Жизнь придумывает такие пируэты... Специально не придумать. Во время заварухи в Абхазии Дато Тевзадзе, борец за свободу, пошел добровольцем воевать с абхазами, боровшимися за свою свободу!!! Как умный и смелый человек — быстро продвинулся, стал заметной фигурой в грузинской армии. Выводил Шеврнадзе из Сухуми. Тот ему стал доверять безгранично. Дато ездил на стажировку в Пентагон. Там ему предложили остаться и возглавить кавказское направление в аналитическом центре. Он отказался. К нему в Вашингтон прилетела беременная жена. На последнем месяце. Ей предложили родить в Штатах. В этом случае, по американским законам, их ребенок автоматически получал американское гражданство. Но они улетели в Грузию, чтобы успеть родить грузинского гражданина. Там стал министром обороны. Воевал с теми же абхазами и осетинами, держал в узде аджарцев и прочих. Чтобы всех сделать счастливыми гражданами Грузии, а кто не захочет... В «КоммерсантЪе» была его фотография в камуфляже с биноклем.

Когда к власти пришли Саакашвили и Бурджанадзе, они публично говорили, что побаиваются Тевзадзе. И послали его в Брюссель, представлять Грузию в НАТО.

51. Однажды позвонил Мирослав Попович — еду, мол, в Питер. Он вел на украинском телевидении цикл передач о вкладе украинской диаспоры в мировую науку, и теперь собрался сделать передачу о Денисюке — создателе голографии.

Мирослав спросил, не знаю ли я чего полезного о голографии и вообще — что это такое. Я ему ответил, что голография делится на: моно-графию, парно-графию, поли-графию и демо-графию — это когда всем народом без порток. Посмеялись. Потом он говорил, что рассказал эту хохму самому Денисюку. Тот дико хохотал и сказал, что все правильно, так оно и есть.

52. Известный отечественный сексолог И. С. Кон (тот самый, что на одном из первых перестроечных телемостов с американцами получил ставшую исторической отповедь отечественной участницы: «Секса у нас нет!») сначала жил и долго работал в Питере. Как-то в ИСЭПЕ выступал американский то ли сексолог, то ли гендерщик. Кон сидел в первом ряду и по окончании выступления спросил американца: «А как Вы относитесь к американской детской порнографии?» Тот то ли не понял вопроса, то ли откровенно издеваясь, помолчал, пожевал губами и ответил: «Лично я предпочитаю шведскую».

53. Порнографично не изображаемое, порнографична позиция снимающего и смотрящего. Порнографично может выглядеть изображение сна, еды, беседы. А тело, его части и то, что с ними происходит, сами по себе не порнографичны. Запомнился, фактически — фотопортрет — прекрасное одухотворенное женское лицо с фаллосом во рту. Никакой порнографии.

54. Зимой 1985-1986 гг мы со С. С. Гусевым — моим другом и коллегой, тоже логиком по университетскому образованию — сидели у него на кухне и занимались тем, чем мы обычно у него на кухне занимались, т. е. выпивали, закусывали и делали некоторые индуктивные обобщения. Эмпирические факты позволяли выстроить некоторую закономерность.

А именно, что М. С. Горбачев лыс, а его предшественник — К. У. Черненко, несмотря на болезни и глубоко преклонный возраст, обладал весьма густой шевелюрой. В свою очередь, его предшественник — Ю. В. Андропов обладал глубокой и широкой залысиной, тогда как Л. И. Брежнев был весьма «волосат». И далее — Н. С. Хрущев — лыс. А И. В. Сталин — несмотря на образовавшуюся с возрастом плешь, «в имидже» был при шевелюре. А В. И. Ленин — лыс. А Николай II — волосат. А Александр III — лыс... Далее, по мере продвижения вглубь российской истории, очевидно, накладывался династический момент. Применительно же к истории «социалистической демократии» действовала железная очередность политических лидеров: лысый-волосатый-лысый-волосатый...

Индукция была полная, и мы осмелились на несколько выводов из нее. Во-первых, — об исторической необходимости К. У. Черненко — фигуры довольно странной в качестве руководителя великой державы. Индукция же все объясняла: переход от лысого к лысому невозможен, между ними должен быть хоть какой-то, но волосатый. Во-вторых, о невозможности пришествия на советский престол в ближайшее время женщины, потому как представить ее в качестве лысого лидера невозможно, а среди волосатых женщина-лидер не наблюдалась. В третьих, мы предсказали следующего «волосатого» — Е. К. Лигачева, который и вел-то себя уже именно как следующий. И — промахнулись. Как показали последующие события, следующим «волосатым», подтверждая закономерность, оказался Б. Н. Ельцин.

Тогда зимой мы посмеялись. Я рассказал этот сюжет на конференции в Киеве. В Институте философии Академии наук Украины до сих пор висит моя фотография с подписью: «автор закона социалистической демократии». С. С. Гусев рассказал эту историю москвичам. Она пошла гулять в качестве анекдота, вошла в репертуар юмориста-сатирика М. Задорнова.

А бэконовско-миллевская индукция работала, накапливая подтверждения. Сначала жена обратила мое внимание на то, что все «лысые»

лидеры были не то, что западники, а даже, в узком смысле, были англоманами. Тогда как «волосатые» — склонны не то что к славянофильству, а были буквально русофилами-почвенниками.

Тут уже я задумался всерьез и обнаружил, что с «лысыми» связаны относительно кратковременные периоды бурления, поисков, реформ и прочих «перестроек», а с «волосатыми» относительно более длительные периоды стабилизации и прочего «застоя».

Закономерность улеглась в реальное время и в культуральные оппозиции. Многое прояснилось на одном семинаре с психологами, с которыми я поделился этим сюжетом. Они мне популярно объяснили, что лысеют только холерики и немного — сангвиники, тогда как флегматики и меланхолики не лысеют. Почти одновременно мне попали на глаза воспоминания русского аристократа, что с воцарением Александра I (стоит вспомнить — при каких обстоятельствах он взошел на престол) питерские и московские салоны стали наполнять «невесты откуда берущиеся лысые либералы вроде П. Чаадаева». Как известно Александр I был лыс и объявил реформы, а когда те выдохлись, император как-то странно стал скитаться по окраинам империи, умер в Таганроге, а всеми делами правил очень даже волосатый Аракчеев. А если еще вспомнить союз с Британией против Наполеона, всеобщее увлечение английским языком в правление Александра.

Тогда стало окончательно ясно: речь идет о настоящем законе. Когда историческому процессу надо, его требования прорастают вплоть до требований к психофизиологическим особенностям лидера. И «бояре» выкрикивают: «лысого!» Или: «волосатого!».

Этот сюжет я приводил каждый семестр на очередном курсе по логике в качестве примера индуктивного обобщения. Меня спрашивали — а что если однажды эта закономерность нарушится. Я отвечал, что это будет означать смену политической культуры в России!

Когда стал приближаться к концу второй — последний — президентский срок Б. Н. Ельцина, я с большим (и специфическим!) интересом присматривался к кандидатам. Когда по TV сообщили, что Ю. М. Лужков публично объявил о своей готовности участвовать в президентских выборах и сделал это не где-нибудь, а во время пребывания в Великобритании, я чуть со стула не упал от смеха.

Последующие события показали — каких сил (отречение Ельцина, назначение преемника, беспредельный черный пиар в государственных СМИ) стоило переломить «железный закон».

Что в этом плане означает президентство В. В. Путина? Реальную смену российской политической культуры? Или.. Присмотритесь к редкой шевелюре, высокому, с залысынами лбу, плешке сверху, подтянутой спортивности... При всем путинском германфильстве — к глубокой взаимной человеческой симпатии, дружбе семьями с ...Т. Блэром! С их отношений, собственно и началась внешнеполитическая деятельность нового российского президента. Ведь даже разговорный

английский был освоен в предельно сжатые сроки! Для кого как, а для меня поворот в российской внешней политике после 11 сентября 2001 года неожиданностью не был.

55. «Политиздат» выпускал довольно популярную серию книжек небольшого формата «Над чем думают, над чем работают философы». Там выходили иногда весьма приличные книжки. Я прозвал эту серию «Чем думают, чем работают философы».

И в 1983 году мне взбрела в голову авантюрная идея — написать в эту серию книгу о понимании. Предложил Гусеву сделать это на пару. Он согласился. Я подготовил заявку и послал. Совершенно неожиданно пришло предложение выслать пробную главу. Послали. Попросили весь текст. Послали. Прислали договор. Подписали. Я поехал в Москву уже, по-моему, после того как книжка вышла. «Политиздат» находился там же, где и Академия общественных наук ЦК КПСС. Редакцией заведовала матерая редакторша — Медведева. Собственно, благодаря ей и вышла наша книга, которая цитируется до сих пор.

Теперь я уже не очень доволен ею. Мы упростили понимание до познавательной проблематики. Понимание — проблема персонологическая и метафизическая. Но зато удалось за столбить понимание в отечественной философии, а мне — впервые в советское время снова ввести фамилию Розанова.

Правда, Стасик на меня обиделся тогда за излишнюю активность в правке текста, в том числе — его. Но надо было делать быстро, а он — по жизни тормоз.

56. Как-то встретил в БАН Валерия Карпунина. Он удивился. «Слушай, — говорит, — какие-то пьяные разговоры пошли в философии: понимаешь — не понимаешь...». Я согласился и сказал, что тенденция явная — следующей темой будет «уважаешь — не уважаешь». Так оно и получилось. Следующей доминантой стали ценности, нормы и прочая культуральная нагруженность.

57. У человека есть три возраста. Ты со мной играешь или ты со мной не играешь? Ему на смену — ты меня понимаешь или ты меня не понимаешь? Рано или поздно, но приходит третий возраст — ты меня уважаешь или ты меня не уважаешь? С медленным, но верным сползанием в синдром Альцгеймера.

Бронзовеют люди. Когда мы еще учились на философском, профессор Сви́дере́ский рассказывал о чудо-аспиранте Б. на их кафедре. Он готовит диссертацию по истории естествознания, но работает только с оригинальными текстами: Аристотеля, Галилея, Ньютона... И сейчас, мол, он дошел до Ньютона.

Потом Б. написал хорошую книгу по философским проблемам кван-

товой физике, стал любимцем и кумиром всех питерских и не только философствующих естественников. Именно естественников, а не философов, среди которых он был авторитетом, но не более. Было это в 1980-х.

Меня больше интриговала другая легенда о Бранском. Что он ездит на конференции только ради фотографий, которые он делает в разных местах. И что он систематизирует свой фотоархив по принципу: облака, реки, горы, деревья, закаты, восходы и т. д. Но это не просто фотографии — это «его облака», «его реки», «его небо»... Иначе говоря — «Вселенная Б.». Огородников его даже на Байкале за ноги держал, когда Б. Н. какой-то ракурс своего космоса узрел.

И еще была легенда, что у Н. Б. есть классификация видов, жанров и стилей искусств наподобие таблицы Менделеева и что там даже есть пробелы, т. е. предсказывается появление новых, о которых можно сказать — какие они будут.

Все оказалось правдой. На излете перестройки Б. совсем забросил философию естествознания. Стал писать банальности о синергетике, причем уже не прибегая к первоисточникам, а «от себя». И издал свою «таблицу Менделеева» стилей — толстенный и скучнейший том с плохими репродукциями.

В начале 1990-х в СИЗИФ пришла Генриетта Ляховицкая — патентовед, более известная в городе как поэтесса и организатор выставок неофициальных художников. Она, оказавшись в советское время в университете марксизма-ленинизма, наслушалась там о диалектике. Это совпало с ее интересом к трансцендентным кривым (это кривые, не имеющие аналитического выражения), и она придумала генер — кривую, которая, по ее мнению, иллюстрировала все законы диалектики. И вот она хотела сделать об этом доклад. Философам. Доклад она сделала. Я ей написал отзыв. Потом она затеяла патентовать свой генер. Гусев написал ей еще один отзыв. И она оформила патент на изобретение в области философии! Оказалось, что во всем мире патентов по философии всего два — ее и еще одного американца, изобретшего какое-то наглядное пособие.

После ее отъезда в Германию я опубликовал ее статью, чему она была очень рада. Потом уже сама издала брошюрку, еще статью. Потом я взял ее статью о генере в Проективный философский словарь.

И захотелось ей защитить философскую кандидатскую диссертацию. По своему генеру. И именно в Питере, и именно у Б., о котором она много слышала. Я передал ее тексты Б., говорил с ним несколько раз о Генриетте. Он отказался от общения с нею по электронной почте и телефону — пусть, мол, приезжает. Она специально приехала в Питер. С трудом добилась встречи с Б. Аудиенция длилась 5 минут. Профессор очень спешил. Он предложил Генриетте прослушать его курс, поучаствовать в семинарах с аспирантами. Ее тексты он так и не удосужился прочесть. На прощание Генриетта спросила его: «Скажите, Вы в самом

деле тот самый профессор Б.?» — «Конечно». — «Спасибо», — сказала Генриетта и уехала в Берлин, где сейчас читает спецкурс в Гумбольдте по своему любимому генеру. Там о профессоре Б. ничего не слыхали.

58. В университетском издательстве на всех перипетиях борьбы за «Проблему осмысления» у меня сложились хорошие, даже теплые отношения. К тому времени я познакомился с показавшимся мне достойным сравнительно молодым доцентом с пигровской кафедры — Н.И. Познакомились мы с ним на конференции в Звенигороде и как-то сошлись. До этого я его знать не знал и даже ничего не слышал. Предложил ему сделать на пару, может еще Пигрова привлечь третьим, философский альманах. Международный. Что-то вроде «Логоса» начала XX века.

Н.И. загорелся: «Да я привлеку Мамардашвили... Да мы с Джеймисоном...». У меня была идея сделать упор не на философов, а на философствующих, на первичное философствование, публиковать эмигрантов — Гройса, Эпштейна... В общем — загорелось. С этой идеей мы пришли в философскую редакцию. Кузьмина тоже загорелась. Ей же приспичило, чтобы и название было «Логос». Я протестовал. Не хотелось ассоциацией. Я предлагал просто «Ленинградские чтения (штудии, studies) по философии культуры». Оставили и это. У меня уже был темник ближайших выпусков:

- Разум. Духовность. Традиции.
- Росийско-советский духовный опыт.
- Зло и ужас, путь и счастье.
- Точная, строгая и странная философия.
- Метафизика Санкт-Петербурга.
- Женское.
- Творчество и творение

Договорились, что редсовет будет постоянный, каждый том будет собирать и редактировать кто-то один или двое. В редсовет включили Н.И., меня, Пигрова, Горичеву, Гройса. Таня согласилась. Гройс не возражал.

Первый том должны были собирать мы с Н.И. Ни Мамардашвили, ни Джеймисона... От самого Н.И. с большим трудом и только под конец удалось получить его текст. Издательство торопило — мы были поставлены в план. Терять темп было нельзя. Собирать том пришлось одному (хотя на титул я поставил наши с Н.И. фамилии в качестве редакторов). Это была первая официальная публикация статей Гройса и Эпштейна (после отъезда). Первая публикация А. Чернякова и Ю. Курикалова.

Собрал том, дал материал дизайнеру для оформления. И попросил Н.И. хотя бы проконтролировать редподготовку за лето — я уезжал, а он оставался в Питере.

Когда приехал, том был в типографии. Редактор сказала, что в пос-

ледний момент сняли мою статью, потому что по содержанию она, хоть и сжатом виде, но воспроизводила идеи монографии. Мне главное было, чтобы том вышел. Статья — дело наживное. Я радовался удаче. Все радовались тоже. Стали готовиться ко второму тому. Правда Кузьмина обронила загадочную фразу: «все будет нормально, если только вы не разрушаетесь». Я тогда удивился и пожал плечами — с чего бы это.

Той же осенью договорился с Прилюком и он дал рекламу «Логоса» в «Философской думке». Тут же валом пошли заявки на все последующие тома, на подписку.

Собирать второй том я предложил Пигрову, но тот захотел привлечь «специалиста» по русской философии, например, Ермичева. Я легкомысленно согласился. В результате — истерика и нулевой результат.

Собранный мною третий том «Зло и Ужас, Путь и Счастье», узнав о «Логосе» разгромил Солонин. Н.И. и Пигров при этом куда-то рассосались.

Из этого тома почти все материалы потом удалось опубликовать в разных изданиях. «Метафизику Петербурга» удалось издать в рамках Программы развития культуры. Собственно, именно ради возможности продолжить проект «Чтений» я и пошел на сотрудничество с Комитетом по культуре, ввязался в создание Института культурных программ. Но и тут — привлек Мореву и ожегся.

Идею «Точной, строгой и странной философии», т. е. публикации философствующих физиков и математиков, фактически реализовали Т. Артемьева и И. Микешин. Я только участвовал в этом томе и отдал туда несколько оставшихся у меня материалов, в том числе — повеленный текст Ляховицкой..

До «Женского» руки так и не дошли. Да и надо, чтобы тетки сами бы сделали. Разговаривал с Голик, Постоловой, Горичевой, Артемьевой. Да-да, но энтузиазма нет.

А идею «творчества и творения» я, похоже, реализовал сам — в «Теле свободы».

Миссия выполнена?

59. Н.И. я прозвал «Николай Темный». Он очень тяжело пишет. И плохо. Говорит он много лучше. Как мне сказала одна из студенток: «Я хожу на его лекции, потому что мне нравится, как у него рождаются мысли». Действительно, иногда кажется, что, выступая, он впадает в транс. Ходит он на людях с отрешенным видом, с шарфом а la Пиотровский и обязательным фолиантом под мышкой. Имидж все. Так что я не думаю, что мысли «рождаются».

60. Как-то мы договорились с Н.И., что для разговора я зайду к нему домой. До этого я у него не был.

В оговоренное время прихожу. Звоню. За дверью какая-то возня, топот ног, приглушенный разговор. Потом в глубине квартиры начи-

нает звучать музыка. После уже затянувшейся паузы, когда я уже еще раза два позвонил, из-за двери раздался женский голос: «Кто там?» Я назвал. Дверь открыла жена и предложила проходить: «Николай там». Она указала на дверь, в которую упирался коридор и из-за которой звучала музыка. Я надел тапочки и пошел к двери.

Открываю. Звучит музыка. На диване по стене у окон сидит Николай. Поджав под себя по-турецки ноги и держит в руках книгу. Вверх ногами. Я здороваюсь. Не откликается. Я подхожу ближе: «Привет!» Медленно поднимает голову: «А-а! Это ты... Здравствуй. Садись. Какую музыку тебе поставить?» Я сказал, что по делу и не надолго. «Ах, — сказал он печально, — какие мы с тобой разные...».

61. Он уезжал в Германию на несколько месяцев. Как он говорил, «в тот университет, где Гадамер». Я попросил его захватить надписанный для мэтра экземпляр «Проблемы осмысления» для передачи ему он взял. И привез обратно. «Не получилось. Не было повода».

62. В конце 80-х А. Н. Константинов, с которым мы сошлись в Верее на «Ленинградском деле», и который работал директором Дома ученых в Лесном, предложил мне сделать в Доме ученых философский клуб. Мы с ним даже название придумали — СИЗИФ — аббревиатура от «Союз Искусства, Знания и Философии».

Каким-то образом в проекте оказался Пигров, а после того как мы с Карпуниным сходили на квартирный семинар Сергея Степанова и Наташи Постоловой — и Степанов тоже.

Начали с ознакомительных докладов друг друга. Круг участников все разрастался. Я предложил публичные дискуссии. Получалось здорово. Ко времени и в масть. Лично мне очень помогли дискуссии о мифе и о сталинизме. Зал заполнялся. Подтянулась и «Поэтическая функция» — Останин, Драгомощенко. Как-то слушали доклад Аркашиной американской переводчицы — о феноменологии сна. По итогам первого года я дал обзор в первый номер «Ступеней».

На второй год Пигров предложил открыть «Философскую консультацию», что-то вроде «первой философской помощи». Чтобы кто-то в назначенное дежурил и любой человек мог бы придти и поговорить — о смысле жизни, например.

Я дежурил несколько раз. Иногда приходили. На такой встрече мы познакомились с Ляховицкой, советовавшей по поводу своего генера. Пигров не выходил на дежурство ни разу. Один раз я пришел в дежурство Сергея Степанова и застал яркую сцену, как в присутствии зрителей его долбала тетечка бальзаковского возраста. Сергей поплыл. Я вмешался, переключил ее на себя. Это была художник-оформитель Дома ученых. Людмила Матвеевна оказалась славная тетка. Она переехала из Москвы и не знала куда девать свою энергию. Ей хотелось писать, рисовать, общаться с интересными людьми.

В общем, два года мы пупырились очень активно, а потом СИЗИФ плавно перешел в «Живую культуру».

63. Сергей Степанов — само-родный и само-бытный философствующий субъект. Он лихо скрестил Гегеля и Кастанеду, Абсолютную идею и Орла. И из этой смеси сплел целый мир.

В малых дозах это было даже интересно. Но ему, вдобавок нужны паства и поклонение, а я это дело не люблю. Правда, в какой-то момент, его энергия направилась в почти конструктивное русло. Удалось создать «Философскую академию» с чтением платных публичных лекций! Сначала в Доме научно-технической пропаганды на Невском, а потом на Фонтанке. Там я впервые обкатал курс по философии поступка, читал курс по феноменологии самозванства, по российско-советскому духовному опыту. И приходило до 30 человек.

Свой курс читал Борис Липский. Академия стала еще одной эманацией СИЗИФА. Сергей издал несколько номеров «Игры в бисер» со своими текстами и нашими интервью.

Философия пошла в народ. Но тут пришел Гайдар и все испортил.

64. Для меня Ельцын — медведь из русской сказки «Теремок». Жили себе в старом пне постсоветского демократического движения и комар-пискун диссидентского либерализма, и мышка-норушка нового бизнеса, и лягушка-квакушка свободной прессы, и зайка-побегайка творческой интеллигенции, и лисичка-сестричка национальных движений.... И всем находилось место. И всем было хорошо и интересно. А пришел этот мишка-всех-подавишка, уселся на теремок, тут-то и пришел демократическому движению конец.

65. Когда Юра Прилюк возглавил «Філософську думку» и сделал из нее двуязычную «Философскую и социологическую мысль», я предложил ему рубрику «Уголок живого философа». А то знают только философов прошлого. О нынешних знать не знают и ведать не ведают. А сами философы друг дружку не читают, смотрят только ревнивым и косым глазом. Вот и откроем «живой уголок», как в советской школе. Пусть посмотрят, что это за зверьки такие — нынешние философы. Юра принял идею на ура.

Опубликовал я только две персоналии. По тому, с кого начинать сомнений не было никаких — Карпунин. Вторую посвятил Пигрову. Третью думал — Борису Маркову, но что-то тормозило. А тут и Юра погиб. Но идея мне до сих пор нравится.

66. Где-то с середины работы над «Самозванством» я стал думать — где его можно будет опубликовать. В издательство университета уже ход был закрыт. Там и команда сменилась. Осталась только Глушенкова, иметь дела с которой совсем не хотелось.

И я нацелился на «Ad marginem». Когда написал — сразу послал им. Разговаривал с А. Ивановым по телефону. Тот сказал, что тема и книга, несомненно «прямо для их», но Виталий Подорога хотел бы видеть текст «немного по-постмодернистичнее». Это значило — потуманнее, по-неоднозначнее, с «ускользанием автора». Короче, то, что я называю «пальцем вокруг клитора». А мне нужно было высказаться в этом тексте именно прямой речью. Я плюнул.

Книга пролежала несколько лет в машинописном виде. А уже наступала компьютеризация. Познакомившись на Минской конференции с Савкиным, Савчуком и Демичевым, я рассказал им о «Самозванстве». И когда Савкин с Абышкой сделали издательство «Алетейю», они предложили отдать рукопись им. Там она лежала без движения тоже почти год. Я уже почти опустил руки, как неожиданно позвонил Д. Бурлака и предложил издать книгу у него в РХГИ. Мне было уже все равно и я согласился.

Я очень обязан Дмитрию Алексеевичу. Они довольно быстро сделали электронную версию и опубликовали многострадальный текст. Тем более, что к тому времени у Пуляева в программе «Народы России» нашлись деньги. Кроме того, Бурлака предложил сменить название. У меня было «Тень сердца — призраки бытия». Решать надо было быстро и я решил назвать просто «Самозванство». И опять смена названия пошла на пользу. А за мной пошла слава человека, легкого на удачные названия.

67. На «Самозванстве» я нажил неожиданных врагов, о которых даже не догадывался. Оказывается, на Бурлаку и Пуляева из-за меня обиделись люди из их «патриотического» окружения: Сагатовский, Маилов. Считали ошибкой публикацию «русобобской книги». Пуляев же продолжал считать «Самозванство» самой удачной и важной книгой последних десятилетий.

Со временем понял, что к чему и Сагатовский. Понял, что я не западник, хотя и не славянофил. Но оценил мой интерес к российскому духовному опыту и имперскости.

А от Маилова исходит какая-то непонятная мне иррациональная злоба. Она неожиданно проявляется в его публикациях. То ли тема его задела? Тема не простая. Тестовая. Нутряная.

Реакция на эту книгу вообще получилась непредсказуемая. Стасик Гусев до сих пор считает, что я загубил замечательную тему, уведя ее в метафизику нравственности. И вообще обвинил меня в богоискательстве. Объяснились только после «Постчеловеческой персонологии». А Т. С. Бибарцева подошла и сказала, что эта книга важна. Потому что в ней «есть духовность». Вот такой разброс: от русобобства до духовности.

68. Чужая душа — потемки. Своих мозгов в чужую голову не вста-

вишь. Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется... Каждый понимает в меру своей испорченности. Наживаешь врагов там, где никак не ожидал и совсем не тех, о ком думал.

В конце 70-х-начале 80-х вдруг заметил косые взгляды московских логиков, особенно Пети Быстрова. Оказалось, что В. А. Смирнов где-то публично сказал, что «Гусев и Тульчинский тянут Бродского и Поповича в болото культуры». Это мы-то!? Бродского!? Поповича!? Петя и Карпенко успокоились только на конференции в Киеве в 2004 году, после моего доклада о цивилизационном значении логики. Карпенко даже стал говорить о «таком удачном термине — «советская логика»». Дошло. Лучше поздно, чем никогда.

69. Московские философы не любят ездить в Питер. Даже на защите — обычно просто присылают отзыв.

Только один ездит регулярно, при первой же возможности. Точнее, как только позовут. Это Вадим Львович Рабинович. Балагур записной и очень любит быть в центре внимания и чтобы его обихаживали и облизывали. А кто ж не любит-то?!

В Питере Уваров, Артемьева и Демичев (с его тогдашними возможностями) встречали, поили, кормили, спать укладывали и в рот смотрели. Нравился ему Питер.

70. Есть такое — томское — философское сообщество. Сложилось оно во время работы там П. В. Копнина, В. А. Смирнова, В. Н. Сагатовского. Они уехали, а критическая масса была набрана и сложилась своя культура. Потом вспомнили, что Шпета расстреляли именно в Томске, в Колпашевском яре. Стали проводить Шпетовские чтения. Одно время проводили Копнинские. Мне хочется туда добраться, но все как-то сложно со временем. Хотя зовут часто.

В Питере, в «холодилке» работал человек из этой культуры — Косарев. Он написал неплохую книгу и диссертацию по мифу. Но защититься ему хотелось именно в Томске, хотя все оппоненты были питерские (Сагатовский, еще кто-то и я). Поехать мне тогда опять не удалось, но отзыв я дал.

Защитился он удачно, а ВАК диссертацию тормознул — заподозрили неладное: соискатель из Питера, оппоненты из Питера, а защита — в Томске. Коррупция? И назначили перезащиту в Москве в ИФАНе.

На защите нежданно негаданно свалился с печки Рабинович. Наговорил кучу незаслуженных гадостей даже не читая работу. Обычно логики не вмешиваются в такие защиты: мифология, культ-урология... А тут почуяли неладное и поддержали. Именно их голосами он и прошел. Рабинович демонстративно голосовал против, а после голосования подошел к Косареву и поздравил, подчеркнув: «Несмотря на то, что лично я голосовал против».

71. Похожая история была с Борисом Марковым.

Не понравилась ему диссертация Размика Айдиняна: так, мол писали в XVIII веке. Я его спрашивал — может быть такой способ, стиль философствования — «принципами». Он говорит: «Да». — «Так в чем же дело?» — «Так сейчас не пишут». Короче говоря, не понравилось и все тут.

И на защите он распушил хвост: выступил, цитировал, шутил, говорил, что так не пишут сейчас и что он будет голосовать против. И, гордый собой, проголосовал. Кроме него, никто на защите не выступил с критикой. А при голосовании большинством в один голос Размика прокатили. Оказалось, что против проголосовали борцы с жидами и черножопыми, которые не могли пропустить «хача». Получилось, что именно голос Бори и решил судьбу защиты, а он сам, неожиданно для себя самого, оказался в теплой компании. Он, бедняга, растерялся: «Я не ожидал такого исхода. Не думал».

72. Не так давно был на защите докторской диссертации Татьяны Степановны Воропай в Харькове. Поехал, помимо прочего, чтобы после долгого перерыва пообщаться с Поповичем, который тоже был оппонентом.

Защита проходила в Академии МВД Украины. Вход по пропускам. Пока шли к учебному корпусу, по плацам, там проходила строевая подготовка курсантов. Все команды отдавались по-русски.

Началась защита. Председателем был ректор Академии — веселый дядька. Он еще был и депутатом Рады, рассказывал политические новости, анекдоты. По-русски и до защиты. Открыл он защиту тоже по-украински и спросил у Воропай — на каком языке она предпочитает защищаться. Татьяна с большим пафосом сказала, что предпочитает державную мову. Тот благосклонно кивнул и добавил: «А о, что некоторые оппоненты не розумиют державну мову, так мы им простим». Имел в виду он меня. Я уже думал поиздеваться, начав выступление по-английски, но события меня опередили.

Татьяна старательно зачитала текст выступления, написанный по-украински. На этот текст, как и на перевод диссертации и автореферата у нее ушло полгода. Потом отвечала на вопросы. Очень старалась обойтись без суржика. Но в какой-то момент попросила у председателя разрешения перейти «на другой язык, потому что вопрос, заданный ей очень глубок». Тот спросил у членов совета разрешения и Татьяна перешла на «другой» язык. Дальше к державней мове не возвращалась. Только Мирослав выступил на украинском — сочным и красивым. Выяснилось, что украинского не знает и местный оппонент — Мамалуй. Так что я дразнить гусей не стал.

73. Когда мы с Любой и маленьким Степой ездили на Украину — в Киев, Умань и Старые Бабы, то в Умани обнаружили вулицю Спінозі.

Умань была одним из центров цаддиким. Образованных евреев до войны там было не мало. Улица была коротенькой, всего на несколько домов. Один из них был отделением милиции. Армеева была в Голландии в доме-музее Спинозы, но улицы Спинозы там нет. Похоже, это единственная улица Спинозы в мире.

74. Как-то к нам в культуру приехал известный японский советолог профессор Укеда. Попросил встречу с каким-нибудь профессором. Принимавшая его И. И. Басс устроила нам встречу. Мы долго разговаривали о Перестройке, перспективах. Через год он приехал снова и опять попросил встретиться со мной. В разговоре он сказал: «Вы не проводите опросов, но в отличие от прогнозов Клямкина, Ваши прогнозы сбываются».

75. Валера Карпунин все делал искренне и широко, с размахом. Даже — болел. Когда я начинал в «Философской и социологической мысли» рубрику «Уголок живого философа», у меня не было никаких сомнений в том, кому посвятить первую публикацию — она была посвящена Валерию. Рубрика имела слегка ернический подтекст — отечественные философы-современники плохо знали друг о друге, мало интересовались идеями друг друга, видя свет только в зарубежном окне.

С тех пор ситуация немного, но изменилась. В том числе — благодаря поколению, к которому принадлежим мы с Валерой. Это поколение выживавших. Не стремившихся к лучшей жизни. Не «боровшихся за счастье будущих поколений». Мы выживали. Сначала выживали духовно. Культурой Серебряного века. Современной зарубежной. Нашей независимой параллельной культурой. И к середине 1980-х поняли, что в произошедшем со страной немалая вина Серебряного века, авангарда. Потом — в обвале империи поняли, что в совдепе и вообще — культуре прошлого было и достойное, светлое. А теперь — время собирать разбросанные камни. И мы (Валера, Стасик Гусев, Боря Липский, Михаил Эпштейн, я) участвовали в этом работой ума и души, публикациями, лекциями, разработками новых курсов, участием в разных проектах.

Валера — живой философ. В буквальном смысле слова. Не только — в смысле актуальности им сделанного и задуманного. Он интенсивно пропускал жизнь через себя. И пропустил. Раньше многих. Название старой рубрики приобрело новый смысл.

76. Отечественные нацисты застрелили этнографа и эксперта Николая Ивановича Гиренко. Он привлекался в качестве эксперта по делам нацистов. Убили утром выходного дня, когда он подошел на звонок в квартиру, выстрелом на голос, через дверь. Пулей дум-дум.

Прощание было в главном зале питерского центра Академии наук. Собралась практически вся продвинутая питерская гуманитарная и

либеральная общественность. Вел прощание Э. А. Тропп. Он же сказал и главные слова. О том, что ученых у нас уже убивали за полученную пенсию, за новую куртку. Но впервые убили за профессиональную деятельность. Дальше выступали коллеги, политики.

Тропп уже объявил о завершении выступлений и пригласил попрощаться с телом, когда к микрофону почти подбежал невысокий дядечка и, ухватив микрофон, попросил слова. Не дать ему его было просто невозможно. Речь его, по-первоначально, произвела странное впечатление. Почти полного абсурда. Мол, вот тут говорили о каких-то фашистах. Но разве могут быть фашисты в стране и в городе, так пострадавших от фашизма. Мол, тут говорили о коллегах и родственниках, но в зале присутствуют и одноклассники Гиренко. Вот он, например, долго работал в Москве, в руководстве отрасли. «Нельзя не упомянуть и о нашей классной руководительнице, которая тоже здесь присутствует».

Сначала просто оторопь взяла. Особенно от этого «нельзя не упомянуть». Потом дошло. Стресс потери школьного приятеля. Огромный зал. Много непростых людей. Говорят громкие слова об этом приятеле. Получается, что его чествуют. Похороны причудливо трансформируются в величание. А как же я!? Я ведь тоже «руководил отраслью!» «А еще тут стоит наша классная руководительница»... Так крыша у человека и поехала.

77. В конце мая 2005 года в Москве проходил IV Российский философский конгресс. Я решил поехать (были дела в Москве) на первые два дня. Как-никак — смотр отечественной философии. Быт и нравы — всегда самое интересное.

4000 философов. Битком заполненный главный актовъ зал МГУ. Дизайн потрясающий. Слева от сцены барельеф Маркса с мудрой мыслью о том, что в науке нет торных дорог. Слева — барельеф Ленина с не менее мудрой мыслью о том, что коммунистом можно стать только освоив все знания, накопленные человечеством. Задник сцены выложен мозаикой: красные знамена, серпы и молоты, рабочие, крестьяне, интеллигенты. В левом нижнем углу огромные цифры 1917, в правом — почему-то 1953. Наверное, все-таки не смерть Сталина, а год окончания строительства.

В президиуме пыльные философы и поп с огромным крестом на груди. Приветствия Президента, Патриархии.

Открылся съезд часовым выступлением ректора МГУ Садовниченко. Это была компьютерная презентация в PowerPoint: череда портретов мыслителей прошлого с их мудрыми мыслями. Садовничий их просто зачитывал. Самое печальное было в том, что это мультимедиа давным-давно висит в сети и хорошо известно. Ладно бы это делалось для студентов, а тут — на открытии конгресса...

Потом пошли выступления. Степин, Мотрошилова, прочие рангом пониже. И все об одном и том же: глобализация, интернет, Макдо-

налдс, Микки Маус, враг на пороге, враг уже в доме... Сначала стало не по себе — будто попал в прошлое. Потом подумал — может, это дизайн срывает. К концу дня, после некоторых разговоров ситуация прояснилась. Это смыслоутрата, растерянность, за которой стоит интеллектуальная и духовная несостоятельность, неадекватность времени, неспособность не то что дать ответы, а даже поставить вопросы, сформулировать проблемы. И это прикрывается страшилками, попытками бежать впереди растерянной и несостоятельной власти, запугивая и ее и самих себя.

Диагноз подтвердился вечером на публичной лекции К. Свасьяна, живущего теперь в Швейцарии. Бывший кумир отечественных гуманитариев собрал актовый зал гуманитарного корпуса МГУ. Тема лекции — «конец истории философии». Сразу же Свасьян пояснил, что речь идет о конце самой философии, конце феноменологическом и перманентном. Потому как каждый философ возводит всю историю философию к себе любимому. Поэтому каждое философствование солипсично, и каждый философ норовит унести философию с собою в могилу. Поэтому самой честной позицией философа является суицид. В подтверждение были приведены примеры Вайнингера и еще одного молодого немецкого философа, которые покончили с собой, опубликовав первые книги. Хороший стеб. Монотонным голосом. Собравшаяся отечественная философская общественность, особенно женского гендера оказалась в трансе. Это, большей частью, преподаватели философии из провинции, из технических вузов. Это армия бывших идеологических шестерок, опущенных и невостребованных нынешней властью. Они мучительно ищут пути востребованности. А тут Учитель говорит, что никому они на хрен не нужны, кроме самих себя, и говорит, что самое честное — это покончить с собой. Посыпались вопросы: «Как же теперь преподавать философию?», «Что читать в курсах?». Типа «как же так, учитель, как же жить дальше? Укрепи и направь!» Бедняга Свасьян, как мог, тихо отбрыкивался. Его, мол, не так поняли, он не это имел в виду. Но все те же вопросы шли и шли.

В какой-то момент я не выдержал и предложил: поскольку еще предстоит заключительное пленарное заседание конгресса, принять на нем решение о коллективном суициде отечественных философов. И прямо на этом заседании от слов перейти к делу.

78. Керчанин Сергей Евстратов приехал в Питер с сыном — обеспечить ему старт и проследить. Сын поступил во вузу, а Сергей пошел работать на завод турбинных лопаток. Мы с ним сошлись по двум поводам. Он — философствующий физик, и хотел организовать в Крыму нечто с питерскими корешками. Создали Региональную лабораторию СПб Кафедры ЮНЕСКО по философии и этике СПб НЦ РАН. Нечто вроде черноморского отделения одесской артели «Московские баранки». Он еще умудрился в создать в Астрахани филиал этой лаборато-

рии. Дело ограничилось договором и проведением нескольких конференций под этой эгидой.

Потом сын выучился и Сергей подался обратно в Керчь — там дом, больная мать. Но работы нет. Зато осталась эгида. И имидж «человека от ЮНЕСКО». Это очень помогло зимой 2005–2006 годов, когда в Керчи вымерзли водопровод и теплоснабжение. С появлением Евстратова появлялись слесари и краны. Это второй известный мне случай после «силлогистической машины» на ВДНХ, когда философия приносила непосредственно ощутимый результат.

XIV. Культура и PRбург

Это истории, связанные с активными разездами по стране с лекциями, семинарами, разработкой региональных программ и проектов по менеджменту в сфере культуры и Public Relations.

1. Много ездил по стране с деловыми играми под разработку региональных программ поддержки и развития культуры (Архангельск, Нальчик, Красноярск, Екатеринбург, Хабаровск и др.). Обычно соби- рались человек под 30 местных моторных работников сферы культуры, и за два дня игры на какой-нибудь базе отдыха получалась реаль- ная и содержательная программа на перспективу, с очень интересными проектами.

Замечательной получилась игра в Нарве. Собралось 40 человек — клубников, музейщиков, библиотекарей, киношников, руководи- телей творческих коллективов... Уже отделилась Эстония, но не толь- ко из Нарвы, из Кохтла-Ярве, из Нарва-Иэсу приехали. Некоторые, вроде директора Нарвского музея — с европейскими именами. Цель игры — определить приоритеты бюджетного финансирования куль- туры региона.

Первый день. Определяем приоритеты. Участники в пяти командах по главным отраслям культуры. Все рубашку до пуза рвут, промеж грудей себя колотят: главный приоритет — русская культура. Оно и понятно — 83 % населения — русскоязычные. Наколупались и дру- гие приоритеты: культура и дети, инфраструктура туризма, почему-то кабельное телевидение и прочее. Всего получилось 6 приоритетов — почти стандартный набор. На следующий день рассаживаемся по при- оритетам — кто над какими проблемами хотел бы и готов поработать. На самоопределение у них были вечер, ночь и утро. Утром приходят — на столах стоят таблички? «Русская культура», «Культура и дети» и т. д. Рассаживаются. Один стол пустой. «Русская культура». Я похо- жего ожидал, но чтобы так остро и больно! На послеигровой рефлекс- ии спрашиваю участников: «Почему, как вы думаете, так получилось?» Они в один голос: «А мы не знаем, что это такое — русская культура! Православие — есть собор и Пюхтицкий монастырь. Хороводы водить — а какие хороводы водить? Крестом вышивать — а каким крестом выши- вать?» Профессионалы — они знают, что есть великая российская, им- перски-собирабельная культура и есть русские культуры. Они понима- ют то, что дилетантам и иностранцам никак не взять в толк. Для братьев по разуму все — Russian culture. А поводишь их по залам Эрмитажа или Царскосельского дворца — зал японского оружия, зал китайского фар- фора, зал персидских ковров — доходит.

В российской культуре культур есть место Пушкину, Далю, Лер- монтову, Левитану. Чайковскому, Айвазовскому.... Но в России про- живают 10–12 самостоятельных русских этносов со своими жилищем, одеждой, кухней, утварью, хороводами и прочим. Поморы и казаки, кержаки и челдоны.... Танцы, которые танцует ансамбль И. Моисеева, в России никто никогда не танцевал — это придуманные для иностран- цев танцы на экспорт. Балалайка — отнюдь не русский народный инст- румент. В русских деревнях никто никогда на балалайках не играл. Ба- лалайку придумал Андреев и в его оркестре «народных инструментов» играли не мужики, а люди с консерваторским образованием, зачас- тую — совсем не русские. Это имперская российская культура.

Так какую культуру поддерживать и культивировать?

Если этого не понимать, то произойдет то, что случилось на фести- вале русско-финской культуры в Выборге. Выступает финская само- деятельность. У них на физиономии написано, что это бухгалтера, и они поют эти песни по выходным дням. В ответ выступает выборгская художественная самодеятельность — ансамбль кубанской песни и пляски. И всем неудобно. Все чувствуют, что происходит что-то не очень приличное, к местной культуре отношения не имеющее.

Все империи оставляют после себя великие культуры. Из после- дних — одна культура Австро-Венгрии чего стоила! Но все империи распадаются. И особенно болезненно приходится людям, идентифи- цировавшим себя с имперской культурой.

2. В 1983 году готовили Июньский Пленум ЦК КПСС. Идеологи- ческий. Давно уже партия не обращала внимания на культуру! И обра- тила. С докладом на пленуме выступал К. У. Черненко. И выступал генсек Ю. В. Андропов.

Вопреки традиции, постановление готовилось не по докладу, а по выступлению — генсек как-никак. Спичрайтеры на Старой площади, готовившие это выступление, запросили информацию в Министерстве культуры — что у Вас нового и интересного, что поддержать. А тогда экстра-попс был белорусский опыт по созданию спортивно-культур- ных комплексов — это когда на селе клуб, библиотека, школа, книж- ный магазин, баня объединяли средства и работали по одному плану. Затея была необоснованная, комплексы эти рассыпались через год. Но информацию дали. Подвел профессиональный кретинизм — привычка к аббревиатурам, в этих материалах речь шла о СКК. Но не может же выступать Генеральный секретарь и говорить аббревиатурами, тем бо- лее такими неблагозвучными — эскака! Аббревиатуру надо раскрыть. Но это же Москва, Старая площадь! Сами раскрою. И раскрыли.

И выступил генсек и говорил о каких-то культурно-спортивных комплексах, которых в империи отродясь нигде не было. А поутру они проснулись — вопрос о повсеместном создании спортивно-культур- ных комплексов уже стоял на контроле в отделе пропаганды и агита-

ции ЦК КПСС и Минкульт должен был рапортовать о выполнении мудрого решения.

Нас со Светой Рождественской включили в городскую комиссию по созданию районных КСК в Питере. Идиотизм по этому поводу творился невероятный. В Дзержинском районе находились из учреждений культуры Эрмитаж, Русский музей, Госцирк, Институт культуры, районная детская библиотека и клуб «Водоканала». Завотделом культуры, вполне разумная тетка, просила — давайте создадим межрайонный КСК вместе с Куйбышевским районом — там, хоть, что-то спортивное имеется. Нет, говорили ей городские власти, — должен быть именно районный КСК. И она, бедняжка, при мне звонила директору Эрмитажа, тогда Пиотровскому-старшему и спрашивала его — что будет делать Эрмитаж ближайший месяц в рамках районного КСК. Тот долго смеялся и сказал, что из культурой перестал заниматься с 19 лет, с тех пор как занимается музейным делом и повесил трубку. Или Московский район. От Сенной площади до аэропорта. Завотделом культуры предлагал создать три КСК. Один в промзоне — на базе ДК Капранова. Второй в спальном районе — на базе Парка Победы. Третий — в Авиагородке. Нет — сказали и ему. Должен быть именно КСК района.

3. В начале 1990-х в Питер приехала представительная американская группа — учить нас административному менеджменту. Возглавлял эту группу бывший известный дипломат, тогдашний директор Metropolitan Museum Уильям Луерс. В группу входил Джон Бредемас, тогдашний конгрессмен — по нашему председатель комиссии по культуре Конгресса (теперь он Председатель Фонда Маккартуров), Президент Фонда Кока-Колы, Президент Фонда Кресса — тогдашняя Президент Всемирной Ассоциации фондов, ведущий теоретик по культуральному менеджменту Джоан Джеффри. В общем, люди не простые. Но особенно они гордились двумя тетками. У них до конца 1980-х вообще не было государственных органов в сфере культуры, только в администрации штата Джорджия был создан комитет и еще районный отдел культуры Нижнего Манхэттена города Нью-Йорка. И вот ОНИ приехали НАС учить административному менеджменту!

На второй день мы с Луерсом вместе смеялись и это его слова: «У вас накоплен колоссальный опыт административных нововведений в сфере культуры и этот опыт нам очень интересен!»

4. Уже в 1999 одна моя заочница-дипломница из Карелии работала с финнами — ее пригласили в Йоэнсуу для руководства совместными программами. Под это дело финны создавали культурный комплекс и поручили ей продумать устав и организационную структуру. Я ей отдал пакет материалов по КСК. Финны писали кипятком — оказалось то, что надо. Дали блестящий отзыв на ее диплом.

А у нас эти КСК так и не заработали. В совхозе «Агротехника» — это в Сельце, от Любани километра 3 — стоял такой КСК. Не на бумаге, когда якобы объединяли клуб, библиотеку, баню, парикмахерскую и книжный магазин, действительно комплекс в едином архитектурном решении: стекло и бетон, под одной крышей средняя школа, дом культуры, библиотека, бассейн и спортзалы. Ребята зимой или в дождливый день могли там проводить целый день. Архитекторы за этот проект премию получили. Но... Школа относится к Тосненскому РОНО, ДК — в Любаньскую централизованную клубную систему, библиотека — в Тосненскую ЦБС, а спортзалы и бассейн принадлежали спортобществу — что-то типа «Урожай». Так они спорили — кто до какой плитки должен пол мыть.

5. В приезд той американской группы видных организаторов культурной жизни в Штатах, я впервые столкнулся с иной культурой подарка. У нас до сих пор считается нужным подарить полезную вещь, которую можно съесть, выпить, надеть, куда-то вставить, чтобы от этого что-то произошло.

Американцы же дарят вещи абсолютно бессмысленные в практическом смысле. Кусок стекла с надписью. Медаль размером с тарелку. Мяч для гольфа со смешными надписями или автографами. И вот этот подарок стоит у тебя на столе, или на шкафу, на полке — и не знаешь куда его девать, а выбросить жалко. Память. Настоящий подарок. На всю жизнь.

Так и те американцы. Тогда мэром был Собчак. Популярность за рубежом была огульная. Ему сам Сегела, тогдашний глава International Public Relations Association, политический рекламист, который делал избирательные кампании Франсуа Миттерану и Жаку Шираку, Желю Желеву и Леху Валенсе, сделал бесплатную двухлетнюю PR-кампанию. Понравился ему нардеп в клетчатом пиджаке. Увидел он в нем будущее российской политики. С тех пор все иностранные группы, приезжавшие в Питер просились на встречу с Собчаком. Даже если им это было незачем по делу. Им Медный всадник с Эрмитажем — до лампочки. Главное — что они были там, где Собчак. Для того, чтобы сфотографироваться «с Собчаком» и вручить ему подарки. Две комнаты в Смольном были заняты под эти подарки. И какие подарки! «Это моя девочка нарисовала для Вас!» «А это мой мальчик слепил специально для Вас».

Подумать только — сидит в Атланте 9-летняя девочка, рисует что-то и знает, что ее мама, далеко не последний человек в мире по части благотворительности и foundation, поедет в какой-то Санкт-Петербург, где сидит какой-то дядя Собчак. Которому его мама считает за честь подарить вот этот ее рисунок! Для американцев, помешанных на семейных ценностях, подарок ребенка, подарок из семьи — высший пилотаж уважения.

6. Вообще, в PR проблема подарка весьма серьезна.

Как-то я предотвратил легкий международный скандал. Прихожу в наш культуральный университет и начинаю подниматься по главной лестнице. Не спеша, этак. А меня обгоняет наша профсоюзная дама (теперь это соцстрах), очень милый человек. Спешит, а под мышкой какой-то сверток. И дальше был такой разговор — на ходу, пока она меня обгоняла на лестничной марш:

«Привет!» — «Привет!» — «Ты чего спешишь?» «Поляки приезжают. Надо им чего-нибудь дарить, а под рукой ничего нет. Вот и бегала по магазинам. Ничего не попало. В городе просто нет нормальных сувениров». — «Ну, и чего купила?» — «В конце концов взяла миниатюру памятника Суворову у Троицкого моста. Будет им память об Университете культуры». — «Ты чего?» — «А что?» — «Суворова! Полякам!»

Надо было видеть, как она поплыла. Она сама читала курс истории и просто забегалась, замоталась... И вот — такой прокол. Это для нас Александр Васильевич Суворов — генералиссимус, слава русского оружия, ни одного проигранного сражения... А ведь, Суворов не вел ни одной оборонительной кампании. Все его сражения — российская имперская экспансия. Да и дядечка был не простой. Этнический финн. Его отец был придворным палачом, лично придумавшим около двухсот пыток. Мальчик рос в непростой обстановке. Он лично попросился сопровождать Емельяна Пугачева к месту казни, он простоял у эшафота всю экзекуцию.

Да и потом он наломал таких дров, что с тех пор нас смертельно боятся в Европе. Он подавлял восстание Костюшко. В одной только Лодзи полторы тысячи отрубленных кистей рук. Костюшку месяц возил за собой в клетке. Дарить полякам Суворова — это покруче, чем японцам — бюст маршала Жукова с надписью: «Помни о Халин-голе!»

Через месяц я зашел в профком и поинтересовался — что же она полякам подарила. «Слава Богу, что я тогда тебя встретила. Нашли старый тираж буклетов Института Крупской имени культуры, и подарили им. Поляки были счастливы как дети».

7. Важную роль в моей жизни сыграло участие в большой деловой игре, которую проводило в 1988 под Москвой на какой-то базе отдыха в Верее Министерство культуры РСФСР. Участников было человек 60 — все моторные специалисты, чиновники, преподаватели, практики, теоретики, кооператоры. Там я познакомился с Толей Константиновым, с Кириллом Разлоговым, с Чурбановым, с Уваровым, с министерскими.

Победила тогда команда, в которой я был капитаном. Мы назвали ее «Ленинградское дело». В основу проекта был положен Калининский район Питера — типичный район мегаполиса, состоящий из промзоны, где никто не живет, но где сосредоточены все учреждения культуры, и спальная зоны, где все живут, но нет ничего, кроме районной

детской библиотеки. Задача заключалась в выработке решений на районном, городском, республиканском и союзном уровнях, чтобы обеспечить реализацию саморазвития культурной жизни. Играли мы тогда пять дней и материалы нашего проекта и еще одного были положены в основу перевода сферы культуры в новые условия хозяйствования в 1989 году. Потом это все было только повторено в «Основах законодательства о культуре» 1992 года.

Недавно я понял, что оказался участником результативного и масштабного адаптивного нововведения. Все идеи нашего «Ленинградского дела» явочным порядком оказались реализованными. Кроме, пожалуй, идеи музея дома и улицы. Законодательные нормы есть. Слушания организованы. Институт культурных программ создан. Фандрейзинг стал обыденностью.

8. Перевод культуры в новые условия хозяйствования был стимулирован двумя обстоятельствами. Во-первых, в 1984 году по заданию правительственной комиссии по разработке Программы развития платных услуг населению (была и такая программа, комиссия по разработке которой возглавлял выдающийся политический деятель современности Гейдар Алиевич Алиев — тогда первый заместитель Председателя Совета министров, взятый Андроповым из КГБ) Минфину и Госплану было дано задание определить — сколько культура возвращает в бюджет на 1 рубль бюджетных ассигнований. Оказалось — не так уж мало — 78,6 коп. А во вторых, были опубликованы данные социологических исследований 1983 года — сколько население страны общается с учреждениями культуры. Оказалось 1 час 20 минут в месяц (вместе с платным кинопоказом). Получилось, что кто-то, вроде подростков, часто бегают в театры, музеи, клубы и библиотеки, а кто-то в упор не знает учреждений культуры. Замкнувшись друг на друга, эти факты произвели короткое замыкание в мозгах у руководства. Оказывается, что эти ребята задачу коммунистического воспитания трудящихся не решили, похоже, что и в принципе не могут — за 1 час-то 20 минут! Но эти ребята, оказывается не столько камням висят на шее бюджета, но и довольно активно участвуют в формировании бюджета! Так с паршивой овцы — хоть шерсти клок! И получите — плановые задания по платным услугам!!! Вдуматься только: ПЛАН по ПЛАТНЫМ УСЛУГАМ!

Это привело к деморализации большей части работников культуры, которые знали, как делать людей счастливыми, но при условии, что им дают на это деньги. Их не учили деньги делать, их учили деньги тратить. И работник культуры мог принять любые правила игры — интернациональное воспитание, в патриотическое воспитание, в экологическое воспитание — упаковаться в любые требования. Только при условии, что ему дадут на это деньги. А тут из инстанции, из которой обычно исходила финансовая благодать, раздается голос: «Деньги давай!» — «Как? Я деньги давай? Мне деньги давай! Меня не учили

деньги делать. Меня учили культпросветработе. Клуб как педсистема, библиотека как педсистема...». Ощущение у профессиональной среды было, по словам одной чиновной дамы из питерского Комитета по культуре, как у брошенной супруги или использованного контрацептивного средства.

И начался идиотизм. Работники культуры стали продавать то, что продаже не подлежит — культпросветработу, художественную самодеятельность и кружки. Нигде в мире культура не существует на чисто коммерческой основе. Деньги в культуре зарабатываются на привлечении средств. Но тогда еще не учили фандрейзингу, полноценные спонсоры еще не появились, а благотворительность в советское время была выкорчевана с корнем.

Все понимали, что творится что-то противоестественное. Минкульт писал слезные письма с просьбами прекратить идиотизм, но закручивавшегося винта стояли три богатыря (или — трехголовый змей) все-союзного рэкета: Совмин, Госплан и Минфин. И на каждой балансовой комиссии гайки закручивались все туже: «Что-то мало у вас платных услуг! Увеличьте процентов на 30!»

9. После 1989 года пришлось много поездить по стране с семинарами по промывке мозгов работникам культуры по части новых условий хозяйствования. Еще до распада Союза и до «экономической реформы» сфера культуры была энергичным пинком под зад двинута в рыночные отношения. Это и приходилось объяснять. Кто-то понимал, кто-то ждал, что, может, оно рассосется. Не рассасывалось.

В Донбассе рассказывали историю одного ДК. Там, ведь, населенные пункты строились вокруг шахт. И к директору ДК как-то зашел директор шахты: «Это что у тебя на дверях написано?» — «Директор». — «Сними! У нас один директор — я!» История — типичная для отношений работников культуры с «сильными мира сего». «У нас главная культура — алюминий (газ, бульба, хлопок...)! Тебе дали денег — и иди, не мешай!» Так вот, когда шахту ту закрыли, единственным работодателем в поселке оказался тот директор ДК.

10. Промывали мозги работникам культуры Ломоносовского района Ленобласти. Слушали, кипя от ненависти — денег нету и говорят, что и не будет. Особенно бушевала одна тетка. В переыве подошла: «У нас в клубе есть автобус. Так, ведь, мы можем наладить поездки в город за продуктами. А заодно и экскурсии». Позже встретились с нею, посчитали. И она наладила бизнес.

Эту историю я рассказал в Донбассе. Подходит ко мне мужичок и говорит: «У нас тоже есть автобус, но у нас проблема наоборот — к нам горожане едут за продуктами». Посидели с ним в гостинице, и потом узнаю, что наладили они приезды горожан, на отдых, да без паспортов. И все довольны — и горожане и селяне.

Через год встретил ту тетку в областном комитете культуры и рассказал ей о донецком опыте «наоборот». Она на меня посмотрела хитрым глазом и говорит: «А мы давно уже встречные поездки наладили!»

11. Те промывочные семинары аукаются до сих пор. При поездках в Пермь и Екатеринбург регулярно встречался с дядечкой-директором одного крупного ДК в Перми. Он старался приехать на все семинары с моим участием и всегда говорил мне слова благодарности, что это только благодаря мне его ДК не только выжил, но и процветает. И только совсем недавно, в 2002 году ситуация для меня прояснилась.

При последней встрече он, помимо дежурных слов благодарности и очередного буклета ДК, добавил: «Ведь Вы мне глаза открыли тогда в 1990-м. Вы тогда сказали, что никому мы, работники культуры, на хрен не нужны, кроме самих себя. Ваши слова мне глубоко тогда в душу запали, я с тех пор так и живу, и работаю. А теперь вы говорите о востребованности сферы культуры...». Пришлось пояснять, что тогда речь шла о самоопределении, а теперь, уже самостоятельные учреждения культуры могут и должны налаживать социальное партнерство.

Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется.

12. На одном из семинаров в Челябинске встал один дядечка и ехидно так спрашивает: «Григорий Львович! А что делать, если я узнал, что моя работница занимается валютной проституцией?» — «А Вы можете ей обеспечить такой доход, чтобы она этим не занималась?» — «Нет». — «Делу это мешает?» — «Нет. Пару раз даже помогло». — «Вопросы есть?» — «Нет».

13. Главная идея «Ленинградского дела» состояла в создании городского фонда развития культуры и искусства, чтобы финансировать не учреждения, а программы и проекты. С приходом Константина Драпеко в Комитет культуры и реорганизацию его в Комитет культуры и туризма, такой фонд учредили в размере не менее 10–12 % бюджета, контролируемого Комитетом.

Встал вопрос — как его расходовать? Для этого была припасена вторая идея «Ленинградского дела» — проведение ежегодных общегородских слушаний проблем развития культуры и искусства. Они проводились несколько лет два выходных дня в Белосельских-Белозерских. Проводили их в разных форматах: круглых столов, нон-стопа и др. Целей у слушаний было две: циничная и конструктивная. Конструктивная — определение приоритетов поддержки и развития в сфере культуры на год. Первая же цель — почему и слушания — выслушать всех, выпустить пар общественного мнения. Разговоры там были малоприятные для руководства Комитета, но Драпеко понимала, что лучше два дня отмучаться, чем потом слушать целый год. Когда пришел Яковлев, он протерпел слушания два года, а потом заменил на

аналог партхозактива с накачиванием работников, а не накачкой от общественности.

14. А общественность в Питере не простая. Очень много странных людей. Мало того, что перепроизводство творческой интеллигенции — столько художников, артистов, музыкантов на один квадратный метр или на одного жителя больше нет ни в одном городе. В Москве меньше. Так еще и 60-я параллель, способствующая развитию синдрома шамана.

Сам был свидетелем, как на одно высокое собрание (потом долго выясняли, как он туда попал) пришел один деятель по фамилии Пелевин (но не тот) и вылез на трибуну. По его мнению, в нашем обществе существует масса проблем [кто бы спорил!], но их можно решить, если решить главную проблему культуры [тоже интересно]. Их можно решить, если решить главную — приблизить искусство к народу [уже скучно]. Эту проблему можно решить — для этого надо в произведениях искусства ставить и решать реальные проблемы [а это уже проходили, запахло клиникой]. Эти проблемы решаемы, если поставить две его пьесы, в которых поставлены и решены проблемы неправильной технологии дорожных покрытий в городе Санкт-Петербурге.

И что же было делать бедному Леониду Михайловичу Сацу — чиновнику, отвечавшему за театральную жизнь города, когда этот деятель принес ему эти пьесы? Послать? Сац знал, что на следующий день в «Часе Пик» появится статья о том, что чиновники от культуры не дают ходу смелым творцам. Единственно, что он сообразил — предложил Пелевину принести смету на постановку, подписанную художественным руководителем питерского театра и письмо, подтверждающее готовность к постановке. Тот ушел и через 4 месяца принес смету и письмо. Подписал известный не только в городе режиссер. Я потом его спросил — зачем он это сделал? Тот сказал: «А что? Ясно, что мужик псих. Но хорошо бегают. Может денег надыбать. А уж как из любого дерьма конфетку сделать — это мой профессионализм». Ситуацию спасло, что смету они выкатили на сумму, которой не было и быть не могло в фонде развития. И тогда Сац послал его с чистой совестью... в Москву — у города, мол, таких денег нет. Тот уехал. До сих пор не появлялся.

Так вот слушания и нужны, чтобы таких деятелей фильтровать с помощью самой общественности.

15. Официозная культура и независимая культура (андерграунд) рухнули одновременно, подобно Шерлоку Холмсу и профессору Мориарти, которые, обхватив друг друга, рухнули в водопад. Но какие-то осколки еще существовали. После нескольких расколов Клуба-37, созданного Виктором Кривулиным во второй половине 60-х, в конце 80-х продолжала существовать поэтическая группа «переводчиков», ориентированная на западную литературу: Аркадий Драгомощенко, Борис Останин, Александр Горнон, некоторые искусствоведы. Я к ним

примкнул после конференции, которую они организовали в Доме ученых. Приехала большая группа москвичей: Парщиков, Пригов, Свиблова, Эпштейн. Получился фестиваль независимой культуры.

Собиралась Поэтическая Функция в Фонде культуры (в Серебряных рядах под Думской башней), где тогда работали члены Функции Саша Кобак и Леша Адашевский.

Только-только приоткрылись границы. И поэтические братья из Британии решили помочь Поэтической Функции — подарили ей компьютер. Машина была по тем временам серьезная — 286-ая РС-шка. Беда была в том, что тогда это была в Питере диковинка и что-то понимал в этом только один человек из ПФ — Аркадий Драгомощенко. Он и расстачил подарок, привез его к себе домой. Он же на нем и работал, помогая другим. Прошло время. Англичане написали письмо — ну, как там, мол, наш подарок — приносит пользу? Письмо попало к Останину, тот показал его Горнону, а тот — известный борец за справедливость. И, взяв в компанию Кобака, они поехали к Драгомощенко — экспроприровать компьютер. Приехали. Борис зачитал вслух письмо. И двинулся к компьютеру. Тут вошла Аркашина жена Зина и тоже двинулась к компьютеру. Боря стал хватать ее за руки. Аркадий, защищая супругу съездил приятелю по морде и сказал, чтобы они катились со своим компьютером.

Восстановив справедливость борцы за ее торжество не знали, куда девать машину и что с нею делать. Она стояла по очереди у них дома, потом, из соображений сохранности (кто-то пытался вскрыть дверь квартиры Горнона — они думали, что Аркадий) поставили в какую-то фирму и следы компьютера, в конечном счете, затерялись. В книге «Самозванство» я описал этот случай именно как пример сделать других счастливыми помимо их воли и что из этого получается.

Теперь это просто смешно, а тогда вся общественность активно обсуждала эту историю, разделившись на три группы: конфискантов, антиконфискантов и крутивших пальцем у виска.

16. Когда переименовывали Ленинград в Санкт-Петербург, я довольно тесно сотрудничал с комиссией по культуре Петросовета: проталкивал «Живую культуру» и Толю Константинова на председателя Комитета по культуре. Так что был в курсе дела.

Легенда о том, что Собчак переименовал город далека от правды с точностью до наоборот. Переименование стало результатом ошутимого противостояния Петросовета со своим бывшим председателем. Собчак упирался как Терешечка на лопате у бабы-Яги. Инициаторами и толкачами переименования были самые молодые депутаты — Виталий Скойбеда и Алексей Ковалев (лидер группы «Спасение», что стояла на Исаакиевской, защищая от сноса «Англетер»). Именно они пробили решение о референдуме. Собчак вскочил на подножку уходящего поезда, когда понял, что большинство поддерживает эту идею.

17. Кстати, Леша Ковалев, с самого первого состава демократического Петросовета как нож сквозь масло проходит все выборы. Сейчас — один из наиболее компетентных и опытных членов ЗакСа. Во время стояния у «Англетера» Леша Ковалев встречался с тогдашней зампрединком Матвиенко. На встрече в ее кабинете В. Матвиенко уговаривала Алексея, Талалая и еще двух девушек: «Ребята, на что вам сдастся этот клоповник?!» Интересно, вспоминали они этот разговор после избрания В.И. Губернатором города?

18. То, что этот город не Ленинград, я понял давно, где-то в 1960-е. Так же как и то, что он уже не Санкт-Петербург.

Хорошую идею тогда подал А. Солженицын, написав из своего далека, что если уж так приспичило переименовать город, то назовите его по-русски — Святопетровск. И все просели. Потому как понятно, что это не про этот город. У него много названий (Северная Пальмира, Северная Венеция, Петербург, Петрополь...), но ни одно из них не покрывает этот город полностью — как в пространстве, так и во времени.

Кроме одного — сленгового Питер. Сколько помню себя, в нашей семье и во дворе всегда так и говорили: «уехали на лето из Питера», «мы питерские» и т. д. Кстати, и не такое уж оно сленговое. Городу вернули отнюдь не его «историческое имя, данное Петром Великим». В петровском указе не было Санкт-Петербурга. Там стояли три слова: латинское Санкт, голландское Питерс и немецкое Бурх. Санкт Питерс Бурх. Именно голландско-английское Питерс, а не немецкое Петер.

Есть хороший аргумент. В финском языке зафиксированы удивительно точные названия. Россия — Venjaа, т. е. страна венецов (Венеция — исконно русский город), и СПб — Pietari, т. е. Питер.

Так вот, учитывая неадекватность всех официальных имен этого города, я предложил на заседании комиссии по культуре Петросовета, на которой обсуждался вопрос о переименовании, вариант решения: районировать названия. Исторический центр — Санкт-Петербург. В черте Обводного канала — Петербург. Кольцо Нарвской, Выборгской, Невской и Московской застав — хай буде Петроград: «Я помню город Петроград в 17 году. Бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу...». А спальная зона — всякие Купчино, Гражданка, Ржевка — хоть Ленинград, хоть Лёнинград, хоть Джон Ленноград — абсолют-но без разницы.

Депутаты восприняли предложение всерьез:

— А что, есть аналоги?

— Конечно! Например, Дели и Нью-Дели.

Они стали обсуждать идею всерьез. Но, увидев, что я сползаю под стол, спросили:

— Так Вы издеваетесь?!

— Нет. Шучу. У этого города нет общего названия.

Кроме того, в нынешнем написании с дефисом есть кое-что нехоро-

шее. У Петра в указе было три слова: Санкт Питерс Бурх. Без дефиса. А при нынешнем написании становится неясным — кто или что свят (Санкт)? По-английски все понятно: St. Petersburg — это город Святого Петра. А в русском варианте? Бург? Или Петр? А какой Петр? Город-то чье имя носит? Первоапостола или основателя?

Сам Петр все прекрасно понимал. И в названии и в гербе — претензии на 4-й Рим. Через голову Рима третьего — Москвы.

Апелляция к Риму прямая. Во-первых, в названии — город святого Петра, наместника Божьего, «камня» (петр — камень, наука о камнях так и называется — петрография), на котором Иисус основал церковь, переименовав Симона в Петра, первого Папы, с местом его резиденции на Ватиканском холме. Во-вторых, в гербе, на котором геральдический и морской нонсенс: два якоря лапами вверх. Обычно они изображаются лапами вниз. И это будет непонятно, если не знать, что питерский герб — прямая цитата герба Ватикана, на котором изображены два ключа — бородками вверх. Это ключи от Царствия небесного, хранителем которых является св.Петр. Петр I, когда утверждал герб, так и сказал: «Сии якоря ключами являются к Парадизу». Под Парадизом — Раем — он разумел Западную Европу.

Но Петр-первоапостол очень быстро ушел из смысла названия города, и напрочь — из городской символики и дизайна. Град Петров — это город Петра I. На одной из коллегий Комитета по культуре, когда утверждали сценарий очередного праздника города, я не удержался и спросил докладывавшего чиновника — а как учтен в сценарии персонаж, имя которого носит город? Тот посмотрел на меня удивленно: «Так я же говорил! Там все о Петре». «Нет, — говорю, — я спрашиваю не о Петре-основателе города, а о первоапостоле». Повисла неловкая пауза. Как будто я издал неприличный звук. Наконец председатель комитета Елена Драпеко всплеснула руками и сказала: «Кому надо — пусть в церковь ходят!»

Так что — с нынешним дефисом — получается дважды безблагодатная святость: свят то ли Петр-основатель, то ли сам город.

19. За переименованием последовала дурацкая череда замен Лениных на Петров.

На другом заседании той же комиссии по культуре Петросовета обсуждали вопрос о замене бюста Ленина в зале Московского вокзала. В Москве на Ленинградском вокзале — почти того же дизайна — не убрали Ленина, а тут приспичило. И конечно же — на Петра I. Я им говорю:

— Какое отношение Петр I имеет к вокзалу, к дороге?

— Это город его имени.

— Нет. Этот город носит имя св.Петра.

— Так что же делать?

— А почему бы не поставить на въезде в город фигуру первоапостола. С ключами-якорями от рая в руках.

— Ну, Вы даете!

— Тогда — Николая I. Это была его идея — железная дорога между столицами.

— Ну, вообще — Николая Палкина ставить!

— Тогда — хотя бы Клейнмихеля — инженера, строившего эту дорогу.

— А это мелко.

Так и поставили Петра I — в зал советского дизайна.

20. Конечно, с Лениными перебор был. Назначаешь встречу, например, у памятника Ленину на площади Ленина, там, где станция Ленинградского ордена Ленина метрополитена имени Ленина «Площадь Ленина».

Теперь с Петрами — явный перебор.

21. А что получилось с названиями организаций? Место благозвучного для русского уха «Лен» («Ленмолоко», «Ленхлеб» и прочее) заняло корявое немецкое «Петро» или того чище — «Пет»: «Петмол», «Петрохлеб». Особенно не повезло вузам. Вместо нормальных вузов — сплошные ПТУ. Был Политехнический ин-т, стал ПТУ. Вместо Технологического — СПТУ (кто помнит аббревиатуру сельскохозяйственного профтехучилища, тот поймет комизм). Одно время ЛГИТМИК тоже был ПТУ, потом сообразили, стали Театральной Академией.

22. Тогда в городском правительстве был перебор Яковлевых. Владимир Петрович — губернатор. Владимир Яковлевич — председатель комитета по культуре. Игорь Петрович — председатель комитета по науке. Был еще какой-то Яковлев — по-моему, в службе протокола. Дошло до того, что когда проводили фестиваль «Виват, Петербург!» в Нью-Йорке, в тогда целом ВТЦ, то американцы просили не привозить всех Яковлевых сразу — могут не понять. И поэтому на открытие привезли Анатолевича, а на закрытие — одного из Петровичей.

23. Губернатор Яковлев — был странный человек. 4 ноября 1999 года на обсуждении новой Программы развития культуры города — было это в Шереметьевском дворце — я своими ушами услышал фразу, сказанную не в пылу полемики, не скорой речью. Губернатор после какой-то паузы, помолчав, выдал: «И взрослые, и дети — это самое страшное, что может быть». Это слова не кого-то, а Губернатора!

При нем к городу приклеилась обидная кличка криминальной столицы России. Хотя статистический факт, что в Москве и некоторых других городах преступности больше. Но нигде не было таких громких убийств. Чтобы первого вице-губернатора (Маневича), среди бела дня, на центральном проспекте, на Невском — в лоб застрелить — и ничего. Чтобы наиболее уважаемого питерского депутата Госдумы (Ста-

ровойтову) в подъезде собственного дома застрелить — и опять ничего. Или наиболее «авторитетного» депутата Законодательного собрания (Новоселова) убить оригинальным способом: положить бомбу на крышу остановившегося перед светофором автомобиля — и опять ничего. Или — войти в полдень в ресторан лучшего городского отеля «Невский палас», выпустить из автомата два рожка патронов и спокойно уйти?!

Накануне всех этих случаев Губернатор исчезал из города. Неожиданно. Не запланировано. А сотрудники его администрации путались — где он. Одни говорили — в Австрии, другие — в Венгрии, третьи — в Аргентине, а журналисты отыскивали его в Польше.

Была такая плохая примета: Губернатор неожиданно исчез — жди беды.

24. Упоминавшиеся американцы, приехали за 10 лет до 300-летия города и удивлялись — почему у нас до сих пор нет программы подготовки к юбилею.

Сколько раз мы с Зониным и Басовым пытались начать такую разработку, власти так и не сподвинулись. Программа появилась за три года до празднества. Когда были выделены деньги из федерального бюджета. Вот их-то и кинулись осваивать.

25. У 300-летия Питера было две возможные концепции проведения. Первую отстаивали мы, проталкивал Коля Беляк, предлагали иностранные братья и сестры по разуму. Надо было только собрать заявки, которые писали и готовы были писать различные творческие союзы. Инициативные группы, общественные организации, национальные общества, любительские и профессиональные коллективы. Собрать все эти проявления инициативы и только развести их в пространстве и времени: определить площадки и сроки выступлений. Это был бы ПРАЗДНИК ГОРОЖАН.

Но победила вторая концепция — ПРАЗДНИКА ДЛЯ ГОРОЖАН — проведения шумных акций в центре города, на которых ушлые ребята осваивали бы и отмывали немереные бабки. Петербуржцы были превращены в пассивных зрителей, в быдло, которому даже туалетов не поставили.

26. Вальдемар Меланко — крупный финский социолог, много лет отдавший изучению Питера, сам полукровка-украинец, родившийся в Выборге — удивлялся: «Почему у меня — Меланко — есть \$1000 для организации научной конференции, посвященной Питеру, а у губернатора Яковлева для этого нет тысячи рублей?»

Ответ был очевиден — потому что ни Яковлев, никто из шобылы от этой конференции ничего иметь не будут. Это не дороги с дамбами строить, не плиткой тротуары мостить и перемостивать, не четыре раза за два года стелить новым асфальтом Шпалерную улицу.

27. В начале 90-х из остатков Поэтической функции и СИЗИФа решили создать Гуманитарно-творческую ассоциацию «Живая культура» (Culture alive). Сопредседателями стали Аркадий Драгомощенко, Абрам Юсфин, Толя Костантинов и я. Толя, будучи директором Дома ученых в Лесном и потом, оказавшись в Комитете культуры оказывал только номинальную поддержку, но кое-что делал. Аркаша, после того как его приняли в Союз писателей, стал мотаться в Штаты и прочие поездки фактически — переводчиком бывших сописов. Остались мы с Абрамом.

Ассоциацию зарегистрировали. Абрам провел это через Ленсовет. Нужно было решать вопрос с помещением и определяться с отношениями с властями. Я записался на прием к тогдашнему Председателю исполкома, заядлому демократу Щелканову. Через Элеонору Анатольевну Филиппову передал нашу гордость — устав и план работы. По ходу возник еще один вопрос — Яков Ильич Гишинский просил поспрашивать насчет перспектив Европейского университета, только-только создававшегося и пробивавшегося через все уровни, структуры и рогатки.

Прихожу на прием. Он в рубашке с коротким рукавом подсаживается ко мне. Тут ему приносят какие-то бумаги. Он отсаживается к своему рабочему столу, перебирает бумаги и я слышу разговор вполголоса. «Да это, наверное, другой Тульчинский». — «Вот, есть еще на другого». — «А, да ладно — все равно он уже здесь». Это ему какие-то бумаги принесли на посетителя, то бишь на меня, но с опозданием.

Опять подсел. «Очень, — говорит, — хорошая у вас ассоциация. Наконец-то хоть кто-то занялся у нас занялся живым творческим процессом!» Насчет же Европейского университета он, помолчав, сказал: «Отличная это идея, но что меня, как руководителя удивляет, так это то, что всем нужны помещения и деньги!» Я потом долго про себя удивлялся: хорош руководитель! А зачем к тебе вообще ходить-то? Только за деньгами и помещением. Для чего еще нужен городской голова?!

28. Мы тогда на хорошей волне шли. Если бы серьезно подсутились, то владели бы особняком Ганнибала на Чайковского. За него конкурировал еще театр «Дерево», а потом это был первый офис Фонда Сороса (тогда — Культурной инициативы). Но у нас просто некому было бегать. Ассоциация делалась в расчете на исполнительное директорство Леша Адашевского — участника «Поэтической функции», работавшего в Фонде культуры. Но Леша был вынужден уехать с семьей в Германию — у дочки открылась чудовищная аллергия. И мы остались без менеджера.

Кого только ни перепробовали. Некоторое время директором числилась (чтобы не ликвидировать структуру) даже Наташа Тихомирова — еле удавалось сдерживать ее деятельный зуд. В конечном счете, стали просто искать человека, способного зарабатывать деньги, а нам

сосредоточиться на издательской программе и нескольких проектах. Например, была идея поездки в Германию с программой из Горнона (стихи), Останина (современная литература), Юсфина (музыка) и меня (философия).

Тут подвернулся Владимир Жуков, только что освободившийся и женившийся на Любиной подруге. Отсидел он несколько лет по нашему в свое время «делу Фаберже» — ювелиры подделывали Фаберже, а изделия активно продавались. Жуков был из продавцов. Он сначала ничего не делал. Потом вышел из под контроля отцов-основателей напрочь. Например, поскольку неразделанную древесину продавать за границу было нельзя, он гнал в Финляндию доски под видом гробов. Гробы для Живой культуры. Я представил себе квитанции, накладные и решил из игры выйти. То же и остальные. Борьба с Жуковым сил не было. Попутно он занял у меня 1000 немецких марок, у Толи Константинова — на порядок больше и исчез. Перед этим еще подбил Размика Айдиняна на продажу его комнаты.

29. На презентации книги И. П. Смирнова «Человек человеку — философ...», которую почему-то вел Борис Иванович Иванов случился скандал. Поддатый Павел Крусанов в развязной манере обвинил всех присутствующих в «шестидесятничестве». А когда Б.И. попросил его не мешать и выйти, Стогоff шумно возмутился, что мы будем потом жалеть об этом и вспоминать, что сидели рядом с гением. Имелся в виду Паша.

Потом мы все сидели рядом в пивной. Павел за нашим столиком со Смирновым, Савкиным, Надей Григорьевой, Таней Артемьевой и говорил мне, что у меня «такое хорошее лицо».

Они тогда только начинали издательство «Амфора». По известности Илья Стогоff скоро обошел Павла. Но современного русского языка, лучше, чем у Крусанова в его «Укусе ангела» я не встречал. В этом тексте Павел работает с русским языком на уровне набоковской «Защиты Лужина», а может и лучше.

30. Третьей главной идеей «Ленинградского дела» было создание Института практической (реальной) культуры, который бы занимался мониторингом культурной жизни и шиванием денег из различных источников на городские программы и проекты. Название вскоре переменили на Институт культурных программ.

Реализация немного затянулась и в проталкивании идеи серьезную роль сыграл Сергей Басов из комиссии по культуре Ленсовета (Петровета). Но, в конце концов, такой институт учредили на базе слияния и репрофилирования двух почти сдохших структур: Единого научно-методического центра народного творчества и КПП, а также Курсов повышения квалификации.

Первоначально я делал его под себя, но потом, поняв финансовые

«возможности» и подойдя близко к сюжетам, которых избегал всегда — это хозяйственно-административная работа: ведра, швабры, увольнение..., я изящно прогнулся и в последний момент подставил туда Андрея Зонина, у которого в нашем НИСе давно была тема информационного агентства «Артифо». Его как раз в это время выжили с кафедры информатики и из НИСа якобы за прогул. Он так со своей командой и пришел. Тем более — большой приятель Басова.

Я стал у Андрея замом по совместительству, перевел под крышу ИКП учебный центр из «Персонала». Мы с Любой организовали при поддержке Смоленского «Академии бизнеса и культуры» (АВС), сделавшую два выпуска. Потом начались всякие глупые амбиции. Я еще пару лет почислился там замом, а потом мы разошлись с Зониным и сотрудничаем только на конкретных проектах. С созданием и работой ИКП связано несколько интересных судеб и сюжетов.

31. Директором ЕНМЦ была весьма добродушная дородная дама, которая с нетерпением ждала пенсии, чтобы заняться внуком. А директрисой курсов была дама уже пенсионного возраста, но очень моторная. Она эти курсы создала, выпестовала, кормила через них комитетских чиновников — чуть ли не единственный возможный для них официальный источник дополнительного дохода — участие в преподавательской деятельности. Вот она и оплачивала им разработку учебных программ, проведение занятий. Честно говоря, это и правильно, чиновники для работников культуры — первоисточники нововведений, законов, нормативов, порядков и т. п. Чувствовала она себя уверенно, отношения со всеми были прекрасные. Она даже учредила собственную турфирму и занималась организацией культуральных туров в Италию и наоборот.

Меня удивило, как легко директриса ЕНМЦ пошла на слияние. Очевидно, сложились три фактора. Во-первых, ее успокоили, что курсы никто, собственно и не трогает. Они самодостаточны и, как кубик Рубика, просто войдут сами по себе в новую структуру. Во-вторых, в случае слияния, она оказывалась около информации по городу, в том числе — туристической, что было весьма полезно и для курсов и для ее бизнеса. И наконец, в-третьих, она небезосновательно полагала, что к курсовой кухне, лучше нее никто не разбирается, а салаги вроде Зонина — тем более. И реорганизация-слияние произошла. Первое время курсы и эти — бюджетные, и хохликовские (из «Персонала») курировал я. Андрей колупался со своими базами данных, но довольно скоро понял, что единственные реальные доходы дают именно коммерческие курсы, ну а бюджетные он, не разбираясь в них, посчитал тоже источником почти халявных средств. Самое же главное, он стал поневоле влезать в дела бывшей директрисы. Она к нему документы на подпись, а он спрашивает, почему так, а не этак. Другими словами, сообразила она, что дала маху, и накатала в Комитет телегу на не-

скольких страницах, содержание которой сводилось к тому, что директор института, ничего не понимая в деятельности курсов, ведет дело к их развалу, и поэтому нужно срочно распилить эту структуру назад, вернувшись к их самостоятельности.

Она, однако, ошиблась. В Комитете вполне резонно не пошли на попятную, а ее докладную передали Зонину, чтобы он сам разобрался. Для того ее телега была полной неожиданностью. Они поговорили на высоких тонах. Разговор закончился тем, что она написала заявление об уходе, полагая, что ее, как незаменимую, он тронуть не посмеет. Но — опять просчиталась. Зонин заявление подписал и издал приказ об увольнении.

Он до сих пор гордится этим приказом. Я, когда увидел его, попросил копию, чтобы обсуждать со студентами в case studies. Он с гордостью дал копию. Приказ на страницу через один интервал. Огромная мотивировочная часть, перечисляются заслуги и награды, достижения К. — а их было немало. Не забыли и что она имеет знак «Житель блокадного Ленинграда», упомянули и о знаках «Ударника Пятилеток». После всего этого перечня следовало ПРИКАЗЫВАЮ и три пункта: 1) объявить благодарность (это он-то ей за правительственные награды?!); 2) выплатить денежную премию (пустышную сумму); 3) уволить по собственному желанию. В общем — хамский приказ. Обидный. Не стоило так уж обижать тетку — она и так жалела о своем заявлении. Без заявления он бы с нею помучился. Понятно, что вместе им было уже не работать, но так расставаться — ни к чему.

Интересно, что было потом. Он, действительно, почти свернул бюджетные курсы, а тут возьми да и выйди распоряжение Правительства об укреплении отраслевых курсов повышения квалификации. В Комитете вспомнили ту докладную и собрались выделять курсы, что означало потерю бюджетных денег. Андрей был вынужден почти год лично заниматься только курсами и обивать все пороги, чтобы доказать — мы, мол, сами с усами, справимся. Я его спрашивал — а чего бы ему не позвонить К., проконсультироваться? Он отвечал, что несколько раз рука тянулась к телефону, но он вспоминал — как он ее уволил. И не позвонил. Я спрашивал ее — а помогла бы она ему, если бы он ей позвонил? Она отвечала — конечно, разумеется, но... как он меня уволил!

В который раз убедился, что не людям кто-то создает проблемы, а люди сами создают себе проблемы, причем, воспроизводят вокруг себя примерно один и тот же класс проблем.

32. Одной из забот первого периода существования ИКП было удаление из помещений бывшего ЕНМЦ «друзей фирмы», осевших в ее помещениях. Например, была там такая «Культура плюс» во главе с В.В., которого я знал еще по ЛГИК, где он работал на кафедре КНР. Был он человек безобидный, женатый, но с нетрадиционной ориента-

цией, причем — явно пассивной. Одно время на их кафедре было несколько таких человек. Меня это никогда не смущало, я с ними спокойно общался, в том числе с В.В. Но из института он был вынужден уйти, после того как сделал недвусмысленные предложения курсантам, пришедшим в студклуб. Те его тут же поколотили. Был скандал.

Наверное, именно благодаря моей толерантности эта «Культура» была одной из последних, кого Зонин удалил. Подвела В.В. опять же излишняя активность. Он занимался вербовкой молодых людей для проведения всяческих КПРовских акций и подготовке к ним. Постепенно же все свелось к гей-сводничеству. В Комитете Зонину пригрозили и В.В. был вынужден уйти.

33. Со времен ЕНМЦ в ИКП работала некая Марина. Внешне немного напоминала молодую Фанни Арман в роли сексуально озабоченной соседки из одноименного фильма. Муж у нее был директором охранной фирмы, а любовник — главным бухгалтером той же фирмы. Разговоры у нее только об этом — где, как и с кем. Однажды она чего-то не так сделала, Андрей сделал ей замечание, и началось. На следующий день Марина не вышла на работу, а с утра к Зонину в кабинет стали ломиться какие-то бритоголовые, но девушки их как-то отбивали. Потом один все-таки прорвался — оказался тем самым главбухом. Стал намекать, что как же, мол, так — организация и без охраны. Еле Андрей от него отвязался. Вскоре после его ухода позвонила Марина — как, мол, идут дела в институте. А потом позвонила жена Зонина: «Что происходит? Мне звонят каждые 15 минут и сообщают — где сейчас наш Никита и что он делает!» Андрей дрогнул — кинулся искать совета. Меня в тот день в городе не было. Подвернулся Саша из фирмы «Сигнум», сидевшей на ул. Рубинштейна, который посоветовал свою «крышу».

Те приехали, сказали, что это типичный наезд и что они разберутся с этой охранной фирмой. К концу рабочего дня появились и заявили, что это хорошо, что к ним обратились и вовремя: у них была с теми ребятами стрелка, у тех уже была готова граната в окно андреева кабинета. Теперь все в порядке, но Марину трогать не надо, а надо им теперь платить по \$500 ежемесячно. Андрей впал в полное уныние.

На следующий день я, как только приехал, зашел на Рубинштейна и узнал об этой истории. Тут же обратился по двум адресам: к Володе Шульцу, который заканчивал философский вместе с Гусевым и у которого я проходил предварительное собеседование при поступлении — он тогда был вторым человеком в питерском ФСБ (потом ушел за своим патроном Степашиним, которому писал диссертацию, в Москву), и к Володе Жукову, который отсидел несколько лет по делу Фаберже, ездил по городу в иномарках, которые менял каждый месяц и еще числился менеджером «Живой культуры».

У обоих я спрашивал — что делать? Шульц попросил перезвонить

по другому телефону, а когда я перезвонил, посоветовал обратиться в РОВД (районное отделение милиции). Я ушам своим не поверил: «Куда, Володя, в РОВД?» — «В РОВД». — «Спасибо». Больше я с ним не разговаривал.

А Жуков приехал через 20 минут и прочитал мне часовую лекцию — как и что надо делать. Суть сводилась к тому, что рвать рубашку до пула и говорить, что вы — бюджетная организация и никаких свободных денег у вас нет и быть не может. Так и сделали. Те немного поартачились: «Хотя бы мобильник наш оплачивайте...». Но, в конце концов, отстали.

Еще Жуков сказал, что организованная преступность в нашей стране не сформировалась, а была одновременно создана. «Кем? — сказал Жуков, — Я думал два месяца, сломал голову и перестал на эту тему думать. И тебе советую». «Только учти — добавил он, — что делали это не воровские авторитеты — они были просто притянуты. А в городе Питере каждый подъезд, каждая квартира отслеживаются. На предмет того, что вносится-выносятся. И наличие в квартире музыкального центра, импортного телевизора, компьютера означает, что квартира представляет интерес. Информаторы те же, только заказчики сменились. А может и заказчики те же, только сменилось содержание заказа».

Самое интересное было дальше. Через неделю на Рубинштейна пришел советник губернатора по культуре. Его никто не звал, а о том наезде старались никому не говорить — тем более — начальству. Но он разговор начал с того, что это очень хорошо, что обратились за помощью к тамбовским — они контролируемые.

Занавес.

34. Был в Питере такой вуз — Высшая профсоюзная школа культуры (ВПШК). Находилась она на Красной (Галерной) улице, в хорошем, престижном месте. Готовили там профсоюзных работников культуры. Долгое время ею руководил, фактически создал ректор Белкин. Он даже практически закончил строительство нового здания в Купчине. Это был заповедник для гуманитариев вроде нашего института. Там работали такие люди как Шлемис, Милонов, Даринский, Айдинян, Гишинский. Были там и другие ребята, которые в любом вузе имеются — блатники всякие: детки, номенклатурщики и т. п.

В начале перестройки Белкин ушел на пенсию и там решили избрать ректора по новомодной демократической процедуре. Провели рейтинговое голосование. Первым оказался доцент Кириллов, тогдашний секретарь парткома. Два последних места в этом рейтинге заняли сынок Генкина и его приятель А. С. Запесоцкий.

Примерно через год грянул гром. Федерация профсоюзов приняла решение о создании в Питере Гуманитарного университета профсоюзов и передаче ему всей собственности ВПШК. А ректором ГУПа был назначен Запесоцкий. Провернули ребята в Москве такую интригу.

Главным идеологом и мотором ее, говорят, был В.Е.Триодин, заведующий тамошней кафедрой КПр. Думал побыть серым кардиналом.

С Запесоцким я сталкивался, когда он работал в горкоме ВЛКСМ в отделе науки и образования. Он оформлял мне командировку в Чолпон-Ату на конференцию по пониманию, которая проводилась под крышей ЦК ВЛКСМ. При поездках по стране я неоднократно наткнулся на «память» о нем — вот, мол, приезжал тут из Питера такой Запесоцкий, проводил дискотеки, практически всю кассу выгрел. У него были хорошие связи в Чехословакии, ГДР. Он получал оттуда новейшие пластинки и действительно проводил дискотеки. Фактически, он был первым полноценным и профессиональным DJ-ем. Даже какое-то время на питерском телевидении вел дискотечную программу «5x5». Потом он всплыл как аспирант Иконниковой на кафедре теории и истории культуры. Диссертацию кандидатскую, он тогда сам написал. Ну, и после защиты ушел в ВПШК.

Учредив ГУП, умудрились не ликвидировать ВПШК, и по городу до сих пор ходит ректор не ликвидированного вуза — Кириллов. Большинство нормальных людей тут же ушли. Так только у нас на кафедре оказались Гилянский, Айдинян и Перминова. Поначалу, помимо Триодина в создании ГУПа Запесоцкому помогали Р. С. Милонов, А. В. Даринский, но вскоре и они ушли. С тех пор около него остались Санкин, да знакомый ему еще по тому же горкому Никита Фатиев, которого он посадил на кафедру философии и первоначально, сгоряча — даже в проректоры.

Меня они неоднократно тянули к себе — через Триодина и Фатиева — на административную работу: то деканом, то проректором по науке. Но я отпирался. Во-первых, не люблю административную работу. А во-вторых, имел некоторое представление о стиле Запесоцкого. Это человек, который органически не может быть благодарным и обязанным кому бы то ни было. Он использует, отжимает людей и выбрасывает их в максимально обидной форме. В использовании же его, прежде всего, интересуют контакты. После того, как человек передавал открывающиеся за ним контакты, он становился не нужным и даже вредным. Так было с Милоновым и Даринским, так потом получилось с И. П. Яковлевым, В. П. Яковлевым, Абрамовой, Л. Громовой, А. Ульяновским, Э. Новаторовым, именно так, в конце концов, получилось и с Триодиным. Но в научных проектах гуповских я, вместе с А. П. Марковым, бывшим нашим аспирантом и с его приятелем Г. Бирженюком, участвовал на протяжении нескольких лет. И когда Бирженюк перешел в ГУП и стал заведовать там кафедрой, мы с Марковым решились.

Я клюнул на две вещи: деньги, втрое большие, и на обещанную помощь с жильем. Я был готов сдать большую квартиру, чтобы взамен получить две. Запесоцкий обещал быстро помочь. Примерно та же история была и у Саши Маркова. Кроме того, были приняты мои условия, что я сохраняю в полном объеме преподавание в Академии культу-

ры, что в ГУПе я буду появляться не чаще раза в неделю и что не будет проблем с публикациями.

Наивный, я рассчитывал на барьер между собой и Запесоцким в виде завкафедрой. Я переоценил свои возможности и недооценил Запесоцкого. Завкафедрой у него мальчишки для битвы — не более. С каждым человеком у него отдельные конкретные отношения. Каждого он сажает на персональный крючок. Я это почувствовал сразу.

Первоначально все было — лучше некуда. Подчеркнутое уважение Запесоцкого. Как раз перед переходом я получил звание Заслуженного деятеля науки РФ. Запесоцкий попросил меня принести удостоверение и знак и вручил их мне на каком-то собрании. Получилось, что я получаю их из его рук. Поскольку ожидалась моя поездка в Испанию, мы с Любой пошли на курсы английского. Я попросил Запесоцкого оплатить мое обучение. Он это сделал «с великим удовольствием». Нашей троице (Бирженюк, Марков и я) была выделена сумма «на науку» по трем направлениям. Получалось, что я отвечал за подготовку Декларации прав культуры, с идеей которой выступил академик Д. С. Лихачев. Тут еще проректором по науке оказался И. П. Яковлев. Мы еще — романтики — рассуждали о накоплении в ГУПе критической массы приличных людей.

Но сигналы уже были и накапливались. Не умом, а кожей живота, я чувствовал, что происходит что-то не то. То мне звонили домой и требовали, чтобы я присутствовал на беседе Запесоцкого с каким-то преподавателем, которого он хотел уволить, то по воскресениям я должен был приезжать в баню на профессорский клуб. То Триодин стал намекать, что надо бы написать какие-то статьи для Запесоцкого. Я отказывался по причине занятости, по семейным делам. Писать за другого — не по мне. Редактировать, переписывать — пожалуйста. Но писать я могу только свое и от себя. Единственное, что сделал — написал тезисы к ежегодной конференции от имени председателя комитета по культуре, председателя комитета по туризму и директора Гуманитарного института. Тогда уже я начал работу в СПб НЦ РАН по созданию кафедры ЮНЕСКО по философии и этике — на меня энергично напали с требованием — передать контакты к Алферову, привлечь Б. М. Фирсова. А Борис Максимович, когда выводил меня на Президиум СПб НЦ РАН, узнав, что я перешел в ГУП, весьма категорично сказал, чтобы «этого так называемого вуза около этого проекта не было». От него я узнал, что в совете ректоров Санкт-Петербурга с Запесоцким не здороваются. Материалы ЮНЕСКО, необходимые для проработки Декларации, Триодин держал у себя и не показывал. Потом, в какой-то острый момент, они оказались у Маркова с Бирженюком, которые до этого от участия в направлении уклонялись. Это была прямая подстава. Тут уж я понял, что руками Триодина нас сталкивают лбами. И. П. Яковлевым Запесоцкий уже был недоволен — тот осторожничал с передачей контактов в РАН и в городском правительстве. На глазах у меня чер-

ной благодарностью было оплачено Крутику за проведение блестящей и представительной общегородской конференции по экономике. Команды и критической массы не получалось.

35. Студенты в ГУПе специфические. На одном из моих потоков за первыми столами сидели молодые люди с почти бритыми головами. Они никогда ничего не писали, только молча — даже между собой почти не разговаривая — слушали преподавателя. В какой-то момент я поймал в их глазах любопытствующий вопрос — как лучше ломать мне шею так или вот этак? Я навел справки — оказались чьи-то охранники.

Уже после ухода из ГУПа я ехал как-то на троллейбусе из гомеопатической поликлиники. На ГУПовской остановке в троллейбус впрорхнули три студентки, очень прилично — не по возрасту — одетые и оживленно, на весь троллейбус обсуждавшие мужские достоинства какого-то преподавателя. Кондуктор попросила оплатить проезд. В ответ раздался такой отборный мат, которого я, наверное, еще не слышал. Кондукторша пыталась их увещевать, но это только распалило их еще больше. Это было не просто хамство, а хамство самоуверенных хозяек жизни. Кондуктор в их глазах была просто недочеловеком. Я уже собирался вмешаться, но одна из девиц, встретившись со мной взглядом, что-то шепнула другим, и они заткнулись.

36. Что делалось и успешно в этом вузе — так это пиар. Причем, в жанре театра одного актера — Запесоцкого. Телевизионные встречи, вечера, конкурсы. Все это довольно ярко и профессионально. С обязательным его ведением. А шоумен он достаточно профессиональный. Даже явные проколы он пытается перевернуть себе на пользу. Один из таких примеров я даже привожу в курсе PR.

Было это уже после моего ухода. В тот год, когда День знаний 1 сентября совпал с воскресением. Все вузы и школы в Питере перенесли праздник на понедельник 2 сентября. Кроме ГУПа. Потому как День знаний в ГУПе — это что-то. Начинается с молебна в университетском храме. Храм этот расположен в цокольном этаже общежития. Так мало того, что молитва восходит через несколько этажей студенческого блуда и сама общага построена на нерасчищенном кладбище самоубийц, так еще и алтарь не на восток. Освящение этого храма, думаю, отдельная тема отдельного пиара. Потом на центральной площадке студенты приветствуют ректора, спускающегося к ним с вертолета в белом костюме. Запускаются шары. Фейерверк. Всеобщее веселье. Открытые лекции, на которые демонстративно приглашаются «все флаги»: от КПРФ и ЛДПР до либералов и Д. Гранина. Банкет для приглашенных. Концерт для прочих...

Ну, молебен студенты отстояли. Ректора поприветствовали, пошумели, а на лекции не пошли — какие лекции в воскресенье-то. Приходят Митрофанов или кто-то еще в лекционный зал, а там пусто. Ну, их-то

это особенно и не волновало. Лекции уже оплачены, столы банкетные уже накрыты. Но утром в понедельник висел приказ. Об отчислении около двухсот студентов, преимущественно — только зачисленных первокурсников. За прогул. С возможностью повторного зачисления при условии повторной оплаты. Сумма оплаты зависит от степени уважительности причин прогула.

Тут же было подано около сотни исков родителями. Какой прогул — в общенациональный выходной день! Что за повторная оплата, когда дети ни дня не учились! Что за цинизм со «степенью уважительности»? Это будут перелистывать заведомо липовые справки и пристально смотреть тебе в глаза... Откровенный рэкет. В узком кругу Александр Сергеевич говорил, что «бюджет надо пополнять».

Вечером сюжет об этом был во «Времечке» как скандал дня. Во вторник — материал об этом безобразии был в «Петербургских ведомостях», а в среду — на первой полосе «Аргументов и Фактов». В общем, чистой воды скандал. Что сделал Запесоцкий, по словам которого, если он ни с кем не судится, то у него адреналина в крови не хватает, а норма — пять ежедневных исков?

На родителей была выпущена декан факультета культурологии Татьяна Борисовна Деметьева. У нее облик этакой заботливой мамушки и говорит она в стиле «От всей души» Валентины Леонтьевой. В результате этой акции несколько исков было отозвано родителями. Остальные были ГУПом проиграны.

Но самое главное — через неделю в «толстушке» — пятничном выпуске «Комсомольской правды», правда, только в питерском вкладыше, появился полосной материал по заголовком «Через пять лет мы будем конкурировать с Гарвардом» (почти слоган ГУПа, который звучит уже полтора десятка лет) и фоном, по диагонали через полосу надпись — «Я тоже прогуливал занятия». Материал в жанре — как будто корреспонденточка, хорошо, кстати, известная в Питере связями с Запесоцким, ходит по ГУПу и ахает: Какая замечательная библиотека! Какой замечательный вуз! Везде разруха и запустение, а тут такое! Наверное, не простые люди могли сделать такой не простой вуз! Ну и ответы Запесоцкого: Да, вуз у нас не простой, сами посудите — через пять лет мы будем конкурировать с Гарвардом. Да и я человек не простой. Закончил специальную математическую школу, ЛИТМО, в театральном учился, в создании гильдии актеров участвовал. Вы же понимаете, как мне скучно было учиться в советской школе и в советском вузе. Едва преподаватель рот открывал, я уже знал, чем он закончит занятие. И я прогуливал уроки и лекции. Но наш-то вуз не простой, через пять лет мы будем конкурировать с Гарвардом. Мы же не можем допустить, чтобы наши студенты прогуливали наши занятия. Вот недавно мы отчислили около 200 человек за прогул. И заканчивается материал репликой корреспондентки — наконец-то нашелся вуз, где взялись за наведение порядка.

Я этот пример привожу студентам как образчик профессионализма. И то, что еженедельник (они дольше живут в информационном пространстве, чем ежедневные газеты, у них больший тираж, их дольше и больше читают). И то, что никак не оспариваются и даже не упоминаются скандальные материалы. А главное — ведь не врал! Приказ был? Был. Об отчислении? Да. За прогул? Да. Но правда далеко не полная. А в PR именно так и надо — лучше не полная правда, но правда, а не ложь.

37. Даже наука в ГУПе это только пиар. В самом ГУПе науки никакой. До самого последнего времени не было ни одного диссертационного совета, т. к. нет соответствующего профессорского состава. А все серьезные люди, которых они указывают в буклетах — совместители. Поэтому Запесочкий ведет прямо-таки охоту за профессурой. А все работники ГУП защищались в других вузах. В т. ч. и Запесочкий.

Зато раз в год по весне проходит якобы научная конференция с каким-нибудь завиральным наукообразным названием. Например, название той конференции, что была при мне: «Современная социокультурная ситуация». К конференции готовится сборник тезисов «участников» формата А4 с золотыми буквами названием, и с золотым обрезом. Тезисы все — начальников и людей, чьи титулы занимают больше места, чем сами тезисы, которые пишут 2–3 преподавателя ГУПа. Тезисы и проезд участникам оплачивают, но «участники» обычно не приезжают, да это и не обязательно. Главное — сборник, который стоит на полке в кабинете ректора и которым он потом, при случае, размахивает — вот какая наука в ГУПе. На самом деле науку делают те, кто сидят в библиотеках и в лабораториях, землю носом роют, готовят диссертации. Люди с титулами — это уже доходящий до нас свет потухшей звезды, в лучшем случае — «публичные ученые», вроде Алферова, научные результаты которых были получены давно, давно и оценены, а сейчас они «ученые в имидже», работающие на свою отрасль, на свое научное сообщество или структуру. Но именно такие «шибко учонные» и нужны Запесочному. Именно так и только так он и понимает науку.

Именно в этом ключе и надо понимать одну из его любимых фраз. Я ее услышал при нашем с ним последним разговоре. «Вы знаете, — сказал он, — я очень люблю деньги. И я знаю как с ними обращаться. Я ведь знаю, как перевести все деньги этого вуза за рубеж. И могу сделать это в любой момент и сам уехать за границу. Но я этого не делаю. Знаете почему?» Я никак не прореагировал, и он выдал: «Я хочу платить деньги ученым!»

38. Когда я уже ушел из ГУПа, он представил свою диссертацию на защиту в наш совет. Я предупредил Иконникову, что выступать против не буду, но на совет не приду. Она взяла меня за пуговицу и сказа-

ла: «Что, хочешь оказаться чище нас с ректором?» Я ответил: «Нет. Просто я слишком близко подходил к компьютеру, в котором писалась эта диссертация».

На защите было телевидение. Грандиозный банкет. «Великая наука» творилась.

39. Отплатил он Триодину сполна. За все. Когда я в ГУПе видел их отношения, то не верил тому, что такое может быть. Перед дверью в кабинет Запесочного Триодин шел пятнами, у него тряслись губы, голос дрожал. Тот публично, с ухмылочкой называл Триодина «умом, честью и совестью» ГУПа, Д. С. Лихачевым сегодня. Как он вытирал об него ноги с глаза на глаз можно только догадываться. Но Триодин трижды хлопал дверью, трижды писал заявления об уходе, которые Запесочкий «с удовольствием подписывал». И трижды Триодин, как побитая собака, приползал на животе обратно.

Как говорил Воланд, «люди как люди, только жилищный вопрос их испортил». А Триодин сидел на этом крючке крепко. И в конце концов, уже глубоко пенсионного возраста Триодин был выброшен.

40. Увольнения в ГУПе — настоящие поэмы или саги. Просто так никто не уходит. Запесочному обязательно надо человека пнуть, обидеть как-то. Один из последних таких случаев.

Несмотря на предупреждения, пошел в ГУП очередной молодой оптимист. Проректором по науке. А проректоры по науке в ГУПе меняются по несколько раз за сезон. Подписал контракт. А контракт в ГУПе ты должен подписывать с пустой строчкой суммы. Ее в последний момент заполняет сам ректор. Вышел этот деятель на работу. Пришла пора получать первую зарплату. Ему в кассе выдают заметно меньше, чем он рассчитывал. Он в бухгалтерию, узнать — почему. Там ему говорят сумму, поставленную ректором. Меньшую, чем они обговаривали при встрече. Он — на прием к ректору. Пробился. Тот ему сказал, что — да, вот так он, ректор, решил. Тот пошел в кадры, поглядеть контракт своими глазами. А ему там говорят, что он с сегодняшнего дня уволен. Бедняга пошел к себе в кабинет, обдумать происшедшее, но кабинет был уже опечатан и у него дежурил охранник.

41. Мое увольнение из ГУПа — целая история. Что нечего там делать и пора сваливать, я сообразил уже к концу первого семестра. А тут не было счастья, так несчастье помогло. Я сломал ногу, потом неудачный гипс, операция, опять гипс. В общем. Весь второй семестр и каникулы — на больничном. Правда, за это время я отруководил всеми своими гуповскими дипломниками и две книжки написал. На одной — учебнике по менеджменту в культуре даже вынес на титул название этого вуза вместе с Академией культуры. Бирженюку я отдал заявление об уходе с непроставленной датой и мы договорились, что

как только дело подойдет к закрытию больничного, я ему дам знать и он даст заявлению ход.

Больничные они мне оплачивали со скрипом, с запаздыванием на месяц, а то и два. Я все никак не мог понять — почему.

Еще в мае я договорился с Болотниковым, что возвращаюсь в штат кафедры. В сентябре, еще на больничном, вышел читать лекции в Академии культуры и дал отмашку Бирженюку. Оформил ему доверенность на получение моей трудовой книжки и полного расчета. Сказал, что в ГУП я больше ни ногой. В сентябре — денег и книжки нет. Октябрь заканчивается — то же самое. И Бирженюк себя странно ведет, юлит. А тут меня еще Мария Ивановна Даровская — наша начальница отдела кадров прихватила. Где, мол, твоя трудовая книжка? Ты уже сколько работаешь, а я на тебя приказа толком оформить не могу. Попытался позвонить Запесоцкому. Секретарша спросила — по какому вопросу и ответила: «Давайте не будем беспокоить Александра Сергеевича такими пустяками».

Выдержал еще небольшую паузу. Ситуация та же. И решил я пойти к нашему ректору за советом-помощью. Пришел. Рассказал все. Первой репликой его было: «Ну, ссориться мне с ним незачем». Помолчал. «Но и бояться нечего». Потом он принял решение. «Начнем, — говорит, — с начала, с кадровых служб». Вызвал Марию Ивановну и попросил ее разобраться с гуповскими коллегами. Пошли мы с М.И. в ее кабинет — звонить. А она тамошнюю проректора по кадрам Собко по нескольку раз на дню консультировала. Звонит она ей и я слышу разговор. «Что это вы там с Тульчинским устроили?» — «А у него с Запесоцким отношения не сложились». — «Ну так и что. На вас ведь тоже законы распространяются». — «Не уверена». — «Это как же? Вы что — частная лавочка?» — «Не знаю». Последней репликой М.И. был совет перестать морочить голову себе и людям и отдать мои документы. Положив трубку, она мне дала очень мудрый и дельный совет. «Езжай, — говорит, — ты в ГУП. И не откладывай. Пойди прямо в кадры и попроси у них справку о том, что ты у них работаешь. Или — работал. Отказать в такой справке они просто не могут. А ты принеси ее мне и я на ее основе выпишу тебе новую трудовую книжку. Думаю, что за год ты ее полностью восстановишь — у тебя в жизни не так много мест работы. А если кто-то у них хочет спать с твоей трудовой — пусть спит».

Я так и сделал. Поехал в ГУП рано поутру. Пришел к инспектору по кадрам. Сидит простая такая тетечка. Попросил справку. Она взяла бланк, уже подписанный и с печатью, заполнила его и стала перечитывать. Всполошилась: «Господи, да ведь Вы — Тульчинский! Они же с Вашим контрактом бегали». Скомкала уже готовую справку, выбросила ее в корзину. Взяла чистый бланк, не подписанный и без печати, заполнила. «Пойду, подпишу у Собко». И вышла. Я молча наблюдал за всем этим. Когда она вышла, посмотрел на пустую корзину. В которой валялась моя уже готовая справка. С волками жить — по волчьей выть.

Достал из корзины справку, положил в карман. Скомкал чистый листок бумаги и бросил его в корзину — взамен, чтобы в глаза не бросалось. Теперь сижу уже совершенно спокойный — дело-то уже сделано. То, что справка мятая — не беда, дома расправим. Теперь все дальнейшее для меня уже happening чистой воды.

Приходит тетечка: «Собко сейчас нет, погуляйте полчаса». Я решил зайти на кафедру к Бирженюку. Интересно — какова его версия происходящего и как он ее подаст в глаза. Поднимаюсь на кафедру. Он только что пришел. «О, ты приехал! А чего меня не предупредил? Но это хорошо, что ты ко мне сначала... Он не хочет тебе платить расчет...» Тут я уже не смог сдержаться: «тебе что — поручение дали?» — «Нет. Он Собко поручил с тобой поговорить». — «Ну вот, с Собко и буду разговаривать». Перевел разговор на другие темы, но ему явно не хотелось говорить ни о чем другом. Помурлыжил я его, смотрю, пора уже к Собко идти. Попрошался с Бирженюком, пошел к Собко. У той перед кабинетом цербер сидит, на столе перед которой лежит моя неподписанная справка. Спрашиваю: «Собко здесь?» — «Да». — «А чего справка не подписана?» — «У меня печать будет только после 16-ти». Я поворачиваюсь и — в дверь к Собко. Секретарша чего-то пискнула, но я уже был там.

Поздоровался, представился — до этого мы лично не встречались. Собко вскочила, обрадовалась: «А я Вас искала...». — «Ну, меня искать проще простого, я все время дома». — «Да, я слышала, Вы болели». — «Было дело». — «Александр Сергеевич попросил меня переговорить с Вами». — Молчу. — «Он не хочет оплачивать Вам отпускные. Считает, что Вам переплатил. Вы ведь не работали полгода». — «Но контракт не только выполнен (включая курсовые и дипломы), но и перевыполнен по методической работе, публикациям и тезисам к конференциям». — Оживилась: «Вот и я ему говорила. Мы ведь несколько раз с ним смотрели Ваш контракт».

Я решил сменить тупиковый сюжет: «Вообще-то, я к Вам по другому поводу». — «Да?» — «Мне справка нужна, что я у Вас числюсь». — «Ради Бога — нет проблем». — «Я уже был у инспектора, справка подготовлена, но почему-то не подписанная лежит у Вашего секретаря». Она позвонила секретарше, сказала ей принести справку. Подписала. «Вот, пожалуйста». — «А печать?» Отдала справку секретарше, та через три секунды вернулась — на справке стояла печать. Вот тебе и после 16-ти! «Вот Ваша справка». — «Спасибо». Кладу справку в карман. Теперь у меня две справки — мятая и гладенькая.

И тут до нее стало доходить происшедшее. «Я ведь его предупреждала, что дело судом кончится и все обстоятельства в Вашу пользу». — «Это его проблемы. Судиться с ним я не собираюсь, времени жалко, да и честь велика. Деньгами может подавиться, а трудовую книжку пусть ламинирует и у себя над столом повесит. Но вот молчать обо всем этом я не буду». — «Я ему все передам и Вам позвоню». На том расстались.

Она не позвонила, но дня через три Бирженюк прислал мне с лаборанткой трудовую книжку и полный расчет. Говорят, что я оказался из очень и очень немногих, кто умудрился поставить Запесоцкого на счетчик.

А Марии Ивановне я по гроб жизни благодарен и всегда при встрече не только здороваюсь, но и спасибо говорю. За совет.

И отдельное спасибо Запесоцкому — в Академии культуры по большому я бы получил намного меньше. Нет худа без добра. Да и курсы английского... Неспроста его жаба душила.

42. Удивительно как слаб и самонадеян человек. Все знают о Запесоцком, но летят как бабочки на его предложения. Их предупреждают. Но они думают, что это так с другими, что с ними будет иначе. И обжигаются. Я сам. А. Ульяновского, Э. Новаторова я лично предупреждал. Благодарили, но шли. Потом тоже благодарили, уйдя — кто вовремя, как Андрей, а кто и дождавшись, как Эдик. Знаю только одного человека, который не поддался — Татьяна Артемьева. За что ей дополнительное уважение.

43. В детстве, гуляя в районе Таврического сада, я часто забегал в музей Суворова. Даже просто — от дождя. И всегда очень любил этот музей. Там было оружие, ключи от крепостей, флаги. Музей был бесплатным. С самого своего основания еще до революции. Потому как он был построен на собранные народные деньги.

И каково же было мое расстройство, когда, вернувшись в этот район, году в 1979 я повел ребят в музей. Он оказался платным, а в открытой экспозиции был только один зал!

44. В одном питерском торговом доме немецкого происхождения набирали девочек администраторами в зале на месяц с условием, что этот месяц оплачиваться им не будет. Но, если они устроят фирму, то их возьмут в штат и оплатят этот месяц.

Проходил месяц, и всех увольняли. Некоторые дурочки прошли этот цикл четыре раза, думая, что теперь-то они все знают и умеют. Не помогло. Пока одна из них не сообразила. Что по закону любой труд подлежит оплате. Был скандал, фирму хотели лишить лицензии, но обошлось.

45. Кто такой современный менеджер? Человек, умеющий решать слабо (плохо) структурированные задачи (вроде «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»), умеющий рисковать, способный проводить нововведения и быть обаятельным. Все!

Можно проверить обратным счетом. Если ты вызываешь в людях неприятие, за тобой не пойдут на новое дело, твои идеи будут восприниматься на фоне психологического отторжения, твой риск окажется необоснованным, а сам ты — неадекватным ситуации.

Как Mercedes Haus подбирал себе менеджера на питерское отделение. Были выставлены условия: особь мужского гендера, русский с доказанной аристократической родословной, возраст до 35 лет, высшее образование (любое), знание 2 европейских языков и не отталкивающая внешность. Знание автодела и экономики не предполагалось.

Дали ему толковую команду. А что делать менеджеру, если все работники компетентные, знают чего и как делать. Только контролировать и представлять, тусоваться с партнерами, властями, конкурентами, т. е. работать на развитие.

И парень настолько удачно представлялся, что вскоре пошел на повышение — возглавил дивизион по Центральной и Восточной Европе.

46. Это то же самое, что в свое время Р. Рейган. 87 % не одобряют ни внешнюю, ни внутреннюю политику правительства, но 83 % доверяют президенту и хотят видеть его во главе страны.

47. Класс менеджера, помимо прочего, определяется его способностью решать слабо или плохо структурированные задачи. Хорошо структурированы задачи из школьного задачника по геометрии и алгебре: дано и известно, что дано, найти — и известно, что найти. А слабо структурирована задача из русской сказки: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Такие задачи не только в менеджменте, но и в жизни часто бывают. Похоже, что вся жизнь — одна слабо структурированная задача, и каждый ее структурирует, как может. То, что я могу решать такие задачи, я понял только после одной истории.

Еду поездом на бизнес-семинар работников культуры в город Житомир. Уезжая, спросил у организатора Евланова: «Кто организатор, куда идти, где размещение?». «Отстань, — говорит, — тебя там встретят, и все будет в порядке». «Главное, — говорит, — ты сменяешь там Степанова, он тебе должен передать твой обратный билет и кое-какие деньги для меня. Надо тебе с ним успеть встретиться, потому что ты приезжаешь, а он тут же уезжает». Как потом оказалось, он со свойственной ему ответственностью, сказал тамошним организаторам, что все объяснит мне и встречать меня, поэтому не надо.

Приезжаю в Житомир, в котором никогда до этого не был — только проездом. Схожу с поезда — никто не встречает. Иду в вокзал, спрашиваю в справочном — ничего. Звонить в Питер — знаю что бесполезно: воскресенье и Евланов уехал на дачу. Города не знаю, кто организатор, куда идти — не знаю. Следующее естественное действие — обратный билет в Питер. В гробу я видел такие приключения. Договорился в кассе, что через 2,5 часа пойдет одесский поезд на Питер, и меня на нем отправят. Уже легче. Но болтаться больше двух часов на этом вокзале не хотелось, и я решил поиграть в одну игру: хоть и велик город Житомир, но работников культуры в нем и области круг не так уж узок. А

то, что выходной — так есть ведь у них, наверное, местная власть, в которой дежурит какой-нибудь кагебарий с домашними телефонами. Спросил у вокзальных ментов дорогу до местной власти, добрел до туда. Все закрыто, но сидит дежурный гебист. Объяснил, что приехал из Питера не знаю к кому, но знаю зачем. Дал он мне справочник — звони. Начал звонить по телефонам управления культуры — а там были и домашние телефоны тоже. Кого-то нет, кто-то в бане, кто-то на огороде. Дозвонился только до какой-то дамы из отдела капитального строительства. Она вспомнила фамилию работницы, которая бегала по поводу этого семинара. Эта фамилия есть в справочнике, звоню — ребенок говорит, что на огороде. Опять звоню даме из ОКСА — не знает ли она, в каком отеле размещают преподавателей. «А та, наверное, в нашем лучшем готелю». «А что у вас за лучший отель?» «А та “Житомир”». Спросил у кагебария, где тут в Житомире отель “Житомир”. Объяснил. Прихожу. Ничего такой отель, старинное здание. И тут началась мистика. Спрашиваю у администратора: «Заказан у Вас номер для Тульчинского?» Та порылась — есть, говорит. Оформляю номер на три дня, беру ключи, поднимаюсь в номер. Приличный номер, с телефоном. Звоню даме-организатору. Та уже пришла с огорода. «Вас ждет Степанов с билетом и деньгами». «Где?» — «В номере». «Нет его тут, — говорю». «Не может быть. Он мне только что звонил от администратора». Спросил у нее номер — оказался не мой. Вышел в коридор, походил — нет такого номера. Звоню ей. «Степанов ждет вас у администратора, он опаздывает на поезд, поспешите». Спускаюсь. Нет никакого Степанова. Администратор его в глаза не видела. Звоню даме. «Степанов Вас не дождался, оставил деньги и билет у администратора». «Никто, — говорю, — его тут не видел». «Ну, не знаю», — говорит, и очень так недоверчиво. То ли я совсем бестолочь, то ли пьяный, то ли еще хуже. Плюнул я на все, договорился с ней насчет завтрашней встречи и пошел гулять по вечернему весеннему Житомиру. Обошел центральную площадь и наткнулся на отель «Жовтневый» — «Октябрьский». Новое здание, явно партийный отель. Обращаюсь к администратору — не оставляли ли у нее чего для Тульчинского. Сидит этакая молодая стервочка. «Да, — говорит, — билет». — «А деньги?» — «Нет, — говорит, — никаких денег не оставляли». Что с ней поделаешь? Значит, я влез не в свой отель. Посмотрел оставленный мне номер. Ничего, но без телефона и двухместный — еще кого подселят. А у меня в «Житомире» одноместный и с телефоном. Попросил подождать с оформлением, вернулся в «Житомир». Объяснил администратору. Славная бабка махнула рукой: «Та живите — оплатили ведь». Оказалось, что я влез в номер, заказанный для какого-то Тульчинского из Одессы по линии Общества «Знание». Степанов уехал в Питер одесским поездом, на котором мог уехать и я, если бы в «Житомире» не оказалось номера для Тульчинского. Полезно, все-таки структурировать плохо структурированные задачи.

48. Не люблю пермский аэропорт. У меня с ним связаны не очень приятные воспоминания.

Первое. Летел на очередной бизнес-семинар. Там полностью сменилась команда организаторов — ни они меня лично не знали, ни я их. Прилетаю, иду к выходу. Как обычно поступают встречающие. Если они встречают человека, которого они не знают лично? Держат в руках транспарантик, плакатик или табличку с фамилией того, кого они встречают, или с названием своей организации, темой конференции — вообще с какими-то ключевыми словами. Прохожу воротца, где встречают — ничего и никого насчет меня. всех. кого хотели встретить — всех разобрали. Я один остался. Постоял. Никто не подходит. Вышел на площадь, стал к людям подходить, спрашивать: «Вы, случайно, не Тульчинского встречаете?» Люди от меня шарахаются, как от лошади. Пошел в аэровокзал, в справочное — мало ли что случилось, может там какая информация для меня. Спрашиваю: «Нет ли чего для Тульчинского?» Нет ничего. Ну, тут уже в гробу я это дело видел — в кассу за обратным билетом. Там мне говорят, что билетов нет, но (не знаю, чем уж я ее взял) через час будет регистрация, и меня отправят в питер обратно. Уже легче. Начинаю строить планы на вечер дома. Но еще целый час времени. Книжки и газеты прочитаны. Надо чем-то заняться. дай. думаю. еще попробую, от нечего делать. Опять подошел к воротцам — никого. Походил по площади — ничего похожего. А на площади, как это обычно бывает перед аэровокзалами, клумба огромная, вокруг которой автобусы и прочий транспорт разворачиваются. И вижу, с той стороны клумбы стоит какая-то фря в шубе, причем спиной к аэропорту. Решил, ну, просто от нехрен делать, подойти постебаться. Подхожу: «Вы, случайно, не Тульчинского встречаете?» Она оборачивается: «Да. А где Вы были?» Скрипнул я зубами и популярно объяснил ей, что, вообще-то, я уже договорился на обратный улет и только случайно подошел к ней. Пошли к машине, сели, едем. Пришел я в себя и говорю, что, мол, делают, когда хотят встретить незнакомо. Она сидела рядом с шофером, обернулась и говорит: «Меня тут слишком многие знают, чтобы я с табличками стояла».

Второе. Опять же прилетел на бизнес-семинар. Передо мной работал юрист Степанов — славный разговорчивый мужик из бывших районных прокуроров. Уникальный юрист и любящий работать горлом. что было большой редкостью. Другие специализировались на тиражировании уставов. Он улетал на следующий день. Вечером посидели с ним. Утром проводил я его на такси в аэропорт, сам поехал на занятия. Отработал три дня. С вечера заказал такси. Утром четвертого дня сажусь в такси, едем в аэропорт, обсуждаем с водителем проблемы городского хозяйства, подъезжаем к аэропорту, расплачиваюсь и прощаюсь с водителем, регистрация, вроде бы уже должна идти, подхожу к зданию аэровокзала, открываю дверь... А там людей набито, как в автобусе. И первый. на кого я натыкаюсь — Степанов. Оказывается, все эти дни

были сплошные задержки, причем объявляли именно задержки рейсов на 2–1,5 часа, так что люди не могли выехать из аэропорта. Проторчали мы с ним вместе еще полдня и улетели его рейсом.

49. От Иркутска поездом ехали в бурятский поселок Танхой. Это напротив Иркутска через Байкал, на его восточном берегу. Поезд огибал южную оконечность Байкала, тащился медленно, кланяясь каждому кусту. На одной такой остановке вышел и своим глазам не поверил: железнодорожная насыпь — из мрамора. Байкал. Горы вокруг — мраморные. Ну их и взрывали на щебенку.

50. Вообще на Байкале, куда ни помотришь — на озеро, на сопки — красота изумительная. Но только, если смотреть вдаль. А если посмотреть под ноги, то лучше бы глаза не глядели. Куски бетона, битого кирпича, какие-то арматурины все загажено. И так везде: на берегу, в воде, в тайге, на сопках.

51. Места там благодатнейшие. Трава выше пояса. Живи — не хочу. Сажай, что душе угодно, скотинку расти. Живности, однако, никакой не видать. А дома все за высокими заборами в три доски — третья внахлест на шель между двумя. Даже интересно стало — что же там, за заборами-то? Посмотрел. Ничего. Один бурьян.

Зато по утрам на станции Танхой две очереди. Мужская и женская. Ждут поезда. Мужики — водку. Бабы — молоко.

52. Иркутск запомнился мне подлетом — низкими, совсем восточными горами, но особенно — отлетом. Почти целый день мы могли с Евлановым поболтать по городу. Болтаемся. Славный город. Университет имени А. А. Жданова, основанный великим исследователем Сибири адмиралом Колчаком. Мост через Ангару. Замечательный писатель В. Распутин, здесь проживающий. Идем по улице. Я чуть подотстал. Вдруг к нам кидается плотный мужик в черной футболке, обнимает Евланова: «Привет, а ты чего тут делаешь?» Володя вяло бормочет чего-то. У него и так-то вид то ли меньшевика, то ли эсера — очки вроде пенсне, борода, а тут бородашка вообще трясется, очки того и гляди упадут. Подхожу я. «А, еще один!» Радостный такой мужик. Руками машет, зовет куда-то с ним пойти. Смотрю, Володя все больше сникает. То ли у него реакция получше оказалась, то ли такого опыта побольше. Идем втроем. Встречается еще мужик тоже в черной футболке, наш знакомец радостно ему чего-то говорит, они отходят и слышно, как второй первого отговаривает: «Да брось ты, может не надо». Володя мне шепчет: «Быстро, в магазин». Ныряем в какой-то магазинишко, выходим через другие двери, и Володя тянет меня бегом в первый подвернувшийся автобус. Сели, отдышался. «Чего это ты?» — спрашиваю. «Так ведь бить будут».

Тут уж и до меня дошло: вотчина патриота Распутина, «Память» в черных футболках. Мы с Володей, наверное, весьма экзотически русскоязычно смотрелись на улицах этого славного города. Доехали до кольца этого автобуса и напрямиком — в аэропорт. Когда ехали обратно, проезжали ту же улицу и видели этих двух «памятников», которые явно кого-то искали.

53. В Крыму я был всего один раз и то несколько часов и случайно. Летел на бизнес-семинар в Донецк. Организатор тот же Евланов. Лечу. Уже на подлете самолет делает прямой угол и летит дальше. Объявляют, что по погодным условиям Донецк не принимает и будет посадка в аэропорту города Симферополя. Подлетаем. Внизу уже зелень, не то, что у нас в Питере. Садимся. Битком набитый аэропорт. Посадки самых всевозможных рейсов. Застреваю, минимум на полдня. Звоню Евланову в Питер — его нет. Звоню своим — они говорят, что звонил Евланов, ему звонили из Донецка и предупредили, что предыдущий преподаватель опоздал на два дня из-за задержек и семинар распустили. Поэтому лететь мне не надо. А я в Симферополе. Дождаться рейса в Донецк бессмысленно. Иду в кассу — в Питер не будет рейсов ближайшие три дня. Бегу на вокзал. Поезд Севастополь-Ленинград будет только ночью и ехать почти двое суток. Возвращаюсь в аэропорт, спрашиваю билет хотя бы до Москвы. Нету, говорят, ни билетов, ни рейсов. Познакомился с мужиком, который летел из Берлина в Питер и вот оказался в Симферополе. Живет тут уже третий день. Пошел к дежурному директору по аэровокзалу. Объясняюсь. Не знаю, чем уж ее взял, но говорит, что будет тут вечером не объявленный рейс на Москву и чтобы я подошел минут за сорок — она меня посадит. Подхожу за час — таких целая толпа. На мне посадочные кончились. Берлинец стоял за мной, но я его встретил в самолете. Прилетел в Москву и напрямиком на вокзал. Утром уже был в Питере. Обернулся меньше чем за сутки. Стервец Евланов оправдывался, что узнав с вечера об отмене, он не стал меня беспокоить, а утром я уже уехал, его жена звонила в аэропорт, но меня, якобы, не нашли.

54. Так сложилось, что несколько лет я каждый год летал в Красноярск, и все события красноярской жизни проходили передо мной как в ускоренном просмотре.

Первый раз мы летали туда командой — просили подобрать еще юриста с экономистом. Я позвал Юлю Прахову из питерского комитета по культуре и Марка Хайкина. Прилетели. И семинар, и размещение — в закрытом загородном комплексе «Сосны». Место красивое, на высоком берегу Енисея, почти напротив Столбов. Семинар наш проходил буквально за неделю до встречи там Ельцина с Хасимото. И мы видели начало бешеной подготовки. Монтировали огромные тарелки для спутниковой правительственной связи. Прокладывали дорожки — прямо на

хвою кидали толстенный слой асфальта. Почти у каждой сосны кто-то чего-то химичил. Было смешно наблюдать, что если сначала рабочие работали сами по себе, то потом около каждого работающего стоял какой-то наблюдатель. На следующий день — двое, еще через день — трое. Можно только догадываться, что было после нашего отъезда.

После возвращения в Питер, меня спрашивали, что я видел в Красноярске? Я отвечал — три чуда света. По нарастающей.

Во-первых, я видел Красноярскую ГЭС. Дядечка, завотделом культуры Дивногорского района, устроил нам такую экскурсию. Мы проехали Столбы, Овсянку, посидели в Дивногорске, побывали на ГЭС. Она произвела потрясающее впечатление. Своей угрюмой бессмысленностью. Посреди безумно красивых осенью Саян, поперек Енисея — мрачная серого бетона пирамида Хеопса. Поражает именно протivoестественность. Полноту картины дополняют хлысты стволов, забившие створ. Лес из зоны затопления выше плотины не вывезли — очень спешили, и водохранилище — мертвое море в горах. Рыба среди мертвого леса не водится, а стволы до сих пор всплывают и забивают створ.

Нас еще водили в тело плотины. Два блока ремонтировались, турбины были подняты и мы заглядывали в эти бездонные шахты. Уму не постижимо, сколько же было вбухано бетона. Как раз тогда было самое горячее время дележа производства алюминия в России. Было много публикаций о деятельности братьев Черных, о толлинге и т. п. Как раз накануне нашего приезда исчез директор Красноярской ГЭС и нас водил его заместитель. Я возьми, да и спроси его что, мол, на братьев Черных работаем? Он вздрогнул, заозирался и тихо так ответил: «Есть и другие собственники». Я вспомнил о битвах на Красноярском алюминевом и сообразил — Быков.

И это второе чудо: я видел Быкова на экране телевизора. Тогда еще в Питере спрашивали — а кто такой Быков? Теперь уже никто не спрашивает. А тогда мало кто знал о господине Быкове, молодом человеке, который в советское время работал три года учителем физкультуры в назаровской средней школе. А тогда уже ему принадлежал контрольный пакет КраЗа и 46 % акций Красноярской ГЭС. А еще он был тогда председателем российской федерации бокса. Мастер спорта по боксу, нос переломанный. Короче говоря, лидер спортивных группировок, которые поставили под крышу весь Красноярский край. Я-то по газетам, особенно «Известиям» был в курсе. Там регулярно публиковались материалы о разборках на КраЗе, да и был большой материал о самом Быкове — подавался он как уголовник. Однако ни он сам, ни его ближайшее окружение с уголовными преследованиями не сталкивались, судимостей не имели. И «татуированных» — криминал — из краевого бизнеса вытеснили.

Короче говоря, поднялись ребята-спортсмены на разборках и разводах, на выбивании долгов, неплатежей. Типичная история. Например, у меня бизнес и у вас бизнес. Мы договорились о чем-то. Это

значит, что какие-то налоги мы платить не будем, потому как ежели все платить по российским законам, то бизнеса не будет. И вы меня кинули. Куда я пойду? В прокуратуру, в милицию, что ли? Но кто-то должен выполнить функцию третьей стороны, сказать кто прав, а кто нет. И чтобы его решение было выполнено. Свято место, ведь, пусто не бывает. Вот этот правовой вакуум и нигилизм и породили таких как Быков. При неисполнении закона приходится жить «по понятиям».

Потом уже, в другой приезд, Быков уже был депутатом краевого Законодательного собрания, я видел телевизионное интервью его пресс-секретаря. Оказалось, что депутатская почта Быкова превышает почту всех остальных депутатов ЗакСа вместе взятых. Корреспондентка попросила привести пример писем избирателей. Пресс-секретарь порылся в папке и достал письмо. «Вот, например, пишет бабушка. Жалуются, что дедулька ее бьет. Как выпьет, так и гоняет. И куда только бабушка не обращалась — ничего не помогает». — «Ну, и как вы ей помогли?» Тот мнется. «Мы долго думали, как помочь бабушке. А потом решили — как всегда». — «И помогло?» — «Да, вот, смотрите — ее письмо. С благодарностью. И дедулька подписался тоже. Живут теперь спокойно». И смех и грех.

Губернатор Зубов перемещался по краю на машине. Быков — на вертолете. И в каждом райцентре у него была резиденция со спутниковой связью — примерно такой, которую монтировали для Ельцина. При этом — отремонтированные и восстановленные православные храмы, мечеть, синагога, дацян. В каждом микрорайоне — детский клуб, чтобы не кололись и не нюхали. Но люди при упоминании или даже намеке — вздрагивали и озирались. Корреспондентка беседовала с ним по поводу четвертой за год смены директора КраЗа, просила объяснить эту смену. Быков, тогда еще не очень жалованный публичностью, мялся, было видно, как он мучительно ищет слова, которых ему не хватает, обтирает платочком рот. «Ну,... мы посоветовались... с.... товарищами по партии. И решили». Нашел-таки слова.

В один из других приездов нас сводили во Дворец культуры КраЗа, фактически — публичный офис Быкова. Это было как раз в тот короткий период, когда Быков вошел в партийный список ЛДПР на выборах в Государственную Думу. Под вторым номером, после Жириновского. Дворец культуры КраЗа — единственный работающий на полную катушку городской культурный центр. Сияет огнями до глубокой ночи. В библиотеке полные залы. На всех сценах что-то происходит. Все кружки и клубные объединения работают. Просто мечта работника культуры. Везде фотографии Быкова, предвыборные плакаты, листовки, буклеты. И... жутковатый по безвкусице интерьер. Мебель — пластмассовая штамповка — как в фаст-фудах. На стенах в рамках из полированного алюминия... фрагменты фотообоев. И повсюду искусственные цветы и растения — как в похоронных бюро. Я спрашиваю

директрису — пожилую славную тетку, заслуженного работника культуры РФ — почему так, ведь во дворце есть замечательные коллективы, косторезы, мастера по дереву, которые могут сделать славный интерьер. А она глаза скосила на бок и говорит: «А... Вы об этом. А вот господин Быков считает, что ТАК красиво».

Это Быков привел в край генерала Лебеда. Думал, что Лебедь — как публичный политик — в край не надолго, в дела влезать не будет, поддержит некоторые идеи. Они тогда на публике появлялись вместе, улыбались друг другу, жали руки. Это его Лебедь имел в виду, когда говорил, что его поддерживает реальный серый бизнес, какого большинство в России. Но Лебедь в крае застрял, полез в вопросы собственности, не поддержал быковскую идею о собирании в одни руки добычу глинозема, производство электроэнергии, энергосистему и производство алюминия. Поссорились. В край полезли московские. Начались наезды на Быкова. Инсценировка прокуратуры с убийством Струганова-Цветомузыки, бегство за границу, Интерпол, экстрадиция, долгое сидение в Лефортово и суд, отпустивший Быкова на свободу. Воистину чудеса. До сих пор Красноярская ГЭС, которую много лет строила вся страна, фактически, принадлежит Быкову. Будешь вздрагивать и озираться.

А третье, главное, чудо — Красноярская международная музейная биеннале. Я застал конец второй биеннале. До сих пор вспоминаю с восторгом. Потом попал и на третью, и четвертую. И всякий раз потрясающе. Проходят они в Красноярском музейном культурном центре. Это бывший музей Ленина, который был сдан в эксплуатацию за три месяца до развала СССР. Последний построенный музей Ленина. Замечательное здание на енисейской стрелке — самое красивое место в Красноярске. Как музей Ленина, да и просто как обычный музей его уже ничем не надыхать. И молодому директору и совсем молодой команде, вместе с московскими искусствоведами и дизайнерами, пришла в голову идея международных музейных биеннале. Это действительно международные акции. Из разных музеев со всего мира привозят одну экспозицию. И потом все они увязываются в единое пространство. Речь идет не просто об экспозиции экспонатов. С помощью света, цвета, звука, за несколько метров до экспонатов сотворяется черт-те что. А здание не коробка, а почти храмовой архитектуры. Объемы колоссальные. И вот это все пространство получается чрезвычайно насыщенным и единым. Да плюс еще нетривиальные трехмерные буклеты и альбомы. Я показывал их нашим музейщикам и все в один голос говорили, что в Питере такое невозможно. Просто Питер перенасыщен музейными фондами и ментальность у хранителей фонда как у Кащей-бессмертного: если выставили кувшин, то считают, что кувшин сам за себя говорит. А там из пустяка конфетку делают. Там я понял, что на пустом месте легче сделать конфетку.

Более того. В цокольном этаже здания стоит 10-метровая компози-

ция: Ленин, Крупская и какой-то рабочий, внешне напоминающий Мартова. Композиция чугунная, смонтированная воедино с фундаментом здания. Поэтому к каждой биеннале и крупной выставке они вынуждены ее драпировать, маскировать. Один раз это был огромный тотемный камень, другой — космический корабль. Этаким принципиально неудаляемый Ленин, которого надо удалить. Какой чудовищный стимул для креатива!

Лебедь, когда стал губернатором, попервоначально отказал в поддержке Биеннале, но быстро сообразил, что это такое. Пришел на открытие и все последующие поддерживал обязательно.

55. Обычно люди-способные организаторы не любят работу с текстами — писать, редактировать. Сидеть за столом — им нож острый. Они обычно предпочитают нечто в стиле «Давайте, я вам лучше расскажу». Представить генерала Лебеда за компьютером?! С мышкой!? Ну, разве что — с джостиком. Недаром, когда Александр Иванович въехал в губернаторский кабинет, который до него занимал профессор Зубов, то первое что он потребовал — это убрать оттуда два компьютера. И без особого отбора лексики генерал добавил — куда. Потом, правда, поправился и сказал, чтобы их отдали тем, кому они нужны, а мое, мол, дело не за компьютером сидеть, а решения принимать!

56. Проводил занятия в Школе имиджа. Было это в Доме ОСТО (бывший ДОСААФ) — бывшем особняке Паниной. Это на Фонтанке, около цирка. Там теперь еще Театр «Патриот». Поскольку люди были отчасти приезжие, то занимались интенсивно, и по выходным тоже.

И вот в воскресенье, заканчиваю занятие и мы обнаруживаем, что оказались закрытыми на третьем этаже. И не просто закрытыми, а трижды: в коридоре, на этаже и на лестнице внизу. Вахтерша и прочие просто забыли о нас. Стали стучать, но не достучаться. В окно покричали, но окна в зарытый двор и там никого нет. Штук восемь теток и я. Впереди целый выходной и ночь.

Одна из питерских слушательниц связалась с мужем по мобильнику, чтобы тот позвонил на вахту, но ни в телефонной книге, ни в справочном телефонов ОСТО не было — закрытая контора.

Открыл решетку на окне. Под ним оказалась слабопокатая крыша шириной метра два. Прошелся по ней. Обнаружил окно на лестницу, закрытое прогнившим ставнем, но без реечки. Если в него влезть, то уже преодолеваются две запертые двери. С нескольких ударов ногой разбил ставень и влез в окно. Спустился по лестнице. А там уже на стук и крик вахтерша открыла дверь. Теткам не пришлось лазить по крыше.

57. Моя тоненькая книжка была второй отечественной книгой по PR (первой была книжка Л. Б. Невзлина).

Эту книжку до сих пор цитируют, а Почепцов в своих обзорах счи-

тает чуть ли не единственным систематическим рассмотрением технологии PR. По ней составлялись и составляются учебные планы. Ее распространяли и даже переиздавали помимо моей воли. Ну, да бог с ними — тоже реклама. Так что я стал чем-то вроде отечественного классика по PR.

По словам Влады Липской, деканша журфака мадам Шишкина узнала о PR из этой книжки, когда Влада ее ей показала. Очень похоже на правду.

58. Ася Векслер передавала Шишкиной книги для меня. Дженни ни гу-гу. Я уже не говорю о мелких пакостях, вроде итогов PRобы и Серебряного лучника по поводу нашей с Асей замечательной книжки (книжка о спонсорстве и благотворительности для бизнеса получилась действительно замечательная — аналогов нет и за рубежом). Да еще в рамках Хрустального апельсина, когда с лауреатами сажали «аллею пиарщиков» на одно из посаженных мною деревьев повесили табличку с ее фамилией, хотя мадам не изволили явиться вообще. Я уж не говорю о том, что из отделения Российской ассоциации по связям с общественностью она умудрилась сделать акционерное общество.

Смех смехом, но я ее иначе как «мадам Шишкина» не называл. И назвал так в одном докладе на конференции. Там была тетечка с журфака. Как она возмущалась на «мадам»! Я долго не мог понять — в чем обидность. Потом сообразил — песня А. Пугачевой про мадам Брошкину. Шишкина — почти Брошкина.

59. В Мухинском училище долгое время работал интересный человек. Русский. Родился, вырос в Англии в семье эмигрантов еще первой волны. Там же получил образование. И, в 20 с небольшим, оказавшись на концерте какого-то советского ансамбля песни и пляски, почувствовал себя русским, и, несмотря на протесты родных и близких, пошел в советское посольство за гражданством. Приехал в СССР, осел в Питере и преподавал в Мухе чего-то по металлу.

При первой же возможности — линял в Великобританию: на каникулы, лечиться, в гости. Но всегда возвращался. Его спрашивали — зачем Вы стремитесь туда, чего Вам здесь не хватает. Он отвечал: «Свободы. Я не чувствую здесь себя свободным. Свободен я только там». — «Ну, так а чего же тогда возвращаетесь?» — «А там мне не хватает воли, которую я имею здесь». — «Как это?» — «Объяснить не могу — лучше приведу пример. Как-то мы с моим еще школьным приятелем гуляли в лондонском пригороде. Проходили мимо особняка. Было видно, что он пустует. Приятель обратил мое внимание на большой белый гриб, что рос на участке. Я перешагнул живую изгородь и сорвал гриб. Приятель с ужасом посмотрел на меня — что ты сделал? Это же частное владение! А я ему ответил, что он нас, русских плохо еще знает!»

Я студентов спрашиваю: «Представьте, что наступило светлое ка-

питалистическое будущее. Но вы понимаете, что тогда вы не сможете взять корзинку, пойти на Финбан и поехать ближайшей электричкой за грибами-ягодами, куда хотите?» «Почему это?» — «Да потому что либо это будет частное владение, либо надо будет лицензию покупать». Удивляются. Свободе.

60. О том, как уезжали из России, и что из этого получается... У Михаила Эпштейна в 1989 родился четвертый ребенок. А тогда как раз подняло голову общество «Память», все ждали погромов. Чистокровно русская Лена Эпштейн — как многодетная мать — чтобы купить что-то без очереди, в очередях должна была показывать паспорт. И продавщицы вслух, со вкусом, чтобы все слушали, читали: «Та-ак. Эпштейн, значит. Четверо детей. Все Эпштейны».

И Татьяна дрогнула. И они с ее мамой насели на Михаила. И они выехали. Уезжали в 1990 году как группа советских писателей. Документы на поездку им в Союзе Писателей оформлял Роберт Рождественский. Группа состояла из писателей с одной только фамилией — Эпштейн. Младшему писателю было всего несколько месяцев. Сначала Михаил работал по гранту в Кеннана, потом на радио и, в конце концов, осел в Университете Эмори в Атланте, где довольно скоро поучил именную профессорскую ставку. Это значит, что его не уволят по гроб жизни, если только он сам не уйдет. Через пару лет к ним прилетела ленина мама. Это отдельная история — как она прилетела со сломанной шейкой бедра.

Главное — не банальное «еврей не роскошь, а средство передвижения», а то, что из этого вышло. Что я сам видел своими глазами, когда гостил у них... Старшие быстро натурализовались и американизировались. Варя, воспитанная в Мишином «Отцовстве», дома практически не появлялась, живя на кампусе. Митя, учился на старшем курсе и весь был в тренировках по реслингу. А вот младшие... Петя ударился в православие. Его приветил местный батюшка, который приходил домой и занимался с ним математикой. Но самое интересное — младший, самый младший «советский писатель». Женя читал только русские книги, слушал только российское радио и смотрел по телевизору только ОРТ.

61. Россия получила президента, у которого на физиономии написаны все комплексы нации — от инфантилизма до мании величия. Но, по крайней мере, одного яркого качества у Путина не отнять. Это то, что в моей концепции мотивации называется успехом-преодолением — а вот это смогу? А вот этак? Это даже в мелочах проявляется: пойти школьником в КГБ проситься, в истребителе полетать, в подлодке спуститься, в миску с кумысом за монеткой нырнуть, английский за две недели «выучить»... Это пионерское мальчишество. А вот его участие в выборах... Или — стояние перед родственниками погибших подводников с

«Курска»... Это уже серьезно. В «Новой газете» была опубликована распечатка записи той встречи Путина в видяевском Доме культуры. Тогда ведь скандал был. Президент, долгое время повторявший военное вранье, не полетевший к месту катастрофы, впервые вышел на контакт с родственниками. Встреча началась с провала. Он начал ее словами, что принято решение возместить родственникам погибших ущерб в такой-то сумме. В ответ гробовое молчание. Он: «Вы, наверное, не поняли. Вам возместят ущерб в такой-то сумме». В ответ долгое молчание, пока кто-то не спросил: «Это из какого расчета?» — «Оклада капитана такого-то ранга». Кто-то закричал: «Я капитан этого ранга, но у меня оклад втрое меньше». И тут людей прорвало: «Позор! Он предлагает нам деньги! Верните нам наших детей и мужей!» И началось. Кого-то в истерике вынесли из зала. Клебанова тогда чуть на галстук не повесили, он сбежал, а Путин остался. И говорил, говорил, говорил еще 2,5 часа. И заговорил родственников. Это не просто мужество. Это каскадерство.

Впервые оно было описано В. Котиком из Эстонии в работе об опасном поведении профессионалов. На эту проблему он вышел после поездки в такси, когда водитель, без какой бы то ни было необходимости, на повороте выехал на встречную полосу и пошел на обгон. Котик подумал, что с ним что-то случилось, присмотрелся — нет. Сидит как мамонт. Котик пришел в себя, спросил водителя: «Зачем Вы это сделали?» — «Если пару раз за смену не встряхнусь — человеком себя не чувствую».

Я потом в «Известиях читал историю. Самарский аэропорт. Полдень. Чистое небо. На посадку идет ТУ-154. Первый пилот отключает приборы. Заставляет второго пилота держать задернутой шторку — буду сажать самолет наизусть, вслепую. Самопроверочка такая — ас или не ас! При посадке самолет угробил, половина пассажиров погибла, второй пилот умер от инфаркта, спасая пассажиров, а эта сволочь выжила. Его судили и на суде выяснилось, что не только он, и не только в этом авиаотряде практикует такие самопроверочки.

В некоторых отраслях профессионалы с такой мотивацией могут стать опасными для окружающих. Чернобыль-то тоже из-за этого получился. Ушлые ребята, отключили аварийную защиту и решили «провериться». А в некоторых сферах — только на пользу делу. В спорте, творчестве — например. Да и по жизни иногда любопытно получается.

Был в Питере такой профессор — Даринский. Я его давно уже знал. Когда я еще поступал в университет, он у Нины преподавал в Герцена. Тогда уже был профессор, зав. кафедрой экономической географии. И в какой-то момент заявил во всеулышание, что — Даринский — сделал в экономгеографии все и тут больше делать нечего. А вот в системе внешкольного образования взрослых конь не валялся. И ушел в Институт образования взрослых. Поработал там лет 7 и заявил, что теперь и здесь он сделал все, решил все проблемы. А вот в управлении

сферой культуры — не паханное поле. И ушел в Высшую Профсоюзную Школу Культуры, заведовал там кафедрой управления. Там стал академиком Академии педнаук. Вышел на пенсию. Некоторое время консультировал Запесокского, когда ВПШК переделывали в Гуманитарный университет профсоюзов. Разругался. Ушел в Университет педагогического мастерства. Читает лекции по... экономгеографии. Писал книжки для турфирм о Питере и регионе. На работу ездил в троллейбусе. Сидит, читает книги. Когда ему было 92 года, у него скончалась 86-летняя жена. Он довольно быстро женился на 40-летней.

Я только недавно понял, что и я, похоже, такой же каскадер — и в деле, и в жизни. Мой принцип — идти по жизни с широким бреднем, мои смены рода деятельности, кульбиты в личной жизни... Все это, похоже, именно мотивация преодоления и самопреодоления. Только, вот, на Любе я, вроде бы, роги-то обламываю.

А Путин... Флаг ему в руки. Лишь бы не потянуло на самопроверочки вроде хрущевских с Кубой или брежневских с Афганистаном. Хотя... «А у нас в России газ...»

62. В каждом регионе есть административный орган, занимающийся сферой культуры. В Питере почти год висела табличка с его названием: «Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга». Однако — дошло, и табличку переменяли: «Комитет по культуре Санкт-Петербурга». А в регионах — типичная история: Комитет по культуре Администрации Красноярского края, Комитет по культуре городской Администрации Архангельска etc., etc., etc.

63. Где-то в начале 70-х понял, что является реальным, настоящим символом советской власти. Идешь по любому городу, поселку, наталкиваешься на это — значит где-то в радиусе 20–30 метров ищи орган власти. Это не флаг или фигура Ленина, не серп с молотом и не красная звезда, а — елочка. А уже если ели голубые тьяншанские, а то и канадские — значит дело пахнет обкомом. Елочка — кладбищенское растение. Да и районные, городские доски почета, расположенные обычно поблизости, до боли в сердце напоминали стенки в колумбарии — вот и успели милые!

64. Сейчас много разговоров о возрождении великой русской духовности, традиций великой русской культуры... Последние 10 лет я регулярно провожу эксперимент со студентами и работниками культуры. Прошу их назвать три общенародные неконфессиональные праздники. Не просто официозные, вроде «любимого праздника постсоветской детворы» — Дня Конституции (никто не помнит дату) или Дня независимости России непонятно от кого. А праздники, к которым люди реально готовятся, поздравляют друг друга, дарят подарки. Праздники, ведь, очень важный элемент культуры, очень точный индикатор

тор культурной идентичности, к какой культуре относят себя люди, считают своей — события и даты, которые для нас важны, святы.

Так вот, при опросах всегда получается один и тот же стандартный стабильный набор: Новый год, 8 марта, 23 февраля, 9 мая.

Новый год. Чисто совдеповский праздник. До революции больше праздновали, как и во всем христианском мире, Рождество. Празднование же Нового года, фактически, было введено декретом в 1936 году. Причем, мы его получили сразу — в кока-кольском дизайне. Краснобелый Дед Мороз был прямой калькой с Санта-Клауса разработки дизайнеров Кока-Колы 1929 года. И кто такой Дед Мороз? Что за персонаж. В отличие от Санта-Клауса — св. Николая, которому моряки привозили подарки, а он их по ночам подбрасывал бедным детям в дымоходные трубы, сохнувшие чулочки и ботиночки, Дед Мороз не фигурирует даже в славянской мифологии. И откуда он берется? С Севера, страны холода и мрака. И кто такая Снегурочка, его внучка? Чисто литературный персонаж? А если нет, то кто у Снегурочки папа с мамой? Или кто у Деда Мороза сын или дочка? Почти Хэллоуин. Несколько раз наблюдал, как дети пугаются и плачут при появлении Деда Мороза. Где-то до начала 70- между ними еще болтался маленький мальчик — Новый год, который куда-то потом рассасывался. Короче говоря — этот праздник не имеет никакого отношения к традициям русской культуры. Чисто совдеповский праздник.

9 мая — святой День Победы. Обидно, но праздник на глазах уходит. Вместе с уходящим поколением победителей. Да и празднуем мы его как-то не так. Как победу армии, славу оружия. А ведь победил-то в той войне народ. Режим, власть войну бездарно проиграли. Победил, перемог великую беду именно народ. Но всяко это опять же праздник советской эпохи.

8 марта. Праздник, предложенный феминистской Кларой Цеткин как международный день женской солидарности. Праздновали его только у нас и соответственно: собирали в зале женщин, сажали женщин в президиуме, на трибуну выходила женщина и объясняла женщинам в зале, что женщины тоже люди.

23 февраля — праздник вообще из ничего. С ним никаких событий не связано. Чистый пиар Л. Д. Троцкого, тогдашнего главнокомандующего Красной армией. Просто понадобился ему праздник — он его и объявил.

Но... Мальчики 8 марта в детских садах поздравляли девочек, а девочки 23 февраля — мальчиков. Они подрастали и в школах юноши поздравляли девушек, девушки — юношей. Они становились взрослыми и на работе дядечки поздравляли тетечек, а тетечки дядечек. А из феминистского по корням праздника получился откровенно сенистски-ханжески милый — женский день. И мы из ничего, на пустом месте получили два весьма милых гендерных праздника. Как в поселковой бане — женский день и мужской день. Да они еще и идут один за другим.

И все эти праздники никакого отношения не имеют ни к великой духовности, ни к традициям русской культуры — чисто советские по своим корням. Значит и наша идентичность, cultural identity — до сих пор советская. До сих пор мы — советские люди. А ежели что и меняется, то отнюдь не в сторону национальных корней. Показательно, как на глазах к 8 марта и 23 февраля подверстывается еще один праздник St. Valentine day — день влюбленных. Святой Валентин — католический святой, не православный. Да и на Западе этот праздник — продукт мощного маркетинга. Он раскручен именно торговыми фирмами в целях глобальной мультикультуральной культуры. Да нам и не впервой. Даром, что ли, празднуем подряд католическое Рождество, Новый год, православное Рождество, старый Новый год, все больше пользуемся дизайном Нового года по восточному календарю... С одной стороны — российская культура культур, а с другой — размывание и утрата идентичности, культурного самосознания.

65. Еще я прошу студентов и работников культуры назвать лиц, чьи деяния наиболее важны для развития страны. Обычный набор: Петр I, Иван Грозный, Ленин, Сталин, иногда — Владимир, Николай II. Сплошные кровопийцы и душегубы. Срабатывает «кротость и крутость», о которой я много писал. Практически не называют деятелей культуры, науки... Даже наиболее удачный российский царь Александр II — реформатор, освободитель, образованный, умный почему-то даже в голову не приходит.

Зато сколько благоглупостей вокруг Николая Кровавого. Современникам ведь было очевидно вырождение династии и режима. Ходынка, Кровавое воскресенье, Распутин, непопулярная война, бездарное руководство, отречение — хотя никто особенно за язык не тянул. Кинул Николай империю и подданных. Нет — потребовалось канонизировать как святого. С зарубежной русской православной церковью хоть как-то понятно, но РПЦ-то зачем!? Неспроста ведь столько тянули. Не укладывается житие Николая Александровича Романова в канон — хоть тресни! Ходынка, Кровавое воскресенье, бездарное правление, отречение. И расстреливали в Ипатьевском доме не царя-батюшку, а семью гражданина Романова, отрекшегося от престола. Смерть безвинная и мученическая — так ведь сколько их было тогда! И уж у кого безвинная — так это у детей и прислуги, но не бывшего императора. РПЦ, в конце концов, приняла соломоново решение: житие Николая и Александры разбили на две части — до отречения и после — и канонизации подлежала вторая часть. Но тогда Николай уже не был императором, и канонизировали не царя-батюшку. Получается не парадокс даже, а что-то большее.

А ведь Александр II тоже принял смерть безвинную и мученическую и принял безропотно.

66. В детстве, когда мы с мамой гуляли по Суворовскому, ходили в поликлинику на Очаковскую улицу, она несколько раз обращала мое внимание на развалины огромного серого дома от Кавалегардской почти до Очаковской. Он был весь разбомблен, и был восстановлен чуть ли не последним в Питере. И там были и есть какие-то военные НИИ. А так он еще в 50-х лежал в руинах.

В блокаду в нем размещался госпиталь. Военный госпиталь и так всегда размещался напротив, через Суворовский. Но в войну его не хватило, и под госпиталь заняли еще и это здание тоже. Мама в блокаду занималась отправкой блокадников и солдатиков на эвакуацию, в том числе и из госпиталя.

Комендант этого здания оказался немецким диверсантом. Он закрыл все двери и выходы, вылез на крышу, которая у этого здания огромная и плоская как стадион, пустил «зеленые цепочки» и смылся. Был жуткий прицельный налет. Мама как раз шла с эвакупункта в госпиталь, и, когда этот налет начался, она была в районе 9-й Советской. А когда она дошла до госпиталя, все уже было кончено. Еще живые раненые прыгали из окон. Все догорало. Там одновременно было уничтожено более 600 человек.

К одному из Дней снятия блокады была идея установить на углу Суворовского и Кавалегардской (там как раз очень удобное полукружие — сейчас там автостоянка) стелу в память об этой трагедии. Я как раз был на коллегии Комитета по культуре, когда этот проект стали обсуждать. И тогдашний председатель Комитета начал свою обычную песню о том, что денег нету. И выставил аргумент — в ленинградскую блокаду погибло много людей, везде и каждому стелу не поставить.

Тут я вспомнил мамин рассказ и не выдержал: «Да, в Питере много людей погибло. От голода, от холода. Умирали по своим углам, на улицах. Но больше нигде в городе одновременно не погибло сразу более 600 человек». Это переломило обсуждение. И приняли решение установить памятную доску. Вскоре ее и повесили. Думаю, что я внес достойный вклад в развитие материальной среды культуры города.

67. Питер противостоит Москве также и как еще один «Рим» — «четвертый», как еще одна столица христианской империи. Причем, с апелляцией к наследию собственно Рима, через головы Византии и Москвы — «Римов» второго и третьего. Минуя их, как наследник Рима первого. Как прочесть «Санкт-Петербург» (Питерс бурх)? Город св. Петра или св. город Петра? На первый взгляд, несомненно — первое. А какого Петра? Первоапостола, первого Папы Римского? Или императора? Вопрос не лукав. В названии заложена апелляция не к основателю (лишь как намек и ассоциация), а к апостолу Петру, то есть — к Риму.

Это подтверждает и герб. Два скрещенных якоря на нем. Лапами вверх! Но якоря (и на гербах тоже) всегда располагаются лапами вниз.

Герб П. выглядит геральдической и морской бессмыслицей, но только если не знать, что он — прямая цитата герба Ватикана, на котором изображены скрещенные бородками вверх ключи, ключи от рая, хранителем которых является св. Петр. В обоих случаях — ключи, только одни — от царствия небесного, другие — от «парадиза» земного. П. как морской и речной порт давал ключи к европейской цивилизации — петровскому представлению о «парадизе». Именно из Питера исходили российские революции — попытки утвердить утопические представления царствия небесного на земле, в отдельно взятой стране. Св. Петр довольно быстро ушел из смысловых ассоциаций названия города. Особенно, из обыденного сознания. Культ Петра — апостола перешел на Петра — императора. Намек и ассоциация победили. Эта тенденция закрепилась в дальнейших переименованиях города: сначала в Петербург, а затем в Петроград. Город стал градом императора Петра, Петрополем. Поэтому возвращение городу исторического имени придает последнему самозванческие претензии, бесовский характер. Кто свят?

Христианский святой? Император-основатель? Сам город?

Безблагодатная святость — намек, а фактически культ Петра I — закрепившаяся в череде переименований, а главное — в архетипическом (коллективном бессознательном) осмыслении, перешла в культ города — парадиза, культ центра, сокровищницы культуры. И что святее — основатель или его детище? «Святость» обоих безблагодатна, амбивалентна к добру и злу. Что и нашло свое логическое завершение в переименование города именем великого самозванца, именем его партийной клички.

68. Этот город возник как PR-жест властной воли, задавший вектор дальнейшей экспансии молодой империи (на Запад), противопоставления московской традиции. С помощью Питера Петр I противопоставлял себя московскому боярству. Город возник как демоверсия петровских реформ. После смерти императора двор вернулся в Москву и Питер пришел в запустение. Новую жизнь в него вдохнули императрицы, которым в силу ряда причин (технологии восшествия, неординарности поведения и т. д.) опять потребовалось противопоставление первопрестольной. Большевикам этот город понадобился как «колыбель» революции, но после утверждения во власти, новый «двор» тут же отъехал в первопрестольную. Так уж повелось в российской истории: как только в правящей (московской) элите начинаются «разборки», апеллируют к Питеру. Межпарламентская Ассамблея СНГ — плод хасбулатовского противостояния Ельцину. Недавние слухи о частичном переносе столицы — продолжение той же традиции.

69. Перед 300-летием Питера приложение к «Новой Газете» объявило конкурс на городской тотем — какое животное могло бы симво-

лизировать Питер. У всех городов такие животные есть, а у Питера нет. Я предложил крокодила.

Найти животное, символизирующее Питер, очень непросто. В гербе города нет никакой живности, да и на улицах мегаполиса следы живой природы представлены только обильными собачьими экскрементами — но не считать же из-за этого символом города собаку? Да и «вклад» какой породы в городскую экологию наиболее весом? Неоднозначны и блоковский пес шелудивый, и шевчуковский черный пес Петербург.

Если подойти к вопросу культурологически, то, вроде бы, напрашивается сфинкс — в меру хтоничен и метафизичен. Кроме того, своей полуженской сущностью напоминает об императрицах Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Екатерине Великой, которым, собственно, город и обязан возвратом и укреплением столичного статуса, а значит — величием и великолепием. Ну, и немного — загадочную Валентину Алексеевну, поразившую недавно горожан: сначала — желанием и готовностью бороться до конца, а затем — безвременным концом борьбы.

Но сфинксы — существа древнеегипетские, а городу, как никак, всего 300 лет. Да и молчат они, в городской жизни — культурной и обыденной — не участвуют.

Львы же, довольно обильно представленные в городской среде на набережных, у оград, дворцовых подъездов, существа слишком теплокровные и темпераментные для этого города.

Комары с тараканами — достойные претенденты, но как-то мало тянут на животных, мало презентабельны, мелковаты для такого-то города: Северной (Культурной, Криминальной) Столицы, Окна в Европу, Северной Пальмиры, Города-Героя (Труженика, Интеллекта), Северного форпоста России, Центра Туризма и т. д.

Другое дело — крокодил. Близок сфинксам, тоже водится по берегам Нила. В отличие от слонов, крокодил всегда есть в питерском зоопарке и не только. Он давно уже и прочно вошел в быт и нравы города. Еще до без царя, как известно, по улицам ходила большая крокодила, Ф. М. Достоевским описан достоверный случай активности крокодила в общественных местах города, а в советское время, если верить Н. Катерли, земноводное стало завсегдатаем питерских коммуналок и большим другом интеллигентных питерских старушек.

Своим космополитизмом (например, свободно говорит по турецки) крокодил органичен мультикультуральной питерской идентичности. Согласно К. И. Чуковскому, после приведения его Ваней Васильчиковым в питерские традиции культурного общения, Крокодил Крокодилович стал большим другом и защитником питерской детворы: Тани, Вали и многих других. Он известен своей (совместной с известным владельцем сети магазинов Мойдодыром) активностью в их воспитании, привитии подрастающему поколению навыков гигиены.

Крокодил защищает питерских детей даже в Африке от происков бармалеев и даже перевоспитывает последних, которые после крокодилических воспитательных санкций становятся добрее, начинают любить детей, работать над собой, приобретают полезные профессии и творить добрые дела приезжают именно в наш город.

Кроме того, крокодил выполняет важную задачу оздоровления общества путем избавления его от лиц, подобных Упрямому Фоме — проблема весьма актуальная в наши дни, когда кое-кто, подобно упоминавшейся Нине Катерли, несмотря на очевидные вещи, творящиеся с политическим климатом, продолжают близко подходить ко власти без галош. В этой связи сам крокодил может выступать и символом власти («Аллигатор вздохнул и сытый в зеленую воду нырнул») как в плане заботы («вздыхнул»), удовлетворенностью плодами своей деятельности («сытый»), уходом на дно от публичности и ответственности. Более того, крокодил, как известно, даже солнце проглотил, дав возможность «Медведю» выступить защитником всеобщего «Единства» под солнцем.

Крокодил дружен с птичкой тари, которая чистит ему зубы — момент уже отмеченный в фирменном стиле некоторых питерских дантистов. Он также стоит у истока слоновьего имиджа, вытянув нос в свое время у одного любопытного слоненка.

Крокодил — постоянный персонаж абсурдистских анекдотов черного юмора и там он даже летает: как высоко-высоко в небе, так и по утверждению одного старшины, низенько-низенько.

Крокодил — противоречив как наш город: бывший дебошир, хищный пожиратель излишне наивных, но при этом — воспитатель, друг детей и старушек. Он брутален и зрим на порядок лучше комара, в отличие от слона — адекватен человеческим отношениям, жизненным ожиданиям и страхам.

А главное — он земноводное!!! Существо, органично существующее в двух стихиях, что весьма немаловажно для «города на болоте, где не сеют и не пашут» (А. И. Солженицын), который «из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво» (А. С. Пушкин).

Такого зверя не «замочишь», как других «животных», он сам кого надо утянет на дно. Как и положено символу, он вызывает почтение и некоторый страх. Да и живет крокодил намного дольше комара, даже дольше слона, и при этом неприхотлив, как настоящий питерец: может спокойно жить не только в нашем зоопарке, но даже в ванне. Он не столько культурологичен, сколько хтоничен и метафизичен — по-круче мифического сфинкса. Он — ближайший родственник другому метафизичному персонажу — финно-угорской змее, подпирющей вздыбленного российского коня с царственным всадником в известной монументальной композиции. Поэтому крокодил отнюдь не чужой в этом космополитичном городе, где все не свое.

Крокодил, как бы, интегрирует в себе, практически все плодотвор-

ные животные образы нашего города. Крокодил не только наиболее типичен, он архетипичен для Санкт-Петербурга, города, которому предсказана особая судьба и именно в связи с водной стихией. Тем более, Питеру необходим свой тотем-покровитель. И на эту роль никого лучше крокодила не придумать.

70. Петровские реформы и Питер как их символ и демоверсия требовали и явили обществу целую плеяду ярких личностей разных сословий, раскрыли людям инициативным невиданные ранее в России возможности самореализации. Основание и развитие Санкт-Петербурга породило новый для России тип личности — первого российского интеллигента. В двух версиях: просвещенного аристократа-дворянина (декабристы, Пушкин) и «бедного Евгения» (простого «маленького» человека), нашедшего в себе силы для духовного протеста.

В дальнейшем «евгении» вытеснили аристократов. Следующий этап в развитии петербургской культуры неспроста получил название «Петербург Достоевского». Речь идет о формировании типа «разночинец-интеллигента». Но и в этом случае мы имеем раздвоение личности на интеллигента-разночинца-революционера и интеллигента имперской культуры культур. Между ними шел интенсивный диалог, иногда — в сознании отдельных личностей. Достаточно в этой связи вспомнить нищестанца М. Горького и А. Блока, призывавшего «слушать музыку революции». Чем это закончилось — слишком хорошо известно.

Следующий этап привел к формированию третьего типа питерского интеллигента — советского интеллигента «в первом поколении» — детей рабочих, крестьян, служащих, получивших более менее серьезное образование. Крах старой питерской интеллигенции, сохранившейся от «Серебряного века», ярко описан в творчестве К. Вагинова, М. Зощенко. Однако все эти на первых порах «шариковы», а тем более — их дети, получая образование, были вынуждены как-то относиться к культурно-историческому наследию, столь обильно представленному в бывшей имперской столице. Именно в советское время сложился миф о Ленинграде и ленинградцах, как носителях и хранителях высокой культуры, противостоящей политико-идеологическому официозу. продолжилась биполярность питерской персоналогии. С одной стороны — упомянутая ленинградская интеллигенция, а с другой — продолжатели линии «Серебряного века», на какое-то время ушедшие в «параллельную независимую культуру» (И. Бродский, В. Кривулин, А. Битов, Н. Катерли).

К 300-летнему Юбилею города ситуация изменилась. Не исчерпана ли критическая масса культурного потенциала, необходимая для специфического персонотенеза в этом городе? Не растрочен ли тот уровень, на который этот потенциал был поднят в пушкинскую эпоху? Нельзя не обратить внимание на систематическое снижение культурной планки. Тенденция от петровской эпохи к раздвоению на евгениев

да акаямиакакаявичей с аристократией, крах последней и раздвоение образованного разночинства на революционеров-демократов и гиппиус-мережковских, крах последних и раздвоение петроградцев ленинградцев на зощенковских и вагиновских персонажей, продолжение полуподпольного существования последних на фоне формирования образованщины — слишком очевидна и убедительна. Крах и несостоятельность петербургского демократического движения, деградация административной элиты только подтверждают эту тенденцию.

Похоже петровский проект завершен. Амплитуда маятника, раскачанного Петром затухала и затухала. И теперь он встал. Город и голодает как вся Россия. Остров европейской культуры в архипелаге Россия размыт. Или поглощен заносами.

71. На первом же году путинского президентства ситуация стала отчетливо мне напоминать одну сцену в «Терминаторе-2». Когда плохой терминатор преследует героев, в какой-то момент хороший терминатор разбивает его в мелкие кусочки. И те, как ртуть стекаются, собираются. И вот тот уже снова, как ни в чем не бывало, бежит за своими жертвами...

Так и тут. Болт очень хорошо помнит, что он болт, а гайка помнит, что она гайка. И как быстро все собралось.

72. Одна очень толковая тетечка стала деканом в одном из больших питерских вузов. Я к ней зашел на следующий день после того, как она заняла новый кабинет. Над ее столом кнопками к стене было прикреплено небольшое фото Путина. Я спросил, чего такая маленькая фотка? Она спросила, а где я видел больше. Я сказал, и она записала в блокнот. Тут зашел очень вальяжный дядечка — один из матерых завкафедрами, которыми теперь должна руководить эта тетечка. А она была моложе большинства из этих мужиков. И я стал свидетелем экзекуции. Он, смеясь, спросил ее: «А это тут зачем?» И показал на фотографию. Она вскинула глаза: «А люблю я этого человека». Мужик перхнулся и осел, сдулся.

73. В советское время, по моему, когда Питером и областью командовал Толстиков возникла идея обеспечения региона яйцами и птичьим мясом. Построили несколько бетонных коробок — птицефабрик. Завезли кур. Поскольку делали все с сразмахом, «как за рубежом», то и корма завезли из Британии. Но не те. В гранулах. Курицы гранулы быстро склевывали, а поскольку инстинкт клевания не удовлетворялся, то начинали клевать друг друга. От этого массового поклева погибло много птицы. Стали думать, что делать. На некоторых птицефабриках гранулы корма растерли в порошок, и куры с утра до позднего вечера его клевали. На других поступили еще проще. Корм высыпали, а когда куры его склевывали, гасили свет: «Ночь. Курам спать!».

74. В конце 1980-х, в перспективе питерского 300-летия возникла идея создать на Тверской улице Музей фонарей. Но денег нашли (то ли осталось после распила) только на несколько фонарей и фигуру фонарщика, которых установили на Одесской — коротенькой улочке, что упирается в Тверскую. Благо там когда-то находилась чуть ли не первая электрическая лаборатория в России А. Лодыгина — изобретателя лампочки накаливания и первого питерского электрического уличного фонаря.

И рано по утрам, а также по вечерам около этих столбов, а главное — у фонарщика стали появляться группы людей, которые радостно фотографировались в обнимку с фонарщиком. Вскоре нос у фонарщика стал блестящим — как надраенный.

Приглядевшись к этим группам, понял: это туристы. Автобусные группы, которые приезжают в город или до открытия всяких музеев, или уже поздно вечером, надо чем-то занять. Вот их (особенно из российской глубинки) и возят «к фонарщику». Мол, есть такая в Питере достопримечательность. И легенду, наверное, придумали, что, если потереть ему нос, а то и поцеловать этот нос, то сбудутся светлые желания. Так и делается «культуральный туризм». «И с тех пор это озеро называется Иссук-куль, что в переводе означает «сердце красавицы склонно к измене».

Но смысл этой истории глубже — культурно-исторический. Лодыгин — уже признанный в мире изобретатель, награжденный премией Академии наук — реальную поддержку в России не получил. Денег, как и положено в России, не оказалось не только на развитие созданной компании, но даже каких-то грошей на регистрацию патента. А сам изобретатель ради куска хлеба был вынужден работать слесарем в арсенале. Он уехал в США, где им был построен завод Westinghaus по производству электрических ламп, главным инженером которого он работал. Там же он получил патент на электрические лампочки накаливания с вольфрамовой, молибденовой, иридиевой и прочими нитями. Этот патент у него купила General Electric. Из патриотических чувств после японской войны он вернулся на родину, где ему предложили работать заведующим подстанциями питерского трамвая. И он — уже навсегда — уехал за океан. Я к чему? Думаю, что электрофонари не получили поддержку в России, потому как лишали смысла целое городское хозяйство, лишали работы массу людей, включая — фонарщиков. И теперь как символ непобедимости российской парадоксальности, фигура фонарщика сидит лицом к лодыгинской лаборатории, показывая ей нос, до блеска надраенный потомками.

XV. Черная дыра («Персонал»)

Это было странное образование внутри питерского нефтехима

Втравил меня в эту историю Борис Иванович Федоров. Позвонил и предложил работу. Сделать учебный центр. Можно даже с работы уходить. Но я мудро не ушел. А в историю ввязался.

1. Объединением «Персонал» командовал Баюкин, бывший начальник службы по кадрам НИИ химпрома, что на пр. Чернышевского. Там же разместили и несколько комнат «объединения». Баюкин мне этот активно и сразу не понравился, хотя идея была неплохая. Создать структуру из нескольких центров: учебного, психологического консультирования, выставочного и еще чего-то. Короче, создавалась фирма по платным услугам — что-то вроде «Оркона» и Академии бизнеса и культуры. Первоначальная раскрутка предполагалась на освоении средств дружественных монстров нефтехима. Мне предлагался учебный центр. Платили по тем временам средне — 600 руб. Но плюс, что заработаем. Боря Федоров числился у Баюкина чем-то вроде замдиректора по науке.

Я сорвал из института культуры Галину Калинину. Высвистал Витю Митюхина. Баюкин подсунил из ихнего отдела научно-технической информации — Наталью Хохликову и мы понеслись. Боря Федоров потом несколько раз говорил, что ему нравится, как мы работаем.

Составили программы, тематические планы, начали обходить предприятия, набирать заказы. Дело, вроде, пошло. Если бы не Баюкин. Он каждый день проводил совещания. Нес ахинею, путался под ногами. Люба предложила своих бывших вечерниц — толковых молодых экономисток. Причем, уже с опытом. Вера и Лариса приехали и сразу поинтересовались у Баюкина — организован ли и как внутрифирменный хозрасчет, потому как объединение кольцует несколько структур, ведущих разные услуги, в том числе — перекрещиваясь. Он не понял вопроса. Девушки пожалы плечами и уехали, а Любе и мне по телефону сказали, что клиент, похоже, полный идиот.

Проекты, документы, доходя до Баюкина, завязали напрочь. Он их всех постоянно носил с собой, как мешочник, и никак не мог найти. За глаза я прозвал его «черной дырой».

Ему донесли и наши отношения начали накаляться. Он все требовал, чтобы я положил у него трудовую книжку, перешел на постоянную работу. Для меня же это уже было исключено. Менять вуз на неясно что неясно у кого?! Зачем?

Баюкин же начал говорить, что как это директором центра может быть совместитель. Я ему прямо сказал, что, если ему это не нравится, то я могу уйти. Он притих на время. Но через месяц собрав оперативку, он начал с того, что хотел бы видеть от учебного центра (а реальные деньги приносили только мы) ответственного человека. Я встал, вышел, попрощался со своими и больше туда не ходил.

2. После этого я впервые всерьез стал думать о своем «уходящем» стиле. Я постоянно что-то делаю, создаю, а потом — ухожу. То ли оставляю начатое дело кому-то, то ли его у меня — готовое — перехватывают.

И подчиненным со мной дискофортно. Я не отдаю ничему весь, постоянно иду с широким бреднем. Да и собственно своим считаю только свои публикации. А людям, особенно — теткам, важно, чтобы руководитель, которому они поверили, был рядом постоянно. А я им такого комфорта не даю.

3. Галя Калинина и Наталья Хохликова немного поколупались там, но дело явно шло к развязке. Галя ушла в бизнес, поехала в Китай, а потом осела помощником депутатов в Петросовете. Я тогда вел активную игру с Анатолием Константиновым в Комитете по культуре и с Сергеем Басовым в Петросовете по части создания Института культурных программ. Наконец, он был создан и я предложил Наталье перетащить наш центр в ИКП, что и было сделано.

Наталья вела центр два года. Я ее свел со многими преподавателями. Особенно она зацепилась с Альвиной Хачатурян. У Наташи получалось, и потом она перевела бизнес под крышу училища гражданской авиации. Я у нее регулярно подрабатывал. И она мне очень помогла со второй госпитализацией, когда я сломал ногу.

4. Ее история, вообще, интересна. Она была замужем за артистом Ленкома и автором-исполнителем Николаем Хохликовым. Жили они с их дочкой Машей и сыном Николаем от первого брака. Квартирка была маленькая. Николай попивал и, по рассказам, отношения в семье были напряженные.

Маша поступила к нам и закончила по нашей специальности. Но перед этим Наталья, съездив на какую-то стажировку в Штаты, подцепила там американца из Бостона. Тот пригласил ее на окончательные смотрины «в интерьере» и они поладили. Она уехала в Бостон. Мы с нею два раза говорили по телефону. Она была и довольна и нет. Отчаянно искала свои источники существования, но после 40 лет там это сложновато.

Хохликов запил окончательно. Маша к матери не поехала. К окончанию института вышла замуж за врача из Военно-медицинской Академии и пасет отца.

5. Баюкин же, в какой-то момент исчез. Набрал долгов на \$500 000 и исчез. Последний раз его видели в Шереметьево с какой-то теткой на посадке рейса в Бразилию. Потом он, якобы, звонил домой, намекал, что ждет семью в Канаде. Но он уже был в розыске, а разыскивали его люди серьезные. Да за такие бабки...

Мои слова о «черной дыре» оказались пророческими. «Черная дыра», вообще — символ российских конца 1980-х — начала 1990-х. В нее все и провалилось. Вся империя.

6. Благодаря «Персоналу», я — косвенно, но столкнулся с Чубайсом и «его командой». Обком профсоюза работников химической промышленности заказал у нас семинар по свободной экономической зоне. Собчак только въехал в мэрию под флагом свободной экономической зоны в Питере. Автор этой идеи возглавил специально созданный комитет и был он Чубайсом. Заказчик просил, чтобы непременно семинар вели первые лица этого комитета.

Любому нормальному человеку было очевидно, что свободная экономическая зона возможна в Кронштадте, Ломоносове, Тихвине, Кингисеппе, но никак не в Санкт-Петербурге в целом. Тут более трети населения — пенсионеры, около 10 % — учащаяся молодежь. А из занятых большинство — ВПК. Какая тут свободная зона. Где и с кем развертывать новые технологии? Где их селить. А этих всех куда девать? Их просто кормить надо.

Я позвонил в комитет. Попал на Коха. Он сразу спросил: «Сколько платите?» Я назвал самую высокую тогда коммерческую профессорскую ставку. Больше, я знал, в Питере не платили. Тот рассмеялся: «Мы за такие деньги на порог офиса не выходим!»

XVI. Вот улететь удастся не всем! (Поездки)

Мне довольно много пришлось поехать по стране, работая в наладке, а потом в культуре. После перестройки я стал выездным, ну, и поездил тоже. А еще иногда удавалось махнуть куда-нибудь в отпуск.

1. Лет в 11-12 отец решил меня взять в командировку в Москву. Остановились мы в гостинице «Пекин». Отец был очень занят и мы решили, что до самого ужина я сам погуляю по Москве. Мы позавтракали, вышли на Тверскую (тогда — Горького) и я пошел вниз, к Красной площади. Отец потом говорил, что у него сердце сжалось, когда он увидел мою спину, теряющуюся в толпе.

А я тогда дошел до Мавзолея. Отстоял очередь, познакомившись с какой-то тоже приезжей девицей года на два постарше. Потом мы с ней перекусили, расстались, а я еще побродил по центру и вернулся в гостиницу, где отец меня уже ждал.

С тех пор я не воспринимаю новые места из автомобиля или автобуса. Мне надо походить, ступить ногой, тронуть глазом.

2. Как-то, когда уже жил отдельно, перевозил родителей на лето в Сосново. Сами они поехали поездом, а я заказал машину в трансгентстве. Это был старый фургон, который под горку еле выжимал 60 км/час.

На обратном пути шли порожняком. У пустого фургона увеличилась парусность. Водитель разговорился. Когда подъезжали в Осиновой роще к перекрестку он рассказывал мне про вождение и о том, что его первый инструктор учил: «Настоящий водитель должен видеть все. Даже — как женщина на пятом этаже снимает трусы». Только он это произнес, как перед нашим носом — а мы уже выворачивали левый поворот на основную трассу — пронесся автобус дальнего следования. Водила, на повороте, ударил по тормозам, фургон при его парусности закинуло и мы на одном левом колесе въехали в кювет. А заодно и в пост ГАИ, столбик с козырьком.

Стоим в кювете. Подходит гаишник. Первый вопрос: «Вы не испугались?» — «Нет, — говорим, — не успели». «А я — очень». Второй вопрос: «Вы, ребята, не из цирка, случайно?» — «Не-а. А что?». — «На одном колесе разъезжаете. Гляньте на след».

Виноват был автобус. И водила засобирился ехать. Но гаишник не отпустил: «Сидите минут двадцать. Потом поедете. Сразу не пушу. Успокойтесь сначала». Водитель поерепенился — я, мол, ничего, но

потом мы с ним сели на бугорок у дороги, он закурил и... — через десять минут у него начался отходняк: сильно-сильно задрожали пальцы и даже кисти рук. Но еще минут через десять он успокоился и мы поехали дальше. Гаишник был знающим человеком.

3. Ближе к окончанию университета мы с нашим старостой Володей Меньшиковым пешили съездить в Калининград — на исконно русские земли, навестить могилу великого русского мыслителя Иммануила Канта. Заодно решили прихватить Литву — я там не был ни разу. Доехали поездом до Игналы. Там не нашли ничего интересного, кроме озера и в тот же день уехали в Вильнюс. Город нам понравился — чем-то напоминал Москву. Зашли в университет. Только позже я узнал, что Вильно, собственно и не литовский город. Большинство населения поляки и евреи. Погуляв по Вильнюсу, поехали в Каунас, который удивил нас своей похожестью уже на Питер: больше строгости, европейскости. Мы шли по карте к центру города, где, как писалось в путеводителе, быстрая Нерис сливается с полноводным Нямунасом. Уже, вроде бы, подошли, как вдруг дома кончились и пошли пустыри, за ними поля... Мы не верили своим глазам — думали, что заблудились, пока, действительно, не вышли к месту, где Нерис впадала в Неман. Вокруг до горизонта — поля, кусты, козы. Очень нам понравился центр Каунаса. Еще нам очень понравился Тракай: озеро, замок — тогда почти заброшенный.

И поехали мы в Калининград, думая оттуда по Куршской косе, навестив дачу Томаса Манна, вернуться через Клайпеду.

Под Кенигсбергом отец заработал инвалидность, пролежав контуженным несколько дней в болотах. Он рассказывал о чудовищных бомбардировках города, что там камня на камне не осталось, что пейзаж там был почти лунный. Мы же надеялись увидеть все-таки, европейский, немецкий город. Но увидели типично советские новостройки. Старый Кенигсберг сохранился только на окраинах. Цитадель незадолго до нашего приезда разрушили. Несколько раз взрывали — только окна в домах вылетали, а ей ничего. Тогда нагнали солдатиков и те по кирпичику ее растаскали. Фундамент оставили в покое и на том месте поставили дома в стиле хрущевского позднего реабилитанса. Чудом, потому как в пойме Преголя, в низине, уцелели биржа (тогда — Дом моряков) и остатки кафедрального собора XIV века, у подветренной артобстрелам стороны которого полностью сохранилась могила Канта.

Переночевали мы в палатке на берегу моря у самого основания Куршской косы. Проезд был закрыт — граница, военная зона и прочее. Можно только на туристском автобусе с возвратом. Вернулись мы в Калининград, постояли на мосту через Преголь, одновременно плюнули в воду, посмотрели друг на друга и... пошли на вокзал.

Я еще тогда предсказал, что в Калининграде будет создан музей

немецкого рыцарства, отреставрирован собор и будут попытки по возвращению ему немецкого названия.

4. Потом я несколько раз бывал в Калининграде. По культуральным делам, на Кантовских чтениях. Очень мне тогда понравился Светлогорск (Раушен). И на косу съездил. Правда со стороны Ниды она мне больше понравилась.

На одни из Кантовских чтений приехал немецкий профессор, уроженец Кенигсберга. Тогда еще иностранцев, тем более — немцев, в Калининград не пускали. Но он приехал в Москву, а там, спокойно купив билет, приехал на родину. Организаторы чтений закрыли на это глаза. У них был легкий скандал, но зато нам всем было очень интересно. Он рассказывал, что где было в городе, о быте и нравах университета.

5. На других Кантовских чтениях, которые проходили в Светлогорске, мы с Карпуниным уехали побродить по Калининграду и возвращались уже вечером. Сели в электричку у окна напротив друг друга. Вдруг моя сторона окна разлетелась вдребезги, а потом в окно влетел камень. Орава хулиганов пробежала дальше, колотя по окнам арматуринами и кидая камни.

Когда я работал в Ленокеанрыбфлоте, к нам приезжало на практику много студентов Калининградского рыбного института и все они активно стремились осесть в Питере, никто не хотел возвращаться.

6. Уже в постперестроечное время в Калининграде началось движение за переименование города. Одним из мотивов переименования было наличие в России еще одного Калининграда — под Москвой. Беда состояла в том, что Кенигсбергом город уже называть было нельзя, да он уже и перестал быть им. Вспомнили польское название города — Крулевск. Начали готовить документы на переименование города в Королевск.

Но — ирония жизни... Одновременно началось движение в подмосковном Калининграде — за его переименование. И переименовали — в Королев. Потому как там был институт, возглавлявшийся Генеральным конструктором космических кораблей.

Была вполне реальная перспектива получить вместо двух Калининградов два Королевска. Мистика! Это на время остудило калининградскую общественность.

7. Ехал в Москву. Пришел пораньше. У меня была нижняя полка. Кинул сумку в рундук под полку. Сижу, читаю. Пришла еще пара. Расположились напротив.

До отхода оставалась пара минут, когда появилась «четвертая». Эта тетечка с налету бросила сумочку на полку надо мной и заявила: «Так я и знала! Был бы молодой, попросила бы его поменяться». Я смолчал.

Поезд тронулся. Начали уже обмениваться репликами. Тут эта тетечка потребовала, чтобы я встал — ей надо в рундук. Я встал. Думал, она чего положить надумала. А она — хватъ мою сумку! Я ей: «Это мое!» Она: «А где мой багаж?» И уставилась на меня. До меня дошло: «У Вас какое место?» Оказалось в соседнем купе. Ушла. Потом, когда за чем-то проходила мимо, заглянула в купе: «Слава Богу, что я у вас не осталась. Там мне уступили нижнюю полку».

Мы с соседями переглянулись и рассмеялись. Фактически, два раза рот открыла и каждый раз — чтобы обидеть. Действительно — слава Богу!

8. Ехал из Москвы. В купе еще трое мужиков. Разговор приблатненный, но не блатные. Как я понял из разговоров — что-то вроде скупщиков-продавщиков антиквариата. Но — на теневом рынке. Но разговоры! Я с таким не сталкивался никогда — ни до, ни после. Бывает бабы сцепляются языками и часами: балалы-балалы. А тут трое мужиков и разговор лился непрерывно вечер и ночь (они еще сели в карты играть). Мужская речь — с паузами. Тут же пауз не было. Иногда говорили одновременно все трое. И все о том, кто кого кинул, кому что втюхал... И это 8 часов.

9. Когда появились мобильники, стиль общения изменился радикально. Стало можно назначать встречу «на Невском в 6 вечера», без жесткой привязки к месту. А дальше уже в ход пускается мобильник: «Я там-то, а ты где? Ты меня видишь? Я тебя уже вижу!» Когда мы были в Греции и плавали к Афону, то на пароме наблюдались замечательные сцены. Наши — то ли питерские, то ли московские — девицы-тинейджеры бегали по палубам с мобильниками: «Ты на какой палубе? А что ты видишь? Я вижу только море!...» И это по роумингу.

10. В Киришах, когда выходишь из железнодорожного вокзала, бросается в глаза огромная — высоченная и длиннющая стена, на которой огромными буквами выведено:

Kirishi is a town of punks!

11. Конец ноября 1991 года. Перелет Хабаровск-Питер — 10 часов. Облачности нет, и чувствуешь себя спутником-шпионом — так отчетливо видна земля. Мертвая горная страна от Хабаровска до Байкала, истоки Лены, Ангара, Енисей, Обь, Иртыш. Как будто летишь над картой. Только чего? России? СНГ? Родины — гран патри?

Летишь и думаешь — господи, неужели это все одна страна? Какой же в ней должен быть бардак! Собственно, эта мысль пришла еще во время ночного полета Питер-Хабаровск. Потом была земля. Дальний Восток — страна будущего. Чьего? Нашего?

Место на карте — Бычиха. Именно так, не корова, а жена быка.

Замерзшая Уссури. Сорочий рай в лесу. Краевая школа работников культуры. На прощальном вечере поются и танцуются «Созрели вишни в саду у дяди Вани», «Есаул», романсы, «Тум-балалайка», Окуджава, «Сулико», «Ты ж мене пидманула», «Фрейлахс»... Родное. Чья это культура — хоть в Бычихе, хоть в Питере? Родины? Культура родины или родина культуры?..

Хабаровск. -25 С. Ветер 17 м/сек. Почти полгорода замерзло. Нет тепла. Молчат телефоны — разморожено и промокло оборудование АТС. В гостиницу, несмотря на заявку, не селят — нет отопления. Куда идти? «Куда хотите. Жалуйтесь. Депутатам. У них самих отопления нет». На центральной площади имени национального хабаровского героя К. Маркса и поперек улицы другого героя эпоса — В. И. Ленина, перегораживая движение, на морозе и ветру вмертвую стоит толпа людей. Лица каменные. Требуют тепла и... Жириновского на правление краем. Наверное, так фашизм и приходит. Как блохи от сена, а тараканы от пыли, так и он — от разрухи и беспредела.

Люди... В Питере тебя толкнут, пнут, заденут, обругают, всячески обидят, но — заметят! А тут — пройдут сквозь. Ты — прозрачен. Что есть, что нет — все равно. Школа жизни. Ты умри сегодня, я — завтра. Лагерь как институты повышения квалификации. Не плачь, не бойся, не проси. Беспредел пространства и беспредел государственного насилия перешел в беспредел душ. Если Штирлиц из людей любил только детей и стариков, то тут пределы любви расширены — любят еще не родившихся и уже умерших.

И не хочется «гран патри». Величие пустоты холодно, ветрено и пахнет невзоровской некрофилией. Хочется «пти патри». Тепла цивилизации. В Питер. Домой. В прошлое? В будущее?

12. Был у меня блиц-марафон: Питер — Норильск — Москва — Пермь — Москва — Питер. В Питере +5. В Москве +10. В Перми +18. В Норильске -38. Купил канадский пуховик и полетел в Норильск. Город славный. Сам по себе. Вокруг тундра и тундра. Как остров в далеком море. Или точнее — космическая станция. Вся жизнь компактная. На центральной улице каждый вечер как на Невском в Новый год. Многие местные, уезжая «на материк», не выдерживают и возвращаются.

Там была трагикомическая ситуация. Потанин, Прохоров и компания после «выигранного» залогового аукциона и приватизации в развитие не вкладывались. Шахты обветшали. Начались аварии. Народ начал бунтовать. На этой волне выборы мэра выиграл лидер профсоюзов. Со второго захода и после скандала с первыми выборами, которые он тоже выиграл. И ситуация впала в ступор. Городская администрация сама ничего сделать не может. Все зависит от Норникеля. А они в контрах.

Но главное не это, а мороз. Перенес я его легко. Надо было только

перед выходом подышать ингалятором. А вот обратный путь в аэропорт...

Ночь. Пурга. На шоссе никого и ничего. Фары высвечивают только метров на 15. А вокруг тьма. И холод. Космический. И ты один в этом космосе. И если что случится с машиной...

И такие трассы на большей части страны.

13. Летел из Еревана в Питер. Самолет резко вверх вылетает из Араратской долины и низко летит над Большим Кавказским хребтом. Совсем близко — острые вершины, до дна ясно и четко видны ущелья. Оплывшая сахарная голова Эльбруса, Казбек. Даже от Кубани на горизонте видны Арарат и Арагац. За Кубанью землю закрыла плотная сплошная облачность. Внизу — снежная белизна, сверху — голубизна, переходящая в зените в слепящую тьму, на горизонте — кавказские вершины. До самого Питера настроение возвышенное, горнее. Подлетев к Питеру, самолет пошел на снижение, вошел в ослепительную белизну, которая оказалась серой хмарью, самолет долго-долго пробивался сквозь нее, вывалился из нее почти у самой земли и шлепнулся в слякоть. Выхожу на трап — дождь, стылый ветер из-под низких туч, косой свет, а я знаю, что там, наверху, все не так, иначе. И неделю, наверное, ходил с ощущением «второго неба».

14. В Ереване была смешная история. Уже ночью мы возвращались от Наташи Абрамян в гостиницу. Компания логиков-философов была довольно большая. Транспорт уже не ходил. Вдруг нас нагоняет пустой троллейбус, останавливается, двери открываются и водитель приглашает подвезти. Мы садимся и уже поехав соображаем, что к гостинице троллейбусу не подъехать — проводов нет. Водитель смеется: «Ничего. Довезу». Дорога шла вниз, и в какой-то момент троллейбус съехал с проводов и покатился сам. Так мы проехали несколько поворотов и подъехали к гостинице. Водитель притормозил. Мы вышли. А он покатил дальше. «Потом опять на провода выеду» — смеялся водитель.

15. Ереван вообще произвел впечатление очень европейского города. Летел я туда. Ожидая увидеть что-то вроде Баку. А оказалось... Город каменный. Тетки на каблуках и в капроне. Мужики в костюмах-тройках. На каждом углу кафе. Главное здание на главной площади со знаменитыми фонтанами — Картинная галерея, целый этаж в которой — великий армянский художник-маринист Айвазян, то бишь — Айвазовский. Музей современного армянского изобразительного искусства с блестящими работами американских, французских и прочих художников армянского происхождения. Матанадаран с его древнейшими рукописями, которые, чтобы сохранить их, армяне выменивали у Тамерлана на юношей. Город, на порядок более европей-

кий, чем тогдашние Москва и Киев, даже, чем Харьков. И как безумно жаль этот город сейчас. Как пишут коллеги и рассказывают, побывавшие в нынешнем Ереване, он производит кошмарное впечатление. Деревьев нет — вырублены на дрова. Все деревянное — двери, оконные переплеты — тоже пущено на дрова. Стоят дома с зияюще черными пустыми оконными и дверными проемами. Ночью электричества нет. Только редко где горят керосиновые лампы. Последствия блокады.

16. Был в командировке в Туле. Все замечательно, люди хорошие, но чего-то не хватало. Понял — чего, только выйдя с Московского вокзала — питерских улыбых лиц, по родному аденоидных и насморчных.

17. В Запорожье (місто Запоріжжє) видел два вида негров. Точнее, это были довольно многочисленные мулаты — потомки студентов африканских стран и Кубы, которых в большом количестве направляли в Запорожские металлургические вузы.

Причем, одни из них были украинцы, а другие — русские. Тогда как раз была волна активности Руха в левобережной Украине и было довольно комично наблюдать противостояние — одни из них бежали под штандартами с трезубцем, а другие — с красными флагами.

18. В самом начале перестройки, тогда еще, с одной стороны, продолжалась дурь с культурно-спортивными комплексами (КСК), а с другой уже началась дурь борьбы с алкоголизмом, я летал на всесоюзный семинар в Хоби. Это Грузия, Колхида, та часть Грузии, где гор даже не видать, а до горизонта тянутся гребешки чайных плантаций. Из этих гребешков торчали поразившие меня коровьи хвосты — это коровы паслись в чаю. Что у них потом получалось — чай с молоком или молоко с чаем — не знаю.

А еще меня поразили свиньи, роющиеся в сыплющихся с деревьев мандаринах. Не знаю, разбираются ли свиньи в апельсинах, но в мандаринах — точно разбираются.

Городишко Хоби, хоть и районный центр, но производства никакого. Только аджичная фабрика, на которой четыре мужика закатывают банки с аджикой. А дома в округе, да и по всей дороге от Сухуми до Хоби — как на подбор. Два этажа по двенадцать (шестью два) окон на каждой стене. На второй этаж прямо с земли чугунная литая или стальная кованая лестница. Чисто николаевский Коттедж в петергофской Александрии. Перед домом пусто. Или асфальт или просто газон. От силы еще — одно фейхоа растет. Перед домом автомашина. На заднем плане — гараж и виноградник. Семьи — не российские, большие, в несколько поколений. «За счет чего же люди живут?» — Молчат. Наконец один мужик покрутил пальцами: «Камбинацыи, панымаешь!»

Хобский КСК: два футбольных поля, одно — с подогревом; шести-

дорожечный 5-метровый бассейн и несколько кортов, заросших травой по пояс. Все это простаивает. Говорят, перед Олимпийскими играми Сергей Сальников арендовал бассейн — тренировался там в гордом одиночестве. Все это богатство отстроено на бюджетные деньги, которые местный голова смог пробить. Построил и пошел на повышение в Аджарию. Похоже, что это был Абашидзе.

19. Однажды весьма легкомысленно согласился на предложение поучаствовать в выборах мэра города Нижневартовска. Втянул меня в это дело Геннадий Уваров, у которого была бредовая идея регионального кооперирования, и он рассчитывал, реализовав эту идею, получить в награду хотя бы нефтяную скважину. Я был скромнее, мне нужны были деньги и я согласился на, по началу — непродолжительное, консультирование в составе команды кандидата. Летело нас из Питера четыре человека.

Во что я ввязался, до меня стало доходить только после вылета из Москвы на Boeing-757. Нижневартовск — это ведь Самотлор, то есть инкубатор новой российской элиты. Оттуда и Черомирдин, и Шафранник, и много кто еще. Сообразил, что значит мэр Нижневартовска. Там юридические адреса много чего... Значит — налоги идут в городской бюджет и мэр этот ногой открывает двери во многие московские кабинеты. Вспомнил, что на днях убили банкира Кантора, занимавшегося нефтегазом. Стало не по себе.

Прилетели. Сели в машину. Я по старой столичной привычке спросил у встречавшего насчет обратных билетов. Он обернулся, посмотрел мне в глаза долгим взглядом и произнес: «Прилетают к нам многие, вот улететь удастся не всем!» Я опять вспомнил Кантора. Сказал об этом. Тот удовлетворенно хмыкнул — мол, дошло.

Городишко всего ничего — 220 тыс. жителей. Весь пройти поперек — 40 минут, а по периметру — часа полтора. И тогда там было 38 банков. А на каждом перекрестке — автомобильные пробки.

Разместили нас в пятизвездной гостинице в промзоне. В номере, в котором размещался Горбачев с супругой, когда приезжали сюда. После обеда мы с ужасом поняли, что все наши разговоры прослушиваются. Для обсуждения важных вопросов стали выходить из гостиницы. Местным это не понравилось. Попросили без необходимости не выходить.

Кандидат в мэры оказался выпускник челябинского факультета культуры, аккордеонист. Тут был завклубом, стал зам директора Нижневартовскнефтегаза по сокультбыту, ну, и генеральный директор Палий решил сделать его мэром. Мужик — фигура типа розового ворихи Альхена из богадельни в «Двенадцати стульях». На даче, где он знакомил нас с семьей мебель была та же, что в гостинице, белье было то же самое, чуть ли не с гостиничными штемпелями. И цветы искусственные — те же, гостиничные.

Я заявил, что у меня только три дня. За это время я сделаю обзор прессы и дам некоторые рекомендации по работе с населением. И что-бы обратные билеты — поскорее.

Посидел в библиотеке с местной прессой. Главной местной проблемой оказались перспективы города. Самотлор истощен. Город надо сворачивать, а люди уже пустили корни, у них дети, уезжать некуда. Получалось, что кандидату в мэры надо опираться на ветеранов Самотлора и пробивать превращение города в форпост дальнейшей экспансии на север: готовить здесь кадры, группы вахтовиков и т. д.

С обратным билетом местные тянули, дали только в последний день. Почему-то я должен был полдня прождать в Москве рейс на Питер. Сказали, что так надо и, расплачиваясь, намекнули, что у них и в Питере есть своя точка, мол, руки доходят и до второпрестольной.

Когда я прилетел в Москву, то с удивлением обнаружил несколько ближайших питерских рейсов, на один из которых объявлялась регистрация. Я подошел, попросился. Мне сказали, что места есть, посадить могут, но что я несколько потеряю в деньгах. Я ответил, что это неважно и это было сущей правдой. Зато взлетев, я пережил острое ощущение, что сорвался с какого-то крючка. И несколько дней чувствовал себя, как будто посидел с голым задом в трансформаторной будке ЛЭП-500.

В своем обзоре я им, помимо прочего, предсказал наезд Чубайса, который тогда был вице-премьером. Тогда они не поверили, а через три недели в «Известиях» был опубликован разгромный материал о Нижневартовскнефтегазе и Палие, о неплатежах в бюджет и нецелевых расходах, например — на гостиницу, интервью обо всем этом с Чубайсом. Я даже содрогнулся от подтверждения бэконовского афоризма «Знание — сила». Палий после того наезда так и не поднялся.

20. В том же замерзшем Хабаровске до отлета нужно было где-то провести ночь. Организаторы позаботились и вывезли нас с Абрамовой из Бычихи, заказав номер в гостинице. Пришли мы туда, а номеров нет. Половина гостиницы разморожена. Абрамова в крик: «Вы обязаны! Вам оплачено!» А тетка спокойная такая сидит, смотрит на нее, через стекло — на площадь, где толпы горожан с плакатами пар изо рта последний выпускают и ровно так, в который раз говорит: «У меня люди второй день в коридорах в шубах спят. Нету ничего. Сходите в другие гостиницы». Дошли до двух других. Там на улицах хвосты очередей — ждут, может, кто съедет.

Вернулись. Абрамова опять права качать перед администратором. Пришлось ее отогнать. Послал ее пройтись. А сам встал у стойки. Просто стою. Молчу. Жду. По опыту знаю, что так — вернее. Тетка удивилась. Через минут пятнадцать спросила — чего стою? «Жду, — говорю, — Спать-то надо. Хоть где». Еще через пятнадцать минут говорит: «Есть один номер в размороженном крыле. Пойдете вдвоем? До утра

могу пустить». — «А нам и надо до утра». Пришла Абрамова и пошли в номер. Она легла на кровати, а я в кресле. Утром улетели.

Потом эта Абрамова со мной пыталась права качать — когда кооператив «Оркон» в борьбе с Уваровым денег не платил группе, в которой я был руководителем. Так даже свергнувший Уварова председатель «Оркона» Жулай и тот ее шуганул, посочувствовал мне, сделал паузу и расплатился. Это пример того, что не людям кто-то проблемы создаст, а они сами себе их создают и всегда одни и те же и делают это одинаково. Позже Абрамова защитила докторскую в Герцена и под нее сделала кафедру, которую она тут же бросила, когда ее позвал на проректора Запесоцкий. Раскатала губешки и ... лицом об землю. Тот об таких любит ноги вытирать.

21. Никогда не был в Крыму, если не считать вынужденной посадки в Симферополе. И одним летом засобирались мы в Крым. Поповичи давно звали в свой дом в Феодосии. В Керчь давно зывал Евстратов. Да и мне хотелось именно в Керчи побывать — еще с детских времен после книги «Улица младшего сына» о партизанах в каменоломнях.

Самолетов до Керчи не стало. Навели справки о поездах. Получилось, что до Симферополя билеты почти в полтора раза дороже, чем до Новороссийска. Решили ехать новороссийским поездом до станции Крымск, а оттуда через Тамань в Керчь. Билеты взяли до Крымска. И в поезде переиграли. Нас отговорили запахом водорослей в Тамани и Керчи, а также тем, что непонятно — ходят ли теперь поезда через пролив. Решили ехать в Геленджик. За полчаса до Крымска доплатили за билеты до Новороссийска. Прямо у поезда нас подхватили две тетki и повезли в Геленджик. Там мы довольно быстро сняли летний домик и обосновались. Хозяйка, как и все жители Геленджика, делала деньги на весь год: сдавала одновременно три, а то и четыре помещения. И соседи менялись довольно часто. Но все удачно размещались на внутреннем двореке и ладили.

22. В Геленджике сказочно красивая бухта и кошмарное количество отдыхающих. Купаться невозможно — сплошная органика, а вечером на берегу не протолкнуться: аттракционы, сувениры, портретисты и тому подобный южный набор.

Поэтому мы быстро переориентировались на дикие пляжи в Дивноморском, Джанхоте. Мы со Степаном даже прошли пешком от скалы Парус до Дивноморской.

23. Маша сделала наблюдение, что в Геленджике много маленьких собачек. Большие собаки редкость и все у приезжих. А у местных все мелкие шавки. Мы так и перевели название города: Геленджик — город маленьких собачек.

24. У хозяйки тоже был маленький кобелек. И кошка. Неразлучная парочка. Я не поверил своим глазам, но он регулярно ее пользовал. И той это с очевидностью нравилось.

25. Очередные соседи-москвичи рассказали дивную историю с их знакомыми. Парнишка-дошкольник просунул голову между прутьями на балконе и не мог достать ее обратно. Вызывали специальную команду спасателей. С трудом, с газорезом, его освободили. Вечером пришел с работы отец. Ему рассказали о приключении. Он спросил сынишку: «Да как же ты голову-то просунул?» Тот закричал: «А вот так!» Выбежал на балкон и опять просунул голову. Опять вызывали спасателей.

26. В Анапе делать совершенно нечего. Толпы народа. Грязнущее море. Жара, от которой мозги плавятся и слипаются. И я наладился с утра уезжать на Утриш. Горы. Галька. Чистющее море. Чем раньше уедешь, тем легче идти на дальние бухты по холодку. Езды туда минут 20 на маршрутке. Отправляются маршрутки от рынка, до которого минут 15-20 ходу.

И вот как-то утром я позавтракал и заспешил на Утриш. Хорошо так разогнался по Крымской улице. Прохожих еще мало. Навстречу шла тетка, думала о чем-то своем, утреннем. Метров за пять она подняла глаза, мы встретились взглядами и, проносясь мимо нее я явно слышал: «Кошмар!». К чему относилась эта богато интонированная реплика? Реакцией на что она была? Что ее так поразило? Мой общий вид? Выражение лица? Угроза столкновения? Ее собственные мысли?

Так и осталось загадкой. Для меня — важной, пожалуй, не меньше проблем сотворения мира и происхождения человека.

27. В Черном море я купался и в Одессе, и в Геленджике, и в Джанхоте с Дивноморской. Да и в самой Анапе купался до этого уже три недели по несколько раз в день и на пляже, и на высоком берегу, и на Утрише, и в Благовещенской. И везде были медузы, но проблем у меня с ними не было никаких. Загрэбаешь себе среди них и ничего.

В предпоследний день затянул меня сосед по комнате на обнаруженный им пятачок в порту. За забором чуток меленького песочка, захламленного чем-то портовым. Вокруг надписи «Купаться запрещено!». Ну, и как обычно, в заборе лазейка и особо продвинутые купаются, осторожно заходя в воду и тихо так плавая, чтобы не садануться о какую-нибудь арматуру. Я активно противился этому купанию, но сосед настоял.

И вот заходим мы в воду. Отплываю я метров тридцать. Попадает одна медуза, вторая. И вдруг полоснуло — прямо по горлу. Этаким бандитским приемом. Не успел очухаться, как сильно ожгло правую

руку. Я повернул обратно. На берегу посмотрел — правая рука от кисти до локтя красная и распухает. Всю шею спереди жжет. Прошло только через три часа.

Я тут же ушел с этого места. Соседа тоже медузы пожгли, но он встретил каких-то очередных своих знакомых теток и еще остался. И стал свидетелем сцены, как прибежал какой-то боцман и, крича, что совсем все замусорили и загадили, выгнал всех за забор. Неужели медузы охраняли запретную зону? И кто их выучил? Может тот боцман?

28. После распада Союза поезд на Новороссийск идет через Украину, дважды пересекая украинскую границу, с четырьмя таможенными и паспортными досмотрами. Но при продаже билетов об этом не предупреждают.

Для российских граждан, вне зависимости от их места проживания проезд безвизовый. И потому россиян славные украински пограничники трясут на предмет подтверждения гражданства.

Мы столкнулись с этой трагикомедией постимперских быта и нравов во время поездки в Геленджик. Купили билеты. Заняли целое купе. Велосипеды так себе едем впервые всей семьей на юг.

Харьков. Досмотр. «Ваши документы!» У детей российские вкладыши есть, а у нас с Любой нет. Как-то ни к чему было. Загранпаспорта оформлены, внутри России обходились без вкладышей. «Где ваши вкладыши?» «Нету.» «Давайте загранпаспорта!» «Но мы их с собой не взяли — ведь из России в Россию едем. Но вот стоит отметка, что выданы загранпаспорта. Разве для подтверждения гражданства этого недостаточно?» «А вдруг вы граждане Федеративной Республики Германии?» Посмотрел на нас строго. «Освобождайте купе!» И пошел, уже в коридоре буркнув: «А то что вы из России в Россию едете, так это ваши проблемы».

Мы сидим. У Маши глаза круглые, губу отвесила: «Хочу к морю-юю!» Решили не двигаться. Если им так надо — пусть нас выносят сами, вместе с вещами. Или пусть пломбируют купе — поедем через их долбаную Украину как Ленин через Германию.

Не пришли. Оставили в покое. Видимо решили, что баксы тут не отвоятся, а возни много: надо обеспечить доставку на российскую территорию, а тут семья, дети малые... Но в соседнем вагоне двух теток сняли с поезда — ехали по милицейским справкам, поскольку паспорта были на каком-то оформлении.

На обратном пути много обсуждали, как себя вести на этом пограничном досмотре. Но дело было ночью. Пограничник выдержал паузу, глядя на спящих детей — наверное, смекал все за и против. Но — ушел.

С тех пор я при поездках на Украину брал загранпаспорт, что породило новый класс проблем. «У Вас загранпаспорт! А где Вы постоянно живете? Куда едете? Какая цель поездки? Сколько валюты провозите? Почему нет декларации?»

Один раз наблюдал, как ссадили грузина, который пересек грузино-российскую границу за день до введения визового режима. Он кричал, что он поэт, что едет по творческим делам. Но его ссадили. Спустя 15 минут он тихо вернулся. Наверное, дело решилось баксами. А в другой раз ссадили пожилого американа. Он ехал на юг со своей русской женой. Но у него не было транзитной визы. По-русски и на державней мове он не разумел и потому их ссадили обоих. А чтоб не ездили из России в Россию на российском поезде и в российском вагоне по священной украинской самостийной и незалежней земле без визы!

Сколько людей получили источник дохода, возможность кормления в результате распада! Дело не только в блеске дипломатического паркета, столь привлекательного для новых элит. Дело и в новых сытных должностях, рабочих местах: пограничники, таможенники, паспортисты и прочая, и прочая, и прочая. Небольшая нация может кормиться просто от границы, от коммуникаций через ее священную территорию, от торговли символами государственности.

29. Борис Липский рассказывал, как на границе в том же Харькове поиздевались. Дело было ночью. Пограничники их разбудили и довольно грубо потребовали паспорта. Боря сказал что-то недовольное. На это последовало: «А ну встань! Да поближе к свету. Что-то не похож на фотографию. Назови дату и место рождения! ... Серию и номер паспорта! ... А теперь цифры в обратном порядке!...»

30. В один из первых приездов в Киев меня разместили в Дарнице на низком берегу Днепра. Вечером гляжу — из-за штор пробивается какой-то странный свет. Подошел к окну, отдернул штору — батюшки!!! Прямо мне в окно смотрит упырь с искаженным лицом и палкой в руке.

Это Мать-Родина с того берега Днепра. А свет — жутковатая подсветка. В народе ее прозвали Баба со скалкой. В скалку превратился меч, потому как его вынуждены были укоротить из-за высокой парусности монумента.

31. Фешенебельный район, построенный на участке, ограниченном Днепром и памятниками Леси Украинки и Матерью-Родиной прозвали Зажопьем. Оба дамских монумента обращены к этому микрорайону именно этой частью тела, видимой почти с любой точки жил-массива.

32. После окончательного распада Союза я выбрался в Киев только в 2004 на конференцию по логике. Киев очень приятно удивил. Европейской столичностью.

Вечером с Виктором Мухачевым с кафедры логики прошлись по Крещатику. У «Глобуса Украины» что-то вроде питерской «стены пла-

ча у Гостинки». Только у нас с плакатами и флагами стоят больше коммунисты и анархисты. А тут — националисты. Крепкие ребята в черном с какими-то красно-черными, по-моему, флагами. А вокруг растянуты всяческие дадыбао на державной мове, яку мы не розумием. Но подошли. Привлек внимание один плакат:

Москальска
Ордынська
Сатанинська
Кровава
Воровська

Анти — что-то там такое — забыл.

Слово «Москва» вертикальными буквами написано красным, остальное черным. Читаем вслух. Националисты настораживаются: явно не украинцы — а ну как москали!? Окружают нас. Чувствую, ошибаться нельзя, а то бить будут.

— Вы откуда?

— Из Питера.

То, что такой ответ на порядок лучше, чем «Из России», я понял давно. Это относится не только к Украине. Так и тут — сработало. Они явно озадачены, сбиты с толку. Уже один темп выигран. После паузы кивают головой на плакат:

— Ну и как?

— Правильно. Все правильно.

Такого они совсем не ожидали.

— Что правильно?

— Все! Такая она Москва и есть.

Виктор вставил:

— Надо бы еще добавить.

— Чего?

— Ну, это специально подумать надо.

Расстались друзьями, жали друг другу руки. Я тут же купил на развале украинский флажок. Так с ним и ходили.

На следующий день рассказывали московским участникам конференции эту историю. Они нервно смеялись. Мы с Мухачевым — нет. Потому как так оно и есть в самом деле.

33. В ту командировку в Киев поехало много логиков. Три купе только в моем вагоне оказались логическими. Лариса Тоноян даже ехала со своим сыном и его приятелем. Но они ехали за свой счет в соседнем общем вагоне. Сын ее только что поступил в аспирантуру, но был призван в армию, потому как дата получения повестки была раньше приказа о зачислении. Но он договорился с командирами и поехал на несколько дней — как бы в самоволку.

И в Гомеле они с приятелем отстали от поезда. Хорошо, что они вышли из вагона с деньгами и с мобильником. Дальше я с ними поддер-

живал связь. Чтобы экономить время и не туманить им мозги лишним, я им писал SMS-ки от имени Ларисы.

Они схватили машину и могли догнать поезд на границе, но водила увез их в другой поселок. Они вернулись в Гомель, взяли другую машину и погнали в Чернигов — уже по ту сторону белорусско-украинской границы. Но и туда опоздали — на 5 минут. Они просили маму задержать поезд на четверть часа. Вот это вера в маму! Пришлось ответить, что денег не хватит. Они даже спросили, а сколько надо? Мы с Ларисой ответили — 687 баков. Потом они говорили, что тут-то заподозрили, что их ведет не совсем мама.

Лариса страдала, что они окажутся в Украине без талона о пересечении границы, который обязательно надо предъявить при обратном пересечении границы. Тут-то бы и всплыла его самоволка. Но они талоны взяли на шоссе.

В общем, они догнали нас уже в Киеве, на вокзале, куда мы приехали одновременно. Отрыв обошелся им всего в 3,5 тысячи рублей. Но на обратном пути они опять вышли в Гомеле — хотели найти того таксиста, что увез их в другую сторону. Лариса уже не отпускала их за пределы видимости.

При обратном пересечении границы пограничник, взяв в руки ларисин паспорт, поинтересовался у нее — нашелся ли ее сын. Запомнил.

А в нашем вагоне сняли дядечку. Он был из какой-то «четвертой страны» — то ли Узбекистана-Казахстана, то ли Грузии-Армении. У России с Белоруссией и с Украиной есть отдельные соглашения о безвизовом проезде через границу. А тройного договора нет. Если бы он пересекал украинско-российскую границу в Харькове, то у него проблем бы не было. А так его сняли с поезда и погнали в Киев, в посольство Белоруссии — за визой.

34. На том же обратном пути повеселилась семья Перовых. Когда вошел пограничник, Перов радостно воскликнул: «Наконец-то! А мы вас так ждали! И лицо у Вас такое хорошее!» Тот обалдело постоял, повернулся и вышел.

35. При возвращении из Геленджика пережил настоящий культуршок — похожий на ощущения при возвращении в Россию поездом из Польши через Белоруссию. Там то же самое, но тут было ярче и острее.

Собственно, это знает каждый, кто в конце лета возвращался с юга поездом. Сначала, когда поезд едет Кубанью, на остановках из поезда просто не выйти. К каждому тамбуру кидается толпа народу. Кто-то с фруктами, кто-то с овощами, кто-то с выпечкой, кто-то с водой. Кто-то с поделками, а кто-то пытается спеть и плясать. Но все пытаются тебе что-то втюхать.

Чем выше градус северной широты, тем меньше и меньше этот ажиотаж, все меньше этих людей. И культуршок был в Туле. Вообще

никого. Только идет бабулька с купленной в магазине буханкой хлеба: «А вот кому хлебушек.» И маячат на платформе три-четыре фигуры с протянутой рукой. Они ничего даже не пытаются предложить тебе, сделать хоть что-нибудь. Просто дай. На факт бытия. И я понял, что вернулся на родину.

36. В тот раз я глубоко проникся пониманием, что спонсорство — протестантское изобретение. Не православное это дело.

Протестант нищему не подаст. Потому как никакие добрые дела, подвиги и индульгенции не помогут. Уже решено кто будет спасен. Полное предопределение. Тебе только дана надежда, что ты, может быть, принадлежишь к избранным. Одним из признаков такой богоизбранности может быть жизненный успех. Поэтому протестант работает и работает на то, чтобы подтвердить эту надежду. Какая чудовищная по силе нравственная мотивация и трудовая этика. Сам труд — богоугодное дело. Das Beruf по-немецки это и призвание, и профессия.

Поэтому, если я нищему подаю, я зло поощряю, Бога испытываю. Другой разговор, что человек, может, в беду попал. Так тогда ему обязательно помочь надо. Но не милостыню дать, а дать денег в долг, создать рабочее место и т. п. Дать шанс.

И вообще — не подвиги совершать надо, а жить праведно. Возьмешь «Ридерс Дайджест» — так там никаких убийств, политики. Сплошные полезные советы и истории о том, как помочь безнадежному больному, как строить отношения с ребенком и юмор — спокойный такой, никакой чернухи.

Что православному человеку скучно. Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься. Спаситься можно — надо только покаяться. Ну а покаяться — святое дело и запросто — было бы в чем. Ну, а за этим дело не встанет. На этом многое замешано в российской истории и действительности. Русские душегубы всегда были очень и очень набожные. Замучать человечка, а потом свечечку поставить в храме и покаяться. Грех и снят. А то — подвиг совершить. Храм построить. Денег на храм нет — не беда. Пару купчишек ограблю, пару старушек угрублю. Зато — храм поставлю. Грех велик, да идея — хороша.

Поэтому в православии самое богоугодное — дать милостыню. Ее подают у храма. Что может быть богоугоднее, чем раздать все людям. И вообще — какое-оно — твое? Откуда? Когда все вокруг — Божье, а значит — ничье. А значит — и мое тоже. Откуда — твое? Награбил? Наворовал? Тогда — «делиться надо»!

А спонсорство — это что же такое? Рекламу покупать! Известности захотел! Имя строить? Репутацию? Личину строить?! Полюбите нас серенькими — чистенькими-то каждый полюбит! Потому, если пиар, то «черный», циничный. Как все эти проклятые протестанты. Которые духовность нашу порушить хотят своими проповедями.

37. То ли в 2002, то ли в 2003 мы с Фатхуллиным поехали в Белоруссию — в связи с программой создания единого информационного пространства «единого государства».

Я в Белоруссии не был с нашей туда поездки с Любой к Соколову, т. е. где-то с года 1984–1985. И думал, что это будет путешествие во времени — в прошлое, Совдепию. А попал в миф о Совдепии — какой она могла бы быть! Чистота, порядок, тишина. В магазинах все есть и дешево. Правда и зарплаты маленькие. Милиционеров почти не видно, но чувствуется присутствие почти приговского Милицанера.

В поезде разговорились с соседкой — белорусской бизнесменшей средней руки. В какой-то момент я вставил свою отговорку: «Ну да, свободный человек в свободной стране имеет право...». Она вздрогнула, оглянулась: «А кто вам сказал, что наша страна свободная?! Но мы хорошо живем». Потом уже я наткнулся на лукашенковский афоризм: «Белорусский народ будет жить плохо, но не долго».

38. И потом то же чувство мифа пришло, когда ездил поездом на конференцию в Киев. Большую часть пути поезд идет по Белоруссии. Чистота, пустота. Тогда уже начали бабок с вокзалов гонять.

И на этом фоне поразила станция Жлобин. Когда поезд стал тормозить, я боковым зрением уловил, что-то необычное за окном. Выглянул. По всей платформе бегали стайки огромных, иногда с человека ярких цветных меховых игрушек: слоны, жирафы, львы, собаки. Не сразу понимаешь, что с ними бегают люди (мужчины, женщины, дети). Их явно гоняли, но они бегали от тамбура к тамбуру между двумя вставшими составами. В этом было что-то из поздних фильмов Феллини.

Я решил выйти из вагона, посмотреть. Но из тамбура было не выйти. Дверь на перрон была открыта, но весь проем был занят мордами этих игрушек. Это было что-то. Жаль под рукой не было фотоаппарата со вспышкой.

39. При пересечении российско-финской границы многое меняется. Вид и манеры пограничников и таможенников. Постройки. На время отключается сотовая мобильная связь. Но больше всего поражает смена ландшафта. Вроде бы лес, деревья должны быть теми же. Но — меняются. Нет чахлости, замшелости. Откуда деревья знают о границе? О том, где они растут?

Но это еще что! При переезде границы даже в июне куда-то пропадают комары. Они-то откуда знают о границе?

40. Когда в первый раз ехал читать лекции в Хельсинки, организаторы спрашивали — надо ли меня встречать. Я ответил, что нет, поскольку в городе уже ориентировался, да и на карте нашел адрес университетского хостела. Тогда мне сообщили номер моей комнаты и код на входной двери.

Приезжаю. По пустым уже улицам быстро дохожу до нужного дома. Пытаюсь набрать код на воротах. Замок мигает, гудит, но не открывается. И так — насколько раз. Я уже начал подумывать о ночевке на вокзале. Но тут пришел запоздавший жилец, набрал код и открыл дверь.

Я набирал по привычке — как у нас на механических кодовых замках — одновременно все кнопки, а там был замок электрический и надо было набирать цифры последовательно. Финские коллеги, когда я им рассказал эту историю, смеялись, говорили, что у них в России возникает обратная проблема — они пытаются набирать код последовательно.

41. В один из приездов в Renvall узнаю, что одновременно со мною читается аналогичный курс на английском и что слушателей может быть меньше. Озадаченный — что бы это значило — иду на первую лекцию. Чуть опаздываю. Моя аудитория 2. Прихожу, нахожу по табличке аудиторию 2. Она открыта и пуста. Сажу жду. Проходит 15 минут. Знаю, что здесь студенты не опаздывают. Начинаю уже вырабатывать стратегию на общение с организаторами. Проходит полчаса. В 35 минут входит девушка и спрашивает — не Тульчинский ли я? Слушатели меня уже заждались. «Где?» — «В аудитории 2». Выходит в коридор, оглядываюсь на табличку аудитории, в которой сидел — 3! А соседняя — вторая — уже была заполнена и все тихо, молча сидели, ждали преподавателя-козла из России. Наши бы уже давно разбежались. Девушка, что меня привела, села, недоуменно пожав плечами — чего, мол, удивляться! Отшутился, и мы быстро подружились.

42. С самого начала перестройки говорил, что если когда и восстановится железный занавес, то не с нашей стороны, а стой. И пулеметы на границе будут смотреть не на ту сторону, а на нашу. Чтобы не разбежались.

Хлынули так, что весь мир напугали. Русская мафия. Тамошним уличным художникам и музыкантам против наших — делать нечего. А тетки — так те вообще сбили цены на рынках проституции аж до Экватора. Проститутки в Турции и Италии уже называют наташками.

Ограничения уже начались. Американы — те простые ребята. Вывесили на консулатах объявления. Просим нас правильно понять (они еще и извиняются!), но американское правительство исходит из предположения, что каждое лицо, обращающееся за визой имеет намерение остаться в США. Поэтому Ваша задача — доказать обратное. И они еще советуют — как, какие документы надо представить для этого: копию паспорта, трудовой книжки, свидетельства о браке, о рождении детей, документы на владение недвижимостью, копию налоговой и имущественных деклараций и т. д. и т. п. Доказывай.

Англичане — люди скрытные. Придумали длинную анкету и шпарт по ней. Одной нашей студентке отказали в визе. Она мечтала о язы-

ковом туре в Англию. Копила денег. Часть ей дала мать, половину — двоюродный брат. Но в консульате ее со смехом завернули. У Вас нет средств для приобретения такой путевки — и все. Выменца пытались этим достать (см.), но тот оказался крут для них. Американцы после первой поездки, в которой он читал лекции за деньги (что не положено), его просто включили в черный список и теперь — кирдык — в визе отказывают.

43. До перестройки я был невыездной. Только в 1975, благодаря Выменцу, съездил в Польшу. Потом уже в середине 90-х с Любой и детьми ездили в Финляндию на три дня — в аквапарки.

И тут — получил приглашение на Летнюю школу для гуманитариев в Сантьяго-де-Компостела, которую организовывал University of Georgia совместно с Университетом Сантьяго, а фактически — Михай Спариосу. Меня пригласили в качестве Senior Resercher — значит, я мог принимать участие в семинарах и должен был провести собственный мастер-класс (workshop). Проживание и питание организаторы обеспечивали. Надо было найти деньги на проезд. Я подал в Фонд Сороса заявку и получил его.

Разговорного английского я практически не знал. Лететь надо было до Мадрида, а оттуда — ехать или лететь в Сантьяго. Люба смотрела на меня, вытаращив глаза, но я полетел.

44. Добираться до Мадрида оказалось проще через Москву самолетом-подкидышем до Шереметьева. Прилетели ночью. Мадридский рейс не ранним утром. Да еще из Шереметьево-2. Автобусы уже не ходят. Таксисты дерут немислимые деньги. Вспомнил, что у меня единственный билет. Пошел в агентство. Нашел сонную тетку — объяснил ей ситуацию. Трансфер должен быть их. Она согласилась, позвонила куда-то и меня на микроавтобусе перевезли в Шереметьево-2. Взял номер (это входило в грант), лег спать и еще посмотрел матч первенства по футболу.

В Мадрид прилетели, когда там уже был вечер. Рейс — уже «Иберии» — на Сантьяго ранним утром. Выезжать в город — смысла нет. Решил освоиться в «Баррахоxe» — аэропорт огромный, я таких еще не видал — с нашими не сравнить. Терминалов куча, разбросаны они на километры, но из одного в другой можно добраться по движущимся лентам. И что сразу же поразило — тележки для багажа, которые стояли повсюду. Взял тележку и пошел обследовать аэропорт. Попытался найти агентство Аэрофлота, нашел его и оно — одно из очень немногих — было закрыто. Порадовался, когда на одной из скамеек обнаружил скульптуру испанского крестьянина в натуральную величину и в очень натуральной позе.

Иногда слышал русскую речь, но не подходил — возникла какая-то дистанция. Добрался до нужного мне терминала и выспался на удобной скамейке.

45. Проблема была одна — язык. Читать-то я читал по-английски научную литературу, а вот разговор, восприятие со слуха... Если на семинарах я почти все понимал и даже давал какие-то осмысленные реплики, то главная беда была в компаниях, особенно — за столом. Участники семинара — большей частью молодые американские PhD, да и профессора садились за стол не есть, а поболтать. А для меня именно to chat, every day talking — никак и ничто. И вся моя интуиция ухнула в язык.

Через пару дней я уже бросал довольно развернутые реплики за столом. Как сказали братья по разуму, у меня выработался very simple and prophetic style. Для подготовки сообщений и вообще для работы можно было пользоваться университетским компьютером, но у моего соседа из Болгарии Александра Киоссева был ноутбук и я предпочитал работать на нем. Подготовил текст, фолии и через 10 дней провел свой workshop, правда, с вопросами и ответами мне помог Александр Киоссев. В своем сообщении о лиминальности я откликнулся на все идеи и проблемы, звучавшие на школе. Через пару дней две китайки — одна американка, а другая с Тайваня — попросили у меня текст доклада, потом вечером задавали вопросы, а в завершение покачали головами: «Надо же, мы думали, Вы ничего не понимали, а Вы еще дальше пошли!»

Этим текстом я до сих пор пользуюсь — столько наработалось идей.

46. Языковой стресс был таким мощным, что когда я летел обратно (а перелет был очень быстрым) и сел на наш рейс Мадрид-Москва, не мог отвечать по-русски на вопросы стюардесс. Более-менее пришел в себя только, когда в Питере меня встретила Люба.

47. Уровень профессуры летней школы был очень высокий. В. Изер из Констанца, Г. Шваб из Беркли, Ф. Тернер (сын В. Тернера) из Далласа, Д. Мацотта, одна из ведущих современных феминисток, М. Спариосу — это только из постоянных. А еще приезжали только на несколько дней — прочитать лекцию...

Один из таких лекторов был известнейший специалист по Л. Витгенштейну — американец Savell. Он приехал с семьей. Его представили с помпой за столом и как крупнейшего политика — перед выступлением. Оно было посвящено странной теме: Витгенштейн и Беньямин. Людвиг Витгенштейн с Вальтером Беньямином не встречался никогда и доклад Кавелла был чистой воды спекуляцией, игрой ума. Я потом подошел к нему и спросил его — а как относится к влиянию на Витгенштейна Н. М. Бахтина — в отличие от Беньямина, они часто виделись, дружили. Тот спросил меня — а кто это — Николай Бахтин? Я даже оторопел. Пояснил — старший брат М. М. Бахтина, с конца тридцатых — профессор классической филологии в Бирмингемском университете, один из немногих близких друзей Витгенштейна. Именно под его влиянием Витгенштейн занялся изуче-

нием русского языка и даже ездил в Советский Союз с намерением остаться работать. Факты довольно известные. Кавелл пожал плечами — я про такого не знаю.

Так я впервые столкнулся с ограниченностью и профессиональным кретинизмом американских философов. Филологи намного образованней и эрудированнее. У философов же вся философия заканчивается на Расселе и Витгенштейне. С трудом, через Рорти воспринимают Гадамера и Дерриду. И то через губу. Из русских философов слышали что-то о Бердяеве и знают о М. Бахтине — все. Потом я от многих слышал то же.

48. Сантьяго-де-Компостела одна из святынь христианского мира. Ярчайший пример успешного маркетинга места. Город — фактически из ничего и на пустом месте. Градообразующий комплекс — мощи св.Якова. По свидетельствам очевидцев тело св.Якова, после его смерти в Финикии, опустили в лодку, которую оттолкнули от берега. Через несколько лет пастух в устье реки (а это уже северное атлантическое побережье Пиренейского полуострова, с той стороны Гибралтарского пролива!!) обнаружил лодку с телом, в котором опознал (?) св. Якова.

Новость дошла до короля Хуана II, по распоряжению которого тело было захоронено на пустом месте в горах, на этом месте была поставлена часовня и основан поселок. Очень скоро место стало центром притяжения паломников. Вскоре был построен и потом неоднократно перестраивался храм св. Якова. При храме возник монастырь. При монастыре — университет, теперь — пятый по величине в Европе. Никакого производства. Мощи, храм, монастырь, университет и их обеспечивающая их инфраструктура. Уже в Средневековье город стал конечным пунктом в традиционном маршруте пилигримов по святым местам. И их поток со временем только нарастает. Не так давно столицу Галисии из Ла Коруньи перенесли в Сантьяго. Идеальное место для университетской науки и административного менеджмента. Хуан II — гений маркетинга.

49. В одно из воскресений почти полным составом школы поехали на побережье Атлантического океана. На берегу потрясающая гряда, уходящая в океан. Американцы все забирались повыше и вглядывались в горизонт. Наверное, пытались разглядеть очертания американского берега.

Мы с Киосевым осуществили мечту идиота — выкупались в Атлантике. Очень понравился один городок. Намного старше Сантьяго. Древний город, живущий от океана и забирающийся от него террасами в горы.

Улетая в Сантьяго, я думал увидеть типичную «Испанию», известную по картинам, книгам. А увидел что-то совершенно иное. Я по-

нял, что Испания очень разная. А уж что Галисия — не Андалусия, не Каталония и даже не Кастилия — так это точно. Все другое. Архитектура — ближе к Франции. Климат — почти как в Британии. Даже язык с явным португальским влиянием — мягче и приглушеннее.

50. Обратный полет был очень быстрым. Из небольшого, но современного, очень удобного и гуманного аэропорта в Сантьяго до Мадрида. Там 20 минут на переход с терминала на терминал, но я в «Баррахо-се» уже все знал. Оттуда — в Шереметьево-2. И сразу — шок. Из доброжелательной атмосферы попадаешь в чрезвычайно агрессивную среду. Там делали все, чтобы ты сам отдавал деньги, а тут с тебя их требуют — все и за все. За 40 минут добрался до Шереметьево-1, продравшись сквозь строй цепляющихся, хватающих за локти таксистов — до Шереметьево-1 (фактически — другого терминала!) \$150 — и втиснулся в рейсовый микроавтобус. И — в Питер. И — аэропорт «Пулково» — тихий, пыльный, вокруг что-то ржавое болтается и позвякивает. А я еще помню тепло аэропорта в Сантьяго.

51. Когда меня братья по разуму в Сантьяго-де-Компостела спрашивали мое мнение о российских перспективах, я говорил, что ожидаю болгарского сценария — ну не может экономика столько времени безнаказанно заниматься самоедством и надувать мыльные пузыри. После возвращения я поехал к своим в деревню. Только приехал — по радио передали об отставке Кириенко, повторном назначении Черномырдина и введении валютного коридора. Я популярно объяснил своим, что нас всех опускают примерно в четыре раза. Тут Степа задел радиоприемник и мы уже дальше ничего не слышали и не знали, а вернулись в уже посткризисный Питер. Четырехлетняя Маша говорила своим подругам, что, вот, раньше она копила деньги на поездку в парижский Диснейленд (что было вполне реально), а теперь копит деньги на Макдоналдс.

52. Через год, в 1999 году Михаил Эпштейн и Михай Спарисос организовали мне вызов для участия в большом конгрессе в University of Georgia (Athens). В этом конгрессе Михай утопил на правах секции конференцию по Global studies. При этом я мог несколько дней провести с Михаилом в Атланте. Проезд и проживание оплачивались, платились небольшие деньги за само участие в конференции. Надо было найти деньги на билет до Атланты — их возвращали, но потом. Выручил Сергей Выменец.

По дням получалось, что лучше лететь не через Нью-Йорк, а через Париж. Нужно было где-то переночевать и меня согласилась принять племянница Липского Лариса, обосновавшаяся в предместье Парижа. Самолет прилетал в «Де Голль» поздно вечером и я спросил у Бориса — сколько стоит билет на метро до Ларисы — а это надо проехать через

весь Париж в сторону Орли. Он сказал, что 50 франков хватит на туда и обратно. И я спокойно полетел. «Де Голль» большущий аэропорт, но я быстро прошел формальности, на подкидыше доехал до вокзала. И в кассу метро. До нужной мне станции билет стоил 59 франков. Я переспросил. Мне подтвердили. Доллары в кассе не брали. Надо менять. А уже поздний вечер. Где? Полицейский показал на стоявший чуть вдалеке отель. Обменный пункт был уже закрыт. Проходивший работник отеля показал где автомат и с его помощью я поменял десятку.

Метро парижское мне понравилось. Надо только помнить, что билет используется дважды: при входе и при выходе. Без билета или по билету не до той станции — просто не выйти. Уж коли поехал куда, так там и выходи.

Дом Ларисы уже ночью нашел легко. Она жила с мужем и его сыном от первого брака, но он как раз был на каникулах у моря и меня разместили в его комнатке. Муж Ларисы, тоже врач, был католиком и к этой же общине принадлежал Рорти, регулярно читавший им лекции по философии. Тесен мир, узок круг, тонок слой! Утром Лариса не спешила и отвезла меня в аэропорт на своей машине. Специально, чтобы успеть ехать по кольцевой дороге (холмы Парижа все время виднелись справа почти на горизонте), но дорога была забита, еле тащились, чуть не заблудились в развилках к разным терминалам и успели вприпрыжку к окончанию регистрации.

53. Про размеры океана знаешь, но когда летишь над ним несколько часов летишь над ним, это еще и убеждает. По карте виделось, что вот он — маршрут полета: в Париже взлетели и по прямой до Атланты. Когда же на мониторе в Боинге стали показывать трассу полета, я сначала глазам не поверил: мы перелетели Атлантику в районе Лабрадора-Нью-Фаундленда, а потом летели над Канадой, США — практически, вдоль побережья. Потом проверил на глобусе — оказалось, что именно это и есть кратчайший путь. Февраль. Канада была в снегу, северо-восточные штаты уже подтаяли. Южнее Нью-Йорка бушевал шторм, а в Джорджии по нашим меркам была поздняя весна. Все в рубашечках-футболочках и цветет и пахнет все, что может.

Контроль прошел, вопреки ожиданиям, практически мгновенно. Негр в кабинке проштамповал визу в моей краснокожей паспортине несуществующего государства, похвалил мой английский и пожелал удачи.

Эпштейн обещал встретить, но его долго не было. Я даже позвонил ему домой. Трубку взяла теща и сказала, что Михаила дома нет. Но тут он появился и мы поехали до места, где он оставил машину.

Размеры аэропорта Атланты просто потрясают. По сравнению с ним парижский «Де Голль» и мадридский «Барракос» — все равно, что наша «Ржевка» по сравнению с «Шереметьево-2». 20 терминалов и в каждом черт знает сколько выходов. В этом аэропорту свое метро чуть меньше, чем в Питере. Уже тогда аэропорт Атланты обошел аэро-

порт Чикаго и стал крупнейшим в мире по всем статьям. Мы ехали на метро аэропорта. Потом пересели на городское метро, которое оказалось почище парижского, хотя и в нем большинство пассажиров тоже — чернокожие, с удивлением глядящие на белых, почему-то едущих на подземке. Наконец, добрались до станции, на которой была оставлена машина, и поехали домой.

54. Я прожил у Михаила и Лены несколько дней. Мы с ним много обсуждали планы и идеи. Это оказалось общение чрезвычайно плодотворное по своим последствиям, особенно в плане публикаций, идея серии «Тела мысли», просто было очень интересно соотнестись по оценкам, мнениям. Больше говорили именно о будущем, а не о прошлом или о знакомых.

Михаил пригласил меня на один из семинаров с его студентами. Их было около десятка. Я рассказал о себе, о современной ситуации с философией в России. Они задавали занятные вопросы и времени даже не хватило. Много походил по кампусу Emory University, посмотрел библиотеку с ее богатым русским фондом, превышающим наш институтский. В столовой можно было на 3 доллара набрать сколько хочешь еды.

Все здания, лекционные залы, спортивные площадки — имени кого-то. Того, кто дал денег. При входе табличка, а то и целый стенд, посвященные дарителю. Иногда даже витрина с его личными вещами. Пришел на обычную скамейку — и на ней табличка: «In honour ...».

Эмори — частный университет. Один из крупнейших в США. Его конек — медицина. Здесь отличная больница, лаборатории. Здесь хранится всемирный фонд всяческих бактерий. Гуманитарии тут на обочине. Михаил работал в Russian Studies, в которые включили также и Китай и Юго-Восточную Азию, которые на глазах вытесняли интерес к России. Крах «империи зла» резко сократил возможные рабочие места и спрос на советологов и кремленологов. Сократились и аспирантуры по русскому языку и литературе. Михаил сводил меня и на кафедру философии — с десятков преподавателей. Я посмотрел планы — все аналитическая философия. Несколько лет на этой кафедре работал Лиотар. Незадолго до моего приезда он умер и сообщение об этом прошло только строчкой по местному университетскому кабельному ТВ.

Университету принадлежит большущий парк с прудами. По зеленой траве бегали белки. По дорожкам бегали студенты и профессора. Чуть ли не обязательные пробежки. Никаких скамеек! Однажды я присел почитать на стволе дерева. Пробежавший мимо профессор шутиво поинтересовался — что, на кафедре нет места? Читать надо в кабинете, а в парке — бегать!

В центре парка особняк, в котором живет ОН, сам РЕКТОР! Это что-то вроде небожителя. Обычно его избирают из бывших диплома-

тов. Такой человек должен прежде всего обеспечивать имидж, представительство и отношения с почитателями.

55. По нашим меркам было жарко — примерно, как в июле. И это в феврале! Я интересовался — каково же тут летом? Объяснили. Более 40-ко по Цельсию в тени. Без кондиционера и жалюзи на окнах жизнь невозможна. Люди прыгают из кондишена в кондишен: кондишен дома, в автомобиле, в офисе, в магазине, везде.

56. Поразили негры. Высокие, стройные, сытые, красивые, довольные. В глазах высокое чувство собственного достоинства — на грани высокомерия. Работа обеспечена по квоте. Учеба обеспечена — тоже по квоте. Чем не жизнь!? Мартин Лютер Кинг погиб не зря.

57. Еще немного и президентом США станет женщина-инвалид, чернокожая лесбиянка не чуждая наркотиков.

58. Семья Эпштейнов — редкое исключение по части судьбы эмигрантских семей. Типичная история, когда жена уходит. Именно жена. Тетки в Штатах адаптируются легче. Путь мужчины труднее. Ему надо утвердиться профессионально, в деловом плане. Женская траектория легче и проще. И муж начинает смотреться неудачником. А жизнь так прекрасна.

59. Без машины в Атланте, да и в США вообще делать нечего. А главный досуг — поездка в mall. У нас это теперь называется торговоразвлекательный комплекс. И стоит он где-то на окраине хайвэя. Выморочные советские культурно-спортивные комплексы неожиданно обернулись реальными ТРК.

60. Я хотел посмотреть Атланту. Михаил уверял меня, что смотреть нечего. Город несколько раз горел. Исторической части практически нет. Центр — пересечение Грушевой и Абрикосовой — почти как в песне Антонова. Вот, разве что — музей Coca-Cola... Тут я вспомнил, что именно в Атланте штаб-квартиры Coca-Cola, CNN, ИТТ, что здесь были Олимпийские игры, и в один из дней мы поехали в этот самый центр.

Для начала походили по главной площади олимпийской деревни — площадью как Дворцовая и Красная вместе взятые. Мощеная керамическим кирпичом. И когда ступаешь по нему, то сначала не по себе — на каждом кирпиче — фамилия, имя, страна и город. Идешь, как по кладбищу или стенке в колумбарии. Оказалось, что была трехлетняя всемирная кампания по продаже кирпичей. Любой человек, заплативший сотню долларов, получал карточку вроде банковской или телефонной, размером с календарик, на которой был план площади с ука-

занием сектора, в котором находится его кирпич. На обороте — воспроизведенная надпись на кирпиче. Учитывая размеры площади, начинаешь понимать, почему Олимпийские игры в Атланте, перекупленные у Афин, оказались первыми, принесшими серьезную прибыль. Деньги делались из всего.

Потом эта площадь стала моим любимым примером по специальным приемам фандрейзинга.

61. Потом зашли в CNN. В цокольном этаже — всяческие лавочки с сувенирами, в том числе — магазинчик с вещами «от Джейн Фонды и Деда Тернера». Каждые 40 минут формируются экскурсионные группы по студиям CNN — имеешь возможность посмотреть своими глазами, как делаются мировые новости. А в центре цокольного этажа — огороженная шнуром площадка, на которой стоит несколько стульев. В 14-00 любые желающие могут занять эти стулья, сверху спускаются микрофон и камера, приходит ведущий и начинается трансляция на весь мир — обсуждение последних новостей. Михаил предложил задержаться, но мы спешили.

62. Ну, и музей Coca-Cola, штаб-квартира которой находится в Атланте. Он производит впечатление не столько музея. Сколько храма современного божества. При входе расположен лифт сразу же поднимающий тебя на четвертый этаж, где расположены залы исторической экспозиции в достаточно традиционном оформлении: стенды, шкафы, щиты с биографиями отцов-основателей, образцами оборудования, продукции, рекламы. Целый зал посвящен кока-кольскому дизайну Санта-Клауса (разработанному специалистами фирмы в начале 1930-х) и актеру, задавшему образ этого персонажа (да и нашего Деда Мороза, которого мы получили с 1936 года) на многие десятилетия — до наших дней включительно.

Затем спускаешься на третий этаж, где традиционная экспозиция дополнена полукрытыми кабинами (на одного человека) в виде колонн. Там вы можете по выбору посмотреть короткий — на 10 минут — фильм, посвященный какому-то пятилетнему периоду новейшей истории. Речь идет о хронике наиболее ярких и важных событий в политике, науке и технике, культуре, искусстве. И эти киноматериалы подобраны так, что со всеми этими событиями каким-то образом оказывалась связана деятельность и продукция «Кока-колы». Новейшая мировая история оказывается неотрывно связана с историей «Кока-колы», а кока-кольские события — в самом центре важнейших исторических событий. На этом же этаже находится кинозал при входе в который в глаза бросается бегущая строка с длинным рядом цифр, причем крайние справа цифры мелькают с невообразимой быстротой. Не сразу, но замечаешь, что ты присутствуешь при учете объема продаж продукции (в перерасчете на стандартные бутылочки «Кока-колы») с момента

основания фирмы. Присмотревшись к мельканию цифр, понимаешь, что каждую секунду в мире продается свыше 3000 бутылочек напитка. В самом кинозале каждые полчаса демонстрируется двадцатиминутный фильм, начинающийся кратким приветствием заместителя председателя правления корпорации по связям с общественностью, после которого начинается блестяще смонтированный калейдоскоп коротеньких документальных киносюжетов: сценки работы, отдыха, учебы, спорта, творчества, любви... На экране мелькает жизнь во всех ее проявлениях. Причем, сценки эти сняты в самых различных уголках земного шара и каждая из них сопровождается титром с указанием места и времени съемок: «Париж, 25 мая 1997 года», «Антарктида, сентябрь 1997-го» и т. д. и т. п. И в каждом сюжете, так или иначе, но присутствует «Кока-кола», ее или пьют, продают, покупают, целуются у ее рекламы ... Оказывается, не только всемирная история, но и каждая минута жизни на этой планете, связаны и пронизаны «Кока-колой».

После этого, преисполненный пониманием величия корпорации и ее продукции, спускаешься на второй этаж, где попадаешь, в самый настоящий храм и становишься участником ритуала. Если не священнодействия, приобщения к святыне. В двух больших залах вдоль одной стены — слева — стоят автоматы с самыми различными вариантами продукции фирмы на все вкусы. В первом зале — «Кока-кола» и «Фанта» классическая и легкая, с сахаром и без, смородиновая и ежевичная, клубничная и ананасная... Во втором зале — то же самое, да еще с национальными модификациями: варианты кошерные («по-израильски»), «по-малайски», «по эфиопски» и т. д. Пей сколько хочешь, благо — бесплатно и туалет рядышком. А справа высятся колонны, в которых пенится «Кока-Кола», за которыми в полумраке несколько тихоструйных бассейнов-фонтанов с тем же священным напитком. Перед колоннами — фонтанчики поменьше. Мерцает свет и звучит приглушенная музыка. Если взять специальный высокий бокал и поставить его на площадку в маленьком фонтане, то музыка усиливается, свет начинает играть яркими красками и бликами, откуда-то из темной глубины начинает быть сильная и высокая — на несколько метров — струя, падающая в большой бассейн, переполняя который напиток перетекает в маленький бассейн, из которого начинают быть вверх тоненькие струйки напитка, наполняющие твой бокал. Ты общаешься к священному, к святыне святынь.

И вот, преисполнившись сознания величия «Кока-колы», налившись ею «под самое горлышко», приобщившись к ней и интеллектуально, и духовно, и физически, ты спускаешься на первый этаж, где дорога к выходу лежит через несколько торговых залов, в которых ты уже можешь (и хочешь!) оставлять доллары на приобретение памятных сувениров: маек, кепок, календарей, игрушек, обуви, посуды, авторучек, книг... с символикой великой империи — в память того, что ты был ТАМ.

Через этот музей обязательно пропускают новых сотрудников центрального офиса, в нем празднуют корпоративные праздники, на которые приглашаются в качестве поощрения лучшие работники региональных отделений со всего мира, сюда водят всех школьников Атланты, его посещают туристы и гости города как одну из главных достопримечательностей города.

63. Афины расположены на полпути от Атланты до побережья Атлантики. Дорога — типичная для Штатов. Хайвэй с развязками, а по бокам один и тот же пейзаж с бензоколонками и mall'ами. Никакой привязки к местности. Ориентация только по указателям. Если зазевался — запросто уедешь куда-то в другой штат.

Водитель, что вез нас уже поздним вечером на своем внедорожнике ориентировался по электронному компасу. На хайвэе как в прериях или в открытом океане.

64. Градообразующим фактором Афин, в которых расположен Университет Джорджи, является сам университет. Город, как и Сантьяго-де-Компостела — идеальное место для учебы и научной работы. Запомнилась не столько конференция — там все было понятно и предсказуемо, сколько неожиданная поездка в Madison — один из наврное тысячи городков с таким названием в Штатах. Это был исторический Мэдисон. В нем чего-то когда-то подписали, а главное — в нем сохранился в первозданном виде облик типичного городка американского Юга. Жена Михая, яркая и приветливая пуэрториканка, везла группу его приятелей показать Мэдисон, а тут и я оказался рядом. Ехать надо было часа два в один только конец, но оно того стоило. Дорога шла сельской местностью. Покосившиеся сараи с рухнувшими крышами напоминали наши, но поля, своей ухоженностью и размерами просто поражали.

Сам городок, действительно, был как игрушечный или как декорация. Везде все цветет. Но в этих декорациях люди живут и работают. Зашли в магазин, заполненный сувенирами американского Юга. Не сразу разглядел, что почти все «Made in China». С трудом нашел местное: ковбойский колокольчик Любе и тарелочку теще.

65. За участие в конференции мне полагались какие-то доллары, ну, и оплата билетов на самолет. Михай выдал мне университетский чек на эту сумму, но только в последний день моего пребывания в Атланте, и это было воскресенье. Не сразу, но он понял мои проблемы с обналечиванием этого чека в России. Надо было получить наличные. В воскресенье работал чуть ли не один только банк на всю Атланту, и в перерыве заключительного этапа конференции (он проходил уже в Атланте) мы с Михаем и еще одним коллегой помчались обналечивать чек.

Беда еще была в том, что свой паспорт я оставил дома у Эпштейнов. Мы ворвались в банк как группа захвата. Несмотря на мои самые худшие предчувствия и предположения (из России, без паспорта!) деньги выдали запросто. Единственно, что попросил кассир-контролер — чтобы рядом с моей подписью расписался бы и Михай, как гражданин США, подтверждающий личность получателя.

66. В Атланте я еще прикупил сувениров: Маше — Барби «как индианку» (она просила «как негритянку», но их почему-то не было), Любе с трудом, но нашел очень приличные туфли. Степе Эпштейн решил подарить портативную рацию «уоки-токи». Еще мне глянулась открытка. Абсолютно черная глянцевая поверхность, а на обороте надпись — «Night in Atlanta».

Лететь надо было опять через Париж, но с чуть более долгим пребыванием — я успевал погулять по городу. И, хотя мы и договорились с Ларисой и ее мужем насчет еще одной ночевки, мне не хотелось таскать багаж туда-сюда. Рейс был сдвоенный: до Парижа — «Delta», от Парижа — «Air-France». При регистрации я поинтересовался — можно ли отправить большую сумку прямо в Санкт-Петербург? Меня заверили, что разумеется. Так и зарегистрировали сумку — до Санкт-Петербурга (Россия).

По Парижу я погулял. Очень он мне понравился. Неожиданно серый и теплый. Зашел в ЮНЕСКО. Дошел до Елисейских полей. И — в Питер, через Москву.

Стоим мы с Любой в «Пулково», ждем багаж. А моей сумки нет. Я тут же с заявлением. Говорят — найдем. Обычно за следующий день доходит.

Прошло два дня — Дженни ни гугу. И в Air-France начали чего-то крутить. Дело решило, наверное, обращение Эпштейна в Атланте. Он попросил меня по e-mail'у все данные, а потом переслал мне и текст своей переписки с «Delta». Вот после этого, через два дня багаж пришел. Его привезли домой, но половины сувениров в нем не было. Пропали туфли, тарелочка и «уоки-токи». И открытка «Night in Atlanta».

По словам агента «Air-France» кражу совершили еще в Атланте (уж открытка-то им зачем понадобилась?), но «Air-France» возместила всю сумму утраченного — я ее даже чуть завысил. Но было обидно не за деньги, а за сами подарки. Поэтому в качестве возмещения материального ущерба — выдали ваучер на сумму в 500 франков. Использовать этот ваучер я мог только до конца года и только на услуги «Air-France». Мы обрадовались — можно будет Любе с Машей слетать в парижский Диснейленд! Но оказалось, что ваучер действителен только на мое имя. Беда была еще и в том, что самый ближний рейс этой компании (даже в Стокгольм) был через Париж — а это намного большая сумма.

Барби «как индианку» Маша назвала Уоки-токи.

67. Жена Выменца вспомнила, что они не были в Британии. Почти весь мир объездили, а в Лондоне не были. И решили они поехать. За визой пришли на собеседование в генеральный консулат. И дошли до sacramентального пункта анкеты: из каких средств оплачивается поездка. Сергей удивился: «У вас же все мои данные есть. Я же все уже написал. Вы же видите, что я состоятельный человек, высокооплачиваемый юрист. У меня есть недвижимость в России и в Финляндии, что у меня три автомобиля.» — «Вы не отвечаете на вопрос — из каких средств оплачивается поездка?» Тут он уже вспыхнул. «Слушай! — сказал он жене, — Далась тебе эта Англия?! Пошла эта Англия на ...! Где мы еще не были? В Новой Зеландии, вроде. Полетели лучше в Новую Зеландию». И опять добавил, куда должна пойти эта Англия. Повернулись и пошли. От дверей их вернули. Не извинились. Но интервью продолжили со следующего вопроса.

68. Женщины и мужчины совершенно по-разному ведут себя за рулем. Мужчина отождествляет себя с машиной. Если она куда-то не проезжает, то это он не проезжает. Если ее бьют или царапают, то это его стучают и царапают. Он не просто упакован в автомобиль. Это его продолжение и расширение. Буквально по Флоренскому — органо-проекция.

Женщина же вступает с автомашиной в шизофренический диалог. «Моя Марусечка, ну поехали! Что же ты не заводисься?».

69. Дело было зимой то ли 1984, то ли 1987 года. Это была зима с жуткими морозами. Бал разморожен весь юг Питера. Лопались рельсы, от натяга рвались провода.

Мне надо было в Москву. Взял билет и, опаздывая, примчался на Московский вокзал. Объявляли сплошные задержки и отмены поездов, но мой уже стоял.

С разгону нырнул в вагон и пошел к своему месту, боковым зрением отмечая, что что-то тут не так. Уселся на свою плацкарту и понял в чем дело. Все сидели в шубах и пальто, не раздеваясь. На полу был снег. Вагон оказался разморожен. Поезд тронулся. Некоторые стратотерпцы стали даже укладываться, кутать детей, наваливать на них матрасы.

Мы с соседкой-девицей подняли хай, нашли бригадира поезда и потребовали расселения пассажиров. Тот согласился, и довольно быстро мы всех как-то распахали. Остались только мы с этой девицей. А дошли уже до конца последнего вагона. Девица пристроилась где-то на боковой полке, а я полез на третью полку в последней секции. Окно было задрено одеялом. Я попытался его отодвинуть, но оно было как будто приклеено. С трудом отодрав край, я обнаружил, что оно не приклеено, а примерзло. Потому как стекло в окне просто не было. Но — доехали.

70. Сын Ганриетты Львовны Яховицкой, после окончания школы

уехал по гранту продолжать образование в Германию. Г.Л., тем временем подала документы на ПМЖ в Германию, думая воссоединиться с сыном. Тот с блеском закончил университет и по гранту выехал на продолжение образования в США. Там он стал PhD по психологии менеджмента, а потом возглавил какой-то департамент крупной американской фирмы в Австралии. Г.Л. к тому времени уже перебралась в Берлин. Однако вскоре эта фирма вышла на рынки СНГ, и сына Г.Л., как знающего русский, чуть ли не единственного менеджера фирмы перевели в Питер, где он возглавил офис по России и Украине.

71. Турок в Берлине живет больше, чем в столице Турции Анкаре. Почти все фаст-фуды с турецкой кухней. Каждые выходные все газоны во всех парках и скверах заполняются многочисленными семьями с мангалами и аналогами шашлычниц. Чад и дым — коромыслом. Дети гоняют мяч. Собаки лают.

Теперь это часть современного Берлина.

72. Ляховицкая получила квартиру в центре Берлина. Освоилась быстро, вошла в культурную жизнь Берлина. Как она сама сказала мне — «нашла свой город» и «дом души». Даже ее тяжелая форма астмы прошла. Когда я был в Германии и мы с нею гуляли по Берлину, она производила впечатление щуки, пущенной в воду. Она показала мне места, о которых, как оказалось, не знают даже некоторые берлинцы. Например, комнату молчания в одной из сторон Бранденбургских ворот. А еще — холм, насыпанный жителями Западного Берлина из развалин разбомбленных домов. И на этом холме была оборудована смотровая площадка, с которой хорошо видно — как на ладошке — вся восточная часть города. Большинство нынешних берлинцев даже не догадываются о происхождении этого холма.

Не было дня, чтобы я не слышал русского мата в метро и электричках. Причем — от молодежи, преимущественно — девушек. Это переселенцы-фольксдойчи из России и особенно — Казахстана.

73. Обрато с германо-российского форума мы с Кривулиным улетали из того же, еще гэдээровского «Шенефельда». Объявляют посадку на Барселону — идет огромная толпа, веселых, ярко одетых людей — чрез трубу на посадку. Объявляют посадку на Гамбург — опять идет толпа на огромный Боинг. То же — на Москву. Объявляют посадку на Санкт-Петербург. Нас оказывается всего 15 человек. Мы бредем в свой модернизированный ТУ-134 — по полю. Садимся и летим в свое «Пулково». Острое ощущение чего-то аналогичного полету из Красноярска в столицу Эвенкийского национального округа поселок Туру. Я впервые остро ощутил, именно ощутил, а не понял, что я лечу на окраину, Богом забытую обочину мировой цивилизации. Причем — обочину зыбучую, погружающуюся в какую-то трясины.

74. В 2003–2004 нас с Андреем Фатхулиным привлекли к программе Экспертного института РСПП. На деньги, выделенные ЕБРР, Пермская областная администрация должны была повысить эффективность своей работы. Мы отвечали за разработку и консультирование внедрения методики оценки работы пресс-службы и за проект PR-продвижения всей программы. В Пермь приходилось летать не реже каждого квартала.

В первый наш приезд Андрею не спалось и он вышел из гостиницы. Его тут же ограбили — отобрали мобильник. Он кинулся в милицию, но вовремя понял, что оттуда надо побыстрее уносить ноги. Зашел в бистро и там его пожалели проститутки, а бандерша — молодая деваха — даже организовала поиск грабителей. Заодно организовала ему экскурсию по ночной Перми. Мобильник не вернули. Но и Андрей времени даром не потерял, проведя, фактически, фокус-группу на тему отношения к пермскому руководству различных слоев населения. Срез получился представительным и результат — любопытным. Всем — и милиции, и проституткам, и сутенерам, и бандитам, и продавщицам — всем очень нравился губернатор Трутнев. Причем у всех было одно объяснение: он дает жить и работать. Утром мы то же самое услышали от бизнесменов, журналистов и работников культуры.

Трутнев — из комсомольцев по спорту. Потом НТТМ, кооператив, контролировал рынки. С первого тура стал мэром Перми, а на следующем сроке — в первом же туре — губернатором. В госсовете возглавлял комиссию по промышленной политике. К концу нашей программы его взяли в Москву министром природопользования. Мы смеялись — нашего пиара рук дело.

75. Одним из проектов программы была выработка пермского мифа, поиск идеи Перми. Много было смешного.

Но все затмила одна наша с Андреем импровизация. Самолет ранним рейсом подлетал к Перми. В окно хорошо была видна Кама — широкая и петлявая. Я говорю Андрею: «Вот и пермская идея — Кама с утра». «Ну да, — говорит, — а к вечеру Спермь великая».

76. Один раз в Перми нас разместили в гостинице, что напротив зоопарка. И Андрею не давали спать чьи-то отчаянные крики, похожие на львиный рык. Решили посмотреть — кто там такой несчастный. Пошли в зоопарк. Оказалось — очень приличный зоопарк, ничем не хуже питерского. Но лев молчал. Мы его пожалели и уже пошли к выходу, как раздался тот же крик. Мы пошли на него. Оказалось — фазан. Местный служащий подтвердил, что это именно эта птичка не дает спать всей округе.

На клетке была меланхоличная надпись, гласившая: «Фазан не отличается верностью. Как только самка откладывает яйца, он оставля-

ет ее. И все начинается сначала». Последняя фраза добила нас. Мы ее долго вспоминали.

77. В пермском аэропорту нас обычно встречал Юра — шофер офиса экспертного института. Как оказалось, он был (да и остался) бригадиром местных бомбил — водителей, подрабатывающих на пассажирах. Короче — смотрящий. В большом авторитете.

Я ему рассказал о своей студентке, работавшей раньше промоутером — девочкой на презентациях продуктов в продовольственных магазинах, а теперь ставшей супервайзером над семью промоутерами. Supervisor — смотрящий. Юра долго смеялся и потом часто вспоминал, что он реальный супервайзер.

78. Сербь, подобно русским, — имперский этнос. Это мешает им жить. Поэтому они и потеряли Сербскую краину, влияние в Боснии, Косово, Черногорию, а в перспективе и Воеводину. Хорваты же быстро избавились от морока Великой Хорватии, осознали свое место в Европе и мире, успокоились и живут нормально.

Фантомные же боли имперского сознания жить спокойно не дают, заставляют обижаться на других, винить их в своих бедах, создавая жизнь во вражеском окружении и конфликта со всеми.

Или... Распад Югославии, как и распад Чехословакии — это дораспад Австро-Венгерской империи. А у хорватов нет единой кухни. Есть славонская, далматинская, истрийская. Значит, еще могут делиться дальше.

79. Хорватия — это голубое море, горы прямо у моря, голубое небо, ослепительное солнце и белые города. И больше ничего. А больше ничего и не надо. Страна А. Грина и Буратино. Будапешт после Далмации удивляет ненужностью имперской цивилизации.

80. Чем запал в душу Будапешт, так это купальнями. Это не бассейны, не бани, а именно — купальни. Это образ жизни. Что-то в них от древнеримских терм. Приходишь, платишь деньги примерно за два часа, а на выходе тебе отдают — в зависимости от того, сколько ты провел времени. Люди проводят там часы. Живут там. Всех возрастов. Тусуются по интересам. Лежат, стоят, играют в шахматы. Обсуждают политику, спорт, моду. Есть лечебные бассейны. С массажем, есть горячие, есть теплые, есть холодные. Мы отмокали в купальнях больше четырех часов. И уходить не хотелось.

81. Одна из главных достопримечательностей в центре Будапешта — пешеходный мост через Дунай. Из Пешта в Буду — прямо ко дворцу. И на одном из пролетов этого моста метровыми буквами белой краской: «Катя, я тебя люблю!».

«Дорога орлов», «стена троллей»... А просто посмотреть? Не интересно. Нужны бренды. Истории. «И с тех пор это озеро называется Иссык-куль, что в переводе означает: «Сердце красавицы склонно к измене». Массовая культура. Всемирная выставка ослов. Если бы норвеги знали о капитане Врунгеле, «Беда» которого застряла во фьорде в отлив! Они бы обязательно показали этот фьорд!

82. Швеция — лоси. Норвегия — тролли. Финляндия — мумитролли. Россия — ?

83. Почему в Норвегии нет троллей-бусов?

84. Красота Норвегии потрясает сразу и до мозга кости. Горы. Море. Фьорды. Водопады. Ледники. Тоннели. Викинги. Страна троллей... На второй день ловишь себя на дежа вю. Куда ни повернешь голову — открытка с нечеловеческой красотой... Севернее Бергена вырывает черешня, которую экспортируют в Европу и в... Россию.

Но не только. Вспоминаешь, почти все великие путешественники XX столетия — норвеги: Нансен, Амундсен, Хейердал.

Добывает знание, что у каждого гражданина Королевства Норвегия имеется именно счет для доходов от нефти. Это ископаемое — народное достояние.

И мечта норвега — дожидаться пенсии... Потому как она — ежемесячно более 2000 евро. Плюс бесплатный социал.

85. Местечко Хюллескюльт — вылетаешь из тоннеля и за поворотом сразу — явный перебор: фьорд, горы, море, водопад, Per Gyunt Gallery, Sherlock Holms Bar, Grand Hotel, туалет и — на добывание — паром «Фьорд-1». И все на пяточке, вот тут и сразу. Не повернуться.

86. Как по-русски называются жители Осло? Ословцы и оловки? Осляне? Ослочане!

87. В крепости Осло. Туристы — целая группа. Увешаны фотоаппаратами, видеокамерами. Низенькие, кругленькие, темненькие — явные латиносы. И один латинос спрашивает другого, картавая: «Ну, и что же ты тут видишь фотографировать?».

88. Нетания — израильский город на средиземноморском побережье. Указатель на одной из центральных улиц: Ussishkin str. Мордехай Уссышкин — один из выдающихся сионистских деятелей.

89. Главные впечатления от Израиля-Палестины после поездки (03-09.01.07):

На подлете. Рейс ночной. Летим над морем. За окном — тьма. И

вдруг на горизонте возникает и разрастается полоса света. Сначала подумали, что это восход солнца начинается. Но полоса разрасталась по всей линии горизонта, в ней стали выделяться яркие огоньки. Стало ясно, что это береговая линия, залитая огнями ночного Тель-Авива и прочего израильского побережья. Когда уже самолет начал снижение, вид из иллюминатора стал просто потрясающим: залитая золотыми огнями суша и черная тьма моря. И так эти ян и инь до самого горизонта. Даже ночная Москва из самолета не производит такого впечатления. Во-первых, нет этого насыщенного и четкого противостояния света и тьмы. А во-вторых, света меньше, и он пятнами. А тут — почти однородное светящееся золото. То же повторилось на вылете. Только это уже был полет из света в тьму.

Воздух и вода. У меня почти сразу прошла вся астма, а у Любы перестали болеть почки. Цветущие в январе алоэ, мимоза и прочие цветы. Апельсины-мандарины-свити-помело.

Рукотворность всей этой благодати, возникшей на неудобьях.

Разнообразие небольшой страны. Средиземное море в Яффо, Нетании. Долина Армагеддона. Горы Галилеи. Галилейское море (Генисаретское озеро). Долина Иордана. Иудейская пустыня (горы и ущелья). Мертвое море и его долина. Иерусалим. Расстояния — в часах и минутах. Но это все совсем разные климатические зоны с колоссальными различиями в температуре, солнце, влажности — даже в течение дня. А главное — в ландшафтах, каждый из которых не просто красив — космически эпичен.

Библейскость. Возможность ходить по старому Иерусалиму. Подняться на Храмовую гору, потом, перейдя Геенну, подняться на Масличную гору, а потом еще и на Сионскую — и все за 4 часа.

Перемешанность мировых религий и культур. Перемешанность в пространстве и во времени. Храмы греко-православные, РПЦ и зарубежной русской православной церкви, коптские... Бенедиктинские и францисканские — по особенному простые, и гуманные, даже радостные... И все рядом, в одном городе, на одной улице. Храмовая гора с эпохой на эпоху и религией на религии. Стены из камня разных эпох. Стены храмов одной религии из камней храмов другой. Шесть христианских конфессий в храме Гроба Господня, который отпирает и закрывает мусульманин из той семьи, которой это было поручено еще Саладином 800 лет назад. Тот принял это мудрое решение, справедливо предвидя, что иначе греки, католики, копты, ассирийцы и прочие передерутся из-за прав на святыню.

При этом полное торжество маскульта с его ориентацией на удовлетворение любых потребностей. До язычества. Люди со своими проблемами, болячками, заботами, стремящиеся дотронуться, освятить только что купленные сувениры, обереги... Магазины этих артефактов со стеллажами для католиков, православных, протестантов и проч. Торговцы в этих лавках, говорящие на всех языках, знающие от каких

болезней и порч помогает тот или иной амулет и объясняющие, как с ним обращаться. «Крестильный комплекс» с продажей крестильных сорочек, оборудованный кибуцем в верховьях Иордана, потому как историческое место на территории Иордании.

Безоговорочная в этой ситуации роль и необходимость имперской власти — надэтнической и внеконфессиональной.

90. Сущность еврейства, объединяющая ашкенази и сефардов, ортодоксов, светских и явный советско-постсоветский совок, это гипертрофированная гиперрациональность, доходящая до рационалистического идеализма, если не мистицизма. Все должно быть так, как написано в книжке. Это не только талмудизм и каббализм. Это и объяснение активного участия евреев во всех революциях — мир должен быть устроен по книжке. Миссия умного еврея — учиться, знать Тору. Работать — дело жены и других, а его дело — знать Тору и учиться еще большему знанию. Это и кошрут. Как написано — не варить мясо козленка в молоке матери его. Разделение мясной и молочной пищи. Но при этом — совмещение молочной пищи с рыбной! Или — то, что из воды должно быть с чешуей, а потому — запрет на моллюсков, лобстеров, крабов, прочие морепродукты. Книжная нация.

91. Споры в Кнессете — кого считать евреем. Если «по Хмельницкому» (когда потребовалось специальное решение раввина на счет детей обезбещенных казаками девушек), то по матери. Если «по Гитлеру», для которого было достаточно наличие еврейской крови в третьем поколении, то по бабушке или дедушке. А если «по соседям», которые могут считать жидом любого, то проблема размывается.

92. Полубредовая, утопическая идея Герцля и Вейцмана, сионизм как таковой не были приняты ортодоксами иудаизма, и до сих пор не принимаются. Еврейская эмиграция со всего мира стремилась в США и Канаду. В Палестину заезжали считанные тысячи. Да и идея-то была: заселить Палестину бедными евреями из Восточной Европы на деньги богатых евреев Европы Западной, а потом и Америки. Идея колониалистическая и реализовывшаяся за счет романтического энтузиазма восточноевропейской еврейской бедноты, осваивавшей выкупаемые на деньги Ротшильда болота и пустоши. Решающая роль Холокоста, когда в Европе из 7,5 млн евреев погибли 6 млн. В одной Польше — 3 млн. И послевоенные толпы евреев в лагерях перемещенных лиц, которых отказывались принимать. Получалась одна дорога — в Палестину. И создавать свое государство. Сами собой отпали обсуждавшиеся Уганда, Австралия, Аргентина. Кроме того, Холокост создал ситуацию вины перед евреями, которую надо было как-то искупать. Слишком очевидны были такие факты как противодействие иммигра-

ции, отказ от бомбардировок инфраструктур лагерей уничтожения, от поддержки варшавского восстания.

И поддержка Сталина, которому в создании еврейского государства именно в Палестине привиделась контриграпротив Британии и США в борьбе за сферы влияния на нефтеносном Ближнем Востоке. Да еще под идеологически-пропагандистским прикрытием освободительной борьбы с британским империализмом и колониализмом.

Если бы не Холокост и поддержка Сталина, решение ГА ООН 1947 года не состоялось бы никак.

93. Создание Израиля — одна из трех успешных попыток создания нации. Именно как проектов. Но принципиальное отличие Израиля от США и Сингапура в этничности. Там не было этничности, там она преодолевалась. Особенно явно и сознательно — в Сингапуре, где из конфуцианцев-китайцев и мусульман малайцев, а также индуистов и христиан была создана единая нация — на основе государственного английского языка и сознательно надэтнической политикой в экономике, образовании, формировании административных органов. В Израиле во главе угла этничность. Это попытка создания имперского государства, но на этнической основе, что весьма проблематично.

Отсюда и все проблемы — как бывшие, так и будущие. А они будут. Ситуация меняется на глазах. Раньше шапкозакидательство, отсутствие единства, клановая разобщенность были присущи арабам, которые просто не верили в возможность такой несправедливости, когда при их более чем двукратном превосходстве в численности, полном контроле над городами и при полной поддержке окружающих стран, могли превзойти на земле, которой они владели полтора тысячелетия. Потому они и проиграли три войны. Теперь все наоборот. Разброд и шатания в Израиле на фоне единства с харизматическими лидерами у мусульман.

Неудача с Хезболлой очень показательна. Надежда на последствия шока неудачи, на способность делать правильные выводы. Раньше потрясаясь свезло. Начинаются исторические будни.

XVII. Дивья (Мишуково)

Мишуково — деревенька в 50 км к северу от Тихвина, неподалеку от Шугозера. В 1989 году мы там поставили дом. Место выбрал Эмиль Филиппов. Мы с Ариной приехали и одобрили место. Место действительно красивое: на берегу Шуйги, в пятнадцати минутах ходьбы от того места, где она вытекает из Большого Шугозера, на высоком берегу, где Шуйга, сначала раздваиваясь на два рукава, а потом, опять сходясь, образует живописнейшую пойму. Метрах в трехстах от деревни она впадает в Пашу, а неподалеку — еще один приток Паши — Пить, за которой начинается основной грибной лес. Деревня в пяти минутах ходьбы лесом от трассы Тихвин-Шугозеро — добираться довольно хорошо.

1. Когда представилась возможность издать сборник философической публицистики, и я собрал в кучку публиковавшиеся в «Часе Пик» и другой периодике тексты, то редактор Саша Ласкин возликовал: «Это же целостная книга! Тут прослеживаются сюжеты! Не хватает только конца. Пишите конец!» Я долго противился, ленился. А потом посмотрел — начинается все с текста о том, как я лечу из Хабаровска домой в Питер и какое испытываю при этом отчуждение от гран патри. И я решил как бы продолжить путь, закончить сборник описанием поездки из Питера в Мишуково. Все читатели отмечают, почему-то именно этот фрагмент. Он заканчивается абзацем:

«От Питера до Тихвина, и дальше — к Шугозеру. Почти 6 часов автобусом, слава Богу, в одном часовом поясе. И 5 минут лесной дороги. Мишуково. Имя, которого нет на карте гран-патри. 10 домов. И один из них свой. 7 соток доли-мойры. Баба Маша, Григорий Александрович, Андрей Федотович, Галина Дмитриевна, Антонина Семеновна, Георгий Григорьевич... Имена, отчества. Не люди-функции, не люди-должности, не люди-от-имени. Имеешь дело со всем человеком, целиком, со всеми его обстоятельствами, заморочками, тонкостями. Потом в городе трудно отвыкать. Странность культуры культуры по радио и ТВ. И песни, которые пишет сын, приезжая сюда. Получившиеся именно здесь, на этой земле. Как и 30 мешков картошки, взятых из этой земли. Ответственность. Не от имени. Наоборот — имя вменяемо, как знак свободы. Бытие коренится в сердце души. И в глубинах бытия нет зла».

2. Миле огромное спасибо за Мишуково. Он очень возился с этим домом. Очень помогало, что его в Шугозере знала каждая собака. Хо-

дить с ним по Шугозеру — значило останавливаться через каждого встречного для подробного уважительного разговора. Последний раз он был у нас в год смерти. Был какой-то не от мира сего, в ауте. Ходил, смотрел, отвечал, но сам ни о чем не спрашивал и был уже не здесь.

3. Шугозеро находится в самом начале Вепской возвышенности. Дальше начинаются холмы, сопки и верховые болота с истоками Паши, Капши и других рек. А дальше в лесах живут вепсы — та самая «чудь белоглазая».

Я помню еще то время, когда Шугозеро было райцентром Капшинского района Ленинградской области. Потом Тихвинский район укрупнили, и Капшинского района не стало. После этого Шугозерским сельсоветом, а потом волостью долгое время и бессменно руководит Лейкин — старый знакомец Филиппова. Один из успешных местных бизнесменов — Чекман. Его жена — один из ведущих чиновников администрации. Директор Шугозерской школы Р. П. Чеканюк — тоже не простой человек. Я уже не говорю о врачах и агрономах.

В период «парада суверенитетов» в России, я шутил, что ежели чего не так будет, то можно взорвать мост через Пашу и объявить Шугозеро столицей ВЕДР — Вепско-Еврейской Демократической республики.

4. Строительством дома в Мишуково, закупкой материалов занимался Эмиль. Я даже на него доверенность оформил. Но и у него не было возможности проверять все действия строителей. Это теперь я уже знаю, на что надо обращать особое внимание при строительстве. При приемке уже будет поздно. А тогда во многом доверились строителям. В результате получилось не очень с планировкой, верандой, печкой. Хозяйство вести — не мудрость трясти — как любил говорить Филиппов.

С помощью Виктора Николаевича, мы дом перестроили: сделали еще две веранды (закрытую и открытую), перенесли крыльцо, покрыли крышу шифером, и дом мне стал нравиться все больше.

5. Сруб нам делал кооператор Карпов. Через две недели, после того, как мы оплатили ему сруб, цены на лес и пиломатериалы скакнули вдвое. Долго потом, когда мы встречались с Карповым в Шугозере, он кривил рот и ворчал: «Успел...».

6. Поля вокруг — и не малые — совхоз всегда засеивал рожью, овсом. Или засаживали «гибридом» турнепса с чем-то — на корм скоту. В начале 90-х все поля поделили на участки под картошку, морковь и прочее — для местных. По первоначально на всех полях что-то росло, люди копошились. С середины 90-х практически все участки были заброшены и заросли. А чего стараться — купить легче. Трактор, навоз, транспорт — все безумно вздорожало.

7. Дом мы поставили в 1989-1990 годах. Время было смурное, дефицит всего и вся, отчетливо проглядывала перспектива голода. И мы взяли еще 12 соток под картошку. Вместе с Филипповым. В конце лета 1990-го я сел и подсчитал — получалось, что собранная наша доля картошки окупилась все расходы того лета по Мишукову. На второй год мы вышли в ноль. На третий год мы уже отказались от этих 12-ти соток — затраты себя не оправдывали. Да еще хранение, доставка... И на огороде мы все более минимизируем посадки. Сажаем только то, что можно съесть летом за время пребывания в деревне.

С годами дети подросли, в деревне им скучно. А нам плотно обособиваться — рано. Им не нужно уже, а нам — еще. Но все равно, хоть на пару недель, но выбираемся летом.

8. Одним летом наши соседи по Мишуково — Викторины — прихватились выращивать перцы. Соорудили специальную теплицу. Целое лето маялись с поливом. Собрали два с небольшим ведра.

В конце лета Володя ехал в Питер, и в Синявино продавали перец по два рубля ведро. Первым делом, что он сделал, вернувшись в Мишуково, — сломал парник.

9. От Володи Викторина услышал «восхитительную» историю. Его приятель работает в службе, которая ремонтирует провода, по которым бегают в Питере троллейбусы. Такие машины с выдвигаемыми вышками. И каждый год у них несколько похорон — вышки складываются и ремонтник, находящийся на верхней площадке, — гибнет. И на каждом похоронах один и тот же разговор: «Леха-то ни за што погиб. Опять поленился вставить страховочный палец. Вот вышка и сложилась. Да и я никогда не ставлю палец...».

10. Первые годы добираться в Мишуково и обратно было очень легко. Два раза в день — утром и вечером — ходили автобусы Питер-Шугозеро и обратно. Да и до Тихвина было много рейсов. Чем дальше шла «экономическая реформа», тем меньше становилось рейсов, и дорожки становились билеты. В какой-то момент число рейсов сократилось. Питерский остался только один: вечером из Питера и утром — обратно. Его обеспечивало тихвинское автопредприятие. А билеты все дорожали и дорожали.

Где-то в 2000 году с печки свалились питерцы — по той же схеме пустили еще свой рейс. Раньше, быстрее и дешевле. Решили работать с оборота. Началась конкуренция. Тихвинцы были вынуждены цены снизить до питерских. Мы радовались плодам рыночной конкуренции только полтора года.

Однажды я вышел с детьми к питерскому рейсу, но мы его не дождалась. Водитель проходившего автобуса на Тихвин пояснил нам, что его и не будет, потому как ночью в Шугозере у автобуса побили все

стекла. Мы были вынуждены добираться до Тихвина, а потом — поездом. То, что это было не просто хулиганство, доказывают два обстоятельства. Во-первых, виновных так и не нашли, а во-вторых, питерские рейсы были отменены. Остались только по выходным. Конкуренция по-русски.

В результате теперь прямые автобусы не ходят. Добираться надо через Тихвин. Теперь невозможно посадить ребенка в Питере и отправить его в Мишуково, где бы его встретили. Или наоборот.

11. Мишуково стоит всего в пяти минутах ходьбы от шоссе через небольшой лесок. Как-то нам понадобился песок, и я перехватил самосвал, возивший песок с карьера на заброшенном аэродроме. Водила был из местных, но долго не мог понять, что за Мишуково такое, и где оно находится.

Когда мы начинали, в деревне было всего 8 домов, и только в четырех из них люди жили круглый год.

12. Мишуково стоит на петле, фактически — старице, реки Шуйги. Напротив деревни небольшой остров, который весной затопляет полностью.

Первые годы летом к Еличевым приезжал из Кандалакши их внук Андрей, который раннее детство провел в Мишуково и знал здесь все тропочки. Он любил играть с нашим Степой. Рассказывал ему истории про кабанов, волков. Как-то они переплыли на остров, но Андрея позвала бабушка — что-то срочно сделать. Он переправился на лодке и задержался. И мы услышали крик своего пятилетнего Степана: «Караул! Спасите! Кабаны! Я один, совсем один!». Было это прямо напротив нашего дома. Пришлось «спасать». Долго мы потом подсмеивались над «кабанами» и «один, совсем один» с видом на маму.

13. Когда родился Степа, мы снимали дачу: сначала в Оредеже, а потом в Рошино. Маша же до школы и первые классы лето проводила только в Мишуково. И каждое лето мы отмечали ее рост и Степы — по приезду и по отъезду в город.

Местные все вспоминают, как она спала в коляске под огромной березой, которую Крутицкие потом спилили, и как я ее носил под мышкой — только головка и ножки болтались. А ей это очень нравилось.

14. Дети проявляют повышенное внимание к чужим глазам. Они их почти сразу же после рождения выделяют из окружающего мира. Взгляд ребенка блуждает, блуждает, совершенно бессмысленный. И вдруг — натывается на чьи-то глаза, и враз сосредоточиваются, явно озадаченные.

Собаки не выдерживают прямого человеческого взгляда. Зеркало души... Взгляд трансцендентного...

Вот и Манька с детства и до сих пор тянется к чужому лицу, особенно — к глазам, так и норовит пальчиком...

В ее первое лето Люба с нею на руках проходила через марлевый полог в двери и не уследила — та и ткнула ей пальчиком в глаз. Получился бандитский прием. Люба месяц или больше в тихвинской больнице пролежала, долго вязать, читать не могла. Пришлось аспирантуру бросить. И сейчас иногда глаза от напряжения или давления болят.

15. Первое время Ольга Михайловна избегала поездок в Мишуково. Наконец сложилась ситуация, что только она могла поехать на начало лета со Степаном. Собиралась она — как в ссылку, как, наверное, Меньшиков в Березов.

Я их отвез в деревню, уехал и в следующий раз смог выбраться в Мишуково только через пару недель. На остановке меня встречали две странные фигуры, напоминающие то ли пленных немцев, то ли французов во время бегства из России. С трудом распознал я сына и тещу. Он — в жару — в штанах и колготках, рубашке и свитере, шапке с завязанными ушами. Она была в наглухо застегнутом плаще, двух платках и черных очках. Когда мы шли по деревне, я заметил, что местные с большим интересом смотрели почему-то на меня, на мою реакцию — мол, кого это ты сюда привез.

Оказалось — комары. Это они так спасались от комаров. Все окна были — в жару же — закрыты наглухо. И, конечно же, в доме зудели комары. Первым делом, несмотря на отчаянные протесты тещи, распахнул окна. Она смотрела на меня как на убийцу, но комары пропали. Потом раздел распаренного, перепотелого сына и в трусиках и в маечке повел гулять и купаться — комары оставили его в покое.

16. К деревенской жизни Ольга Михайловна привыкала несколько лет. Первые годы, действительно были испытанием для нее — городжанки, почти напрочь утратившей навыки деревенского быта, огородных работ. Местные жители просто пугали ее — видом, речью, поведением. Зато теперь Мишуково ей нравится — лучше места не сыскать, воздух свежий, огурцы и прочие свои овощи самые вкусные. Да и от местных уже не шарахается.

Мишуковские хозяйки приносят О.М. «подарки»: огурцы, кабачки, зелень всякую. Она всегда этому радуется, но, по-моему, сути дела не понимает. Это же извечный деревенский обычай — делиться урожаем.

Одно лето мы не смогли сделать в конце весны посадки, и она начала сезон практически «одна на ферме». Надо было видеть, как она ухаживала за несколькими кустиками картошки и взошедшей парой огурцов!

17. В Мишукове всего 12,5 домов, только в пяти хозяева живут круглый год. Но каждая семья достойна своей «Саги о Форсайтах».

Чего стоит одна многочисленная семья Крутицких. Когда мы поставили свой дом, у них постоянно жили дед Григорий Александрович с сестрами Людмилой (баба Люся) и Антониной (баба Тоня). На лето к ним приезжали старшая дочь деда Григория Надя с мужем Юрой и двумя сыновьями — Сергеем и Андреем; младшая дочь Люся с мужем Костей и сыном Гришей; дочь бабы Тони Нина с мужем Олегом из Соснового Бора с дочками Леной, Наташей и внучкой Маргаритой; дочь бабы Люси Вера с мужем Николаем и дочками Машей и Олей; сын бабы Люси Саша долго сидел, а потом поселился в Шуйге, но постоянно крутился у мамы — то деньги, то поесть. Были и еще какие-то родственники.

Вскоре Надя с Юрой поставили рядом свой дом. Сами жили в нем по выходным, а потом к ним присоединился и сын, женившийся после армии со своей женой и ребенком.

К этому еще надо добавить, что Нинин муж Олег — сын бывшего мужа Антонины Семеновны Порецкой — еще одной постоянной жительницы Мишукова.

18. На самом высоком месте в Мишуково стоит дом Румянцевых. Постоянно там не жил никто, но летом там все ходуном ходило, а люди менялись в калейдоскопической манере:

То приезжал Николай Степанович с собакой Мальчиком, то Валентин Степанович с собачкой Катькой, то — Галина Степановна со своими очень и очень дородными дочками, одна из которых пела и готовилась выйти замуж за итальянца — на много старше ее и которого она непонятно где раскопала. Довершали картину две сестры-близняшки — Нина Степановна и Людмила Степановна. Я их постоянно путал, знал только, что одна из них «психическая», а вторая — злая. Решил, что та, что отвечает улыбкой на приветствие — «не злая». Верховодила всеми баба Шура, ихняя всехняя мать. Всехнего отца, очень плодovitого Степана уже давно не было в живых.

Начались наши отношения с Румянцевыми со скандала, который устроила их баба Шура и ее дочь Галина Степановна Чубарь, которая терпеть ненавидела Эмиля с Лидой еще по Шугозеру. Теперь она жила в Питере, те в Тихвине, но неприязнь осталась. Она сразу их заподозрила, что они имеют виды на их самозанятые поля под картошкой. И вообще не понравилось, что нам отвели землю рядом с тропой, по которой они ходили к реке.

Дошло до того, что дочь Галины Степановны перед выходом замуж за итальянца сама поставила вдоль по этой тропе забор — чтобы мы, не дай Бог, не оттапали тропу себе.

Но жизнь взяла свое. В течение пяти лет ушли Эмиль, баба Шура, Чубарь, ее два брата Иван Степанович и Николай Степанович, сестра Нина Степановна. Земли хватило всем.

Но дом летом продолжал ходить ходуном и сотрясать округу гром-

кой музыкой, преимущественно блатным «русским шансоном». Наезжали уже люди, которых деревенские не всегда знали, а то и вовсе — молодняк с девочками — оттянуться.

Одним летом приехали даже итальянцы. Дочка Чубарь привезла мужа с его родственником, которому сосватала свою младшую сестру. Итальянцы охали, ахали при виде деревенских красот, но очень скоро сбежали от комаров и прочего непростоного быта.

19. На самом въезде в деревню стоит двухэтажный дом бабы Шуры. У нее уже много лет живет семья питерских дачников. Уже отец умер, его старенький «Москвич» врос в землю, а его сын и жена продолжают приезжать. Летом у бабы Шуры живет внучка Женя. Мы еще застали пару лет, когда Женю привозили бабы шурина дочка с мужем на «Volvo». Однажды отец посадил дочку в машину и поехал в Шугозеро. Заправился, а, выезжая на шоссе, въехал прямо под самосвал КАМАЗ, груженный углем. Самосвал завалился, Volvo — всмятку, отец погиб на месте, а Женю доставали ломом из того, что осталось от машины. Она была в коме, мозг был поврежден, тазобедренный сустав раскурочен. Врачи не верили, но она выжила. Стала инвалидом. Мать озлобилась. Бабка тоже. Через год мать вышла замуж, родила ребенка и сплавляет старшую дочь при первой же возможности. Общение в семье идет только матом.

У Женьки сохранился веселый нрав, она певунья, иногда пытается танцевать. В деревне ее шпыняют, но Маша любит с нею играть. Летом каждый день Женька ковыляет на шоссе к каждому автобусу — встречать мать. Но та не едет.

20. 0,5 дома это долгострой Виктора Николаевича из Тихвина, живущего в соседнем доме с Лидой. У него уже есть дача под Тихвином. Дом в Мишуково он затеял для своих дочерей, которые нашли работу и повыходили замуж в Питере. Тогда он решил строить дом уже для себя — как раз на тихвинском Трансмаше началась безработица. Потом кризис кончился, но ему уже жалко было бросать начатое. А строит он ладно. Не спеша, но очень старательно. За это время, в качестве приработка, он еще пристроил нам веранду и новое крыльцо, покрыл дом шифером, выкопал колодец Викторовым.

21. Первым человеком, с которым мы познакомились в Мишукове, была Мария Максимовна — баба Маша, очень подвижная сухонья женщина с удивительно голубыми глазами. В ее поведении, манере говорить очень остро чувствовалось местное: вепско-чудь-белоглазовское. Ее муж Виктор Петрович Еличев — фигура была не менее колоритная. Дети от одного его вида пугались и разбегались прятаться по домам. Всклокоченный с жутковатым лицом, скрюченной фигурой, руками ниже колен, громкой и нечленораздельной речью. Однако человек

он был добродушный, хотя и глубоко пьющий, страдал астмой — жил только на теофедрине. Еще в войну у него обнаружили какие-то экстрасенсорные способности, несколько лет к нему наезжали, уговаривали участвовать в каких-то экспериментах, но он их всех послал сразу и далеко.

22. Бабу Машу в деревне недолюбливали, считали «сорокой» за любопытство и готовность жаловаться начальству. У нас же как-то сразу сложились с нею особые отношения. В первую зиму мы под ее охрану оставили лес и вагонку. Да и потом оставляли ей на зиму ключ от дома. Она иногда ночевала там, пользовалась нашей электроплиткой и посудой, но зато и дом был под присмотром.

И еще одно нас приятно удивило. В одно из первых лет сын бабы Маши Генька занял у нас немного денег — еще в начале сезона. Мы с самого начала не очень-то рассчитывали на отдачу. Уезжали мы в тот раз из Шугозера, с ночевкой у Романовых. С вечера распрощались со всеми в Мишукове и уехали в Шугозеро. Утром загрузились в автобус и отправились в Питер. На Рашкином повороте автобус остановился, и в него вошла баба Маша — отдать нам эти деньги. Оказывается, она только после нашего отъезда узнала о невозвращенном долге и утром выбежала к автобусу.

23. От бабы Маши я впервые услышал замечательное местное слово «дивья». (Люба говорит, что она слышала его в Котласе). В литературном русском аналога нет. Это и «хорошо», и «красиво», и «добротно», и много чего еще. Погода, платье, еда, настроение, дом, образ жизни — все это и много чего еще может быть «дивья». Уже в постперестроечное время в Тихвине стала выходить газета с таким названием.

24. В одну зиму Марья Максимовна упала в погреб. Думала, что ушибла ребра, а потом стало резко хуже. Слегла. Говорить перестала, есть. Вызвали скорую из Шугозера. Там в больнице и главврач, и по скорой ездит 80-летний Аранзон. Тот приехал, посмотрел: «Это не моя болезнь». И уехал. Лаптева накрутила Геньку. Тот с матюгами потребовал госпитализации. Увезли в шугозерскую больничку. Там она несколько дней пролежала и вообще помирать стала. Приехавшая из Кандалакши дочка с матюгами потребовала увезти в Тихвин. Увезли. И там поставили диагноз — мощная гематома в мозгу. До Тихвина никто даже не обратил внимание, что она не мочится. Мочевой пузырь у нее за эти дни чуть не лопнул. Откачали. Только с матюгами.

25. Сын Еличевых Генька работал гидрологом — должен был ежедневно сообщать данные о водном режиме окрестных рек. По этому поводу у Еличевых был единственный в деревне телефон. Наличие этого телефона также сыграло свою роль в выборе нами именно Мишукова.

Генька — человек запойный — часто не выходил из дому неделями. Однажды я наблюдал сцену. Генька из глубокого запоя выполз на крыльцо погреться. Рядом с ним сидела его гражданская жена Надя, тоже человек вдумчиво пьющий и за пьянку уволенная из тех же гидрологов. На крыльцо вышла баба Маша:

— Генька! Опять звонят, спрашивают данные! Говорят, что ты уже который день не звонишь...

— А пошли они на хуй!

Некоторое время длилась легкая перебранка сына с матерью. Наконец вмешалась Надя:

— Генька, скажи им «четыре».

Генька уполз в дом. Через некоторое время опять появился в дверях.

— Ну что, позвонил?

— Позвонил.

— Сказал «четыре»?

— Сказал, чтоб отъебались.

Сколько таких «гидрологов» по стране, не слезая с печки говорящих «четыре»? И их «данные» обобщаются, систематизируются. На них опираются исследователи. На их основе составляются солидные атласы, делаются прогнозы.

26. Пока был жив отец, Генька постоянно собачился с ним. Дело доходило до драк. Однажды оба схватились за ружья, и в деревне была перестрелка отца с сыном. Баба Маша в такие ночи отсиживалась у соседей, ночевала и у нас. Генька ломился в дом. Надо было выходить, говорить, что матери у нас нет, успокаивать, отправлять к себе.

27. Домом Генька почти не занимался. Даже когда старая баня сгнила полностью, новую он мог поставить почти десять лет. Огород, ежегодный бычок или поросенок были на бабе Маше. Как-то она серьезно заболела, дочь увезла ее к себе в Кандалакшу, так вся деревня кормила их зверей. Оголодавшие и облезлые коты с утра караулили у крыльца. Собака Лапа стала бегать в Поречье таскать кур. Бедного поросенка кормила Порецкая.

Жил Генька не столько на зарплату «гидролога», сколько от рыбалки и охоты. В первые годы мы еще встречали в окрестностях Мишуково бобров, уток. Постепенно они исчезли. Генька, как и все местные «хозяева тайги», браконьерствовал отчаянно. У него неоднократно отбирали сети, у него их воровали такие же браконьеры, и он не представлял себе иного образа жизни.

28. Как у уважающего себя охотника, у Геньки всегда в доме была собака. Он предпочитал лаек — охотиться на белку. Когда мы поселились в Мишуково, у него было две собаки: Жулька и Буш. Серая Жуль-

ка была злющая и хитрющая собака, но хорошая охотница. Рыжий Буш был красавец, удивительно умный и добродушный пес. Он часто приходил к нам и дети любили играть с ним. Маленького Степу, до этого собак не боявшегося, какая-то собаченция до смерти напугала в Таврическом саду. И, наверное, только благодаря Бушу этот страх прошел. Даже бабушка, собак боявшаяся панически, любила, кормила и ласкала Буша.

Судьба этих, как и всех других еличевских «зверей» печальна. Первой исчезла Жулька. Генька и баба Маша говорили, что она сбежала, но все помнили, что Генька стал жаловаться на нее — мол, хуже стала охотиться. Потом дети обнаружили ее уже скелет, висевший на дереве в лесу. Хозяин пожалел на нее патрон. Буш продержался дольше. Видя всеобщую любовь к нему, Генька долго сдерживался. Но, приехав одним летом, мы узнали, что и Буш то ли «убежал», то ли «живет теперь в Шугозере у знакомых». Дети даже специально просились в Шугозеро — разыскать Буша.

Исчезали и кошки, которых так любила баба Маша. Одну из ее любимых кошек ребята обнаружили также в лесу — прибитой к дереву гвоздем в голову. Что это было — садизм, месть матери под пьяную руку? Но после этого Геньку мы стали побаиваться.

29. Геньку из гидрологов таки уволили. Попытались отобрать телефон, но по совету деревенских баба Маша успела перевести телефон на себя, и телефон у Еличевых остался. Правда, радости от этого особой не было, как и денег у Еличевых на его оплату. Единственным доходом у них после смерти деда Виктора оставалась пенсия бабы Маши, но пенсию платили не всегда, да и когда баба Маша стала болеть, дочь, живущая в Кандалакше, увозила ее к себе.

Генька же, когда был пьян, в дом никого не пускал и к телефону сам не подходил. Однажды у их соседа Лаптева случился микроинсульт, так он не дал его жене вызвать скорую. А когда та побежала в Поречье звонить от Шаповаловых, у которых телефон был заблокирован с еличевским, Генька снял трубку, и она позвонить не смогла. Пришлось просить Виктора Кудрявцева на его машине подвезти в Шуйгу. После этой истории Генька притих — произошла некоторая перемена отношения к нему в деревне. До него дошло, что палку он перегнул.

30. У Нади, генькиной предыдущей «жены», была дочка Саша, потреляющая, наверное, с раннего детства. В 14 лет она исчезла и надолго. Мать с Генькой ее даже с милицией стали искать. Объявилась в бригаде с Украинны, шабашившей на лесоповале. Сашу держал при себе бригадир, которого она объявила своим мужем. Он ей подарил кофточку и еще что-то — подарки, которых она в жизни не видела. Поэтому Саша заявила, что в школу ходить не будет, ей нравится с «мужем». Только, когда бригада уехала, девчонка вернулась домой.

Но и потом, каждое лето или сама сбежала в бригады, или за нею приезжали и увозили, невзирая на протесты матери.

31. Надя — сама запойная пьяница, но тихая — в Генькины запои уезжала в Шугозеро. Не успел они с Генькой разбежаться, как в доме Еличевых появилась новая жена — Ира. Да и Надя в какие-то недели вышла замуж. Через полтора года развелась и опять вышла замуж.

В городе люди годами страдают от одиночества, а тут — никаких проблем. Люди сходятся и расходятся очень быстро.

Ира, в отличие от Нади, не ленивица и хозяйство быстро потянула на себя. Тихая, вежливая. И пьет вместе с Генькой. Неделю-две пьют вусмерть. Потом проблюются и ходють под ручку в лес по ягоды. Или крыльцо красят.

32. Между нами и Еличевыми дом Лаптевых. Хотя они уже много лет живут в Мишуково безвылазно, местные упорно называют их «дачниками». Они питерцы. Жили в коммуналке. Зафрахтовались на Колыму. Он работал маркшейдером. Она — преподавала математику или физику в поселковой школе. Горбатились на Колыме долго — до самой пенсии. Копили денег на дом. Почему-то хотелось дом в Курске. Уже присматривали. Вышли на пенсию, и тут грянул 1991 год. Практически все сбережения сгорели. В их питерской комнате уже жила дочь с семьей. Сын со своей семьей жил в общежитии в Авиагородке. Жить негде. Денег нет.

Ее покойный к тому времени отец был заядлый охотник, и ему очень приглянулись шугозерские места. С большим трудом, как инвалид войны, он выпросил у местных властей разрешение поставить охотничью избушку. Ему отвели овраг, в который Еличевы сбрасывали мусор. Но деду много и не надо было.

И теперь получалось, что единственно, где они могли жить, была эта охотничья избушка. На счастье, Андрей Федотович оказался с руками: сам с Алтая, он умел и любил многое из деревенского житья. И они вцепились в землю. Из оврага сделали образцовый огород. Первые и лучшие огурцы, помидоры, кабачки, тыквы — у них. Развели живность. Сначала пробовали кроликов — хлопотно и себя не оправдало. То же — с курицами. Взяться за коз и козлят. И пошло. Молоко на продажу. Творог. Мясо. В результате они еще стали снабжать продуктами семьи детей. Внучки проводили все лето в Мишукове. Набралось и денег на квартиру, которая теперь пустует в Питере.

Встают они в деревне первые и ложатся последние. Каждую осень клянутся бросить свое хозяйство. Но не бросают. Он перенес уже несколько инсультов, но после каждого вставал, речь восстанавливалась. Ее, по сравнению с первыми годами в Мишуково (мы еще застали) — не узнать: посвежела лет на десяток. Воздух. Активный, упорядочивающий всю жизнь, труд. Здоровое питание, прежде всего — козье молоко.

33. Галина Дмитриевна рассказывала, что за всю их совместную жизнь Андрей Федотович ей ни разу не сказал: «Люблю». Она даже сколько просила: «Скажи — люблю!» — «Постоянно и неизменно!» — отвечает. Но «Люблю!» — ни в какую.

После шестого инсульта он, практически, потерял речь. Все понимает, а сказать — мычание. Как-то в конце зимы сидят они в избе. Она, по привычке: «Скажи — люблю!» Тот сосредоточился и выдал: «Люблю». Наконец-то!

34. У Лаптевых две внучки.

В семье сына — Катя. Выросла в общаге. Тусовщица. Но у нее в руках все горит. Все время в деле. К одиннадцати утра все сделано: посуда помыта, грядки прополоты, козы покормлены, полы намыты... «Бабушка. Я пойду гулять?» В середине дня появится, пообедает: «Бабушка, я пойду гулять? Можно до 11-ти?» И придет — как штык, ровно в 11-00. Потом стала отпрашиваться до 12-ти, до полпервого. И постоянно вокруг нее парни. Одним летом, как она появляется в Мишуково, так сразу возникают четыре парня из Шуйги и трое из Поречья. И так и ходят: их семеро и она одна. Прямо — собачья свадьба. У бабушки сердце, конечно, беспокойно. Пойдет, посмотрит, что делают. То со стороны леса зайдет, то берегом подойдет — сидят у костра. Тусуются. Учится плохо. Хочет стать стюардессой.

В семье дочери — Настя. Поспать, полежать. Делать что — только после напоминания. И дома то же. Но — компьютерно продвинута. Бабушке понадобились сведения о витаминах. Только пожаловалась — через 10 минут была распечатка.

35. К Лаптевым приезжали знакомые с внуком — малышом, еще дошкольником. Радости и восторгу были полные штаны. Лес! Река! Лодка! Козы! Через два дня заявил: «Все. Поехали домой». — «Почему? Тебе же понравилось?» — «Тут скучно. Компьютера нет».

36. Отношения в деревне, несмотря на разность характеров, судеб, доходов, переплетение интересов, с неизбежностью терпимые. Реальная практика толерантности. Хочешь — не хочешь, а с этими людьми надо жить и лучше по-доброму.

Как рассказывала Наталья Карпова, однажды она, живя в коммуналке, пригласила в гости знакомых итальянцев. Те долго не могли понять — кто это люди, которых они встречали в коридоре? Им объяснили, что это — соседи! Бедные итальянцы никак не могли взять в толк — почему тогда эти люди пользуются той же ванной, тем же туалетом, что и их гостеприимные хозяева? Они все допытывались и допытывались у Натальи: «Это родственники?» В какой-то момент та не выдержала: «Нет! Это больше чем родственники! Это соседи!» Итальянцы, так ничего и, не поняв, все-таки притихли, почувствовав,

что столкнулись с какими-то очень важными сторонами российского бытия.

37. В Мишуково существовал только один конфликт — отношения Еличевых и Лаптевых.

Образ жизни первых крайне раздражал вторых. Их можно было понять — хозяйство запущенное, быт — убогий, жить за счет того, что тобой не посажено и не выращено. И — лежать на печке, пить с утра до ночи и с ночи — опять до утра.

Но и у Геньки в голове не укладывалось — как это можно горбатиться от зари до зари и света белого не видеть? И все заводят коз, и все сажают и сажают. И все им мало.

Типичный конфликт культур, базовых ценностей и соответствующего образа жизни.

38. Зимой, когда Андрей Федотович свалился в шестом инсульте и лежал в тихвинской больнице, Галина Дмитриевна не могла раскопать дорогу к колодцу, который у дома Румянцевых на горке. Генька ходил за водой к тому же колодцу на лыжах. Но дорожку не делал. Г.Д. стала протаптывать тропинку и протоптала за несколько дней. Тогда Генька стал ходить по этой тропинке. Но все равно лопату в руки не взял.

39. Когда Надя ушла от Геньки, то ли он ее выгнал, и в доме Еличевых появилась Ира, она быстро прибрала к рукам хозяйство, да и Геньку. За два года, но он поставил баню. Стал копаться в огороде. Стал возиться с сыном ириной дочки. Привязался к «внуку». Гордиться стал хозяйством, водить, показывать. Они тоже пьют, но как-то спокойнее.

А у Лаптевых — беда. Сломался Андрей Федотович. К инсультам добавилась и аденома. Хозяйство они практически свернули. Но победа за ними. Генька почти подхватил знамя Андрея Федотовича. Крестьяне побеждают охотников. Не только в истории, но и в Шугозере.

40. В округе тоже страсти бушуют немалые, события творятся всяческие, быт и нравы, достойные внимания.

Когда Люба лежала с травмированным Машей глазом в тихвинской больнице, она там познакомилась с бабусей из Поречья, которая рассказала жутковатую историю. Ее дочь — жена художника Золотова из Поречья. Мы знали этот дом с резными наличниками на окраине деревни, фактически — на узком мысу, образуемом впадением Пити в Пашу.

Золотов жил там с молодой женой и дочкой. Мы иногда видели его с дочкой лет 13-и, когда они на лодочке плавали по петлявой Шуйге. Они как-то сразу обращали на себя внимание: он — довольно пожилой, хотя с виду и крепкий человек, и тихая девочка, еще не барышня, но и уже не подросток.

Его первая жена с уже взрослым сыном жили в Питере, и однажды сын, узнав, что по завещанию отец оставил и городскую квартиру и дом в Поречье своей младшей жене, приехал ночью с топором — убивать отца и его вторую семью. Когда отец открыл ему дверь и шагнул на крыльцо, сын ударил его топором. Тот закричал, оказал сопротивление. Жена с тогда маленькой дочкой успела выпрыгнуть в окно на другую сторону дома, убежала в Мишуково и позвонила в милицию и в скорую помощь. Золотов оказался тяжело раненым, а сын вышел лесом в Ганьково, где его милиция и прихватила.

41. Электропроводку в доме и подключал нас к сети местный электрик Гена Шаповалов из Поречья. Его дом стоит на берегу Паши недалеко от дома Золотова.

Сам Гена детдомовский, учился в ПТУ на печника. Его Жена из Бокситогорска, городская, сельской жизни не знала совсем, работала бухгалтером. И тут ему по наследству от бабушки достался этот дом в Поречье. Они бросили городскую работу и переселились в деревню. И в нем и главное - в ней проснулись рачительные толковые хозяева. Наладили в охотку отличное хозяйство и живут хорошо. И деток воспитали. И люди уважаемые в округе. А заодно и у жены прошли все городские болячки.

42. Раиса Петровна, любимая Милина председатель совета дружины, а теперь директор шугозерской школы вырастила двух сыновей. Старший Андрей очень похож на моего Сашу (к чему бы это?), только ростом повыше. Он рос очень правильным, еще в школе его будущее было определено — военное училище. И по окончании школы он поступил в гореловское военное училище, стал офицером ПВО. Его направили в Рыбинск, там он почти сразу женился и теперь делает военную карьеру. Младший на старшего уже не похож, чернявее, мельче и очень подвижный. Рос все больше специалистом по рыбалке и ракам. Одним летом гостил у нас, безуспешно пытаясь приобщить к этому Степана. После школы отслужил под Москвой, участвуя в подготовке иностранцев из стран, покупающих наше оружие и технику — показывал индусам, как русские воюют. На будущее у него тоже имеется план. Поступить во всеволожское училище, стать сборщиком, устроиться на работу и тут же поступить на экономический, чтобы делать на этом же производстве уже деловую карьеру. О службе рассказывал, что трудно было с молодыми офицерами, которые окончили училище сразу после школы: «Теорию-то они знают, но по жизни ничего не понимают. Неужели и мой брат такой?»

43. Как-то мы неожиданно встретили в Шугозеро Арину подружку Наташу Юркину. Оказалось, что она гостит у своего «старшего друга» художника Цветкова. Я немного слышал о нем от Арины. Знал, что он

намного старше Наташи, был женат, у него сын чуть младше Наташи. Он помогал Наталье пробиваться с выставками. Они давно уже жили вместе. Наташа хотела ребенка от него, но все как-то было вразрез с его планами.

Потом они заехали к нам в Мишуково. Мы с ним оказались почти одногодками. И он находился в самом пике бури и натиска профессионального самоутверждения. Я помог ему выйти на чиновников Комитета по культуре. Потом писал текст для Наташиной выставки. Название у меня получилось неожиданное «Русский Танатос». Еще более неожиданным было то, что им название понравилось, оказалось, что нечто похожее они обсуждали между собой.

Коля Цветков всего добивался своим горбом, своими руками и своим умом. И оказался удивительно удачлив. Выработал манеру, которая находила практический спрос — как в России, так и в Европе. Стал каждый год выезжать в Германию, где активно выставлялся, продавался и делал заказные работы. Вовремя получил и еще более вовремя приватизировал двухэтажную мастерскую на Васильевском острове с видом на залив.

И только после всего этого — женился на Наташе, и они родили очаровательную дочку Дашу. В Шугозере они почти не появлялись — в его семейном доме летом живет его сестра с мужем. А они с Наташей оборудовали дом с мастерской на лето в деревне под Новгородом, где живут ее родители.

44. Мне очень нравится цветковское понимание живописи. По его словам, надо не изображать что-то, а «делать картинку», заполняя определенным образом плоскость красками и рисунками.

Как-то я был на сезонной выставке в Союзе художников, где довольно активно были представлены Николай и Наташа. Мы стояли и разговаривали с ним. Подошел его знакомый художник, несолько старше его. «Коля, — спросил он, — как ты это делаешь?...» дальше пошел обмен репликами как между водопроводчиками — постороннему уху совершенно непонятный. Я понял только один фрагмент Колиного ответа: «Пожиже надо...».

45. На одной выставке в Москве Цветков узнал, что некая фирма меняет на картинки обувь. Он поехал по этому адресу. Там в коридоре стояла толпа художников со своими картинами. Молодые ребята и девчонки из этой фирмы, с очевидностью ничего не понимавшие в живописи, отбирали картинку и уводили их авторов куда-то. Повели и Колю. Привели к стеллажам с итальянской обувью и предложили выбрать себе две пары. Одну из них Коля потом подарил мне.

Потом в «Общей газете» я читал об этом случае. Наша новоиспеченная торговая фирма решила набрать арт-сувениров для своих итальянских партнеров.

А наши нищие художники отдавали вполне приличные вещи за спланную обувку. Носить-то что-то надо!

Не спонсорство, а прямо-таки партнерские отношения.

46. Пару лет назад Николаю предложили поучаствовать в одной московской выставке. У него были другие планы, но в последний момент он согласился. На открытии к нему подошли тетечка с дядечкой, оказавшимся ее личным дизайнером, и спросили — сколько он хочет за «вот эту свою желтенькую картину»? Он бухнул сумму с тремя нулями. В долларах. Те немедленно согласились, и тетечка попросила: «А не могли бы Вы приехать ко мне на новую квартиру? Я хотела бы вам сделать заказ». Коля согласился, и они тут же сели в машину и поехали на Рублевку. Квартира оказалась очень даже обширная. Они ходили по ней, и тетечка говорила: «Вот тут, в спальне мне надо на эту стену чего-нибудь с зелененьким, а вот тут — в изогнутой сверху раме... А в столовой — с цветами...». И т. д. и т. п. Заказ получился очень даже масштабный.

Тетечка оказалась женой заместителя министра топливно-энергетической промышленности, то есть муж ее сидел прямо «около трубы», да и сама она сидела в какой-то неслабой конторе. Когда Коля выполнил заказ, и тетя расплатилась с ним, а он подарил ей еще одну картинку «от себя», она спросила его: «А Вы не будете возражать, если я Вас порекомендую своим знакомым?» Николай не был против, наоборот — как он говорил мне: «На кой мне Германия? Тут денег намного больше. И ездить никуда не надо, сами придут».

47. У Николая Дмитриевича Романова была курица, которая не жила в курятнике, а ... летала. И сидела — на деревьях, на крыше сарая, лома. И неслась, где хотела. Хотели ее зарезать — так целое лето не могли поймать. Словили эту вольнолюбивую только глубокой осенью.

48. Дима Романов, сын Н.Д., после армии решил заняться бизнесом — разводить кур. Купил их по объявлению около Синявина. Куры были какие-то облезлые. Оказалось, что это «одноразовые» куры. Их в Синявинском птицекомплексе продавали местным дачникам. Это уже отработанные курицы. Несутся еще какие-то пару недель, а потом — только на мясо.

Кроме того, выяснилось, что Димка забыл про петуха. И он очень повеселил своих родителей, когда стал звонить тетечке, продавшей ему кур и спрашивать — нет ли у нее «куриного самца».

49. Нравы в Шугозере достигли простоты необычайной. Николай Дмитриевич Романов пошел на работу в училище. Зашел покормить козу. Она у них в загородке двухметровой у сарая была выпущена.

Через два часа шел обратно. Решил проведать козу. А та лежит забитая. Около нее кирпич весь в крови, которым убивали. Ноги связаны. И кол рядом лежит — приготовлен, чтобы выносить. И все это в середине дня. В центре поселка.

Он в милицию. Те — на место. Одна бабулька видела, как рядом сидела, пила водку компания парней. Оказались — местные, выпускники того же Романова. Захотелось шашлыка. Один раздолбай вскоре появился. Его тут же по белы ручки — в милицию. «Где остальные?» — «Ножи точат для разделки козы». Тех так и взяли, когда они с ножами вышли из дому.

На суде никто не отрекался. Винились перед Н.Д. Обвинение предъявили двоим, которые козу убивали. Один из них работал и до суда решил свою долю ущерба отдать. Попросил второго отдать Н.Д. Тот деньги пропил и до суда молчал. В результате статью всурили обоим.

50. Или другой случай. Приходит мужик к себе в хлев, а там сидит незнакомец с огромным ножом и разделывает его барана. «Ты чего?» — «Ничего. Мяса хочу». Хозяин струхнул и побежал в милицию. Того так и взяли в хлеву. И тоже — среди бела дня.

51. Еще случай. Мужик забил свинью. Разделал. Окрока, грудинку подвесил, а трешку понес домой. Возвращается — одной ноги нет. Через полчаса всеобщее внимание привлек мужик, который шел по поселку со свиной ногой на плече. Тоже мяса захотел.

52. Думается, что это не случайная простота нравов.

Совхоз «Пашозерский» выкупил бизнесмен из-под Питера. Через полгода объявил, что производство нерентабельное, вывез всю технику в Кировск, выплатил всем зарплату и объявил о ликвидации производства.

Люди — без работы, без техники, без оборудования. Кинулись к местному «фермеру» — питерский житель, вроде Лаптева, вел небольшое хозяйство. Тот оказался человеком ушлым. Поднял всю документацию. Получалось, что бизнесмен этот не имеет права продавать технику, поскольку за нее он не платил, а просто «получил». Отследил, где стоит какая техника, по номерам. И подал в суд. Технику вернул и теперь возглавил «Пашозерский».

Похожая история была в совхозе «Тихвинский», что в Бору. Там еще проще. Совхоз приватизировал его бывший директор, ставший банкиром, который и обанкротил совхоз на ссуде своего же банка. И стал продавать технику. Уперлись два механизатора. Одному из них стало жалко «Кировец», на котором он работал, и который продавали за 500 рублей.

Так ведь это не только на селе. Весь нынешний российский бизнес такой. Обанкротить, развалить, купить по остаточной стоимости и

продать по рыночной. Нахватать ртом и задницей, и — свалить. Это и есть — прихватизация.

53. Тот же Романов рассказывал, как он, выйдя на пенсию, два месяца работал на вывозке древесины. Он работал на «Фишке», которая забирает вырубленный лес с делянки и грузит его на лесовоз.

Работали на делянках три бригады: русская, украинская и молдавская. В русскую бригаду никто из водителей «Фишек» ехать не хотел. Пни высотой в метр-полтора. Ямы. Бревна разбросаны по всей делянке. Как отпилены, так и лежат в сучьях и ветках.

У украинцев пни низкие. Все бревна сложены по диаметрам. Ямы засыпаны сучьями и ветками. А у молдаван не только все выровнено, но и учтены подъезды и развороты, бревна сложены с выровненными краями. Да еще помогают водителю — лишь бы скорее вывез лес, а они могли перейти на другую делянку. Люди зарабатывали деньги.

В русской же бригаде главным были водка, сбор грибов и ягод.

54. Дочка Марины Оля, Милина и Лидина внучка, росла тихой, а когда подросла и закончила школу, то решили ее по маминым стопам отправить в Питер. Поскольку сама она училась ни рыба, ни мясо, а интересов к профессии было ноль, то решено было отдать ее к нам в институт, на менеджера. Это было кошмаром. На занятия она не ходила. Сидела в общаге и пила чай, сцепившись языками с соседками, которые в это время ей попадались. Город ее не интересовал напрочь. При первой возможности, выпросив у меня денег на билет, линяла в Тихвин: то праздник у подруги, то какой-то важный вечер в Доме культуры...

Уже после первого семестра деканат хотел ее отчислить. Отбил. И так было еще два курса. Сессии закрывались только с моей помощью. Люба сразу сказала, что девочке не учиться надо, а замуж.

Наконец, она взяла академический отпуск. И тут же вышла замуж. Муж ее как-то оказался связанным с милицией. Потом ушел в леспромхоз. А она родила очаровательную девочку, работает гладильщицей и довольна жизнью. Машину купили. А декан факультета до сих пор вздрагивает при упоминании ее фамилии.

55. Тихвин небольшой город, но в моей жизни играет какую-то необычно важную роль.

После того, как Эмиль с Лидой и Майя с Володей перебрались туда из Шугозера и Ереминой горы, они пустили там глубокие корни. Марина там дважды замуж выходила и вырастила двоих детей, стала бабушкой. Там похоронен Эмиль.

Наше мишуковское хозяйство и Сашин дом в Лепуе — тоже привязывают к району и Тихвину. Город этот нравится Степе и Маше — поездки туда для них всегда желанное приключение.

В Тихвине живет довольно порядочно моих выпускников.

Наконец, папаша моей внучки Сони — тоже из Тихвина. Этот Макаров, уже имея двоих детей, поступил в Мухинское училище и сошелся с Ариной. Он очень нравился Нине — такой талантливый. Перед окончанием Арина забеременела, и они с Ниной решили ребенка сохранить. А тот спокойно себе укатил в Тихвин, и что-то там оформляет для властей. Кстати, он — бывший ученик Майи, которая хорошо знает его семью.

Жизнь коротка, но мир — теснее.

56. Макаров рассказывал Арине, что в войну немцы угоняли в Германию молодых здоровых женщин, в том числе и его будущую бабушку. Но та так верещала, что немцы, только чтобы не слышать ее крика, плюнули на нее и оставили.

57. А теперь, после возвращения чудотворной иконы, Тихвин превращается на глазах в нечто вроде Сантьяго-де-Компостела. Чудотворная икона Тихвинской Богоматери стала в вымирающем городе градообразующим комплексом.

58. В Шугозере давным давно работает главным врачом Аранзон. Ему уже далеко за 80. Он знает и помнит всех и вся. Через него прошли все местные. Наверное от этого всезнания и диагнозы ставит творчески. Например, приходит к нему Сергей Котов с болью в спине, а Аранзон ему — не дав рта открыть: «У тебя воспалились гланды». И не важно, что гланды у Сергея удалены еще в армии. Или... «У тебя гипертония. Потому как у твоего тестя гипертония, у твоей тещи гипертония, у их дочери — твоей жены — тоже гипертония. Значит и у тебя гипертония тоже».

59. В конце зимы под утро к дому Еличевых пришел волк. Стоял и смотрел у собачей будки, глядя, как беснуется лайка за крепкой сеткой. Генка жахнул по нему прямо через стекло крылечного оконца. Подстреленный волк сиганул за дом, но пал на ближнем огороде. Оказался 145 см — без хвоста.

Весной Виктор Николаевич посеял овес, а поскольку все окрестные сороки тут же стали его клевать, то, уезжая, попросил Генку попугать их. Тот засел на чердаке с ружьем, но умные сороки не слетались. Тогда Генка решил их приманить: пристроил на поле волчью голову, рассчитывая, что слетятся на падаль.

Больше у их дома и на этом поле не было замечено ни одной сороки, которыми полна деревня.

Похожую историю рассказал и Виктор Николаевич. Его тихвинский сосед-охотник завалил медведя и поделился с ними несколькими килограммами медвежатины. У других соседей была собачка, и жена

Виктора Николаевича решила угостить ее медвежьей косточкой. Косточка была уже вареная, но когда она предложила ее собачке, у той шерсть встала дыбом, бедная псина, рыча, забилась в угол и к косточке так и не подошла.

60. Поиск грибов очень похож на науку. Грибы «кажутся». В зависимости от установки. На лисички, на горькушки, на грузди. И тебе начинают казаться грибы там, там, там. И иногда это подтверждается. А иногда — нет. Оказывается листик, сыроежка, рядовка, колпак... То же самое в науке. Каков вопрос — таков ответ. Установка-гипотеза и ее подтверждение или опровержение.

61. «Мы, русские, почему-то мешаем друг другу», — фраза, услышанная от ветерана-инвалида, в автобусе Шугозеро-Тихвин. Ему, 85-летнему, с костылем не уступали место в тряском автобусе, и еще облаяли. Он же вспомнил, как вице-губернатор области сказал ему, что он задержался на этом свете и ест чужой хлеб.

Суть дела открылась за сбором грибов. Все это от халявы. От ренты. От привычки жить за счет не тобой выращенного. Грибов, ягод, рыбной ловли, охоты... Генка вернулся с Романьевского бора: «Там же толпа народа. Хапают бруснику, с белым боком!» Ну да! Ты привык сам хапать клюкву, бруснику. А тут еще кто-то ходит... И ты начинаешь хапать совком ягоды. Начинаешь бить рыбу током, динамитом, хлоркой. То же с лесом, который вырубается и вывозится всеми, кому не лень. То же с нефтью, газом, никелем...

Потому русским при всех просторах и расстояниях — тесно. Они постоянно мешают друг другу. А тут еще «другие понаехали». На «наше» добро. А то вообще — черножопые.

В Европе люди живут не халявой, а работой, совместным трудом. И потому друг другу не мешают, несмотря на такую «скупченность».

62. Еще в 1950-х на Шуйге стояла электростанция. До 1970-х по Паше, Капше и даже Шуйге сплавляли лес. Это была не просто отрасль, хозяйство, технология, а образ жизни, культура. Берега рек расчищались для сопровождения сплавляемого леса. Уровень воды в реках и озерах поддерживался специальными плотинами. Рубился и сплавлялся лес в определенное время года. Сплав обеспечивал занятость немалому количеству людей. Были профессии, умения, навыки, мастера своего дела. На вырубках высаживался новый лес. А сплавляемый лес, причиняя некоторый восполнимый ущерб, — прочищал русла рек.

Теперь лес с помощью современной, преимущественно зарубежной, техники вырубается и тут же вывозится в любое время года. В округе вырублены не только боры, но и вырубается ближние подлески. И все вывозится лесовозами по 40 кубов, делающими иногда до

пяти ходок. И, опять же, за рубеж. Или на ближнюю первичную обработку и опять — за рубеж. Вырубается хищнически. Забирается только 6-метровая середка. Остальное бросается тут же на полянке. Вместо леса — проплешины до горизонта. И реки зарастают.

63. Когда мы начинали в Мишуково, в конце 1980-х, и в начале 1990-х совхозные поля отдали под картошку. Каждая полоска обрабатывалась, засаживалась. По выходным, в свободное время приезжали люди из Шугозера, Тихвина. Питерские тоже старались обработать и убрать свои картошку-морковку.

В этом году дошел до поля в Лашкове, где была наша картошка. Ближние поля, где всегда копошились люди, зарастают. На некоторых сосенки уже вымахали. На подходе к Лашкову в заросшем поле высятся два трехметровых борщевика. Как с другой планеты. Или — инопланетяне. Дальше — заросший проход между сходящимся лесом, и — поле. Бывшее место, где земля закруглялась, гектар, на 12 сотках которого мы корячились ради картошки. Теперь — трава по грудь. И над этим запустением торчат уже не два, а с десятокок — инопланетянские борщевика, к которым подойти-то страшно. Выше двух моих ростов. Это метра под 4. Ствол — как столб, а из него геометрически правильные ветки с зонтиками. Чудовищная геометрия. Не органика. Не природа. Стало страшно.

64. Года три-четыре назад появилась напасть — колорадские жуки. Полосатые, толстые, жирные. И никакой управы на них. Ничто их не берет. И никакие птицы их не едят. То ли непривчно, то ли — не вкусные, то ли вообще — ядовитые. Местные день-деньской собирали их на своих огородах, сжигали, давили. Кто-то собрал трехлитровую банку за день. А одним летом жуки разлетались. Сидишь на крыльце, а они бьются об стену дома...

XVIII. Цветы другой жизни

Речь идет о детях родственников, друзей и знакомых.

1. Старший гусевский сын Антон рос, как и все первенцы, на фоне больших родительских амбиций. Что имело последствия.

Будучи совсем малышом, еще не умея говорить, он собрал вокруг себя ребятню, заложил пальцы правой руки за отворот и долго чего-то лопотал, а те стояли и слушали, пока один из них — постарше не сказал: «Да чего мы его слушаем — он же говорить не умеет!»

Однажды он смотрел телевизор, а родители были в другой комнате. Вдруг раздался радостный крик Антоши: «Мама, папа, идите скорее сюда! Нашу дачу показывают!» Те прибежали и увидели телевизионную заставку с фотографией Смольного с пропилями на переднем плане. На их даче в Рощино калитка была с двумя белыми столбиками.

Как-то мы с Вадимом Полтораком сидели у Гусевых, и Вадим сказал: «Посмотри, правда, Антон похож на маленького Володю Ульянова? И лобик такой же крутенький.... Давай проверим!» Он спросил: «Антоша, что это значит: вчера — рано, а завтра — поздно?» Антон насупился: «Сегодня, значит, надо».

2. Младший сын Гусевых — Костя рос уже совершенно другим. Это был уже добродушный баловень всей семьи. Он и внешне напоминал этикетки на баночках детского питания или рекламу «А я ем видло, джем!»

Он родился в день защиты моей кандидатской и поэтому по нему я особенно ясно вижу свои года.

Существом он рос абсолютно добродушным. Как-то я неловко его задел в прихожей и Костик упал. Я думал — он расплчется, но Костик встал сначала на четвереньки, потом выпрямился, отряхивая руки и немного удивляясь: «Упал! Костя упал!»

Я был свидетелем его возвращения с первого занятия фигурным катанием. Он пришел усталым, отбросил в угол коньки и стал переодеваться. Я спросил его: «Ну как, Костя, понравилось тебе?» — «Неа!» — «Значит, больше не пойдешь?» — «Пойду». — «Почему же, если не понравилось?» — «Так уж вышло».

3. Старшие сыновья вырастают проблемными и вздрюченно-неприкаянными.

Антон Гусев — талантливейший парень. Закончил английскую школу. Поступил на Восточный факультет (арабистика и ассириология). По окончании его взяли в аспирантуру философского факультета — на него сделали ставку, потому как на факультете была «дыра»

на «восточном направлении». Аспирантуру бросил. Закончил курсы телережиссуры. Затеял какой-то театр. Несколько лет возился с ним. Ничего не вышло. Так и болтается — как цветок в проруби, пока не обосновался в рекламе ролики делать.

Сын Левы Литвинюка, о котором писал.

Старший брат Дины Задвицкой. Тоже болтался — здесь, потом за границей. И так ничего.

Старший сын моей племянницы Ларисы Ялканен — Илья. Красавец. Голос. Все, за что ни возьмется — получается и здорово получается. И опять — ничего. Армия спасения.

Наш Степан. И голова, и способности. А болтается... тусуется...

А младшие — у них как-то все нормально складывается. Тот же Костя Гусев. Сразу по окончании факультета человека в Педуниверситете (ни шатко — ни валко) оказался в Мегафоне и сделал быстро очень приличную карьеру. И личную жизнь обустроил быстро и довольно удачно.

Наверное, от старших родители бессознательно слишком много ждут. Вкладывают слишком много. Закармливают возможностями и амбициями.

4. С музыкальной школы у Маши появилась подружка — Аня. Девочка очень талантливая. Отлично, не по возрасту рисует. Хорошо поет. Да и со спортом в ладах.

Однажды, когда мы с ее родителями поехали в Ольгино — по весне, по первому солнышку — я оказался свидетелем разговора этих двух подружек. Обeim было около 6 лет.

Аня, родители которой возятся и носятся со своей дочкой, спросила Манию:

— Тебя родители бьют?

— Нет.

— Ну а наказывают?

— Ну, иногда...

— А меня — каждый день! Представляешь, я им тихим, спокойным голосом говорю. А они меня за это в угол ставят! И вообще — щеко-тят, когда хотят!

Это ж какое чувство свободы было у этой крохи. Так и представляешь себе придурков-родителей, хищно кидających щеко-тять бедную девочку, когда им в голову взбрдет.

5. Родителей Ани мы называли маманей и папаней, а себя мамашей и папашей — по именам девочек.

6. Маленькой Вике Карпуниной подарили морскую свинку. Назвали ее Васькой. На 1 мая, когда к Карпуниным пришли гости (у него 30 апреля еще и день рождения), погода была хороша и Вика впервые

вынесла Ваську погулять во двор. А кто-то из ребят тоже вынес свою свинку. Вика вернулась со двора веселая и довольная. Еще в коридоре звонко закричала на всю квартиру: «Мама! Папа! Наш Васька-то оказался самочкой и так наеблась, так наеблась!»

Вика всегда была девочкой тихой и очень воспитанной. Наверное, около парочки свинок, воспользовавшихся счастливой весенней встречей, собралась толпа ребятшек, без отбора лексики комментировавших происходящее.

Гости сначала прибалдели, а потом весь вечер фыркали, вспоминая.

7. Женя Липский долго рос, не видя «Ежика в тумане». Родители страдали — как это так, ребенок не видел такой замечательный мультфильм.

Наконец, купили кассету, вставили в видик, посадили напротив сына. Включили. Тот, без всякого выражения на лице, посмотрел.

«Ну как? Понравилось?» — спросили с надеждой родители. «Нет». — «Почему?» — «А там ничего не происходит».

Женя принадлежал уже к другой цивилизации. Ему надо было, чтобы что-то мелькало, двигалось — как в рекламных клипах. Эти клипы для них и делаются. Там, где старшее поколение ничего не улавливает, они видят сюжет и даже рассказывают его.

8. Однажды родители ушли, оставив Женю дома. А когда пришли, соседи сказали, что мальчика подобрали под окном и увезли в больницу. Оказалось, Женя выпрыгнул из окна их невысокого второго этажа и сломал пятки.

Он стоял у окна. Видел, как кто-то вошел в парадную. Он подумал, что это чеченцы идут за ним. И сиганул из окна.

9. Наташа Батищева рассказывала о малыше, росшем в семье ее московских знакомых. Она иногда приходила и гуляла с детьми. Младший очень любил гулять, но очень боялся кататься с горки. Дошло до того, что его перестали брать с собой.

Однажды, когда Наташа со старшей дочкой опять собрались гулять, малыш тоже вышел в прихожую и стал собираться. Говорить он еще толком не умел. Наташа выставила ему условие, что его возьмут, если он будет кататься с горки. Тот ударился в рев. Наталья его отшлепала и отправила на кухню к матери. А тот все ревел, и сквозь слезы было слышно слово «Господь». Тут добрые тетечки приостановили воспитание и с трудом, но разобрали, что малыш говорил им: «Если Господь позволит!»

Что это? Пример гружения ребенка ответственностью? Странности воспитательниц, наказывающих ребенка за страхи и слезы? Эхотеллии, воспроизводства ребенком слышимых дома выражений? Или мудрое стремление ребенка полубессознательно, но уйти от ответственности?

10. Когда маленький Илья Сябро только-только осваивался в детском садике, воспитательница попыталась его занять разными играми. Он долго смотрел на нее, и сказал: «Это не смешно!». Потом как-то та же воспитательница предложила детям порисовать вместе с ней за ее столом. По-очереди. Илья подскочил первым, за ним девочка. Воспитательница предложила сначала порисовать девочке. Илья стоял рядом, смотрел, смотрел, потом — с негодованием на несправедливость — стукнул себя в грудь: «Я человек!».

11. Сынишка Артемьевой занимался в музыкалке на скрипочке. Для смычка потребовался белый конский волос — крайне дефицитный в советское время. Мама была крайне озабочена этим, и однажды увидела в парке всадника на белой лошади. Понимая всю трагикомическую неоднозначность ситуации, она с криком «Я не сумасшедшая!» довольно долго бежала за лошадей, пока всадник все-таки не остановился, и выслушав ее, не поделился волосками из конского хвоста.

12. Маленькие детки — маленькие заботы, а большие детки — .... Но есть родители, которые предусматривают и большие заботы. Так Татьяна Артемьева с самого малолетства сына думала о возможном призыве в армию и тщательно пестовала во всех медицинских документах энурез, т. е. недержание мочи. И додала!

13. Татьяна Георгиевна много возится с внучкой. Возит ее на машине в школу и обратно, кормит, занимается с ней и часто — играет. Как-то за такими тихими занятиями внучка спросила ее: «Знаешь, бабушка, по кому я никогда не скучаю?» — «??» — «По тебе, бабушка». Бедная бабушка до сих пор теряет в догадках — что же имела в виду добрая внученька.

Похожая уже история была с Людмилой Ильиничной Романовой из Шугозера. Почти трехлетний внучек ел виноград. Она попросила: «Дай бабушке попробовать ягодок!» Тот внимательно перебрал гроздь: «Никак не могу найти для тебя, бабушка».

14. Дети Бориса Рашраговича довольно давно уехали в Израиль, но часто приезжают в Питер с Бориными внуками. Как-то вся старшая часть семьи собралась за обеденным столом. При включенном телевизоре, по которому шла познавательная программа. Речь шла о том, что через 500 000 лет планету Земля ждет какой-то космических масштабов катаклизм.

Передача уже заканчивалась, когда в гостиную вошел пятилетний внук. Прислонившись к дверному косяку, он досмотрел программу. «Да-а-а. Через 500 тысяч лет нас уже не будет» — сделал он вывод, посмотрел на родственников и добавил: «Особенно вас».

15. Марина Витухновская в Хельсинки рассказывала о своей дочери 8 лет, как та ее однажды ошарашила: «Радости, мама, в жизни мало. И за все приходится платить».

Мама-то это хорошо знала, а вот — дочка-восьмилетка откуда? Мощь обобщения почти как у Зошенко: «Жизнь создана проще, обидней и не для интеллигентов». Или — Виктора Шкловского: «Это не жизнь проходит. Это вы проходите».

XIX. Такие вопросы не задают стоя (Болезни и исцеления, смерти и врачи)

1. Читал, да и слышал неоднократно, что к 30-и годам развитие близорукости останавливается и начинается прогрессирующая дальнорукость. И это было, чуть ли не единственное, что примиряло с наматыванием годов на счетчик жизни и даже вселяло некоторый оптимизм.

И правда, к 30-и я остановился на своих +7,5 и +9,0 и с нетерпением стал ждать, когда близорукость начнет убывать. Но вместо этого стала развиваться дальнорукость... вдобавок к стабилизовавшейся близорукости. Игра жизни ведется все-таки исключительно только в одни ворота.

2. Как говорил папа — и чем больше за 70, тем чаще: «Было время, когда ноги меня носили, а теперь пришло время, когда я их должен таскать».

3. «То срачка, то пердячка», — говорил он же о неизбежности болезней.

4. Первая моя больница была детская, в которую я попал со скарлатиной лет 4-х. Помню только, что мне было тоскливо, и что мне приносили мое любимое тогда овсяное печенье, которым я угощал ребят в нашей огромной палате.

И еще помню огромный шприц, которым меня кололи в попу.

5. Я уже заканчивал техникум. Мы большой компанией (Лева Литвинюк, Миша Безман, Галя Феофанова, иногда — Марина Кисельникова, Саша Шпан) делали свои дипломы на нашей квартире. У нас был большой стол, и я раздобыл большое стекло, на котором было удобно копировать чертежи. Родители как раз куда-то уехали. Однажды ребята ушли, а меня к вечеру скрутило. Сильно болел живот. Ночью я уже не мог встать, чтобы подойти к телефону. Сознание начало мерцать. И тут, рано утром приехали родители. Хорошо, что замок просто захлопывался и я не поставил его на стопор, так что они открыли дверь. Тут же вызвали скорую и меня с аппендицитом отвезли в больницу. Я уже почти ничего не соображал. Помню только, что когда меня везли в операционную, медсестра, дородная молодая тетка все приставала ко мне с вопросом — как будет муха мужского рода? Ответ я знал — мухуй, но мне было не смешно, и я просто молчал. Наркоз был местный и у меня было ощущение, что хирург вскрыл мне живот и мота-

ет себе на локоть бухты из моих кишок. Оказалось, что почти так все и было. Аппендицит был гнойный, уже начался перитонит, и запоздай чуть родители, то было бы уже поздно.

6. Вскоре после моей первой свадьбы я оказался в больнице со своим носом, где мне в первый раз удалили полипы. Мне тогда было 19 лет. Палата, в которой я лежал было довольно много народу. Один из больных был Захар — 33-х летний кумык. Я красивей самца с тех пор не видал. Мужик в самом соку. В больнице он оказался случайно. Приехал в Питер по каким-то делам с мохером. Подхватил по питерской погоде насморк. Пошел к врачу. А тот возьми да скажи, что него носовая перегородка искривлена. Как, у него, Захара, искривлена носовая перегородка? «Что делать, доктор?» «Операцию?» Каким-то образом он умудрился пробить операцию в экстренном порядке. Операция на перегородке очень травматичная, болезненная, долгое время дискомфорт. И когда он узнал уже в больнице, что у 83 % людей носовая перегородка искривлена, он заявил, что когда выйдет из больницы, то найдет того лора и вправит ему его носовую перегородку.

Но речь не об этом. Любимой темой Захара был разговор о том, что с корейской он дело имел, с русской имел, с «негритянской», румынской тоже... По его представлениям остались представительницы только 3–5 народов, не осчастливленные им, Захаром.

Я выписался раньше его и не смог отказать себе в удовольствии... У меня было два экземпляра атласа народов мира. Один из них я отвез в больницу и подарил Захару, чтобы он знал, какой непочатый край работы еще ждет его.

Но это случай мужского гендерного каскадерства. Надо быть политкорректным...

Несколько лет назад, уже после распада империи в «Комсомолке-толстушке» как-то летом было опубликовано полосное интервью с американкой 27-и лет. Она дала себе обет не выходить замуж, пока не поимеет половые контакты с гражданами всех стран мира. В отличие от Захара ее интересовала не этническая принадлежность партнера, а гражданство. Сказывалось, наверное, американское обостренное правосознание. Паспорт она, что ли, спрашивала первым делом?

Для достижения поставленной цели она даже предприняла путешествие. По ее представлениям осталось уже всего ничего, когда она добралась до Москвы. А тут — то ли она телевизор не смотрела, газет не читала, то ли вообще политически неграмотная оказалась — но оказалось, что она не учла распада СССР, и теперь ей пришлось подзадержаться на территории бывшего Союза. Задача усложнилась на 14 особей. Да еще неясно, как быть с непризнанными Карабахом, Приднестровской Республикой и Абхазией.

Журналистка спрашивает: «А жених у Вас есть?» — «Есть». — «Он знает о Вашем обете?» — «Знает». — «И что?» — «Ждет».

7. Аллергии бывают всякие и неожиданные. Я, например, все детство провел с кошками, а к 40-ка открылась мощная аллергия на кошатицу. Глаза отекают и становится все хуже, пока не закапать глаза альбуцидом. Я уж не говорю о насморке и затыхе от книжной и домашней пыли — даже пылесосить перестал. Пылесос, ведь, с одной стороны пыль всасывает, а с другой — ее раздувает. Ну, и реакция на лаки-краски и российский чудовщный автомобильный выхлоп. Стоит уехать за границу — вся моя астма проходит. В Атланте, в Париже, в Берлине, в Хельсинки — стоишь на самом оживленном перекрестке и хоть бы что, а в Питере или даже в Шугозере достаточно проехать любой нашей живопырке на фальсифицированном бензине и начинается затых. А теперь еще к этому добавилась метеозависимость — как только холодает или начинаются морозы — так полный кирдык.

У Володи Огородникова аллергия на цветы и тополиный пух. Как начинается цветение, у него лицо отекает, голос садится и он берет больничный. У жены Гельмута Коля, покончившей из-за этого с собой, была аллергия на свет. У Вити Пайчадзе — на свежeweымытые волосы жены. Она уж все шампуни перепробовала, а все равно, только помоем голову — у него отек на неделю. А аллерголог рассказывала об одном питерском мужике. Выходит из дому в магазин, погулять — все ничего, но только выходит на работу — весь отекает. И не важно — летом ли, зимой, весной или осенью, независимо от времени суток и погоды, пил накануне или нет. Его года три мурыжили, но, в конце концов, поставили диагноз — аллергия на работу.

8. Лена Гусева сначала расстроилась, когда у старшего сына Анто-на обнаружили признаки астмы, а потом, разузнав все как следует, решила извлечь из этого пользу — как никак астма одна из верных отмазок от службы в армии. И тогда она стала почаще обращаться к врачам, при первой возможности вызывать неотложку. И, по-моему, даже слегка обрадовалась, когда те же симптому проявились и у младшего — Костика.

9. Нина Соловей рассказывала...

Мать ее родила в 18 лет. Носила, живя в вологодской деревне, где ела почти только одни тухлые яйца. А рожать уехала к отцу, работавшему на стройке под Кривым Рогом. После родов ребенок стал доходить — полное несварение и неусваиваемость. Когда уже и врачи сказали, что все — конец скоро, да и сама мать увидела, что ребенок посинел и затихает, она схватила дочь и, в чем была, выскочила в окно и побежала домой. С одной только мыслью — пусть дочка умрет дома. Так и бежала по улице в больничном халате и тапочках, а за ней ехала скорая с врачами, которые кричали, уговаривая ее вернуться.

Прибежала домой, развернула пеленки и показала дочку отцу. Тот, ни слова не говоря, побежал в местную поликлинику, влетел к перво-

му попавшемуся врачу, растолкав очередь, и, подперев дверь, стал кричать, что никого не впустил и врача не выпустит, пока та не скажет, что делать с ребенком.

Врачиха молча села за справочники, полистала и сказала, что, скорее всего, у ребенка не вырабатывается желчь и надо давать ее заместитель. Выписала рецепт, и отец на попутках помчался в областной центр.

Когда он вернулся с лекарством, и его дали малышке, та на глазах ожила.

10. Курил я с первого класса и чего только не курил! Тогда и так дрянь всякую продавали: албанский и польский «Sport» за 6 копеек, болгарские «Слнце», «Джебел». «Дерби», наши «Ароматизированные» и т. п.

К 20 годам дошел до 2 пачек в день и почувствовал, что это мешает учиться. Надо было бросать. И я пытался несколько раз, но все не получалось. Тогда я решил не бросать, а попробовать перестать — мягче так поступить. И получилось.

Сначала главный дискомфорт был чисто социальный. Люди — твои знакомые или коллеги стоят (в коридоре, в курилке) и, вроде бы делом занятые. А ты — ни пришей, ни пристегни. Но это быстро прошло — переключил вектор: это они херней занимаются. И прошел точку возврата довольно быстро. Было это в 1970 году, на Ленинский юбилей.

11. В Ленокеанрыбфлоте в ОТЗ со мной работала такая Ольга Николаевна. Когда я пришел, ей было за 40, она никогда не была замужем и удивила меня своей подозрительностью, недоброжелательностью, если не злобностью. Как-то в конце лета она почувствовала себя как-то не так и осенью пошла к врачам. У нее обнаружили большую опухоль в женском ливере. Опухоль оказалась недоброкачественной и прогноз был неутешительным, в лучшем случае, — год. От операции она отказалась. Пару месяцев ходила вся сама не своя. А в конце ноября прыгнула в прорубь — стала моржевать. Там, в проруби нашла себе мужика с машиной, следующим летом уехала с ним на этой машине в отпуск, а осенью анализы и рентген не обнаружили никакой опухоли.

Думаю, что причин исцеления было несколько: и мощный стресс, и радикальная смена образа жизни, и моржевание, встряхнувшее весь организм... Но главным, наверное, все-таки, был мужик и активное его (ее) пользование. Потом они поженились и продолжали свое моржевание.

12. То, что смена образа жизни и даже отношения к ней — дело серьезное, это факт. Когда мы с Любой поженились, у ее матери была огромная опухоль тоже где-то то ли в кишечнике, то ли по женской части. Наверное, это было что-то похожее на историю Ольги Николаевны.

Она отекала, еле ходила, часто донимали боли. Врачи ей настоя-

тельно рекомендовали операцию и каждый месяц звонили и слали открытки с приглашением на обследование и операцию. Но она упорно отказывалась.

А тут наша история. Рождение внука Степы. Дом поставили в деревне. Переезды, заботы, хлопоты. И стала она жить по другому. Отказалась от мясных продуктов, стала устраивать себе два разгрузочных дня в неделю — вообще ничего не есть, да еще по утрам и вечерам стала выливать себе на голову ведро холодной воды. И как-то ожила, даже на даче стала на огороде чего-то делать.

13. Да и у меня самого похожие опыты были. После динеровских слов я на самом деле радикально изменил отношение к жизни, да и лет десять не читал лежа и в транспорте, не смотрел телевизор перед сном etc. Уход из старшей семьи избавил меня лет на восемь от аллергических насморков и нарастания полипов в носу.

14. Мой тихвинский внучатый племянник Илья лет до 8-и рос довольно бойким и подвижным мальчишкой, а потом вдруг начал толстеть, стал заторможенным, голову иногда стал закидывать. Его лечили и от нарушения обмена веществ, и вправляли шейные позвонки... В конце концов один врач предположил, что это может быть связано с мозгом, а значит необходима компьютерная томограмма головного мозга. Однако в Тихвине компьютер сломался, а ехать в Питер как-то все было никак. Так прошли еще почти два года, что, похоже, его и спасло.

Когда стало уже совсем плохо и они добрались до Питера, где сделали томограмму, то оказалось, что у него в голове, почти у основания черепа г-образная опухоль 6 x 7 см. Кальцированная. Почти булыжник в голове у мальчишки. И удалять такие опухоли научились только-только, а еще год-два до этого больные гибли на операционном столе. Так что, если бы они в свое время прошли томограмму, то Илью ждала бы такая печальная участь.

Операцию делал глубоко и вдумчиво пьющий хирург-золотые-руки из детской областной больницы. Произошедшее у меня до сих пор в голове не укладывается. (Господи, прости эту кошмарную оговорку с не укладыванием в голове!). В темечке сделали дырочку 3 x 3 и через эту дырочку удалили почти всю опухоль. Почти — потому как она оказалась врожденной и росла прямо из мозолистого тела, соединяющего полушария головного мозга.

Операцию Илья перенес очень тяжело, пережив, фактически, мощный инсульт. В мозгу образовалась большая гематома, он долго был без сознания, с трудом вернулась речь, некоторое время не узнавал мать. Но все, вроде бы, обошлось.

Опухоль оказалась доброкачественной. Тем не менее, через 5 месяцев она восстановилась и пришлось делать операцию повторно. Вто-

рую операцию Илья перенес уже легче, хотя полностью утратил зрение в одном глазу. Опухоль обволокла глазной нерв и то ли его повредили при операции, то ли иначе не могли.

Теперь уже хирург настоял на послеоперационной химиотерапии или облучении. Остановились на облучении. От этого у него полвина волос выпала на голове, но опухоль расти перестала. Теперь он на инвалидности, но все-таки в здравом уме, может сам гулять.

15. Когда Илье делали вторую операцию, в то же отделение поступила девочка из Казахстана — примерно с таким же диагнозом. Она лежала в Питерском институте мозга, где ей за \$ 3000 якобы сделали операцию. Лучше ей не стало, и отец привез ее в областную детскую больницу, где после томограммы им сказали, что никакой операции ей не сделано. Ситуация была настолько дикой и очевидной, что в областной ей эту операцию сделали. Денег на облучение у отца уже не было и он просто положил остаток денег на стол врачу рентгенологу и сказал, что «других денег у него нет, но тот сделает его дочери облучение». Тем дело и кончилось — наверное, рентгенолог эти деньги просто положил себе в карман.

Эту историю я рассказал как-то в поезде тетке- врачу из Белгорода. Она с интересом выслушала меня и сказала: «А что Вы хотите! У нас за немалые деньги аборт делают не беременным женщинам!».

16. У Майи, моей двоюродной сестры из Тихвина, уже после 60-и стало побаливать сердце. Она тетечка активная, продолжала работать в школе. Месяц пролежала в больнице. Сказали, что надо делать операцию, шунтирование. Но у нес такие операции, мол, делают до 60-и. Потом, получается, не за чем. Или сделают, но сначала надо платить врачу за направление, потом главврачу больницы, потом — за отделение, хирургу, всем прочим.

Лариса, ее дочь, анестезиолог больницы при Хельсинском университете, потребовала мать к себе. Майка ехать не хотела — денег у нее не было, а там такая операция стоит дорого. Но поехала. На обследование ей сказали придти к 8-00, а в 14-00 уже отпустили домой. Запустили зонд в сердце. Осмотрели сосуды, аорту. Сказали, что бляшек нет. Немного сужены сосуды, на аорте маленькие узелки — следы микроинфарктов. В операции необходимости нет — ни в шунтировании, ни в чистке. Побаливать может, но с таким сердцем жить и жить.

Записали этот видеосюжет на дискету и дали ее Майке. Теперь она смотрит на свое сердце изнутри в Тихвине и жалеет его.

17. Уже в конце зимы 1978–1979, я еще только пришел в Институт культуры и мы недавно переехали на Суворовский, я стал показывать детям в Таврическом саду, как надо съезжать с горки и у меня полетел мениск на левом колене.

Мне сделали гипс от середины голени до половины бедра и я носил его почти месяц.

Как-то в первый раз поехал с гипсом на кафедру. В 46 автобусе. Каких-то школьников везли в музей Ленина, наверное, в пионеры принимать. Ими был набит весь автобус, и они меня чуть не вынесли из автобуса и не уложили тут же на асфальт. Еле удержался на ногах.

Прихожу на кафедру. А там заведующий наш Болотников с каким-то деятелем беседует. Я не знал, кто это такой, поздоровался и прошел мимо них к окну. Дядечка повернулся ко мне: «Нога болит?» — «Угу». — «Колено?» — «Да». — «Хотите — вылечу?» — «Как это?» — «Очень просто. Я буду пристально глядеть на Ваше колено, погружаться мысленным взором в него и изнутри, ласкать его. И боль пройдет». Я спросил: «Это через гипс-то?» Он обиделся: «Про гипс говорить надо было!» И ушел. Оказалось, это был психолог профессор Владимир Львович Дранков. Он широко практиковал снятие всяческих болей: головы, суставов...

Потом мы с ним подружились. Но года через два.

18. 11 марта 1996 года (запомнил на всю оставшуюся жизнь) к 9-00 пошел я в частную зубную клинику около нас на Шпалерной и, уходя от врача, поскользнулся на последней, покрытой последним инеем ступеньке крыльца. Хрустнуло в щиколотке правой ноги и встать я уже не смог. Пополз обратно вверх по крыльцу. На пороге встал и объявил засуетившимся дантистам, что сломал ногу и надо бы вызывать скорую. На приеме оказались мужики с машиной и меня тут же доставили в травматологию в нашей же поликлинике на углу Тверской и Кавалергардской. Дантистов я еще попросил позвонить домой и сказать жене, чтобы шла в поликлинику.

К травматологу была пара человек. Мужики посадили меня у двери и уехали. Сижку. Подходит мой черед, а я не могу войти в кабинет. С грехом пополам встал, допрыгал на одной ноге к двери. Открываю. Доктор Парфенов (и его на всю жизнь запомнил!) говорит: «Заходите». — «Я не могу идти — нога сломана». — «А я что могу?» Разглядел в углу у окна за его спиной костыли, показываю на них: «Можно воспользоваться костылями?» — «Берите». И все это — не вставая из-за стола.

Тут прибежала Люба. Взяла костыли. «Садитесь на кушетку. Показывайте ногу». Доковылял до кушетки, что метрах в трех от него. Разулся. Он, не вставая из-за стола: «Идите на рентген». Я встал с костылем, спрашиваю: «Как Вы думаете, доктор, у меня эта история серьезная? Надолго?» — «С Вашей травмой такие вопросы не задают стоя». Шутка такая.

Сделали рентген. Выяснилось, что у меня двойной перелом со смещением и подвывихом, да еще и порвано ахиллесово сухожилие. (Потом такая же травма голеностопа была у теннисиста Чеснокова.) Выз-

вали скорую и повези в больницу. Дежурной была хирургия Военно-медицинской Академии. Там меня очень быстро разместили, и в 10–30 я уже лежал в палате, а мой голеностоп обкладывали льдом. Я лежу довольный. Как же — по скорой попал в самую ВМА! Без всяких усилий!

Дальше начались странности. Посмотрел заведованием и ушел. Пришла медсестра, и меня своим ходом погнали с третьего этажа на первый делать рентген. Хорошо хоть костыли дали. Часа через два пришел с обходом, показал на меня коллегам: «А это у нас профессор с переломом». И ушли. Теперь, вспоминая, начинаю думать, что они чего-то от меня ждали. Денег, что ли? Или звонков каких?

В общем на операционном столе я оказался в пол-шестого. Два молодых хирурга. «Чего это у Вас ногу раздуло-то так? Как подушка». Я им чего-то буркнул насчет того, что, мол, я тут лежу с утра. Посмотрели снимки, помяли ногу. «Мы не сторонники радикального лечения. Предпочитаем лечение консервативное». Короче, операцию решили не делать. Всадили большущий шприц анестезии. Начали ногу уминать и вправлять. Тут я вспомнил много букв из алфавита. Всадили еще шприц. Слепили ногу. Стянули гипсом. Подвезли к монитору. Глянули. «Маловато будет». Срезали гипс. Начали уминать и стягивать ту же новым гипсом. Я вспомнил остальные буквы. Посмотрели под монитором. «Нормально.» И в палату. Гипс на месяц.

За вечер, ночь и утро насмотрелся на других больных. А палата огромная — то ли 12, то ли 15 коек. Кто с переломом позвоночника, кто отмазывается от каких-то комиссий. Один в пятый раз руку оперирует. А двое парней лежат полностью здоровых — их из части направили в помощь ВМА и они иногда помогают на кухне, санитарам, в общем, на подхвате. И лежат, балдеют, бегают за водкой. Люба пришла, Арина. Я уже начал в быт и нравы вписываться. А неохота. Дел много. Не тащить же компьютер.

Утром я говорю на обходе заведованием: «Чего я буду у Вас лежать? Отпустите домой!» — «Конечно, — говорит, — выпишем, а мы Вас будем вести.» Разумеется, я их с тех пор не видел.

Оказался я в гипсе дома между телефоном и компьютером. Решил положить на бумагу свой курс менеджмента в сфере культуры. Давно хотел учебник написать. А тут такой случай представился! Да и некоторые другие тексты решил подготовить. А это было как раз, когда я работал в Университете профсоюзов (об этом отдельный рассказ). Дипломники звонят и приходят. Да и в Академии культуры у меня была полная нагрузка. Оттуда дипломники, курсовые, экзамены и зачеты. В общем, без дела не был.

В ту же травму каждую неделю ходил к Парфенову. Сначала по льду. Во дворе не убирали. Страшно было. Но потом освоился с костылями. Через месяц снимать гипс. А его в ВМА наложили толстенный. Монолит. Медсестра в травме разрезать не может. Прибежал мой Парфенов. Огромными ножницами вроде тех, которыми кро-

вельное железо режут, с трудом превеликим — ногу в нескольких местах серьезно рассадили — сняли. Смотрю я на ногу, а она худенькая, синюшная, в потертостях, жалконькая. И ходить не может. Атрофия-то сильная.

Парфенов: «На массаж и физкультуру походите — все восстановится». Пошел на массаж — нога болит. Хожу только с костылем или палкой. Больно ступать. Пришел на физкультуру. Там говорят: «Как это Вам операцию не делали? С такой травмой операция обязательна.» Нога стала отекает. Парфенов меня к заведующей травматологией. Та тетка толковая — говорит, что надо срочно делать операцию. Подвыхих не устранен и если все оставить так, то через пару месяцев — инвалидность.

Где делать операцию? Она предложила вернуться в ВМА. Я сразу отказался. Мне уже хватило ВМА. Да и потом, что же — трясти перед ними ногой и говорить, что эта нога — их рук дело? Она согласилась. Говорит, что лучший вариант — в НИИ травматологии и ортопедии (больницу имени Вредена), на Байкова. Но туда сложно попасть. Запись. Очередь. Длинная история. А надо срочно. Предложила, что, если не получится у меня с НИИ, то она поможет в хорошую клинику в одной маленькой чистой больнице.

Дома перешерстил всю записную книжку. Обзвонил всех, кто в голову пришел. Трое обещали помочь, но быстрее всех, неожиданно, сработала Наталья Хохликова, с которой разговорилась Альвина Хачатурян-Панфилова. Сама мне позвонила и предложила вариант через ее знакомого замдиректора этого НИИ, который скоро сваливает за границу и, похоже, то ли увольняется, то ли уже уволился. Позвонила ему, потом я с ним связался и в конце мая я попал на Байкова в 19-е отделение к заведующему им хирургу Емельянову.

Для госпитализации требовались всякие дурацкие справки, в том числе от зубного — о санации полости рта. Позвонил в ту ю злосчастную клинику. Они были счастливы выдать мне любую справку. Боялись, что я им выставлю возмещение материального ущерба — крыльцо-то скользкое ихнее.

Если бы чуть промедлил, то в конце июня емельяновское отделение и, по-моему, весь НИИ уже уходят в коллективный отпуск и я застрял бы до осени. А так они успевали только-только меня обследовать, подготовить к операции, сделать ее, понаблюдать и домой отправить. Так что, все получилось во время и удачно.

Там до меня весьма убедительно дошла мысль, что все должны делать специальные люди. Врач широкого профиля — очень хорошо, но хирург лучше специализированный. Как и конкретный слесарь: автомеханик или сантехник, или наладчик и т. д. В этом НИИ все отделения специализированы. 19-е — по голеностопам, коленям и тазобедренным суставам. У них даже общероссийская база данных по рентгеновским снимкам. В общем, сделали они мне все по новой: все

разрезали, вправили, кости стянули болтом, ахилл заново сшили. Новый гипс положили и еще месяц его носить. Болт вынимать через год.

Операция была под общим наркозом. Впервые у меня глюки были. Все вокруг желтое и плоское, а контуры — и людей тоже — обведены жирной черной линией.

С этим гипсом я еще текстов наделал, дипломников всех выпустил. Домашних всех на дачу отправил. Сам хозяйничал. Саша только пару раз помогал уборку делать. С коллегами тусовался. Тома Ипстайна, Еву Адамс принимал. В общем, активничал.

К концу этого месяца начала нога жутко чесаться и полезла из-под гипса на живот и по поясу крапивница. Особого значения этому не придавал, а когда сняли этот гипс, то там черт-те что. Потертости — само собой, но главное — жуткая крапивница: вся нога в красных волдырях. Стал ходить на процедуры — пятна усиливаются. Массажистки отказываются — у Вас псориаз или вообще что-то кожное. Да я их и понимаю — просто неприятно. Пошел в диспансер кожно-венерологический. Там дали справку — аллергия. Покололи меня хлористым кальцием, немного сбили крапивницу. Прошел все процедуры, перезнакомился с половиной поликлиники. Парфенов — друг сердечный. Ногу разрабатываю, но полностью восстановить уже невозможно. Некоторую подвижность стопа утратила.

Крапивница полностью не проходит. Звоню Емельянову — может это от болта ионизация. Я же аллергик. Вот и реакция. Он: «Этого не может быть. Только теоретически. Но, если будете настаивать, болт можно будет вынуть к Новому году. Костная мозоль уже нарастет».

Я дважды еще настоял и в ноябре попал к ним на стол. Работал Емельянов со своим замом. Вдвоем. Когда они вскрыли сустав, выдали трехэтажным ёбом: ткани вокруг болта все черные и уже начался металлоз. Перед операцией я просил оставить мне болт на память. Они мне показали его — весь черный и проржавленный. Спросили — нужен ли он мне? Я отказался.

К этому болту я и возвожу свою астму. Именно после этого усилились насморки, и уже через год начался задых. Аллергологи соглашались — это могло активизировать реакции.

19. Как сказал Емельянов, после сорока надо избегать кофе и крепкий чай, а если уж пить их, то с молоком и закусывать сыром. Дело в том, что и чай, и кофе активно вымывают кальций и кости становятся хрупкими. Особенно это важно для пожилых женщин и суперважно — для тучных. А они как раз особенно любят попить кофеек. И — типичная травма таких тетушек — перелом шейки бедра, а там кровоснабжение, особенно у женщин, практически, нет и срастается очень плохо и долго. И обычно дело кончается суставным протезом.

Емельяновские слова многое подтверждает. Во многих знакомых семьях есть такие бабушки, которые то ли плохо ходят после этой

травмы, то ли вообще стали лежачими. Мой шурин (Нинин брат) в 43 резко повернулся за троллейбусом и свернул колено. Я сам переломы пальцев ног и первый гипс (левое колено) заслужил тоже после сорока. Да и эта история с голеностопом в 49.

Но, в многия знания — многия печали. В 1998 во время летней школы в Сантьяго-де-Компостела слушатели и преподаватели много и в охотку играли в футбол. Заводилами были болгаре и заразили соккером даже американов. С особой радостью бегал организатор и душа школы Михай Спарису — выходец из Румынии, явно соскучившийся по футболу за годы жизни в Штатах. Как-то я предупредил его, пересказав «завет Емельянова» и ушел в город. Вернувшись узнал, что Михай сломал ногу — Александр Киоссеев упал на нее. Бедный Михай доводил школу уже в гипсе и часто вспоминал мое (емельяновское) предупреждение.

20. Кстати о шейке бедра и Штатах. Как семейство Эпштейнов оказалось в Америке — отдельный рассказ (см.). Напомню только, что съехали они не по мишиному желанию — торпеда свербила у жены Елены и ее матери. А была она (теща Михаила) в Москве не простым человеком — каким-то очень серьезным травматологом и даже администратором по этой части. В общем, то ли первая, то ли вторая величина в московской травматологии. Сначала уехали Михаил с Еленой и детьми. Теща дорабатывала до пенсии, а они обосновывались. И вот Михаил обосновался в университете Эмори в Атланте, а она вышла на пенсию и тут же засобиралась к ним.

И надо же было такому случиться — по дороге в Шереметьево она попала в аварию и сломала шейку бедра. С большим скандалом она потребовала, чтобы скорая отвезла ее не в больницу, а к самолету. И ведь рейс не прямой. Пересадка в Париже. Вот как бабу Совдепия достала!

Можно себе представить первую реакцию Елены и Михаила, когда они встречали бабушку в аэропорту Атланты и ее вынесли на носилках! Нужна была операция.

А Эмори это, прежде всего, медицинский факультет с одной из лучших в Штатах больницей. И когда главврач этой больницы узнал, что в Атланте находится серьезно травмированная теща одного из профессоров университета и что это один из ведущих советских травматологов (он даже вспомнил ее фамилию), он заявил, что сделает мишиной теще операцию сам и бесплатно.

Михаил говорит, что у него до сих пор не было бы столько денег, чтобы оплатить эту операцию.

21. И еще о шейках и загранице. Когда я лежал на Байкова, в том же отделении лежала очень активная старушка. У нее уже были готовы все документы к выезду в Израиль, но у нее был застарелый перелом

шейки бедра, и она требовала, чтобы ей вставили протезный сустав. Ее уговаривали, что в Израиле сделают все гораздо лучше, но она категорически требовала сделать все именно здесь — в Израиле это стоило бы очень серьезных денег.

22. И о шейках, протезах и аллергиях. Там же лежала еще одна тетка с той же травмой. И ей очень приспичило, чтобы поставили ей только серебряный протез. Доплатила немалые деньги, поставили ей протез из серебра. А он не приживался у нее 4 месяца. Вскрыли — а у нее уже кости стали оплавляться. Поставили из простой нержавеющей стали, и через месяц она уже ходила.

Уже потом, через несколько лет я узнал, что по этой части люди делятся на две основные категории: одним противопоказаны серебро, алюминий, никель с молибденом и еще чего-то, но показаны золото, платина и бытовая нержавеющая сталь, а другим — наоборот. Все дело в межклеточных мембранах и их реакции на ионы металлов. (Я, например, из первой группы.) Поэтому надо внимательно следить за посудой, нательными украшениями, зубными протезами и т. п. Наверное, и история с моим болтом — сюжет из той же оперы.

23. Дима Серкин рассказывал, как его в армии лечила от ангины медсестра. У него уже распухло горло, что стенки стали смыкаться. Он уже начал задыхаться. Медсестра вскипятила кружку водки, всыпала туда черного перца и заставила выпить эту адскую смесь. Наутро все прошло.

24. Андрей Федотович Лаптев в Мишуково пережил шесть инсультов благодаря козьему молоку и самим козам. Мало того, что Галина Дмитриевна его отпаивала этим молоком, так его еще и два раза находили поздно вечером в лесу только благодаря тому, что испуганные козы окружали его лежащего и блеяли.

25. Когда его прихватила аденома, в больнице, в которую он попал, ему вставили трубку так, что все загноилось и в пузыре, и в брюшной полости. Врачи же только вымогали деньги — например, полторы тысячи за 20-рублевый катетер. Он там стал доходить. Неделю температура за 40. Жена забрала его под расписку. Врачи прямо сказали, что он протянет еще от силы несколько дней. Она положила его в больницу Мечникова, где его в два дня буквально оживили. Задавили перитонит и все прочее. Он вскоре опять уехал на дачу. И без денег.

Похожая история была у Распопова из Нижнего. Нынешние российские больницы стали конвейерами смерти. Особенно для пожилых. Им не стремятся продлить «срок дожития». Денег в стране мало. На них.

26. Читал и слышал о пользе чистки кишечника от всяких шлаков и давно думал — как бы это сделать. Самому возиться с клизмами — сюжет трагикомический, а при моей занятости особенно. И тут сваливается на меня бесплатная путевка в санаторий в Анапу и там в перечне всяческих оздоровительных услуг эта самая чистка. Ну и слегка запахло в душу.

Приезжаю в этот самый «ДиЛуч». Лечащий врач назначает мне всяческие процедуры и намекает на чрезвычайную пользу МОК — мониторинга читки кишечника. Мол, хоть это и платно, но вдвое дешевле, чем в Питере и Москве, эффект колоссальный, особенно для астматиков и вообще — все очень интеллигентно — шортики выдают и делает это врач, а не медсестра. Я слегка насторожился, но решил рискнуть.

Прошел подготовку: с вечера не есть, три клизмы вечером, три утром, в кассу и — на МОК. Уже клизмы меня почти деморализовали, но решил, что надо иметь и такой опыт. Дальше больше. Прихожу уже на сам МОК. Очень милая и все выдавшая медсестра выдает мне шорты: «Только одевайте, чтобы прорезь была сзади.» Одеваю. «Забирайтесь на кресло.» Только тут заметил конструкцию, напоминающую сюжет с Чолпон Хаматовой в «Лунном папе». Спрашиваю: «Это что — гинекологическое кресло?» — «Ага!». И так радостно на меня смотрит. Сажу. Приходит врач. Надевает почти скафандр. «Задирайте ноги.» Задираю, кладу голени на эти подставки. Вставляют мне в задницу шланг и делают этот самый МОК. Сеанс 40 минут. И таких сеансов четыре.

Ситуация комичная до предела. Лежит задрав ноги взрослый мужик в здоровом уме со шлангом в жопе, который держит, действительно, оказавшаяся очень интеллигентной тетка и мы с нею и сестрой обсуждаем разные сюжеты о погоде, Анапе, Питере, отпусках, искусстве... Причем я и они меня видим друг друга в рамке моих задраных и раскоряченных ног. Так и беседуем. И все понимают комичность происходящего. Занятно это было.

Когда сказал врачихе, что расскажу жене, что и я полежал в гинекологическом кресле, она улыбнулась: «Вот, теперь узнаете!» Так что поимел я нового опыта предостаточно. В том числе — трансгендерного. А по части пользы — не знаю. Знаю только, что эта чистка разрушает микрофлору в толстом кишечнике и поэтому после нее надо еще делать микроклизмы с бифидобактериями, чтобы нормализоваться.

27. В самой Анапе находиться было невозможно. Жара. Спать можно только при открытых всех дверях и окнах с включенным вентилятором. В городе толпы народу. Дети. Их мамы. Просто ебучие тетки. Везде гремит музыка — попса и блатняк. Сомнительные шашлычки, чебуреки и вино, вино, вино. Цены почти на все — выше питерских. Подойти к морю невозможно, не наступив на кого-нибудь. А в самом море водоросли и сплошная органика. Дети-с-с-с-с-с-с-с.

Поэтому еще до окончания этой самой МОК, к концу первой неде-

ли пребывания в этой долбаной Анапе плюнул я на все ихние процедуры и стал каждый день уезжать. На Утриш, в Благовещенскую, на Абрау, в Тамань. На Утрише галька. В Благовещенской меленький ракушечный песочек. Море сказочно чистое. Особенно зачастил на Утриш. Горы. Хочешь — вверх в зеленку, хочешь — вниз к морю. Народу мало. А тот что есть — нравы простые. Купаешься и загораешь голышом. Полная раскрепощенность. Только там и почувствовал, что я на море. Как потом говорил, на всю Анапу три хороших места — Утриш, Благовещенская и Абрау-Дюрсо — и все подальше от нее.

При выписке лечащий врач, полистав курортную книжку, спрашивает: «Значит, плюнули на процедуры?» — «Ага.» — «Ну и правильно. Все это Вы можете и в Питере иметь, а вот море — нет».

28. Валерий Андреевич Карпунин — лучший философ среди художников и лучший художник среди философов — когда заведовал кафедрой философии в Консерватории, перешел на учет в поликлинику Союза театральных деятелей, обслуживающую работников искусства и культуры. И там нашли у него какие-то неполадки в сердце. А дальше он уже попал на конвейер: кардиолог, УЗИ, томограмма... Необходимо искусственный клапан, потому как его клапан уже сильно кальцирован.

Надо делать операцию. Лег он в специализированную хирургию I-го меда. Операция бесплатная, но клапан и лекарства надо закупать самому. Клапан стоит \$ 3000 и, помню, скидывалось нас на этот клапан несколько человек. Гарантия у клапана оказалась 90 лет и Валера потом шутил, что жить теперь придется соответственно. Правда, теперь и что завещать есть: как никак — 3 тысячи баксов в себе носит.

Операцию, в целом сделали удачно. Одно было только удивительно: грудную полость ему вскрывали не как теперь везде делают — надрез вдоль ребер и раздвигая ребра, а по старинке — резанули пилой ребра поперек и раскрыли крышкой. Но и это бы ладно, так ведь почему-то, закрывая грудину, ребра не скрепили специальными скрепками. В результате ребра у него не срослись больше чем за год. Грудина хлюпала. Спать он мог только на спине. А поездки в транспорте, особенно в час пик стали мучением — не дай Бог, сдавят.

Пришлось через полтора года опять лечь на операцию. Опять ему пилой разрезали по старому шву, зато поставили платиновые скрепки, и все срослось потом удачно.

Во время операции хирург — а обе операции делал заведующий отделением, уронил на Валеру включенную электропилу. Слава Богу, Валера был под общим наркозом и упала пила не на горло и не на пах, а на плечо и подмышку. Наложили 16 швов. На всяких уколах-переливаниях Валера на всю оставшуюся жизнь заработал гепатит в какой-то экзотической, не излечиваемой форме.

29. Как выяснилось, у того хирурга-завотделением вообще непросьтые отношения с электропилами. Когда он завел дачу, коллеги подарили ему шведскую электропилу. Он, радостный, в первый же выходной поехал на дачу, включил пилу и тут же... разрезал себе колено. Сам наложил швы, полежал в своей же клинике, но что-то получалось не очень.

Лег в клинику приятеля в больнице Кировского завода. Там ему все сделали как надо, и он в благодарность подарил приятелю — заядлому рыболову — фирменный спиннинг. Тот обрадовался и в ближайший же выходной поехал на рыбалку. И на первом же броске задел крючком глаз и порвал роговицу.

Лег к своему другому приятелю в клинику Федорова. Там его залечили, и он спрашивает своего приятеля — что ему подарить. Тот заявил, что ему от него не надо НИЧЕГО и что эту цепочку надо обрывать.

30. Врачи, все-таки, бывают молодцы. А если их профессионализм своевременен, то получается просто — цены им нет. Другая история из сердешной жизни питерских профессоров-философов. Юрий Михайлович Шилков — очень активный, жизнерадостный и веселый человек. Крепенький, моторный такой. Жизненной силой и оптимизмом так и пышет. Занемог. Слабеет и слабеет. Врачи сбились с ног — чего только не думали. Уж и на СПИД проверяли. А человек все слабеет. Уже и сам ходить не мог — под руки водили.

Только один терапевт сказал, что что-то с сердцем и настоял на операции, хотя томограмма ничего особенного не показывала. Решились. Хирург, оперировавший его, потом рассказывал, что, вскрыв сердце, он несколько минут думал, что делать. Сердце было нормальное. Но он рискнул и вынул сердце из грудины, чтобы глянуть его стенку. А там оказалась какая-то язва. Очень редкий случай.

Сердце урюно вырезали, промыли, вычистили и зашили язву. Теперь уже не так бегает, но столь же активен. Эти терапевт и хирург, фактически, подарили ему жизнь.

31. Третья сердешная философическая история. Борис Яковлевич Пукшанский — завкафедрой в Горном все последние годы жил по Амосову. Приседал и отжимался безумное количество раз, бегал ежедневно по 7–10 км, тщательно следил за диетой. Сам он невысокий, сухонький, поджарый и потому, когда чего-то занемог, то не поверил врачам, когда те ему сказали, что ему срочно необходимо шунтирование сердца. «Ведь все анализы крови показывают, что холестерина нет!» — «В крови нет, а сердце кальцировано». — «Как так может быть?» — «А у Вас папа в каком возрасте умер? В 51. От чего, помните? А мама — в 53? От чего? От того же самого. Наследственность! В крови холестерина нет, а там где надо он откладывается». Боря попупи-

рался, но ему сказали, что если он еще протянет месяц, то с нового года операция станет платной.

На операционном столе он пролежал вместо положенных двух с половиной часов — больше четырех. Легкие уже совсем скукожились и родным его сказали, что надо готовиться ко всему. Но, проведя несколько дней в реанимации, Борис выкрутился.

Оказалось, что врачи не могли у него найти на ногах целых вен для шунтов. У него, как у бегуна-стайера, все ножные вены были очень разветвленные. Я вспомнил, что у Владимира Куца, который тренировался сверх всякой меры, ноги даже кровоточили — ведь необходима доставка кислорода ножным мышцам и сосуды доходят до кожного покрова, набухают и лопаются от перегрузки.

Борису все ноги изрезали. В конце концов навставляли кусков одной вены в другую, чтобы закрыть «перфорацию» и из таких двойных фрагментов сделали шунты. Потому и затянулась операция.

Боря говорил: «Да если бы я знал, я бы не бегал!»

Теперь Карпунин, Пукшанский и Шилков, когда встречаются — на защитах или конференциях — всегда в какой-то момент обособляются и ведут какие-то сугубо свои, для непосвященных плохо понятные разговоры.

32. А есть еще профессорское братство по части остеохондроза.

Толя Мигунов однажды летом (он то ли учился в аспирантуре, то ли уже защитился) поехал метро в центр города. А жил он тогда где-то на севере. Была сильная давка, вагон тряхнуло и он так и сел какой-то тетке на колени. Та его отпихивает и кричит, чтобы он встал, а он не может. Спину перехватило — шевельнуться не может. Ну, люди раздвинулись, он угнездился и так доехал до конечной в Дачном, где его прямоком скорой помощью доставили в больницу на Костюшко. И месяц там пролежал.

33. Альвину Хачатурян (теперь — Панфилову) прихватило на лекции. Одна из студенток заявила, что может сделать необходимую мануальную терапию. В перерыве она попыталась размять Альвине позвонки, и ту так скрючило прямо на столе, что только в такой позе ее и смогла увезти потом скорая помощь.

34. Диомид Павлович Шевяков имел давний опыт остеохондроза или радикулита. И подошел к нему с научной точки зрения. Лечение, как он понял, возможно только или теплом, или механическое растяжение. Поэтому он периодически висел на специальном турничке, который соорудил дома. Причем, висеть надо не на руках — толку от этого мало, поскольку растягивать надо именно позвоночник. Как он говорил, самый радикальный способ растяжения позвоночника в висе — петля на шее и болтаешься здоровехонький в спине.

35. Но всех переплюнул Размик (Эразм) Айдинян. Его скрутило очень серьезно. Два месяца он мог лежать только поперек кровати. Все это время его кололи, процедуры всякие делали, массаж. Было это в академической больнице. Наконец, решили делать операцию. Почему-то отвезли в другую больницу, там располосовали спину. Толку никакого.

Размик — теоретик и методолог от мозга до кости — за это время сам влез в литературу. Вычитал, что причина болей — спазм коротеньких, но очень сильных мышц, соединяющих позвонки. Причиной спазма могут быть переохлаждение, долгое нахождение в определенной позе. Всякие смещения, ущемления и прочее, что обычно лечат, — производны от этого спазма.

Поэтому радикальное лечение — снятие спазма, расслабление этих мышц. Добиться этого можно либо с помощью тепла, либо интенсивного и грамотного массажа, либо просто укола лекарством, расслабляющим гладкие мышцы, например, но-шпы. Размик довольно тучен и потому массаж и тепло ему и не помогали. И он месяц упрашивал лечащего врача сделать укол. Тот все не верил. В конце концов, укол сделали, и от первого же укола боль прошла.

36. Володя Огородников рассказывал как он ездил куда-то на север читать лекции и принимать экзамены то ли в Мурманск, то ли в Североморск. Идет по улице и видит на Доме культуры афиша: «Сеанс белой и черной магии. Сеанс проводит православный колдун Академик оккультных наук такой-то. Вход бесплатный». Особенно поразило его словосочетание «православный колдун».

Пошел. Обычное «даю установку» и многоуровневый маркетинг, когда деньги делаются не на платном входе, а на продаже каких-то трав, талисманов и т. п. Но, главное, желающим предлагалось поучаствовать в сеансе гадания и предсказания судьбы на гениталиях 10-летней девочки!

Тут уж Вовка не выдержал, пошел к директрисе ДК — что ж вы делаете-то? Понимаете, чем этот пахнет. А та в ответ: «У него лицензия есть и он аренду платит. Остальное нас не касается. Знаете как с деньгами в культуре!?»

37. Тот же Володя рассказывал про убийство, произошедшее у него на глазах. Володя выскочил в магазин. А там в винном отделе какой-то занюханный мужичонка полез без очереди. Здоровенный мужик его оттащил за шиворот. У плюгавого в руке была бутылка. Он каким-то мгновенным движением руки разбил ее о стенку сзади себя и ткнул получившейся «розочкой» в шею мужчине. Тот схватился за шею, оттуда фонтаном хлынула кровь — розочка перерубила сонную артерию. Мужик как-то на глазах стал угасать, упал и помер.

Володя с еще одним мужчиной кинулись к убийце, вывернули ему

руки, но тот — профессионал — повиснув на их руках стал бить их ногами. Но тут подросла милиция.

38. Староста нашей университетской группы Володя Меньшиков как-то не задался по части философии и социологии. Пытался и преподавать, но не пошло и это. Только труд в школе. А женился быстро. На рыженькой такой Лене, продавщице из Академкниги. И жить особо негде. Он, аж, на БАМ, бедняга, подавался. Еле живой оттуда выбрался.

И они сознательно стали реализовывать программу обустройства жизни через ... детей. Стали они рожать детей. После второго им уже выделили приличный маневренный фонд сначала на Садовой, а потом мансарду на Крылова, между Гостиным двором и Публичкой.

Но они не остановились. С пятым ребенком они получили уже большую квартиру в новостройке, а с седьмым — две квартиры на одной площадке, так, что они поставили дверь на тамбуре в целом и получили полэтажа.

За время учебы мы были очень дружны с Володей. Он мне всегда нравился и нравится своей решимостью все делать самому. Да он и делает. Он отличный плотник. И вообще, много чего руками делать может. И, как выяснилось, не только руками.

Так вот, как оказалось, именно по этому поводу, возник напряг. Когда мы (компанией или семьей) или я один приезжали к ним, то дети просто висли на нас. С глазами голодными на ласку. Было очевидно, как на этом конвейере жизни им ее не хватает. Лена же, самореализовавшись таким своеобразным образом, стала учить других жен жизни. Все бы ничего, ежели б не тон. А потом я заметил как их старшая дочь Маша, пестовавшая всех подряд, завела себе собаку и, в общем-то, стала строить дистанцию по отношению к остальным. А потом быстро вышла замуж, и дома ее почти не видят.

Но я не о том. Володя молотился на Ждановском заводе, подрабатывал сторожем. Дома бывал считанные часы. Наконец, уже в постсоветское время устроился в строительную фирму, строящую коттеджи для инофирм и New Russians. По-моему, они стали подумывать о еще одном ребенке. Но быть тому было не суждено. Володя на стройке свалился с перекрытия на целый этаж и не просто упал, а на доску, стоявшую ребром — как раз промежностью. Год он лечился, слава Богу, отошел, но о новых детях они больше не говорили.

39. Как-то иду по Владимирскому. Навстречу Таня Петрова, что училась вместе с Гусевым и Волошиной, а сейчас у нас работает на кафедре философии. Диссертацию писала по философским вопросам физической культуры. Она полукровка — то ли бурятка, то ли якутка. Идет с пакетом, похоже, с Кузнечного рынка. Лицо и так круглое, а тут — совсем плоское, если не опрокинутое, а глаза круглые-круглые и остановившиеся.

«Что с тобой?» — «Да вот, иду от врача. Сказал — Вы скоро умрете... Я ему — не может быть, доктор! А он в ответ — а вот увидите! И вот зашла на рынок... Зачем?..».

Позже она рассказывала, что когда пришла с жалобой на этого врача к главврачу поликлиники, тот ей ответил: «Но доктор же обязан предупреждать. Это его профессиональный долг».

40. Саша Барсукевич рассказывал, что в кардиологическом отделении Мариинской больницы при выписке пациентам дают распечатку с рекомендациями: питание, образ жизни и т. д. Одной из рекомендаций было выпивать ежедневно 50 гр. коньяка. Какой-то шутник влез в компьютер и заменил 50 на 500. Никто этого не заметил, и около года врачи выдавали сердечникам рекомендацию пить ежедневно по 500 гр. коньяка. Пока какая-то тетка не прибежала с криками, что у нее нет таких денег, чтобы поить больного мужа двумя литрами коньяка в неделю.

41. В одной из поездок, включаю в гостинице радио и слышу новости медицины. Оказывается, австрийские врачи провели большое исследование и выяснили, что все люди делятся на две основные группы.

Первые — бегают, суетятся, активничают и ... утыкаются. Другие — ноют, стонут, лежат и... тоже утыкаются. И происходит это, у представителей обеих групп, примерно, одновременно.

Очень мне понравились «австрийские врачи» и их «большое исследование» со столь нетривиальным результатом!

Игра жизни идет в одни ворота и кончается одним и тем же результатом. Кто бы за какую команду, при каких бы спонсорах, против кого бы и при каком судействе бы не играл.

42. Моя старшая двоюродная сестра, которую я никогда не видел, и она меня не дождалась, — утонула в Разливе, где снимали дачу.

Подруги уже пошли домой. А она решила еще раз окунуться. Такие «в последний раз» — очень опасны.

43. Бабушка моя, которую я никогда не видел живой умерла в последнюю блокадную зиму. Всю блокаду пережила, к врачам никогда не ходила. А тут чего-то занемогла. Уже блокаду сняли. Положили ее в больничку, а там ее в коридоре выкупали. Воспаление легких и все.

44. Мама умирала долго. У нее было несколько инсультов, и из одного она не встала. Дома лежала, в больнице. Там и умерла.

Говорят, что люди с инсультом левого полушария, когда остается правое (т. е. парализуется правая часть тела), встают. Они агрессивны и на злости встают. А с парализованным правым полушарием (когда парализуется левая рука и левая нога) впадают в благостное расположение духа и лежат расслабленные. Это мамин случай.

45. Папа же умер во сне. Накануне я привез его из больницы, где он лежал на обследовании. Мы спали в соседних комнатах — у меня уже с Ниной было не просто. Под утро он прошел мимо меня в туалет, вернулся, лег. Через пару часов я проснулся и что-то мне не по себе. Какая-то не та тишина. Встал, подошел к отцу, а он уже холодный.

46. Папу быстро отвезли в морг городского крематория. Назначили время, когда привезти вещи для одевания накануне кремации.

Я поехал. Сидим в каком-то предбаннике. Выходит санитар в переднике — весь в крови. Называет фамилию. Тетка встает со своим узелком, уходит. Через пару минут — вопль душераздирающий и еще через пару минут тетку выводят под руки. Следующий... и ситуация повторяется. Я уже начал догадываться — в чем дело. Приходят за мной. Иду. Отец лежит с совершенно иссиня черным лицом. Санитары с интересом смотрят на меня: «Косметику делать будем?» — «Сколько?» Называют сумму. Я плачу, отдаю вещи и ухожу. То есть они, сволочи, специально держат покойника лицом вниз под уклоном, чтобы кровь прилиwała к лицу. Чтоб страшней было. Чтоб родственники обалдели и быстро платили любые деньги. За что? Они переворачивали тело, кровь отливала, и деньги делались.

47. Эмиль перенес несколько инфарктов. Один из них был очень мощный, но он как-то на автопилоте дошел до дома. Как поднялся пешком на 8-й этаж, он уже не помнит, но дошел до квартиры и кровати. Откачали. Встал. Он, как и папа, очень боялся потерять ноги, на которых уже практически не прослушивался пульс. Но умер, все-таки, от инфаркта. Стал готовиться ко сну. Сел на кровать. Нагнулся снять носки — и все. Лида из соседней комнаты только услышала, как он ее позвал, прибежала, а он уже остывает.

48. Похожая смерть и у Бори Бондаренко. Они поужинали. Лена с Кириллом понесли посуду мыть на кухню. Услышали, как он упал, а когда прибежали, все уже было кончено.

49. Повезло Саше Барсукевичу. Он шел на дежурство в нотариальную контору, уже по Невскому, когда его прихватило. Резкая и очень сильная боль. Успел добраться до конторы, вызвали скорую. Те сказали, что повезло. Еще бы минут 10 и поздно было бы — очень мощный, многосторонний инфаркт.

Спустя два года ему опять повезло. Прихватило на работе (ночной охранник). Приехала скорая. Сделали укол анальгина — что мертвому припарки. Он слышал реплику: «Может наркотик вколоть?» — «Не стоит». Наркотик врачи сберегли себе. А Саше предложили пройти в машину. Через двор — на улицу! Еле дошел и упал в машине. Но доехали до Мариинской больницы. В кардиологической реанимации не

сделали почти ничего — мест нет. Полночи пролежал, корчась о дикой боли без всякой помощи. Проходили мимо врачи, поглядывали и отходили. Под утро перевели в реанимацию травматологии. Это и спасло. Потом он узнал, что у той смены в кардиологии на утро четверых увезли в морг. В травме оказались молодые ребята, которые вкололи все, что надо. К вечеру Саша уже встал. Когда он уже выписывался закардиологии напоследок сказал ему: «Надо же! А ведь уже реально помирал». Наверное — сожалеет. Современные российские больницы — конвейеры смерти. Надо же сокращать «срок дожития». Много лишних людей. Саша так и говорит — никому больные не нужны.

50. А Валере Лапицкому не повезло. Летом пошел в магазин. В сандаликах и ковбоекке. На улице прихватило. Полдня провалялся на улице — думали пьяный. Не придет же в голову, что это профессор, доктор философских наук. Когда врачей позвали, он еще жив был, но по дороге умер.

51. Борис Борисович Вахтин (ББ) умер летом, когда все были на даче. Пришел домой, почувствовал себя неважно, вызвал скорую, открыл дверь, лег и умер.

52. Иосиф Нусимович Бродский умирал в полном сознании. У него поэтапно отключались системы — почки, печень и т. д. — а он лежал и решал в уме энтимемы.

53. Жутковато умер Андрей Демичев. Он был большой, широкий, цветущий мужчина. Занимался танатологией. Говорил мне: «Весь стёб в этом! Университетские старперы этого не понимают — чтобы смертью молодые и здоровые занимались!» Было полуформальное Общество танатологов, выходили сборники «Фигуры Танатоса».

Первая ласточка была, когда он поехал на юг с любимой женщиной. Автобус свалился с откоса. Он остался цел, но она умерла у него на руках. Он очень переживал. Подолгу сидел с бутылкой на кладбище.

Потом как-то зимой проводилась конференция в Москве, в Институте человека РАН. Андрей числился в Питерском филиале, которым заведовала Татьяна Артемьева. Андрей должен был приехать в Москву из отпуска — прямо на конференцию. А из Питера поехали Татьяна, Леша Грякалов и я.

Приехали, прямо с поезда — в Институт человека. А там новость — Демичев помер. И мы с Грякаловым и Вадимом Львовичем Рабиновичем поехали отправлять тело в Питер.

Со слов его мачехи, с которой он был очень дружен, он приехал из Турции, куда возил на каникулы сына Платона. Сына отправили в Питер, а Андрей, чтобы не мотаться туда-сюда, остался — почувствовал себя неважно. День просидел — телевизор смотрел, книжки чи-

тал. Поплохело. Вызвали скорую. Те сделали кардиограмму — сердце в порядке. Переутомился, надо выспаться. Сделали укол, поспал. Проснулся — опять плохо. Другие приехали — опять кардиограмма хорошая. Опять — укол, поспал. Ночью проснулся, пытался встать, упал. Мачеха опять вызвала скорую. Пока те ехали минут сорок, все это время кричал не человеческим голосом, потом завыл и умер. Когда приехали, уже поздно было. Татьяна сказала: «Теперь на танатологии можно крест ставить. Никто близко подойти не будет. Будут разговоры — вот, доигрался». Все так и было.

54. У Бориса Федорова был один ребенок — дочка. Они с женой в ней света белого не чаяли. В 20 с небольшим она нашла хорошую работу, сошлась с хорошим парнем, дело шло к женитьбе.

Как-то утром она вышла из дому и прямо у парадной попала под машину — водила неудачно маневрировал. Закрытый перелом ноги. Она еще сама добрела до квартиры. Вызвали скорую. Борис настоял, чтобы везли в Военно-морскую Академию. Радовался, что в хорошие руки попала.

Но у нее началась эмболия. Врачи накачивали ее лекарствами, иногда приводя в сознание, чтобы убедиться, что она жива. Потребовались переливания крови. Мы, почти вся логическая община, бегали сдавали кровь — брали любую и она шла в зачет. Но не спасли, и через 6 дней она скончалась. С Борисом было долго плохо. Крыша слегка поехала, обращался к психологам и психиатрам.

55. После смерти Иосифа Нусимовича Бродского Борис Федоров звонил в Москву Смирнову и они согласовывали текст некролога.

Смирнов начал довольно уверенно, но на словах «Иосиф Нусимович был...» запнулся, помолчал и продолжил: «крупным отечественным логиком».

56. Очень часто новое дело начинают странные люди. Первой исследования новой российской благотворительности и некоммерческого сектора вообще начала Алла Соловьева. Она работала с Кобаком в Балтийском гуманитарном фонде, который он сделал под себя, уйдя из Фонда культуры. Алла отвечала за издательскую работы, а когда Саша ушел в Фонд Сороса, то оставил ее вместо себя на ферме. Это была очень нервная экзальтированная особа. Уже серьезно около 30, не замужем, она вся ушла в работу. Именно благодаря ей были опубликованы библиографии, сборники даже самых мелких семинаров, обзоры периодики по благотворительности в перестроечной и постперестроечной России. Она сама проводила опросы чиновников, банкиров и меценатов. Именно благодаря ей и Саше стали регулярными серьезные конференции. Питер сделался центром исследований некоммерческого сектора.

Будучи на самом гребне этой волны Алла вышла замуж. Говорят, очень приличный парень. Вскоре после свадьбы они поехали на дачу в Синявино. Поужинали и вышли пройтись перед сном. Утром их тела нашли на расстоянии 10–15 метров друг от друга прямо на дороге. Очевидно, вечером по ней кто-то несся к себе на дачу, сбил их и скорее умчался прочь. Эту машину так и не нашли, хотя удар должен быть очень сильным.

57. Карпунин погиб на взлете. Как уже рассказывалось, он долго боролся с сердцем — две операции. На второй операции подхватил гепатит-С и давил его. Все это стоило бешеных денег. Один только клапан стоил \$ 3000, а еще лекарства... Мы скидывались и говорили, что не ждем отдачи. Но он отдавал. Работал помногу. Сошелся с протестантами и католиками. Ездил по их семинарам. Начал работать на радио «Мария» — читал не проповеди, но нравственные разъяснения. Почти как Честертон. Это совпало и с его путем к Богу, который начался в конце работы над докторской диссертацией. (Все началось с маленького примечания, которого еще не было в монографии). Принял католичество. Как выяснилось на похоронах — готовился к принятию сана.

А погиб около дома. Пошел платить за мобильник и на обратном пути, у дома, его сбита машина. Он упал и ударился головой о поребрик. Встал и пошел домой. Машина уехала. Он позвонил жене, рассказал, что произошло, и вызвал скорую. Те приехали за ним. По дороге он потерял сознание и умер в операционной — мощное кровоизлияние в мозг.

Хоронили Валеру три общины — представители трех миров его жизни, трех его идентичностей: художники (однокурсники по ЦХШ и почти все руководство Академии художеств), философы и католики. Хоронили тихо, по католическому обряду. Меня поразил священник. Молодой парень, сухие сильные и очень рабочие руки слесаря. Люба потом говорила, что католический обряд ей нравится больше всего.

После карпунинских похорон Люба уехала на дачу. Включила радио, а оттуда Валерин голос: «Бог есть...». Оказалось — повторяют цикл его передач.

Спустя год звонит тетечка и представляется «любимой аспиранткой Валерия Андреевича». Она прочитала мой текст некролога и хотела бы, чтобы я принял участие в радиопередаче, посвященной Карпунину. Она пригласила еще Гусева, Кефели и еще какого-то дядечку из католической общины.

Мы пришли на радио и сделали запись. Тетечка была вся деловая. Оказалось, что она позвонила и Тане, представившись все той же «любимой аспиранткой» и попросила разрешения ухаживать за могилой. Можно себе представить, что подумала Татьяна. Но увидев тетечку, она успокоилась: та была года на два старше Валеры.

Но эта аспирантка развила бурную деятельность. Оказалось, что во время похорон ее просто не было в городе. Зато она наверстала упущенное с лихвой. На могиле стала сажать цветы, ставить скамейки и т. д. Таня еле ее уняла. Потом эта передача. Наверное, так и создаются культы.

58. В начале июня 2004 года в Питере на пороге собственной квартиры был застрелен этнограф Николай Михайлович Гиренко. Он работал в Кунсткамере, но активно участвовал в политической жизни Питера начала 1990-х, был даже депутатом Петросовета. И потом остался в политике, но косвенно — как судебный эксперт по национально-этническим конфликтам. Только благодаря его экспертизам были выиграны процессы против нескольких нацистских группировок Питера, Великого Новгорода.

Удивительно тихий и спокойный человек. Я с ним имел дело, когда мы с Аракеляном (известным практикующим правозащитником) пытались подписать городские власти на участие в программе ЮНЕСКО «Год мира». Тогда Гиренко, вроде бы, планировался на участие в выборах омбудсмана СПб.

Воскресным утром раздался звонок в дверь. Подошла дочка: «Вам кого?» — «Николая Михайловича можно?» Он подошел, подал голос и получил через дверь пулю дум-дум. Она попала в плечо, но и этого было достаточно.

Прощальная церемония была в Президиуме Академии наук. Пришла почти вся демократическая общественность.

Когда, все закончилось, и Тропп объявил об окончании прощания, слова потребовал странный, маленького роста человек.

Я одноклассник Гиренко. Долгое время руководил предприятием в Москве. Тут присутствуют еще 4 одноклассника — все были капитанами отечественной индустрии. А еще надо отметить нашу классную руководительницу. Она тоже здесь присутствует.

И отошел. Господи, что у людей в головах. Особенно поразило «а еще надо отметить». Ну да, все о Гиренко, да о Гиренко... А обо мне?!

59. Думаю, ранняя смерть — в чем-то счастливая. Без мучительных болезней, лечений, страданий и тягот — твоих и близких. Человека хоронят его многочисленные друзья, коллеги, в памяти которых он остается молодым, полным сил, планов, надежд. Это всегда событие — трагическое, но яркое в своем трагизме. Плохо только, если родители переживают своих детей.

Зажившемуся на этом свете, пережившему свое поколение, а то, не дай Бог и своих детей, наверное, совсем худо. Большинство тех, кто близок тебе, уже ушли. Бытие для него становится все более поцрестым. Потеря каждого близкого образует в сознании все больше пустот. Те, кто вокруг тебя, возможно и славные люди, но они не воспол-

няют потерь, а твой опыт и их — совершенно различны. То, что дорого тебе — им непонятно. И наоборот. Они знают тебя уже только как седого, слабого, а то и немощного старика. И твоя смерть — не социально значимая трагедия, а избавление.

60. Статистика авиакатастроф показывает, что самое безопасное место — в хвосте. По ряду причин. То он отламывается и отстает от остальной части, которая взрывается, то он планирует, то еще чего. В Магнитогорске самолет после взлета задел вышку на горе и упал. Спаслись только двое: второй пилот и стюардесса. Они занимались любовью в хвостовом туалете.

61. По радио сказали, что американцы вывели формулу любви. Имеется в виду гормональное вещество, выделение которого вызывает влюбленность. Оно выделяется волнами. Сначала, когда ты ходишь во вневнятных чувствах, которые не направлены на кого-то конкретного. Потом — когда объект нарисовывается и организм хотел бы сделать с ним (объектом) ребенка. И эта волна выброса продолжается не более 120 дней. При постоянных отношениях это вещество выделяется умеренно, но не более 11 лет — как раз, чтобы вырастить десятилетнего ребенка. Химия!

XX. Конь в пальто, или Двуликий Анус (Языковые казусы)

1. Мне везет на опечатки. То тезисы «Дважды отставший М. Бахтин» (имелась в виду маканинская метафора «отставшего») вышли под названием «Дважды опаздавший М. Бахтин». То в «XX век и мир» опубликовали мою «Меланому понимания» под другим названием и переврали фамилию на Кульчинский.

Книга «Проблема осмысления действительности» вышла с обложкой, на которой было название «Проблемы осмысления действительности» — и это несмотря на мое устное и письменное замечание художнику и редактору. Зато я получил возможность отслеживать по ссылкам — кто внимательно читал книгу, а кто не заглядывал дальше обложки.

Статья в «Неве» о самозванстве как безответственной нетерпимости в оглавлении журнала названа «Безответственная терпимость». Я уже не говорю о бесконечных Григориях.

Но настоящий шедевр — опечатка в «Философских науках», опубликовавших мою первую работу о логике Льюиса Кэрролла. Там, в шапке статьи, я был представлен как кандидат фалософских наук. Получив оттиски статьи, я подчеркнул в них эту опечатку красным фломастером и дарил оттиски знакомым женского гендера со словами: «Тут опечатка — вместо двух «л», почему-то, одно!»

2. Примерно в то же время я решил заняться этимологией своей фамилией. Сюжет вызревал давно, но последней каплей стало обнаружение мною на карте Румынии в гирле Дуная города Тулча. Тульчин на Украине — хорошо известен: Южное общество декабристов, Пушкин.... Мы с Ниной и детьми даже ехали туда, да не доехали, свернули от Ямполья в Молдавию. Я всегда считал, что фамилия — по этому городу. Когда была первая перепись в России, многим евреям в черте оседлости давали фамилию по городу, откуда они родом. Отсюда: Бродские, Шкловские, Ямпольские... А тут — Тулча.

Полез по словарям....

Румынский: *tulnic* — пастушья труба, трембита
tuluc — бычок
tulum — труба, бурдюк

Польский: *tuleya* — втулка
tulejka — втулка, гильза
tulac sie — болтаться, скитаться
tuluc — прижимать, ласкать
tulow — туловище

Литовский: *tula* — поселок, колония

Ну, и русский: *тулить* — крыть, скрывать (ср. притулиться, ссутулиться)

туловище — целое, без рук, без ног, без головы
туло, тул — колчан, трубка для стрел
тул — столб, подпора
тулун (из монгольского) — бурдюк
тулум (сибирское) — большой валун
тулук — мех, шкура, снятые целиком (ср. тулуп)
тулучун (сибирское) — годовалый баран (с копыта, видимо и снимается шкура целиком)
тулья — цилиндрическая часть шляпы

Получается что-то болванкообразное, целиковое, цилиндрическое, палкообразное (опора, подпорка), туда-сюда болтается и связано с ласками и прижиманием. Фаллос! Ср. «толкать» (*to fuck*), дуло, дуля.

Тут уж я понял, что опечатки не случайны. Это результат коллективного бессознательного, архетипичного. Если уж Тульчинский, то науки — с неизбежностью — фаллософские!

3. Весной 2004 года коллеги из «Интерстудио» подарили мне отклеенную этикетку с банки консервированных огурцов, на которой значилось: ЗАО «Тульчинский консервный завод». Обещали сообщить в налоговую службу.

Через год подарили обертку масла «Тульчинка» Тульчинского маслозавода. Бренд!

4. Русский язык — уникален. Это единственный в мире язык, в котором оценочность лексики достигает почти 40 %. Иначе говоря, почти половина русского словарного запаса оценочно нагружена. В любом другом языке — банту, суахили, английском, немецком... — эта цифра не превышает 15 %, а тут — 40 %. Это означает, что по-русски ни о чем спокойно выразиться не возможно.

Русский дискурс богато интонирован. Я с этим столкнулся лично после рождения младшей дочери — просто Марии. И вдруг откуда-то полезло: Манюся, Масюся, Масыся, Манюля, Марусюся... Я решил выяснить — сколько же имен у моей дочери? Начал просто считать и сломался на 60-и с чем-то. Уловил систему — пять корневых: Мар, Ман, Маш, Мас, Мур. И начал вешать на них суффиксы, которых в русском не мерено: ук, ин, ас, ус... Да с итерациями! Типа Масюся... Построил даже таблицу. Понял, что число имен уходит за шестую сотню и бросил. В каком еще языке такое возможно!

5. Русский — язык поэтов, проповедников, самозванцев. Он ориентирован на правду-идеал, но не на правду-истину. Если для русского

человека, что-то не соответствует реальности, то тем хуже для... реальности. Русский дискурс тропирован, но не терминирован. Поэтому вечный сюжет — засоренность русского языка иностранными словами. Просто, когда русский человек хочет о чем-то выразиться спокойно, безоценочно, терминологически точно, объективно, он всегда берет иностранное слово. Это по-польски *kiegownik* — это и водитель, и руководитель, и штурман, и кормчий. В русском же, кто такой начальник (да если еще с лагерной интонацией!) все знают! Поэтому — подавай менеджера....

Уже говорим на птичьем языке типа «Берешь менеджера, вставляешь в спонсор и с помощью лизинга добиваешься промоушена» — почти осмысленная фраза! В обоих смыслах — в менеджментном плане и в плане...

6. Все вузы теперь по всем специализациям готовят только менеджеров. Абитуриенты идут на слово менеджер как сайра на лампочку. И не только абитуриенты.

Одна девица, еще учась у нас, устраивалась на работу в рекламное агентство и назвала в поданном резюме свое предыдущее место работы как «менеджер по учету и передвижению добровольно отчуждаемой собственности в шоу-бизнесе». Я на лекциях и семинарах часто задаю эту загадку — кем она работала? Практически никто даже близко не приближается к отгадке — уборщицей в концертном зале. Ключевые слова — «добровольно отчуждаемая собственность» — мусор. И не придерешься. Работодатель той девицы долго хохотал и, со словами «какой чудовищный креатив», взял ее на работу.

7. Однако русский язык и не такое переваривал. По крайней мере, в деревнях уже поросят называют «Брокерами», а телят «Менеджерами». В самом деле, сколько можно — Борька, да Борька?! А тут — Брокер.

8. Русский, как, впрочем, и украинский и белорусский, дискурсы удивительно не озабочены рациональностью.

Знаменитый ответ на вопрос «Как дела?» — «Ничего!» У братьев по разуму крыша съезжает. «Nothing» — ничто, паскалева бездна!

В каких еще языках утверждение и отрицание имеют один и тот же смысл? Что «Хай живе товарищ Сталин!», что «Не хай живе товарищ Сталин!» — смысл один и тот же.

Но больше всего мне нравится одна история:

Мнения экспертов относительно налоговой политики правительства и его усилий по сбору налогов разделились. Пессимисты считают, что правительство ни хрена не соберет. Оптимисты же считают, что правительство хрен соберет. А при благоприятном стечении обстоятельств и хрена с два.

Вот так — что хрен, что ни хрена, что хрена с два.

А зачем рациональность? Она, ведь нужна, когда востребована эффективная публичная аргументация. В суде. На политическом форуме. А какая тебе публичная аргументация, когда весь исторический опыт сводится к простой формуле? «Я начальник, ты дурак. Ты начальник — я дурак!».

Язык — коварная вещь. В нем исторический опыт фиксируется адекватно и помимо сознания.

9. Вы не задумывались над идиотичностью словосочетания «нетрудовые доходы»? Это ведь не то прилагательное к не тому существительному! Доход не может быть трудовым или не-трудовым. Он может быть законным и незаконным. А что значит — не трудовой? Не воспел — что ли? Зато сразу под нравственное сомнение ставится процент от сделки, гонорар, наследство.

10. Парадокс еще и в том, что доход по-русски никак не связан с трудом. «От трудов праведных не наживешь палат каменных». От труда у нас можно только «дойти». «Доходяга» — это про нас и про нашу практику принудительного труда. Но это никак не про доход. Потому как — писал В. В. Розанов — на Руси весь доход возможен только в двух случаях: либо в подарок выпросил, либо ограбил кого.

11. Розановские слова подтверждает этимология слова «дача». Дали — то ли своровать, то ли от щедрот царских. И стоят бунгало — кто что наворовал, «достал», тот из этого и построил. В этом плане замечательны огороды в Авиагородке. Идешь: забор из хвостовых стабилизаторов, а там — что-то из пропеллеров...

12. В этом плане русский дискурс удивительно внерыночен. Попробуйте, например, перевести на русский «marketing». «Рынкование»? «Рыночивание»? «Торгашество»? Последний вариант тоже буквальный. Но смысл занят и совсем другой. А все остальное — уже рассказы о маркетинге, но не перевод.

Или «Public Relations»? «Публичные отношения»? Что-то вроде семейной свары на людях. Зато — нетрудовые доходы, дача...

13. Или такие шедевры этимологии, в которых исторический опыт, не имевший никакого отношения к свободе, человеческому достоинству, рыночным отношениям, праву и демократии.

Например, «изумиться». Пытошный термин. Вздергивали человека на дыбу, сковородку с угольками под пяточки, а он, милый, изумился — из ума вышел. Особенно нравится возвратная форма — сам изумился.

Так и вспоминается бедняга Мельман, приехавший с хорошими ре-

комендациями в Петербургскую академию наук читать философию. Но стал ее читать не как было привычно — «по Вольфу», а стал читать «по Канту». По доносу был взят в кутузку, и, как писал князь Голицын, на дыбе из-умился и просил «перестать шутить и отпустить домой». На обратном пути бедняга совсем сошел с ума.

Или — «ошеломить». Как говорят молодые, «по кумполу дать» — и потерял человек ориентацию в пространстве и времени.

Или — «подноготная». Тоже пытошный термин. Загоняли человеку иголки под ногти и узнавали подноготную.

Но настоящий шедевр — «подлинная правда». По-русски это правда самая настоящая, какая только может быть. Между тем, тоже палаческий термин. Орудие пытки так и называлось — линник (от линь, кнут). Линником порол и под ним люди сознавались в подлинной правде. То есть это правда весьма специфическая грани самооговора.

Поэтому, когда читаешь или слышишь, как соотечественники, будучи ошеломленными и изумленными, хотят знать всю подноготную и подлинную правду, то становится не по себе.

14. Public Relations (PR) — на русский в его точном терминологическом значении адекватно не перевести. PR — кровь от крови, плоть от плоти реального и, главное, развитого и зрелого опыта рыночного способа ведения хозяйства и соответствующих отношений. Это не означает, что в России, в том числе и советского периода, не практиковались PR-технологии. Но это был специфический опыт, в котором одни цели, задачи, содержание, сами действия были политизированы и идеологизированы, а другие напрочь игнорировались или даже пресекались. Опыт полномасштабного, осознанного и технологически выстроенного использования PR в тоталитарном обществе с административно-распределительной экономикой отсутствовал и по одной простой причине — в силу его невостребованности.

Буквальный русский перевод — «публичные отношения» — вызывает душераздирающий комплекс смысловых ассоциаций, вызванный, прежде всего, дискурсом слова «публичный» (что обусловлено помимо прочего и негативной оценкой в отечественной языковой практике слова «публика») Кроме того, в «озабоченном властью» обществе публичность, т. е. открытость обсуждению, нежелательна). «Публичные отношения» в русском дискурсе ассоциируются с необходимостью их «выяснения», «публичными разборками», т. е. имеет скандальный оттенок. Вариант буквального перевода «общественные отношения» был в свое время ангажирован и нагружен соответствующим социологическим и политическим содержанием, не имеющим отношения к PR.

Не является удачным и распространенный перевод «связи с общественностью». Во-первых, нуждается в дополнительном уточнении понятие «общественность», за которым в русском языке прочно закрепились реалии политической жизни, в которой под общественнос-

тью понимались организации, от которых мало что зависело. Они создавались под контролем властей, а их деятельность опять-таки жестко контролировалась. Кроме того, термин «общественность» в русском дискурсе вызывает смысловые ассоциации необязательности, непрофессиональности, дилетантизма и малой вменяемости («на общественных началах»). Во-вторых, неудачен термин «связи» — своей «теневой» смысловой нагруженностью («человек со связями», «порочные связи», «в связях, порочащих его, не замечен»), а главное — статичной структурностью. В нем не улавливается смысловое богатство английского «relations», имеющего не только структурно-статичный, но и динамично-процессуальный оттенок: не просто связи, а отношения, причем, взятые в динамике, как занятие позиции и т. д. В-третьих, в термине «связи» утрачивается оценочный момент отношения к фирме, лицу и т. д. в общественном мнении, на учет и формирование которого направлена PR.

Чуть более точным было бы использовать выражение «общественные связи», но, опять же, «связи» не передают всей технологической содержательности PR, а в сочетании с «общественные» порождают ассоциации со «связями в обществе», «что имеет в PR отношение лишь к одному из аспектов — обеспечение влияния.

Похоже, что с PR сложилась та же ситуация, что и с рядом других терминов, выражающих конкретное содержание менеджмента в условиях рыночной экономики. Попробуйте, например, перевести на русский «маркетинг!» «Рыночивание»? «Торгашество»? Та же история с «лизингом», «спонсорством» (которое у нас сплошь и рядом путают с благотворительностью) и т. п. Наверное, формирование соответствующей русской терминологии — тоже дело времени. А пока, чтобы не говорить метафорами, не допустить многозначности, не утратить определенность, приходится пользоваться иноязычными заимствованиями. Но ведь, собственно, так и происходит в любой научной дисциплине — термины вненациональны. Не является, очевидно, исключением и PR как область теории и практики современного менеджмента.

Некоторые отечественные авторы пользуются русско-язычным написанием «паблик рилейшнз» или даже (явно под англоязычным влиянием) — «Паблик Рилейшнз», а также аббревиатурой ПР. Это не только несколько коробит русский глаз, но и порождает казусы, вроде чтения аббревиатуры как «ПиЭр», т. е. первой буквы по-английски, а второй по-русски, что уж и вовсе комично.

Жизнь, однако, как всегда, несколько неожиданно вносит свои поправки. Похоже, что несколько неожиданно в споре об имени верх берет недавно появившееся русское слово «пиар». Не только в профессиональном жаргоне, но и в публицистике это существительное мужского рода употребляется все шире. Появились даже производные слова, в том числе — глаголы: пиарить, напиарили, запиарились. И как обычно в русском языке — оценочно нагружено: девица —

красная, молодец — добрый, облако — чистое, небо — лучистое, пиар — черный! Как особо циничная, без тормозов технология рекламы и пропаганды, как пропагандистское прикрытие спецопераций.

Предпочитаю все-таки аббревиатуру PR, потому как ее можно трактовать как «Public Relations» и как «Public Responsibility». А вектор PR — именно туда: от манипулирования к социально-общественному партнерству.

15. PR-приветствие — «С легким пиаром!»

16. Санкт-Петербург — Пиарбург. Этот город возник как город-миф, идея. Эта идея пропитывает всю российскую культуру последних трех столетий. Город-символ властной воли, открывшей новые горизонты российской жизни и культуры, их рационального переустройства. Основание города было жестом, знаком дальнейшей экспансии молодой империи, вектора этой экспансии (на Запад), противопоставления московской традиции. И в основании, и в истории этот город — порождение московского PR. Родина российского пиара. Полигон технологий черного пиара. И кто кого сейчас пиарит — Путин Питер или Питер Путина?

17. Название шоколадок KitKat — опять же выражает влияние велико-украинской державной мови: КотВор или КотПалач.

18. Звоню Карпунину. Чувствую, что он не въезжает в разговор. Спрашиваю: «Что с тобой?» — «Я со сна». — «А я — дуб. Прием, прием!». Он совсем сник.

19. Во время выступления Георга-Хенрика фон Вригта на советско-финском коллоквиуме, Витя Светлов наклонился ко мне и прошептал: «Наконец-то хотя одно знакомое слово услышал — ice-cream!» Фон Вригт в своем докладе о семантике временной логики говорил тогда не о мороженом, а о time stream — направлении времени.

20. Долгое время имя финского шведа G.H. von Wright'a в русских публикациях подавали как Георга-Хенрика фон Райта — на английский манер, поскольку все публикации шли на английском. Полагалось же фамилию подавать как фон Вригт.

Сам фон Вригт шутил по этому поводу: «I am wright on the east but not wright on the west».

21. Существуют поразительные фонетические совпадения в разных языках.

Чего стоит самшит. Ср. английское some shit.

В Совдепе при Хрущеве министром культуры была Фурцева. По-

немецки furzen — пердеть — именно так, в грубой форме. Что, естественно порождало неудобства при общении с немецкими братьями по разуму. И те навестились произносить ее фамилию в измененном виде — Фурцева.

Аналогично в китайском нет имени Хуа. Это облагороженное для русского глаза и уха самое распространенное китайское имя Хуй. Не Хуа-го-фэн, а Хуй-го-фэн, не Хуа-нэн, а Хуй-нэн и т. д. Между прочим, Хуй — китайский одноногий бог плодородия. Что-то вроде Приапа. И русское матерное слово, появившееся, кстати, с татаро-монгольского ига, по-видимому, восходит к этому персонажу — как-никак, китайская культура на Орду оказывала непосредственное влияние.

22. В детстве был уверен, что гениальное танго 14-летней аргентинки (как я узнал много позже) «Бессамэ мучо» — украинська пісня: «Бес мене, бес мене мучо!»

23. В Эстонии на полпути от границы до Таллина есть крупная железнодорожная станция Тапа. Как-то проезжали ее и из вагона вывалилась толпа каких-то иностранцев, которые радостно хохоча стали группами и в одиночку фотографироваться под названием станции. Оказалось — болгаре. А по-болгарски тапа — жопа. Вот и фотографировались на память, что были ТАМ.

24. А еще есть фамилии, потрясающе оттеняющие род занятий и должности их обладателей:

Безклубенко — долгое время министр культуры Украинской ССР;

Кровопусков — известный фехтовальщик, неоднократный чемпион;

Дурманов — спортивный чиновник, отвечающий за допинговый контроль;

Кошмаров — известный имиджмейкер.

25. В Киеве рассказывали историю о Фаине Раневской.

Однажды, уже в возрасте. Ее пригласили в Киев. Разместили в гостинице. А дело было вечером. Она подошла к окну. Напротив окон был мебельный магазин. По-украински «мебель» — «мебля».

На вывеске не горела первая буква. Раневская долго всматривалась, потом, покачав головой, сказала: «Не может быть!» И задернула шторы.

26. Или фонетически обусловленные коннотации. Например: «Откинуться на диване и betrachten». Немецкое betrachten (отдыхать) и русское трахать.

27. Немцы, пытаясь говорить по-русски, озвончают звук «с» перед

гласными. Вместо «детский садик» получается «детский задик». Поэтому так смешно звучат русские песни в немецком исполнении. Во времена ГДР был такой хор старых немецких коммунисток. В их репертуаре было много русских песен, которые они с упоением пели, выводя:

«Не слышны в заду даже шорохи...»

или

«Во заду ли, в огороде...»

или

«Зама задик я задила...».

28. Есть три казуса, которые я обычно привожу в курсах по менеджменту и PR, когда доходим до фирменного стиля, культуры фирмы и т. п. тем. Речь идет о том, что при выборе названия и аббревиатуры фирмы надо учитывать то, как это выглядит и звучит на других языках, не порождает ли нежелательные двусмысленные ассоциации.

Первый случай — с бывшим советским капитаном траулера, который в постсоветское время учредил фирму, занимавшуюся «купи-продай» рыбными продуктами с заграницей. Назвал фирму в честь себя любимого и в память о своем славном прошлом — «Капитан Фокин». Все было ничего до суда в Нью-Йорке. Дамы покидали зал суда, возмущенные тем, что судья так часто грубо ругает какого-то капитана: «captain fucking, captain fucking...».

Второй — про наших бывших выпускников Ануфриева и Усманова, учредивших свою фирму назвавших ее по первым слогам своих фамилий. Придурки дошли до регистрационной палаты, где их вовремя завернули. Я спрашивал Усманова — чем они думали? «А что, — говорит, — я спрашивал у Игорехи, что это значит, напоминает, мол, что-то. А тот сказал, что это был такой античный бог.» Ребята Януса с анусом спутали.

Третий — переименование воронежской футбольной команды «Факел» в 2001 году. Переименования потребовал главный тренер, когда узнал, что в зарубежных изданиях эксперты, аналитики и журналисты называют команду «Voronezh» во избежание неприличных ассоциаций. И команду переименовали в «Воронеж».

29. Очень мне нравится название толстого телефонного справочника — «Весь Петербург». Буквально — «Село Петербург». Русское слово «весь» — село, деревня. Ср. «города и веси».

30. Была такая дурь — кампания за проведение в Питере Летних Олимпийских игр 2004 года. И ежу понятно, что в ближайшие лет 20 в Питере летним олимпийским играм не бывать — просто не справиться. Зимние — еще худо-бедно, но летние — никак. Да и кампания-то была шутливой. Целью был выход в финальную пятёрку городов. Тог-

да город получал несколько миллионов баксов от Международного Олимпийского Комитета на дальнейшую раскрутку.

И вот, едешь по Каменноостровскому проспекту, а на каждом столбе один и тот же плакат: на фоне олимпийских колец по диагонали вязью — 2004. А внизу строгим прямым шрифтом: с.ПЕТЕРБУРГ. Именно так — «с» маленькое с точкой и заглавными буквами ПЕТЕРБУРГ. Вдоль трассы. Любому, хоть чуть знакомому с дорожными знаками, понятен стеб художников. Буквальное прочтение плаката как дорожного знака: село Петербург.

31. Мне всегда были симпатичны тексты Р. Пайпса. Как-то М. В. Попович упрекнул: «Но Грша, он же Пайпс, а Пипес (Pipes) из Варшавы!» А потом я прочитал воспоминания Пайпса о детстве в Варшаве и бегстве из гетто. И зауважал еще больше.

32. А вот фамилия бывшего казанского, а теперь — ульяновского философа и логика Виктора Александровича Бажанова связана с украинским «бажаній» — желанный.

33. Наткнулся в газете на стишок:

Велика страна Россия!
Здесь пасется конь в пальто.
Здесь родился, жил и умер
Знаменитый дед Пихто.

В какой-то связи привел его в письме Михаилу Эпштейну. В ответе он меня спрашивал — почему конь в пальто и кто такой дед Пихто? А ведь он уехал в Америку всего — ничего, в 1989 году. Пришлось объяснять все смысловое богатство этих ответов на вопрос «кто?» Кто-то — конь в пальто! Кто-кто — дед Пихто! И то, что конь — эвфемизм более жесткого варианта.

34. У каждого человека есть какие-то любимые словесные шутки, прибаутки. Человека уже может не быть, эти словечки остаются, Осваиваются другими. Да и им-то они, скорее всего, достались от кого-то.

Мама:

— Чаю, чаю накачаю, кофею нагрохаю.
— Тебе надо денег? Привяжи к попе веник и мети денег.
— Наш купишь уехал в Париж.

Эмиль Филиппов:

— Хозяйство вести — не мудями трясти.

Боря Бондаренко:

— Как ить хочется! (Ну, как хочешь!)

Володя Евланов:

— Те же отцы, только в профиль (то же самое).

— Это утонченный интеллектуальный разврат и безумство духовных наслаждений.

35. Майя Тульчинская бросила заочную аспирантуру, после одного общения с научным руководителем. Майя принесла очередную статью. Научный руководитель, прочитав статью, сказала, что надо ее переправить в научном стиле. Например, мол, у Майи написано «бизнесмены», а это — публицистика, и вместо «бизнесмены» писать научно — «деятели бизнеса».

36. Центр греческой Фессалии — город Фессалоники. По-русски он стал называться Салониками в советское время, после отмены фиты. Что породило в наши дни парадокс с питерским следом. Дело в том, что Университет в Салониках носит имя Аристотеля — философа, а декан фамилия декана философского факультета питерского университета — Солонин.

37. В первом хорватском обменнике, помимо банкнот, дали монету в 5 кун. На обороте надпись «Mgki medved» и изображение медведя. Не сразу въехали, что это «маркий», т. е. пачкающийся медведь, другими словами — белый. Бурый медведь — явно «не маркий». Что и подтвердилось потом, когда на сдачу получили точно такую же пятикунную монету, с тем же медведем, но с надписью по латыни *ignis arctus*. Но откуда в Хорватии белые медведи? Какое она имеет к ним отношение?

38. Сербско-хорватский язык — самый близкий к русскому из славянских. Ближе украинского, белорусского и болгарского, а тем более — польского и чешского. Несмотря даже на запись хорватского латиницей. Темп речи, манера речи — удивительно русские. Неоднократно даже обманываешься и распознаешь только прислушавшись.

39. Zagrebacka bank — очень точно по-русски.

40. В Европе — сплошные славянизмы. Буда — от будинок, будка, т. е. здание. Пешт — от печки. Балатон — болото. Венгерская степь — пуста — от славянского пусто, пустота. Венеция — в честь венетов, т. е. славян (ср. финское название России — venjaa, т. е. страна венетов).

41. В Хорватии развито разведение мидий, целые фермы, плантации мидий — «масс-мидия»

42. К вопросу о понимании... Реплика в вагоне: «У вас на розетки

питание подано?». А на одной из розеток нашлепка: «Вилками в розетку не тыкать!»

Почти по Стругацким: перевод английской фразы «неизолированный провод проходит под вагонеткой» как «Голый кондуктор бежит под вагоном».

43. В Москве существует турфирма «Иван Сусанин». Они дважды меняли адрес — доставали вопросами насчет «экстремальных туров по лесам для поляков». Но название не сменили — легче адрес менять, чем регистрацию.

44. Еще в Москве есть парикмахерская «Авель» и продуктовый (!!!) магазин «Кураре». В последнем случае оказалось, что это был магазин «Кура. Рыба», и новый владелец решил сохранить «бренд», назвав магазин «Курары». Но нашелся умник, который подсказал, что есть красивое слово «кураре»..

45. Но апофеоз московских названий — салон компьютерных игр «Альц-геймер» (!!!). Синдром Альцгеймера — распад личности, по-русски — впадение в маразм. Болезнь Брежнева, Рейгана, Ельцина. Когда нашли работника, с первого дня работающего в салоне, он вспомнил: «Да, мы провели мозговой штурм. Обкурились, короче. Ну и один вспомнил, что вроде бы был такой врач. Но всем слово понравилось. Особенно «геймер». И правда — отличное название для салона компьютерных игр.

46. В Хорватии у нас был гид — Олег. Очень доброжелательный, ответственный. Маршрут этот был его собственной разработкой, и он очень старался. Но его речь... Это были сплошные слова паразиты. Мы с Машей насчитали наиболее часто им употребляемые: абсолютно, действительно, безусловно, в принципе, так вот, поэтому, опять же. Причем, он их мог запросто выдавать подряд — вроде: «Действительно в принципе поэтому безусловно абсолютно опять же как я говорил, последняя Балканская война принесла большие жертвы...». И по новой...

47. Примеры нагромождения понятий:

В советское время в Питере можно было назначать свидание у памятника Ленину на площади Ленина напротив станции «Площадь Ленина» Ленинградского ордена Ленина метрополитена имени Ленина.

Или:

Корейская Народно-Демократическая Республика. Народная — по-русски, демократическая — та же народная, только по-гречески: демос народ, а кратос — власть. Но и республика — то же самое, только по латыни: рес — власть, публика — народ, общество. Масло масляное. Те же яйца, только в профиль.

48. Иногда языковые казусы чреваты конфликтом на пустом месте.

Как-то мой старший сын Саша жил один в нашем доме в Мишуково. Один местный алкаш и отсидевший не один срок за хулиганство и кражи — тоже Саша занял десятку.

Вскоре пришла деревенская сорока — баба Маша — чего, мол, Сашка к тебе приходил? Саша и ответ — да вот, червонец увел. Та пошла дальше. И часа не прошло, как прибежал разъяренный Сашка: «Ты чего врешь, что я украл у тебя 10-ку?! Я же в долг взял. Ты же сам дал!» Чуть до драки не дошло. За базар надо отвечать.

49. Когда вышел сборник «Типы в культуре» с моей первой печатной научной публикацией, отец спросил: «Там тебя ругают?» — «С какой стати?» — «Но ведь тут написано — “типы”».

50. Первая конференция отечественных религиоведов в Питере 4 июня 2006 года. Открываю программу... С докладами выступают: Богоявленская, Нагорная, Грешных, Ересько, Чертов...

51. Одна из идей М. Эпштейна по расширению возможностей русского языка связана с проблемой непереходных глаголов. В английском вообще нет непереходных глаголов, а в русском непереходных в 2 раза больше переходных.

Смысловая формула переходности проста: «Сделай так, чтобы кто-то ... [непереходный глагол]. Она выражает две идеи. Во-первых, причинную предопределенность действия, его мотивированность, а во-вторых, — его результативность.

Стихийно расширение переходности уже происходит. В обыденной речи встречаются: «уйти кого-то», «поступить сына в институт», «гулять ребенка или собаку». У детей это сплошь и рядом: «папа, полетай меня!», «лопни шарик»...

Господство непереходности выражает культуру и мировоззрение, ориентированные не на результативность, а на процесс как таковой. Можно сказать, что у русских «непереходное мировоззрение». Так оно и есть: в России много *работают*, но мало *делают*. Все должно получиться само собой. Или по Черномырдину: хотели (кто-то) как лучше, а получилось (само) как всегда.

После Мишиного выступления в Фонтанном доме у слушателей посыпались примеры: «спать кого-то», «язык нами мыслит», «Эпштейн нас думает» и т. д.

А у меня родилась формулировка новой русской национальной идеи. Она может быть выражена в простом лозунге: «Перейдем глаголь!»

XXI. А глаза голубые-голубые... («Враги»)

У каждого человека и народа бывают враги. Некоторые даже не могут без них — это мобилизует, помогает понять собственные интересы. Мне это не надо, я их никогда не искал и не создавал — они как-то получались по их желанию. Нечасто, но иногда я узнавал, что кому-то мешаю.

1. Отец рассказывал, как он избил фашиста. Дело было на территории Венгрии. Тот шел сдаваться, и отец ударил его ногой по яйцам. Тот упал, согнувшись и схватившись руками, закричал: «Эрколи! Эрколи!» Оказалось — итальянец, но вряд ли — коммунист. (Эрколи — партийная кличка лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти).

2. Одним летом мы с Ниной и детьми поехали на Онежское озеро, в Великую Губу — большое село на северном берегу озера, за Кижамы. Там жила бабушка Саши Румянцева — художника, мужа Дины Задвицкой. Бабушка была старенькой, но очень подвижной. В Великой губе она жила практически безвылазно, даже в войну. Я ее спросил о финских зверствах. Об этом в войну и после нее было много публикаций, даже брошюры отдельные.

Она была из раскулаченной семьи — отец держал на лесной речке маленькую мельницу. Поэтому, когда в войну пришли финны, то они назначили ее директором колхоза. И она помнила только два зверства финнов.

Первое — когда финны раскатали у соседа половину бани и куда-то увезли бревна.

Второе случилось с другим местным мужиком. Он поехал в лес за дровами на лошади. Нарубил мелких хлыстов, обвязал их, сделал петлю на другом конце и одел ее на шею лошади. Сам сел на нее верхом и поехал. Навстречу попался финский конный патруль. Один из финнов потребовал, чтобы мужик слез с лошади, спешился сам, подошел к лошади, показал на петлю, натравившую лошади шею, и погрозил мужику пальцем — не дело, мол! Потом сел на свою лошадь, и патруль продолжил путь. Мужик решил, что сюжет закончен, взобрался на лошадку и поехал своей дорогой. Но тут финн вернулся, опять заставил его слезть с лошади, опять потрогал петлю, погрозил пальцем, сказал что-то по-фински и дал мужику по зубам так, что тот повалился в снег.

Такие, вот, зверства. А еще она рассказывала, что до войны местные села сами себя обеспечивали всем. Сеяли не только рожь и овес,

но даже пшеницу. Распахивался каждый клочок пригодной земли. Теперь все заросло, а для скотинки везут солому с Украины.

3. На Мальте очень понравился текст в одном альбоме. Оказывается, что Мальта очень страдала от налетов немецкой и итальянской авиации во Второй мировой войне. Из четырех мальтийских самолетов один был сразу уничтожен, а оставшиеся три прозвали Вера, Надежда, Любовь. Потом, в связи с тем, что «Гитлер предпринял атаку на СССР, интенсивность налетов снизилась, Британия поставила еще 100 самолетов и Мальта перешла в наступление». Вот где решился исход войны!

4. По части моих личных врагов у меня неувязка. Во-первых, их мало. Во-вторых, об их существовании я обычно узнаю заочно. В-третьих, узнав, я стараюсь «брать медведя в берлоге», иду на контакт и стараюсь объясниться. Чаще всего в основе их отношения лежит недопонимание. По крайней мере, так я считаю и пытаюсь объяснить это человеку.

5. Так было, когда я приехал на выходные к Валентине, которая отдыхала на Ладоге у маяка — там жили родители ее подруги Светки Моисеенко. От Валентины я узнал, что какой-то местный заводила с мотоциклом подбивает к ней клинья. Вечером уже мы возвращались в поселок, и на дороге у триангуляционной вышки нас поджидала компания во главе с этим деятелем. Мы подошли, поздоровались. Постояли с ними, покурили, обсудили мотоцикл. Расстались не друзьями, но конфликтов не было.

6. Так было после игры в Верее, когда я заехал к Марине Медниковой — ВГИКовской аспирантке с телевидения, которая была в нашей команде. Между нами проскочила искра, она уехала в Москву раньше на пару дней и оставила телефон и адрес. Мы болтали на кухне, когда пришел ее муж, с которым у нее были какие-то не простые отношения. Поболтали и с ним. Я собрался на поезд. Муж куда-то делся, а когда я вышел, он со своим приятелем-соседом явно ждал меня в парадной. Пришлось еще раз поговорить с ним и приятелем о том, о сем, распрощались и я уехал.

7. Так было с любиминой мамой, когда она, запаниковав, что ее дочь связалась с женатиком, обратилась за помощью к какому-то приятелю из КГБ, и этот добродетель позвонил, попытавшись запугать. Я его послал подальше. На следующий день сходил в партком — рассказал Подболотову. О наших отношениях знали все, но я предупредил о возможном шантаже. А потом приехал к ним домой и поговорил с нею. Главной темой было — что опасность от меня исходить не может, что я хочу только помочь Любе.

8. Так я поступил с Ю. В. Перовым, узнав, что он резко противился попытке Липского взять меня к себе на кафедру. В университет я не очень стремился, но было обидно, что уважаемый мною человек что-то имеет против меня. Оказалось — какая-то глупость привиделась Косте Сергееву. Поговорил и с тем. Вроде — рассосалось. Так у меня было и со студентами-нацистами. Исхожу из того, что из двоих спорящих один должен быть умнее. И почему это не ты?

9. Я вообще никогда не стремлюсь к противостояниям, а всегда рассчитываю на общность интересов, на консолидацию. Никто из нас не самодостаточен абсолютно, но каждый по-своему прав, а истина — в полноте.

Просто плохих людей не бывает, но человек может сделать плохое. Иногда — в силу недопонимания, иногда — понимания, но неправильного. Межличностный же конфликт сродни конфликту межэтническому или религиозной войне: не ты плохо сделал, я плохо все, что ты делаешь, чтобы ты не делал — я просто хочу, чтобы тебя вообще не было. Это конфликт неразрешимый, на уничтожение. Поэтому, если ты говоришь человеку, что он плохой, ты вычеркиваешь его, отрезаешь от своей жизни.

10. Не могу простить только, когда понимаю, что мною играли, манипулировали, держали за идиота. Такое редко, но было.

В ЛАТТе, когда я узнал, что завуч Рабоненко, мило улыбаясь, стучал на меня и сделал все, что мог по изгнанию меня из техникума. Мне тогда больше года снился сон, что мы с ним в горах, он срывается в пропасть и висит на самых кончиках пальцев, а подхожу, гляжу ему в глаза и наступаю каблуком на его пальцы, глядя, как отлетают вниз его глаза. Потом оказалось, что его жена, тоже хохлушка, когда-то работала с отцом, и у них был конфликт — она была дремучей антисемиткой.

11. Или — с Басовым. Вместе проталкивали несколько решений, вместе делали ИКП. Когда я привел Константинова, то вместе продвинули его в Комитет по культуре. И я считал, что мы (он, я, Константинов, Зонин) работаем в одной команде и комитетские нас побаивались. Скоро выяснилось, что каждый играл за себя. Ну, это понятно и простительно. Но один случай...

На коллегию готовилось какое-то решение по новым программам. Сергей уже работал в Комитете. Я подготовил вариант решения. Потом узнал, что Зонин и Басов готовят свой вариант решения. Мне они об этом не сказали. Потом узнаю, что Зонин взял мой текст у Покрищенко и отдал его Басову. Мне они тоже ничего не говорили. Перед коллегией я решил сам поговорить с Сергеем. Разговор был в присутствии Данской — тогда работницы ИКП. Сергей сказал, что — да, он

готовит свое решение. Я попросил его отдать мой текст. Он перешел на «Вы» и сказал, что не отдаст, потому как получил его не от меня.

Я встал и вышел. На коллегии рассматривались оба решения. Было признано необходимым их согласовать. Окончательное решение так и замылилось. А комитетские поняли, что этой команды уже, похоже, и нету. Мы не стали врагами. Здравоемся. Но первым я к нему не подожу.

12. Чаще же всего, конфликты — конфликты интересов или столкновение амбиций. И те и другие можно согласовать. Но только — при взаимном желании.

Так у меня получилось с Сагатовским, который долго возмущался моим «Самозванством», считая, что я очерняю высокую российскую духовность. Но я специально откликнулся на приглашение Холостовой поучаствовать в ее семинаре потому что там оказался также и Сагатовский. А потом вместе оппонировали Косареву, обсуждали разные сюжеты в Академии гуманитарной культуры. И выяснилось, что причины для конфликта нет. Позиции и оценки близки, только с разных точек зрения.

Если амбиции согласовать не удавалось, то — не по моей вине. Так до сих пор загадкой для меня является Маилов. У него была с Хасановым в Ташкенте издана неплохая книга об объяснении. Еще студентом я участвовал в его семинаре, когда он заинтересовался эпистемической логикой. Потом он ушел с головой в духовность и религиозное сознание. А после выхода моей книги о «Самозванстве» я узнал, что он идет пятнами при упоминании моей фамилии, на лекциях в РХГИ несет меня по всем кочкам. Я с ним несколько раз пересекался на конференциях. Здравовался всегда первым, пытался заговорить. Он шарахался от меня как от зачумленного.

13. Но и в этих случаях, как и в прочих, я узнаю о каких-то кознях против меня — потом.

Так было в ЛАТТе с Ивановым. Тогда мое голосование против самого себя спутало все карты интриги, и он остался в полных дураках. Поэтому и обижаться-то на него — грех.

14. Так было и с Н.И. из университета, с которым мы затеяли издание питерского международного периодического издания «Логос». Когда декан фактически перехватил издание, бился один. Н.И. куда-то исчез.

Через несколько лет мы с ним встретились на защите жены Секацкого. Он пристал ко мне с разговором, суть которого сводилась к тому, что ты, уж старик, не обижайся, что я тогда твой текст выкинул из «Логоса». Я-то считал, что он предал идею издания, не выдержав напора начальства. Ну, так разве это враг?!

15. Так было в Хельсинки, где я два года подряд читал в Renvall Institute курс по российской философской культуре. Курс пользовался успехом. В последний раз число слушателей с каждым занятием росло и достигло невиданных для тамошних Russian studies размеров в 19 человек. Когда я приехал в третий раз, то, как сказали организаторы, произошла накладка. В те же дни и в то же время читается курс с таким же названием в Alexander Institute тремя финнами и на английском языке — т. е. курс этот рассчитан на широкий круг слушателей.

Я не верю в совпадения и такие «накладки» — тем более в университете Хельсинки, где все часы и аудитории планируются на год вперед. Посмотрел программу конкурентов. Это была чуть расширенная моя программа. Ребята сработали на перехват. Качать права? Бодаться? Я предложил другую программу — о российском духовном опыте. И мне интереснее, и, как оказалось, организаторам — тоже.

16. Чуть сложнее было с А. А. Ермичевым. Я его знал еще по ЛИВТу. Он при мне уходил со скандалом на философский факультет. Его не хотели отпускать и вкатили партийный выговор. Тогда он вызывал у меня симпатию. Специалист по Бердяеву. Мы часто пересекались в БАН.

На факультете ему тут же поручили аспирантуру. И как раз тогда решила идти в аспирантуру Лена Гусева. На любимую кафедру логики, где ее ждали, у нее раньше был сдан кандидатский минимум, но был конкурс и на кафедре хотели подстраховаться. На кафедре никто Ермичева не знал, поэтому Бродский обрадовался, узнав о моих довольно коротких с ним отношениях. Я поговорил с Ермичевым, объяснил ему — кто такая Лена: любимая ученица Олега Федоровича Серебренникова, жена Станислава Гусева, они дружат семьями с Бродскими. Тот покивал головой, сказал, что проблем не будет и... Лену не зачислили. Это при сданном-то кандидатском минимуме! Я нашел Ермичева, спросил — как так получилось? Он ответил: «Она мне показалась вульгарной». Я пожал плечами и отошел. Больше к нему не подходил. Здравовались издали. Лена поступила в аспирантуру в ЛИВТ к Кармину, успешно защитилась и быстро, почти сразу защитила докторскую, стала заведовать кафедрой в Инженерно-экономическом. Причем, докторскую она защитила лет на 15 раньше Ермичева.

Второй раз судьба нас свела на втором томе «Логоса». Н.И. и Пигров захотели, чтобы его редактировал человек с факультета. Предложили Ермичева. Том был собран больше чем на половину, в том числе были и зарубежные авторы. Позвонил Ермичеву. Он радостно согласился. Все вроде бы пошло. Потом узнаю, что он в сорядторы пригласил еще пятерых — в основном его приятелей, заядлых «патриотов». Меня несколько успокоило, что привлечен был и Саша Бродский — человек умный и ответственный. Ко сроку сдачи тома узнаю от Саши, что Ермичев выкинул все материалы, которые были собраны до

него, в том числе зарубежные и теперь требует, чтобы я предоставил ему новые тексты. Я позвонил ему опять, узнать — в чем дело. Он устроил истерику — том не собирается, не хватает материалов! Я ему напомнил о текстах, переданных ему в свое время. Он — как будто не слышал. Тогда я ему сказал, что у него материалов достаточно, а если он ими не удовлетворен, то пусть не ищет в колодце, в который сам же наплевал. И положил трубку.

Вскоре позвонил встревоженный Саша. Ермичев отказывается подписывать собранный им самим том, издание проваливается. Я его спросил о качестве материалов, можно ли их публиковать вообще. Он сказал, что, в принципе, можно. Тогда, чтобы не глушить издание совсем, тем более, что возникла проблема с третьим томом, я предложил Саше взять ответственность на себя и подписать том в качестве редактора. Что Саша и сделал. После этого я перестал с Ермичевым здороваться. Он имел наглость в метро подойти и предложил мне дать материал в номер «Веча», но я сказал, что и так имею предложение от главного редактора и издателя.

Потом он написал «памфлет» на мою статью в «Вопросах философии» об «одной ошибке русской философии» — имелось в виду отношение русских философов к социализму и либерализму. Ермичев брызгал слюной и изощрялся в «публицистике». Мне звонила редакторша издательства — предупредить. Но я никак не прореагировал.

17. Любава Морева? Я во многом затеял игры с Комитетом по культуре в надежде пристроить издательскую программу «Живой культуры» — прежде всего, Питерские чтения по философии культуры как продолжение «Логоса». И протолкнул финансирование тома «Метафизика Петербурга». Деньги надо было на кого-то «посадить» и мы договорились с Любавой насчет ее только созданного Центра «Эйдос» при Союзе ученых.

Обговорили план, состав авторов, что на обложке будет указано, что это том третий «Чтений». Я уехал на лето, а осенью том вышел. Как какой-то 1-й том не пойми чего — дизайн был такой, что большинство думало, что это первый том серии «Метафизика Петербурга». Да вдобавок ко всему Любава пошла сама по кабинетам Комитета с требованием продолжить финансирование уже ее альманаха «Silentium» и умудрилась испортить отношение комитетских к издательской деятельности вообще. В довершение вся выручка от продажи «Метафизики» оказалась в «Эйдосе».

Лет через 10 Эпштейн писал мне, что его в Атланте собирается навестить некая Любава Морева из Питера и спрашивал, как к этому отнестись. Дальнейшая переписка достойна того, чтобы привести ее:

— ...С Любавой будьте осторожны.... В конкретные отношения с нею люди вступают только один раз, после чего — только на дистанции. Глаза-блюда и вся такая голубая, голубая...

— ... Вы меня заинтриговали портретом Л.М. В каком смысле «голубая» — розовая, что ли?

— Все намного проще. Она из породы наивных хищниц. Голубая, голубая — в том смысле, что трогательно убеждена в том, что все вокруг просто обязаны ей помогать. Потрясающе активна, но при этом — необязательна, если ее личные интересы меняются. Причем делает это с невинным видом, как будто ничего особенного не произошло.

Объяснение его успокоило. А мое отношение к ней простое: самому ей ничего не предлагать, а на ее предложения откликаться только в необязывающей форме и при наличии собственного интереса (выступление на конференции, тезисы в сборник).

18. Но есть люди неизбежные и необходимые. В том смысле, что избежать их невозможно — просто не сбежать от них. И необходимые в том же смысле, что их не обойти как камень на дороге.

ЕБН на меня с самого начала своей московской карьеры производил впечатление лошади, которую цыгане продали деду Шукарю из «Поднятой целины». Психосоматически. И именно в виде сзади. А надул его Горбачев. Сделал из него страдальца, а на Руси же страдают всегда не сами по себе, а за дело народное. Потому: чем ему хуже, тем ему лучше. Но со временем он для меня стал не столько трагикомическим персонажем, а чем-то более опасным — вроде медведя из сказки про теремок. Пришел и все и всех раздавил: межрегионалов, Демросию, рыночников. Это удивительная способность — использовать людей с какой-то своей репутацией, комкать их и выбрасывать уже никакими. А к нему, в образующийся вакуум подсасываются странные люди. И потом...

19. Аркадий Гайдар всегда вызывал у меня повышенный интерес. Подросток, командовавший полком и отдавший приказ о расстреле группы белогвардейцев, перешедших с оружием на сторону красных. Его судил реввоен трибунал и только по малолетству его не расстреляли, а отправили на учебу в Москву, где он и стал любимым детским писателем. Он быстро спился. А напившись самоистязал себя в духе шахсей-вахсей. Непростой был человек. И книжки его непростые. «Судьба барабанщика» — вокруг одни враги и шпионы, родители тоже — за ними глаз да глаз нужен. «Тимур и его команда» — коллективно делать добро в тайне от людей, помимо и вопреки их воле. А главное — «Мальчиш-Кибальчиш»: житийный текст, придуманный пионером и с разрешения этого пионера, рассказываемый пионервожатой другим пионером. Мясорубка войны — непонятно во имя чего — с проклятым буржуинством. Почему оно проклятое — с бочками варенья и корзинами печенья — не понятно, но в мясорубку войны с ним уходят поколение за поколением. А воздаяние после жизни, когда пройдут пионеры, пролетят самолеты: Салют Мальчишу! наличие какой-то са-

мой главной тайны. Внутренняя измена — Мальчиш-Плохиш. И максима, по которой жили и до сих пор живут соплеменники — от бомжа до президента: «Нам бы только ночь простоять, да день продержаться!»

И как иронична история! Гайдаровский внучок. С хорошей наследственностью: два деда сказочники — Павел Бажов по материнской линии и Аркадий Гайдар — по отцовской. Прекрасное образование. Говорит и пишет все правильно и гладко — с каждым словом соглашаешься и готов подписаться. И ничто не цепляет — кругло и неуловимо, как Колобок. А главное, почему-то это не работает. Да и внешне, психосоматически — вылитый Мальчиш-Плохиш!

Так и этот — не враг, а так, парадокс культуры, издержки субпассионарности.

Содержание

Истории по жизни как жанр	5
Истории по жизни: тематизация	8
Истории по жизни: тексты	15
I. Корешки (Детство и родители)	15
II. Вершки (Школа)	43
III. Далеко простирает свои руки холод (техникум)	47
IV. «Айсберг»	57
V. КИВИ (Походы и клубы)	64
VI. Первая жизнь (Старшая семья)	75
VII. Наладка, или Визуально (наощупь)	95
VIII. Не свои сани (Комсомол)	100
IX. Трепачевский факультет (ЛГУ)	105
X. Думай о главном! (Ленокеанрыбфлот)	133
XI. Малый Ленбабснабсбыт	149
XII. За Любовь надо отвечать (Младшая семья)	186
XIII. I'm philosopher soggy (Логика и философия)	196
XIV. Культура и PRбург	234
XV. Черная дыра («Персонал»)	285
XVI. Вот улететь удастся не всем	288
XVII. Дивья (Мишуково)	325
XVIII. Цветы другой жизни	346
XIX. Такие вопросы не задают стоя (Болезни и смерти, врачи и исцеления)	351
XX. Конь в пальто, или Дзуликий Анус (Языковые курьезы)	376
XXI. А глаза голубые-голубые... («Враги»)	389